Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

ТВЕРЬ В ЗАПИСКАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Выпуск 4
Водные пути Верхней Волги. Конец XIX — первая треть XX века

Издание подготовлено
Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым

Тверь 2015

УДК 94(470.331)"15/18"
ББК Т3(2Рос–4Тве)
Т 26

Исследование выполнено при финансовой поддержке
РГНФ и Правительства Тверской области
в рамках научно-исследовательского проекта
«Верхневолжские водные пути в русской культуре»,
проект № 14-14-69002

Т26 **Тверь в записках путешественников. Выпуск 4: Водные пути Верхней Волги. Конец XIX — первая треть XX века** / составление, вступительная статья, биографические справки, подготовка текста и комментарии Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. — 400 с.
ISBN

Книга представляет собой четвертый выпуск серии «Тверь в записках путешественников» (первый выпуск вышел в 2012, второй — в 2013 г., третий — в 2014 г.). Тематически она продолжает третий выпуск, посвященный водным путям Верхней Волги. В настоящем выпуске собраны записки о Твери и Тверском крае путешественников второй половины XIX в. — первой трети XX в., совершавших поездки по водным путям Тверского Верхневолжья. В свод входят сочинения известных и забытых авторов, книги, ставшие библиографической редкостью и недоступные современному читателю. Все эти путешествия сопровождаются комментарием и в совокупности позволяют уяснить значение верхневолжских водных путей в русской культуре.

Для жителей Тверского края и приезжих людей, желающих ознакомиться с достопримечательностями Тверской земли; для научных работников, преподавателей и студентов университетов и средних учебных заведений.

УДК 94(470.331)"15/18"
ББК Т3(2Рос–4Тве)

ISBN

© Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов, составление, вступительная статья, биографические справки, подготовка текста, комментарии, 2015

Содержание

Е. Г. Милюгина, *М. В. Строганов*.
Водные пути Верхней Волги на рубеже XIX—XX веков 4
11
П. П. Нейдгардт. 1861
И. И. Колышко. 1884 (Тверь. Вышний Волочек. Осташков) 26
А. П. Субботин. 1892 130
Г. П. Демьянов. 1894 190
В. М. Сидоров. 1894 206
И. А. Виноградов. 1900 253
Л. Андреас-Саломе. 1900 289
Г. Г. Москвич. 1902 302
А. Я. Бесчинский. 1903 330
В.А. Гиляровский. 1908 354
С. М. Прокудин-Горский. 1910 367
Женская земская учительская школа
им. П. П. Максимовича. 1910 368
Тверская мужская гимназия. 1916 371

Водные пути Верхней Волги на рубеже XIX—XX веков

В настоящей книге представлены итоги заключительного этапа реализации научно-исследовательского проекта «Верхневолжские водные пути в русской культуре». Научная проблематика проекта ориентирована на то, чтобы изучить образные представления о верхневолжских водных путях, возникшие в условиях водных путешествий, и выявить роль этих представлений в формировании динамического культурного пространства России XIX — первой трети XX в. и развитии национальной и региональной идентичности. Актуальность выдвинутой проблематики подтверждается современными государственными и общественными инициативами по сохранению ценных природных и историко-культурных территориальных комплексов в бассейнах рек Верхневолжья. Изучение и восстановление природно-культурных ландшафтов не менее важно в свете современной культуроориентированной образовательной политики России, в частности актуализации развития историко-культурного и образовательного туризма.

Актуальность исследований, их значимость для региона связаны с тем, что выявленные и введенные в научный оборот водные травелоги содержат уникальные словесные и визуальные свидетельства о водных путях Верхневолжья и расположенных в их бассейнах природно-культурных ландшафтах, утраченных в процессе урбанизации. Этот материал представляет собой основу для реконструкции природно-культурных ландшафтов Верхневолжья в качестве объектов историко-культурного наследия и создания виртуальной базы данных с их описанием. Указанный аспект важен и для региональной системы образования, в том числе развития востребованного сегодня историко-культурного туризма и учебной экскурсионистики, о чем свидетельствует опыт апробации материалов проекта в условиях образовательных организаций Твери [1]. Комплексное междисциплинарное изучение тверских водных травелогов позволяет также выявить значение водных путей и водных путешествий в формировании динамического культурного пространства России и развитии национальной и региональной идентичности.

Научная новизна завершающего этапа проекта состоит в следующем: свод тверских водных травелогов пополнен вновь выявленными материалами конца XIX — первой трети XX в., включающими словесные и визуальные свидетельства о верхневолжских водных путях и природно-культурных ландшафтах; выявлена роль верхневолжских водных путей в модернизации культурного пространства России на рубеже XIX—XX вв.; на основе тверских водных травелогов конца XIX — первой трети XX в. реконструированы маршруты индивидуальных и массовых образовательных путешествий, востребованные современной учебной экскурсионистикой; в связи с вновь выявленными материалами рубежа XIX—XX вв. уточнена специфика феноменов *водный путь, водное путешествие, водный травелог* в русской культуре.

Методология и научно-методический аппарат исследования, определенные нами на первом этапе реализации проекта [7], сохранили свою актуальность и на заключительном его этапе. Основу методологии составил комплексный междисциплинарный историко-культурный подход. Семиотический метод

исследования использовался для анализа системы ценностей каждого автора и интерпретации выбора им объектов внимания; методы исторической реконструкции и моделирования — для реконструкции исторически сложившихся представлений о региональной целостности и выявления роли водных путей в реализации связей региона с целым России; компаративистский метод — для уяснения специфики водного текста региона на фоне аналогичных природно-культурных единств других территорий России. Авторы продолжили апробацию выработанной ранее комплексной методологии исследования источников, основанной на системном анализе динамического и статического текста в аспекте метро-ритмической организации пространства [8; 9].

Представим кратко результаты проведенных исследований. На втором этапе работы нами были выявлены, систематизированы и откомментированы тверские фрагменты водных травелогов И. И. Колышко (1884), А. П. Субботина (1892), Г. П. Демьянова, В. М. Сидорова (оба 1894), И. А. Виноградова, Р. М. Рильке, Л. Г. Андреас-Саломе (все 1900), Г. Г. Москвича (1902), А. Я. Бесчинского (1903), В. А. Гиляровского (1908), С. М. Прокудина-Горского (1910) и др. Они составили соответствующий раздел свода тверских водных травелогов, пополнив таким образом общий банк данных о путешественниках и путешествиях по Тверскому краю XVI — первой трети XX в., опубликованных в антологии «Тверь в записках путешественников» [14–16]. К травелогам, описывающим сухопутные путешествия, но ориентированным в той или иной степени на осмотр водных объектов или, по крайней мере, включавшим их в поле зрения, отнесены также выявленные составителями путевые тексты С. В. Смоленского (1886), С. Д. Шереметева (1890, 1898), В. В. Розанова (1892), И. И. Коневского, В. Г. Янчевецкого (оба 1900), П. А. Россиева (1903), Н. Н. Лендера, М. И. Бриллиантова, А. А. Пашкова, В. Ф. Джунковского (все 1909) и др.

По тематике и жанровой специфике вновь выявленные водные травелоги чрезвычайно разнообразны. Нет среди них лишь представительских, поскольку представительские вояжи с конца XIX в. совершались преимущественно с использованием технических возможностей железнодорожного транспорта как самого быстрого и самого комфортабельного и фактически перестали включать водный текст. Вместе с тем, как показывает материал, система травелогических жанров и их тематика претерпели на рубеже веков существенные изменения.

Приоритетным по количеству изданий и популярности у читателей очевидно является жанр путеводителя по Волге, восходящий к книге Н. П. и А. П. Боголюбовых «Волга от Твери до Астрахани» (1861) [16, с. 109–149]. Путеводители, развивающие эту традицию (Г. П. Демьянов, Г. Г. Москвич, А. Я. Бесчинский, В. А. Гиляровский), как правило, посвящены путешествию по Большой Волге до Астрахани, что способствует формированию представлений о так называемой «Волге-матушке» в фольклоре и понятия *волгари* [5; 11]. При этом подобные путеводители непременно включают и описание путешествия вниз по Волге от Твери (выше Твери Волга несудоходна для больших пассажирских пароходов); впрочем, этот отрезок пути нередко замещается очерком Тверского Верхневолжья, где большое внимание уделяется описанию истока Волги и первых ее шагов, а дальнейший путь реки описан менее системно. Подобные особенности построения текстов оборачиваются

нарушением существенно важных для травелогов пространственно-временных связей.

Востребованность книг подобного рода не могла не привести к универсализации жанра и унификации представленного в нем материала — вплоть до структурных, содержательных и даже непосредственно текстовых совпадений. В ответ на подобную редукцию жанра к уровню масс-культуры возникает иной вариант травелога — путеводитель, повествующий о личном освоении автором водного культурного пространства России. Путеводители В. М. Сидорова и А. П. Субботина отличаются от унифицированных масс-культурных текстов очевидной оригинальностью, а сами описанные в них путешествия, даже при внешнем совпадении маршрута с приведенными выше прецедентами, — инициативностью, поскольку они совершаются по индивидуальной программе и концептуально различны. Травелог В. М. Сидорова, при всем многообразии этнографических и социокультурных наблюдений, пронизан лиризмом, хотя в целом тяготеет к той же тенденции универсальности, которую мы выделили в верхневолжских травелогах И. Ф. Тюменева (1892–1899) [16, с. 218–433]. На фоне этого опыта подчеркнуто концептуален травелог А. П. Субботина, уже по своему названию «Волга и волгари» ориентированный на постижение роли водных путей и водных путешествий в формировании национальной и региональной идентичности.

Чаще же инициативные путешествия связаны с выбором и реализацией уникального маршрута. Так, члены ТУАК во главе с И. А. Виноградовым отправляются в историко-археологическую экспедицию, продолжая таким образом традицию научных травелогов XVIII в., восходящую к П. С. Палласу и С. Г. Г. Гмелину (оба 1768) и поддержанную в XIX в. В. М. Севергиным (1802, 1803), Ф. Н. Глинкой (1836), М. И. Семевским (1863), Д. Н. Анучиным (1890). Деятели культуры и искусства Р. М. Рильке и Л. Г. Андреас-Саломе, С. В. Смоленский, В. В. Розанов, С. Д. Шереметев (1898), Н. К. Рерих, И. И. Коневской выбирают по преимуществу усадебные маршруты, проявляя интерес к усадебному водному тексту [18]. Однако, в отличие от рекреационных «прогулок по усадьбам» середины XIX в., эти путешествия напоминают скорее культурные паломничества: центром притяжения в подобных поездках становятся значимые фигуры русской культуры, живущие и работающие в провинции — С. А. Рачинский в Татеве, С. Д. Дрожжин в Низовке [3; 6]. Религиозные паломничества, судя по травелогам С. Д. Шереметева (1890), П. А. Россиева, Н. Н. Лендера, М. И. Бриллиантова, А. А. Пашкова, В. Ф. Джунковского (1909), напротив, в определенной мере секуляризируются. Значим для травелогов рубежа XIX–XX вв. и тот факт, что наряду с центрами и культовыми фигурами православия (Кашин, Калязин; св. Анна Кашинская) внимание путешественников привлекают и центры старообрядчества (Ржев) и личности сектантов (Сютаев и сютаевцы), что отражено в травелогах А. С. Пругавина и В. Г. Янчевецкого. Не обошел этой темы и И. И. Колышко, хотя его травелог, как и путевые очерки И. Ф. Тюменева, далеко не сводится к теме религиозных исканий. В целом И. И. Колышко развивает линию универсальной книги о путешествии, активно формирующуюся в русской литературе путешествий начиная с «Ручного дорожника» И Ф. Глушкова (1801).

Активное развитие жанра универсального травелога, написанного на материале инициативных путешествий, было поддержано читательским интересом. Издатели толстых журналов в ответ за запросы читателей стали уделять травелогам серьезное внимание на страницах своих изданий, что укрепило значимость путешествий в общественном мнении и способствовало формированию образовательной экскурсионистики. Существенную часть травелогов, в том числе водных по тематике и способу передвижения, с конца XIX в. составляют образовательные: это «Школьный поход в Нилову пустынь» С. А. Рачинского (1886), «Путешествие учеников Ладожско-Сергиевской церковно-приходской школы Весьегонского уезда в Николо-Теребенский монастырь» свящ. А. Никольского (1902), описания поездки в Нилову пустынь воспитанниц женской земской учительской школы им. П. П. Максимовича (1910), экскурсий тверских гимназистов к истоку Волги и в село Кушалино и по Волге до села Кузнецова под руководством директора гимназии П. П. Чернышева (1914, 1916), публикации о других учебных путешествиях в журнале «Русский экскурсант» (1914). Наряду с путевыми очерками и отчетами об образовательных поездках, написанными директорами и учителями учебных заведений Тверского края, становятся популярными и детские травелоги — сочинения, написанные юными экскурсантами. Это значительно активизирует развитие жанра детского травелога, восходящего к «Каникулам 1844 года» А. О. Ишимовой и упроченного «Книжками моих старших детей» К. К. Случевского [2].

Таким образом, водный текст позволил нам реконструировать на основе тверских водных травелогов XIX — первой трети XX в. маршруты инициативных путешествий, востребованные современным историко-культурным и образовательным туризмом.

Методологически важной задачей проекта было и уяснение специфики феноменов *водный путь, водное путешествие и водный травелог* в русской культуре (на тверском материале). Продолжением работы в этом направлении стало для нам сопоставление словесных и визуальных свидетельств о верхневолжских водных путях и природно-культурных ландшафтах.

На материале XVI–XVIII вв. [10; 14] нам удалось выявить подобное небрежение авторов путевых журналов к речникам, обслуживавшим их поездки, что объясняется их сословными представлениями и профессиональным статусом (в то время тяжелую физическую работу на судах выполняли холопы, смерды и рядовичи, а переправы обслуживали местные крестьяне). Вместе с тем замалчиваемые послами-писателями занятия и промыслы речников зафиксированы в альбомах сопровождавших посольства художников: это судорабочие на волжском струге и лодочники-перевозчики на переправе через Волгу в Твери (А. Олеарий, рисовальщик Г. Граман, 1634); перевозчики на Шлине и Цне у Вышнего Волочка, лодочники-гребцы и кормчие с потесями на Тверце в Торжке и Медном, на Волге в Твери и Богородицком (Пречистый Бор) и на Шоше в Шоше-Воскресенском (А. Мейерберг, рисовальщик Сторн, живописец Пюннман, 1661). Очевидно, путевые журналы изначально ориентировались на составление посольской реляции, главное содержание которой составляли действия послов, а не этнокультурный контекст. Путевые альбомы, напротив, призваны были запечатлеть геокультурную и

этнографическую информацию о пространстве путешествия и способах его освоения и выступали, таким образом, предшественниками современных иллюстрированных путеводителей [4].

Для XIX — начала XX в. становится значимым развитие фотографического искусства. Впервые мы проанализировали этот аспект на материале травелога Е. П. Вишнякова и И. И. Шишкина [16, с. 193–217]; работа была продолжена на материале фотографического наследия С. М. Прокудина-Горского (1910). Сопоставление возможностей словесного и изобразительного травелогов в плане представления того или иного объекта, местности, события позволило выявить особенности репрезентации фотографом Тверского края как края речного и православного [12].

Выявленные словесные и изобразительные материалы позволили проследить и процесс развития водных профессий на Верхней Волге на рубеже XIX-XX вв. Развитие пароходного и железнодорожного сообщения на Верхней Волге во второй половине XIX в. не упразднило профессий лоцманов, бурлаков и коноводов, но существенно изменило условия их труда и меру и степень его востребованности. Эти факторы стали главной причиной угасания традиционных водных профессий-промыслов. Расцвет водных профессий на Верхней Волге пришелся на середину XIX в., когда в силу экономической необходимости они стали самыми востребованными, а их носители — одной из самых многочисленных профессиональных групп региона. Однако та же экономическая необходимость привела в середине XIX в. к созданию и активному развитию парового речного флота, вытеснившего традиционные промыслы, на смену которым пришли новые профессии, отвечающие духу и требованиям времени. Для комментирования этих реалий были привлечены материалы тверских краеведов прошлого [13].

Перспективы дальнейших исследований связаны с подготовкой к печати следующей группы тверских травелогов (первая половина XX в.) и научной систематизацией их фактической базы. Необходимо составить карты-схемы для тех путешествий, которые проходят не по современным сухопутным и водным дорогам, что позволит сопоставить современные и исторические маршруты инициативных путешествий и массового туризма. Кроме того, при публикации всего свода путешествий его необходимо дополнить указателем географических названий, что даст возможность наглядно представить частотность посещения того или иного места и, таким образом, определить значимость его для культурного сознания. Перспективно и формирование информационной базы, включающей вербальные и визуальные образы верхневолжских водных путей; ее создание будет способствовать активизации процесса осмысления природно-культурного ландшафта в качестве важнейшего средообразующего фактора Тверского Верхневолжья и выработке эффективных мер в области сохранения культурного и природного наследия региона.

Литература

1. *Гришанкова И. В.* Экскурсионная деятельность как средство формирования языковой культуры младших школьников: лингвокультурная экскурсия «Реки нашего города» // Родная словесность в современном культурном и образовательном

пространстве: сб. науч. тр. / ред. Е. Г. Милюгина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. Вып. 5 (11). С. 240–246.

2. *Касимова А. Б.* Детский травелог К. К. Случевского «Вниз по Волге». Приложение: *К. К. Случевский*. Из очерка «Вниз по Волге». 1891 / подготовка текста, публикация и комментарии *А. Б. Касимовой* // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр. / ред. Е. Г. Милюгина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. Вып. 5 (11). С. 232–239.

3. *Милюгина Е. Г.* Верхневолжский парадиз: Низовка начала XX века глазами путешественников и автохтонов. Приложения: Л. Андреас-Саломе. Из «Дневника путешествия с Райнером Марией Рильке в 1900 году» / подготовка текста, публикация и комментарии Е. Г. Милюгиной; С. Д. Дрожжин. Современный германский поэт Райнер Рильке: из записок и воспоминаний / подготовка текста, публикация и комментарии Е. Г. Милюгиной // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр. / ред. Е. Г. Милюгина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. Вып. 5 (11). С. 219–231.

4. *Милюгина Е. Г.* Водный транспорт на Верхней Волге в XVI–XIX веках // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015 (в печати).

5. *Милюгина Е. Г.* Региональные традиции в зеркале народных присловий и локально-групповых прозвищ: по тверским материалам XIX века // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 17: Фольклорные традиции в поликультурных зонах России: сб. науч. ст. М.: ГРЦРФ, 2015. С. 175–189.

6. *Милюгина Е. Г.* «Шаг к сердцу России»: Р. М. Рильке и Л. Андреас-Саломе в Низовке // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение и журналистика. 2015. № 1. С. 77–83.

7. *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Верхневолжские водные пути в русской культуре // Труды региональных конкурсов научных проектов в области гуманитарных исследований Тверской области 2014 г. / редколл.: А. Т. Левитин, Е. Г. Милюгина, А. Ю. Сорочан и др. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2014. Вып. 6. С. 74–86.

8. *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Путешествие и его природная обусловленность // Русский травелог XVIII–XX веков: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 128–141.

9. *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Путешествия по российским рекам: травелог Нового времени // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 106–116.

10. *Соколов И. И.* Тверской край в XVI—XVII веках по описаниям иностранцев / подг. текст и коммент. П. Д. Малыгин, А. Ю. Сорочан, М. В. Строганов // Литература Тверского края в контексте древней культуры: сб. ст. и публ. / отв. ред. М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2002. С. 118—179.

11. *Строганов М. В.* Большая Волга в русском фольклоре // Фольклор Большой Волги: сб. науч. статей. М.: ГРЦРФ, 2015 (в печати).

12. *Строганов М. В*. С. М. Прокудин-Горский. Путешествие по Верхней Волге // Водные пути: пути жизни, пути культуры: материалы международной научной конференции (Тверь, 15–19 сентября 2015 г.) / ред.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2015. С. 125–139.

13. *Строганов М. В.* Г. Я. Ходаков как историк Ржева // История Ржевского градоустроения: материалы межрегиональной научно-практической конференции «800 лет. История Ржева в лицах и событиях» / сост. О. М. Кузьмина. Ржев: Ржевская тип., 2015.

14. Тверь в записках путешественников XVI—XIX веков / сост., вступ. ст., биограф. справки, подгот. текста и коммент. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2012. 416 с.: ил. + 16 с. цв. ил.

15. Тверь в записках путешественников. Вып. 2: записки XVIII—XIX веков / сост., вступ. ст., биограф. справки, подгот. текста и коммент. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013. 436 с.: ил. + 16 с. цв. ил.

16. Тверь в записках путешественников. Вып. 3: Водные пути Верхней Волги. Вторая половина XIX — начало XX века / сост., вступ. ст., биограф. справки, подгот. текста и коммент. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2014. 464 с.: ил.

17. *Milyugina E. G., Stroganov M. V.* Water on the Russian Gentry Estate // Meanings and Values of Water in Russian Culture / Eds. Arja Rosenholm, Jane Costlow, Maria Litovskaya. Farnham: Ashgate Publishing Ltd, 2015 (в печати).

Список сокращений

АН — Академия наук.

ГАТО — Государственный архив Тверской области.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978—1980.

Добровольский — Тверской епархиальный статистический сборник / сост. И. Добровольский. Тверь, 1901.

Илиодор — Илиодор, иеромонах. Историческо-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1861.

Литература Тверского края — Соколов И. И. Тверской край в XVI—XVII веках по описаниям иностранцев / подгот. текст и коммент. П. Д. Малыгина, А. Ю. Сорочана, М. В. Строганова // Литература Тверского края в контексте древней культуры: сб. статей и публ. / отв. ред. М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2002. С. 118—179.

Пословицы русского народа — Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо-пресс, 2000.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

Свод — Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Тверская область: в 6 ч. Ч. 1, 2, 3 / отв. ред. Г. К. Смирнов. М.: Наука, Индрик, 2002, 2006, 2013.

ТвГВ — Тверские губернские ведомости.

Тверские говоры — Тематический словарь говоров Тверской области: в 5 вып. / авт.-сост. Т. В. Кириллова, Л. Н. Новикова, Т. В. Габлина и др. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002–2006.

Тверь 1 — Тверь в записках путешественников XVI–XIX веков / издание подготовлено Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2012.

Тверь 2 — Тверь в записках путешественников. Выпуск 2: записки XVIII–XIX веков / издание подготовлено Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013.

Тверь 3 — Тверь в записках путешественников. Выпуск 3: Водные пути Верхней Волги. Вторая половина XIX — начало XX века / издание подготовлено Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2014.

П. П. Нейдгардт
1861

Петр Петрович Нейдгардт (ок. 1821–1873?) происходил из семьи немецких дворян, которые с конца XVII в. обосновались в России. С 1858 г. служил контролером во Временной контрольной комиссии в Центральном статистическом комитете при Министерстве внутренних дел в чине надворного советника. С 1864 по 1868 г. цензор изданий губернского правления. С 1864 г. секретарь Петербургского статистического комитета; статский, затем действительный статский советник, его работы по статистике опубликованы отдельными изданиями и в газетах «Северная почта» и «Санкт-Петербургские губернские ведомости». Вышел в отставку по болезни (1871), умер в конце 1872 или в первой половине 1873 г. В Архиве Русского географического общества сохранились его рукописи: «Лавры, монастыри, скиты, пустыни и общежития в России в 1858 г.», «Несколько слов о переписи, произведенной в Санкт-Петербурге 15.12.1862 г.» и «Поездка на Волгу летом 1861 г.» (Разряд 48. Оп. 1. № 2, 10).

В 1861 г. Нейдгардт совершил путешествие на пароходе по Волге от Твери до Астрахани, предварительно выявив неясные вопросы об особенностях природы, экономического и этнографического состояния региона для собственного исследования. В октябре 1861 г. он сделал сообщение о поездке на заседании отдела статистики РГО и опубликовал его в двух вариантах (Поездка на Волгу летом 1861 года. Из записки действ. чл. Географического общества П. П. Нейдгардта, читанная в отделении статистики 24 октября 1861 // Северная почта. 1862. № 9. 12 января. С. 33; № 10. 13 января. С. 37–38; *Нейдгардт П. П.* Поездка на Волгу летом 1861 года (Записка, читанная в отделении статистики географического общества 24-го октября 1861 года) // Волга: Вестник промышленности, торговли и общественной жизни Приволжского и Прикаспийского краев. 1862. № 84. 31 окт. С. 333–335; № 87. 3 ноября. С. 341–347; № 88. 7 ноября. С. 349–350; № 90. 14 ноября. С. 357–358). Статья содержала географические и статистические сведения, а также описания мест стоянок парохода и личного общения с местными жителями и пассажирами. Результатом путешествия были и напечатанные анонимно очерки «Русло Волги и ее берега» (Волга. 1862. № 10. 3 февр. С. 38–40; № 11. 7 февр. С. 41–43; № 12. 10 февр. С. 46–47; № 13. 17 февр. С. 49–51; № 14. 21 февр. С. 55–56; № 17. 3 марта. С. 65–66). Кроме экономико-географических и статических сведений автор приводил исторические характеристики Ржева, Старицы, Зубцова и Твери. В отличие от «Поездки на Волгу летом 1861 года» здесь преобладали факты, был включен подробный рассказ о бурлаках. Итоговой работой Нейдгардта стал «Путеводитель по Волге» (1862), один из первых путеводителей по Волжскому водному пути. Как отмечал рецензент С. П. Крашенинников, он «составлен очень хорошо, и для туриста сведений достаточно» (Морской сборник. 1863. Т. 66. № 5. Отд. «Критика и библиография». С. 13–19). Несмотря на некоторые неточности и отсутствие иллюстративного материала, рецензент был удовлетворен описанием достопримечательностей и сведениями бытового характера и сожалел, что сам он, путешествуя по Волге, не имел подобного справочника. Текст печатается по изд.: Путеводитель по Волге: [в 3 ч.; в 8 кн.] / сост. П. П. Нейдгардт. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1862. Ч. 1: Очерк реки Волги. С. 3—9; Ч. 2: Подробное описание пути от Казани до Астрахани. С. 3–17. Неточности, замеченные самим автором и указанные им в примечаниях к книге, исправляются без специальных оговорок.

Очерк реки Волга

Волга, протекая огромное пространство от северо-западного угла России до юго-восточных ее пределов, с древних времен играет важную роль в сношениях между обитателями многих разнородных по природе своей местностей и заслуживает внимания со стороны каждого любознательного человека.

Прежде она известна была под именем Ра,[1] потом ее называли Атель, что на языке народов финского племени означает река. Слово *Волга* тоже финского наречия и значит ‘*святой’*.

Волга берет свое начало в болотах Алаунской плоской возвышенности[2] Осташковского уезда Тверской губернии и течет на юго-восток в Каспийское море. Она очень извилиста и четыре раза уклоняется от главного своего направления, а именно: 1) от Зубцова до Мологи удаляется на северо-восток, 2) от Казани до Ставрополя[3] уклоняется к югу, 3) при Самаре образует крутой изгиб, называемый Самарскою лукою, и 4) от Сызрани до Царицына[4] течет на юго-запад. От чрезвычайной извилистости Волги происходит то явление, что где бы путник ни находился, плывя на пароходе, везде ему кажется, будто он посреди озера, из которого нет выхода.

Часть реки от одного поворота до другого, или вообще между двумя пунктами, чем-либо замечательными, называется плесом.

Волга прорезывает шесть губерний: Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, Казанскую и Астраханскую; касается одной, Московской, и протекает между тремя губерниями: Симбирскою,[5] Самарскою и Саратовскою. На пути своем она встречает 38 городов и более 1000 больших сел и деревень.

Длина Волги по ее руслу около 3400 верст, а расстояние по прямой линии между истоком и впадением равняется 1595 верстам. Ширина ее различная: вначале она не заслуживает даже названия реки; потом (около Зубцова) достигает ширины 30 саженей, далее (перед Тверью) 90 саженей, а вскоре опять суживается до 60 саженей; затем, по мере течения, ширина ее становится всё больше и больше, изменяясь от 100 саженей до 2, 3-х и более верст. Глубина тоже различная: есть места, где она измеряется только вершками, а в других местах саженями. Особенно Волга

---

[1] Слово *Ра* подало повод к любопытному филологическому сближению: оно весьма древнее и означает ревень, в изобилии находимый на берегах р. Волги. — *Прим. Нейдгардта*.

[2] Старое название Валдайской возвышенности.

[3] Уездный город Самарской губ. на левом берегу Волги, основан в 1738 г., затоплен при строительстве Жигулевской ГЭС (1955–1957).

[4] Уездный город Самарской губ. на правом берегу Волги, основан в XVI в., ныне Волгоград.

[5] Г. Симбирск основан в 1648 г., ныне (с 1924) Ульяновск.

мелководна от своего истока до Рыбинска; наибольшая глубина ее за Казанью, а именно до 12 саженей.

Дно Волги почти на всем ее протяжении песчаное, и в иных местах усеяно подводными камнями.

На Волге много мелей. Те из них, которые тянутся на большое расстояние, преграждая течение во всю ширину реки, называются россыпями; мели, образующиеся при изгибах русла, носят название перекатов, а лежащие *при* берегах — побочней; небольшие мели посередине реки именуются середками; подводные массы глины — печинами, а наносы мелкого камня — огрудками.

Фарватер Волги, по местному наречию стрежень, весьма извилист и идет то по средине реки, то при ее берегах, не минуя встречающихся на пути перекатов.

Во многих местах при берегах Волги, повыше уровня воды, образовались песчаные косы, а между ними и берегами заливы, называемые затонами. Волжские заливы также носят название заводей и проранов. В иных местах на дне русла попадаются древесные пни, именуемые корчами.

На Волге множество островов, особенно в нижней ее части. Проливы между ними и берегами материка называются воложками. Протоки, соединяющие между *собою* воложки, именуются ериками, а протоки, отделяющиеся один от другого и теряющиеся в песках, — подстебками. Главное же русло носит название коренной Волги.

Волга принимает в себя множество рек, из которых одни сплавные, другие судоходные, составляющие вместе с своими притоками особые водные системы. Важнейшие из рек: Селижаровка, Вазуза, Тверца, Дубна, Молога, Шексна (или Шахна), Которост, Кострома, Немда (или Ненда), Унжа, Ока, Сура, Ветлуга, Кама, Самара, Большой Иргиз и Большой Караман. Из них Тверца, Молога и Шексна при помощи искусственных сооружений ведут путь к Балтийскому морю. Воды и сооружения, входящие в состав этих путей, образуют три судоходные системы: Вышневолоцкую, Тихвинскую и Мариинскую. Последняя находится также в связи с бассейном Сев<ерной> Двины, впадающей в Белое море.

В южной части Волга отделяет от себя множество рукавов, имеющих значение больших рек. Замечательнейшая из них р<ека> Ахтуба.

Волга вскрывается ото льда и замерзает на всём своем протяжении не в одинаковое время. Верхняя часть ее (в пределах Тверской губернии) обыкновенно вскрывается в первой половине апреля месяца, далее, по мере течения, Волга освобождается ото льда последовательно сперва позднее, а именно: в середине (у Рыбинска) и во второй половине (у Нижнего Новгорода) апреля, а потом (за Нижним) по мере приближения к югу, опять раньше, а именно в середине (у Казани) апреля и далее в первой половине этого месяца (между Казанью и Саратовом) и в конце марта или начале апреля (у Царицына); наконец, не позже марта (в Астрахани). Ход

льда продолжается не долго. Иногда он скопляется в узких местах большими грудами; это называют стором. Большие льдины носят название щир.

Волга покрывается льдом: в верхней части в конце октября или начале ноября, в нижней <части> в средине или во второй половине ноября месяца.

Весною Волга разливается на большое пространство, в иных местах на 20, 30 и более верст. Все неудобства фарватера тогда исчезают, и суда плывут по тем местам, где позднее косят луга. Поднятие воды начинается от истока и постепенно переходит к устью, достигая нередко вышины 6, 7 и более саженей (над обыкновенным уровнем реки). В верхних частях Волги поднятие воды начинается, когда еще лед не тронулся; разлив воды в нижней части происходит после ледохода.

Течение полых вод бывает неправильно от различного направления частных струй, при множестве рукавов. От их встречи образуются сильные волнения, называемые суводями. Независимо от весеннего разлива, вода в Волге иногда поднимается в течение лета, и река выходит из берегов. Такие разливы известны под именем паводок. В бурю плаванье по Волге опасно, но это случается редко. Когда поверхность воды спокойна и слегка только рябит мелкими струйками, тогда это явление называют шемрою, или чимрою.

Волжская вода довольно чиста, не имеет постороннего вкуса и запаха и для употребления здорова.

Волга изобилует множеством разных пород рыбы. Волжскую рыбу обыкновенно подразделяют на красную и частиковую. К первой принадлежит белуга, осетр, севрюга, сом, белорыбица, стерлядь; ко второй — судак, лещ, сазан, вобла, шемая, налим, густера, чехонь. Мелкая рыба, ловящаяся весною в большом количестве и поступающая на добывание жира, известна под именем тарани. Рыба сперва идет вверх против течения, а потом, выметав икру, скатывается вниз. В последнем случае ей дают название покатной. Места, где постоянно ловят рыбу, называются ватагами. Для лова употребляют весьма обыкновенные снаряды, более невода. Уды, навязанные на веревку, которая растягивается в реке, носят название самоловов, а постоянные перебойки[1] в реке с ловушками — учугов. Рыба с дальних ватаг берется на живорыбные суда с острым носом и кормою и прорезью внутри, куда наливают воду. Прибрежные крытые суда, в которые кладется рыба для продажи, называются садами, или исадами. Рыбаки, ловящие рыбу вершами,[2] известны под именем *в*андовщиков.

Некоторые птицы, свойственные Каспийскому морю, прилетают стадами на Волгу, как например баклан, мартын (или мартышка), птица-баба и др.

[1] Заграждение из кольев или прутьев поперек течения реки для ловли рыбы.

[2] Рыболовная снасть конусообразной формы из ивовых прутьев.

Берега Волги различны, смотря по местности, где она протекает; но правый берег почти везде выше левого. У истоков Волги много болот и озер, а грунт песчано-глинистый и отчасти известковый; за Тверью берега сперва песчаные, потом глинистые, и вся местность, через которую проходит Волга, не отличается своим плодородием; только начиная с Казанской губернии Волга прорезывает плодороднейшие земли черноземной полосы; с окрестностей же Царицына начинается бесплодная степь. Разница между тем и другим берегом особенно заметна в средних частях Волги. Там правый берег гораздо выше левого и во многих местах горист, представляя развитие некоторых горных формаций, а именно: каменноугольной, пермской, юрской и меловой. Сначала встречается преобладание пермской системы в виде рухляков[1] разного цвета, кое-где покрытых наносною почвою; потом (в Симбирской губернии) соединяются прочие три системы, из коих наверху лежат меловая, в средине юрская в виде разного рода слоистых глин, песчаников и мергелей,[2] а внизу каменноугольная. Возвышенности достигают в иных местах до 100 саженей высоты. На правой стороне они не всегда составляют самый берег, но иногда удалены от главного русла, и почти всегда господствуют над окружающею местностью на многие десятки верст в глубь материка. Левый берег низмен, хотя в немногих местах холмист, и везде почти песчаный, покрыт пашнями или лугами. Оттого правая от Волги сторона называется горною, а левая луговою. Наружное очертание правого берега и вид всей местности, лежащей по левую сторону от Волги, заставляют думать, что здесь когда-то было море. Во многих местах правый берег изрыт глубокими промоинами; в иных на нем есть между гор ложбины, называемые буераками. Где оба берега высоки и приближаются один к другому на небольшое расстояние, препятствуя разлитию реки и увеличивая чрез то быстроту течения, там проход получает название трубы. Когда край берега обрывист, тогда он называется яром; невысокий яр при плоских островах или наносах песка — приверхом.

На Волге во многих местах устроены перевозы на паромах, которые в узких пространствах ходят на канатах с якорем, брошенным на дно реки, а в широких — на веслах. Первые называются самолетами. Мостов на Волге четыре: один постоянный на железной дороге, а прочие наплавные разводные, один в Ржеве и два в Твери. Волга имеет правильный бечевник[3] с мостами и плотами только от Твери до Рыбинска. Он идет то по одному, то по другому берегу.

Подробное описание пути от Твери до Казани *(*1180 *верст*)

---

[1] Известняк.

[2] Горная порода, состоящая из глины и известняка.

[3] Дорога по берегу вдоль реки, сделанная для буксирования судов на канате (бечеве) бурлаками или лошадьми.

Обзор губерний, достопримечательности городов, сел и деревень, фарватер

А. Плес между Тверью и Рыбинском (360 верст)

Исток Волги и вся верхняя ее часть на протяжении 614 верст принадлежат Тверской губернии. Из этого числа 400 верст относятся к верховьям Волги до Твери, а остальное пространство в 214 верст она протекает за этим городом до границы Ярославской губернии.

Тверская губерния по своему положению принадлежит к северной полосе и составляет одну из самых высоких местностей северо-западного пространства России. Поверхность ее волнистая; грунт состоит преимущественно из песку и глины и не дает хороших урожаев. В ней довольно лесу; пространство, им занимаемое, заключает в себе около трети всей поверхности губернии; столько же занято полями под хлебопашество; прочее пространство остается для лугов и болот. Жители Тверской губернии великоруссы; есть немного карелов, живущих в долине реки Тверцы. Занятия их различны, смотря по местным обстоятельствам и особенностям. Важнейший промысел, сельское хозяйство, ведется преимущественно для удовлетворения домашних нужд, а потому весьма небольшое количество сельских продуктов расходится на рынках, и то большею частью внутри губернии. В городах есть заводы и фабрики, приносящие владельцам порядочный доход. В административном отношении Тверская губерния разделяется на 12 уездов: Тверской, Осташковский, Ржевский, Зубцовский, Старицкий, Корчевский, Калязинский, Кашинский, Бежецкий, Новоторжский, Вышневолоцкий и Весьегонский.

Тверь, губернский город, по обеим сторонам Волги, в том месте, где в нее впадают реки Тверца и Тмага, в расстоянии 1 версты от Николаевской железной дороги, 499 верст от Петербурга и 158 верст от Москвы; имеет довольно красивый вид, особенно со стороны железной дороги и реки Волги. Главная часть города расположена на возвышенности правого берега Волги, и разделяется рекой Тмагою на две части: Городскую по правой и Затмажскую по левой стороне Тмаги; та часть, которая лежит на правом берегу реки Тверцы называется Заволжскою, а на левом — Затверецкою. Тверь принадлежит к числу древнейших городов России и существует более шести с половиною столетий: она основана в 1182 г. великим князем владимирским Всеволодом Георгиевичем[1] (сыном суздальского князя Юрия Долгорукого[2]) на левом берегу Волги при устье реки Тверцы и известна была прежде под именем Тверди,[3] а потом народ начал селиться и на правом берегу, куда переведена была и крепость (в 1240 г.). Город этот в XIII веке был столицею отдельного княжества и

[1] Всеволод Георгиевич (Юрьевич) Большое гнездо (1154–1215).

[2] Юрий Владимирович Долгорукий († 1157), кн. Суздальский, вел. кн. Киевский.

[3] Слово ***твердь*** означает крепость. Так назывались первые укрепленные места, основанные потомками Рюрика в земле славянской. — *Прим. Нейдгардта*.

известен в истории многими событиями, связывавшими его с Великим Новгородом, который иногда для упрочения у себя спокойствия призывал на помощь князей тверских. В 1327 г. он разорен татарами, а в 1570 г. вынес ужасную месть за неповиновение от Иоанна Грозного,[1] не оставившего в нем камня на камне; после присоединения к единодержавной России подвергся нашествию поляков, а в 1763 г. весь выгорел. В начале прошлого столетия Тверь числилась сперва в Ингерманландской губернии, а потом в Тверской провинции; в 1775 г. назначена губернским городом, а в 1840 г. дано ей особое об устройстве положение. В настоящее время город этот обширен и хорошо населен. В нем 36 церквей (в том числе собор Преображения Господня,[2] а из самых древних церковь св. Троицы,[3] основанная в 1584 г.); 2 монастыря (Отроч Успенский, мужской, основанный в 1265 г. Георгием, отроком[4] великого князя тверского Ярослава Ярославича,[5] с церковью в той келье, где принял мученическую смерть митрополит Филипп[6] по воле Малюты Скуратова,[7] любимца Иоанна Грозного, и Христорождественский женский[8]), 4070 домов, гостиный двор, 680 лавок, гимназия, женское училище, 2 пансиона: один для мальчиков, другой для девочек, 5 училищ гражданских, 3 духовные, публичная библиотека, частная типография, сиропитательный дом,[9] военный госпиталь, 3 богадельни и до 12 000 жителей. В промышленном значении Тверь против прежнего находится в упадке; но с недавнего времени она стала опять поправляться, обратившись к новым производствам наиболее свойственным местоположению города и доставляющим лучшие выгоды населению. В этих видах здесь недавно появилось несколько фабрик и заводов, которые мало-помалу возрастают и обещают большую пользу в будущем. Из них особенного внимания заслуживают две мануфактуры бумажных изделий: одна, основанная в 1854 г. и принадлежащая ныне (с 1860 г.) акционерному товариществу (Каулину и Залогину с компаньонами) под фирмою Рождественской мануфактуры, другая (с 1859 г.) — товариществу (Морозову и др.) под названием Тверской мануфактуры бумажных изделий. Обе действуют паром и находятся в конце города по направлению к Московской железной

[1] Иоанн (Иван) IV Грозный (1530–1584), русский царь.

[2] Спасо-Преображенский собор заложен вел. кн. Тверским Михаилом Ярославичем и епископом Тверским Симеоном (1285); в начале XVII в. разобран и в 1689–1696 гг. отстроен заново; кафедральный храм и усыпальница тверских князей; взорван в 1935 г.

[3] Церковь св. Троицы (Белая Троица, 1563) построена московским купцом Гаврилой Андреевичем Тушинским.

[4] Отрок, служащий при дворе царском, царедворец. — *Прим. Нейдгардта*.

[5] Ярослав Ярославич (1230—1271), вел. кн. Тверской (с 1247) и Владимирский (с 1263), внук Всеволода Большое гнездо.

[6] Филипп (Федор Степанович Колычев; 1507–1569), митрополит (1566–1568).

[7] Малюта Скуратов (Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский; † 1573), опричник.

[8] Христорождественский женский монастырь (XV в.).

[9] Приют, воспитательный дом для детей-сирот.

дороге. После них достойны замечания: механическое заведение сельскохозяйственных машин и орудий гг. Вейсса и Балкашина, основанное в 1859 г. в заволжской части; чугунно-литейный завод г. Астранда недалеко от станции железной дороги; гвоздильное заведение г. Абакумова на речке Лазури и два механические заведения общества «*Самолет*»: одно для постройки пароходов на Лазури, другое для починки их на Тмаге. При устье этой реки общество «*Самолет»* с 1857 г. устроило для зимовки своих пароходов гавань, которая в последнее время расширена. Часть правого берега Волги перед самым городом укреплена камнем, а внутри города разведен порядочный садик для пользования публики. Тверь замечательна еще как место рождения драматического писателя Озерова.[1] В Твери есть судоходная расправа[2] и считается до 10 трактирных заведений. Из них лучше других гостиница для приезжающих Меллера на Миллионной улице. На этой же улице существуют еще гостиница Архипова (Чашчеры) и Березковского. На Косой улице есть гостиница Степанова; в Скорбященской улице — Гальянина, а на набережной Волги — Андриевского.

Верстах в 5-ти от города на берегу реки Тмаги находится старинный Успенский Желтиков монастырь,[3] основанный в 1394 г., где содержался в заточении царевич Алексей.[4]

Тверская пристань утратила прежнее свое значение, и число прибывающих сюда судов год от году уменьшается. Еще в половине прошлого столетия в Тверь приходило ежегодно до 2600, а в первой четверти нынешнего столетия до 5200 судов; в последние же годы число их не превышало 2000. В Твери грузится ежегодно до 80 барок и 300 лодок и пристает до 150 пароходов (по числу рейсов). Груз судов состоит из разного рода хлеба, льняного семени, конопляного масла, веревок, соли, железа, камня, лесу и проч. Ценность его можно положить приблизительно в 10 000 000 рублей. Размер судов при здешней пристани небольшой. Из прибывающих судов некоторые разгружаются в Твери, а прочие идут по

---

[1] Драматург Озеров Владислав Александрович (1769—1816) родился в с. Казанском Зубцовского у.

[2] Судоходная расправа — выборная организация для решения споров по судоходству, для контроля за заключением договоров, состоянием судов и товаров. Основана в Твери по утвержденному императором Учреждению «О судоходстве по реке Волге через Вышневолоцкий канал до С.-Петербурга» (29 октября 1810). Состояла из купцов 1 и 2 гильдии и имела отделения в Рыбинске, Вышнем Волочке, Опеченском Рядке и Новой Ладоге. См.: Полный свод законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 31. СПб., 1830. С. 412—415; Учреждение о судоходстве относительно системы вод реки Волги через Вышневолоцкие каналы до Санкт-Петербурга. СПб., 1810. С. 66—82.

[3] Успенский Желтиков мужской монастырь основан епископом Тверским св. Арсением (1394). Разрушен в 1941 г. Сохранился один из братских корпусов и фрагмент колокольни (1913–1914).

[4] Сведения о содержании царевича Алексея Петровича в Успенском Желтиковом монастыре в 1718 г. недостоверны.

Волге или входят в Тверцу. Из последней они плывут Вышневолоцкою системою в Петербург.

Река Тверца вытекает из Валдайской возвышенности около Вышнего Волочка и проходит до 175 верст. Ширина ее от 20 до 40 саженей, а обыкновенная глубина незначительная; но при помощи искусственных сооружений вода в ней поднимается, и суда избегают обыкновенных препятствий. Она отделяется от системы вод, вливающихся в Балтийское море, только небольшим волоком, который теперь прорыт каналом. Еще в 1704 г. Петр Великий, проездом в Москву, приказал рыть канал между рекой Тверцою и рекой Цною, притоком озера Мстино. В 1710 г. канал окончен; в 1719 г. новгородскому жителю Сердюкову[1] дозволено очистить как канал, так и русла обеих рек; в 1722 г. эти работы окончены и за Сердюковым оставлено право распоряжаться всем судоходным путем, а в 1774 г. Вышневолоцкая система принята в заведывание казны. Для отправки барок в Петербург Тверцу поднимают три раза: весною, среди лета и осенью. Караваны тянутся сперва лошадьми до Вышнего Волочка, потом запирают тверецкий шлюз и проводят барки на веслах до мстинского шлюза; оттуда они плывут по течению в озеро Ильмень. По этой системе проходит ежегодно средним числом судов: с Волги до 2000 с грузом на сумму до 15 000 000 рублей и с пристаней самой системы и заильменьских рек судов до 2500 и лесных плотов 350 на сумму до 20 000 000 рублей.

Волга в самой Твери достигает ширины до 90 саженей. Глубина фарватера здесь незначительная: есть места, где бывает не более 2 футов. Через Волгу устроены два плавучие моста: один в затверецкую, а другой в заволжскую часть. Через Тверцу и Тмагу тоже проведены мосты. Рыболовство при Твери незначительное; водятся: судаки, лещи, белорыбица и др. Отсюда Волга мелка до Рыбинска и дно ее во многих местах усеяно подводными камнями. Для обеспечения судоходства устроено Верхневолжское водохранилище, которое попусками воды посредством бейшлота, в верстах 320 выше Твери, доставляет значительный приток воды. Попуски воды делаются смотря по потребностям судоходства, а полный отпор бейшлота производится при самых низких водах. Горизонт Волги также возвышается и от притока воды из Тверцы, когда отпирают Вышневолоцкое водохранилище. При совокупном действии обоих бейшлотов суда между Тверью и Рыбинском могут проходить с осадкою 12 и даже 14 вершков, допускаемою законом для судов, плавающих в здешнем плесе.

За Тверью Волга течет сперва на юго-восток до устья реки Шоши, где опять изменяет свое направление. Вид берегов однообразен; села и деревни видны преимущественно на высоких местах правого берега; они мало принимают участия в движении, оживляющем великую реку, и взор

[1] О Вышневолоцкой водной системе и М. И. Сердюкове см.: *Тверь 1*, с. 109–110, 148; Тверь 2, с. 127, 144.

путника поражается отчужденностью некоторых из них, где окна и двери домов даже не обращены на Волгу. Там и сям разбросаны пашни, а лесу мало.

Первое попадающееся на пути от Твери жилье лежит на левом берегу возле самого города и называется Барминская слободка; она населена государственными крестьянами.[1] За нею фарватер идет по левой стороне реки, чтобы миновать небольшую каменную гряду, остающуюся вправе. Потом следуют деревни: Константиновское Новое, окруженное пашнями, на правом берегу и за леском Константиновское Старое на левом; обе принадлежащие ямскому обществу города Твери. Фарватер здесь обходит Константиновскую мель, лежащую почти посередине реки; суда могут ходить, придерживаясь того или другого берега, но у левого глубже. Далее путь с правой стороны преграждается Перемерковскою мелью недалеко от казенного села Большие Перемерки, стоящего на правом берегу при Московском шоссе, верстах в 7-ми от города. Против него на левом помещичья деревня Иенево. Здесь при обоих берегах для стеснения русла устроены запруды. Потом следуют: по правому берегу казенная деревня Малые Перемерки и село Власьево.[2] Верстах в 14-ти от Твери на правом берегу казенная деревня Горохово, при которой небольшая каменная гряда и суда не могут подходить к ней. На противоположном левом берегу казенная деревня Поддубье. За ним на левом же берегу лесок, в котором лежит устье Орши, небольшой реки, текущей из Корчевского уезда на протяжении 55 верст, а возле казенной деревни Орша, в расстоянии около 20 верст от Твери. Далее на правом берегу казенное село. Семеновское, а против него на левом казенное же село. Заборовье. За ним плотины на 24-й и 25-й верстах. С версту от них казенное село Юрьевское на левом и казенная деревня Алексино на правом берегу. За ними сперва плотины, а потом версты через 4 казенное село Лисицы на левом берегу. При нем небольшая каменная гряда и перевоз на самолете. До сих пор направление фарватера было различное, то посередине реки, то у одного или другого берега, а отсюда суда должны придерживаться только правого берега, приближаясь к деревне Судимерки казенной на левом берегу, 32 верст.

Всё пройденное до сих пор пространство находится в пределах Тверского уезда; начиная же отсюда по левому берегу идет Корчевской

---

[1] Государственные крестьяне подчинялись управлению государственных органов, были лично свободными, могли выступать в суде, иметь собственность, заниматься торговлей и производством, жили на казенных землях и вносили в казну фиксированный денежный оброк. Казенная деревня находилась в ведении казны (государства).

[2] Названия Власьево, Власово, а также Волосово, присвоенные некоторым жилым местам, подают повод думать, что при них в древности находились статуи Велеса, покровителя скотоводства, или совершались в честь этому божеству празднества и обряды. — *Прим. Нейдгардта*.

уезд, а по правому продолжается Тверской; фарватер часто изменяет свое направление.

Ям Городня казенный на высоком вале правого берега и Московском шоссе, 38 верст. При нем каменная гряда во всю ширину реки около 5 футов ниже поверхности воды и плотины. В здешних местах начинается ловля стерлядей, которые выше попадаются очень редко. Село Мелково помещичье на правом берегу, 47 верст. Против него мель около 4 футов, называющаяся по имени села Мелковскою, и плотины, а несколько далее Едимоновская мель и деревня Слободка, помещичья правая, 49 верст. За ним Слободская мель глубиною до 4 футов, плотины на 51 верст, Галунская отмель, 52 верст, и Шошинскал мель, 53 верст, перед устьем реки Шоши. Река эта, впадающая в Волгу с правой стороны, берет начало в Зубцовском уезде, протекает до 220 верст и судоходна только на 12 версте от впадения. Она составляет границу между Тверскою и Московскою губерниями, и начиная отсюда все населенные места, лежащие по левому берегу, принадлежат Корчевскому уезду, а по правому Клинскому. По сю сторону устья Шоши стоит деревня Низовка помещичья, а по ту сторону село Воскресенское, принадлежащее графу Шереметеву.[1] В этих местах Волга поворачивает на северо-восток и течет по этому направлению до деревни Квашино. На этом пространстве находятся следующая села и деревни: село Борки на левом берегу помещичье, с версту от него деревня Городище[2] правый <берег>, казенная, еще через версту деревня Терехово, правый <берег>, казенная, а за ним через версты 2 село Новое, правый <берег>, 60 верст, принадлежащее графу Шереметеву, с пристанью; перед ним небольшой остров, первый в этих местах на Волге; за островом деревня Осиповка и село Заборье, левый <берег>; оба помещичьи; потом следуют Телятниковские отмели и плотины на 62-й и 63-й версте, где глубина по фарватеру бывает до 2 ФУТОВ. На левом берегу помещичьи деревни Юрятино и Заборовье, а на правом сельца Плоски и Карачарово. За ними на правой стороне кончается Московская губерния, а по обоим берегам продолжается Корчевский уезд. Сельцо Овсянниково, правый <берег>, помещичье, 66 верст; плотины; сельцо Сучки правый <берег>, казенное, село Сухарино, левый <берег> помещичье, 68 верст. У этого села при обоих берегах подводные камни и плотины. За ним на правом берегу помещичья деревня Шагарово, 71 верст; деревня Скрылево, 73 версты, и сельцо Григорово, 76 верст. Перед ним подводные камни. Далее на правом берегу лежит казенная деревня Заборье, а на левом помещичья Бабина. Возле ней подводные камни; на правом берегу казенная деревня Квашино. Отсюда, т. е. верстах в 80 от Твери, Волга изменяет свое направление и

[1] Шереметев Дмитрий Николаевич (1803—1871), гофмейстер императорского двора, камергер.

[2] Наименование Городище будет встречаться и далее по течению Волги, и все селения с этим именем были в старину огороженными и укрепленными местами. — *Прим. Нейдгардта*.

течет на восток мимо города Корчевы до деревни Федоровки. С версту от Квашина на левой стороне Волги устье реки Сози, берущей начало верстах в 55 отсюда в Корчевском уезде. На ней устроено несколько мукомольных мельниц, а судоходства не производится. Здесь казенная деревня Сурсово. Далее на левом берегу, не доезжая верст 5 до Корчевы, видны деревни Городище и Борок помещичьи, а почти перед самым городом казенная Притыкина.

Корчева — уездный город на возвышенности правого берега, в 87 верстах от Твери, с пристанью. Он образовался из села Корчевы, переименованного в 1781 г. в город и с тех пор мало расширился постройками. В нем 2 церкви, до 275 домов, 15 лавок и около 3000 жителей. Корчева славится выделкою кож, а уезд Корчевский кожаными изделиями. Кроме кожевенных заводов, в городе есть свечной, паточный, пивоваренный и 2 кирпичные завода. Здесь бывает ежегодно 3 ярмарки: Родительская в субботу перед Сырною неделею,[1] Благовещенская на третьей неделе Великого поста и Слаущенская 13 и 14 сентября[2] и еженедельные базары по воскресеньям и четвергам. При Корчевской пристани грузится каждогодно до 150 судов и 100 лесных плотов на сумму до 300 000 рублей.

Волга здесь не глубока, а именно около сажени по фарватеру. Ширина ее та же, что в Твери, т. е. до 90 саженей. Перед самым городом перевоз на самолете, а несколько далее вправо небольшая каменная гряда и плотины влево. Верстах в 4-х от Корчевы на левом берегу две казенные деревни Кольяково и Саниково; за ними верстах в 6-ти помещичье сельцо Омутня, при котором небольшая каменная гряда; после того остров, плотины и деревня Харинка на правом берегу помещичья, а верстах в 14-ти от города на том же берегу деревня Линня помещичья. За нею помещичье село Крева, перевоз на пароме и каменная гряда, где Волга поворачивает на северо-восток в виду помещичьей деревни Федоровки, лежащей на правом берегу, в 20 верстах от Корчевы. Новое свое направление Волга сохраняет до устья реки Кашинки. Здесь довольно мелко и по фарватеру в иных местах менее сажени глубины. Далее попадаются деревни опять по обоим берегам: Иванкино на правом помещичье, в расстоянии 22 верст от Корчевы; через 2 версты выселок деревня Иванкино, а против него на левом Подберезье казенное. Плотины на 20 версте; через 2 версты деревня Пикунова на левом <берегу> помещичья; против ней на правом село Дубна помещичье при устье реки того же имени. Река Дубна берет начало во Владимирской губернии, протекает по Московской и Тверской губернии расстояние в 165 верст и принимает в себя реку Сестру, ведущую путь к Москве. Весною на ней ходят суда до Рогачевской пристани. Ею отделяется Корчевский уезд от

[1] Сырная неделя — масленица. Суббота перед масленицей в некоторых областях России считалась родительским днем, в который поминались усопшие предки.

[2] 14 сентября — православный праздник Воздвижения креста Господня.

Калязинского, и начиная отсюда правый берег лежит в пределах Калязинского, а левый Корчевского уезда. Против устья реки Дубны плотины, а несколько далее на левом берегу казенная деревня Соболева в 29 верстах от Корчевы. При ней плотины, а дно усеяно каменьями. Деревня Прислон помещичья на правом, 30 верст. За ним по обоим берегам лесок, а за леском по всей ширине реки каменная гряда. Деревня Багунина казенная левобережная, 34 верст; против ней деревня Нутромово казенная правобережная; после каменное дно сперва у правого берега, а потом у обоих берегов. По правой стороне версты через 4 за лесом погост Св. Иоанна Предтечи, где живут священники и церковные служители. Против него на левой стороне за пашнями деревня Мыльцовка казенная; за нею на правом берегу деревня Шакова казенная, 40 верст, а потом Кимра, село, на высоком месте, левый берег, в 42 верстах от города Корчевы, при речке Кимерке, с пристанью и перевозом на самолете. Прежде село это состояло во владении частных лиц, а в 1846 г. приобретено казною с обязательством от крестьян уплатить употребленную на покупку его сумму в 37-милетний срок. Почти все жители этого села, в числе до 1400 дворов, занимаются кожевенным мастерством, имея от этого промысла хорошие выгоды. Сапоги, чемоданы, сумки и прочие изделия из кожи идут отсюда во многие места и в том числе поступают в лучшие петербургские и московские магазины. По окрестным селениям тоже распространен этот промысел. Село хорошо застроено: в нем несколько каменных домов и 4 церкви. На краю его 2 кожевенные завода и 1 свечной. Здесь бывают ежегодно 2 ярмарки: одна 29 июня, другая 1 октября. С пристани отправляется ежегодно до 70 судов с грузом на сумму около 500 000 рублей. За ним на пространстве около 15 верст лежат деревня Савелово и деревня Галанино, казенные правобережные; село Абрамово помещичье левобережное, лес, деревня Новое Село казенное правобережное, деревня Остров помещичья левобережная; перед нею небольшой островок и камни у правого берега; деревня Головина, село Белое, село Юркино, село Васкино, помещичье правобережное; против них мель и на левом берегу казенные деревни Тихонова и Глазова. На правом берегу село Малюньково помещичье; на левом деревни Ваулина и Бедрино помещичьи; на правом село Белый городок[1] помещичье при устье небольшой реки Хотчи, протекающей всего 25 верст. Здесь, в расстоянии верст 58 от Корчевы, на левой стороне Волги начинается Кашинский уезд, а по правому продолжается Калязинский. По обеим сторонам лесок до деревни Колкуновки помещичьей, левобережной, против которой плотины на 5 версте от Белого городка. Тут Волга очень мелка, а фарватер извилист, проходя мимо мелей и двух небольших островков, из коих второй называется Сосновским; на дне реки есть подводные камни, а русло

[1] Название *городка* обыкновенно имеют места с крутыми берегами и искусственными со стороны материка насыпями и окопами, служившими когда-то оборонительными средствами против неприятельских нападений. — *Прим. Нейдгардта*.

стесняется плотинами. На левом берегу лежат: помещичьи деревни Старое селище, Новое селище и Басово, против них на правом берегу помещичьи село Пухлино и деревня Никулино. Потом на пространстве 5 верст следуют деревни: Юрьевское и Шиково левый <берег>, Розлятино правый, Шатрище левый. Отсюда начинается мель под именем Медведицкой, простирающаяся версты на две. Фарватер приближается к левому берегу, проходя мимо каменных гряд и острова Медведицкого. Против него на левом берегу помещичья деревня Притыкино в 26 верстах от Кимры, а за деревнею устье реки Медведицы, перевоз на самолете, усадьба князя Салтыкова и село Медведицкое левобережное верстах в 3-х от Притыкина, с пристанью. Река Медведица узка, мелка, но длинна, протекая до 325 верст. На ней есть мельницы. Далее опять встречаются подводные камни и плотины, а на пространстве верст 8 следуют: деревня Новоселки левобережная, село Романцово правобережное, сельцо Городище левобережное, деревня Акулово правобережная, деревни Подберезье, Дымовка и Самойлова левобережные, все помещичьи. За ними на правой стороне казенная деревня Скнятино и устье реки Нерль, верстах в 37 от Кимры, которая длиною 115 верст и несудоходна. На ней есть мельницы; по левому берегу ее тянется ряд древних могильных курганов. Через версту на правом берегу село Рождества Богородпцы, где живут священники и церковные служители и деревня Синицыно, государственных крестьян. Против них на левом берегу казенная деревня Подорваново. Далее при берегах есть подводные камни в виду казенных деревень: Перетрясово, Колбасино, Мегденево, Юренево, Лисицыно и села Белоутово, стоящих на левом берегу на пространстве до 10 верст. На правом <берегу> село Новое, а несколько далее, почти на половине пути из Твери к Рыбинску и верстах в 45 от Кимры казенная деревня Акатово. Версты через 3 от ней Домажино казенная левобережная с перевозом на пароме. Перед леском, стоящим на левой стороне, русло преграждается мелью глубиною до 4 футов и каменными грядами; суда пробираются у самого берега, держась правой стороны. На правом берегу помещичье село Никитинское, 52 верст, от которого и мель получала свое название Никитинской. За ним на том же берегу спустя версты 3 помещичья деревня Карповка; на левом <берегу> село Кашинское устье, 55 верст, помещичье при реке Кашинке, которая протекает до 50 верст и несудоходна. На ней есть мельницы. Ею разграничиваются два уезда: Кашинский и Калязинский, и отсюда по обеим сторонам Волги лежит только один Калязинский уезд, а Волга делает колено, удаляясь сперва к востоку, а потом поворачивая перед Калязиным к юго-востоку. На этом пространстве опять попадаются подводные камни у правого берега в виду помещичьего сельца Цидилова, деревень Киселево, Мелихово и пристани Сергеевской на левом берегу, а фарватер неглубок, около 4 футов. Далее деревни Спирово казенное правобережное, Воскресенское помещичье левобережное, Барнаго, Паулино казенные правобережные. За ними

верстах в 5-ти перед Калязиным камни посредине русла; суда могут ходить при обоих берегах. Через версты 2 деревня Фалеево казенная левобережная, а против ней под самым городом деревня Песье казенная правобережная, коей жители занимаются постройкою барок.

Калязин, уездный город, растянут по возвышенности правого *б*ерега в 110 верстах от Корчевы, с пристанью и перевозом. Он образовался из двух слобод: Подмонастырской и Николаевской, переименованных 1775 г. в город. В нем 7 церквей, монастырь (Троицкий), до 800 домов, 150 лавок, 3 училища, сиропитательный дом и более 6000 жителей. Из промышленных заведений: ткацкая, 3 кожевенные завода, 2 салотопенные, солодовый, воскобойный, пивоваренный, 2 гончарные, 10 крахмальных заводов и 4 трактира. Приготовление крахмала распространено и в уезде его. В городе бывают ежегодно 3 ярмарки: Алексеевская 17 марта, Никольская с 9 по 15 мая и Пятницкая в 10 пятницу после Пасхи. На калязинской пристани грузится ежегодно до 250 судов с кладью, преимущественно крахмалом, на сумму около 800 000 рублей.

Против Калязина на левом берегу Волги находится монастырь св. Макария. В самом городе протекает река Свистуха, впадающая в Волгу с правой стороны, несудоходная и длиною не более 35 верст. На ней есть мельницы.

Ширина Волги здесь та же, что в Твери, а именно около 90 саженей. Отсюда она течет сперва на север, а потом на северо-восток.

Первая деревня за Калязином лежит на правом берегу и называется Тарчово; она принадлежит государственным крестьянам. За нею деревня Панкратово казенная правобережная, в 4 верстах от города. Потом следуют: деревни Шестаково, Поповка, село Городище, казенное левобережное, через 2 версты Бугор казенное правобережное, еще проехав с версту село Нерехотское помещичье левобережное, потом село Васькино помещичье правобережное, в расстоянии около 10 верст от Калязина; спустя 2 версты село Куска священничье и церковных служителей, правобережное. Против него на расстоянии 5 верст деревня Болотово и Андреевская казенные левобережные, деревня Высоково казенная правобережная, Васюково помещичья левобережная, деревня Селище казенная правобережная. Перед ним мель и подводные камни; за ними село Спирово священничье и церковных служителей правобережное, Василево казенное правобережное, 17 верст, последнее в Тверской губернии.

И. И. Колышко
1884

Колышко Иосиф Иосифович (Иосиф-Адам Ярослав; 27.06.1861—10.04.1938), писатель, драматург, публицист. Окончил Полоцкую военную гимназию (1878), Николаевское кавалерийское училище (1880), служил во Втором лейб-гвардии уланском Курляндском полку. В сентябре 1882 г. причислен к Министерству внутренних дел, тогда же начал печататься в газете «Гражданин». С октября 1889 г. чиновник особых поручений 4-го класса, член Совета и заведующий хозяйственным отделом Министерства путей сообщения. В 1894 г. оставил службу из-за подозрения в вымогательстве взяток, в начале 1900-х гг. вернулся к государственной деятельности, поступив на службу чиновником особых поручений при Министерстве финансов. Был доверенным лицом С. Ю. Витте, участвовал в думских играх, в 1916 г. вел переговоры в Стокгольме с представителями Германии о сепаратном мире, в 1918 г. эмигрировал в Германию, затем во Францию, где и умер. Соч.: роман «Волки и овцы» (1901), пьесы «Большой человек» (1909), «Поле брани» (1911), сборники статей «Мысли и образы. 1897» (1898), «Пыль» (1913). В цикле «Маленькие мысли Серенького» (1898) звучал актуальный для рубежа веков лейтмотив: «Мы родились в дурной час и развились в переходную эпоху». В книге «Очерки современной России» описал свое путешествие по Тверской, Ярославской и Костромской губерниям, предпринятое в 1884 г. и отразившее живой интерес к культуре, науке, экономике и социальной жизни людей. Большое внимание в «Очерках…» уделено Тверской губернии, главными объектами внимания писателя стали Тверь, Торжок, Ржев, Вышний Волочек, Осташков, Нилова Пустынь. Текст печатается по изд.: *Колышко И. И.* Очерки современной России. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1887. С. 1—240.

По Тверской губернии
Верещагинская школа и артели сыроварения
8-го августа

С ранним поездом Николаевской дороги отправились мы на станцию Завидово,[1] от которой до школы Верещагина[2] было около 16 верст. На станции взяли тройку с кибиткой (здесь других экипажей нет) и, кое-как умостившись в ней: я внутри на куче сена, К. на козлах, чтобы свободней озирать окрестности, в веселом настроении мы тронулись. День был ясный и теплый, каких мы еще не видали в этих краях. Дорога сначала шла

[1] Ст. Завидово Николаевской (Октябрьской) железной дороги в пос. Новозавидовский.

[2] Верещагин Николай Васильевич (1839—1907), общественный деятель, просветитель. Создал вологодское масло (при его жизни называлось парижским), организовал первые русские сыроварные и маслодельные артели и экспорт сливочного масла. Изучал сыроварение в Швейцарии (1865); основал производство сыра в пустоши Александровка (земли б. Александрова-Городенского мужского монастыря близ с. Городни, в 29 в. от Твери, на правом берегу Волги). При поддержке Вольного экономического общества в 1866 г. создал сыроварни в Отроковицах, Видогощах, Едимонове, Городне, Игуменке: *Верещагин Н. В.* Очерк развития артельных сыроварен в России // Сборник материалов для истории Тверского губернского земства. Тверь, 1884. Т. 2, вып. 1. С. 276–296; Документальный фонд Н. В. Верещагина / публ. Е. А. Игнатова. Череповец, 1992.

проселком, потом отличным шоссе, потом последние вёрсты опять сворачивала на проселок до Волги, за которой в ½ версты и находилось имение барона Корфа. Верещагин арендует у него маленький кусок только под свое заведение, без всякой запашки.

Ехали мы около двух часов вместе с переправой через Волгу. Пять, шесть сел проплыли возле нас, и внешний вид их составлял самое приятное впечатление. Собственно, они принадлежали к Московской губернии, Тверская начиналась только за Волгой; но условия жизни и быта не могут резко разниться в пограничных частях той и другой, а потому несколько слов о виденном мною в этих местах считаю уместным здесь набросать.

Сёла, ближайшие к станции, занимаются почти исключительно извозом. Троечники[1] зарабатывают от 1 ½ до 3 рублей в день, minimum 1 ½ рубля. Считая среднее 2 рубля, получается солидная цифра — 60 рублей в месяц, которую крестьянин имеет кроме дохода от своей земли.

— Так живется хорошо? — спрашиваю ямщика.

— Грешить нечего! Жить можно, только вот пьянство это…

— А много пьют?

— Пьют… Вон у нас в селе 4 трактира да 2 кабака.

Трактиры эти, верно, хорошо работают, судя по их внешнему щегольскому виду.

— Отчего же не закроете их?

Ямщик улыбнулся.

— Нельзя!.. Хотят! Вон в селе есть 2–3 человека, хотят закрыть, да громада[2] не хочет… Да ничего! Слава Богу, и так живем.

И в самом деле, верно, и так селу было хорошо. Избы все чистые, с наружной резьбой, выкрашенные. Вид людей бодрый, одежда целая даже на ребятишках, с здоровыми румяными лицами, целыми кучами со смехом и визгом отворявших нам в каждом селе ворота. Просто любо смотреть. Дорога при этих условиях не показалась ни длинной, ни утомительной.

[1] Троечник — извозчик, ямщик на тройке.

[2] Громада — сельская община, собрание ее членов, сход.

Около 11 часов въехали мы наконец в большое Корфовское село,[3] где была и школа Верещагина.

Вокруг небольшого пруда расположилось всё его заведение.[1] С одной стороны прудка — жилой дом, контора, помещение для учащихся, лаборатория. С другой стороны было здание сыроварни и погребов, затем, влево от него, большой ледник, и дальше всю другую сторону пруда занимал большой каменный скотный двор, принадлежащий уже самому барону Корфу. Хозяйственные постройки Верещагина, его скотный двор, свинарник, конюшни и маленькое здание для выделки зеленого, или, как его здесь называют, «тощего», сыра стояли несколько поодаль, вправо от пруда, образуя вместе с крошечным огородом маленький двор.

Нас встретил сам хозяин и, радушно приветствовав, прямо повел в сыроварню. К сожалению, мы опоздали на самые занятия, которые отбываются здесь ранним утром и вечером. Тем не менее из толкового и подробного объяснения Н. В. Верещагина, показывавшего нам свое заведение точно любимое детище, я мог себе усвоить многое, чего прежде не понимал. Нужно бы было записывать по его словам, чтобы передать совершенно ясно ход этого дела. Но это уже специальность сыроваров и

---

[3] С. Едимоново Корчевского у. (первое упоминание — 1215; ныне д. Едимоново Конаковского р-на, Юрьево-Девичьевское с/п). Название села связывают с отчеством дочери литовского князя Гедимина (Едимона), жены тверского князя Дмитрия. Владельцы: приближенный царя Михаила Федоровича М. Рчинский и боярин Б. И. Морозов (XVII в.); А. И. Нарышкин и Н. И. Голицын (конец XVIII в.); в XIX — начале XX в. бароны Корфы, в год путешествия Колышко — Николай Николаевич Корф (28.01.1849—16.06.1894). В состав имения входило сц. Загорье: Описание имения. 1858 // ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 977. 16 л. Церкви Дмитрия Селунского и Николая Чудотворца (XVI в., не сохранились). Полотняная фабрика купца П. Святогорова (1780–1861): салфетки, скатерти, полотенца, полотно, известное на всю Россию. Первый в губернии стекольный завод Корфов (1797): бутылки, штофы, полуштофы, оконное стекло. В конце XIX в. — место отдыха и работы на пленере М. А. Врубеля, В. А. Серова и др.

[1] Школа молочного хозяйства в с. Едимоново (1871–1894) организована при поддержке Д. И. Менделеева, филиал в с. Коприно Ярославской губ. На нужды школы ежегодно в течение 6 лет отпускалось 15000 руб.; помещения и земля были арендованы у барона Корфа за 200 руб. в год. Базой школы было крестьянское стадо (230) и стадо барона Корфа (82 дойные коровы). С 1872 г. началась подготовка мастеров. Кроме грамоты и счета, здесь учили делать сгущенное молоко, сливочное масло, разные виды сыров. Первые учителя были выписаны из-за границы, затем едимоновские выпускники; в 1872–1873 гг. в школе работала учительницей С. Перовская. Едимоновская школа подготовила более 700 (по другим данным — 1200) мастеров. Из уроженцев Тверской губ. за первые 10 лет окончили курс 80 чел., из них 33 работали в разных уездах Тверской губ., 42 — в Ярославской губ., 20 — в Новгородской, 18 — в Вологодской, остальные — в других областях России, за Уралом и на Кавказе. Лучшие мастера стажировались во Франции, США, Швейцарии, Финляндии и Англии. Среди учителей Едимоновской школы была семья голштейнцев Буман, позже открывших маслодельню под Вологдой, на базе которой в 1911 г. был создан Молочный институт (ныне Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н. В. Верещагина).

учебников сыроварения, на которую я здесь не посягаю. Моя цель — общими штрихами очертить сыроварение вообще и школу Верещагина в частности, опираясь на виденное и слышанное. Здание сыроварни выстроено прочно и красиво, несколько в стиле швейцарских домиков. Н. В. сообщил нам, что стиль этот должен бы быть доведен до конца, так как сыроварня начата по модели гольштейнских с огромным холодильником. Но так как таковое здание стоило бы 10 тысяч талеров, то Верещагин решил строить его гораздо проще, с холодильником новой системы. Так и получился этот несколько странный внешний вид сыроварни.

Пройдя низкие сени, мы вступили в первую комнату, обширную и высокую. Острый запах творогу и сыворотки обдал нас. На мокром деревянном полу стояли большие чаны с сывороткой, от которых шел пар. С потолка спускалась труба для проведения пара. У стен стояли высокие и узкие чаны, наполненные доверху. Н. В. объяснил, что в них находится уже створоженное молоко, готовый материал для сыра. Эта комната назначена для производства «тощего», или зеленого, сыра, находящегося у нас в таком громадном употреблении. Производство его у нас введено еще очень недавно, ибо составляло долгое время секрет иностранцев. Способ производства донельзя прост. Снятое молоко сливают в медные чаны, которые вставляются, в свою очередь, в деревянные так, что между деревом и медью оставляется известное пространство. В это пространство через отверстие впускают пар. Для этого служит висящая с потолка трубка. Впуск пара производится до вскипания молока, после чего в него наливают известное количество особо приготовленной сыворотки. Молоко мгновенно створаживается и хлопьями, точно снег, опускается на дно. Его мешают, поворачивают и, когда получаются раздельные зерна, сливают вместе с сывороткой в высокие сосуды. Там держат несколько дней, пока творог своей тяжестью весь не опустится на дно. Тогда его накладывают в бочки, нажимают сверху камнями и держат так месяца два-три, пока не произойдет в нем известного движения.

Готовый творог имеет острый специфический вкус. Его вынимают из бочек и растирают посредством огромного каменного жернова, приводимого в действие лошадью. Затем примешивают мелко истертого голубого донника,[1] придающего ему его специальный запах и зеленоватый цвет, набивают в формы, ставят в темную прохладную комнату для сушки, и после нескольких дней сыр готов. Этот сыр с буквами В. Ш. С.[2] расходится в огромном количестве, особенно в Азии; продается он на месте по 15 копеек за фунт.

[1] Донник синий — однолетнее растение семейства бобовых. Имеет прямые торчащие ветви с длинночерешковыми листьями и мелкими голубыми цветками, стебли и листья содержат кумарин и эфирное масло. Применяется в кулинарии как приправа.

[2] Верещагинская школа сыроварения.

Следующая комната — маслобойня. В ней несколько машин для сбивания сливочного масла. Есть и американская. Машины самые простые: бочонок, приводящийся в движение ручкой в горизонтальном или вертикальном положении. Американская — это ящик на мягких рессорах, движется простыми толчками руки. В эти бочонки или ящики наливаются сливки, и после часа работы масло готово. Н. В. Верещагин выделывает масло исключительно сливочное и по самому усовершенствованному способу. В соседней с маслобойней комнате помещается «холодильник». Это большой металлический чан, наполненный водой со льдом. В нем стоит масса узких металлических цилиндров, наполненных молоком. Температура комнаты ощутительно ниже, до 10°. Молоко устаивается очень скоро, и сливки собираются металлическим блюдечком, к середине которого прикреплена ручка. Эти сливки устаиваются до периода самого первого заквашения.

Вся трудность и вся задача хорошей маслобойни — уловить именно этот момент первого брожения сливочных шариков, чтобы не дать верхнему слою сливок прогоркнуть. И этого искусства Н. В. Верещагин достигает вполне. Его масло бесподобно, я не встречал подобного ему в лучших магазинах Петербурга. Вообще маслобойное дело доведено у Н. В. до совершенства. В холодильной комнате масло окончательно упаковывается, делается наглядный анализ молока и ведется журнал. Рядом есть маленькая комнатка, где масло посредством машины очищается от воды и всего остального и где набивают его в формы. Наглядное измерение достоинства молока производится посредством стеклянных цилиндриков, наполненных молоком. Их десятка два стоит рядом. В каждом молоко от разных коров. В несколько часов сливки резкой чертой отделяются, и, измеряя особой линейкой их слой, безошибочно определяется процентное содержание их в молоке. Этим достигается правильный контроль над молоком, покупаемым у крестьян, и получается возможность следить, в каком отношении стоит уход за скотом к качеству даваемого им молока. Это последнее имеет громадную важность для всего хозяйства и достигается правильным ведением журнала. У Н. В. этот журнал ведется приблизительно так: каждая корова записывается, и против них в графах стоят цифры количества молока в фунтах утром и вечером, процентное содержание сливок, удельный вес их, температура охлаждения молока, температура, при которой образуется масло, и, наконец, количество в фунтах самого масла. Таким образом ясно, сколько фунтов молока нужно от каждой в отдельности коровы, чтобы произвести фунт масла. Эта норма колеблется от 30 и больше фунтов и понижается сообразно корму до 15-ти. Можно приблизительно за среднее взять 22 фунта, т. е. почти то количество молока, которое при порядочном корме корова может дать в день. При такой наглядности ведения маслобойного дела, при последовательности и строгой пропорции, в которой стоят между собой цифра затраченного капитала на корм коровы

и цифра данного ею барыша маслом и сыром, рождаются простые логические соображения, которые в нескольких словах я выскажу ниже. Пока пойдем дальше, в комнату, соседнюю с холодильной. Это кефирная мастерская. Кефирные грибки кладутся в небольшом количестве в сосуды с цельным молоком, и через 1 ½ суток кефир готов, а грибки высушиваются и снова идут в дело. Грибки имеют странное свойство не терять от долгого употребления своей жизненности в молоке, а наоборот — еще приобретать ее и разрастаться, так что, купив фунт их, через известное время можно иметь два, три и больше и производить кефир без конца.

Отделение собственно сыроварное состоит из двух комнат. В одной производится процесс сквашивания молока, в другой — прессование уже готовых форм сыров. Сквашивание делается известным способом, помощью телячьего желудочка — сычуга. Им обтирается простая деревянная ложка, которою потом мешают цельное молоко, вливаемое для того в металлические чаны и нагреваемое таким же способом, как при выделке «тощих» сыров. Молоко мало-помалу принимает вид солода. Его разрезывают по кускам, опять мешают, опять режут, пока этот солод не примет вид зерен, легко раздельных. Тогда его сваливают массой в приспособленный для того четырехугольник, промывают и потом, складывая в мешок, нажимают камнями, пока не осушат от сыворотки. Полученная масса набивается в формы и прессуется, потом посыпается солью и ставится в погреб, где помощью брожения в более или менее длинный срок получается различного качества сыр. Так приготовляются сыры бакштейн, тильзит, лимбург и французские бри и невшатель. Различные роды сыров зависят от того или другого способа нагревания, прессования и выдержки их; основания же приготовления те же. Тут же замечу по поводу первоначального процесса сквашивания молока. Оно, как я уже сказал, производится самым простым и дешевым способом — сычугом. Но иностранцы делают его еще иначе, помощью какой-то кислоты. Н. В. рассказывал нам, что он получал уже массу писем с настоятельной просьбой распространить этот способ в наших сыроварнях, а на выставке — так просто покою ему не было от этих иностранных агентов, хищной стаей накинувшихся на него и с подобострастием и униженными поклонами умолявших дать ход их кислоте в России. Но, при всём своем добродушии, Верещагин устоял перед этим нашествием и не прибег к этой иностранной кислоте, имея под рукой самое простое и гораздо более дешевое средство. Хоть раз, скажем мы.

Из мастерских направились мы в погреб, которых три: для бакштейна, тильзита и лимбурга, для французских сыров и зеленых. Это прохладные помещения с многочисленными полками кругом и посредине, заваленные сыром. Острый сывороточный запах так и стоит в них.

После обеда осмотрели мы еще ледник, скотный двор и свинарник. Ледник — это изобретение самого Верещагина. Он устроен не ниже

поверхности земли в высокой насыпи. Нужно было так сделать по причине подпочвенной воды, находящейся здесь на глубине двух аршин. Н. В. долго ломал себе голову над этим изобретением. Собственно ледник представляет собой чистую комнату, узкую, но довольно высокую. Большая стена его из бревен с отдушинами. За ней-то и навален лед во всю вышину комнаты, и охлаждение воздуха достигается отдушинами. Надо сознаться, что это до крайности просто и удобно. Не нужно «ставить» на лед, переменять его и пачкаться. Температура здесь едва достигает у пола до 6–7°. Рядом с ледником, в огороженном пространстве, свален лед и засыпан толстым слоем опилок, которые хорошо предохраняют его от таяния.

Скотный двор Н. В. Верещагина небольшой, всего на 15 коров, еда картофельная, ржаная и другая вволю — сколько съедят. Свинарник рядом со скотным двором — это просто шедевр, если это слово применимо к такого рода помещениям. Я, как, полагаю, и многие, не чувствую особой симпатии к сим мерзким животным и вошел только из любезности в их апартаменты. Но, признаюсь, несмотря на удушливый аромат, долго в них оставался. Свиньи здесь совсем не такие, какими я привык их видеть. Каждая в стойке, вокруг чистота и порядок. Все они преимущественно английских и японских пород, круглые, как бочонки, с мягкой, редкой и лоснящейся шерстью. Просто красавицы. Кормят их сывороткой, тоже вволю. От этого кормления свиньи дают в год потомство: раз 18 штук, второй 22 и третий 24 штуки — ведь какой это громадный процент на капитал. Смотрели еще конюшню Н. В.: также чисто и образцово содержится, корм также дают лошадям вволю. Словом, девиз Н. В. Верещагина — всем и всему давать есть сколько хотят, и результаты такого расхода окупаются десятерицей…

Лаборатория заведения — обширная и светлая комната, где производятся разные изыскания и анализы составных частей материалов сыроварения. Есть очень хорошие микроскопы с увеличением в 2500 раз. Заведует ею помощник Н. В., молодой человек из кавказских горцев, сам нам многое объяснявший. В мастерской сыроварения и маслобойне объясняли нам дело ученики и ученицы, и объясняли весьма толково. Это мальчики и девушки лет до 20 включительно, из местных крестьян. Полагается их в школе по казенному комплекту 40 человек, но Н. В. по усиленным просьбам родителей должен был принять еще 10. Они живут на продовольствии школы и должны пробыть в ней не менее двух лет. Поступают также туда молодые люди, кончившие курс в других хозяйственных заведениях ведомства Министерства государственных имуществ, для практики. Ученики и ученицы, кончившие курс в школе, называются мастерами и мастерицами и отправляются для практики на так называемые артельные сыроварни, которых несколько в окрестностях и которые тоже состоят под ведением Н. В. Верещагина, но тоже образцовые. Пол деревянный, коровы стоят в два ряда, на цепях, у каждой

чистая соломенная подстилка. Простор и чистота прежде всего бросаются в глаза. Коровы обыкновенные, местные, купленные большей частью у крестьян очень дешево. Но благодаря корму они просто неузнаваемы сделались. Дается им мука.

Верещагинские артели — это, я полагаю, известно многим из статей Энгельгардта в «Отечественных записках» и нескольких заметок по поводу их в наших либеральных «газетках».[1] Энгельгардт порицал Верещагина за то, что тот будто бы своей сыроварней отнимает молоко у крестьянских детей; «газетки» громко стояли за Н. В., причисляя его к «своим» и с особенным смехом на все лады повторяя слово *артели*. В них они чуяли что-то «новое», «западное», какое-то начало «общего труда» и «капитала», словом что-то вроде коммуны. Поэтому считаю за особенное удовольствие пояснить, что значат от *а* до *я* верещагинские артели. Это просто ряд сыроварен, куда крестьяне ежедневно, утром и вечером, сносят свое молоко. Целыми шеренгами дети и женщины стоят у приемной, ожидая своей очереди, и, дождавшись ее, свешивают молоко, получают расписку и уходят. Вот вся внешняя «картинная» сторона этих артелей. Она очень красива в хороший вечер.

Сторона же коммерческая такова. Из крестьянского молока делается вышеизложенным способом сыр, преимущественно бакштейн и тильзит, сохраняется он по расписке в погребах Верещагина, потом продается, а деньги разделяются с арифметической точностью между крестьянами, кто сколько принес молока!

Вот и всё! В этом и общий труд, и общий капитал, и мы вполне искренне разделяем восторг «газеток», ибо, кроме пользы, таковые артели ничего другого не производят. На обвинение же со стороны г. Энгельгардта Н. В. отвечал нам, что почтенный ученый давно взял уже свое мнение назад, убежденный красноречивыми статистическими цифрами смертности до введения сыроваренных артелей и после них.

Мне остается теперь высказать несколько общих взглядов по поводу всего сказанного.

Сыроваренное и, в связи с ним, маслобойное дело безусловно имеют громадную будущность в России.

Это подтверждается и фактическими данными, и логическими выводами. Давность его в Тверской губернии, обширность и целые состояния, нажитые разными фирмами, указывают на спрос и постоянное потребление. И ясно, что этот спрос всё увеличивается, что этот товар еще не залеживался. В городе *Бежецке* Тверской губернии 5 лет тому назад

[1] Публицист-народник, агрохимик Александр Николаевич Энгельгардт (1832–1893) и тайный советник, редактор «Земледельческой газеты», автор работ о сельском хозяйстве Федор Александрович Баталин (1823–1895) высказывали сомнение в научной состоятельности опытов Н. В. Верещагина и Д. И. Менделеева: Энгельгардт (Отечественные записки. 1872. № 2), Баталин (Земледельческая газета. 1868. № 44, 45).

производили 20–30 пудов масла в год. Теперь там производят до *15 000 пудов*.

Сыры «мещерские» получили право гражданства и с успехом везде в магазинах конкурируют с настоящим швейцарским. Зеленый сыр наш наполняет русские рынки, не исключая и азиатских. Словом, нет причины опасаться за застой в делах сыроварения.

Сыроварни поднимают благосостояние населения. Крестьяне находят сбыт, и *безграничный*, тому продукту, который прежде у них зачастую не ценился, — молоку. Ясно, что для них выгодно заводить побольше скота, а со скотом получается и навоз, который уже есть почти хлеб. Но, скажут, если нет пастбищ?..

Тут является другая комбинация, несколько смелая, может быть, но основанная на цифровых данных.

Если нет пастбищ, кормите хлебом.

Крестьяне и помещики воем воют, что нет выгодного сбыта хлеба, что он в амбарах гниет. У каждого крестьянина на каждом дворе, по-моему, есть *свой рынок*, и сбыт там безграничен. Это скотный двор. Корова ест всё и за всё. Это готовые деньги. Вот приблизительный расчет: при хорошем корме самая плохая корова дает средним числом около 22 фунтов молока. А из этого производится около фунта сливочного масла, до около 3 фунтов тощего сыра. Считая масло самое дешевое по 40 копеек за фунт и сыр по 15 копеек, получим солидную цифру около 1 рубля в день с одной коровы. Считая зимние месяцы наполовину даже, корова дает не менее 100–150 %, окупив самую себя. Н. В. Верещагин рассказывал мне, что коровы, купленные им по 40–50 рублей, давали ему в год за масло по 75 рублей, а за сыр с лишком 100 рублей. Зачем же выжидать цены на хлеб и давать ему гнить, когда его же можно продать в виде масла и сыра и гораздо дороже? Поэтому сеть сыроваренных заводов по всей России и инициатива в этом самого правительства, по моему разумению, — вещь более чем полезная.

Финляндское правительство дало 60 000 марок для первоначального устройства своей центральной сыроварни. Н. В. Верещагин не получил на это ничего и собственными средствами всё устроил. Он получает, конечно, содержание, если не ошибаюсь, 15 000 рублей в год, но должен содержать на это всю школу и артельные сыроварни. Оборот его около 20 000 рублей в год. Без рекламы, без объявлений сбывает он всё, что производит, и сбывает ровно наполовину дешевле, чем в магазинах. Только одного швейцарского сыра он не производит, находя это слишком затруднительным для своих средств.[1]

В заключение не могу не сказать, что в этой единственной пока в России школе нет ни формализма, ни сухости. Всё делается чинно, с

[1] Швейцарский сыр требует точной технологии, вызревает долго (1,5–2 года); крестьяне не хотели так долго ждать окончательного расчета. Швейцарский сыр высшего качества в Едимонове стали делать после ряда усовершенствований условий труда.

особенной охотой, и хозяин бывает зачастую простым помощником своих учеников. Вообще личность самого Н. В. — одна из симпатичнейших. По первому взгляду на его лицо, в его глаза, при первых звуках этого мягкого, высокого голоса чувствуешь, что он должен быть очень и очень добр. День, проведенный в его обществе и еще в обществе его брата, знаменитого художника,[1] показался мне особенно приятным. Я давно не испытывал такого отрадного впечатления. Глубокий и положительный ум одного брата и легкое остроумие, грация, художественность в речи другого сквозили всё время в их речи, и мы болтали о многом и долго. Художник Верещагин написал вчера для школы вывеску полуссохшимися красками, какие нашлись у его племянника.[2] Этим она может сделаться исторической. И кто знает, может быть, через несколько столетий сия вывеска будет цениться на вес золота?.. <…>

Товарищество Русской мануфактуры ситцев в городе Твери 11 августа

Бумагопрядильная и ситцевая Морозовская фабрика в Твери должна быть причислена к огромнейшим фабрикам не только в России, но и в Европе. По обширности размеров, количеству выделываемых товаров и усовершенствованиям по всем отраслям выделки — это, вероятно, единственная в России. На один сравнительно беглый осмотр всех отделений ее мы употребили более 4-х часов. Фабрика стоит на берегу реки Тьмаки, на земле, арендуемой у местных крестьян на 50 лет за 30 тысяч с чем-то рублей. Это целый городок, чистый, красивый и благоустроенный. Все здания окружены палисадниками, а на главном дворе разведен целый сад, тенистый и большой. Здание самой фабрики — громадное, каменное, пятиэтажное сооружение. Масса остальных зданий преимущественно деревянные, красивой и вполне законченной архитектуры.[3]

[1] Верещагин Василий Васильевич (1842—1904), художник-баталист, литератор.

[2] Верещагин Кузьма Николаевич (13.03.1839—13.10.1907).

[3] Мануфактура Морозовых (Пролетарка, Морозовский городок, Морозовские казармы) создана «Товариществом Тверской мануфактуры» (1856—1913), один из первых микрорайонов в России, на участке между р. Тьмакой и железной дорогой в Затьмацкой части города. Фабрика основана московскими купцами С. М. Шибаевым, И. В. Залогиным, Н. И. Каулиным, И. В. Митюшиным и В. И. Брызгалиным на землях Успенского Желтикова монастыря. Вскоре вместо трех первых в дело вступил Савва Васильевич Морозов (1770—1862), под руководством сына которого Тимофея (1823—1889) предприятие развивалось до 1872 г. В комплекс входили прядильная (1858, правый берег Тьмаки), механически-ткацкая, белильно-красильная и отделочная фабрики. Со временем в разных частях городка Морозовы возвели кирпичные хозяйственные сооружения: пожарное депо, конюшни, склады, амбар, погреба; при фабрике были основаны больница (1858), родильный приют (1861), торговая школа для несовершеннолетних рабочих (1869). После раздела фирмы «Саввы Морозова сын и К°» (1872) Тверская мануфактура перешла к внукам С. В. Морозова Абраму (1839—

Мы подъехали к конторе. Нас встретил предупрежденный уже о нашем посещении временно заведующий здесь хозяйственной частью молодой человек самой симпатичной наружности. После обмена приветствиями мы предложили ему группу вопросов по администрации и ведению дел фабрики, по условиям быта рабочих, благотворительных учреждений и пр., которые он записал и обещал нам через несколько дней представить по ним самые подробные ответы. После того он предложил нам приступить к обзору фабрики. Фабричная тройка, запряженная в коляску, предоставлена была в наше распоряжение, и мы, очень обрадованные такой любезностью (шел проливной дождь), направились к главному зданию. По железной лестнице поднялись мы в первый отдел фабрики — бумагопрядильный и ткацкий. Наверху встретил нас директор этого отдела англичанин Иван Самойлович Буум, весьма почтенный старик. Он повел нас по всему отделу, начиная с комнаты, где производится основа, корень всему этому громадному делу, — где обрабатывается хлопок. Это первая инстанция всего механизма фабрики. Вот в главных чертах все его движенья: хлопок, исключительно американский, посредством машин несколько раз очищается до получения вполне чистого и белого холста, надеваемого окончательно на большие валы. С этих валов посредством *чесальных* машин в следующем отделении хлопок вытягивается в ленты *1-го размера*, т. е. толстые и мягкие, собираемые в длинные цилиндры. Оттуда он идет на большие катушки, и посредством *ленточной машины* вырабатывается лента более тонкая и плотная, называемая *1-й равницей*. Эта лента посредством машин — *банкоброс* толстый, средний и тонкий — перерабатывается в так называемую *тонкую равницу*, т. е. тонкую и плотную нитку. Переработка производится процессом всё большего вытягивания ленты и навивания ее на катушки. Сотни машин занимаются этим делом в громадной, в два света зале под оглушительный, ни на секунду не утихающий шум. Полученная *тонкая ровница* на тысячах катушек вставляется в *мююльные* машины, которые еще раз и последний сжимают и очищают нитку, и из них получается уже окончательная нить, идущая на тканье и называемая *пряжей*. *Мююльные* машины очень длинны и очень красивы с длинным рядом белых катушек. У каждой работает один мальчик, и нужна тут удивительная ловкость, чтобы поспевать скручивать порвавшиеся нити, когда они рвутся одновременно в нескольких местах. Мне говорил

1882) и Давиду Абрамовичам; предприятие возглавил Абрам. Городок Товарищества разделен внутри главной улицей с севера на юг на две части. Восточная часть — здания общественного характера: больница, театр, магазины, полицейское отделение, библиотека. Западная часть — казармы. Городок окружен стеной с двумя воротами, включает более 50 зданий. Наиболее характерны казарма «Париж» и народный театр (переходный стиль от неоготики к модерну). В 1910 г. территория расширена к северу от Тьмаки до нынешнего пр. Калинина, здесь построены дома для инженеров и служащих (*Свод*. 1, 283).

заведующий хозяйством, что, по его расчету, длина нитки, в день вырабатываемой на этих машинах, могла бы *36 раз* обойти по экватору, а каждая маленькая катушка имеет на себе ее на 2–3 версты.

Ряд выступающих стержней, на которые надеваются катушки, называются *початками*, и они наполняются три раза в сутки. Рядом с мююльными машинами работают здесь и другие — *Ватера — колечковые*, новое и очень остроумное изобретение, занимающее гораздо меньше места и больше вырабатывающее. И на этих последних исключительно работают дети.

Произведенную таким образом работу свешивают на пуды собственно для выдачи заработной платы. С маленьких катушек пряжу перематывают посредством катушечных машин на большие валы; работают исключительно женщины. Потом сновальными машинами перематывают еще раз нить на другие валы, причем нить здесь укладывается из нескольких валов разом с той плотностью, которая требуется уже для ткани. Затем на *клеильной,* или *шлихтовальной*, машине нить эту покрывают клеем и, уже твердую, упругую, перематывают на валы, идущие прямо в ткацкие станки и называемые *основой*. Продернув концы нитей *ремизами*, или *бердами*, для удобства тканья, что делают девочки, приступают к самой главной работе — к работе тканья. Самое обширное помещение — это ткацкое. Ткацких станков работает около 2000. И Господи, что за разнообразие этого тканья, в каких комбинациях не переплетается здесь нитка! Из лучших, какие я здесь видел, *суровых* тканей — это брильянтины и полушерстяные материи, не уступающие шерстяным. Но фабрика не продает *ни одного* куска из своих *суровых* тканей. Она сама еще их покупает и обрабатывает.

Есть и ткань цветная, получаемая из окрашиваемой в различные цвета *пряжи*. Окрашивание на фабрике не производится. Из прочих частей сего отдела обращает внимание огромное слесарное отделение. Здесь починяют все части машин, приготовляют новые и даже пробуют изготовлять самые машины. До сих пор успешно соорудили с десяток ткацких станков, которые всегда выписываются фабрикой из Англии, как и все прочие машины. Эти машины по разнообразию и смелости замысла просто изумительны. Железо здесь обращается в тесто, прокалываемое и прорезываемое легче яблока. Из дюймовой железной доски небольшая машина одним прикосновением наконечника выкалывает кружки в двугривенный. Новое только что изобретение — это паровая строгальня для досок. Всякая доска делается ровной и гладкой одним проведением ее только по верхней глади машины. Внизу помещаются кузни. Здесь тоже паровые молоты и молотки делают чудеса. Словом, это отделение совершенствуется до той степени, чтобы самому в скором будущем снабжать фабрику всеми машинами.

Заслуживает внимания еще наглядный вешатель масла, изобретенный самим директором. В большие чаны наливается масло. Над

кранами их укреплены кружки с делением до 20-ти фунтов. Масло наполняет кружки, закрывающиеся сверху подвижным кружком, куда вделан поршень. Поршень давит на масло и, по мере выливая его в кружки через кран, опускается и железной палочкой указывает деления. Гениально, просто, хорошо и удобно. Вот в общих чертах 1-й отдел. Работают здесь и день и ночь посменно, меняясь через каждые шесть часов. Второй отдел гораздо больше и сложнее. Здесь начинается работа двумя ветвями одновременно. Первая ветвь — приготовление печатающих цилиндров, т. е. гравирование и отделка их; вторая — приготовление суровой ткани в годную для печатанья. По первой ветви есть целая мастерская художников, сочиняющих узоры — до 500 разных в год. Затем мастерская граверщиков, переводящих эти узоры на маленькие цилиндрики, называемые *матками*. С помощью машин *матки* эти выжимают узор рельефом на больших цилиндриках, и уже те другими машинами, очень разнообразными, вырезывают узоры на печатных валах. Валы эти вставляются в *печатные* машины, причем для каждой краски особый вал. Самая большая машина работает 8-ю валами. Отделение приготовления и разработки красок очень велико. Краски, т. е. основные составы их, выписываются из-за границы. В лаборатории, которой заведует сам директор, они получают первую переработку, составляются в массы и сортируются. Потом в большой мастерской перевариваются, разбавляются и очищаются.

Это самое серьезное отделение фабрики, ибо от качества краски зависит достоинство ситца. Директор — отличный химик и сам здесь исключительно работает. Вторая ветвь начинается с *опаливания* сурового холста, производимого *опальными* машинами. Пламя газа обжигает пух с холста, вертящегося с огромной быстротой на цилиндрах. Этот же холст проходит потом *чистительные* машины и, уже гладкий и чистый, поступает в беление. *Отбельные* машины — это громадные котлы, из которых сваливается до 80 кусков холста, и помощью сначала известки, потом кислоты, потом соды, хлора и опять кислоты, переходя из котла в котел, холст делается белоснежным. Его моют, просушивают, и вот тут начинается главное производство его на *печатных* машинах. Машины эти громадны и помощью широчайших валов передают холст к *печатному* валику, потом уносят его совсем в другую комнату — *отдувалку*, где помощью пара или гретого воздуха при 30 градусах, проходя десятки валов, в 5 минут или 1 ½ часа (зависит от системы *отдувалки*), он показывается опять на свет Божий уже сухой и твердый. Холст гуляет в пространстве, я думаю, несколько верст, точно живой.

Отсюда часть его, смотря по узору, идет в сплошную *окраску*, часть в *запарку*. Запарка холста производится только для так называемых *запарных* красок, т. е. тех, которые действием паров получают свой окончательный колорит, закрепляются на холсте, так сказать. Укрепление же краски узором в окончательной степени достигается *мыльными*

машинами, которых системы весьма разнообразны. Новейшая — это громадная машина, из которой холст сначала проходит, помощью цилиндров, через различные химические составы, известным образом действующие на ту или другую краску, потом проходит бассейн с кипящей водой, разбавленной мылом, идет всё дальше через бассейны всё меньшие и с водой, насыщенной мылом всё больше, проходит, наконец, через отделение с брызжущим на него чистым мылом, потом опускается опять в большой бассейн с чистой холодной водой, промывается, охлаждается и опять наматывается на громадные цилиндры, внутри согретые паром, и, уже совсем сухой, крепкий, с ясным и окончательным узором, складывается он в конце машины на подставках. Эта махинация за раз четырех процессов совершается с поражающей быстротой.

Холсты, подвергающиеся *окраске*, выходя из *печатных* машин, проходят первую инстанцию в так называемой *зрельной*. Это большие комнаты с острым, удушливым, уксусным запахом, происходящим от испарения красок холстов. Тут висят холсты двое суток и потом подвергаются *затирке*, т. е. мытью. Окраска их производится *красильными* машинами в разные цвета, и притом так, что окрашиваются только места *не выбитые* печатью, т. е. промежуток между узорами. Затем этот окрашенный холст, пройдя тоже *одувалки* и *мыльные машины*, получает окончательный цвет, совсем разный с первоначальным, и, сухой, твердый, готов к окончательной его отделке.

В этом последнем периоде ситцы *окрашенные* и *запарные* подвергаются общей обработке. Их прежде проводят через машины *крахмалки*, между цилиндрами которой ситцы крахмалятся и слегка вспрыскиваются водой. Потом в *ширительных* машинах, помощью гуттаперчевого валика, их расширяют, вытягивают в поперечнике почти на два пальца и, наконец, в машинах, называемых *голандрами*, утюжат, т. е. придают им глянец и окончательный вид.

Вот в главных чертах обработка ситца от хлопчатой бумаги до лучших сортов ситцевых материй, которых около 80-ти. В *складочных* и упаковочных мастерских мальчики с быстротой молнии развешивают на вешалках идущий к ним снизу посредством блоков ситец, другие складывают его в куски и отправляют в *упаковочную*. Тут он принимает совсем магазинный вид, наклеиваются ярлыки — и дело сделано.

Не могу не вспомнить про изготовление ситца *муарэ*. Эта любопытная машина называется *колотильной* и состоит из колес, приводящих в движение внизу ряд молоточков, бьющих по нижней доске, в которой проделаны отверстия. Таких отверстий ряд. В них-то и просовывается свернутый кусок отделанного совсем *гладкого* ситца, обложенный предварительно куском другой материи. Молоточки со страшной силой стучат по этому свертку, поворачиваемому всё время мастером. Через несколько секунд верхняя материя от силы ударов рвется, и *муарэ* готово. Его причудливые узоры образуются вследствие сильного

взаимного давления между собою ниток ситца. Особого внимания своей красотой и добротой заслуживает следующие роды ситца: 1) бумазея, 2) драп, 3) рубчик, 4) вязь, 5) миткали, 6) репс, 7) рогожка белая и цветная, 8) парусинка, 9) московин, 10) чертова кожа всех цветов, 11) ирланд.

Эти материи могут смело конкурировать с шерстяными, до того они совершенны. Я не удивляюсь, что Манчестер подделывает клейма Морозовской фирмы и наполняет этими ситцами азиатские рынки…

От души благодарили мы директора этого отдела Евгения Эдуардовича Швейцера за его редкую любезность. Он просто потом обливался, окончив с нами этот отдел. Да и мы заморились, но решили довести дело до конца. Оставались еще все благотворительные учреждения. Их много, и они поражают образцовым порядком, чистотой и изяществом внешнего вида. В одном доме помещается родильный покой, повивальное отделение, приют, где матери оставляют на время работы детей, и приют для сирот.

При родильном покое есть повивальная бабка; все приспособления и немецкая чистота. В приюте нас встретила масса детских головок самых разнообразных величин и мастей. Смотрительница, высокая, полная женщина, с доброй улыбкой, точно наседка, окруженная облепившими ее птенцами, объясняла нам разные подробности. Дети с удивлением и более с задором, чем со страхом, смотрели на нас. Няньки держали крошечных созданий, серьезно внимавших нам и терпеливо выжидавших возвращения к ним матерей. Были преуморительные мордочки. Были здоровые, но были, увы! и жалкие, точно из воску вылепленные. Фабричный воздух, видно, был всосан ими вместе с молоком матери. Для играния «ползунов» устроен был какой-то «ползильник» — огороженное посреди комнаты место, обитое внутри чем-то мягким. Маленькие столики и скамейки служили местом восседания самой маленькой команды. Тут чуялся во всем мир, покой и невинная, беспечная детская жизнь. Их хорошо кормят, поят и не дают скучать. Рядом с этим зданием строится большое каменное, куда будет перенесен приют и значительно расширен. Предполагается принимать детей только наполовину сирот. Больница не оставляет желать ничего лучшего. Деревянное двухэтажное здание с несколькими покоями, обширными и высокими, в два света, так же красиво внутри, как и снаружи. Стены небеленые, просто тесаные, полы лоснящиеся чистотой, большие белые печи, высокие окна, отличная вентиляция — вот внутренность больницы. Она построена на 150 кроватей, но лежит больных там мало. Преобладающая болезнь — поносы. Доктор пояснил нам, что это происходит от времени года и незрелых плодов. Есть камеры для заразных болезней, но они теперь пусты. Вообще ни тифа, ни скарлатины, ни оспы, ни сифилиса между рабочими *положительно нет*.

Тут же находится и аптека, совершенно полная. Доктор-старичок, подвижный и любезный в высшей степени, с любовью показывал нам свое царство. Наверху больницы временно помещается библиотека и читальня.

На лестнице видели мы массу мальчиков и молодых рабочих с книгами в руках, дожидавшихся перемены их. Всё это более чем отрадно было видеть. Школа здешняя переполнила меру наших восторгов. Я бы не поверил, если бы сам не видел. Просидев 9 лет на школьной скамье, я могу судить несколько о внешнем виде и атрибутах классов. Смело заявляю, такого милого, уютного и чистого помещения и у нас в классах не было. Те же небеленые стены, те же лоснящиеся чистотой полы, что и в больнице, но при этом масса горшков с цветами, почти закрывающих окна, по стенам вьющийся плющ, картины из истории, ботаники, естественной истории и *преимущественно Священного Писания*, маленькие скамейки, приспособленные по последней методике к гигиеническому сидению, — вот внутренность классов. Их три и приготовительное отделение. В каждом классе есть параллельное отделение и еще одно отделение для взрослых рабочих. Количество посещающих школу учеников доходит до *1100* — это факт. На стенах классов вывешены следующие объявления:

1. Малолетние до 15 лет ходят на фабрику посменно, по 4 часа каждая смена.

2. Работа начинается в 6 часов утра и кончается в 9 вечера.

3. Ночью малолетние не работают.

4. Всем малолетним вменяется в *обязанность* посещать школу в свободные от фабричных занятий часы и заниматься в ней по меньшей мере по 3 часа в день.

5. Виновные в нарушении сего правила платят штраф или подвергаются наказанию, т. е. замене одной смены тремя на фабрике.

Из расспросов главного учителя я узнал, что официальная программа этой школы — программа народного училища. Но кончившие в ней курс смело могут попасть во 2-й класс реальной гимназии. Два раза в месяц приезжает для ревизования школы из Москвы инспектор. Смотрел я всё это, слушал и жалел только, что не попал к занятиям, которые откроются здесь по полной программе после 16 августа. Книги, бумага, все нужные для обучения принадлежности — всё это *безгранично* высылается из Москвы по первому требованию учителя. Вскочивши в коляску, чтобы возвратиться в контору, где ждал нас чай, я не мог удержаться от восклицания:

— Да сколько же вы тратите на благотворительность?

— Около 35 тысяч, — был ответ. — И заметьте, — добавил, улыбаясь, наш чичероне, — у нас еще строится большая каменная школа для взрослых; очень многие из них выражают желание учиться.

— А пьянство, много пьют? — спросил я после молчания.

— Как вам сказать? У нас жалование выдают помесячно. Я как-то в воскресенье, после раздачи, прибыл сюда в надежде застать генеральное пьянство. И что ж? — в 9 часов всё было мирно и тихо, всё спало.

Правда ли это — не знаю, но, во всяком случае, очень похоже на правду. За чаем мы еще подробнее разговорились. Между прочим вот что я услышал еще:

— Администрация фабрики ничего, кроме барыша, не имеет от этих больших затрат на благотворительность, — говорил молодой управляющий. — Истратим мы 40 тысяч, а получим 80 лишних. Работник это так ценит, что готов идти к нам за низшую плату. Его дети не одни дома, они не голодны, они учатся. Он сам заболеет — его лечат и холят. Он изувечен — у него пенсион, он состарился, наконец, не может работать — для него богадельня. Словом, вся жизнь обеспечена; он дорожит этим, старателен, вежлив, не пьянствует. Да и директора у нас такие, каких немного. Это отцы для рабочих; со своей стороны они тоже говорят, что нет лучше работника в смысле внимательности и добросовестности, как русский. А они-то потерлись по белу свету…

С час еще болтали мы за стаканом чая в элегантной, уютной комнате, составляющей часть апартаментов «для приезжающих» на фабрику. Дождь уныло стучал в окна, ветер завывал, а тут так хорошо было у теплящегося камина — роскошь, от которой мы давно отвыкли. Так бы и сидел всё… Но К. оказался внимательнее меня и, вспомнив, что мы уже и так целый день отняли у нашего любезного хозяина, увел меня с собой.

Измученный беготней и шумом, но с полным удовольствием в душе, вступил я в мрачные стены своего номера…

Два пригородных села 12-го августа

Село Ж. К-ой волости,[1] верстах в 9-ти от города, раскинуто на берегу реки Тьмаки, здесь довольно высокому, вблизи К-го монастыря. Это красивое место благодаря близости города и чудесной сосновой роще, идущей длинной, хотя узкой полосой по противоположному берегу Тьмаки, выбрано тверитянами под их летнюю резиденцию. Здесь их проживает около 40 семейств, в других же окрестных селениях еще два раза столько, так что дачное население города Твери не превышает 120 семейств. Дачи — это крестьянские домики, незатейливые и далеко не видные, но достаточно опрятные. Эти домики группируются по обеим сторонам единственной улицы селения, прямой и широкой. За ними уже более убогие пристройки, в которых помещаются сами крестьяне с их семейством. А за этими пристройками с одной стороны — узкая извивающаяся лента Тьмаки, с другой — желтеющая ширь полей. Проехав въездные ворота, мы остановились у второго домика с краю, где была

[1] С. Жёлтиково Никулинской вол. (Жёлтиковская подмонастырская слобода рядом с Успенским Жёлтиковым мужским монастырем, известная с XVIII в., с 1920-х д. Жёлтиково, с 1937 в составе Твери).

прибита дощечка волостного правления. Домик был очень мал, но и очень мил благодаря палисаднику, окружающему его со всех сторон. К крыльцу через воротца вел узкий проход, усыпанный песком. На скамейке близ этих воротец сидело несколько крестьян, при нашем приближении засуетившихся.

Один из них, высокий брюнет с цепью на шее, бросился нас высаживать, а другой, с несколько истасканным лицом, в костюме, переходящем от приказчичьего к лакейскому, — отворять перед нами двери правления. Мы вошли в небольшую комнатку в три окна, очень чистую и уютную. Коричневые тесовые стены с наклеенными на них «правилами» и «объявлениями», лавки вокруг них и между двумя оконцами письменный стол с тремя креслами кругом, двумя мягкими и одним соломенным плетеным, деловой шкаф у стены — вот вся меблировка и внутренность сей комнаты, если прибавить еще угол, обвешанный образами с лампадой и над письменным столом лубочной работы портреты покойного и нынешнего государя императора. На письменном столе, покрытом чистой клеенкой, правильно были разложены против каждого кресла листы белой бумаги и карандаши. По всему видно было, что о нашем приезде были предупреждены.

— Волостной старшина…

— Волостной писарь, имею честь представиться… — отрекомендовались один за другим — мужик с цепью и зоркий, донельзя почтительный его товарищ.

Он бережно стащил с меня пальто и так же бережно, точно боясь разбить, повесил его на шкаф.

Мы уселись и предложили место старшине, но тот отказался.

— Постоим-с, ничего…

После нескольких наших первых вопросов дверь отворилась, и высокий урядник, сгибаясь в низкой двери, вошел в комнату. Осанка и лицо этого молодого человека показывали в нем интеллигентного. Он вежливо поклонился, тоже отрекомендовался и стал в углу.

Один за другим предлагал я вопросы из заранее составленной программы, но не на всякий получал прямой и толковый ответ. Ответы волостного старшины дополнялись писарем, того, в свою очередь, урядником, и только после многих «подходцев», так сказать, многих объяснительных и сравнительных предложений с нашей стороны и еще большего количества вводных с противной стороны, — дело объяснялось.

— Как ежели таперича, ваше превосходительство, насчет… — начинал старшина степенно и тихо, заложив свои руки на животе.

Я любовался его чисто мужицкой величавостью и спокойными, хотя почтительными, движениями; я с удовольствием вслушивался в его несколько фразистую речь со странными оборотами и неожиданными, полными иногда глубокого ума, почти философскими выводами и

вставками. Вообще он говорил обстоятельно и производил впечатление недюжинного, природного ума.

— Осмелюсь вам почтительнейше доложить, ваше высокоблагородие… — нагибаясь над моим ухом, почти шептал стоящий за мной волостной писарь. Он, видимо, терзался во время длинных речей волостного старшины, горя нетерпением изложить нам предмет и обстоятельней и короче. Он смотрел в рот старшине, и его бледные губы не раз вытягивались как-то особенно почтительно трубочкой и раскрывались, уже готовые заговорить. Но, видя наше внимание к словам старшины, он ограничивался только отрывочными звуками, начинавшимися всегда:

— Осмелюсь вам почтительнейше… — и т. д.

Когда же, наконец, обращались прямо к нему, его форма рта, голос, грациозный наклон туловища в нашу сторону, словом — весь он точно утопал в порыве почтительности и усердия, который он все-таки умел в себе сдерживать. Его голос всё подымался выше самого низкого и бархатного, движения были хотя быстры, но округлены, манера переворачивать страницы журналов, стучать молоточками на счетах была в высшей степени благообразна, законченна, если так можно выразиться. Так, при переворачивании страниц он употреблял не второй, а третий палец и слюнил его почти незаметно. На счетах он тоже действовал тем же третьим пальцем, только при этом грациозно приподнимал остальные три, пятый выше и грациознее всех. Щелкнув последней косточкой, открыв нужную страницу книги или кончив последнее слово фразы, он отступал шаг назад с руками по швам, несколько приседал на одну ногу, втягивал в себя губы и слегка свешивал голову в сторону старшины с видом покорно-торжествующе сострадательным. Я им исподтишка не переставал любоваться.

— Изволите ли видеть… — так начинал урядник, вступавший в разговор, только когда прямо к нему обращались или когда и обстоятельная речь старшины, и почтительные объяснения писаря оставались нами не совсем усвоенными. Тогда он приподнимался со скамейки в уголку, куда примостился уже, постояв больше часу, выступал вперед и, улыбаясь широкой улыбкой и тщетно стараясь найти надлежащее положение своим длинным рукам (по швам держать их он, видно, стеснялся), в удобопонятных выражениях повторял сказанное. Он был в должности очень недавно и потому мало еще что сам знал.

Таким образом шаг за шагом добивались мы нужного, и после четырех часов терпения ответы на все наши вопросы были готовы и записаны.

Я постараюсь в общем рассказе привести здесь те из них, которые могут иметь интерес для всякого читателя с точки зрения экономических и бытовых сторон крестьянского населения.

В данной волости насчитывается до 1000 крестьянских семейств, владеющих 12 657 десятинами земли. Средним расчетом, значит, на крестьянскую семью приходится от 12 до 13 десятин; надел немалый. В эту цифру входит земля пахотная, сенокосная, лесная и выгонная. Пахотная земля в большинстве случаев плоха и требует обильного удобрения; сенокосная очень недурна, дает около 5 возов сена (125 пудов) на две души; лесная состоит из кусков молодого кустарника и прекрасной сосновой рощи по реке Тьмаке, взятой в настоящее время на три года в опеку правительства благодаря бывшим в ней прежде огромным порубкам, и, наконец, выгонная совсем неудобна (песок и кочки), что заставляет крестьян ежегодно арендовать чужую, платя за это и значительными деньгами, и разными обязательствами. Имущество и доходность крестьянской семьи — это два самые важные пункта в каждой статистической программе, но их-то и труднее всего правильно разобрать. Крестьянин не знает ценности своей земли, потому что он ее не хочет и не может продать. С другой стороны, он очень подозрителен и несообщителен в этом отношении, видя в каждом спрашивающем его об этом «начальство» и боясь новых сборов и налогов.

Так и не сообщил нам старшина, что может стоить его личный надел. Пришлось прибегнуть к некоторой хитрости. Я подробно расспросил его о количестве и цене всех продуктов, получаемых им с земли и, по 6 % расчету с дохода, получил весьма приблизительную цифру стоимости его земли.

Понятно, что эта цифра так приблизительна, что по ней нельзя делать каких-нибудь общих выводов. Личные качества самого крестьянина: его трудолюбие, умение хозяйничать, количество и качество удобрения и, наконец, случайность урожая или неурожая — влияют в значительной мере на его доход. В данном случае потому я постарался свести все эти условия к одному знаменателю, т. е. взявши крестьянскую семью самую исправную (семью волостного старшины) при наделе четырехдушном и, сравнительно с другими селениями, самом большом при хорошем удобрении земли и в год урожайный, — у меня получилась стоимость земли около 800 рублей. Исходя от этой цифры вниз, мы доходим, при обыкновенном крестьянском семействе, в селениях с самой плохой землей (при подзолистом грунте с белым песком) — до 300 рублей стоимости четырехдушного надела. Значит, в средней крестьянской семье с 2 ½-душным наделом, с средним качеством земли, стоимость имущества будет колебаться от 300 до 350 рублей. Затем стоимость построек. Эти сведения мы добыли только благодаря обязательному крестьянскому страхованию. Хотя и тут огромная возможность ошибиться. Например, наш старшина страхует по обязательному страхованию свои постройки в 500 рублей, когда еще в прошлом году, по необязательному, он страховал их в 800. Причина тому та, что по необязательному страхованию страховая премия повысилась в 1883 г. вдруг с 1 ¼ копейки на 2 ¼ копейки. Он

нашел такую премию себе не по средствам и застраховал свое имущество в обязательном страховании, где оценка имущества дальше 500 рублей идти не может.

— Как Господь устроил, — говорит он. — Сожжет, ну потеряю 300 рублей, а нет, Его святая воля…

Среднего благоустройства хозяйство страхует свои постройки до 800 рублей, а низшего — от 70 до 100 рублей, кроме бобылей, которым дозволяется страховать свое имущество хотя бы в пять рублей.

Вот приблизительные данные о недвижимом крестьянском имуществе. Движимое — это скот его. Домашний скот, главное — лошадь и корова, необходимые в каждом хозяйстве крестьянском как воздух. Без них крестьянин уже считается нищим. Чем больше его, тем больше у него статей дохода, тем больше навоза, а следовательно лучше и хлеб. Но содержание его сопряжено с одним главным условием — с количеством и качеством пастбищ. При хорошем пастбище четырехдушное крестьянское семейство может держать 2 коровы, 2 лошади и штуки 4 овец.

Обыкновенная же 2 ½-душная семья при среднем пастбище держит 1 корову, 1 лошадь и две овцы. Корова дает около двух кувшинов молока в день, которое здесь очень удачно сбывается крестьянами дачникам и в город по 10–15 копеек за кринку. Но на корм ее собственной соломы и сена не хватает, да и недостаточно корове этой только пищи. Приходится раннею весною примешивать к корму муку. Навоза от скота тоже далеко не хватает на удобрение полей, и только благодаря фабрике Морозова и К°, откуда крестьяне свозят нечистоты, удобрение в этом селении производится порядочно. Вообще крестьяне этой волости на разведение и улучшение скота не прилагают особенно больших усилий и держат его только по необходимости.

Доходность крестьянской семьи узнать еще труднее, чем стоимость ее имущества. В этом крестьянин еще менее смыслит, так как всё получаемое от хозяйства сам же и проживает. Урожай у них всегда одинаков. Дальше сам-шесть для озимых и сам-третей для яровых — урожай, по словам крестьян, не идет.

Оценивая весь хлеб, сено, солому, овощи и продажный лес, наш старшина, при образцовом ведении хозяйства, не имел больше доходу, как 325 рублей в год, при четырехдушном наделе, что составляет на одну душу 81 рубль 25 копеек. Очевидно, что его семья при трех работниках не в состоянии прокормиться только из продуктов своего хозяйства, тем более еще что муку приходится подмешивать в корм скоту.

Ей надо по меньшей мере на 7 человек доход в 500 рублей, значит, около 200 рублей она должна искать заработков на стороне. И вот тут-то спасает крестьян К-ой волости фабрика Морозова и К°. Почти весь мужской персонал и много женщин работает на ней и зарабатывает от 8 до 30 рублей в месяц. Крестьянин оставляет семью на неделю; та как знает должна справляться с хозяйством. В воскресенье и праздничные дни он

приходит домой и справляет самонужнейшие дела по хозяйству. По отзывам волостного старшины, ни земля, ни хозяйство от этих отлучек его не страдают. Во-первых, крестьянин сам заботится о своем наделе как о доходной статье; во-вторых, если бы он и хотел ее бросить, мир не позволил бы этого. «Ты ступай, куда хочешь, — говорил старшина, — но чтобы твой участок был вспахан и заборонован, как и прочие…»

Значит, фабричное дело нимало не мешает делу хозяйственному в крестьянской семье, служа только подспорьем ему и часто даже средством к лучшему ведению его, к расширению. Вывод крайне важен, по-моему, в обсуждении экономического быта фабричных крестьян.

Из прочих не работающих на фабрике часть занимается в городе извозным промыслом, зарабатывая от 1 ½ до 4 рублей в день, значит, и она совсем обеспечена; часть же очень малая (около 30 человек на волость) в отхожем промысле вне губернии. Так добывают себе крестьяне К-ой волости недостающую им почти наполовину сумму среднего расхода. Живут хорошо, это видно, да и сами они того не отрицают. «Но не будь фабрики, не будь города вблизи, — сказал я себе, — где бы они достали эти деньги, нужные, чтобы не умереть?» Но так как и фабрика, и город были, а крестьянин был сыт и весел, то потому и особенного повода к таким размышлениям не имелось, и я в самом веселом тоне продолжал свои расспросы.

Крестьянские платежи состоят из государственных, из земских, из частных и дополнительных.

К-ая волость при 12 657 десятинах обложена:

1) оброчною государственною податью в количестве 17 041 рубля 47 копеек;

2) добавочным государственным налогом около 400 рублей;

3) выкупных платежей 6 396 рублей;

4) земских соборов 2 317 рублей 51 ¾ копейки;

5) на содержание волостного правления и вообще так называемого частного сбора 1 217 рублей 60 копеек.

По среднему расчету на крестьянскую душу приходится всех сборов 11 рублей 4 копейки, т. е. почти вдвое против того, что эти же крестьяне платили при старых порядках до введения земских учреждений.

— Так как же вы? Не совсем довольны новыми порядками? — спросил я старшину.

Он помялся.

— Как же можно быть недовольным? Нет, ничего, довольны-с.

— Ну а ты ведь помнишь старое время? Сравнить можешь же? Когда лучше, легче жилось? Тогда али теперь?

Он не сразу ответил. Хитрая улыбка забродила на его губах. Глаза смотрели лукаво и подозрительно.

— *Легче*-то теперь живется — это так, это верно, а лучше-то — надоть быть, тогда. — И потом, словно испугавшись своих слов, он скоро заговорил:

— Да и лучше бы теперь жилось, кабы жили по-божески, по-старому. А то, поди вот, всяк живет не по средствам, можно сказать. И чай этот распивают, и табак курят, одним словом — не по доходам своим. Ну и почитание тоже в семействе не то, что прежде было. Хотя жаловаться на это у нас особенно нельзя. У нас еще ребята слушают родителев. А в других вот местах плохо, сказывают. Ну а насчет того, что теперь легче, так это верно. Очень даже легче.

— В чем же легче? — допытывался я.

— Да как вам сказать, — затруднялся старшина. — Свободнее, значит, теснения такого нет…

— Да кто же вас прежде теснил? Ведь вы государственные были?

— Точно так-с!

— Так и тогда не было теснения. Платили меньше, жили, почитай, богаче, достатней?..

— Достатней, это верно, — живо подхватил старшина.

— Тогда если и денег таких не бывало, как ноне, так и то жилось лучше; потому по простоте жили, по закону… Ну а нонече что ж? Всяк норовит, значит это, пороскошнее… Потому и не хватает.

— Так значит, не очень-то и легче теперь, — настаивал я.

— Нет, как можно, всё же легче… — упорно стоял на своем старшина, опять подозрительно взглядывая на меня. Я понял, что более обстоятельный разговор на эту тему невозможен между нами, и переменил вопросы.

В волости 3 школы. Обучающихся в них 220 детей, из них 30 девочек. На 1000 семейств это процент вполне достаточный. Во всех школах обучают учительницы. Одна кончившая курс в гимназии в Петербурге, другая в Твери и 3-я из семинарии Максимовича. Крестьяне весьма довольны обучением детей и смотрят на это дело более чем сочувственно. По отзывам старшины, учение нисколько не отбивает их ни от работы, ни от семьи. Учительницами своими они тоже довольны, хотя мало их знают.

— Окромя пользы от них ничего не имеем… — так охарактеризовал народные школы наш старшина.

Занятия в школах здесь начинаются только с октября, а школьное помещение на лето отдается под дачу, так что ни видеть, ни слышать, к большому нашему сожалению, самого обучения нам не удалось.

Кабаков в этой волости 3, трактир 1, также один ренсковый погреб и два постоялых двора. Пьянство в волости развито настолько, насколько мужику «необходимость есть выпить», объяснял нам старшина.

Горьких пьяниц два-три. Остальное пьет себе, да не пропивается. Заимообразного давания водки и кулачества между кабатчиками «и в заводе нет».

— Вот разделы между крестьянами маленько портят всем, — заговорил старшина, когда мы уж кончали работу и, потягиваясь, собирались встать.

— А что?

— Да всё это бабы! Чтоб их!.. Всё больше бабы! Ну а хозяйство, понятно, страдает. Куды ж тут хозяйничать, когда всяк свое… Обеднение одно…

— А вы зачем же позволяете?

— Не позволить вовсе нельзя. А мы вот увещаем да затруднения делаем в волостном суде. Слава Богу, помогает маленько, особенно не жалуемся. А вот насчет страховки, так это обидели нас. И вовсе обидели…

— Как, чем?

— Да как же это тепериче с нас 2 копейки берут! Брали всегда 1 копейку, в прошедшем году подняли это на 1 ¼ копейки, а ноне сразу махнули на 2 копейки. Так верите ли, ваше высокоблагородие, все крестьяне даже ахнули. Потому мы прежде были очень довольны самой премией. И подняли это многие оценку имущества. Кто страховал в 200 — поднял на 350, кто 300 — на 450, а то и на все 500 рублей. А тут, значит, вдруг, ничего не предупредив, махнули сразу 2 копейки, ну и воем завыли. Где же это другому взять? Тепериче, в пример, я. Страховал в вольном, потому имущества рублей на 800. Там подняли, я перешел на обязательное, так и тут вдруг подняли. Расчета, значит, никакого мне нет, а если сгорит — один убыток.

— Может, у вас пожары часты?

— Да ничего особенного. Бог милует. Давно уже не было. Да и опасности у нас мало, потому с фабрики паровые машины и трубы дают.

«Странно», — подумал я.

Мы кончили эту первую нашу пробную работу с весьма приятным впечатлением. Прочтя еще раз всё и пополнив цифровые данные, мы наконец встали и прошлись по селу.

Ни запустения, ни тоски, не говоря уже о нищете, ни на чем не было видно.

— Жить можно, значит? — улыбаясь, спросил я напоследок, когда сидел уже в экипаже.

— Как нельзя! Весьма даже можно. Слава Господу, не жалуемся… — также улыбаясь, отвечал старшина, провожая нас низкими поклонами.

14-го августа

Далеко не в столь радужном настроении духа вернулся я сегодня с экскурсии в другое подгородное село, В-ое М-ой волости.[1] Всё как-то случилось совсем иначе, чем в тот раз. Погода пасмурная и холодная с утра, необъяснимо скверное расположение духа, дорога длинная (14 верст) и благодаря дождям местами буквально обратившаяся в озера — всё это и многое другое заставляло меня хмуриться и морщиться, когда мы подъезжали к околице В-го села. Вид его избушек, особенно жалких в эту осеннюю погоду, много лачуг с наглухо заколоченными ставнями и дверями, вымороченные или брошенные хозяевами, наводили невыносимое уныние. Я уж хотел было повернуть да и домой, особенно когда объявили нам, что ни волостного старшины, ни писаря нет, что они в городе у исправника. Но пересилил себя и, скрепя сердце, переступил грязные сени и пошел в контору. Она ни в чем не походила на К-ую. Она гораздо больше ее, светлее, разделена деревянной перегородкой на часть, за которой помещается самое присутствие, и другую половину, для «публики». Тут было и грязно и неприветливо. Грязные стены, пол, лавки и голые окна особенно резали глаз благодаря обилию света и простору. Ни следа уютности, ни даже тени претензии на изящество, которые так приятно и сразу подействовали на нас в Ж-ве.

Кривой сторож правления ерзал вокруг нас, не зная, что мы и зачем. В отделении для публики застали мы человек 6–7 мужиков, грязных и жалких, с понурыми лицами, с утомлением во всей фигуре, сидевших на лавке. При нашем появлении они встали и, безучастно глядя на нас, мяли в руках свои грязные картузы. Общий вид сей картины был непригляден.

— Что вы, братцы, здесь? — обратился я к ним.

— К старшине, ваше высокопревосходительство.

Я невольно улыбнулся при этом титуле.

— Что же вам нужно от него?..

— Да вот насчет недоимки всё… — заговорил один из них, немолодой уже мужик, высокий и крепкий, с красными слезившимися глазами.

— Какой такой недоимки?..

— Да недоимки, ваше высокопревосходительство!

— Насчет податей-то?..

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

— Так что же, с вас требуют?..

— Требуют, ваше высокопревосходительство! Хотят вон описывать. Хлеб на поле, лошадку, коровку — всё продадут… — и голос мужика дрогнул.

[1] С. Васильевское Михайловской вол. (ныне Васильевский Мох).

У меня от этого голоса тоже что-то дрогнуло в груди. Я отвернулся и прошелся по комнате.

— Так когда же описывать-то будут?..

— Назначено на 16 число… Мы ходили к господину исправнику, просили… Христом Богом… прогнал нас… и слушать не стал… — отрывочно сообщал другой мужик, маленький и тощий, с всклокоченной головой и с изрытым глубокими морщинами лицом. Он стоял, подперши голову черной заскорузлой ладонью, и с болезненным видом смотрел куда-то в сторону.

— Так что ж, братцы! Верно, нужно, положение есть. Исправник тут сам не может ничего сделать.

— Не знаем-с… — глухо отвечали мужики.

— А вы бы к господину губернатору пошли?

— Говорили нам это… да боязно. Куды же нам к господину губернатору?..

— Отчего? — горячо подхватил я. — Он добрый у вас.

Мужики неопределенно мялись на месте. Видно было, что они еще слишком напуганы недавним отказом.

— А много ль недоимки-то на вас?..

— Да рублев по 15, а то по 18 есть, — загалдели мужики, оглядывая друг друга.

— Отчего же вы не платили до сих пор?.. Ведь есть закон, для всех одинаков, вы должны слушаться.

— Это мы очень даже понимаем. С нашим даже удовольствием платили бы, да откуда его взять?.. На собственное, значит, пропитание не хватает… где же достать?.. — упавшим голосом опять заговорил высокий мужик.

— Теперь ежели продадут всё, — после паузы продолжал он, — и корову, и лошадку… всё значит… так по миру значит… что ж…

— Отчего по миру? Ведь деньги вам дадут?..

— Какие деньги, ваше высокопревосходительство? Что стоит 50 рублев — продадут за 15–20. Известно — акцион. Ну, и что ж нам-то останется?..

Я промолчал. Да и что было говорить? Молчали и мужички. После долгой паузы я счел долгом сказать:

— Так-то так, но платить-то надо ведь!

— Да помилуйте, ваше высокопревосходительство, мы с нашим удовольствием. Подождать вот только, покель хлеб с полей уберем. И убрали б уж, да погода всё вон какая. Всё дожди. Хлеб на поле гниет. Вот ежели бы хоть месяц сроку дать, а то хоть и до 1 числа… Собрали бы, продали да уплатили… Помилуйте, с полным удовольствием… — загалдели мужички все вместе, обступая меня и смотря мне в глаза с надеждой и упованием. Мне даже совестно несколько стало. Они меня считали за «начальство», а я… что я мог сделать?

— Хорошо… я поговорю, попрошу кого-нибудь, может, что и выйдет, братцы… — пробормотал я, отступая. — А вы бы все-таки к губернатору, он добрый, выслушал бы вас.

— Да уж где нам… Окажите Божескую милость… — хором заговорили мужички.

Между тем явился позванный нами старшина, и с помощью его и этих мужичков мы собрали кое-какие сведения о волости приблизительно по той же программе, как и в прежней.

Сведения эти были бы более чем неутешительны, если бы из статистического описания Тверской губернии и из слов самого составителя этого описания, человека вполне компетентного в своем деле, не оказалось бы, что М-ая волость стоит в совершенно исключительных условиях и в своем роде единственная в губернии. Состоя из 3700 человек мужского пола, она разбивается по селениям, резко разнящимся по количеству надельной земли.

В нескольких селениях душевые наделы достигают minimum'а своей величины — 2 десятины вместе пахотной, сенокосной, лесной и выгонной, другие имеют ее на душу почти вдвое. При сравнительно одинаковом качестве земли, ниже среднего, при почти полном отсутствии леса, едва хватающем на топку и на постройку самых необходимых строений, результаты крестьянского хозяйства хотя и разнятся по селениям, но и в самом лучшем случае не достигают нормы выше плачевной. В худшем же, при двухдесятинном наделе (в четырех селениях), они просто невозможны.

При лучшем урожае, высевая 2 меры, крестьянин получает только 100 снопов. А при двухдесятинном наделе больше двух мер высевать он не может. Ни хорошей сенокосной, ни выгонной земли, ни хорошего лесу (10 лет назад у крестьян разных селений были отобраны их лучшие участки леса, за которые они платили подати 25 копеек с души и которые взрастили, в казну; эти участки находились у них во временном пользовании) — у них нет. И арендовать не у кого и не из чего. Скота приходится на семью из трех душ: 1 лошадь, 1 корова и 1 овца.

Понятно, навоза с этой скотины далеко не достаточно, чтобы удобрить поля, а Морозовской фабрики тут под боком нет. Молока корова дает мало, и продавать его негде. Редко-редко баба понесет кувшин-два в город, да сбывает их по пятачку. Скотина предоставлена здесь самой себе, и уж муки здесь к корму ее не прибавляют.

— Корми как знаешь, — пояснял нам староста, шамкающий и очень недалекий по виду мужичок.

— Где травку, где соломинку, где листочек ищи себе, скотинка, а мы уж ей ни-ни, не помогаем… Потому самим нечего…

Ну и скотинка, верно, не очень благодарна за такой уход.

Доходность среднего крестьянского семейства при трехдушном наделе простирается едва-едва до 130–150 рублей. А платит всех сборов такая семья, считая по 10 рублей на душу, — 30 рублей. Значит, от ¼ до 1/5

всего дохода крестьяне этой волости платят обязательных повинностей. Процент для их огульной бедности несоразмерно великий. Слава Богу еще, что страховая премия здесь всего 1 ¼ копейки с рубля. Имущество застраховывается преимущественно от 100 до 200 рублей и редко до 500 рублей. Оценку производил сам агент от земства при мирском соглашении.

Очевидно, при таком хозяйстве собственных средств на прокормление себя далеко не хватает. И здесь, как в той волости, не хватает почти наполовину.

Уже с ранней весны крестьянин должен покупать себе хлеб и крупу самое меньшее на три рубля в неделю. А если притом желает он еще, чтобы и скотина его не издохла, и покупает для нее солому, то по среднему расчету всей прикупки у него выйдет на 80–100 рублей в год. Где их взять? — вот вопрос, преследующий каждого мужика днем и ночью.

И здесь, как и в К-ой волости, крестьян спасают пригородные фабрики. Но уж работающих на них из М-ой волости процент гораздо меньший. Работают преимущественно дети, зарабатывая от 15 до 40 копеек в день.

По этому поводу услышал я от высокого мужика с красными глазами весьма характерную фразу:

— Допрежь мы кормили ребят… — он это произнес с горьким видом, и в тоне его слышалось неподдельное возмущение.

Кабаков в волости шесть и один трактир. Пьянствуют порядочно, но, верно, пьянствовали бы еще больше, кабы деньги были. А в долг кабатчик не дает. Вот только самые подгородные селения — те заливают порядочно; там и жизнь благодаря близости города другая, но и более бесшабашная.

— Что же вы с пьяницами делаете? — спросил я.

— Да что? В суд, известно!

— Ну и что ж дальше?

— А дальше и ничего. Приговор постановят, значит, наказание ему дадут, а он и обжалует. Месяц-то сроку полагается, ну а в месяц этот он еще 10 раз напьется да набезобразничает, так что его еще наказывать надо. А опосля скроется, ищи его! Напился, нашумел, ну притащили да и высекли… Дело скорое и полезное….

Разделы крестьянские и здесь составляют одно из самых тяжелых зол. Они окончательно добивают жалкое крестьянское хозяйство. Коли целое семейство еле может справиться с упрямой землей да коли с 6–7 десятин оно при общем владении кое-как может добыть себе пропитание на $^{2}/3$ года, то уж при раздроблении этого хозяйства и труда его — не хватает им и на полгода. Мужички уходят с земли и упрашивают соседей, чтобы *даром* ею пользоваться. При этом обыкновенно подушные они оставляют за собой, а земские, выкупные и др. платежи вносит взявший в пользование землю. А то иногда и все подати остаются за хозяином земли. И таких много на селе: кто в отходе, кто на фабрике, более 30 процентов.

— Всё бабы… одни бабы, ваше высокоблагородие, — поясняли и тут нам. — Поругаются, вцепятся друг в дружку — и дели их. И всё прахом пошло… Креста они не боятся, уговору по совести не слушают, и посечь их нельзя...

«О женщины!» — сказал Шекспир, и справедливо сказал.

Еще одно зло, снедающее крестьян сей волости, — это совершенное отбитье от рук и от хлебопашества вообще, от занятия по хозяйству детей их, отбывших воинскую повинность. Когда мы заикнулись только про это, все мужички встрепенулись и как один заговорили все в том же духе. Из 1500 душ одного селения только один запасный рядовой вернулся к своей земле. От остальных «одни убытки только да зло», хором кричали мужики.

— Придет это в волость и говорит: «Я солдат, работать не хочу, а вы там справляйте землю да плати за меня повинности…» — горячился высокий мужик. — О-ох! — прибавил он со вздохом, — большое горе для России будет от этих самых запасных…

Да! бедствуют очевидно здешние крестьяне, и бедствие это тем ощутительнее, тем горче для них, что помнят они еще красные дни, когда довольствие, граничащее с богатством, царило между ними. То были дни доходного и очень развитого здесь гвоздарного промысла; но вот уж лет 10, что это времечко бесследно минуло и былью поросло.

И судоходство, и бурлачество по матушке по Волге кормило хорошо крестьянина. Но и об этом только говорят. Пар и машина отняли здесь у мужичка его насущный кусок хлеба. И стонет он, и вздыхает громче гула фабричных колес. Правда, кормит его и теперь эта фабрика, без нее, почитай, померли бы многие, да не то время, что допрежь было. Уж больно безжалостно, больно много молодых детских сил безвозвратно поглощает эта фабрика. Уж больно сердце надрывается у отцов, глядя на бескровные, изнуренные лица их детей. И какая сторона в этом обоюдоостром мече острее — покажет время.

Крестьяне М-ой волости в былое время были знатные гвоздари. И женщины, и дети — все занимались с малых лет гвоздарством и достигали изумительной ловкости. На селе бывало 50 и больше кузниц. В них работало по 2–3 человека.

И чистый заработок такой кузницы, за оплатою угля, железа и всего, достигал до 10-ти и больше рублей в неделю. Жить, значит, можно было тогда. А теперь… теперь самое большое кузниц 8 работает на селе, и заработок рабочего maximum достигает 1 рубля в неделю. В большинстве случаев 50 и 80 копеек. Есть, значит, из чего тужить.

Управа здешняя, входя в положение этой волости, старалась привить здесь промысел обработки крупного железа. Но пока он очень незначителен и, видимо, не по нраву крестьянам.

Одно, чем может похвастаться М-ая волость, — это земские школы. Их здесь две: одна двухклассная мужская, одна женская. В мужской два учителя, в женской учительница из Петербурга. Обучаются 100 мальчиков

и 14 девочек. При мужской школе находятся стипендиаты, получающие от уездной земской управы по 4 рубля в месяц, и кто обещается идти в сельские учителя и окончит курс в ржевской учительской семинарии — 5 руб. в месяц от губернской земской управы. Мы видели одного такого стипендиата, мальчика 16 лет, окончившего уже курс школы и теперь состоявшего при волостном правлении. Он нам давал самые обстоятельные сведения и рядом с мужичками производил впечатление белого среди дикарей.

Отцы относятся с уважением к школе и к их грамотным детям.

Еще одно утешительное — это глубокая религиозность среди крестьян. Каждый отец обязательно водит своих ребят каждый праздник в церковь, и стены ее часто оказываются тесными, чтобы вместить приход. Но все-таки последнему впечатлению, как и первому, суждено быть сегодня скверному. Когда мы уж поднялись и благодарили мужичков за разговор, один из них, тот маленький и всклокоченный, всё время уныло смотревший в сторону, вдруг подался вперед и заговорил громким надтреснутым голосом:

— Что же мне теперича, ваше высокопревосходительство, делать-то с сыном?.. Пришел по жеребью домой, три месяца только служил, а теперь не хочет работать и платить оброк. Где же мне старому… 76-й год пошел… сил нет больше… Где ж денег-то взять… — слезы закапали из его глаз на впалые щеки, и глухие рыдания потрясли старческую грудь. Меня точно варом облило. Я не знал, что сказать. — По городу ходит… солдат я, говорит… не хочу платить…. А я ему 70 рублев дал, когда снаряжал в солдаты… Где же мне старому теперь…

Бурашево — колония для умалишенных[1]
19-е августа

Бурашево — это яблоко раздора здешнего земства, предмет оживленных толков в обществе, гордость и торжество крайней левой тверского парламента, злоба дня — крайней правой и повод сдержанного молчания для центра. Это предмет восторгов, горячих похвал и вместе злобных порицаний, браней, сплетен и хитрых, безмолвных улыбок. Бурашево — это что-то таинственное, о чем нельзя говорить равнодушно; это звук, за которым чуется целая трагедия, скорее трагикомедия, слышатся глухие раскаты голосов, взрывы негодования, протестов, — словом, целая стихийная буря из всех здешних стихий и элементов, наэлектризованных самыми противоположными политическими электричествами. Уже с первых дней нашего приезда сюда Бурашево было

[1] С. Бурашево Калининского р-на, 16 км к югу от Твери. Психиатрический стационар, основатель (1884) — врач Михаил Павлович Литвинов (1846–1918). Ныне Областная клиническая психиатрическая больница № 1 им. М. П. Литвинова.

неоднократно на устах многих говоривших с нами, и многое, многое уже слышалось нами об этом заколдованном замке.

— Это украденные у земства деньги, — говорили одни. — Это бестолковая, сумасшедшая выдумка, за которую нам, здорово живешь, приходится платить. Им понадобился сумасшедший дом, видите ли, за городом, подальше от надзора, чтобы производить там всякие свои безобразия, рассадник пропаганды устроить. Ухлопали 350 тысяч крестьянских денег, выстроили палаццо какой-то и не открыли еще, как балки погнили, печи пообвалились, комиссия забраковала, гвалт подняли. Врасский[1] — тот заболел припадками умопомешательства, должны были в Италию увезти. На эту штуку не с десяток тысяч усадили — теперь грандиозно-с. Советуем посмотреть. Только одна беда, добраться туда трудненько. Рассчитывали, верно, на малое число сумасшедших и любопытных. Дорогу забыли устроить. Балканские горы какие-то, а в распутицу никакого сообщения нет.

— Зачем же понадобился такой сумасшедший дом? Разве нет его в городе?

— Как не быть. Есть, и отлично было до сих пор. Не жаловались. Тысяч двадцать пять стоило нам его содержание. А теперь будет стоить 80, а то и 90 тысяч.

— *Девяносто*! — воскликнул я. — Разве так много сумасшедших у вас?

— Рассчитывают, видите ли, на прибыль из дворянского земского элемента. Последние собрания указали на эту надобность… Были примеры буйного умопомешательства да *красной* горячки…

И лицо говорившего принимало злобно-презрительное выражение.

— Неужто? — улыбнулся я.

— Верно… Так вот они лечить теперь своих будут. За 16 верст от города, от надзора. Воображаю это лечение… О-х! Увидим мы еще виды…

В этот же день три, четыре часа спустя разговор опять о Бурашеве.

— Вот чем наше земство может истинно похвастаться, — говорили мне, вскакивая с места и сверкая глазами. — Это его бессмертный памятник. Человечество, потомство должно будет его оценить!

— Что же там особенного? — спрашивал я.

— Особенного ничего-с: но мысль, идея здесь первенствуют. Помилуйте! Усладить, сделать по возможности сносной жизнь той части человечества, той части нашей братии, которая лишена самого лучшего украшения — мысли?! Разве это не вечная заслуга?

— Не спорю, это прекрасно. Но… но я думал бы, что не меньшая заслуга была бы усладить жизнь той части человечества, которая не

[1] Враский (Врасский) Алексей Борисович, помещик Тверской губ., земский деятель, попечитель сиротского дома (1887); в 1881 г. ездил вместе с М. П. Литвиновым за границу на два месяца знакомиться с учреждениями для душевнобольных в Австрии, Италии, Швейцарии, Франции, Англии, Бельгии, Германии.

лишена этого украшения. Если сумасшедшему, которого кормят, поят, о котором заботятся, жизнь может показаться скучной, даже тяжелой подчас, то людям с здравым рассудком, которых все-таки и больше значительно и которых значительная часть живет в гораздо худших сравнительно условиях, она может показаться невыносимой. И им тоже помочь — *вечная заслуга*! А я думаю, в земстве не хватает с избытком средств, чтобы помочь всем таким.

— Ну что ж делать? Всех сделать счастливыми нельзя. Надо заботиться прежде о тех, кто больше страдает.

— Но ведь я про то и говорю… Мне кажется, что человечество «с рассудком» именно больше страдает, чем человечество без оного. Я постоянно слыхал, что это аксиома…

— Может быть, может быть, — отвечали мне, морщась. — У вас аксиома, а у нас чудесное заведение, которым мы имеем право гордиться, — улыбаясь, прибавляли мне. — Советуем поехать. Это стоит того. Там вы и найдете самого главного инициатора этого дела Алексея Борисовича Врасского.

— Но туда ведь дорога скверна…

— Куда это?

— В Бурашево…

— Нет-нет! Ничего… можно доехать… — с маленькой заминкой отвечали мне. — Уж вам, верно, накричали и про дорогу, и про кучу другого. Сами поедете, увидите! А советуем съездить…

Вот я и по дороге в это сказочное Бурашево. Коляска четверней в бубенчиках лихо мчится по гладкому тракту, которым мы выехали за город. Вот и поворот в сторону через глубокую, наполненную болотом рытвину, и мы после опасного толчка на знаменитой «невозможной» дороге.

Я не нашел ее невозможной. Она изрыта, неровна, правда! Она требует капитального ремонта, но ездить по ней еще можно и безопасно. Может быть, в спокойной коляске и четверней ездить не то, что парой «земских», но… но, впрочем, не знаю. А знаю я, что эта дорога действительно знаменита. Это мне сообщил всезнающий Август Казимирович Ж.,[1] которого счастливый случай дал нам в спутники. Некогда, очень давно, жил-был помещик Тверского уезда, отставной артиллерии капитан… забыл, право, его фамилию! Но это неважно. А важно то, что помещик этот имел порядочные средства и был ужасный чудак. Он, между прочим, страдал манией страха перед воображаемыми убийцами. Никогда не спал в одной комнате и в кровати — только постоянно в разных и в кресле. Ел только то, что лично сам себе приготовлял, пил только воду, им самим добытую из колодца, — словом,

[1] Жизневский Август Казимирович (1820—19.03.1896, Тверь), действительный тайный советник, директор-основатель Тверского исторического музея, управляющий Тверской казенной палатой.

чудак был большой руки. Но самое большое его чудачество — это была постройка дороги, по которой мы катились. По глубоким болотам, почти тундрам, через крутые горки, между густыми зарослями насыпал, прорыл, прорубил этот чудак отличную дорогу, соединил с городом много сел и помещичьих усадеб, а зачем? — Бог его знает! Находилась ли эта последняя затея в связи с его манией — неизвестно. Только вряд ли, потому что его собственное имение стояло далеко в стороне от дороги. Но, словом, дело сделано, подвиг совершен, но уж так он, верно, показался всем странен и кажется еще и до сих пор, что земство забыло о ремонте дороги, а маленький сгнивший деревянный столб с именем чудака-основателя дороги никто не потрудился поднять и восстановить из придорожной грязной канавы.

Ж. рассказывал мне, что однажды, едучи здесь, его лакей выскочил и сам кое-как поставил этот памятник чудаку. Но с тех пор опять много времени утекло, и второго чудака лакея не находится. Так столб и гниет в яме, как кости того, по чьей милости мы могли посетить Бурашево…

С каждой верстой, удалявшей нас от Твери, место становилось всё живописнее. Долы с пойменными лугами и мелким кустарником сменялись горками, по которым лепились деревушки, желтели нивы и пятнами чернели рощи. Воздух хотя прохладный, но чистый, бодрящий, яркие лучи солнца, заливавшие эту бесконечную и разнообразную панораму, скорая езда в удобном экипаже и веселые, полные живого интереса рассказы нашего милейшего Ж. — всё это действовало превосходно на наше расположение духа. Вот мы поднялись на холм, командовавший над местностью, взглянули назад и ахнули. Такого вида долго поискать надо. Громадная долина верст на 30-ть вдаль раскинулась перед нами, а на ней яркими белыми точками, залитые совсем солнцем, забелели в разных местах, точно выросшие из зелени, стены церквей и монастырей. Необъятная ширь зеленых лугов усеяна была темными оазисами рощ и кустарника. Убранные и не убранные еще поля клочками торчали там и сям, и серые деревеньки, разбросанные на всём этом точно чьей-то невидимой рукой, казались такими маленькими, такими игрушечными, точно из карт сделанными…

Я залюбовался, я громко выражал восторг, удивление. Мы всё подымались, и всё шире расстилалась долина, а там, вдали и вправо, всё ярче становились очертания какой-то груды с ослепительно блиставшими по ней точками… Это Тверь, белеющая, как стая морских чаек, прелестная Тверь. Мы проехали еще деревеньку, спустились в глубокий овраг, опять круто поднялись и въехали в околицу Бурашева. Немножко подальше маленькой и беленькой церкви стоял старый, темный от времени, двухэтажный дом. Это усадьба.[1]

[1] Усадьба Щербатских, купленная тверским земством за 19 750 рублей под психиатрическую клинику: Сборник материалов для истории Тверского губернского земства. 1866–1882. Тверь: Зем. тип., 1884. Т. III, вып. 1. С. 183, 184, 188–235; Сведения

Алексей Борисович Врасский любезно встретил нас на крыльце и провел в комнаты. Так и пахнуло стариной от обширных сеней, от светлых, незатейливых комнат.

Познакомившись с его семьей и напившись чаю, мы проехали прежде всего на школу пчеловодства, устроенную здесь Вольным экономическим обществом.[1] Земство безвозмездно уступило под эту школу участок земли и готово дать еще больше, если будет основана школа сельскохозяйственная. Это было бы вполне рационально, так как знание одного пчеловодства — специальность слишком узкая и неприменимая в нашем обыкновенном хозяйстве. Нужно уж очень обширное ведение хозяйства, чтобы держать при имении специального пчеловода. В обыкновенных же случаях пчеловод бывает и садовник, и агроном, вообще хозяин. Здешняя школа пчеловодства помещается в красивом деревянном домике на самом высоком холме. Постройка еще новая, внутри не отделанная. Полы, стены, потолки лоснятся только что вытесанным деревом. Помещение невелико, всего на десять человек. Здание очень узко, но в три этажа, вернее в два с мезонином. Две светлые, большие комнаты для учеников и мастерская для изготовления ульев — вот, в сущности, вся школа, если включить сюда квартиру учителя и прислуги.

В школе пока только два ученика, и занятия правильно не идут, так как не напечатана еще выработанная обществом программа и потому затруднен прием в школу. Самое замечательное в школе, по-моему, — вид на долину с третьего этажа. Это панорама, не имеющая слов к описанию. Можно для нее одной ездить сюда, можно часы не отходить от окна, можно любую меланхолию разогнать… Прямо под окнами чернеет поросший елями глубокий овраг. Между деревьями видны ульи всех форм и способов, какие только существуют. Их здесь более 30-ти. Налюбовавшись досыта, мы сошли. Неутомимый Август Казимирович, несмотря на все наши просьбы и увещания, поехал-таки в соседнюю деревню, верст за семь, осматривать там и срисовывать какой-то старинный крест. Археология всегда светилась для него яркой звездой даже на фоне такой чудной, залитой блеском картины, которой из окна школы он восхищался, как и мы, даже больше нас. О наука! В 24 года ее не поймешь…

Полем прошли мы к зданиям колонии. Эти здания еще издали поражают своей грандиозностью и красотой. Два главных фасада, мужское и женское помещения, составляют прямой угол большого четырехугольника. Две другие стороны этого четырехугольника пока свободны, но предполагается застроить их легкими бараками для

об усадьбе Бурашево в связи с покупкой его под лечебницу для душевнобольных // Материалы для истории Тверского губернского земства. Тверь: Тип. губ. земства, 1912. Т. IX, вып. 2, ч. 2. С. 22–25.

[1] Бурашевская школа пчеловодства, садоводства и огородничества (1884).

помещения там душевнобольных по мере прибытия их в заведение, преимущественно легких форм помешательства. Посреди этого четырехугольника стоит кухня, изящное зданьице, уже снаружи оштукатуренное. Отсюда мы и начали осмотр. Внутренность кухни, как и всех зданий, поразила нас обширностью, изяществом и законченностью в малейших деталях. Я думаю, что царские кухни не удобнее и не красивее бурашевских. Там же большие комнаты для прислуги, их столовая, спальни. Между прочим господин Врасский указал нам в кухне на высокие деревянные колонки, подпирающие потолок ее.

— Это забракованные гнилые балки, — с улыбкой сказал он.

— Отчего забракованные? — удивился я.

— Комиссия забраковала. Снаружи несколько посинели, говорят, гнилые. В сырую стену, видите, уложили их, они слегка и пропрели. Но мы ничего на них не потеряли. Они все в дело пошли.

— Все-таки это вам стоило?

— Да… тысяч шесть стоило…

Два главных фасада имеют каждый саженей около 70-ти, я думаю, в длину. Они в два этажа и разделены на три отдела, соединенные между собою теплыми коридорчиками. Внизу помещение для буйных, вверху — для покойных. В каждом из отделов есть большая зала, в ширину всего здания, в два света, из которой ведут по обе стороны двери в спальные комнаты. Этих дверей по нескольку ведет в каждую комнату, и сделано это в том расчете, чтобы при увеличении числа больных иметь всегда возможность посредством перегородок получить большее число отдельных комнат. Через залу проходит коридор, разделяющий ее на две равные части. Есть залы с колоннами, есть и без них.

При каждом таком отделе, предназначающемся на 20–30 больных (по расписанию строительного комитета, эти отделы по плану назначались только на 10 человек; но десять человек в этих хоромах положительно потерялись бы), есть ванная, ватерклозет и умывальня. В отношении техники и практичности эти последние три предмета положительно шедевры. Это последнее слово науки и усовершенствования. Ванна, например, наполняется и выпускается в пять минут одним только отверстием в дне, и вода проходит туда уже смешанная, требуемой температуры. Ватерклозеты устроены по способу самоочищения. Никелированные краны умывальника выточены так, что вода льется из них не прямо вниз, а несколько вперед, так сказать, прямо приглашая моющегося подставлять ладони. Души головные и спинные простым движением рукоятки по шкале дают воду требуемого числа градусов. Словом, плещись, мойся, облегчайся всласть; ни задержки, никакого следа от этого не остается. Отдельное совсем помещение есть для нечистоплотных; там полы везде или асфальтовые, или цементные. Отдельное помещение для самых буйных — длинный коридор и по бокам комнатки. Несколько отделений есть с матрасными стенами, несколько с

обшивкой из досок на пружинах. Окна в этих комнатах высокие и стекла в них каменные. Больничное помещение для общих болезней состоит из нескольких комнат, расположенных по обеим сторонам высокой со сводами галереи. Освещается эта галерея громадными окнами с массой стекол внизу и вверху. В каждом здании есть по три пожарных крана и при них в ящиках трубы. При нас сделали пробу этих кранов, и труба, выставленная за окно, легко заливала крышу здания. Большой пожарный кран помещается на дворе, у усадьбы, и действует с большой силой. Словом, во всём строгая обдуманность, симметричность и стремление к художественному. Во всём, с главного до мельчайших подробностей, видна одна общая мысль, одна руководительная идея. Так, например, в этих обширных зданиях, в целых анфиладах комнат вы не найдете ни одного *выдающегося* предмета, за который можно было бы зацепиться, даже задеть.

Всё, что нужно отпирать или запирать: двери, окна, печи, краны — для всего этого имеется один общий ключ, который будет находиться у старосты. Ручки заменены выемками, углы у печей закруглены, а дверцы, во избежание ожогов, углублены, решетки в окнах тоже круглые, так что никакое неосторожное движение больного не может причинить ему серьезного повреждения и самые хитрые замыслы безумца должны разбиться об эту окружающую его отовсюду гладь и крепость.

Здания еще не совсем готовы. Во многих местах еще не настланы полы (клееные, сосновые), не выкрашено, не выбелено, на всем еще толстая пыль и мусор. Из окон верхнего этажа открывается чудная долина, и этим одним видом, я думаю, можно вылечиться. Я бы именно здесь поместил буйных. Мужское и женское отделения почти тождественны по величине и внутреннему расположению.

— Однако!.. — воскликнул я после осмотра. — Ведь это роскошно, это совершенство до мельчайших деталей…

— Да, знаете… нельзя было уж кое-как делать. Земство, спасибо ему, дало мне возможность съездить за границу осмотреть там, как это делается. Я посетил больше 30-ти таких заведений, был почти во всей Европе. Понятно, практики набрался, глаз набил. Да потом, это всё кажется так дорого, а при умении пользоваться случаем — грош стоит. Беда одна, что большинство вещей пришлось выписывать из-за границы. Представьте себе, дешевле стоит перевозить оттуда, чем наши. Уж чего проще, железные решетки — и те пришлось выписать из Австрии. Не делают таких, на выставке я увидал у одного фабриканта; бросился к нему: «Ради Бога, сделайте нам таких!» Так что ж вы бы думали? Отказались. Говорят: спрос мал. А выставили… Вот подите, у нас всё и везде так.

— Д-да!... Но все-таки, — улыбнулся я, — грош-то немалый заплатило земство за всё это великолепие.

— Как вам сказать! Не очень и много. Во-первых, половина ассигнована правительством. Это Маков еще устроил нам. А другая

половина, тысяч 150, — из остатков почтовых сумм. На нас ведь Бог знает что говорят… Мы и разоряем земство, и устраиваем какой- то притон, и сам Бог не разберет что еще. Всё это из бессильной злобы. А полюбопытствуйте заглянуть в протоколы собраний — вы увидите, что мы ни одного крестьянского гроша не истратили. Всё наша же экономия.

— Ну, а… а на содержание?..

— Содержание нам особенно дорого стоить не будет. У нас свое хозяйство, своих 400 десятин земли. Молоко, мясо, овощи, хлеб — всё это мы будем еще в город доставлять, а не они нам. А тут кричат, что проезда к нам нет; что мы без провизии будем сидеть.

— Но ведь все-таки дороже будет стоить содержание этой колонии, чем старого заведения.

— Н-н-да… что же?.. Положим… может, и насколько больше… — неопределенно отвечал г. Врасский.

— Вот еще говорят, у вас воды нет или мало очень… Откуда это взяли?

— Вот вам и образчик еще! У нас четыре пруда, из которых один ключевой, с прелестной водой. Мы обнажили ключи и математически доказали, что воды на всё заведение хватит с избытком, а они всё свое.

— А вода хорошая?

— Отличная… впрочем, у нас и фильтр есть…

— Зачем же фильтр?

— Так… Листик, знаете, попадет…

Мне вспомнилась тут еще одна история, слышанная мною всё по поводу этого же Бурашева. Когда-то, кажется не очень давно еще, в Бурашеве был расквартирован эскадрон. Не прошло и двух недель, как командир эскадрона доложил начальству, что его лошади после водопоя заболевают, и потому просил о перемещении. По словам говорившего (а говорил власть имеющий в земстве), это факт. Ввиду этого я и не счел удобным расспрашивать о нем.

Мы осмотрели еще фильтр, ключевой пруд, здесь называемый «серебряным», водокачалку, прачечную, баню и образцовый барак. Везде та же законченность, на всём видно широкое применение идеи и нестеснение средствами.

Водопроводные и спускные трубы целой сетью проходят под заведением, а последние еще далеко тянутся в луга, устроенные по новой французской системе с предназначением для орошения полей. Мы прошли туда, спускаясь всё вниз. Долина темнела и как бы замирала под трепетавшими заходящими лучами солнца. Ни шороха, ни звука. Точно чудовище засыпало кругом, куда ни глянь. Я обернулся назад и не мог не остановиться. В чистом тихом воздухе гордо высилось красивое здание колонии, всё залитое косыми лучами солнца. Оно господствовало над всем; оно внесло на этот холм среди безыскусственной и очаровательной природы торжество холодной и строгой цивилизации, торжество гуманной

идеи, создавшейся из криков, брани и взаимной злобы. Оно презрительно взглядывало на кроткую долину, на мирные деревушки, и вдруг в застывшем воздухе послышались мне оттуда дикие крики; в высоких окнах стали мелькать безумные лица с страшными взорами, страшными гримасами. Я невольно вздрогнул и отвернулся.

Луна уже высоко плыла по небу, когда мы, пообедав у гостеприимного и милого хозяина, тронулись в обратный путь. По обыкновению, я хотел одной фразой, одним возгласом выразить все мои впечатления. Я уже раскрыл рот, чтобы сказать: «А хорошо ведь тут быть сумасшедшим…», но в эту минуту мимо нас пронеслись очертания колонии, теперь мрачной и таинственной, и я, весь съежившись, промолчал… <…>

Город Вышний Волочек и Вышневолоцкий уезд

Город Вышний Волочек принадлежит к городам очень известным в России благодаря своему географическому положению в центре Вышневолоцкой водной системы, самой древней из трех систем. Древность города мне точно не известна; но если считать существование его и с основания системы, то его надо отнести во времени Петра I.

Благодаря своему счастливому положению на этой системе, с одной стороны, и с другой — на большом Петербургском шоссе Вышний Волочек в оное время, лет 20 назад, был пунктом очень оживленным, бойко торговавшим и бойко веселившимся. Тысячи барок, сплавлявшихся по городу, тысячи кибиток, повозок и всякого рода экипажей, несшихся по шоссе в Петербург и Москву, делали из города почти сплошной базар. Рабочие, ямщики, проезжие, прохожие останавливались здесь, запасались продуктами, а нередко и товарами. Тузы-инженеры, управлявшие здешним округом *на прежних основаниях*, хотя с современными инстинктами хищения, поили, кормили и веселили в своих богатых хоромах, на счет матушки-казны, всех и всякого, кто был им нужен и кто просто подвертывался под руку. Деньги тогда были дешевы в Волочке, дым стоял коромыслом от шума, движения и разгула.

Но вот твердая рука Николая Павловича черкнула по карте России, карандаш соединил Москву с Петербургом, задел Волочек и точно стер его из списка живых. С проведением Николаевской железной дороги, на которой стоит и Вышний Волочек, он перестал быть богатым и оживленным городом. Разом были отняты у него две силы, два источника жизни: и шоссе, и водная система. Товары и путешественники стали пролетать мимо Волочка, как «мимолетное видение», с остановкой на станции в 5–10 минут. Много городов на Руси подверглись той же участи с нисшествием к нам «паровой» цивилизации; но Волочек потерял много больше других; его мать-кормилица — Вышневолоцкая система — была смертельно ранена. Лет 20 еще назад по Вышневолоцкому каналу

сплавляли до 5 000 барок в год, ныне их сплавляют 50, 100, 150 самое большее. И с каждым годом всё меньше и меньше становится это число; значит, рана скоро грозит перейти в смерть.

Однако и теперь еще весь смысл, значение и прелесть Волочка составляет его водная система. Она делает из него маленькую Венецию, городок незаурядный, который нельзя проехать, как другие, не заметить и не вспомнить его потом.

Вышневолоцкая система — грандиозное сооружение, достойное увековечить память его соорудителей. Нужно самому видеть хоть некоторые главные части ее, чтобы охранять и оценить этот гигантский труд, эту непостижимую силу воли людей, эту смелость мысли.

Вышневолоцкая система соединяет реки Тверцу, Цну и Мсту и состоит из двух бассейнов: северного и южного. Воды канала Вышневолоцкого изливаются в южный бассейн, северный же бассейн составляет масса воды, называемая водохранилищем. Таким образом, суда, идущие по Волге, подымаются вверх по Тверце, доходят до истоков ее близ Цны, ныне высохших, по Тверецкому каналу, которым входят в ряд озер и речек, соединенных вместе под общим названием Мстинского озера. Из этого озера, составляя как бы продолжение его, истекает река Мста, по которой и идут суда, направляясь в Петербург.

Самое замечательное сооружение Вышневолоцкой системы — это Заводское водохранилище и Вышневолоцкий канал. Заводское водохранилище иначе называется *Сердюков завод*, по имени его главного строителя. Оно находится в четырех верстах от города и представляет собою массу воды, искусственно соединенную из множества мелких озер и заливчиков, окружностью в 18 верст. Все эти озера и заливы до соединения их искусственным образом представляли собой в этом месте разветвления реки Цны. Так что водохранилище, собственно говоря, есть расширение в данном месте Цны, послужившей резервуаром для снабжения водой всей системы.

Чтобы попасть из города на водохранилище, нужно ехать всё время по берегу Цны, подымаясь вверх по ней. Тут она довольно широка, берега ее плоски и покрыты мелким кустарником. По правому берегу ее, у самой воды, тянется длинный ряд плоских новых барок, поставленных на деревянных козлах. Издали они представляют так очень оригинальное зрелище. Это барки, приготовленные для сплава леса; они принадлежат все лесопромышленнику господину Брандту.[1] Его лесопильный завод стоит

[1] Торговый дом Брандт и К° владел почти всеми частными землями в Старопосонской вол. (ныне Фировский р-н) и прилегавшими к ней новоторжскими землями, занимался вырубкой строевого леса, сплавлял лес по рр. Поведи и Цне в Торжок и Вышний Волочек на свой лесопильный завод (д. Шишкова Холохоленской вол.): 2 паровых машины, каждая в 35 сил; 88 рабочих; перерабатывалось до 80 000 дерев в год, из них выделывали до 375 000 досок на сумму до 100 000 рублей. Из Вышнего Волочка лес отправлялся в Москву, Петербург, иногда в Ригу, в виде досок, брусьев, фанеры,

тут же, верстах в 2 ½ от города, на левом берегу Цны. Едучи на водохранилище, нужно проехать через завод, там владения его идут по самому берегу и представляют собою обширное пространство, как бы полуостров, ограниченный с одной стороны водою Цны, а с другой — водами водохранилища.

Господин Брандт, богатейший лесопромышленник здешнего уезда, имеет заводы и в других местах России; его считают архимиллионером из первых, если не первым лесоторговцем. Как я слышал, это тот же Брандт, который состоит агентом в России всех иностранных страховых обществ, давших ему миллионы.

Его завод здесь не из самых больших, но работает, однако, до 5 000 бревен в сутки. Здесь же по его земле проходит узкий канал, соединяющий водохранилище с Цною и служащий для сплава из водохранилища в Цну леса. Этот канал, или, скорее, узкий залив, идет сначала параллельно Цне и, так сказать, заменяет ее там, где запруда, или *бейшлот*, заграждает течение реки.

Проехав по красивой роще, которая разбита господином Брандтом на берегу Цны, нужно своротить на мост, перекинутый через реку. Этот мост почти новый, и о назначении его скажу несколько ниже. Проехав мост, въезжаете в роскошную аллею, идущую по берегу Цны вплоть до самого водохранилища и до первого заводского бейшлота. Эта аллея так хороша, что ее даже странно здесь видеть. По чистоте и красоте деревьев она могла бы конкурировать с аллеями Царскосельского парка. В стороне от нее есть еще несколько аллей, словом, тут целый парк, разбитый по всем правилам столичного искусства.

Меня это, признаюсь, даже поразило. Существование этого парка в таком глухом месте показалось мне несколько странным. Однако узнав, что парк принадлежит и содержится инженерским округом, я несколько успокоился. Чем дальше я подвигался, тем больше мне представлялось, что я еду по островам в Петербурге. И вода, и деревья, и гладкое шоссе — всё так поразительно напоминало их. Это место особенно похоже на Елагин остров, при въезде на него, по направлению к стрелке. Проехав минут десять, мой возница вдруг остановился. Я взглянул вперед и чуть не ахнул. Я был на пуэнте. Я не шучу. В первое мгновение я даже опомниться не мог, до того это неожиданное сходство шло как бы продолжением моих мыслей. Громадное озеро воды, во многих местах разорванное, волновалось у моих ног. На нем пестрели островки, от него шли в разные стороны речки, заливчики, чуть различаемые вдали. Это было почти море, по крайней мере, оно представлялось таким отсюда. Вид отсюда был не

древесной «шерсти», стружки. Лесные строительные материалы занимали первое место (41,5%) среди грузов, отправляемых со станции Вышний Волочек.

менее величественный, как с пуэнта Елагина острова,[1] с той только разницей, что здесь почти всё видимое было *искусственно*.

Искусственное море, искусственная природа! Это стоит того, чтобы посмотреть. Что-то странное ощущаешь при виде этого грандиозного создания человеческих рук. Как будто испуг, даже недоверие. Представляются тысячи человеческих существ, копошащихся на дне этого великана, ничтожных в сравнении с ним и в то же время создающих его. Представляются машины громадных размеров, оглушительный шум, визг их колес, движение кругом, такое же непрерывное волнение живой массы, как волнение воды. И, представляя себе это, страшно становится за людей, отваживающихся создать стихию. Непостижимо, как в этих злобных волнах могли они работать, как эти волны не погнались за ними, не поглотили их...

Из такого рода философских размышлений в области фантазии вывел меня мой кучер, должно быть, не разделявший моих взглядов.

— Что ж, барин, аль не сойдете вниз, на мост? — нетерпеливо спросил он меня.

— А? куда?.. — спросил я, еще не придя окончательно в здравое состояние.

— А на мост! Нейшлоту посмотреть…

— Какую нейшлоту?..

— А что воду спирает! Известно какую…

— Чего известно? Ты говорить-то выучись по-человечески, — рассердился я вдруг. — Бейшлот, а не нейшлота…

Я сошел с дрожек и по широкой дорожке спустился к мосту. Этот мост представляет собою тоже не легкое сооружение. Он отделяет водохранилище от реки и имеет назначение выдерживать на себе весь напор воды из водохранилища. Сообразно с этим, все стойки его в виде арок сделаны из крупного камня, выложенного красивыми плитами. Между ними со стороны водохранилища помещается ряд щитов в виде длинных деревянных досок, обитых железом, которые на цепях опускаются и подымаются. Опускаются они своею тяжестью и, достигая дна реки, совсем запирают ее течение. Подымаются посредством блоков с большими цепями. Блоки эти и другие приспособления помещаются тут же на мосту.

Перед этим мостом на широком протяжении поставлены громадные деревянные козлы и положены балки, долженствующие тоже сдерживать напор воды. С обеих сторон моста впереди его идут деревянные галереи для наблюдения за натиском воды на щиты.

---

[1] Ср.: «гладкая, усыпанная песком площадка Елагина острова, на той его оконечности, которая обращена ко взморью и называется аристократическим пуэнтом» (*Мордовцев Д. Л.* Двенадцатый год: исторический роман // Гроза двенадцатого года / сост., предисл., коммент. А. И. Саплина, Е. В. Саплиной. М.: Мол. гвардия, 1991. Гл. 8 (История Отечества в романах, повестях, документах. Век XIX).

Другая сторона моста, обращенная к реке, имеет железную решетку, в которой сделаны проходы к лестницам, спускающимся вниз к каждому из пролетов. Этих пролетов, кажется, 5; под ними деревянный наклон, и отделяются они друг от друга громадными каменными устоями с площадками внизу, по которым свободно можно гулять. Когда все щиты подняты, вода с страшной силой устремляется через все пролеты и, падая с наклонного дна их, производит оглушительный шум водопада.

Осмотрев всё это, я направился через мост на другую сторону. Тут берег Цны гораздо ниже; на нем тоже разбит довольно большой и роскошный парк. Первая аллея служит как бы продолжением моста и идет параллельно черте воды в водохранилище. Между густым рядом деревьев и этой чертой воды есть еще довольно широкое пространство, усыпанное крупным щебнем, и затем, уже в воде, высокий дощатый забор. При скоплении воды в водохранилище, когда долго не пускают ее через заводской бейшлот, черта воды поднимается по щебню до самых деревьев аллеи. Собственно для этого и рассыпан здесь щебень. От первой аллеи, упирающейся в загиб водохранилища, идет вправо другая, параллельно реке и параллельно той аллее, по которой я ехал на другой стороне. Эта аллея еще красивее, чище той, потому что здесь нет езды. От нее вбок идут еще несколько аллей, также щегольски содержимых; словом, здесь прекрасно. Только странно как-то видеть всё это великолепие. Ни одной души я не встретил здесь в лучшее время дня, в закат солнца. Тяжело как-то смотреть даже на этот порядок, чистоту, на очевидную заботу во всём, принесенную в жертву пустыне. «Что это сто́ит, — подумал я, — и для кого?..» Инженерам, бывающим здесь по обязанностям, место это, я полагаю, достаточно уж надоело. Жители Волочка тоже мало им интересуются, на общем для всех русских основании: «Это наше, значит — неинтересно. Всегда успеем еще побывать!» А приезжих здесь немного. Туристы, как я, здесь в редкость. Однако летом, говорят, сюда ездят иногда прогуляться более зажиточные обитатели Волочка, владетели своих экипажей. Для этих-то двух-трех десятков счастливых смертных и существует роскошный парк инженерного округа, разбитый на средства казны и стоящий ей ежегодно больших сумм. Не для водохранилища же его разбивали? Воды, по-видимому, от него не пребывает... Говорят, близко то время, когда из всей массы воды в водохранилище останется только то, что было за сотни лет назад, до сооружения его. Говорят, что вода так усыхает или так непроизводительно расходуется, что в скором времени должны обнажиться русла Цны. Вина тут, значит, или природы, или инженеров, а кого собственно, этого никто здесь в точности не знает.

Министр путей сообщения, недавно здесь бывший и подобно осматривавший водохранилище, решил приступить в непродолжительном времени к капитальным работам здесь, особенно по переустройству бейшлота, существующего в настоящем виде с Петра I. Уже давно признали его значительно ослабленным продолжительностью

существования и неспособным более сдерживать на себе всю массу воды водохранилища. В помощь ему построили несколько ниже другой бейшлот, тот деревянный мост, по которому ныне производится езда, по которому и я проехал. Когда первый бейшлот отпирают, тогда второй на некоторое время закрывают, чтобы ослабить течение воды. Когда они оба закрыты, новый бейшлот является весьма существенным подспорьем старому, запирая всю воду между общими бейшлотами и опять-таки этим ослабляя давление воды на старый бейшлот.

Вот в главных чертах устройство этой важнейшей части Вышневолоцкой системы, стоившей самого большого труда и громадных денег. Трудно описать ее достаточно ярко и подробно. Нужно быть тут самому, нужно изучать это место специально. Я же провел здесь час-два и потому делюсь с читателями моими первыми впечатлениями и сведениями, собранными у местных жителей. Считаю уместным поместить здесь и содержание тех документов, относящихся до Вышневолоцкой системы, которые мне удалось здесь достать.

По указу императора Петра Великого от 26 июля 1719 года Вышневолоцкая система отдана была в содержание Сердюкову с разными привилегиями, как то: с правом пользования лесами, содержания откупов и другими льготами.

По указу Сената от 11 июня 1765 года Сердюков отстранен от содержания Вышневолоцкой системы, и управление ею принято в казну.

По указу 1 декабря 1774 года повелено каналы принять в казенное ведомство и за все привилегии выдать Сердюкову 176 000 рублей.

Заводской бейшлот был перестроен из деревянного в каменный в 1785 году.

В 1828 году горизонт возвышен до 7 аршин 4 вершков.

Деревянный заводской бейшлот окончен постройкою в 1846 году.

Другая часть системы, более простая по устройству и потому более доступная вниманию, — это Вышневолоцкий канал.

Вышневолоцкий канал начинается и проходит большею своею частью в черте города. Ширина его такова, чтобы могли пройти две барки в ряд. Он весь с боков выложен камнем, и уровень воды в нем, когда спускают барки, чуть-чуть ниже поверхности земли. На нем для пропуска судов существуют два шлюза: один — у середины канала, другой — у впадения его в бассейн.

Река Цна делает в черте города крутой поворот назад. Вот от этого-то поворота и начинается Вышневолоцкий канал, а чтобы вода из водохранилища не уносилась Цною, на этом повороте ее устроен 3-й бейшлот, спирающий ее течение и направляющий всю воду, в случае необходимости, по каналу. Когда барки входят в него, запирают этот бейшлот и первый шлюз канала. Вода таким образом в этом пространстве подымается аршина на 3–4, и барки попарно ведутся по каналу к первому шлюзу. Там они останавливаются и ждут, пока через поднятые шлюзы

вода по всему каналу не сровняется. Тогда их ведут вплоть до 2-го шлюза, где они опять останавливаются, опять ждут, и когда вода в канале сровняется с водой в озере, они входят в него, подвигаются верст 15-ть на веслах до истоков Мсты и, войдя в нее, проходят самый главный шлюз — Мстинский. Мстинский шлюз находится в 22-х верстах от города и напоминает своим устройством заводской бейшлот у водохранилища. Это собственно мост через Мсту, под средним пролетом которого проходят барки. Боковые пролеты запираются такими же щитами, как и в бейшлоте, средний же — заставляется воротами, которые поворачиваются машиной. Машина эта помещается вне моста и представляет собою большое колесо с ручками, за которые вертят его рабочие. Блоки для поднятия щитов помещаются на самом мосту. Посреди моста стоит маленькая часовня, в которой служат молебен при пропуске барок.

Мстинский шлюз прочностью сооружения своего не уступает заводскому бейшлоту. Устои его так же фундаментальны, так же широки и длинны. Словом, петровская постройка сразу бросается и тут в глаза. Значительное количество земли по обеим сторонам Мсты у этого шлюза принадлежит инженерному округу. Здесь тоже на обеих сторонах реки разбиты чистенькие парки, но они гораздо меньше и гораздо обыкновеннее парка у водохранилища. Однако аллеи, ведущие с обеих сторон на мост, производят и здесь самое приятное впечатление. Даже здесь это впечатление еще цельнее вследствие живописности этого места и полной, так сказать, гармонии искусства с природой. Близости города здесь и не чувствуется. Местность так исключительно красива, что Академия художеств выстроила здесь летний приют для своих воспитанников, обязав их снимать окрестные виды. Я буду иметь возможность вернуться еще к этому живописному краю, говоря о приюте художников. А потому по поводу Мстинского шлюза ограничусь только рекомендуя его как весьма удобное и красивое место под дачи.

Правый берег Мсты у шлюза, значительно возвышенный и обращенный стараниями инженеров округа в чудесную рощицу, являет собой уголок, который редко можно найти не только в русской, но и в заграничной природе. Не пользуемся им только мы, русские, и только потому, что мы русские. В этом месте есть всё: исключительно здоровый воздух (излечивающий чахоточных), сосновый лес, гора, масса воды, открытый во все стороны вид, много тени, комфортабельное для деревни место прогулки по инженерному парку, в изобилии все продукты деревенского хозяйства, есть даже и помещение с грехом пополам. Нет только одного — желающих воспользоваться всем этим. За исключением двух-трех неисправимых «природников», вроде господина Кокорева и других окрестных помещиков, «всё генералов», как говорил мне смотритель Мстинского шлюза, никто почти сюда не приезжает. Только «генералы» и оценили этот уголок чисто русской природы, уголок, которому нет равных «ни в Прусской, ни во Французской империи», как

сообщил мне тот же словоохотливый смотритель. Кстати, у него можно здесь и дачу нанять. Она строится им теперь на «прорехи и порчи» Мстинского шлюза, которые он 12 лет выполнял и починял по поручению инженерного начальства. Зато и лицо же у этого симпатичного смотрителя — так и лоснится, так и сияет здоровьем, счастьем, кровью и молоком. Стоит взглянуть на него, чтобы поверить в выздоровление чахоточных у Мстинского шлюза, а еще более — в доходность его...

Но, не шутя, советую тем из русских людей, которым летом некуда деться, вспомнить о Вышнем Волочке, о Вышневолоцкой системе и о Мстинском шлюзе. И то, и другое, и третье стоит хоть посмотреть летом. И если эта масса воды и масса зелени не произведет на большинство никакого впечатления... если... что если? Я выдумываю себе наказание... Да если не произведет, так тем хуже для них. Чем же я тут виноват?!

Мне очень хотелось в мое короткое пребывание в Волочке исчислить, сколько правительство или, другими словами, сколько инженеры здешнего округа тратят денег на поддержание всех сооружений Вышневолоцкой системы да кстати и на себя. К несчастью, все мои попытки не имели успеха. Инженеры об этих вещах говорить не любят. Со времени всяких «урезок и упразднений» они находятся в особенно мрачном настроении. А этих «урезок» и «упразднений» по Вышневолоцкой системе было и будет еще, вероятно, немалая толика. Ибо 50–100 барок, сплавляющихся нынче по системе, не могут, я думаю, зачинить «прорех» одного даже Мстинского шлюза, совместно с постройкой близ него дачи смотрителя.

Много, много казенных денег уносят с собой воды Вышневолоцкой системы.

Населения в городе Волочке считается обоего пола до 16 000 человек, из которых: дворян потомственных — 431 человек, личных — 276 человек. В этом отношении город Волочек можно причислить в городам более дворянским, чем соседние с ним Торжок, Ржев и Осташков. По вероисповеданиям он тоже представляет некоторое исключение в смысле сплоченности в нем православного элемента. Из всего населения единоверцев в Волочке только 19 человек, а раскольников разных сект — 192 человека. Зато евреев здесь, как и во Ржеве, довольно много. Их насчитывают до 269 человек, что составляет около 2 % всего населения. Город Волочек по внешности уступает городам Торжку, Ржеву, по величине же представляет большую раскинутость. Местоположение его ровное, общий характер смешанный, трудноуловимый. Вследствие обилия в нем воды, вследствие сосредоточения в центре города целой сети водяных сообщений, расположение его не имеет никакой правильности, симметричности. Нужно не день и не два побродить по городу, между каналами и парками, чтобы наконец сообразиться и ориентироваться в нем. Прямых, широких улиц здесь почти нет. Только одно Петербургское шоссе, проходя в центре города, представляет собой единственную

уловимую артерию его. Остальные улицы как-то странно начинаются и странно кончаются: они коротки и часто кривы. Словом, Волочек имеет с первого взгляда на себя что-то оригинальное, и впечатление от этого оригинального трудно передаваемо. Красив он или нет? — спросят меня. И да и нет, по-моему.

Город разделяется как в административном отношении, так и по характеру своему на 3 части. Одна часть, самая обширная, неправильная и грязная, называется почему-то Жуков угол. Другая, поменьше и почище, называется Островом. Обе окружены водами Вышневолоцкого канала и Цны и представляют собой центр тяжести в административном отношении. Третья, самая благоустроенная и самая красивая, представляет собой центр тяжести Волочка преимущественно в торговом отношении. В этой последней находится большая городская площадь с двумя грязными гостиными дворами, лучшие магазины и всякого рода склады, лабазы и лавчонки. Жуков угол — это как бы предместье города. Оно тянется длинной и беспорядочной линией по обоим берегам реки Цны, по островам и мысам, которые раскинуты довольно неживописно по широкому руслу как бы разлившейся в этом месте реки. Ряд домов, идущий по самому берегу и ближе к городу, — каменный и довольно ровный. Чем дальше, тем постройки становятся беднее и скоро переходят в жалкие лачужки. Эти лачужки наполняют собой островки, весь левый берег Цны, весь полуостров, образующийся здесь изгибом реки. Цвет их, серый и грязный, составляет характеристическую черту этой части города — ее улиц, ее жителей, таких же серых и грязных.

Остров начинается в центре города, от торговой площади, проехав мост, перекинутый через Вышневолоцкий канал. Это чистая, уютная и светлая часть города. Улицы в ней немощеные, короткие, но прямые и опрятные; дома в большинстве случаев деревянные, с палисадниками, садиками и службами, по характеру более приближающиеся к деревне. Здесь почти все городские присутственные места и учреждения: дума, полицейское управление, управление инженерного округа, пожарная команда, городское училище, школа кондукторов и клуб. Здесь живет и большинство административных лиц; здесь же лучшее место гуляния — березовая роща, разбитая по узкому, но длинному пространству между шоссе и каналом. Эта роща справедливо может называться украшением города, дающим жителям его редкое удовольствие, особенно летом. Здесь есть беседка, в которой играет некоторое время откуда-то прибывающий оркестр.

Торговая часть города — самая правильная по устройству. От торговой площади в разные стороны идет сеть улиц, оканчивающихся за городом. На этой же площади, правильнее на краю ее, стоит ряд домов, лучших в городе. Против них изгибается дугой маленький канал, неизвестно для чего прорытый здесь от Вышневолоцкого канала. Длина его всего несколько десятков саженей. Между этими каналами образуется,

таким образом, островок, покрытый зеленью и деревьями. Далее идет большой канал, с его роскошной набережной, находящейся ниже уровня улицы; маленький передвижной мост через канал и первый шлюз.

Я приехал в Волочек утром дождливого и холодного дня. Первые впечатления петербуржца, очевидно, не могли быть приятны; всё казалось мне и грязным и жалким. Дребезжащие, еле живые дрожки подвезли меня к одному из белых опрятных домов на площади, из числа тех, которые я назвал лучшими. Деревянные ворота его были заперты, калитки не было и кругом почти пустыня.

— Куда же ты? — крикнул я со злостью. — В гостиницу, говорят тебе!

— Она и есть, ваше благородие… — улыбнулся извозчик.

— Как она? Здесь и входу нет, и вывески...

— У нас энто завсегда. Обычай такой...

Извозчик постучал в ворота, я же с некоторым отчаянием ждал, что будет дальше. Наконец появилась пожилая женщина и ласково пригласила меня: «Пожалуйте».

По дощатому чистому помосту пошел я в узкий дворик и налево в крыльцо. Старушка тяжело поднималась по деревянной скрипучей лестнице, я за ней, и отчаяние всё сильнее давило меня.

— Куда это меня втиснут? — проносилось у меня в мыслях.

Мы поднялись на площадку и вошли в одну из дверей направо, обитых грязной клеенкой с какой-то скобкой вместо ручки.

— Вот, пожалуйте-с!.. Какую хотите! Ту али эту? — нараспев говорила старушка, растопыренными руками указывая на две двери: одну прямо из передней, другую налево.

Комната, в которую я вошел, несколько меня успокоила. Она была безусловно опрятна, хотя меблирована не роскошно.

— А спать где же?..

— А вот, на диванчике!

— Да как же тут? Ведь он узкий, да и покатый такой.

— Зачем?.. Ничего спать! Можно спать!

— Да я там не знаю — можно или нет. Мне неудобно, понимаете!.. — рассердился я.

— Понимаем, как не понимать!

— Так поставьте мне кровать!

— Зачем кровать? — удивилась старушка.

Я тоже удивился.

— Да спать, черт возьми!

—Спать и тут можете, — убедительно выговорила она, — зачем кровать?

— Говорю я вам по-русски, что я не хочу спать на диване! Принесите кровать! Поняли или нет?..

— Поняла, отчего не понять! — обидчиво отвернулась к двери старушка. — Чай, по-русски говорю. Только кровать это нельзя поставить.

— Нет у вас кровати, что ли? — выходил я из себя.

— Как не быть? В суседнем нумере есть.

— Перенесите, я заплачу больше!

— Никак энтого нельзя. У нас не *лазарет*, уж извините... — совсем обиделась моя старушка.

Я с удивлением уставился на нее и вдруг расхохотался. Этот *лазарет* старушки и сложенная, обиженная физиономия прогнали всю мою злость.

— Так покажите, мне, милая, номер *с кроватью*, — уже ласково попросил я.

Номер с кроватью оказался в две комнаты, причем гостиная выходила на улицу, спальня во двор. Обстановка бедная, полинялая, но далеко лучше той, которую я себе представлял. Словом, я начинал успокаиваться. Из окон моей *гостиной*, несколько влево, видна была площадь, в эту пору пустынная и грязная, и две-три грязные улицы, идущие от нее; а вправо — маленький канал, в котором, как раз против моих окон, на черной дощатой подстилке возились измаявшиеся рабочие, черпая со дна всякую грязь и бросая ее по берегу на островке. Деревья маленького парка, разбитого и на островке, и по ту сторону канавы, уныло качавшие своими мокрыми и почти голыми ветвями, составляли фон всей картины передо мной, сжатой и несимпатичной. Глаз упирался или в желтые ряды гостиного двора на площади, или в серую массу голых деревьев. То и другое наводило одно уныние.

Когда я узнал в тот же день, что моя гостиница лучшая в городе и стоит на лучшем месте, я был неприятно изумлен.

— Где же город? — спрашиваю я. — Тут канава какая-то, деревья да грязная площадь!

— А вот лучше нет у нас, — с улыбкой отвечали мне. — Чем богаты, тем и рады.

Два дня спустя я проснулся и с удивлением огляделся по комнате. Непривычный свет поразил меня. Я поднял шторы и от радости сам себе даже улыбнулся. Яркое, совсем летнее солнце снопами света ударило мне в глаза. Даже за окном жарко было от его лучей. Небо чистое, синее, нежное, точно вымытое. Так же чисто и перед моими окнами. Мостовая на площади, гостиный двор, островок, канава, деревья — всё это точно первый раз сегодня передо мной, я не узнаю их. Они тоже точно вымыты сегодня по-праздничному.

Я тороплюсь одеться и выйти гулять. Я точно не видал еще города. Пройдя впоперек улицу перед моими окнами, спускаюсь за изгородку, окружающую ложбинку, где протекает канал, прохожу импровизированный парк и достигаю набережной Вышневолоцкого канала. Эта набережная с честью могла бы быть в любой столице. Это сооружение, стоящее миллионов. Канал идет прямой и ровной, как нитка,

линией; края его и внутрь и наружу выложены плитой и по обеим сторонам его на всём протяжении сделаны широкие дорожки, великолепно убитые и так же хорошо содержимые. Это, так сказать, миллионный подарок жителям Волочка от строителей системы. Такого места гулянья ни один провинциальный город, я думаю, не имеет. Весь город почти можно обойти этой набережной канала, широкой, чистой и отделенной от улицы.

Но опять-таки жители Волочка русские, а русские не умеют ценить своего. Набережная Вышневолоцкого канала, когда ни пойди по ней, сверкает отсутствием гуляющих и только вечером сомнительного свойства мещаночки да шустрые приказчики редкими шеренгами прохаживаются и наполняют влажный воздух своими громкими голосами да щелканьем семечек. Чаще их встречаются евреи и евреечки, благовоспитанно говорящие на русском языке.

Обойдя канал, я по мосту прошел в березовую рощу на левой стороне его, погулял еще здесь с не меньшим удовольствием и назад отправился по шоссе. Вид этого шоссе особенно красив в такую хорошую пору. Ни грязи, ни пыли, ни тесноты здесь нет. Постройки кругом него редки и из самых опрятных. Самая большая и красивая из них — это управление инженерного округа и там же школа кондукторов, задней стороной своей выходящая к парку и каналу.

Войдя на мост канала, открылся передо мной вид Цны, в которой играло яркое солнце, и вид всего Жукова угла. При этом освещении даже серая масса домиков получила свою прелесть, а ряд каменных домов по набережной Цны, что вблизи казались грязны и неживописны, отсюда показались мне очень даже красивыми. Словом, не преувеличивая, я только в это утро понял всю прелесть Волочка в летнее время, с его рекой, каналами, озерами, с его рощами и парками. Тут ни от пыли, ни от жары страдать немыслимо. А это, я полагаю, главное для лета...

Церквей в городе Волочке шесть, из них лучшая Казанский собор. Близ города, верстах в двух, одиноко стоит среди гладких полей и пустырей Казанский женский монастырь. Этот монастырь основан всего лет 12 назад теперешней его настоятельницей и имеет в своем роде любопытную историю. Расскажу ее вкратце, как передавали мне ее старожилы Волочка и сама игуменья, мать Досифея.[1] Редакции двух этих рассказов несколько различны, как различна проза от поэзии, но, раз задавшись целью записывать на моем пути всё обращающее на себя внимание, не могу удержаться и на этот раз от излишней, может быть,

[1] Игуменья Досифея (Салтыкова Александра Васильевна; 1826–1906, Казанский женский монастырь), монахиня (1859), основала женскую общину близ Вышнего Волочка (1872); с 1884 общежительный Вышневолоцкий Казанский женский монастырь. Устроила бесплатную больницу для бедных, фольговую, башмачную, ковровую, свечковую, рисовальную, живописную мастерские. См.: Сказание о Казанской женской общежительной обители близ г. Вышнего Волочка Тверской епархии. Тверь, 1890.

откровенности, хотя бы пришлось сообщать вещи, и мне, и моим читателям по духу далеко не симпатичные.

Поэзия гласит следующее. В один прекрасный день в 1872 году пришла в Волочек монахиня-крестьянка, маленькая и тощенькая, и направилась к часовне чудотворной иконы Казанской Божьей Матери, которая тогда стояла там же, где и теперь, то есть недалеко за городом. Предание этой иконы и часовни теряется в глубокой древности. По рассказам матери Досифеи, икона первоначально появилась на «волочке» и, после проявления своей чудотворной силы, была переведена в устроенную для нее часовню. Возле этой часовенки был огород и маленькая хижина, а кругом — пустыри и поля.

Монахиня пришла в часовню, помолилась и легла спать в хижине. Под утро видит она сон, в котором является ей Божья Матерь и говорит, что на этом месте воздвигнется скоро богатая обитель. Просыпается монахиня и слышит возле себя громкий колокольный звон. Подбегает к окну, но, кроме одинокой часовенки, кроме пустырей и полей, ничего кругом не видит.

Этот сон и этот колокольный звон монахиня принимает за Божественное указание, поселяется в хижинке, собирает вокруг себя десяток сестер и основывает таким образом общину. Эта община своей строгой жизнью, своими молитвами обращает на себя внимание некоторых набожных местных людей, из которых самым горячим ее сподвижником является местный помещик князь Путятин.[1] Он берется выхлопотать у Синода разрешение открыть монастырь и сам отправляется в Петербург. Но разрешение не последовало так скоро. Синод запросил, будет ли иметь предполагаемый к основанию монастырь достаточно обеспечения, есть ли у него какой-нибудь постоянный вклад. Требуемого вклада не оказалось, и разрешение затянулось на несколько лет. Только хлопотами князя Путятина, имевшего в Петербурге большие связи, последовало наконец долгожданное разрешение основать женский монастырь Казанской Божьей Матери во имя чудотворной иконы, которую предполагалось сделать монастырской святынею.

А между тем, покамест шло это длинное дело, община сестер, основавшаяся в убогой хижине, терпела и голод и холод. Средствами к пропитанию их были приношения богомольцев, приходивших поклониться чудотворной иконе. Но эти средства были скудны, непостоянны, и потому общине приходилось жить впроголодь. Начальница ее, при всём своем мужестве, своей вере и набожности, начинала падать духом. Следующий случай чуть не покончил существования общины. В один день казначейша общины говорит начальнице, что у них в кладовой не осталось уж ни зерна, ни крупинки, что сегодняшний обед — последняя их трапеза.

[1] Путятин Арсений Степанович, князь (1805–1882), из ржевских дворян, титулярный советник, вышневолоцкий уездный предводитель дворянства (1869).

Начальница, однако, не упала совсем духом и решилась попытаться последнего средства.

Когда садились все за трапезу, она обратилась к сестрам и сообщила им положение их дел.

— Кто тверд духом, — говорила она, — кто верует в Божью Матерь, тот останется со мной... Не знаю!.. Может быть, придется нам не есть день, два, может, и три, только я верую, что Божья Матерь не даст нам умереть, что молитвами ее мы спасемся... Кто же боится испытания, пусть возвратится в мир, к своим родителям и родным!

Половина из 30 сестер заявили желание возвратиться домой; другая половина решилась терпеть испытания вместе со своей начальницей. В ночь, когда все спали, мать Досифея встала и прошла в часовню. Там молилась она в слезах до утра, молилась последними силами, плакала последними слезами. Утром вошла в часовню богато одетая купчиха и, помолившись, всунула в руку коленопреклоненной монахине крупную бумажку. Эта бумажка спасла общину.

Когда последовало разрешение открыть монастырь, мать Досифея стала ездить по городам и собирать подаяния на постройку его, главное — на основание собора. Много изъездила мест маленькая, тщедушная монахиня, много людей видала, горячо просила их. Много лишений терпела она, но усталости не знала. Богатое московское и ярославское купечество, вконец уже изжертвовавшееся, очень и очень туго раскошеливалось.

— Раньше бы пришла чуточку, много бы дал! — обыкновенно отвечали они. — Давеча еще на NN монастырь пожертвовал 90 тысяч — не могу тепериче. На вон сотню, потом приди, еще дам!

Так, зернышко по зернышку, собирала мать Досифея на свой монастырь, собирала по рублику, по сотенкам, по тысячам, раз даже 10 тысяч подарила ей московская купчиха и, наконец, могла приступить к основанию собора. Собор начали строить, извели на него все собранные 20 тысяч и... остановились. Опять ни гроша не стало в общине. На этот раз опять помог князь Путятин. Своими советами, указаниями он дал возможность добыть еще некоторую сумму — в 2 тысячи рублей, которая назначена была жертвователем в обеспечение монастыря. Этими деньгами сестры кое-как перебились, но собор всё стоял. Затем стараниями того же Путятина нашелся богатый человек, который дал денег и на окончание собора, сто́ящего ныне по меньшей мере 200 тысяч рублей. С легкой руки этого благодетеля нашлись в другие, и постройки в монастыре стали вырастать как грибы.

Есть в Петербурге один фруктоторговец Сивохин,[1] купивший себе даже генеральство по зернышкам во множестве приютов, которых он состоит попечителем. Вот к этому-то Сивохину и послали мать Досифею. Пришла она, поклонилась, стала просить, а он то же, что и московские купцы: «Дал уж много, не могу!» Сотенку, однако, дал. «Как Бог на душу положит, подожду, может, и еще дам...» — проводил он ее. Потом как-то он вдруг приезжает в обитель и внезапно начинает строить гостиницу в ней. Говорит, что он сон какой-то видел. Выстроил гостиницу в 45 тысяч и стал с тех пор помогать монастырю. Того купит, другого, припасов, только денег давать он не любит. Всё через подрядчика да приказчиков. В этом году, кажется, начал он строить гигантскую колокольню близ монастырского собора. Она должна быть в 50–60 саженей высоты. На одно основание ее издержано уже 25 тысяч, столько же по смете полагается и на окончание. «Только меньше 100 тысяч этой колокольне не стоить», — говорят те, кто знает подрядчика Сивохина.

Вот приблизительно что слыхал я от самой игуменьи и основательницы Казанского монастыря в день Казанской Божьей Матери, когда я удостоился быть за ее трапезой.

— Сегодня поутру это было, — так кончала она рассказ своим дребезжащим и тоненьким голоском. — Встала это я, то есть проснулась, только и слышу колокольный звон. Колокольный звон такой же точно, как тогда, в первый раз, когда ничего еще здесь не было. Так прослезилась я... Обильно плакала и усердно молилась и благодарила Богородицу. «Матерь Пресвятая! Твоими молитвами мы живем, Твоими благодеяниями всё это создалось из ничего, из пустыни... Матерь Богородица! Прими наше благодарение...» — молилась мать Досифея, сидя рядом со мной за чашкой чаю.

— И какая-то радость была нам всем, когда первая голубица к нам залетела! — продолжала она умильно.

— Голубица?.. — удивлялся я.

— Первая залетела. До тех пор всё больше галки да вороны летали. А тут вдруг голубица, точно вестник мира, счастья...

— А что, матушка, — осторожно прервал я ее. — Сколько стоит вам содержание монастыря?

— Не знаю... не знаю... Вот князь Путятин считал... Говорит, больше 30 тысяч в год.

---

[1] Сивохин Ефрем Никифорович († 15.02.1889, Вышний Волочек), петербургский купец, статский советник, благотворитель Вышневолоцкого Казанского монастыря, принес монастырю в дар чудотворную греческую Боголюбскую икону Богоматери, называемая иначе Андрониковой (1885). Выстроил колокольню с часами и храмом прп. Ефрема Сирина и мчнц. Неонилы (1883—1888, предполагаемый архитектор А. С. Каминский). Он и его жена Неонила Афанасьевна Сивохина († 1896) погребены в Казанском женском монастыре в церкви Ефрема Сирина и мчнц. Неонилы. См.: Сказание о Казанской женской общежительной обители близ Вышнего Волочка. С. 142–144.

— А постоянные вклады есть какие-нибудь?

— Нет, сударь! Почти нет!.. Вот только 2 тысячи от ярославского купца... Только две тысячи...

— Как же, матушка? Вы изволите жить на проценты их?

— Не знаю, сударь! Не знаю!.. Молитвами Богородицы не терпим теперь... Не скудеет милость Богородицы...

— Однако же!.. — осторожно заметил я.

— Приносят, сударь! Кто хлебца, кто того, другого... приносят! Так что и запасец теперь имеем свой... Потом хозяйство имеем... Земли немного есть. Не оставляет Богородица.

— А... на счет обеспечения вы не заботились, матушка?

— Заботилась, сударь мой, очень даже заботилась. Вот и Сивохину говорила не раз. Дал бы денег вместо этих построек! Каланчу эту теперь строит. Видели, чай?.. Так я его и просила: дайте вы эти деньги на содержание, значит, монастыря. Не нужно нам колокольню. На что она, говорю я, когда мы средств никаких, значит, собственных не имеем?.. — Нет, говорит, что я начал, — и кончу. А вас, Бог поможет, не оставлю. С голоду помереть не дам. — Так и не дает ничего...

Теперь несколько слов о прошлом и настоящем этого монастыря по другим рассказам, глас народа, так сказать, глас местных старожил, словом, глас большинства.

Лет 12 тому назад, говорят они, в Вышневолоцкую городскую думу явилась какая-то личность (прибавляют, что это быль князь Путятин) и предложила городу продать ему участки земли за номерами такими-то. Между прочими номерами был и номер, где стояла часовня с чудотворной иконой Казанской Божьей Матери. Продав всё это за ничтожную плату под общей рубрикой «негодных земель», город только тогда переполошился, когда кто-то подсказал ему, что он продал и чудотворную икону. Стали начинать процесс, до Сената дошло, и так как по закону святыни не продаются, городу возвратили часовенку с чудотворной иконой. С этим решением Сената, подоспевшим к тому времени, когда Синод разрешил открытие монастыря, чуть не рухнул весь проект рачителей будущей обители, основанный только на существовании в ней чудотворной иконы. Эта святыня должна была привлекать жертвователей, кормить, поить всю общину. Одного кружечного сбору в часовенке Божьей Матери бывало в год до 10 тысяч, значит, обеспечение было бы и верное и, на первое время, немалое. Без чудотворной иконы кто даст на монастырь, кто пойдет к нему на поклонение?

Вот и задумалась мать Досифея. Однако ненадолго. Уверила она себя, что чудотворный образ у нее в обители, по крайней мере, что очень скоро и во что бы то ни стало он там будет. Для этого у нее было средство. С тем и пошла странствовать по миру. «Подайте, мол, на построение храма в честь Казанской Божьей Матери, для водворения в нем ее чудотворной иконы».

Те, кто слыхали про силу чудотворной иконы близ Волочка, охотно давали на построение храма; кто не слыхал — справлялись, присылали в обитель своих доверенных и, убедившись в существовании часовенки с иконой, а возле нее скромной хижины для сестер, тоже не замедляли присылать кто мало, кто много. На эти лепты основался храм, а как он кончился, на чьи средства, кто дал эти сотни тысяч — об этом история говорит как-то глухо. Мать Досифея говорит, что монастырский собор построила Матерь Божья, а люди же говорят, что был некий купец Воронин, которому собор обошелся до 200 тысяч рублей. Но, как бы там ни было, красивый собор стал посреди обители, на месте тундр и болот, и мать Досифея вполне вправе им гордиться. Вправе была и ждать себе награды за неусыпные труды.

С освящением храма года два тому назад мать Досифея считала свои пламеннейшие мечты уже осуществленными. Чудотворная икона Божьей Матери теперь *должна была* быть перенесена в собор, *должна была* составлять собственность монастыря. Значит, она не кривила душой, когда собирала на построение храма в честь ее. Мать Досифея хорошо знала закон, по которому всякая часовня с чудотворной иконой принадлежит *ближайшей* к ней церкви. Несколько десятков саженей, разделявших собор от часовни, давали ей теперь законное право на перенесение иконы в собор. Она сообразно этому подала прошение своему начальству. Началось дело, и вдруг случилось то, чего никак не ожидала ни мать Досифея, ни ее сподвижники.

Казанский собор в городе, которому до сих пор принадлежала икона, должен был обнищать с потерею своей главной святыни. Его настоятель, староста и многие городские граждане, посещавшие его, как ни были ошеломлены неожиданной выходкой матери Досифеи, посоветовавшись да потолковав, пришли-таки к гениальной мысли, чтобы спасти свое сокровище. Пока тянулось еще дело, они наскоро стали перестраивать часовню. Расширили ее, поставили придел, царские двери, наняли причт и в несколько недель устроили на месте часовенки крошечную *церковь*. Очевидно, она оказалась ближе к иконе, чем монастырский собор, потому что икона висела в самой церкви. Дело монастыря было проиграно, и двенадцатилетние мечты матери Досифеи разбились, кажется, навсегда.

Вот почему мать Досифея хлопочет так об обеспечении богатым вкладом ее монастыря, потеряв надежду на доходы чудотворной иконы. Ее хлопоты нельзя не признать вполне своевременными. Выстроить всё необходимое для большого монастыря, созвать и поселить там до 600 человек сестер, содержание которых при самой постной пище обходится не менее 30 тысяч в год, и черпать эти насущные средства из случайных подаяний — по меньшей мере, это опрометчиво. Горячо мать Досифея старалась о сооружении монастыря, но еще горячее должна бы стараться теперь об обеспечении существования в нем сотен юных созданий, оторванных от семей, от работы, часто от достатка...

Казанский монастырь виден тотчас по выезде из города. Он раскинут большим четырехугольником в плоской котловине и открыт со всех сторон. За ним местность заметно подымается и в отдалении, на склоне, красиво виднеется ограда и красные ворота городского кладбища. Это кладбище отдано городом в распоряжение монастыря.

Монастырь не имеет ограды. Эту ограду заменяют все постройки монастыря, тесно поставленные по всем четырем сторонам и соединенные еще забором. Собор по внешности представляет очень красивое сооружение. Он почти квадратный, весь белый, с большим куполом посередине и с множеством маленьких куполов, кругом его расположенных с большим вкусом. Эта оригинальная постановка куполов, стоившая больших денег, бросается, однако, в глаза своей непрактичностью. Нужны немаленькие средства, чтобы поддерживать хотя в приличном виде такое множество куполов.

Собор — это единственное сооружение в монастыре, стоящее внимания, хотя только извне. Внутренность его тесна и как-то странно сжата; над большей половиной храма висят хоры, производящие не совсем приятное впечатление. Иконостас и вся живопись — новые, блестящие, но заурядные, без следа художественности.

Все остальные постройки монастыря очень невзрачны и малы за исключением гостиницы и будущей колокольни. Гостиница, дар Сивохина, — это трехэтажное каменное здание казарменного вида из неокрашенного кирпича. Она виднеется издалека, составляя своим фронтом часть наружной, обращенной к городу стороны. Другие флигеля, преимущественно деревянные, заняты под кельями сестер. В монастыре есть еще несколько часовен, раскинутых там и сям, и теплая деревянная церковь. Рядом с воротами монастыря, ведущими к большому собору, несколько саженей подальше, стоит круглая часовня (теперь церковь) с чудотворной иконой Божьей Матери. Она отделена от монастыря забором и стоит более на виду.

Я попал в монастырь как раз в праздник местной Казанской Божьей Матери. Народу еще накануне навалило туда пропасть, и с утра по двум дорогам из города тянулись вереницы богомольцев. День был совсем летний, яркий и теплый. Я медленно ехал между толпами пешеходов, наслаждаясь и этим утром, и этим зрелищем. Вид монастыря и за ним кладбища, громкий звон колоколов сзади из города и глухой, всё усиливающийся звон из монастыря располагали к самому торжественному и радостному настроению. В собор пробраться было очень трудно, пришлось пробродить конец обедни по монастырю.

После обедни, часам к 12-ти, самые почетные гости собрались в трапезной матери игуменьи. Тут преобладал элемент длиннополых купцов с супружницами и сродственниками их. Всё больше жертвователи. Были и некоторые представители местной администрации. Всё это чинно сидело кругом длинного стола, ублажаясь чаем с вареньем, а большинство в

прикуску. Для сего и сахар был разбит мелкими кусочками и рассыпан по нескольким вазочкам. Между гостями обращали на себя внимание более других трое: высокий, полный и седой купчина с очень широким и добродушным лицом, также высокий, также полный, но уже рыжеватый, плешивый полукупец, полумужик, с несколькими медалями на шее, и, насупротив их, маленький, седенький и юркий человечек, прототип приказчика. Они все трое зараз приглашали меня сесть, предлагали «чайку али закусить». Все трое направились к побочному столику с закусками и, когда я любезно отказался от «всякого вина», с сожалением качая головами, как-то особенно небрежно пропустили в себя по парочке «очищенной». Судя по этой небрежности и еще кой по чему, это были не первые рюмки.

Через четверть часа дверь отворилась, и в комнату, благословляя всех, взошла мать Досифея. Ее миниатюрность, худоба и бледность — вот что останавливает на ней внимание. Я оказался ее соседом с правой стороны и как приезжий пользовался несколько большим вниманием с ее стороны. Это и дало мне возможность знать историю монастыря из уст его основательницы.

После часу почти такой беседы я получил дозволение осмотреть мастерские и рукодельные монастыря. Из первых заслуживает внимания иконописная, из вторых — вязальня ковров. Собственно говоря, это единственные серьезные занятия сестер, и то весьма небольшого количества их. Иконы и ковры делаются ими весьма недурно. Но занимается этим человек 50 самое большее. Продажи почти нет. Иконы ставятся в свои церкви, в кельи; ковры дарятся более крупным жертвователям. Школы в монастыре нет, хотя есть десятки безграмотных девочек-детей.

В так называемой гостинице помещается внизу большая трапезная. Когда я вошел туда, все были уже за столом, и шла довольно шумная трапеза. Длинная комната была уставлена с обеих сторон длинными столами, за которыми сидели сотни сестер: справа монахини, слева белицы, с третьей стороны, у стены, противоположной входу, помещался стол поменьше, за которыми восседала сама игуменья и все гости. В воздухе стоял «постный» пар. Квас, капуста, осетрина, снетки — всё это щекотало не совсем аппетитно обоняние.

Я подошел к столу игуменьи, забыв, что она там сидит. Только ее тоненький голосок обратил мое внимание. Против нее сидели все три туза. Они приглашали меня занять место рядом, просили так умильно и добродушно, что я еле смог извиниться за неимением времени. Как я узнал потом, большой и седой из них был местный купец, жертвователь монастыря, большой и рыжий — волостной старшина Дорской волости, бывший на коронации, старейший из старшин и усерднейший богомолец, а маленький и юркий — вампир монастыря, подрядчик по постройкам Сивохина и полный почти хозяин в монастыре.

Я пришел наверх здания. Там были «парадные» комнаты самого Сивохина и номера для приезжающих. Номера и тесны, и бедны, апартаменты Сивохина зато и просторны и богаты. В большом зале висит портрет виновника всего этого великолепия. Точно министр! Вся грудь прикрыта крестами.

«Что она стоит, эта грудь? — подумал я. — Сколько сотен тысяч ухлопано на эти покровы?» При выходе из апартаментов Сивохина я был немало поражен следующей сценой. Ко мне из передней бросилась навстречу девочка лет 4–5, одетая с ног до головы в глубокое монашеское одеяние. Головку ее прикрывал клобук, в руке висели черные четки. Она бросилась мне в ноги, внезапно вскочила и стала целовать руки, потом опять повалилась в ноги, и эту процедуру проделала несколько раз с изумительной быстротой. Я не мог пошевелиться от изумления и вопросительно взглядывал на мать-казначейшу — моего проводника, которая одобрительно и с улыбкой в свою очередь поглядывала на девочку.

— Что... кто это?.. — выговорил я наконец.

— Кто ты? скажи барину! — наклонилась к девочке мать-казначейша.

— Я... я Малия-глесьница!

— Кто... что? — не расслышал я.

— Мария-грешница она у нас, — повторила за нее с улыбкой мать-казначейша. — Спой вот барину что-нибудь, да получше! — опять наклонилась она к девочке.

Ребенок стал в позу, поднял правую ручку, сложил пальчики «по-архирейски» и, дирижируя сам себя, с уморительной серьезностью запел: «Исполати Господи...» Тоненький голосок ребенка надрывался и дребезжал, но, однако, блистательно победил все трудности: очень фальшивых нот не было. Я спросил казначейшу: кто, откуда и чья эта странная девочка? Она отвечала мне, что девочка отдана к ним сиротой, что она очень понравилась игуменье, которая держит ее неотлучно при себе, одела ее в это платье, учить петь и показывает своим *почетным* гостям.

Признаюсь... не ожидал!

— А вот митрополиту Платону не показали Марию-грешницу, — говорили мне в городе в ответ на мое удивление над этим событием. — Тот им прочел такую речь, что не до Марии было тогда.

— О чем же?

— Мать Досифея, видите ли, хвалилась перед ним, что вот, мол, милостями Царицы Небесной какое великолепие удалось воздвигнуть на месте пустыни и в такой короткий срок! Он всё слушал да молчал. Умолкла наконец игуменья. «И только-то?» — спросил ее тогда Платон. «Что же еще, высокопреосвященнейший?» — смутилась игуменья. «Вы собрали богатство, и довольно?.. В кирпич уложили сотни тысяч и

успокоились? — резко заговорил Платон. — А думали ли вы создать хоть какое-нибудь богатство в сердцах ваших подчиненных, которых призвали сюда и дадите ответ за них? Зарыли ли хоть тысячную долю в души их того, что зарыли в мертвый камень, на неподобающее монашескому сану великолепие? Есть ли у вас школа, молитва усердная, бдение?..» — и пошел на эту тему. Так не до Марии было тогда.

Да и понятно!..

С проведением через Вышний Волочек железной дороги упала, как я уже сказал, его промышленность и торговля, но зато на счет их развилась фабричная деятельность как в городе, так и в уезде. Оседлое население города Волочка какого-либо рода ремеслами специально не занимается и обширной торговли чем-либо не ведет. Во время бывшего судоходства по системе население в большом количестве отправлялось на судах, ныне же оно работает преимущественно на фабриках и занимается рубкой и сплавом леса.

Торговля лесом — эта единственная отчасти уцелевшая отрасль местной торговли. Благодаря обилию лесов в уезде, обилию рек и озер, торговля лесом в оное время достигла здесь обширных размеров. Лесоторговцев в Вышнем Волочке было много, и они весьма скоро сколачивали крупные деньги. Ныне их дела стали значительно хуже. Из всего числа торговцев лесом осталось их в Волочке не более 8 самых крупных. И те кряхтят да жалуются на безденежье, на застой в делах.

Причин такому упадку лесоторговли много. Главные из них — истребление лесов, слишком высокая рабочая плата и обмельчание рек. Истребление лесов идет в громадных размерах. Это ни для кого уж не тайна, но и трудно помириться равнодушно с такой истиной. Главное богатство страны, главная основа ее благосостояния убивается самым беспощадным образом. Громадные лесные пространства представляют теперь унылые пустыни, на которых ничто не растет, ничто и не сеется. А смежные поля сохнут от недостатка влаги, ветер разгуливает по ним, занося в города и деревни всякого рода болезни. Крестьяне почти открыто рубят и увозят остатки чужого леса, не в силах платить за него небывало высоких существующих ныне цен. Такова картина лесного хозяйства в уездах, которые мне удалось посетить. Понятно, что и торговля лесом должна падать за отсутствием главного — материалов ее.

Плата рабочему в последнее время до того возвысилась, что даже несоразмерно высокие цены на лес в продаже не могут ее с прежним барышом окупить. Лет 10 еще тому назад рабочему по рубке и сплаву леса платили 50 копеек в день и кубическая сажень дров стоила 3 рубля — 3 рубля 50 копеек. Теперь им платят 1 рубль 25 копеек и 1 рубль 50 копеек, а та же сажень дров стоит 6 рублей — 6 рублей 60 копеек. Пропорция в поднятии цен тут выходит, как видно, не в пользу лесоторговцев. Причин этому поднятию цен на рабочие руки тоже много. Они кроются в общем

экономическом положении страны, характеристика которого — подорожание всех продуктов и возрастающая потребность на рабочие силы, идущие параллельно с убылью местного населения. Одна земля что требует работников! Одни крестьянские наделы, если бы они обрабатывались с должным старанием, сообразно качеству грунта и потребностям крестьянской семьи, поглотили бы на большую половину года все местные силы. А помещичьи владения? А фабрики, заводы? А отхожие промыслы? А воинская повинность? Сколько тысяч людей требуют они из каждого уезда, требуют настоятельно, безусловно. Хлеб у помещика не может стоять неубранным, земля невспаханной. Фабрики и заводы спешат работать не только днем, но и ночью. В Питер, в Москву, в «дальние страны» тянет нынче всякого подростка крестьянина, едва ему минет 16–17 лет. Кто что умеет, а кто и не умеет, всяк норовит вон из дому «пожить на воле, испробовать счастья да капиталец составить». Русское «авось» в этом случае гремит от избы к избе, от села в селу. Уходят сотни народа из каждой волости, убивают последние гроши семей на «снаряжение», обещают поддержку и помощь, а гляди — через год и сами денег из дому просят, а через 2, 3 <года>, 5, 10 лет возвращаются в родные сени или по этапу, или по воле, с печатью столичного разгула, разврата на всём существе, больные, расслабленные, ни к чему негодные, но зато осененные всеми мудростями столичного просвещения.

Понятно, что дорог стал теперь всякий работник: и трезвый, и пьяный — был бы лишь он. Но его мало. Так мало, что помещики стали нынче такой же собственностью крестьянина, как прежде они были его. От фантазии, каприза и, главное, от водки зависит теперь часто благосостояние помещика. Кто даст больше, кто поставит лишнее ведро — к тому и идут работать. Быть помещиком в последнее время становится всё более и более не под силу самым богатым людям, и дворянские земли, в возрастающей с каждым годом прогрессии, переходят в руки купцов и, главное, кулаков из крестьян. Двадцать, сорок лет дают самое большее на западные уезды Тверской губернии — до полного исчезновения из них дворянского элемента.

Такая же система зазывания к себе рабочего существует и в лесном промысле. Только тут еще крупнее ее размеры. От срочности лесных порубок и, главное, сплава леса, от выгод, связанных с скорейшим доставлением его на место, происходит несообразный ни с чем торг на рабочие руки. Кто больше достанет рабочих — тот первый приготовит к месту дрова и лес и продаст его дороже. Значит, можно и должно отбить рабочего у своего соседа, прибавив ему 20—30 копеек в день: потом наверстается. Естественно, что и рабочий, видя эту борьбу за себя, становится и дорог, и дерзок, и плох.

Обмельчание рек и озер явственно увеличивается с каждым годом. В причины этого явления я не вникал, но думаю, что не последнюю тут роль играет то же истребление прибрежных лесов. Если так, то, значит, господа

лесоторговцы, вырубая леса, рубят и самих себя. Без сплава будет немыслима и их торговля. Но как бы там ни было, затруднительность в этом сплаве существует уж и теперь, и это едва ли не главная причина упадка лесной торговли, дороговизны леса в продаже и всей неурядицы, господствующей теперь в лесопромышленности. Так, по крайней мере, говорили мне здешние крупные промышленники.

— Мы совсем изнемогаем от беспорядков в сплаве леса, — жаловались мне некоторые. — Мы терпим громадные убытки, убиваем, можно сказать, самих себя, поддерживая эти беспорядки на сплавных пунктах, но не можем выпутаться из этой сети.

Прекращение этой неурядицы, по мнению некоторых, вполне достижимо установлением правильно выработанных законов по сплаву леса, которым обязательно следует подчинить всех лесопромышленников. Вопрос об этих обязательных постановлениях давно уже был поднят в Вышнем Волочке по почину тамошнего городского головы господина Федорова, крупного лесопромышленника. Этот последний совместно с одним инженером составил проект таких постановлений в размере целой брошюры. Она была отдана на рассмотрение всех лесопромышленников уезда и, по словам господина Федорова, всеми одобрена и подписана, за исключением одного. Veto этого одного разрушило весь долговременный труд охранителей порядка и отняло у них надежду и энергию на упорядочение когда-нибудь лесного промысла.

По словам других, установление каких-нибудь общих правил для лесопромышленников Вышневолоцкого уезда немыслимо ввиду исключительности производства в нем лесного сплава. А исключительность эта заключается в следующем.

Весь лес, продаваемый из Вышнего Волочка, вырубается лесопромышленниками из дальних лесных дач, на расстоянии 40–70 верст от Волочка.

Там он складывается по берегам маленьких речек, изливающихся в северный бассейн Вышневолоцкой системы, так называемое Заводское водохранилище, преимущественно по берегам Цны. Все эти реки мелководны и мельчают еще, как я уже сказал, с каждым годом. Сплав по ним возможен только в самое короткое время года, в продолжение 2–3-х недель, когда они вскрываются и подымаются. Кто не успеет в этот промежуток привезти лес и дрова до водохранилища, тот погиб. Его товар застревает на пути, и приходится ему или зимовать и ожидать нового вскрытия рек, или быть свезенным на подводах. И то и другое сопряжено, понятно, с большими убытками и никому не нравится. Очевидно, что всякий старается сложить свой товар ближе к воде и впереди своего товарища; а затем, когда подойдет время сплава, нанять побольше рабочих и спихнуть скорее других свой товар в воду. Можно себе представить, что за кавардак происходит в этих оживленных местах, какая вражда и брань вытекают между царями этих мест. А как ее устранить? Как заставить реки

вскрываться пораньше и быть судоходными подольше? Трудненько заставить господ лесопромышленников любить ближнего, как самого себя. Тут и законы не помогут. А это лучшее и, кажется, единственное средство для упорядочения лесного сплава.

Вражда между лесопромышленниками не прекращается и с доставлением благополучно их товаров в водохранилище. На этом громадном водном пространстве начинается между ними соперничество иного рода — перегонка друг друга. Дрова и балки, наваленные целыми грудами в воду по несколько тысяч кубиков в каждой, гонят как попало через озеро. (Плотов здесь не делают.) Нужно спешить, чтобы первыми войти в канал, огибающий заводской бейшлот, и занять первое место на лесной бирже. Очевидно, и тут вражда и брань между сплавщиками и их хозяевами не прекращаются. Каждая артель рабочих старается тому, кто больше пообещает водки, и за ведро ее готова всячески напакостить другому.

Так некрасиво и неприбыльно (судя по словам торговцев) ведутся в Вышневолоцком уезде лесной промысел и лесная торговля. Лес дровяной продается исключительно на месте, строевой (преимущественно отделанные совсем доски) — исключительно за границу, в Англию. Самый богатый лесопромышленник в уезде — господин Брандт. У него и самый большой лесопильный завод. Он сплавляет за границу до 60 барок досок. Остальные лесоторговцы сплавляют их каждый от 10 до 20. Такая барка ценится ими тысяч около 10, так что и оборот заграничной торговли лесом в Вышневолоцком уезде достигает до полутора миллиона. Торговля производится через комиссионера в Петербурге, который складывает товар на суда и от себя уже отправляет на английские рынки, выдавая владельцам его только квитанции. Уплата же денег производится только по продаже товара на месте. Такого рода способ продажи весьма и весьма невыгодно отражается на продавцах. Отправляя товар почти наугад, не обеспеченные в цене и покупке его, они часто служат предметом эксплуатации ловких англичан. Английские лесопокупатели дают за русский лес несоразмерно низкие цены в уверенности, что раз привезенный товар назад не повезут. И их расчеты всегда верны. Товар полежит, погниет, да и продадут наконец. Удивляюсь, как наши господа «самородки», а проще — кулаки, сметкой своей ставшие из мужиков баринами, умом нажившие громадные состояния, не додумаются наконец иметь на месте продажи товара своего *собственного* агента и условливаться через него в ценах ранее отправки груза.

Все исчисленные мною причины упадка лесопромышленности, сводя к одному знаменателю, мне кажется можно бы поставить следствием одного исходного положения как причины этих причин. Думается мне, что это исходное положение кроется, так сказать, в *отрицательности* лесного промысла, в его *разрушительном* характере. Ведь торгуют хлебом, скотом, всякими товарами, есть тысячи разных промыслов, которые падают,

подымаются, заменяются другими сообразно условиям жизни и местным требованиям, давая людям только опыт и знания, совершенствуя их труд и изощряя их в борьбе за существование. Это называется культурой. Эта культура, разрушая часто многое кругом нас, не ведет, однако, за собой к полному разрушению и прочих струн нашего бытия. Одна лопнет, натягивается другая, крепче еще, — и по ней без остановки струится человеческая жизнь.

Торговля хлебом и вся сельскохозяйственная промышленность с ее усовершенствованиями есть наглядный пример такой нормальной, естественной культуры. Железные дороги, пар, машины, фабрики — это тоже культура. Но торговля лесом и вся лесная промышленность как она у нас ведется — это, по-моему, культура неестественная, отрицательная. Она, кроме разрушения и истребления, не дает человечеству ничего. Она отнимает у него лучший дар природы, ценимый в сотни различных сторон, и дает взамен того мертвый кусок дерева, легко гниющий и исчезающий в пламени. Лес был источником благоденствия человека; сухое срубленное дерево, под которым ютится семья крестьянина и весь его скарб, бывает часто источником его бедствий, рождая из себя самую страшную стихию природы — огонь. В этом последнем положении как бы кроется самое жестокое наказание людям, обезобразившим природу. Других наказаний, менее ощутимых в настоящую минуту, но не менее жестоких впоследствии, природа пошлет людям еще немало. Это предсказывают и естествознатели.

Всё это, понятно, одна моя философия, ровно ничего не доказывающая. Это не значит еще совсем, что нужно уничтожить у нас всю лесную промышленность, не топить печей и не делать деревянных домов. Не покушаюсь на такое сильное заявление. Но, однако, нахожу, что практикующийся у нас способ ведения лесного хозяйства ведет к результатам «горше дыма и огня».

И эти результаты не так далеки...

Вышний Волочек, благодаря своему положению на железной дороге и между двумя столицами, принадлежит, как я уже сказал, к городам фабричным. В нем находится три бумагопрядильные фабрики, из которых на каждой работает по тысяче с лишком человек; близ города же находится три лесопильных завода и один стеклянный. В уезде — четыре стеклянных завода. Ближайший к Волочку стеклянный завод находится от него в 9-ти верстах и принадлежит купцу Болотову.[1]

[1] Завод как химический основал московский купец Самарин (1859). В 1862 г. его выкупил Андрей Васильевич Болотин (1824–19.04.1887, с. Леонтьево Вышневолоцкого у.), вышневолоцкий купец 2-й гильдии, потомственный почетный гражданин Вышнего Волочка. В 1873 г. построена первую печь, на которой вырабатывалась столовая, кондитерская посуда, плафоны; приглашен стекловар Василий Алексеевич Векшин, умевший составлять шихту для цветных стекол, и впервые в России начато производство цветного стекла. Ныне стеклозавод «Красный Май» (остановлен); на нем

Производство стекла, всем известное по физике, крайне интересно посмотреть на деле. Большой деревянный сарай, предназначенный для этого, называется *гутой*. Посреди него вделана круглая печь, и кругом нее снуют до 50 человек с длинными трубками в руках, на концах которых, как звезды, мелькают огненные шарики. В темноте сарая, освещаемого только бледным огнем накаленной печи, это зрелище очень оригинально.

Печь *гута* имеет несколько наружных отверстий по бокам и вмещает в себя 8 горшков, из которых два называются *тигликами*. Горшки имеют вид четырехугольников, *тиглики* — вид полушария. Все они приготовляются из кассальской глины в гончарном отделении завода. Глина эта выписывается из-за границы большими кусками темно-серого цвета с глянцем по 60 копеек за пуд. Ее снаружи оскабливают, потом крошат и замачивают водой. Продержав некоторое время жидкую массу в закрытых ящиках, из нее лепят по формам горшки, тиглики и кирпичи для складки гутовой печи. Горшок, таким образом приготовленный, весит 18 пудов. Он выдерживает самую высокую температуру и заменяется новым не ранее, как после месяца работы. Для производства печных кирпичей употребляется и простая глина, но она далеко не выдерживает такого срока, как кассальская. В горшки и тиглики гутовой печи засыпается состав из песку, извести и соды, с заменой соды поташем при изготовление сортовой посуды, креалитом — при изготовлении шаров Яблочкова[1] и с прибавлением разных красок в состав для получения цветного стекла. Засыпав требуемый состав в горшки, дают ему вариться 12 часов, причем нагревание совершается газом, проходящим тонкими трубками между горшками. Когда получается наконец жидкая масса, раскаленная почти добела, тогда начинается самая любопытная над ней работа. Рабочий вставляет через отверстие печки в свой горшок длинную железную трубку, держит ее там несколько секунд, выдергивает, отбегает с ней в сторону, дует в нее, потом качает или с быстротой молнии оборачивает вокруг себя, потом образовавшийся на конце трубки огненный пузырь вставляет в приготовленную форму, ножницами обрезает верхний конец его, и через каких-нибудь несколько секунд получается лампочное стекло. С виду это так скоро и просто, что удивляешься. На самом же деле нужен громадный навык, ловкость и даже бесстрашие, чтобы владеть как следует этой железной трубочкой — инструментом, одинаково изготовляющим всех возможных видов стеклянные и хрустальные вещи, начиная от лампочного стекла и стакана и кончая громадными расписными вазами. Самые простые вещи выдуваются с одного раза; более сложные, как то: рюмки, бокалы, вся сортовая посуда, аптекарская, кондитерская и прочие предметы — получаются посредством ряда нагревания стеклянной массы, склеивания между собой разных частей и формования их. Так, чтобы из

были изготовлены звезды для башен Кремля (1946).

[1] Яблочков Павел Николаевич (1847–1894), электротехник, военный инженер, изобретатель дуговой лампы «свеча Яблочкова» («Русский свет»).

них приготовить рюмку или бокал, надувают сначала верхнюю часть их, собственно вместилище. Потом прикладывают снизу кусок раскаленной массы, который моментально прирастает, и формуют его в разного вида стойки; затем опять прикладывают массу и сплющивают ее уже в виде кружка, на котором и становится рюмка или бокал. Вся формовка и облицевание наружного и внутреннего вида посуды производится с помощью простой деревянной палочки. Работник, держа все время на конце своей трубки оконечность вещи, вертит ее на табурете, а палкой прижимает в данном месте. От накаленности массы дерево часто загорается, но его опускают в воду и продолжают работу. Стеклянная масса, гибкая и в то же время упругая, принимает всевозможные формы и режется, как тесто. Можно залюбоваться, с какой легкостью и быстротой мастера над ней возятся, как из бесформенного мешка они гнут самые грациозные вещи, как они бесстрашны с этой огненной массой, мгновенное прикосновение которой способно, кажется, прижечь кость.

В мастерской гута работает 22 мастера, 22 помощника их и остальные — малолетние дети. Мастера собственно занимаются отделкой вещей, помощники же их и дети подают им только на трубках стеклянную массу и затем на железных вилках уносят готовые вещи. Вид всех рабочих здесь, а особенно детей, самый жалкий. Они все истомлены и худы, а у детей, кроме того, воспалены глаза от страшного жара гута. Рискуя каждую секунду получить смертельный ожог, они стали положительно равнодушны к опасности. Эти жалкие создания, только что начинающие жить, выучились уже и презирать ее, по крайней мере не бояться страдания. Всякий, кто только взглянет на пылающую со всех сторон печь гута и кругом нее на эти ярко освещенные детские лица, грязные, изможденные и апатичные, — тот согласится с этой горькой истиной. Мальчики, набрав стеклянной массы на свои трубки, опрометью бегут к своим мастерам, причем в этой постоянной суматохе, в этих постоянных столкновениях друг с другом огненные шарики то и дело мелькают между одеждами, между лицами, вот-вот готовые коснуться их. И хоть бы кто отстранился, попятился, прикрикнул на соседа. Угрюмо спешат мальчики от гута и к гуту, шипение и неясный гам носится над ними, а когда раздастся крик, то бывает не крик, а вопль нечеловеческого страдания...

Все предметы, оконченные мастерами у гута, относятся мальчиками в так называемую *закальную* печь. Закальная печь имеет назначение *закаливать* стекла, как закаливают сталь, для придания ему надлежащей твердости и хрупкости. Без этого закаливания приготовленные стеклянные вещи при охлаждении их разваливались бы. Печь имеет в длину десятка два саженей, и в ней на рельсах стоят 20 железных ящиков, которые наполняются, по мере передвижения их, через отверстия закальной печи. В переднем отделении печи поддерживается постоянно огонь, чем сохраняется постоянно высокая температура в заднем ее отделении, где стоят ящики со стеклами. Передвижение этих ящиков производится

посредством цепи и блока, помещающегося в смежном отделении — *переборном*. Там, у отверстия печи, с которого можно видеть весь длинный ряд ящиков, стоит рабочий, который поворачивает блок, когда ему дадут из гута звонок. Несколько других рабочих опоражнивают приходящий ящик со стеклом и сортируют уже совершенно охлажденные предметы. Такой ящик проходит всю длину закальной печи в продолжение 2 ½ часов. В переборной работало 8 человек. Из переборной те предметы, которые подлежат внешней отделке, переносятся в *рисовальню* и в *шлифовочное* отделение. Там преимущественно работают над лампочными шарами, стеклами, стаканами, графинами и пр. Там их отделывают под мат, рисуют или, скорее, вырезают на них узоры, гранят и шлифуют. Отделка под мат производится простым трением об стекло песчаной гущи. Узоры вырезает мастер на память, посредством вертящегося стального кружка. Этим кружком он нарезает в разных направлениях черточки на стекле, из которых невидимо образуются все возможные рисунки, часто художественные. Это дело одно из самых трудных на заводе, потому что требует, кроме верного глаза, еще художественной фантазии (мастер в большинстве случаев сам измышляет рисунки). На заводе Болотова мастер оканчивает в час до пяти ламповых шаров. Кроме них, он вырезает еще целые картинки, пейзажи с людьми и животными на хрустальных стаканах, кружках и рюмках. Для нарезывания и отделки грани на стекле в *шлифовочном* отделении существует ряд стаканов с колесами: железными, каменными и деревянными. Каждое из этих колес действует на стекло давлением (мастер подставляет под него предмет) и вращательным движением. Для получения первоначальной грани употребляют железные колеса и посыпают стекло песком. От этого получается грань грубая, совсем матовая. Для дальнейшей отделки ее передают предмет на следующую машину, где действует на ту же грань каменное колесо, а самое стекло поливается водою, грань получается глубже, ровней и светлей. Затем его передают на последние машины, где посредством простого деревянного колеса и поливания стекла ножаком (пемза с водой) матовая поверхность грани становится прозрачной и совсем гладкой. Этим же колесом сглаживают и резкие края стаканов, рюмок и пр.

Кроме гранения и шлифования, в этом отделении обрезывают еще концы ламповых стекол, тоже посредством машин с вращающимися колесами или, когда их не хватает, посредством машины с алмазом.

Последняя инстанция для вещей более дорогих и изящных — это живописно-золотарное отделение. В нем по молочному стеклу рисуют букеты, пейзажи, группы и портреты. В рисовне господина Болотова работает 6 человек, из которых лучший мастер — немец. Его портреты и рисунки на вазах заслуживают по своей художественности исключительного внимания. Особенно хороши выходят у него портреты. Лучшая из его работ — две сцены из «Демона», писанные на громадной вазе, — была выставлена на московской выставке. Этот мастер работает у

Болотова уже два десятка лет и получает большие деньги, поштучно. За отделку, например, сказанной вазы он получил около 200 рублей. Остальные рисовщики, народ русский, далеко отстали от своего товарища немца если не по качеству работы, то по заработной плате. Они работают тоже поштучно, до 10 рисунков в день, максимум на 50 рублей в месяц, тогда как немец вырабатывает иногда на 150 с лишком рублей в месяц.

Для того чтобы краски не стирались со стекла, предметы с готовыми уже рисунками ставят в горячие печи, называемые *мофиля*, на подстилку из плиток кассальской глины. Там держат их до 10 часов, и только в этот период краски вполне приплавливаются к стеклу. Печи топятся снизу.

Этим и кончается производство всех видов и сортов стеклянной и хрустальной посуды. В *упаковочном* отделении ее завертывают в солому и складывают в ящики. Таких ящиков и бочек завод Болотова отправляет до 3 ½ тысяч в год, преимущественно в Москву, Петербург и в Нижний по заказам. Ящик с посудой, смотря по сорту ее, продается заводом от 20 до 60 рублей. Всех сортов посуды завод вырабатывает до 1 300 000 штук на сумму до 120 000 рублей в год.

Всех рабочих на заводе до двухсот человек; из них только 60 приходящих, остальные живут на заводе. Население преимущество окрестных деревень, частью из Вышнего Волочка. Помещения рабочих далеко не удовлетворяют самым прозаичным требованиям. Они тесны и грязны. Господин Болотов, кажется, руководствовался в постройке бараков для своих рабочих исключительно хорошими условиями природы. Его бараки стоят на опушке сосновой рощи, и она-то должна, по-видимому, заменять рабочему воздух и чистоту. Расчет, впрочем, не лишенный основания.

Работа на заводе начинается с 5 ½ часов утра и продолжается с перерывами до 9–10 часов. Таким образом, рабочих часов в день бывает до 11-ти, и ими обременены как взрослые, так и мальчики, которых на заводе 40 человек. Эти мальчики, преимущественно дети мастеров, возрастом от десяти и меньше еще, может быть, лет, как я уже сказал, имеют вид далеко не веселый. Видно, и роща-то сосновая не манит их к себе после раскаленного воздуха у гуты. Видно, и харчи хозяйские не подымают их духа, не наполняют их впалых щек и не дают им мало-мальски счастливой жизни.

Заработная плата между всеми рабочими распределяется приблизительно так: мастера работают сдельно от ½ до 3 копеек со штуки и вырабатывают таким образом до 40 рублей в месяц. Помощники их получают от 15 до 18 рублей в месяц, а мальчики — по 3 рубля на хозяйских харчах. Мастерам, кроме того, полагаются отдельные каморки.

Весьма отрадное впечатление на заводе господина Болотова производит школа, основанная и содержимая на его средства. Там обучаются и дети рабочих, и дети окрестного населения числом около 50 человек. Помещение, учебные пособия, учительница и степень познаний

учащихся — всё это делает честь господину Болотову и сглаживает, так сказать, впечатление от его рабочих бараков. Достаточно зайти в эту школу после осмотра бараков, чтобы выехать за ворота завода с довольно легким сердцем.

Из благотворительных учреждений в городе Волочке заслуживает внимания богадельня при фабрике братьев Ермаковых, а в уезде — приют для бедных художников, или, как его называют, «Академический приют» при истоке реки Мсты.

Богадельня Ермаковых[1] основана в самом начале 70-х годов исключительно на средства богатого местного купца Ермакова. Она помещается в прекрасном здании близ его бумагопрядильной фабрики, здании, по меньшей мере стоящем тысяч полтораста. Одна церковь богадельни по размерам и по благолепию могла бы служить приходской церковью в любом городе. Общий вид богадельни, помещающейся среди густого и хорошо содержанного парка, представляет издали очень красивое зрелище. В ней призреваются престарелые и больные преимущественно из Вышневолоцкого уезда. Но, по личному усмотрению Ермакова, принимаются люди и из других уездов. Богадельня обеспечена была при открытии ее капиталом в 50 тысяч, который Ермаков положил в основание новоучрежденного им банка. Этот банк, возникший таким образом в одно время с богадельней в одном помещении с ней, должен был обеспечить ее существование. Кажется, просто и благоразумно. Но не так вышло на деле. В течение десяти лет он служил источником раздоров между городом и Ермаковым. Мирное и разумное предприятие Ермакова, хотевшее воссоединить благотворительное учреждение с коммерческим, чтобы, призревая стариков и старух, помогать в то же время мелким кредитом бедным жителям города, было встречено этим последним как лакомый кусок, возле которого не лишне кой-кому и руки погреть. Столкнулись личные, эгоистические интересы города, с одной стороны, и купеческое самолюбие миллионера-купца — с другой; разыгрались страсти, развернулась русская натура нараспашку — и пошла потеха. Банк буквально стали тащить за обе руки: за одну Ермаков — к себе, за другую город — к себе.

Много было разных перипетий, которых и рассказывать скучно. Всё сводилось к тому, кому управлять банком. Если городу, так банк надо перевести из богадельни для ближайшего над ним надсмотра. Если Ермакову — так переводить его не надо, и Ермаков как директор его остается единственным распорядителем всех банковских операций. Но между этих дрязг в жизни ермаковского банка были три крупные фазиса.

[1] Ермаков Флор Яковлевич (1815–1895), купец 1-й гильдии, действительный статский советник, один из крупнейших московских благотворителей; владелец текстильной фабрики в Вышнем Волочке. Возглавлял учрежденный отцом торговый дом «Яков Ермаков с сыновьями» (торговля «бумажным товаром»). Комплекс Успенской церкви с богадельней основан в Солдатской слободе, к северо-западу от поселка при фабрике.

Первый — когда город оттягал банк у Ермакова и, водворив его у себя, жадно набросился на управление им. Второй — когда выборные заправилы банка, частью пресыщенные, частью разочарованные в чаемых благах от банковских операций, сами стали просить у Ермакова о принятии банка обратно в его полное хозяйство. Когда общипанное, еще дышащее детище Ермакова опять возвратилось в объятья своего создателя — и там, помощью его целений, вновь начало оживать и расти, — это был второй период жизни банка, когда вновь полились в него вклады, начались операции сдержанные и не рискованные, когда банк вновь стал приносить хорошие проценты. Этот период возрождения банка лучше всего указывает на добросовестное отношение к нему Ермакова; но вот начинается третий период. Город смотрит, удивляется — и улегшиеся было страсти его опять бушуют. Опять подымаются интриги, опять начинают оскорблять Ермакова всякими требованиями, придирками и, наконец, выражают ему полное недоверие, громко сомневаются в его честности. Кончилось тем, что город опять потребовал перевода банка из помещения богадельни и передачи его в свое распоряжение. Разразилась буря, и Ермаков, выведенный наконец из себя, швырнул свой банк в лицо города.

Слишком уж много крови испортил он ему. По уставу банка, из процентов его должно быть обязательно отчисляемо 5 000 рублей на содержание богадельни. Но так как содержание ее обходится до 10 тысяч, которые в прежнее время все вносились Ермаковым, город потребовал от Ермакова еще дополнительного капитала, который бы, в случае его смерти, вместе с основным обеспечил всю сумму расходов по богадельне.

После долгих споров и разных перипетий Ермаков внес 75 тысяч, но не на богадельню, а собственно для выполнения многочисленных прорех банка, как то: опротестованных векселей и пр.

Как ныне идут дела банка — не смею судить.

Так называемый «Академический приют» помещается у истоков Мсты, близ большого Мстинского шлюза, в 22–23-х верстах от города Волочка. История основания этого приюта приблизительно такова: известный Петербургу капиталист В. А. Кокорев купил на берегу Мсты имение, которое своим красивым местоположением обратило на себя его исключительное внимание. Он с жаром принялся за отделку усадьбы, за постройку новых служб, и через год-два старого имения нельзя было узнать. Всё стало чисто, с иголочки, грациозно и изящно. Сама местность возле усадьбы приобрела как бы другой характер. В. А. Кокорев, дилетант искусства и тонкий знаток красот природы, умеет пользоваться тем, что для других проходит незамеченным. Двумя, тремя штрихами он умеет помочь природе, поселить в нее стройность и гармонию. Там срубит деревцо, там засадит целую рощицу, откроет вид направо, заслонит слева — и вырастает целая панорама. Имение господина Кокорева под его

руками стало игрушечкой; и сам он, больной и измученный жизнью, стал отдыхать в нем телом и душой.[1]

Как раз напротив его усадьбы, на другом берегу Мсты, круто висящем над водой, стоит красивый домик, скрытый в сосновой роще. Домик давно уж необитаем, хотя его размеры и постройки представляют все удобства для жилья. Этот домик и участок земли возле него принадлежат округу инженеров путей сообщения. В. А. Кокорев, имея постоянно у себя перед глазами этот домик и рощицу, которыми никто не пользовался, задумал устроить здесь летнюю резиденцию для художников. Он попросил округ продать ему весь участок земли вместе с домиком, но получил от министерства путей сообщения отказ. Тогда, не оставляя своей мысли, он обратился за помощью к его высочеству, президенту Академии художеств, великому князю Владимиру Александровичу, влиянием которого министерство путей сообщения *уступило* Академии художеств в безвозмездное пользование дом и землю возле него. Академия стала ремонтировать старый домик, и к прошлому летом готово было уже помещение на десять человек.

Кокорев, обиженный сначала отказом министерства путей сообщения, когда начались эти постройки, не принимал в них деятельного участия. Однако потом, по мере того как обращались к нему за указаниями и советами, он стал оживляться и вдруг горячо принялся за дело. Казенных денег, отпущенных Академией, было не Бог весть сколько; пришлось бы экономничать, урезать, а это было не в натуре В. А. Кокорева. Указывая, как сделать то и другое, он соображал, что при этом как раз следует прибавить третье и четвертое, и, сообразив, немедленно приводил в исполнение на собственные средства. Таким образом, первоначальный план построек изменился и значительно расширился. Уже построено вновь три флигеля, из которых один — прекрасная мастерская, и строится теперь большой парадный павильон для принятия высоких гостей ко дню торжественного открытия приюта, которое имеет быть в будущее лето в присутствии великого князя Владимира Александровича с его августейшей супругой. Этот павильон, строящийся по плану и под личным наблюдением В. А. Кокорева, будет шедевром изящества. Он весь пирамидальный, с высоким куполом, снаружи и внутри будет обшит некрашеными досками бледно-розового цвета (местное особенно ценное долго лежалое дерево) и весь отделан тончайшей резьбой в строгом

[1] Владимиро-Мариинский художественный приют для пребывания академистов Императорской академии художеств (1884), ныне Академическая дача имени И. Е. Репина, старейшая творческая база Союза художников России, 8 км от Вышнего Волочка на берегу р. Мсты и оз. Мстино. В широком смысле Академической дачей (Академичкой) называют окрестности творческой базы с дд. Большой и Малый Городок, Кишарино, Терпигорево, Валентиновка, Подол и др., во множестве заселенными художниками во второй половине XX в. Основатель приюта Василий Александрович Кокорев (1817—1889), предприниматель, меценат, почетный член Академии художеств (1889).

русском вкусе. Помещаясь на самом высоком месте берега, он буквально висит над Мстой как раз против первых ее порогов. Вид отсюда направо и налево действительно достоин кисти. А когда отделка павильона окончится и можно будет любоваться этим видом сквозь зеркальные стекла, в которые предполагается обратить большую часть стен павильона, это будет еще лучше.

Местность, принадлежащая приюту художников, представляет собой как бы треугольник, вершина которого помещается между истоком Мсты и Мстинским озером, а стороны идут: одна — вдоль реки Мсты, а другая — вдоль узкого залива Мстинского озера. Местность здесь неровная — покатая к вершине треугольника и подымающаяся к основанию его. Лучшая точка — это, безусловно, самая вершина. Из-за сосновой чащи здесь открывается бесконечная водяная даль Мстинского озера с его крошечными островками и с берегами прихотливо-извилистыми, точно разорванными. На них пестреют где лес, где клочки полей, где зеленая ширь лугов. Вода по озеру гладкая, чистая, а посмотришь несколько влево и назад, на широкое русло Мсты, кольцом огибающее вас, — там она быстро и шумно струится между порогами. Посмотришь направо — опять кругом вас кольцо воды, а за ним расстилается ровная даль и на горизонте черная полоса лесу. Словом, не надо быть художником, чтобы оценить эту тихую, мирную и в то же время мощную картину природы. Здесь, кажется, всё так и создано, чтобы дать наслаждение глазу и отдых — душе...

Если, побывав в Вышнем Волочке, нельзя не остановиться некоторым вниманием на внешних особенностях этого городка, на его оригинальной красоте, то равным образом, соприкоснувшись с жизнью уезда, с чертами земского самоуправления, нельзя обойти молчанием некоторые исключительные особенности его.

Я говорю *исключительные*, потому что мне не приходилось еще их встречать в других уездах. Мне не приходилось встречать такого добросовестного отношения к своим обязанностям всех лиц земской администрации начиная от предводителя дворянства и до секретарей уездных учреждений включительно; такого разумного понимания этих обязанностей и такого единообразия в действиях. Ничего нет в мире идеального, и потому я не намерен идеализировать земство Вышневолоцкого уезда, но сравнительно с другими уездами и насколько вообще возможны целесообразные действия земства в сфере его многочисленных и запутанных обязанностей, в сфере этого «государства в государстве», вышневолоцкое земство ближе других подходит к намеченному Положением идеалу земства, призванного охранять или, вернее, *опекать* жизнь и интересы сотен тысяч населения уезда. Вышневолоцкое земство действительно опекает свой уезд по мере сил и возможности. Крестьянское хозяйство и народное образование — это две главные отрасли, весьма успешно ведущиеся в Вышневолоцком уезде. Как характеристику первой из них, могу сказать, что в уезде нет почти пустых

хлебных запасных магазинов. Даже неблагоприятный урожай нынешнего года не отразился с этой стороны пагубным образом. Крестьяне Вышневолоцкого уезда осознали наконец свою личную пользу от засыпки запасного хлеба в магазины, и это сознание обеспечивает успех дела при всяких обстоятельствах. Это сознание есть всё. Оно есть сила, во сто раз сильней всех понудительных полицейских и других мер. Оно есть указатель нравственного уровня населения, оно уже есть богатство края. В тех местах, где магазины пусты, а часто и разрушены, господа земцы всегда ставят причиной тому отсутствие этого сознания в крестьянах и полную несостоятельность всех понудительных к тому мер. Крестьяне обыкновенно рассуждают так: «Кому я буду давать свой хлеб?.. В магазин?.. Да зачем?.. Рази мне отдадут?.. Дадут вот Митрию, потому у него бедность! Агафону дадут, еще кому, а мне не дадут!.. У меня своего хлеба довольно!.. А им за что дадут?.. За безделье, за пьянство!.. Так на это будет идти мое добро?.. Нет, шалишь!.. Не дам!.. А то вон еще староста разграбит! Намедни вон, в прошлом году, очистили магазею. А кому раздали, по каким энто квитанциям, про энто старосту спрашивать надо».

Не лишены некоторого основания такие речи мужиков, и тем труднее заставить их рассуждать иначе. Вот почему велика заслуга вышневолоцкого земства, умевшего снискать себе доверие населения и тем взять верх над упрямой логикой русского мужика.

Народное образование весьма ревностно охраняется вышневолоцким земством. Я посетил сравнительно очень мало народных школ (их с лишком 50 в уезде); но там, где мне случилось быть, я выносил впечатление самое удовлетворительное.

Первое, что школы не пусты. Крестьяне охотно посылают учиться своих детей и посылают их зачастую за несколько верст. Значит, они видят пользу, результаты учения в этих школах. Помещения школ просторны и опрятны, наставники и наставницы выглядят очень симпатично, а учащиеся дети не запуганы, отвечают бойко и, в большинстве случаев, толково. Учебные пособия в народных школах — это, так сказать, указатель степени заботливости о них земства. Я видел «библиотеки» сельских школ, к которым это название можно применить только как пародию. Грязные шкафы, наполненные грязными обертками, которые и в руки тошно взять, — это более обыкновенный их вид. В обертках — изодранные и истлевшие почти жалкие остатки страниц, где и хорошо грамотному трудно что-нибудь разобрать. При неосторожном движении такого рода «учебное пособие» всё трепещет и вот-вот готово рассыпаться. Случалось мне видеть в одном уезде и в одной школе, что мальчик сидит над своей азбукой и боится ее тронуть. А надо перевернуть страницу: это, очевидно, опасное событие для него. Тут употребляется вдвое больше усилия и внимания, чем при чтении самых непонятных иероглифов, испещряющих такого рода азбуки. Бывают школы и с лучшими «библиотеками», где учебные пособия еще *годны* к употреблению. Но

таких прекрасных учебников, какие встречаются в школах Вышневолоцкого уезда, мне в других уездах видеть еще не случалось.

Участие земства в народном образовании главным образом выражается ассигновкой требуемых средств на школы. Дает земство больше — школы очевидно лучше. Это понятно. Но даже при сравнительно одинаковых средствах, отпускаемых на школы в разных уездах, они значительно разнятся между собой. И эта разница вся происходит от взаимного отношения правительственной власти над школами и земством. Наблюдение за школами, за порядком занятия в ней, за нравственностью наставников и за успехами учеников поручено, как известно, инспекторам народных училищ — чиновникам министерства народного просвещения. Выбор и назначение наставников производится по *соглашению* с уездной управой или, наоборот, — управой по соглашению с инспектором. Смена же наставников может быть произведена единоличной властью инспектора, чего не может управа. Учительский совет во всём этом является инстанцией как бы апелляционной, долженствующей примирять между собой интересы правительства с интересами земства на пользу интересов дела. Но учительский совет есть почти та же управа, потому что правительство в нем изображает один инспектор. И вот следствием этих сложных отношений к народной школе правительства и земства являются обстоятельства подобного рода.

Например, инспектор народных училищ желает определить на вакансию народного учителя или учительницы лично известную ему особу, за качества которой он ручается. Он сообщает о сем председателю управы, и всё остальное зависит от личных отношений инспектора с председателем. Потом: инспектору известна полная непригодность такого или такой-то к званию учителя или учительницы. Он сменяет их, не предупреждая управу. Председатель ее может обидеться и в таком случае делает «пакость» инспектору примерно в таком роде. При посещении любой школы ему вдруг не понравилась физиономия учителя, поклон его, манера говорить. Он предлагает инспектору сменить сказанного учителя, и когда инспектор отказывает, управа преспокойнейшим образом прекращает выдачу помянутому учителю содержания. Очевидно, бедный учитель должен убираться подобру-поздорову.

Это только единичные возможные факты. Но я полагаю, и они достаточно ярки, чтобы охарактеризовать всю непрактичность двувластия над народной школой таких разнородных элементов, как земства и правительства. Что-нибудь одно: или земство полный хозяин школ — тогда контроль правительства одна формальность, влекущая за собой только расходы. Или это земство, *обязанное* законом к известному minimum'у расходов по каждой школе, может распоряжаться только количеством их в уезде и материальной стороной их быта, то есть сверх обязательного минимума увеличивать содержание учителей, улучшать

учебные пособия, оставляя чиновникам правительства всю заботу о самом обучении и о результате его. А ныне всё дело народного образования в уезде держится на основах личных отношений инспектора к председателю управы или изображающему его. Но надо же сознаться, что основы эти слишком шатки, если одна партия винта, один маленький шлем, не вовремя назначенный, при горячих темпераментах часто потрясает всё здание добродушных отношений людей между собой. Вышневолоцкий уезд и в этом отношении представляет счастливое исключение. Судьба послала ему такого инспектора народных училищ, с которым даже и за картами ссориться грешно. И если вышневолоцкое земство не жалеет на свои школы денег, то господин инспектор не жалеет для них самого себя, проводя в разъездах по школам гораздо больше времени, чем у себя дома. Дело народного образования — его родное дело, с которым он нянчится и которое он любит чисто по-отечески. Долг службы, долг дисциплины и даже простой благодарности что-то мало создавал еще в России ревностных чиновников, но зато любовь к своему делу дает ей много и часто прекрасных людей.

Вот чем могу я объяснить только ту странную, по меньшей мере, манеру (странную потому, что не халатную) в отношениях к своим обязанностям и между собой властей земских и правительственных в Вышневолоцком уезде.

— Иван Яковлевич, съездите, пожалуйста, в такую-то волость, разберите там это дело! — И Иван Яковлевич добродушно кряхтя, собирается в путь, укутывается, обвязывается и отмахивает верст 50–60 в отдаленнейшие края уезда.

— Яков Иванович, вы ведь едете на днях ревизовать такую-то волость? Что бы вам свернуть да самому проверить этот план? А?.. Ведь, пожалуй, наврали! Мы разрешим, а эта мерзавка наверно откроет там кабак!.. А?.. Как вы полагаете?.. Ведь недалеко вам будет!

Яков Иванович неопределенно мычит.

— То есть... не совсем не далеко! Верст 25, пожалуй, в сторону... — бормочет Яков Иванович.

— Ну, где 25, поменьше... — утешают его.

— Нет, не меньше!.. Знаю я это место... Я бы съездил, пожалуй, да у меня уж назначены подряд волости, чтобы к ночлегу попасть в Передергино.

— Ну, ничего...

— Да ведь тогда мне ночевать придется в этом Завитухине!..

— А что?

— Да там и негде-то пожалуй...

— Ну, ничего... переночуйте как-нибудь. Кости молодые…

— Эх, молодые!.. Печень вот болит от этой тряски всё... — пробует еще защищаться Яков Иванович, но уже слабо, явно сознавая необходимость ехать.

И вот, несмотря ни на печень, ни на мерзкое Завитухино, где негде ночевать, несмотря на свои *молодые* кости 60-летней пробы, Яков Иванович и ревизует волость, и проверяет план, и даже не заболевает, исколесивши верст 200 по невообразимым дорогам, которые он самым добродушным образом называет «обрушившейся на нас карой небесной!»

— Эти дороги, дороги, знаете... ах! — говорит, скорее вопит он после экскурсии, хватаясь за печень. — Точно само небо разверзлось и бросило их нам, как страшный бич за наши беззакония...

В этом роде служат своему делу господа земцы Вышневолоцкого уезда. Словесными преобразованиями, хулением всего старого и постройкой в один вечер на место его *нового,* начиная от низших уездных учреждений и кончая самыми высокими государственными, — этим делом в Волочке не занимаются. Вы не услышите там столь обыкновенных в последнее время категоричных фраз вроде: «Это никуда не годится…», «Ничего, кроме вреда, от этого присутствия мы не видим…», «Это необходимо устроить так, чтобы…» и т. д. Всего этого там и не любят, да и не умеют говорить так напыщенно. Как ни заводи разговор, с какой стороны ни подступай, как ярко ни мани «Кахановской манной»,[1] имеющей скоро просыпаться на нашу «бедную Россию», не раздражить ничем преобразовательных аппетитов ни у Иван Яковлевичей, ни у Яков Ивановичей.

— Да вы бы как же думали исправить этот недостаток?.. — спрашиваю я в десятый раз милейшего и честнейшего Якова Ивановича. — Ведь за вами стоит опыт двадцати лет...

— Вот опыт, вы говорите, — живо подхватывает Яков Иванович. — Верно, опыт есть!.. А что он мне дал? Разве он дал мне возможность изучить все, как есть, стороны земского дела?.. Разве я могу знать, что мне завтра придется делать в управе?.. Ведь это... ах! Ведь это великое дело! Ведь это нескончаемая, безграничная... как бы вам сказать... даль, что ли. Это *необозримое* поле для деятельности, — радостно подхватывает Яков Иванович, весь загораясь вдохновением. — Ведь вот, посмотрите это, — указал он мне на подстилку для лампы, всю обделанную кругом бахромой из множества разноцветных ниток. — Вот вам земское дело!.. Разве вы сосчитаете все ниточки здесь? И каждая ведь иная... А ведь предмет небольшой!.. Теперь троньте одну, потяните, ведь сколько соседних зашевелится? А?.. А дерните крепче, так и все задрожат!..

Так и наше дело земское. Разве возможно исчислить все стороны его, недостатки или достоинства, все могущие родиться завтра, послезавтра и т. д. новые вопросы?.. Ведь нельзя же! согласитесь!.. Ведь вот я, например! Вы говорите: «20-тилетний опыт». А я с этим опытом и сегодня еще стал в

[1] Комиссия для составления проектов местного управления под председательством статс-секретаря М. С. Каханова (1881–1885) должна была завершить реформы 1860–1870-х гг. и скоординировать действия государственного аппарата и земского самоуправления.

тупик над одним распоряжением. Не знал!.. Право, не знал, как и быть!.. Вот только спасибо членам; посоветовались, потолковали да решили. А там как Бог даст!..

И всё так! Всё пока в нашем деле мы делаем наугад. Значит... — подхватил он после остановки, — значит, земское дело для нас еще *новое*, еще много пройдет времени, пока мы его кое-как изучим. Да наше-то поколение и не дождется того. Пожалуй, третье, четвертое!.. Вот тогда, тогда, когда мы будем знать, какая там ниточка шевельнется, когда мы тронем эту, ту, вот тогда и толкуйте о преобразованиях. А то теперь что выходит?.. Все что-то изменяют, ломают, кричат, а даже не знают о чем. Говорят: не годится, а ведь, ей-богу, не все присмотрелись даже к тому, что не годится.

— Но ведь недостатки же есть, — настаивал я. — Вот хоть бы из того, что вы уже изучили, что испытали на деле. Не всё же удовлетворяет нуждам страны, населения...

— Ах... — зашевелился на месте Яков Иванович. — Ну, есть! так что же? Так разве я знаю, чем можно их поправить, что можно нового создать, когда я еще старого всего не знаю?.. Я не знаю еще заданного старого урока, а уж буду заглядывать вперед. Да и есть ли мне время думать над этим?.. Я же вам говорю, что занимайся я 48 часов в сутки — и их бы не хватило, чтобы сделать всё нужное, всё необходимое даже, чтобы перебрать все эти ниточки. А ведь жизнь не останавливается, как же я могу остановиться для думанья? Пользы, я думаю, от этого не будет ровно никакой. А там другие... ну, пусть их!.. — добродушно закончил он.

Да! Да!.. — пронеслось у меня в мыслях, — не в этом ли вся мудрая суть? Жизнь не останавливается, а мы остановились над ней и задумались, как делают это всем известные животные, останавливаясь над водой. Да! Рассуждай так, как мой Яков Иванович, всякий земец, я думаю, Кахановской комиссии положительно нечего бы было делать...

Неси каждый предводитель дворянства свое знамя так высоко и с таким достоинством, как несет его предводитель Вышневолоцкого уезда, — думаю также, что не пришлось бы теперь подыскивать «чего-нибудь» нового, «вроде» предводителей дворянства и «какого-нибудь» нового сословия «вроде» истаявшего старорусского дворянского.

Не учреждения, не обстановка, не обстоятельства, не внешние формы становят жизнь со всеми ее оттенками, а только люди, люди и люди...

Вот убеждение, которое я вынес, покидая гостеприимный и милый Вышний Волочек.

Город Осташков

Уже давно, с начала 60-х годов, стали появляться в печати отдельные очерки города Осташкова, обратившего на себя исключительное внимание

среди прочих городов Тверской губернии.[1] Поводом к этому исключительному вниманию послужило устройство в Осташкове *первой* в России вольной пожарной команды. Отличное устройство ее и успешные действия сделались тотчас известны не только в Тверской губернии, но и далеко за пределами ее. Само правительство обратило свое око на этот глухой и отдаленный город, милостиво отнеслось к благому начинанию осташевского городского общества и нашло полезным предложить всем городским обществам заняться устройством своих пожарных команд по образцу осташевской. С легкой руки пожарной команды захолустный уездный город, стоящий вдали от всех торговых путей, стал привлекать к себе уже не одних случайных туристов и вызывать заметки о себе не только случайные и отрывочные, а иногда и более и менее полные и систематичные.

Русь велика и обильна, и много в ней непочатых ни пером, ни лопатой, ни чем иным углов. А в этих углах гнездится такая бездна своеобычностей, странностей и всяких «собственных» черт, такой богатый материал и для художника, и для писателя, и для аферист а, что подчас и в тупик становишься над массой самых неожиданных и разнородных впечатлений. Снаружи всё гладко, всё точно застыло под покровом общей спячки, а чуть копнешься только вглубь, просверлишь хотя самое маленькое отверстие в этой одноцветной коре, как оттуда глянет целый мир, и только успевай схватывать да наматывать на ус десятки явлений, населяющих этот мир, одно другого ярче и разнообразнее, но и бесконечно, как в калейдоскопе. Копните глубже, употребите больше внимания — и перед вами откроются уже целые слои явлений, всё более и более тусклых, всё менее понятных вам, с контурами неопределенными, как бы подвижными и как бы расплывающимися в общей массе.

Это какое-то царство планет, туманное, далеко от нас, в котором мы живем только гаданиями да суверенными воображениями. Но это царство — это мы сами, это наши же жизни, сплетенные невидимыми для нас нитями, которых мы не сознаем в себе, не подозреваем даже. И если порой через столетия сила великого гения приблизит к нашим глазам этот далекий и в то же время близкий нам мир и огонь его вдохновения ярким лучом осветит перед нами хоть маленький краешек его бесконечности, мы с шумом и с жадностью толпой набрасываемся к этому краешку, рассматриваем его, копошимся в нем и удивляемся, как там всё просто и ясно. «Ведь это мы сами, это наша будничная жизнь!.. Это вот Иван Иванович, а это точь-в-точь Мария Федотовна, а это…» — и т. д. без конца судят да рядят, пока не охрипнут и не пресытятся новым зрелищем. А пресыщение наступает скоро. Равнодушно повертывается тогда толпа зевак спиной к волшебному явлению и с скучной гримасой говорит: «В сущности... ничего особенного! Всё это мы давно знали, встречали... всё

[1] См.: *Тверь 1*, с. 409–411; *Слепцов В.* Письма об Осташкове (образец городского устройства в России) // Современник. 1862. № 5; 1863. № 1–2.

это так обыкновенно, серо! Ах, Господи!.. Какая тоска, какое однообразие! Хотя бы землетрясение...» И снова наступает спячка до первого скандала, до первой грязной сплетни, до появления нового гения...

Но это к делу не относится. Я только пытаюсь дать понять читателю, почему так усердно и внезапно занялись Осташковом. Ленивому и апатичному русскому человеку сказали, что, мол, в некоем Осташкове существует лучшая пожарная команда. Кто близко жил от сего Осташкова, а кто случайно проезжал мимо, завернули в него на минуточку, чтобы посмотреть «диво». Посмотрели, понравилось и тут же, по необходимости, увидели еще кое-что, чего не видели у себя дома. Кто имел дар слова, рассказывал об увиденном устно; кто владел пером, писал коротенькие мемуары, и Осташков на некоторое время вошел в «моду». Но среди всяких «зевак», наезжавших в Осташков, нашлись люди и посерьезнее, полюбознательнее, которым подумалось посмотреть на Осташков и его особенности несколько глубже, с точки зрения и литературной, и научной. Другими словами, это были именно те люди, которые дали себе труд просверливать отверстие на бесцветной глади жизни захолустного города и сквозь эти отверстия наблюдать те или иные явления этой жизни, полные того или другого интереса. Такими людьми были два автора двух самых подробных и толковых статей об Осташкове, господин Р-в и господин Покровский, один — когда-то занимавшийся, а другой — и ныне занимающийся статистикой в Тверской губернии.[1]

Статья господина Р-ва относится к 1863 г., статья господина Покровского — гораздо позднее. Обе они довольно полно рисуют нам картину Осташкова как с внешних его сторон, так и по вопросам внутренней жизни: нравы, обычаи, торговлю, промышленность, народное образование и проч. Обе они написаны с видимой подготовкой и после основательного изучения предмета. Материалы собирались не день и не два, а потому и статьи имеют характер историко-географических и культурных очерков.

Я пробыл в Осташкове всего неделю, и хотя усердно занимался его изучением, посещал и осматривал все заслуживающие внимание места, но не считаю себя, однако, вправе претендовать на самостоятельный труд по описанию Осташкова как потому, что неделю считаю я для этого сроком ничтожным, так и потому, что вышеупомянутые две статьи исчерпали уже предмет довольно основательно, во всяком случае основательнее, чем бы я

[1] Рубцов Николай Иванович (3.10.1825, Тверь — 1895, Вильна), губернский чиновник, историк, краевед, публицист, тайный советник, основатель Тверской публичной библиотеки; *Р-в Н.* Очерк Осташкова // Памятная книжка Тверской губернии на 1863 год. Тверь, 1863. Отдел III. С. 119–199. Покровский Василий Иванович (21.12.1838, Ржевский у. — 1915), земский статистик, экономист, педагог, член-корреспондент Петербургской академии наук (1902); Историко-статистическое описание города Осташкова / сост. и предисл. В. И. Покровского. Тверь: тип. Губ. зем. управы, 1880.

мог это сделать. Однако и я сделал несколько своих наблюдений, с которыми, признаюсь, расстаться несколько жалко.

Не теряя храбрости, хочу я эти мои личные наблюдения, где нужно, сопоставить, а где нужно и дополнить наблюдениями людей, ранее меня потрудившихся над Осташковом, и из этого смастерить что-нибудь хоть похожее на очерк.

Передо мной лежит прекрасная статья господина Р-цова и некрасиво исписанные листы моих собственных «заметок» по Осташкову. Постараюсь их сравнить и воссоединить в одно целое; может, и найдется что-нибудь интересное, через что прожил, в чем изменился город в 22 года своего существования.

Город Осташков лежит на берегу знаменитого озера Селигер (вытекает Волга), на полуострове, очень резко вдающемся в озеро, и с трех сторон окружен водой. Масса воды в Селигере и в озерах близлежащих делает климат Осташкова слишком влажным, а болотистый грунт, сверх того, развивает и большую сырость. Потому климат Осташкова далеко не здоров. Все катаральные болезни, а особенно легочная чахотка, развиваются здесь, по словам докторов, очень успешно. Осень, время туманов, и весна, когда заливает юго-западную часть Осташкова, — это периоды лихорадки, ревматизмов, флюсов, насморка и пр. В Осташкове тогда хуже, чем в нашем Петербурге. Зимой же дуют там ветры, особенно чувствительные благодаря громадным размерам озера Селигера и прямолинейности улиц самого города, почему малейшее дуновение становится сильным сквозняком. Летом, особенно в жару, по городу царит сильное зловоние от избытка кожевенных заводов и терпятся жителями все бедствия от неимения свежей и чистой воды. Происходит это оттого, что все кожевенные заводы расположены по берегу озера кругом города, а заводчики мочат в воде сырые кожи. Весь жир, вся шерсть — словом, вся гниль и мерзость остаются в воде, а так как она в озере стоит, то и грязь, понятно, в ней стоит. В тихую летнюю погоду, говорят, нужно с полверсты отъехать от берега, чтобы выпить стакан сносной воды, без вони, без грязи и без шерсти.

Словом, ни одно время года особенно Осташков не красит и не делает его ни приятным, ни здоровым местом. По исчислениям г. Р-цова, в нем ежегодно средним числом переболевает свыше 5-ти процентов всего населения, и то только из тех, которые обращаются к докторам. А множество и не лечится совсем. Цифра почтенная! В этом отношении и Петербург остался позади! Наружность города нельзя назвать красивою. Только подъезжая к нему от Вышнего Волочка по почтовой дороге, идущей по возвышенностям, господствующим над озером, можно издалека любоваться общим видом Осташкова, резко выдающегося из окружающей его массы воды, точно вырастающего из нее. Но въезжая в город, тотчас наступает и разочарование. Везде, по какой бы улице вы ни ехали, благодаря их прямолинейности и плоской местности в перспективе

представляется вода и вода. Прямолинейность этих улиц — это первое, что бросается в глаза в Осташкове. Поистине, такой правильной планировки города я не встречал ни в одном нашем русском городе, включая в то число и столицы, ни даже в заграничных городах. В этом виде Осташков выстроился при Екатерине II после истребившего его пожара. Говорит, когда спросили императрицу, как строить Осташков, она взяла лист бумаги, начертила несколько параллельных линий и несколько перпендикулярных к ним. «Вот так!» — сказала императрица, и буквально так и выстроился Осташков.

Если планировка города являет собой последнее слово цивилизации, то постройки его далеко не гармонируют с ней в этом отношении. Ни размерами, ни красотой архитектуры не отличаются ни частные, ни общественные дома Осташкова. Из общественных построек лучшие — это дом, занимаемые благотворительными учреждениями банка Савина, дом городского училища да устроенные при самом въезде в город казармы квартирующего в городе пехотного батальона. Из частных — только дом, вновь выстроенный купцом Савиным, пока пустой (назначение его почему-то держится Савиным в секрете), обращает на себя некоторое внимание, выделяясь и своими размерами, и своим красным цветом среди однообразно-монотонных, беленьких домов Осташкова. Г. Р-цов не без основания, вероятно, полагает, что в постройках своих осташковцы заимствовались от остзейцев, с которыми, благодаря торговле, издавна уже находятся в постоянных сношениях. Отсюда, я полагаю, и унылость и бесцветность в общем характере построек города Осташкова, что в сочетании с беспрестанно мелькающею, куда ни взгляни, оловянной поверхностью воды производит впечатление, близкое к английскому сплину. Да им, по-видимому, и одержима добрая половина обреченных на заточение в городе Осташкове. Только летом взгляд может отдохнуть на зелени цветов, садов и бульваров, да ночью вас поразит газовое освещение улицы, ведущей к фабрике Савиных, особенно странное, почти смешное, среди непроницаемой темноты во всём остальном пространстве городка, не признающего фонарей *в принципе*. Вообще нужно не день и не два прожить в Осташкове, нужно ознакомиться основательно с его бытом, освоиться с его странностями и испытать на себе всё его русское добродушие, чтобы несколько изгладилось первое неблагоприятное впечатление, получаемое, я думаю, всяким новоприезжающим в сей град.

Всех домов в Осташкове сочтено было в 1862 году — 1 496, ныне их числится 1 493. Всего населения за 1862 год исчислено 10 876 человек, за 1884 — 10 880 человек. Значит, за 22 года жизни города убыло в нем *три* дома и прибыло *четыре* человека. Разве не характерно?! Исключая десятка-двух более просторных домов, занимаемых исключительно богатыми заводчиками и фабрикантами, всё остальное представляет собой неуклюжесть и ветхость, особенно резко бросающиеся в глаза в постройках деревянных. Странно покажется на первый взгляд, что в

Осташкове, уезд которого может быть назван «царством леса», могут встречаться ветхие деревянные дома. Г. Р-цов в своей статье основательно объясняет это тем, что в самом Осташкове лес едва ли не дороже, нежели в городах, лежащих по верховью Волги, потому что места, где производится преимущественно рубка строевого лесу на продажу, находятся от города в 40—50 верстах и, по недостатку сплавных путей, лес должен по большей части доставляться сухопутно, что, конечно, значительно возвышает его ценность. Церквей в Осташкове четыре, монастырей два: Знаменский — женский и Житенный — мужской.

Самая старинная церковь в Осташкове — это *Воскресенская*. Построена она была в 1689 г. для крестьян Осташевской Иосафовской слободы, т. е. принадлежащей Волоколамскому Иосафову монастырю, взамен прежней деревянной, тут же стоявшей трехпрестольной церкви этого же имени. Спустя 8 лет после постройки *Воскресенской* церкви рядом с ней выстроена была *Троицкая соборная* церковь, и ныне обе они обнесены общею красивою оградой, состоящей из чугунной решетки на каменном цоколе с тремя резными готической архитектуры воротами.

В расстоянии получаса езды от города по озеру Селигеру (7 верст) находится знаменитая Нилова Пустынь, вся, как крепость, окруженная водой.

Нилова Пустынь издавна уже обращала на себя внимание всех посещавших Осташков, и подробное описание ее повторялось уже несколько раз. (Первое в 1853 году.[1]) Поэтому считаю лишним описывать ее подробно с точки зрения археологической и исторической. Для полноты очерка позволю себе только привести здесь несколько кратких сведений об основании монастыря, заимствуя их из статьи того же господина Р-цова.

«Монастырь основан в 1594 году, в котором иеромонахом Герасимом с благословения митрополита Новгородского Александра[2] построен первый деревянный храм во имя Богоявления Господня с приделом Василия Блаженного. С этого года из числа богомольцев, приходивших прежде сюда для поклонения почивавшему под спудом угоднику, некоторые стали оставаться на постоянное жительство и строить кельи, так что между 1594 и 1599 годами составилось монашеское общежитие, находившееся под управлением иеромонаха Герасима. В 1599 году прибыли в пустынь из разных мест несколько монахов, из которых один, по имени Нектарий,[3] своим образом жизни обратил на себя внимание всех проживавших в пустыни, приобрел их любовь и уважение и по ходатайству около 1620 года митрополитом Новгородским Иоакимом[4] назначен игуменом монастыря.

---

[1] Историческая записка о Ниловой пустыне, что на озере Селигере. Тверь, 1853.

[2] Александр (Бердов), митрополит Новгородский и Псовский (1586—2.06.1591).

[3] Свт. Нектарий (Николай Павлович Теляшин; 1586/1587, Осташковская патриаршая слобода — 15.01.1667), игумен Нило-Столобенского монастыря (1620), архиепископ Сибирский и Тобольский (1636–1640). Память совершается 15 января, 28 мая, 10 июня.

В 1667 году при настоятеле пу́стыни Германе,[1] во время устройства вместо деревянной — каменной церкви при копании рвов обрушилась земля близ гроба преподобного Нила, и мощи его открылись нетленными. Об этом было доведено до сведения царя Алексея Михайловича и Новгородского митрополита Питирима,[2] по грамоте которого, по надлежащем освидетельствовании, мощи были взяты из-под спуда, положены в новую раку и поставлены на время в деревянной церкви Покрова Богородицы, а потом, в 1671 году, перенесены в устроенную каменную церковь, в которой почивают и поныне. При открытии мощей сочинена надлежащая служба преподобному и установлено память обретения ежегодно праздновать 27 мая.

В настоящее время Нилова пустынь по устройству и богатству своему занимает одно из видных мест в числе православных русских монастырей. Соборный храм во имя Богоявления Господня с двумя приделами отличается обширностью и прекрасной архитектурой как снаружи, так и внутри. Он занимает середину внутреннего двора и окружен огромными каменными корпусами, в которых помещаются: трапеза для братии и для богомольцев, настоятельские кельи, кельи для братии и т. п. В наружном дворе также устроены два больших каменных корпуса с кельями для богомольцев.

Весь монастырь обнесен каменной оградой, а берега острова окаймлены гранитом с красивою чугунною решеткою. Словом, это настоящая крепость, брать которую приходилось бы нелегко.

Монастырь, благодаря вниманию государей российских, жаловавших в разное время в пользу его земли, и усердию почитателей преподобного Нила, дававших значительные пожертвования, в настоящее время владеет довольно значительными землями на соседних островах и полуостровах. Монастырю принадлежат еще два подворья: одно в Москве, другое в Осташкове. Московское приносит ныне значительный доход.

Само собой разумеется, что дохода с земель и с оброчных статей не хватает на содержание монастыря. Главный его доход состоит в приношении богомольцев. Как велик этот доход, можно судить по тому, что, за покрытием всех расходов на содержание братии и богомольцев (пользующихся даровым содержанием от пустыни в продолжение двух-трех дней), расходов, простирающихся ныне, я думаю, свыше 20-ти тысяч в год и расходов по устройству монастыря (хотя, по-моему, это устройство оставляет ожидать еще многого), капитал монастыря состоял еще в 1862 году из 225 971 рубля разными бумагами и наличными деньгами, кроме неприкосновенного капитала в билетах на 7 954 рубля. Более 100 000

---

[4] Ошибка. Правильно: Макарий († 12.09.1626), митрополит Новгородский и Великолуцкий (1619–1626), архиепископ Вологодский и Великопермский (1617–1619).

[1] Иеромонах Герман († 22.02.1614), основатель Нило-Столобенской пустыни.

[2] Питирим († 19.04.1673), митрополит Новгородский и Псковский (1664–1672), восьмой патриарх Московский и всея Руси (1672–1673).

рублей из этих денег составляет пожертвование некого господина Воронина, осташевского уроженца, с назначением на расширение и улучшение обители, к которому имеют намерение приступить только теперь.

Ежегодный доход пустыни, по исчислению господина Р-цова, простирался в 1862 году до 85 тысяч рублей, по собранным же мною сведениям, он простирается ныне до 60 тысяч рублей. Эти цифры указывают сами собой на большое стечение богомольцев в Нилову пустынь. По справкам, довольно достоверным, как, например, трапезная тетрадь,[1] число богомольцев простирается ежегодно до 100 тысяч человек.

Наибольший прилив богомольцев из простонародья бывает в Великий пост и летом, по окончании посева. Богомольцам дается в монастыре бесплатное помещение и также бесплатно обед и ужин из хлеба, щей, кашицы, каши и превосходного кваса. Богомольцам не из крестьян подается обед в занимаемые ими кельи из двух или трех блюд.

Самое большое единовременное стечение народа бывает 27 мая, в день празднования обретения мощей преподобного. В этот день и раньше, за два, за три дня, стекается к монастырю до 35 тысяч народу и более иногда, так что в течение этих дней монастырь расходует на богомольцев от 5 $^1/_2$ до 7 тысяч хлебов. Празднование этого дня всегда для Осташкова бывает целым событием. Я лично не имел удовольствия его видеть, а потому сошлюсь на описание его господином Р-цовым; из расспросов местных лиц, присутствовавших в последний год на этом празднике, я получил описание празднества 27 мая, почти однородное с рассказом господина Р-цова, а потому привожу его здесь, сокращая весьма мало.

«В самый праздник, — говорит между прочим господин Р-цов, — из Осташкова отправляется в пустынь крестный ход. Для этого устраивается особая большая баржа, разукрашенная флагами (это *почетная* баржа, всё остальное время года стоит без употребления). По вступлении крестного хода на эту баржу она трогается от пристани, буксируемая девятью небольшими лодками, из которых на каждой сидит по три гребца, одетых в одноцветные рубашки, с белыми шапками на головах. По бокам главной баржи плывут еще две меньшие баржи, из которых в одной помещаются члены городовых присутственных мест, а в другой — наиболее значительные лица из числа жителей города Осташкова. Сверх того, за баржами следуют обыкновенно во множестве частные лодки, также разукрашенные флагами и фонариками. Семиверстное расстояние до монастыря переплывается в час с небольшим, и как только флотилия покажется в виду, в монастыре начинают звон к обедне. Крестный ход подплывает к самым Святым воротам (Архиерейские), где встречается архимандритом со всею братией, и начинается обедня…

[1] В трапезную тетрадь ежедневно записывается число лиц из богомольцев, бывших за столом к трапезе. — *Прим. Колышко.*

Вслед за крестным ходом с мощами преподобного Нила кругом монастырской ограды, продолжающимся иногда часа три, начинается радушное угощение проголодавшихся гостей и духовенства.

Сначала отправляются к настоятелю, где предлагается посетителям чай и обильная закуска, обыкновенно истребляемая в мгновение ока. Потом отправляются в трапезу обедать. На первом месте садится сам настоятель, около него на верхнем конце стола располагаются на обоих концах стола наиболее почетные гости, и затем размещается всяк кто как может.

Нужно заметить, что здесь не существует никаких особых приглашений: всякий желающий идет сам и усаживается за столом, если только есть еще место. Картина обеда, довольно обильного, весьма любопытна.

Более 100 человек сидят за общим столом, накрытым во всю длину трапезной залы. Отец-казначей обходит кругом всего стола и радушно упрашивает сидящих кушать. Следует заметить, что за трапезой вино не подается, а только пиво и мед; но монастырские меда крепко и сильно действуют на головы, предварительно подготовленные завтраком в комнатах настоятеля, а потому нередко случается видеть, что кто-нибудь на нижнем конце стола в половине обеда поставлен в необходимость оставить трапезу — или произвольно, или при содействии отца-казначея, который вежливо напоминает гостю, что вне трапезы он может найти более покойное место, и даже распорядится поданием соответственной помощи. Бывают и другого рода вещи. Так, нам пришлось видеть, как во время обеда один из воспитанников одного высшего учебного заведения вместе с юнкерами квартирующего в Осташкове полка вздумали курить папироски, но так как сознавали неловкость подобной выходки, то эта операция совершалась чуть не под столом. Обед, постоянно оживляясь, продолжается около часа, и затем многие из участвующих отправляются опять в комнаты настоятеля, где происходит угощение плодами и десертными винами.

Часов в пять вечера крестный ход обратно отправляется в Осташков. Настоятель с братиею провожает его до самых Святых ворот, затем возвращается в церковь, и после молебна угоднику рака с святыми мощами переносится на обыкновенное свое место.

День этот празднуется и в самом Осташкове; большая часть его населения утром отправляется в монастырь, так что в городе запрещается даже топить печи во избежание опасности от пожара и затруднения тушить его по отсутствию жителей. Вечером же, по возвращении крестного хода в город, все улицы наполняются гуляющими, и в общественном саду играет музыка.

Нужно заметить, что в Осташкове существует поверье, что в день 27 мая всегда бывает хорошая погода, какова бы она ни была до того дня. Нам два раза довелось быть в Осташкове в этот день, и действительно, в

оба раза погода, которую до того нельзя было назвать хорошею, круто изменялась к лучшему перед самым днем праздника.

Нам удалось два раза быть в монастыре в день праздника. В оба раза мы отправились туда с крестным ходом и потому не можем судить, каков издали вид флотилии. Но вид самого монастыря в этот день очень хорош…

По мере приближения к нему до вашего слуха доносится благовест и более и более обрисовываются толпы народа, окаймляющие ограду набережной; во всех окнах келий, выходящих фасадом на берег озера, на возвышенность около Святых ворот, везде стоят сплоченные толпы народа. Как только войдет крестный ход в монастырь, все эти массы народа тотчас рассыпаются по всему острову; около гавани в устроенных дощатых балаганах и палатках идет самый бойкий торг разного рода крестьянскими товарами; живописные группы расположились на всех лужайках; слепые, сгруппировавшись по трое и четверо, окруженные толпами внимательно слушающего народа, жалобным голосом распевают легенды про Алексея человека Божия и другие, получая самое скудное вознаграждение за весьма продолжительный рассказ от самого рождения и всех чудес его. Больше выгод доставляют поминания за здравие и за упокой, которые поются по заказам, беспрестанно возобновляющимся; голосов пять-шесть за раз адресуются с требованиями помянуть родителей; медные копейки брякают в поставленную деревянную чашку, и запевало, выбирая рукой деньги из чашки и пряча их за пазуху, запевает дрожащим голосом, подхватываемым другими сотоварищами:

I

Помяни, Господи,

всех сродцов ваших, родителей, и т. п.

Подбежит какая-нибудь бойкая бабенка и, бросивши копейку, скажет: „Помяни воина такого-то“, — и опять дребезжащим голосом запевает:

II

Нищая братия!

Мы должны Бога молить

За военного человека

Раба Божия (*имя рек*),

Спаси, Господи, и помилуй, и т. д.

Все эти припевы продолжаются почти беспрерывно до самого окончания крестного хода, после которого значительная часть народа оставляет монастырь, отправляясь на больших и малых лодках по направлению к Осташкову. Множество реющих на волне лодок, на которых, при самом легком попутном ветерке, тотчас подымаются паруса, представляет прекрасную картину…»

Не удалось мне видеть этой картины, но зато я не преминул в один из первых же дней моего прибытия в Осташков посетить славную Нилову пустынь.

Ниловская пустынь

Мы сели на пароход уже в начале одиннадцатого часа, ожидая его с лишком час.

— Что так поздно сегодня? — спросил мой спутник у заведующего пароходом, добродушного с виду немца-машиниста.

— Думали, уже не придет. Всю ночь хлеб возил в монастырь, ужасно устал...

Пароход, на который мы вошли, был совсем как есть настоящий пароход и очень почтенных размеров, даже с двумя палубами и каютами двух классов. А я почему-то думал, что он должен быть очень невзрачен.

На пароходе кроме нас было всего два-три человека; между ними маленький и толстый монах, в истертой до невозможности рясе и таком же клобуке, распоряжавшийся кое-чем на палубе.

Вся его фигура и лицо, точно топором вырубленные (да и то неопытной рукой) из куска дерева, его неуклюжие движения, сосредоточенность в чертах и, главное, развевающиеся по ветру полы его неопределенного цвета балахона, когда он суетился по палубе — и суетился он совершенно по-пустому, — всё это заставило меня улыбаться, следя за его странными движениями. Мой спутник, житель Осташкова, заметил мое волнение и, также улыбаясь, обратился к монаху:

— Здравствуй, отец Никанор! (За верность имени не ручаюсь).

— Здравствуйте, батюшка, — сосредоточенно пробурчал монах.

— Вот, позвольте вам представить: управляющий сим пароходом, отец такой-то, муж праведный и честный, — отрекомендовал его NN.

Я поздоровался с отцом Никанором и начал с двух-трех пустых вопросов. Но монах смотрел больше в сторону и на разговор, видимо, был не охотник.

Утро было серое и холодное. Бесконечная даль озера терялась в мутной, оловянного цвета мгле. Темные пятна островов там и сям проглядывали сквозь туман, впрочем, всё больше и больше редеющий. Картина была довольно унылая; но представлялось, что в ясный летний день здесь должно быть очень хорошо.

Мы проезжали мимо больших плесов,[1] со спокойной и гладкой поверхностью воды, тогда как в самом озере она слегка волновалась. Острова, иногда больших размеров, очертания которых не поддавались глазу, плыли мимо нас сумрачные, сплошь покрытые хвойным лесом. Город уже исчезал совсем из глаз, когда вдали показались верхушки церквей монастыря. Версты за четыре еще монастырь открывается во всем величии, как будто выросший среди волн, со своей высокой колокольней и огромными зданиями белого и бледно-голубого цвета. Нельзя не

[1] Плес — залив. На озере Селигер заливов множество, и каждый имеет свое название. В них преимущественно производится ловля рыбы. — *Прим. Колышко.*

любоваться этим зрелищем. Мы медленно подвигались вперед благодаря фарватеру, здесь очень мелкому. И когда оставалось до монастыря не более полуверсты, вдруг весь он осветился лучами выглянувшего из-за туч солнца, заблестели золоченые купола, засверкали тысячами искр стекла в громадном фасаде зданий келий.

Пароход вошел в пристань. Рядом с ней находится маленький док, в котором стоял другой пароход монастыря — починявшийся.

Через большие каменные ворота с изображениями на них картин из жизни преподобного Нила мы поднялись на главный двор монастыря, а оттуда через другие ворота — на меньший. Там находится собор и напротив него настоятельские кельи.

Собор размерами своими почти грандиозен, но зато... очень и очень ветх. Все стены его и громадные колонны отделаны под мрамор. На правой стороне у правого придела стоит рака с мощами святого Нила. Рака серебряная, но так же, как и всё кругом, не блестит новизной. Вообще, сообразно размерам и богатству храма, странно как-то видеть в нем этот отпечаток на всем запустения — эту полинялость. Вся внутренность собора требует неотложного и капитального ремонта, к которому почему-то боится приступить нынешний настоятель Ниловой пустыни, хотя средства к тому вполне обеспечены пожертвованием господина Воронина в 100 тысяч рублей с прямым назначением на устройство собора. Впрочем, сознавая безусловную необходимость этого ремонта, настоятель намерен приступить к нему в будущем году. По предварительной оценке, ему обещали отделать всю внутренность храма (снова, если не ошибаюсь) за 150 тысяч рублей. Вот над этой-то цифрой только и задумывается нынешний настоятель; но одних процентов на воронинский капитал за 30 лет его существования должно было набраться более этой суммы, не говоря о самом капитале. А копить деньги в таком богатом монастыре как будто странно даже.

После осмотра храма мы отправились в покои настоятеля. Покои эти обширны и светлы, но меблированы очень просто. По стенам залы висит множество портретов, картин и гравюр. Есть вещи превосходной работы, но есть и почти лубочные, которые смешно даже здесь видеть. Вообще художественного вкуса в устраивавшем обстановку этой залы, по-видимому, было очень немного. Так, лучшие картины, действительно стоящие внимания, висят заслоненные от света, так что при внимательном только взгляде можно разобрать их содержание. Худшие освещены так ярко, что просто стыдно за них становится. Они так и бросаются в глаза, так и режут взор. Нынешний настоятель хотя и сознает эту антихудожественность своей залы, однако ничего не намерен перемещать.

— Уж я не трогаю!.. Как было при моем предместнике, — пусть остается!.. Воспоминание благочестивого отца мне дорого... — говорил он, слегка шамкая и кланяясь портрету покойного настоятеля.

Личность нынешнего настоятеля Ниловой пустыни заслуживает внимания. С лишком сорок лет назад постриженный в монахи из крестьян соседней деревни, своим благочестием, своим аскетизмом он вскоре стал известен среди окрестного населения. Эти качества его не могли также быть неизвестными монастырскому начальству. Он был назначен иеромонахом к мощам преподобного угодника и много лет нес на себе эту почетную обязанность, не запятнав ее ни разу малейшим упущением, малейшею уступкою своей совести.

В награду за то он по смерти бывшего настоятеля был избран архиереем на его место, что для человека, не получившего никакого почти образования, было великой честью. На места подобного рода назначают в большинстве случаев людей, кончивших духовную академию, а нынешний настоятель, не знаю, кончил ли и семинарию.

Недешево, однако, стоила ему эта честь. В свои 60 с небольшим лет он имеет вид 80-летнего старца: без кровинки на лице, с впалыми щеками и такими же глазами. Худое туловище его держится сгорбленным, голос звучит негромко и неуверенно. Но это старческое лицо зато дышит живым умом, вниманием и неотразимо располагающим к себе добродушием; в маленьких серых глазах, едва видных сквозь узенькие щели, не угасает еще огонь юношеской энергии и даже как бы легкий задор. Впрочем, все движения его, все слова проникнуты глубоким смирением и самоунижением, полным, однако, достоинства…

Отец-настоятель Ниловской пустыни умеет принимать гостей своих по-светски, как простой и гостеприимный хозяин. За столом, обильно покрытым всякими яствами и самыми тонкими французскими винами (которые всегда выписываются им для гостей и подаются по качествам, сообразно именитости гостя, от 3 до 11 рублей бутылка), он веселый и легкий собеседник. В речах его иногда сквозит трудноуловимый оттенок насмешки или, вернее, что-то вроде снисхождения к слушателям. Но в тоне и в лице его при этом бывает столько добродушия, столько детской простоты, что, как ни странно согласовать между собою эти два качества, я, по крайней мере, их согласовал и составил себе цельное понятие о моем хозяине. Добродушие старости и сознание своей духовной высоты перед другими, влекущее за собой и снисхождение к этим другим, и незлобливую насмешку над ними, — вот две главные черты личности нынешнего настоятеля Ниловой пустыни, если включить сюда еще светскость, выражающуюся в его манерах, во всём tenue.[1] Часа четыре-пять, проведенные нами у него, пробежали едва заметно. Из разговора я между прочим узнал, что число постригающихся в монастырь всё уменьшается благодаря строгому уставу, который неуклонно преследует нынешний настоятель.

[1] Внешний вид, выправка, осанка (*франц*.).

— Пробудет год-два, не выдержит! И уходит. Таких много уж я отпускал. А то и сам просил удалиться… Иногда попадаются пьющие, так тех уж я сам удаляю. Ну… а больше всего служба кажется тяжелой, не выносят!.. Да!.. Трудно, трудно некоторым вынести... — заключил он с серьезным лицом.

Я всматривался в исхудалые черты, и казалось мне, что в глубине его серьезных глаз играет как бы усмешка. Он тоже взглянул на меня и, точно поняв мою мысль, подхватил, уже улыбаясь:

— А вот чай парагвайский, это очень хорошо! Дай-ка мне моего чаю! — обратился он к вошедшему в комнату служке. — Очень, знаете, освежает. Как простоишь это на молитве часа три, да натощак, так и трудно иногда бывает. Голова, знаете, кружится, ослабнешь, сердцебиение. Лета уже не те: и мне трудненько… Так вот, стаканчик этакого чаю — и ничего. Опять бодр — можно молиться, — заключил он с смеющимися, как-то по-детски самому себе, глазами.

Мы выехали из пустыни, когда уже смеркалось, осеняемые напутственным благословением благочестивого отца-настоятеля и одаренные от него прекрасным образом преподобного Нила да целым узелком знаменитых монастырских просфор.

Большой монастырский пароход, тяжело пыхтя, выдвигался из гавани в огромное озеро, окутанное опять серым туманом; а мы, стоя у края палубы, долго еще раскланивались с отцом-настоятелем и невольно улыбались развевающимся полам его шелковой, подбитой мехом, рясы…

История Осташкова как города очень молода. Прежде находились здесь слободы, время основания которых неизвестно. Потом постепенным развитием и расширением, особенно после двух опустошительных пожаров, Осташковская слобода, принадлежавшая прежде к Ржевскому уезду, была переименована в уездный город Новгородской губернии.

В 1845 году один из лавочников Осташкова нашел у себя между оберточной бумагой любопытный документ, носивший название: «Рождение г. Осташкова, 27 июля 1772 года». Не желая оставить в неизвестности это любопытное описание, он отпечатал документ во множестве экземпляров, которые и теперь еще можно кое-где встретить. Мы позволяем себе здесь привести этот небольшой документ целиком, заимствуя содержание его из текста господина Р-цова.

«При ожидании г. генерал-поручика Новгородской губернии губернатора и кавалера Якова Ефимовича Сиверса[1] для учреждения по высочайшему ее императорского величества именному указу здешнего места городом, к приезду его сюда отправлена в Полоновский погост[2] баржа — 22 июля изволил в той барже отправиться к Осташкову. За 25

[1] Сиверс Яков Ефимович (19.08.1731–23.07.1808), граф (1798), новгородский губернатор, действительный тайный советник. Один из учредителей Вольного экономического общества, руководил проектировкой Мариинского канала.

верст от Осташкова в особливых шлюпках встречен здешними присутствующими и первостатейным купечеством; в самом начале встречи предрассуждать изволил об обстоятельствах здешнего города. Прибыв в состоящую от Осташкова в 7 верстах пустынь чудотворца Нила, встречен той пустыни строителем с монашествующими, где по наступлении ночного времени имел препокоение. 23 числа поутру в сопровождении из той обители строителем с монашествующими от пристани изволил отправиться в той же барже к Осташкову, за ним следовала с купечеством и присутствующими шлюпка. По приезде в Осташков у берега встречен был здешнего города воеводою с товарищем, дворянством и многим числом первостатейного купечества, откуда препровождаем был в предучрежденную для его превосходительства квартиру, где поздравлен со счастливым приездом, при желании начинающему делу благопоспешного произвождения и конца. Во весь тот день трудился до полудня в рассматривании опробованного плана, а после полудня в назначивании по оному городового начала и регулярных капиталов.

24 числа отправлено здесь великолепное торжество в соборной церкви Живоначальной Троицы: литургию служил Троицкого Селижаровского монастыря архимандрит Иоанн с настоятелями Ниловой, Могилевской пустыней и Житенного монастыря и со всем здешним соборным духовенством, из коих протоиерей Симеон говорил изрядную проповедь, прославляя ее императорского величества милость и матернее попечение о приведении в цветущее состояние сего места и изъясняя, что каждый град красным и блаженным составляет. По окончании литургии прочтен был ее императорского величества указ об учреждении здесь города. Всё духовенство стояло в светлые облаченное одежды в изъявлении общей радости», и т. д.

Высочайшим указом 7 ноября 1775 года Осташков присоединен к Тверскому наместничеству. С образованием своим Осташков получил и герб, представляющий собой щит, разделенный пополам: в верхней части, в красном поле, виден до половины черный двуглавый орел, в нижней, в голубом поле, — три серебряные рыбы, три ерша, как называют их осташковцы.

Савинский завод в Осташкове

Среди других уездных городов Осташков занимает видное место своей промышленностью; торговое же значение его, благодаря географическому положению вдалеке от главных торговых портов, невелико. Главные роды промысла — выделка кож и сапогов, кузнечный промысел и рыболовство. Все эти три рода промыслов истекают из положения города Осташкова. Окруженный громадными лесами, он имеет

[2] Полоновский погост в Демонском присуде Деревской пятины (ок. 1495) недалеко от Селигера; с начала XV в. — с. Полново.

обилие древесной коры и каменного угля, необходимых для выделки кожи и для кузнечного дела. Озеро Селигер когда-то кишмя кишело рыбой, и хотя эти времена давно минули, но рыболовство по традициям осталось еще главным промыслом у крестьян соседних с озером деревень. Кожевенное производство города Осташкова известно далеко за пределами этого глухого уезда. Оно питает тысячи жителей и дает внешнему виду города известную своеобразность. Все кожевенные заводы, кроме одного, господина Савина, очень малы и жалки, они тесно лепятся над озером, почему вид города с этой стороны напоминает несколько Неаполь, если только это сравнение не будет слишком громко. Полукругом идущая линия берега представляет собой ряд темных разваливающихся построек, стоящих на покосившихся и сгнивших сваях.

Эту картину можно назвать даже живописной, если только наблюдать ее на почтительном расстоянии. Вблизи она вселяет некоторую брезгливость. К своеобразности Осташкова можно отнести еще и особенно острый запах дубильного вещества, который вы чувствуете на некоторых улицах, усыпанных толстым слоем негодного дубья; запах этот, даже некоторыми любимый, часто сменяется другим, менее приятным запахом сырых кож и… тогда хоть караул кричи: отвратительнее этого зловонья гниющего жира трудно себе что-нибудь представить…

Кожевенное производство в Осташкове с каждым годом всё более падает. В 1863 году в Осташкове всех заводов было 37, а ныне там их только 25. Убыль эта происходит главным образом от уменьшения потребности в кожах, от прихождения в ветхость заводов и неимения средств на ремонтировку их.

В 1863 году в Осташкове было два кожевенных завода — купцов Савина и Мосягина. На них главное место занимала выделка юфти. Ныне остался один только — завод Савиных.

Завод братьев Савиных, заслуживший чуть ли не всемирную известность по качеству своих изделий и обширности оборота, основан в 1792 году отцом нынешних владельцев, коммерции советником Кондратием Алексеевичем Савиным.[1] В этом году собственно началась выделка на заводе красной юфти, обыкновенная же кожа, а также юфть белая и черная, хотя в незначительном количестве, выделывались и ранее. В самом начале стали выделывать красную юфть тяжелых сортов, в количестве от 30 до 40 тысяч кож в год; потом, при переходе завода к наследникам К. А. Савина, введены в употребление вместе с тяжелыми сортами и легкие сорта красной юфти, а впоследствии стала выделываться особенного рода красная и палевая тонкая юфть, так называемая английская, которая в количестве более 10 тысяч кож производится

[1] Савин Кондратий Алексеевич (1759–1827), осташковский купец, владелец нескольких кожевенных заводов в городе, основатель городского Общественного банка (1819), городской голова Осташкова (1806–1808, 1809–1811, 1818–1821).

исключительно на заводах братьев Савиных[2] и по собственному высокому достоинству пользуется особенною известностью преимущественно в Англии. Там она ценится за отличную свою мягкость, нежность и прочность, которых не достигает ни один кожевенный завод в Европе; продается она не по весу, а на вершки, если не ошибаюсь, до 40 копеек вершок, смотря по разбору, и употребляется на оклейку портфелей, книжек, футляров, бумажников, альбомов и проч.

Английские фирмы покупают юфть Савина по контракту огромными партиями. До приезда в Осташков я слышал, что условия этого контракта обязывают будто бы Савина не продавать его кожу (юфть) в России. Это показалось мне так странно, что я первым долгом счел нужным справиться у лиц компетентных о существовании подобного рода унизительного для Савина контракта и получил ответ отрицательный. Не верить ему не имею права.

Англичане, покупая кожу Савина, отделывают ее только в окончательном виде, то есть перекрашивают, смотря по надобности, полируют и вообще придают ей тот или другой внешний вид. В этом-то виде мы и любуемся ею на множестве вещей, украшающих наши столичные заграничные магазины, и, покупая их, платим сумасшедшие деньги. Там, где нашей родной кожи пошло на рубль, за эту безделушку мы платим 10 и больше рублей. Словом, завод господина Савина, обогащая Англию, Австрию, Италию и Северную Америку, на рынках которых она пользуется большою известностью, правильно говоря, разоряет только нас, русских, приобретающих изделия из кожи только из-за границы и по крайне высоким ценам.

Завод господина Савина имеет такую громкую репутацию, что не могу не остановиться несколько на выдающихся чертах его внешнего и внутреннего устройства. Завод помещается на краю города, на берегу озера Селигера. Улица, во всю длину которой тянется завод, резко отличается от других улиц города и на первый взгляд оставляет впечатление самое благоприятное. Прекрасно вымощенная, чистая, усаженная деревьями и с порядочным количеством газовых фонарей, она напоминает несколько парижские бульвары. Всё это благоустройство поддерживается на счет господина Савина, резиденция которого помещается тут же, напротив завода. Кто не знает в Осташкове этого белого двухэтажного дома, неэлегантной наружности, но основательного по размерам и внушительного по виду, который ярче всяких слов гласит о старине, о нашей простой, незатейливой, но строгой и властолюбивой старине! Кто из осташей с закрытыми глазами не попадет в этот храм юфтяного могущества, в котором живет главный жрец его, сам Федор Кондратьевич Савин, не так еще давно распоряжавшийся судьбами Осташкова?.. Да, попадет всякий и не скоро еще забудет этой дороги, хотя

[2] Степан (1804–1845), Иван (1808–1870) и Федор (1816–1890) Кондратьевичи Савины.

многим бы и хотелось ее скорей забыть. «Время деспотизма, унижения, поклонения» — вот что хотело бы позабыть новое поколение осташей, ныне уже равнодушно поглядывающих на мрачные хоромы жреца, перед которыми трепетали их предки.

Но свежо предание, и не скоро суждено еще ему померкнуть!..

Вы входите в большие каменные ворота завода с государственным гербом над ними, и перед вами открывается обширная площадь, беспорядочно уставленная постройками, преимущественно деревянными. Каменных корпусов три, но они не особенно велики и снаружи неблагообразны. Вообще, куда ни взгляните, всё кругом имеет вид серый, грязный, всё далеко не гармонирует с тем представлением, которое вы должны были заранее составить себе о заводе господина Савина. Деревянные постройки — так те просто разваливаются. Как бы столетия висят над заводом, вместе с воздухом, пропитанным вонью, и серо-свинцовым небом…

Как будто дух разрушения пролетел над этим огромным пространством завода… Такое было мое первое впечатление.

Вы входите затем внутрь здания: там то же запустение и та же грязь. Нужно быть своим человеком на заводе, чтобы пройти без риска сломать себе ноги по главному и самому большому отделению завода — *мочильному*, доски пола которого, не закрепленные и не уложенные в порядке, прыгают под вашими ногами. А в других отделениях эта беспорядочность и грязь внушают просто отвращение. Машины и вся прочие принадлежности кожевенных заводов равным образом стары и запущены — словом, вполне отвечают остальному. Повторяю, что впечатление от обстановки завода господина Савина идет вразрез всему, что вы могли думать о нем по громкой репутации как завода, так и самого господина Савина, считающегося виновником благоустройства его родного города, благоустройства, действительно заслуживающего внимания. Как-то странно даже подумать, стоя среди этой обстановки, проходя с гадливым чувством по разным отделениям завода, что вот именно отсюда, из этих промозглых, черных и обваливающихся стен широким руслом, за моря и океаны, пронеслась слава русскому имени и русскому искусству. Странно и больно! А когда вы осмотрите помещения для рабочих господина Савина, их столовую, кухню, больницу и, главное, их спальни, когда вам скажут, что на этом обширном заводе, где работает 523 человека, в том числе женщины и дети, нет даже маленькой школы, вы скажете про себя: возмутительно! Рабочие бараки — это разрушающиеся и закоптелые как извне, так и изнутри сараи без малейшего намека не только на вентиляцию, простор и чистоту, на какие-либо новейшие усовершенствования по этой части, но даже без выполнения обязательных по закону санитарных условий для такого рода помещений. В нескольких комнатах средней величины помещаются все рабочие. Нары почти сплошь занимают всё пространство комнат, оставляя только узкие проходы по

краям. На них, на отвратительно грязной подстилке, плотно один к другому лежат изнуренные рабочие, или мертвенно спящие, или бодрствующие в какой-то летаргической неподвижности. Человек 40–60 приходится на такую комнату (скорее хлев) средних размеров. В груди дыхание спирается, войдя в такую комнату, где не топор, а колоду можно повесить в воздухе. Особенно одна из них. Никогда не забуду ее. Там, над этими отвратительными нарами, заваленными грязными телами рабочих, в высоте аршина или полутора, висит грязный потолок. Смрад, темь и жара. Высокому человеку в этой комнате и выпрямиться невозможно. «Возмутительно, непонятно!» — повторял я себе.

У завода господина Савина, полстолетия бывшего *единственным* в мире по качеству своих произведений, явились в последнее время сильные конкуренты. В Германии и Австрии стали, как говорят, подделывать юфть господина Савина и продавать ее за треть цены. Слух этот, по всей вероятности, не ложен! Удивляюсь я даже, как только раньше смышленые немцы не взялись за такое прибыльное дело. Но думается мне, что подделкой называть его ошибочно. Кожу подделывать трудно, потому что трудно не заметить сразу всех ее достоинств или недостоинств. Проще: угадали способ производства савинской юфти, применили его и нашли возможность продавать пуд кожи не за 80 рублей, как то делает Савин, а за 30. Понятно, что все покупатели такой юфти, и особенно англичане, прельстились «дешевкой», а Савин на старости лет стал близок к краху… Друзья господина Савина не раз умоляли его сбавить цену на свой товар, указывая на это как на единственное средство к борьбе с «подделывателями». Но самолюбие человека старого закала, столько десятков лет не знавшее унижения, взяло верх над расчетами коммерсанта. «Ни копейки, — сказал господин Савин, — и будь что будет!..»

Если всё это правда, понятными становится некрасивые детали оборотной стороны славного савинского завода. Обида, бессилие и безнадежность черной тучей нависли над гордой седой головой, и эта туча могла заслонить от старческого взора много и многое…

Считаю лишним описывать здесь подробно самое производство кож; оно, я думаю, всем известно. Золка, мочка их и дубление — вот три главных процесса, необходимые везде и всегда при кожевенном производстве. Усовершенствование этого производства прямо зависит от усовершенствования каждого из этих трех процессов, но главным образом от второго, то есть от способа мочки кож. Сырые кожи золятся для того, чтобы очистить их от шерсти. Раствор известки, наполняющий зольные чаны, проедает клеточки кожи до того, что волос выпадает из них сам собой. Но вместе с ним частицы известки проникают так глубоко в эти клеточки, что кожа после золения делается твердой, как дерево.

Вот тут и предстоит самый трудный процесс в кожевенном производстве — это удаление из кож известки, или, другими словами,

размягчение ее. От степени размягчения кожи, от степени очистки ее клеточек зависит впоследствии всё ее достоинство.

Когда я разговаривал с некоторыми кожевниками, спрашивал их, в чем, по их мнению, заключается секрет изготовления кож господина Савиным, почему они так удивительно мягки и прочны, мне отвечали, что секрета собственно никакого нет: есть разные способы размягчения кож — в этом весь секрет. Но и они уже все давно известны. Савин употребляет один из этих способов, употребляет с известным риском и большим уменьем — в этом вся премудрость. А состав красок, или дегтю, которым смазываются кожи при сушке, — всё это средства весьма обыкновенные, не носящие в себе никакой таинственности. Господин Савин умеет ими только пользоваться, умеет досмотреть за всем сам, умеет заставить своих рабочих быть тщательными, а главное — он дорожит своей фирмою настолько, что никогда не пустит в продажу чуть испорченного товару, хотя терпит от этого немало убытков, то есть гораздо менее прибыли, чем бы мог иметь.

Секрет, которым пользуется господин Савин, — это очистка кож от известки посредством собачьего кала. Для этой цели господином Савиным держатся на заводе сотни собак, которые летом распространяют немалое зловоние кругом всего завода. Чтобы в короткое время очистить клеточки кожи от известки, нужно средство очень сильное, очень едкое. В кожевенном производстве уже издавна это средство составляло камень преткновения для всех. Пробовали разные способы, всё это было или слишком сильно, или слишком слабо, но совершенно верного и нерискованного средства, которое бы, так сказать, получило бы уже право гражданства, еще не нашли.

Самый простой и первобытный способ очистки кожи — это вода. Поэтому на всех маленьких кожевенных заводах, вынув кожи из зольных чанов, погружают их на несколько дней в воду — в реку или озеро, возле которых обыкновенно и строятся кожевенные заводы. Отсюда и заражение воды в этом месте известкой, жиром и загрязнение ее остатками шерсти. Но кожа от такого мочения далеко недостаточно ни очищается, ни размягчается. Такого рода маленькие заводы могут приготовлять только кожу низших сортов, годную на подошвы да на самую грубую обувь.

Лучшие же сорта, так называемая опойка и юфть,[1] приготовляются посредством предварительного *вытравления* кожи от известки и размягчения ее в теплой воде строго определенной температуры и в строго определенный период времени.

Собачий кал имеет свойство в несколько часов очищать кожу от известки. Но он так едок, что достаточно нескольких лишних минут, чтобы на коже образовались дыры. В этом и заключается вся рискованность подобного средства. Нужна неусыпная внимательность и большая

[1] Опойка — кожа из шкур молодых телят. Юфть — кожа комбинированного дубления из шкур крупного рогатого скота, конских и свиных.

опытность в рабочем, который стоит над чаном, где таким способом очищается кожа, чтобы не наделать громадных убытков. Господин Савин имеет хороших рабочих, но и то значительный процент кож делается никуда негодными после этой процедуры. Но зато те, которые выдерживают, те заслуживают господину Савину громкую славу и с избытком вознаграждают его за потерю.

Мягчение кож в теплой воде производится посредством мягчильных машин, в которых главною активною частью является вертящийся барабан. Он беспрерывно переворачивает кожи, треплет их и таким образом действует на поры, которые расширяются, пропускают в себя теплую воду и тем размягчаются. Этот процесс, по-видимому, очень прост, так же как и машины, производящие его. Но и тут необходим опытный и строгий глаз, без которого опять-таки возможны большие потери. Дело в том, что нельзя перемочить кожу или недомочить ее. Нужно отыскать тот градус температуры воды и то количество времени, в которое мочится кожа, чтобы при сочетании этих двух цифр получался лучший товар. Если вода будет слишком холодна и кожа будет мочиться слишком коротко, она никогда не приобретет ни мягкости, ни красоты. Если, наоборот, вода будет слишком горяча и слишком долго будут держать в ней кожу, она может размягчиться до того, что обратится в клей. Поэтому мягчение кож называют самым трудным процессом обработки или главной причиною того или другого качества ее. Искусство этого мягчения совместно с тщательной очисткой кож от известки — в этом вся тайна завода господина Савина, давшая ему громадное состояние и громкое имя, и целому миру — такую юфть, с которой можно обращаться, как с шелком.

Для поправления падающих дел своего завода господин Савин завел при нем мастерскую машинной обуви. В ней сапоги делаются в час-два. Дело это, несомненно, имеет будущность; но пока оно идет весьма слабо. Ни мастеров, ни рабочих для того порядочных на заводе господина Савина не имеется, да и вряд ли будет иметься. А между тем этим малополезным и даже убыточным для господина Савина делом он убивает всю мелкую сапожную промышленность в Осташкове. Положим, там она и без того умирает, но зачем же добивать? Теперь осташевским сапожникам остается только идти работать на завод господина Савина, где пара сапог, весьма порядочных, продается за 3 рубля 50 копеек — 4 рубля.

Благодеяния тут я вижу мало.

Еще об Осташкове
Вопрос. — Осташи. — Косы. — Пожарная команда

Еще вопрос: отчего господин Савин не устроит при своем заводе мастерскую изящных предметов, за которые мы платим втридорога только потому, что покупаем их у разных Кнопов, Репо и К°? Если можно было открыть сапожную мастерскую, выписав машины из Америки, а мастеров

из Петербурга и ухлопав на всё это тысяч 60 по меньшей мере, отчего же было не истратить эти же деньги на новое совсем дело, которое имело бы успех несомненный, никого бы не разорило, а напротив, подняло бы благосостояние как Осташкова, так и России, может быть, со временем? Ведь Англия не за горами, а там есть превосходные мастера и машины для таких изделий, которые специально работают над савинской юфтью…

Но ведь упрямство... своего рода добродетель.

Издавна в Осташкове выделываются большие белые сапоги, так называемые *осташи*.[1] Эти последние вы можете встретить на далеком расстоянии от Осташкова, в губерниях Псковской, Петербургской, Новгородской и особенно в Остзейских провинциях.[2] Главные рынки сбыта их через особых *комиссионеров* из осташковских граждан — это Псков и Дерпт, где они пользуются большой известностью и откуда они расходятся в соседние рыболовные приморские и приозерные местности.

Главное достоинство этого рода сапог — это дешевизна их и прочность, которая достигается массивностью сапога. Поэтому все почти каменоломы и каменотесы запасаются преимущественно *осташами*.

Еще недавно производство осташей достигало в Осташкове очень больших размеров. По расчету г. Р-ова за 1862 год, осташей и черных сапог делалось там в год до 280 тысяч пар. Но ныне это количество, я думаю, можно смело сократить вдвое.

Отчего падает эта отрасль промышленности, трудно сказать. Впрочем, есть причины и явные. Первая — это уменьшение спроса вследствие неудобоносимости осташей. Хотя они и прочны и дешевы, но, однако, так тяжелы, что даже и мужикам натирают ноги. Вторая — это весьма низкая плата работающим этого рода сапоги.

Плата рабочим полагается с пары от 16 до 30 копеек, смотря по размеру сапогов и достоинству отделки. Эта плата весьма мало вознаграждает труд, ибо одно семейство, полагая мужчину и двух женщин, при самом усидчивом труде, не в состоянии сработать более четырех пар в сутки разного размера. Цена пары такого рода сапог колеблется между 1 рублем 50 копейками и 2 рублями.

Кроме сапогов в Осташкове выделываются еще рукавицы и фартуки для рыболовов; но выделка этих произведений весьма незначительна.

Железная промышленность играет также весьма видную роль в промышленной деятельности Осташкова. Целые улицы сплошь заняты там кузницами, в которых с раннего утра и до позднего вечера раздается неумолкаемый стук молотом. А в темную ночь ряд этих кузниц, бросающих каждая против себя на улицу сноп яркого света, представляет зрелище очень оригинально-красивое и даже слегка фантастическое.

---

[1] Осташи — сапоги с голенищами, сделанные из грубой кожи, обычно некрашеной.

[2] Остзейские провинции — территория современных Эстонии, Латвии, Литвы в составе Российской империи.

Некоторые ремесленники работают от себя, но большая часть из них исполняют заказы главных торговцев из местных купцов, которые, с своей стороны, имеют по несколько своих собственных кузниц. Самые обширные обороты по железной промышленности сосредоточены в руках одного из осташевских купцов — господина Мосягина. У него на обширной площади (2 десятины) расположены громадные каменные здания, в которых помещается множество кузниц. При 53 горнах на заводе господина Мосягина работает до 180 человек, в том числе малолетков только 9 человек. Плата взрослым, при готовой квартире и содержании, колеблется от 93 до 109 рублей, а мастерам до 230 рублей. Плата детям до 3 рублей в месяц. На заводе господина Мосягина, как и вообще в Осташкове, преимущественно выделываются топоры, косы, серпы и ножницы для стрижки овец. По количеству больше всего выделывается кос — до 80 000, ценою от 40 до 65 копеек за штуку, и серпов — до 60 000, ценою от 18 до 36 копеек за штуку. Сбыт их производится преимущественно оптом известным торговцам, имеющим свои лавки в уездах и уездных городах. С завода Мосягина товар почти исключительно идет в Псковскую губернию, через которую проникает в Новгородскую и Петербургскую. Лавочники забирают товар на векселя и уплачивают в летнее время, по продаже его. У господина Мосягина есть постоянные покупатели, которые на десятки тысяч забирают его изделия, не давая даже на это расписки. И этого рода покупатели всегда бывают исправнее в платежах, чем все другие. В Псковской губернии есть один маленький городок, в котором преимущественно сосредоточена торговля косами и серпами завода Мосягина. Господин Мосягин говорил мне, что в этом городе не знают, что такое вексель или расписка. Забирают много, никогда ни одной копейки не пропало за лавочниками этого городка.

Не могу не заметить хотя вскользь, раз уж я коснулся завода господина Мосягина, той образцовой чистоты, порядка, того вполне удовлетворительного содержания рабочих, их помещения и пищи, которых мне пришлось быть свидетелем на заводе. Эти явления тем сильнее просятся под перо, тем более приносят чести администрации завода, что «кузнечное дело» считается едва ли не грязнее еще, чем «кожевенное», а однако, благоустройство завода господина Мосягина ни в каком отношении не может быть сравнимо с «странностями» на заводе господина Савина, хотя этот последний намного раз богаче и влиятельнее первого. Вся суть в том, что у господина Мосягина, по слухам, *есть сердце!*.. Он человек молодой, учившийся в технологическом институте, кой-что видавший и читавший. Прадедовские инстинкты слепой жадности дали место разумному пониманию своей пользы, построенной на принесении пользы другим: и вздумал молодой Мосягин, приняв в наследство завод, дать своим рабочим побольше воздуху, кормить их пирогами да поить чаем. Рабочий стал веселей, сильней, стал больше вырабатывать и дорожить местом. Отсюда и уменьшение пьянства и всякого рода

бесчинств. Господин Мосягин при таком ведении дела никогда не останется без работника, и этот работник вряд ли переменится местом с работником завода Савина, хоть бы там вдвое больше ему платили.

Косы, выделываемые в Осташкове, пользуются большою известностью. Подвергнутые испытанию Императорским вольно-экономическим обществом, они заслужили полное одобрение и в деле заменяют с успехом иностранные косы, уступая последним разве только в одной отделке. Мосягинские топоры пользуются не меньшей известностью. Ежегодно известное количество их требуется Северо-Американской компанией и, сверх того, значительное количество больших топоров, называемых *шляхтами*, требуется на Адмиралтейство, где употребляются для тески брусьев на корабли. В 1849 году изделия купца Мосягина были на выставке в Санкт-Петербурге, и он удостоился получить с высочайшего соизволения медаль и диплом от департамента мануфактур и внутренней торговли.

Осташковская пожарная команда, обратившая на себя давно уже внимание и общества, и правительства, составлена, по-видимому, очень просто. Она состоит из 143 человек из обывателей города, причисленных к составу ее на бессрочное время. Все их обязанности и порядок управления инструментами распределены заранее, так что при первой тревоге всякий немедленно является на место к назначенному ему инструменту. Из числа всех вольных пожарных избирается один брандмейстер, 2 помощника его, 2 наблюдателя за лошадьми, 2 распорядителя по доставлению воды и 1 надсмотрщик за чистотою труб. Лошадей при пожарной части держится только 1, остальные же в количестве 50 поставляются от обывателей по очереди на каждый пожар. Пожарные инструменты содержатся в весьма значительном составе. Так, по моим справкам, в пожарном сарае оказалось: пожарных труб 15 и 1 насос, бочек для воды на летнем ходу 44, на зимнем — 50, ведер железных — 700, щитов — 44 и соразмерное количество лестниц, багров и других принадлежностей.

На маленький городок, при обилии воды со всех сторон и при весьма малой скученности построек, такой состав пожарного депо по справедливости должен быть назван образцовым. И что страннее всего?.. Эта образцовая пожарная команда в продолжение почти 20 лет своего существования никому еще из добровольных солдат ее не надоела и потому не заброшена, не упала, как всё остальное в Осташкове, а, наоборот, всё совершенствуется и всё больше процветает. Это видно из увеличения почти вдвое как числа добровольных пожарных, так и всех пожарных принадлежностей, сравнивая комплект огнегасительных средств 1862 и 1884 годов. Видно, что Осташков крепко держится еще этого богатства своего, им созданного и им воспитанного и странным образом уцелевшего под десницей времени и обстоятельств. Ведь это единственное отличье, сохраняющее еще за Осташковом более или менее выдающееся положение среди других соседних, таких же захолустных городков.

Вольные пожарные города Осташкова отличаются особыми фуражками с околышем, украшенными золотым и серебряным галуном. Для практики иногда делаются репетиции, так что все знают дело свое как нельзя лучше. Мне не случилось самому присутствовать при действии осташевской пожарной команды. Но, говорят, любо смотреть, как распоряжаются на пожаре эти полторы сотни молодцов, при отличных инструментах и при хороших сытых лошадях. Мало того, всякий из жителей Осташкова, оставя в стороне свое звание, свой возраст, считает законным долгом своим в случае пожара принять в тушении его самое деятельное участие.

Ученье, веселье и нравы Осташкова

Если судить об умственном и нравственном уровне населения по контингенту учащихся в школах, то этот уровень в Осташкове сравнительно очень высок и с течением времени всё повышается еще. По сведениям за период от 1852 до 1861 года, всех учащихся во всех училищах Осташкова приходилось средним числом в год по 274 мальчика и 192 девочки. В нынешнем же году всех учащихся в Осташкове мальчиков считается 381, а девочек в начале года было 291, что составляет общим числом около 6 % всего населения города. Значит, в период двух десятилетий последовало возвышение цифры учащейся молодежи Осташкова почти на ½ всего числа при увеличении общей цифры населения только на *четыре* человека.

Хотя процент учащейся молодежи по отношению к общему числу жителей Осташкова и довольно велик, но общий уровень образования в Осташкове нельзя признать удовлетворительным. В разговоре с любым осташковцем вы выносите на первый раз впечатление большею частью самое благоприятное. Он развязен, боек, может говорить обо всём и обо всём имеет свое мнение, высказываемое не только с оттенком самостоятельности, но даже с известной дозой апломба. Но глубже не вникайте… разочаруетесь.

Господин Р-цов приводит в своей статье весьма любопытный образчик самолюбия и напыщенности обывателей сего града. Один из осташковцев сделал подобную надпись над склепом, помещающимся с наружной стороны соборной церкви, где похоронена была его дочь:

«Прохожий, помяни меня, девицу Екатерину, когда Господь Бог послал мне кончину, мой прах юный здесь первым положен. О, родитель мой бесценный! Тобой сей фамильный скажи (склеп?) сооружен. Тобой сей святой храм благоволением обновлен, тобой и за меня он светлыми облачениями снабжен, тобой сей предельный храм во имя Аковицкия учрежден, под коим богато убранный мой гроб стоит, и перед ним неугасаемый елей горит. А сердце мое при сем всегда говорит:

„Благодарение тебе, о родитель мой милый, за любовь твою ко мне, не будь же ты обо мне унываем, телу моему хорошо здесь. А душе на небесах“.

Но кто столь добрый твой отец? — спросишь ты, прохожий, наконец, — осташковский 1-й гильдии купец Николай Кузьмич… он А-в, которого за святые храмы должен поминать

Осташков.

1837 года ноября 22 дня я рождена, 1854 года февраля 8 дня я здесь погребена после моего 17-летия на свете моего житья».

Нужно сознаться, что ныне осташковцы пишут гораздо грамотнее…

Осташковцы слывут за людей весьма даровитых от природы. Благодаря этой даровитости из природных осташковцев есть хорошие живописцы и прекрасные резчики по дереву, есть певцы, музыканты и актеры, и всё это *самородки*. Так слыхал я от разных людей задолго еще до посещения мною Осташкова, и потому на эту сторону характеристики осташковцев я обратил особенное внимание.

Из живописцев и резчиков предание Осташкова гласит только о некоем знаменитом художнике Колокольникове[1] и его трех сыновьях, писавших прекрасные иконы.

О других знаменитостях мне не удалось слышать, и потому смею предполагать, что их не существует. Богомазы и недурно рисующие есть — но где их нет? Так что, основываясь только на этих четырех представителях изящных искусств города Осташкова, никоим образом не могу подтвердить огульного мнения о талантливости осташковцев к кисти и карандашу.

Затем относительно музыки, пения и драматических способностей могу сказать тоже очень мало. В Осташкове есть и поныне свой оркестр и свой хор из любителей. Этот оркестр мне удалось видеть в деле на одном из вечеров осташковской аристократии. Он состоит из 6–7 человек артистов весьма почтенной наружности, в которой природное добродушие безуспешно борется с напускным величием и *вдохновенностью.*

Хотя эти музыканты все ремесленники (преимущественно сапожники), хотя они и наемники, но они ревниво охраняют свое звание *любителей* и, бросая свое шило, свой струг или свою слесарню, когда их *приглашают* на вечер, они берутся за инструменты с таким же видом, как некогда Жанна д’Арк взялась за меч и шлем. Словом, они глубоко убеждены, что призваны священнодействовать, и их убеждение сообщается, по-видимому, и слушателям…

Но, не шутя, этот доморощенный оркестр играет совсем не так дурно, как можно было бы ожидать от сапожников-любителей. Кадрили, польки и вальсы игрались в такт, складно и ладно. Танцевалось очень удобно.

Несколько дней спустя я имел удовольствие зреть и слушать тех же *любителей* с клироса соборной церкви. Но… тут уж я предпочитаю молчать. Хоть Осташков и напоминает несколько Неаполь, но, видно, ему

[1] Колокольниковы — династия русских художников из с. Кравотынь Осташковского у., крестьяне вотчины Пафнутьево-Боровского монастыря.

далеко еще от Италии. Видно, сырой и холодный климат Селигерского прибрежья действует совершенно обратно на глотки сапожников, чем прибрежья Средиземного моря. Говорят, Марини был сапожником, но он бы наверно отказался от этого звания, прослушав пение своих собратьев по ремеслу в Осташкове…

Но говорят, что осташковцы распеваются только в весеннее и летнее время, как соловьи. Тогда в роскошные ночи поют все, поет весь Осташков от мала до велика. Поют на улицах, на озере, в городском саду и, главное, на бульваре. Всякие «серенады», «камаринские» и специально «осташевские песни» оглашают тогда мирный и благорастворенный воздух мирного городка, заставляя беспокойно ворочаться на постелях, закрывать и всячески «заделывать» окна обывателей с менее аристократическими наклонностями. В это блаженное время, когда и коты и «всякая тварь» в природе поет, может, и раздаются по Осташкову трели самородков-теноров di-gracio, может, и Марини между ними найдется, но я, к несчастью, в это время в Осташкове не был. О драматических талантах осташковцев могу судить только по слухам, ибо храм этого рода искусств, сиречь осташковский городской театр, ныне «не действует».

Как я сказал выше, ныне этот храм представляет собой руину серо-грязного цвета, с забитыми окнами и дверьми, внушающую собой у прохожих страх и инстинктивное стремление перебежать на другую сторону улицы.

А ведь театр чуть ли не полстолетия был гордостью Осташкова; ведь основание его стоило больших усилий; ведь на сцене его давались произведения «великих мастеров», может быть, не совсем понимаемых любителями актерами из тех же сапожников, но зато весьма ценимые ими, зажигавшие «святой огонь» в грубой оболочке ремесленников. Да, много пользы, много и наслаждения приносил Осташкову его театр, и существуй он еще полстолетия, может быть, *кажущееся* развитие осташковца стало бы действительным развитием, и чванливое всезнание заменилось бы в нем скромным служением искусству.

Самый блестящей период осташковского театра был в «савинские» времена. В 1858 году, благодаря заботливости и личным средствам городского головы Ф. К. Савина, театр был совершенно возобновлен. Помещение театра хотя не совсем красивое (бывший кожевенный завод), но довольно удобное и просторное, так что в нем устроено 11 лож, 34 кресла, 52 стула, вверху над ложами и под ними устроены галереи, так что всех зрителей может поместиться до 450 человек. Сцена довольно обширная, декорации, как говорят, были очень недурны. Постановкой пьес и вообще руководством в изучении ролей «любителей» занималась супруга Ф. К. Савина, бывшая когда-то звездой нашей столичной сцены и волей судеб заброшенная в Осташков. Руководство ее не всегда отражалось целесообразно на игре актеров, трепетавших перед

«знаменитостью», но вообще оно много подвинуло вперед драматическое дело в Осташкове.

Для публичных гуляний существует в Осташкове бульвар и общественный сад.

Бульвар разделяется на две половины: интеллигентную и неинтеллигентную. Вторая гораздо больше и отделяется от первой поперечной улицей. Я наблюдал и ту и другую; но, признаюсь, резкого отличия в публике, наполняющей их, не заметил. Только внешний вид той публики несколько отличителен, хотя чулки, смазные сапоги и черные суконные шляпы составляют преобладающий элемент как на той, так и на другой половинах. Громкий говор, смех и щелканье семечек характеризует гуляющую на бульваре публику. Видно, что это место для всех есть общая квартира, где всякий чувствует себя как дома. Впрочем, виноват! Исключаю из этого числа осташевский прекрасный пол, то есть осташевских барышень, грустно и одиноко меряющих коротенький кусок пространства интеллигентной части бульвара.

Еще одно свойство осташевского бульвара. Он наполняется публикой только к вечеру, когда совсем темнеет. Весь же день на нем души нельзя увидеть. Осташковцы привыкли к темноте и даже, по-видимому, любят ее...

Городской сад около соборной церкви тоже достаточно посещается осташковцами, но только летом. В прежнее время здесь по праздничным дням играл недурной оркестр городского головы, причем за вход назначалась плата не менее 5 копеек. Ныне этот оркестр заменил тот единственный хор музыкантов-любителей, который я имел удовольствие слышать на вечере. Хотя он далеко уступает качествами своими прежнему оркестру, но осташковцы и его слушают с удовольствием.

К оркестру иногда присоединяется хор певчих, услаждающих слух публики разными национальными песнями, и в особенности похвальным гимном Осташкову, сочиненным одним из наших ветеранов-литераторов.

Привожу здесь этот гимн:[1]

Славься, город наш Осташков,
Славься, город наш родной,
Славься не своим богатством,
Не торговлею своей,
А любовью, крепким братством
Ты своей семьи детей.
От конца в конец России
Ты отмечен уж молвой,
Из уездных городов России

[1] Речь идет о «Гимне города Осташков» И. И. Лажечникова (*Токмаков И. Ф.* Город Осташков Тверской губернии и его уезд: Сборник историко-статистических и археологических сведений. М.: Гор. тип., 1906. С. 313; Тверские губернские ведомости. 1894. Часть неофициальная. № 1. С. 1—4; № 33. С. 3).

Ты слывешь *передовой*.

Славься, город наш Осташков,

Славься, город наш родной!..

Песня звучная, но, надо сознаться, не без тщеславия...

Не мешало бы сказать кой-что о нравах и обычаях обитателей города Осташкова; но эта задача не из легких. Осташков более, чем какой-нибудь другой город, беден своеобычайностью как по причине своей сравнительной молодости как города, так и вследствие постоянных сношений с разными соседними местностями, преимущественно Остзейским краем, изгладившим почти всё самобытное из нравов осташей. Если же что и осталось еще, оно весьма трудно поддается наблюдению заезжего наблюдателя.

Я даже не встречал и характерного осташевского костюма, на который указывает господин Р-в. По его мнению, оригинального в этом костюме только и есть что головной убор, состоящий из жемчужного кокошника, имеющего вид цилиндра, с отгибом назад и с подзором над бровями. Но надо думать, что этот кокошник мало красит и без того далеко немиловидные личики жительниц Осташкова.

В Осташкове, как и везде, сохранились предания об оригинальных свадебных обрядах, впрочем, в главных чертах своих совершенно сходных с обрядами, которые лет 50 тому назад можно было наблюдать в любом русском городе. Понятно, из этих обрядов ныне ничего почти не осталось, а что и осталось — соблюдается только мещанством да мелким купечеством; чуть-чуть покрупнее торговец — торопится примкнуть к интеллигенции и не задумывается жертвовать для этого *стариной*.

Да и сама старина-то эта, настоящая старина, в сущности похоронена еще в конце прошлого столетия. В начале нынешнего еще свежо было предание о ней, а теперь и предание меркнет вместе с угасающей памятью старух.

Из осташковских свадебных обрядов могу указать только на сохранившийся и поныне обычай дарения невесте на сговор денег да на присутствие свиной головы на свадебном столе, впрочем в весьма редких случаях. Значения этой последней эмблемы мне добиться не удалось.

А. П. Субботин
1892

Субботин Андрей Павлович (1852 — 14.05.1906, Симеиз Ялтинского у. Таврической губ.), экономист, публицист. Окончил юридический факультет Московского университета. Преподавал коммерческие науки в Петербургском 2-м реальном училище и других образовательных учреждениях. Основал Собрание экономистов в Петербурге (1891), издавал «Экономический журнал» (1885—1894), печатался в «Вестнике Европы», «Слове», «Северном вестнике», «Порядке», «Луче». В 1880—1890-х гг. много путешествовал. В 1892 г. предпринял поездку по Волге, в ходе которой посетил и Тверскую губернию. Целью путешествия было исследование внутренней России. Добравшись от Петербурга до Твери по Николаевской железной дороге, Субботин осмотрел памятные места города, исследовал судоходство на Волге и отправился вниз по Волге. Путевые заметки об этом путешествии «Волга и волгари» впервые опубликованы в «Северном вестнике» (1892—1894). В том же году Субботин обследовал Западную Двину (Экономико-статистический обзор бассейна реки Западной Двины. СПб., 1896), а затем Тихвинскую систему (Тихвинский водный путь. СПб., 1899). Для описания локальных текстов Субботин собирал статистические материалы в местных учреждениях и широко опрашивал местных жителей, что придает его заметкам характер живого свидетельства эпохи. Его описания Верхней Волги носят в значительной степени краеведческий характер, они включают не только сведения экономико-географического порядка, но и элементы истории и этнографии. Текст печатается по изд.: *Субботин А. П.* Волга и волгари: Путевые очерки. СПб.: Тип. В. Демакова, 1894. С. 6—64.

I

Общие замечания касательно путешествий по России. Интерес поездки на Волгу. От Петербурга до Твери. Город Тверь. Исторический очерк. Настоящее положение. Тверское дворянство и земство. Опыт с чайными лавочками. Население Твери. Исторический музей. Собор, дворец и Отрочь монастырь. Морозовская мануфактура. Торговое значение города. Общественные учреждения. Знаменитые местные уроженцы и крупные деятели.

Что мы, русские, очень слабо знаем свою родину — истина, кажется, довольно старая! Как и всё под луною, не ново и то положение, что каждый гражданин, хотя бы он и назывался русским обывателем, обязан познакомиться с той страною, где он обитает, тем более что он пользуется ее выгодными условиями, а невыгодные отражаются в нем весьма чувствительно. Не говорим уже о знании всей России, что, пожалуй, и не по силам отдельному человеку, но многие ли знают хотя бы и более цельные районы вроде нашего Севера, Поволжья, Урала, Малороссии с их особенностями и характерными проявлениями. Оригинальные черты родного нам быта доходят до нас урывками; многие из них исчезают бесследно под напором внешней нивелирующей цивилизации, и почти никого не находится, кто бы закрепил их в исторической и этнографической литературе; никто не бережет их так, как берегут за границей в национальных музеях всякие пустяки, имеющие отношение к

национальной культуре. Между тем самобытные проявления русской народной жизни имеют особую цену в переживаемый нами период обезличения — недаром этот термин прилагается не к одним только одушевленным разумным существам (известно, что кроме обезличения людей у нас вошло в моду обезличение хлеба и др. товаров, а недавно поднят вопрос об обезличении даже железнодорожных вагонов). До сих пор наши привилегированные классы почти не интересуются тем, как живут «податные», или неимущие, классы, как дышит та самая провинция, над которой мы привыкли из центра, с высоты величия, производить разные эксперименты, сиречь — делать опыты над живым организмом, не освидетельствовав его предварительно, не узнав, что он может вынести и чего не может.

О внутренней России мы зачастую имеем меньше сведений, чем о многих отдаленных странах Азии, Африки и даже Австралии — например о Тибете, Египте, Новой Гвинее. Таких россиян, которые сколько-нибудь знают свою страну, гораздо меньше, чем таких, которые рисуются знанием европейских столиц и курортов, относясь с пренебрежением к каким-нибудь, с позволения сказать, Твери, Казани или Владимиру и даже к Киеву, а тем более к деревне. Для многих из таких «патриотов», как нам часто доводилось наблюдать, самые обыкновенные рассказы о рельефных проявлениях русской народной жизни представляются чем-то новым и даже маловероятным, как будто речь идет о каких-нибудь дагомейцах или сиуксах,[1] а не о людях одного с нами племени. Кому неизвестно, что граждане западноевропейских государств ставят на первый план изучение, и притом самое основательное, своей родины, о других же странах знают гораздо меньше, а часто и совсем мало, особенно о России. Мы же — наоборот: хорошо изучаем чужие страны, ничего не зная о своей, особенно если курс русской географии проходился нами механическим путем — в форме заучивания губерний, гор, почв, городов, etc. Обиднее всего, что если кто и знает сколько-нибудь матушку Русь, то отнюдь не интеллигенты, а простые сирые мужички, которые меряют своими ногами тысячи верст, проходят десятки губерний, заходят на окраины, не пользуясь ни железными дорогами, ни другими изобретениями пресловутой цивилизации и везде присматриваясь к народному быту и хозяйству. Многие культурные русские люди стыдятся признаться в незнании парижских бульваров или Ривьеры с Монте-Карло, а незнание отечества считают чем-то естественным, как будто так тому и быть надлежит. В оправдание свое они ссылаются на то, что путешествия по России сопряжены с большими расходами и неудобствами, и это имеет свое основание, если принять в расчет наши «естественные» грунтовые пути сообщения и варварски высокие железнодорожные тарифы, при

[1] Дагомейцы — жители королевства Дагомея в Западной Африке (с XVII в.), колонии Французская Дагомея (1894), Республики Дагомея (1960), Бенина (1975). Сиуксы — коренные жители Северной Америки.

которых, например, проехать от Баку до Батума, поперек одного Кавказа, обходится дороже переезда через всю Францию и Германию. Нельзя также оспаривать, что вообще поездка за границу обходится дешевле, чем в разные отдаленные места внутренней России, не говоря уже о меньшем количестве времени. О Сибири мы уже не говорим: доехать, например, до Иркутска в десять раз дороже и во столько же раз дольше, чем в Париж; между тем мы знаем сибиряков, которые иногда делали по два конца в год от Иркутска до Петербурга, то есть проезжали ежегодно 24 тысяч верст, проводя в дороге при скорой езде 120 дней или 1/3 года. Известно также, что в Сибири не редкость съездить в гости на именины за 500 верст на лошадях, что равносильно по крайней мере 2000 верст по железной дороге, то есть поездке в Париж. Но и в пределах Европейской России путь, например, из Петербурга в Астрахань, берет вдвое больше времени, чем в Париж, а в Архангельск — втрое. Бывает даже, что в пределах одной губернии переезды более долги и утомительны; возьмем даже соседнюю с Петербургом губернию — Новгородскую, где есть такие отдаленные уездные города, что до них от губернского города нужно сделать двое-трое суток на лошадях, что гораздо тяжелее, чем два раза съездить в Париж.

Но эти невыгодные сравнения отпадают, если станем говорить о поездке на Волгу, которая как раз представляет собою наименее утомительное и наиболее дешевое путешествие. Здесь вы проезжаете девять разнообразных и обширных губерний на протяжении 3000 верст и всё время чувствуете себя как дома, не только не испытывая изнурения, неизбежного при поездке по железной дороге, хотя бы в пульмановских купе, но даже набираясь новых сил для осеннего и зимнего сезона. Не напрасно многие здравомыслящие доктора вместо дорогих поездок на заграничные воды и на южные берега прямо рекомендуют для поправки здоровья на живительный волжский воздух.

Другое оправдание в малом знании России — ссылка на то, что при ее обширности, разноплеменности населения и разнообразия всяких условий изучить ее гораздо мудренее, чем какую-нибудь Францию или Бельгию. Но ведь ни от кого и не требуется знание всей России, необходимое только для лиц, призванных к кормилу государственной власти, или, говоря высоким слогом, стоящих у жертвенника. Для обыкновенного смертного достаточно изучить хотя некоторые, самые типичные части России и прежде всего Поволжье как коренной русский край, вмещающий в себя настоящую кондовую Русь и полнее отражающий русский дух, где от самого Селижарова вплоть до Астрахани слышится, как писал Щедрин, сочная русская речь, благодаря которой все понимают друг друга в лучшем виде. Кроме того, Волга должна быть особенно близка русскому сердцу не только по ее историческому и экономическому значению, но и по своей чисто русской физиономии; все, кто еще не

окончательно озападнился, кто не начал испытывать taedium vitae,[1] не променяет ее на какой-нибудь Дунай с его непривычными для русского взора обнаженными каменистыми горами, с его Räuberfelsen[2] и развалинами разбойничьих замков, ни на Рейн с его театральными пейзажами, сильно попорченными фабричной культурою. Там нет той «шири и глади», как на Волге, которая является выразительницей широты и непосредственности русской натуры. Перед глазами путников, на всем ее протяжении, проходят типичные картины всех местностей России: поэтические долы, пригорки и перелески севера, обширные луга, холмы и леса средних губерний, необозримые степи востока и юга, довольно высокие горы и мрачные ущелья, словом — чего хочешь, того и просишь. Не мешает также помнить, что здесь идет большая дорога к сказочному востоку, игравшему такую роль в русской истории. На хребте ее волн носились в былое время и татарские ладьи, и персидские барки, и разбойничьи струги, и купеческие суда, и плоты с виселицами. Волга с ее притоками охватывает всю настоящую Россию, бывшее Московское государство. Среди приволжского населения сотни лет ревниво сберегаются самобытные черты русского обихода и мировоззрения, так картинно изображенные в сочинениях покойного Мельникова,[3] этого характерного волжского писателя; всё это представляет обильный материал для психолога. Далее — сколько на Волге исконных русских промыслов, сколько памятников древнего зодчества, скольких дала она славных писателей: Некрасов, Салтыков, Мельников, Гончаров, Карамзин, Державин и др. взросли на ее берегах. Словом, на Волге соединилось всё для привлечения ученых, этнографов, беллетристов и просто туристов. И все те, кто внимательно и серьезно по ней проехал, сознаются, что интерес поездки превзошел все их ожидания, что для ума и даже для глаз они нашли здесь больше, чем в Крыму, на Кавказе и в других местах. К сожалению, и эти восторженные отзывы соблазняют очень немногих. Большинство продолжает ссылаться на дороговизну путешествия, которое будто бы обходится дороже поездки за границу или на какие-нибудь бесполезные воды. Но и эта отговорка опять-таки объясняется незнанием. Неоднократным опытом мы убедились в том, что путешествие по Волге, особенно летом, обходится очень дешево. Чувствуется только недостаток толковых путеводителей, объясняемый только тем, что составление и издание их обходятся довольно дорого, а сбыт невелик, ибо турист, разъезжающий по Волге без определенной деловой цели, вне казенных поручений и командировок, представляет более или менее случайное явление, хотя с другой стороны с каждым годом появляется всё более догадливых людей, которые берут свои семейства и нанимают каюту на

[1] Отвращение к жизни *(лат.)*.

[2] Разбойничьи скалы *(нем.)*, комплекс известковых скал Дунайского разлома в Австрии.

[3] Мельников Павел Иванович (псевдоним Андрей Печерский, Мельников-Печерский; 1818—1883), писатель, этнограф, автор дилогии «В лесах» и «На горах».

волжском пароходе на несколько недель или просто путешествуют по интересующим их местам на разных пароходах. Посвятив же Волге месяца два летних, они не только соединят полезное с приятным, но будут при этом пользоваться таким комфортом, какого наверное не встретят за границей, ибо волжские пароходы по удобствам, изяществу и простору помещений далеко оставляют за собою пароходы, плавающие, например, по Рейну и Дунаю. В попутных городах к услугам волжского путника хорошие гостиницы, мало чем уступающие столичным. Одно обидно: более сносные новые путеводители по Волге изданы на иностранных языках, а на русском таковых не имеется; есть, правда, из новых две книжки Лендера,[1] толстая книга Монастырского,[2] но они наполнены очерками, для большинства неинтересными, хотя прочитать их все-таки не мешает, равно как и издание В. Рагозина «Волга»[3] и в V томе всеобщей географии Э. Реклю[4] страницы 306—411 о Волге. Но для туриста нужнее сведения, так сказать «путеводительского» характера: цены проезда на пароходах, указатель местных произведений, сжатая история каждого города, указания: где остановиться, где есть, что смотреть и в какое время, сколько платить извозчикам и т. д. На это в волжских путеводителях не обращено внимания, не говоря уже о планах более крупных городов, что считается излишней роскошью. Тому, кто в первый раз приезжает в приволжский город, поневоле остается прибегать к тому усовершенствованному способу, который, как говорят, доводит до Киева, то есть спрашивать кого придется: какая гостиница лучше, где пообедать, сколько заплатить извозчику, а по городу ходить первое время как по вновь открытой стране, населенной неизвестными людьми, уподобляясь легендарному пошехонцу, заблудившемуся в трех соснах. Конечно и в этом есть своя хорошая сторона, так как зачастую приходится наталкиваться на сюрпризы; но, во-первых, их и без того немало рассыпано в русской жизни (и иные бывают не из числа приятных), во-вторых, приходится считаться с немалой потерею времени.

Этим летом мы предприняли поездку на Волгу не ради только «туристского» отдыха и времяпровождения, но имели в виду попутно выяснить разные экономические вопросы, интересующие общественные и правительственные сферы. Других (более общих) наблюдений нами сделано очень мало. Вот почему наши наблюдения и описания, вне этих вопросов, могут, пожалуй, показаться несколько бледными. Во всяком

[1] *Лендер Н.* [Рейхельт Николай Николаевич, 1864 — не ранее 1924] На Волге: Очерки, картинки, путевые заметки и обозрения. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1888.

[2] *Монастырский С.* Иллюстрированный спутник по Волге. Казань: Типо-лит. Ключникова, 1884.

[3] *Рагозин В. И.* Волга: в 3 т. СПб.: Тип. К. Ретгер, 1880—1881.

[4] Реклю Жак Элизе (1830—1905), французский географ, автор книги «Земля и люди. Всеобщая география» (1873—1893, 19 томов).

случае, уступая желанию многих, постараемся отметить всё, представляющее более интереса.

Кто отправляется на Волгу из Петербурга, тому лучше всего взять билет до Твери и оттуда начать экскурсию. Те же, кто поедет от Рыбинска, много потеряют, не видав красот Верхней Волги, еще мало испорченных нечистым дыханием меркантильного духа и фабричной цивилизации.

Выехав из Петербурга вечером и прибыв в Тверь на другой день рано утром, можно в то же утро уже плыть по Волге. Но, конечно, настоящий турист на это не решится и на день, на два остановится в этом стольном городе, заслуживающем полного внимания. Нельзя же, в самом деле, в отношении городов Поволжья ограничиваться сведениями вроде преподанных щедринскому благовоспитанному мальчику, будущему сановнику, который, когда его спрашивали о нескольких поволжских городах, о каждом из них отвечал так: «город N стоит на реке Волге, имеет собор, острог и рыбные ловли».[1] Далеко ли от этого мальчика ушли те, кто удержал в памяти, что в Твери было когда-то княжество, что ныне это губернский город на реке Волге (на каком берегу, неизвестно), снабженный положенными по штату деятелями и сеятелями, что около него большие фабрики и большой вокзал, где можно выпить-закусить и даже, если позволит время, купить для подарков замысловатых тверских пряников в форме рыб, коньков, гусаров. Притом и самый город из окна вагона не представляет картинного вида, ибо видны только его зады; проникают в него больше по необходимости, туристы же, видавшие более захватывающие картины Швейцарии, Тироля или Биаррица, хорошо знают, что в Твери нет ни безбрежного океана с его отливами и приливами, ни необъятных парижских магазинов, ни Колизея, ни целебных вод, ни даже рулетки. Но хотя все эти прелести здесь и отсутствуют, для истинно русских людей должны быть милы «иные картины».[2]

Путь от Петербурга до Твери описывался сотни раз, и путник, посмотрев реку Волхов, Веребьинский мост,[3] долину Мсты и еще два-три пейзажа, может на этом успокоиться. Остается разве упомянуть о Николаевской линии, что она самая дорогая в России (двести тысяч рубликов золотом за версту), но далеко не самая удобная, что за 43 года ее существования пассажирский тариф вместо того, чтобы уменьшаться, всё возрастал; так, например, в 3-м классе проезд от Москвы до Петербурга стоил когда-то три рубля, а теперь втрое больше. Будь это в Америке,

[1] В книге М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы» гимназист на вопросы отца, «чем замечательны» города Лаишев, Свияжск, Чебоксары, отвечал: «стоит на реке Волге, имеет собор и рыбные ловли» (*Салтыков-Щедрин М. Е*. Собрание сочинений: 20 т. М.: Художественная литература, 1970. Т. 10. С. 172).

[2] Цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

[3] Мост через реку Веребья и Веребьинский овраг вблизи станции Веребье (ныне деревня в Новгородской обл.) на Николаевской железной дороге. Построен по проекту инженера-механика Д. И. Журавского (1851). На момент создания самый высокий и длинный железнодорожный мост в России.

давно бы там выстроили между столицами еще одну, а то и две параллельные линии, возили бы дешевле, и дохода хватило бы на обе. Ведь Николаевская дорога приносит чистого дохода около 15 миллионов рублей в год, причем он составляет почти половину валового дохода. Но ничего не поделаешь: монополия, скромно замаскированная невинным словом *концессия*, которую наши юристы считают за нерушимый сепаратный договор гг. акционеров с правительством. И названная линия, вторая по доходности в мире, только с мая нынешнего года стала возить несколько скорее, да и теперь пассажирский ускоренный поезд делает только по тридцати верст в час, тогда как в старину русские цари, именитые люди, курьеры и фельдъегеря делали на лошадях от столицы до столицы по двадцати верст в час, или только в полтора раза медленнее ускоренных пассажирских поездов, а по сравнению с недавними черепашьими поездами ездили почти с той же скоростью. Притом эта богатая дорога и хороша только для богатых, беспечно едущих в купе первого класса или в спальных вагонах, главная же масса пассажиров, третьеклассных, составляющих 80 % всего числа, везется самым варварским образом в тесных, грязных, полутемных вагонах. О варварском же способе перевозки рабочих по удешевленному тарифу на этой богатейшей линии много писалось в газетах, и только фатальная выносливость нашего народа допускает подобное с ним обращение; если бы везти так целые 600 верст европейского рабочего, он не выдержал бы четвертой части пути и взмолился бы, чтобы отпустили душу на покаяние, не желая за свои деньги испытывать репетицию чистилища. Далее бросается в глаза, что эта богатейшая линия почти до самой Твери проходит по самой удручающей местности, через пустыри, изредка перерезанные обработанными клочками земли. Эти пустыри дали повод одному из членов недавно бывшего железнодорожного конгресса, бельгийцу, изумляться богатству России: «Помилуйте! — восклицал он, — Мы не знаем, куда деться от тесноты, бросаемся на самые бесплодные куски земли (тут вспоминается теория ренты Рикардо[1]), а у вас, между двумя столицами, вдоль главной железнодорожной артерии, некуда девать лишней свободной земли; это такой ресурс в будущем, и вы счастливы, что он у вас есть». Впрочем, не он один изумлялся естественным задаткам земли русской, чувствующей себя в данную минуту в весьма критическом положении. На это напирают и наши патриоты, и наши доморощенные экономисты. Многие из них с гордостью возглашают, что у нас одного золота в земле на миллиарды, стоит только протянуть руку, одной соли на сотни миллионов, а железо, а каменный уголь, а нефть — всего и не перечесть!.. стоит только протянуть руку, не будь мы так ленивы! Но достаточно им напомнить хоть одно: для того, чтобы добыть золота, положим, на миллион, надо иметь наготове 600—800 тысяч рублей, хотя бы даже и кредитных. Ведь и папуасы, и негры

[1] Рикардо Давид (1772—1823), английский политэконом; по его теории земельной ренты, дополнительный доход зависит от производительности земельного участка.

Конго также живут в великолепных естественных условиях, окруженные тропической растительностью, в недрах их земли подозревают не только богатое золото, но даже алмазы, и несмотря на всё это, их инвентарь, образовательный ценз и самый гардероб оставляют желать весьма многого. От этой мысли логический переход к одному из контрастов русской жизни и культуры, который особенно бросается в глаза человеку, начинающему обозрение России от Петербурга. Сзади остается если не совсем европейский, то все-таки пышный город со всеми внешними атрибутами утонченной цивилизации, здесь же, по обе стороны пути, пустыня и притом не та богатая американская пустыня, которая манит изголодавшихся эмигрантов, а какая-то удручающая и обескураживающая: кочковатые болота, корявые леса и изредка скверно всковыренные поля, способные привести в негодование бельгийского земледельца, за полями убогие деревеньки с избами, издали похожими на навозные кучи, и пр. С одной стороны железные дороги, телеграфы, телефоны, семафоры, а за две-три версты от линии первобытные формы быта, недалеко ушедшие от времен Гостомысла, первобытные земледельческие орудия, всевозможные суеверия, доходящие даже до постановления сельского схода о сожжении живым колдуна… Но дальше от этих картин, лучше не думать об этом, скорее к берегам Волги, где все-таки пульс экономической жизни бьется несколько живее, где как ни на есть, но должно же что-нибудь остаться от своеобразной тысячелетней культуры.

Преддверие Волги — Тверь — представляет собою как бы вырванный из Москвы кусок, что дало повод сочинить поговорку «Тверь-городок — Москвы уголок», которая, впрочем, применяется и к некоторым другим губернским городам. Ведь и Москва есть не более как соединение десятка губернских городов, и одна только центральная часть ее с Кремлем и торговыми рядами придает ей особую важность. По своей физиономии Тверь производит обратное впечатление, чем большинство русских городов, которые часто издали очень красивы, а внутри грязны. Здесь наоборот: город издали не очень красив, но внутри оказывается довольно красивым, чистым и хорошо распланированным.[1] Путешествовавший по

[1] С Тверью и ее губернией знакомят следующие издания: Памятные книжки Тверской губернии (прежде издаваемые ежегодно при губернском правлении, теперь не издаются); Обзоры Тверской губернии, составляющие приложения к ежегодным отчетам губернаторов; Тверь в XVII в. Исторический и археологический путеводитель. Исследования Н. Н. Овсянникова. 1889; Историко-статистическое описание Тверской губернии: В 2 т. / Сост. В. Покровский. Тверь, 1879; *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел / С предисловием гр. А. С. Уварова. М., 1888; *Борзаковский В*. История Тверского княжества. СПб., 1876; Краткое описание Тверской губернии, основанное на сравнении статистических данных 1783 и 1846 гг. Тверь, 1847; Сборник материалов для истории тверского губернского земства 1866—1882 гг.: В 2 т. Тверь, 1883; Материалы для статистики Тверской губернии, издание губернского земства; Сборники и отчеты местных земств; Еженедельная газета «Тверской вестник» (1879—1881). — *Прим. Субботина.*

России полвека тому назад барон Гакстгаузен[1] выразился, что «Тверь — один из красивейших городов России», что здесь широкие, прямые улицы, с рядами новейших каменных домов, украшенных большею частию колоннами и балконом, большие симметричные площади, с большими домами вокруг, множество бросающихся в глаза церквей и бесчисленное количество куполов и колоколен. На некоторых улицах хорошенькие липовые аллеи». Хотя это мнение и преувеличено, но впечатление от Твери получается лучше, чем ожидаешь: улицы действительно широки и прямы, много каменных домов, сады, старинные церкви, красивая набережная Волги с видом на заволжскую часть. Параллельно набережной перерезывает город Миллионная улица, заменяющая для тверитян Невский проспект и парижские бульвары. На ней обращают внимание: сперва красивый сквер около немецкой церкви; круглая площадь, обставленная у пересечения с другой главной улицей четырьмя подковообразными двухэтажным зданиями присутственных мест; далее — большой гостиный двор; напротив его идет к Волге тенистый общественный сад; в конце улицы самое парадное место города — грандиозное здание мужской гимназии, рядом губернаторский дом, напротив длинное красивое здание реального училища, кафедральный собор и дворец с садом; за ними поэтический пустырь с зеленой муравой — здесь старинная церковь Николы в Капустниках[2] и слабые следы бывших земляных валов; около этого места и теперь еще откапывают разные старинные вещицы великокняжеского периода. Казенные здания выкрашены охрой — цвет традиционный, подавший повод Гакстгаузену прозвать Тверь желтым городом. За бывшей крепостью спуск к речке Тьмаке, за ней опять улицы более глухие и идиллические, бывший Затьмацкий посад с красивой церковью Белой Троицы с куполом о семи главах, древнейшей в Твери, постройки 1564 г. Далее — девичий монастырь в тени дерев, Рождественская рабочая слободка и обширная Тверская мануфактура, представляющая собою отдельную промышленную колонию, окруженную

[1] См.: *Гакстгаузен А.* [немецкий исследователь, путешественник барон Август фон Гакстгаузен, 1792—1866] Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / перев. Л. Рагозина. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1869. С. 1. Второй и третий тома на русский язык переведены не были.

[2] Миллионная (Советская) ул.; лютеранская кирха во имя Иисуса Христа Спасителя в стиле псевдоготики (конец 1840-х — 1850-е; арх. К. И. Гейденрейх; угол Рыбацкой ул. и ул. Салтыкова-Щедрина, снесена в конце 1960-х — начале 1970-х; ныне на этом месте киноконцертный зал «На Рыбацкой»); площадь со зданиями присутственных мест — пл. Восьмиугольная (Ленина); гостиный двор (не сохранился, квартал драматического театра); общественный сад — Городской сад; мужская гимназия — Государственная медицинская академия; губернаторский дом — епархиальное правление; реальное училище — Тверской государственный объединенный музей; Спасо-Преображенский собор (восстанавливается); дворец с садом — Путевой дворец с прилегающей к нему частью Городского сада; церковь Николы в Капустниках (не сохранилась, на месте стадиона «Химик»).

забором, из-за которого нахально поднимаются к небу высокие фабричные трубы. Правее — в устье Тьмаки — интересные доки доходного общества «Самолет», единственного, которое пускает пароходы на всём протяжении Волги от Твери до Астрахани. За Волгой на левом берегу, куда идет свайный мост в 80 саженей длины, тянется другая часть города, населенная беднейшими гражданами, а в конце ее, на мысу, образуемом слиянием р. Тверцы с Волгою, белеется старинный Отрочь монастырь.[1] От мыса устроен на правый берег Волги другой мост, довольно оригинально составленный из плотов без перил; насупротив монастыря через Тверцу — большая Затверецкая слобода с шестью церквами; здесь можно наблюдать оригинальные местные нравы, и во многих домах еще сохранились национальные костюмы.

Теперь немножко истории, без которой нельзя обойтись в очерке, сколько-нибудь претендующем на серьезность. Тверь основана в 1181 г., стало быть, насчитывает за плечами 711 лет — возраст довольно почтенный, особенно в России, которую принято считать незрелым и несовершеннолетним государством, причем наши, с позволения сказать, патриоты, склонны противопоставлять молодой свежий русский народ одряхлевшему гнилому Западу. Но вопрос о том, насколько сгнил Запад и насколько цветущи мы, русские, не относится прямо к теме настоящего очерка. Возвращаясь к Твери, напомним, что прежнее почетное звание стольного великокняжеского города обходилось ему недешево и вызывало ряд передряг, особенно в удельный период, столь ненавистный гимназистам и гимназисткам, решительно не желающим понять, насколько полезно и необходимо знание таких глубоких исторических фактов, что у Всеволода Юрьевича был сын Юрий Всеволодович, а у Изяслава Святославича — Святослав Изяславович; они часто и упорно позабывают — кто отец и кто сын, за что получают дурные баллы. В похвалу Твери можно припомнить, что когда алчная Москва глотала соседних великих князей как устриц, Тверь держалась дольше других и считалась серьезной соперницей Москвы, пока на нее не рассердился Иоанн III и не покорил окончательно в 1484 г., обратив задорных тверитян в московских холопов. Вскоре после того через Тверь проследовал Иоанн Грозный, ехавший проучить Новгород; заподозрив Тверь в сепаратизме, он, по склонности к радикальным мерам, во время остановки истребил рачительную часть ее жителей. С тех пор окончились прекрасные дни Аранжуеца,[2] и за 400 лет изгладилась самая память о былой самостоятельности. Княжеские палаты и крепостные валы сравнялись с землей, и о самом месте, где были палаты, долго спорили местные ученые, усматривавшие в этом пробеле большую

[1] Свайный мост в 80 сажен длины — очевидно, проект Староволжского моста (1895, инженер-технолог В. Ф. Точиский; 1897—1900).

[2] Г. Аранжуец (правильно Аранхуэс) в 40 км к югу от Мадрида, резиденция испанских королей, «городок, которого красивей и приятней нет во всей Европе» (Аранжуец // Вестник Европы. 1808. №14).

потерю для европейской науки, пока недавно их не помирили, доказав, что вероятнее всего палаты были там, где ныне стоит здание прозаической классической гимназии. Как бы то ни было, Тверь 400 лет назад была довольно большим городом: окружность крепости простиралась на 900 саженей, кругом тянулись посады, так что и нынешний город немного больше прежнего, да и расти ему трудно, ибо кругом много болот, мешающих новым расселениям в окрестностях города. Почти триста лет назад на город напали поляки и тушинские воры, разграбившие в 1606 и 1609 гг. одиннадцать церквей и 1450 дворовых мест, так что в целости осталось только 554 двора, или немного больше четверти города. Не прошло и 50 лет, как большая часть жителей вымерла от моровой язвы, свирепствовавшей в 1644 и 1645 и особенно в 1655 г.

Каждому русскому городу, а древнему в особенности, полагается выносить жестокие пожары, иначе и не было бы улучшений. Тверь не отставала от других городов и горела неоднократно, но самый основательный пожар, способствовавший ее украшению,[1] произошел в 1763 г., когда была истреблена большая часть города, причем распространение огня облегчалось узкими и кривыми улицами, имевшими по 2—3 сажени в ширину; тогда только две-три главные улицы были по 4—5 саженей. С тех пор город возродился из пепла, как феникс; были проведены прямые улицы в 10—12 саженей ширины, участки застроены под прямыми углами; город утратил свою средневековую физиономию и с 1775 г. сделан губернским.

В коммерческом отношении Тверь всегда занимала важное место вследствие ее расположения на старинном торговом пути из Новгорода в Москву, в южно-восточную Россию и азиатские страны. Значение ее стало особенно возрастать в нынешнем столетии с устройством Вышневолоцкой системы. До открытия Николаевской железной дороги, то есть до 1849 г., Тверь была оживлена массою проживающих и обозов, двигающихся из Москвы в Петербург и обратно; ее постоялые дворы и гостиницы процветали. Железная дорога положила конец этому оживлению, хотя до проведения Рыбинско-Бологовской железной дороги[2] Тверь еще оставалась пересадочным пунктом для пассажиров, следующих с Верхней Волги в Петербург; линия эта нанесла удар грузовому движению по вышневолоцкой системе, обмеление же Волги сократило обороты тверской пристани. Но город спасло его географическое положение в центре довольно обширного промышленного района и при пересечении Волги железною дорогою в таком пункте, от которого ныне начинается пароходство, ибо пароходы от Ржева уже несколько лет как перестали ходить за мелководьем. Тверь, таким образом, должна была получить

[1] Цитата из «Горя от ума» А. С. Грибоедова о пожаре Москвы в 1812 г.: «Пожар способствовал ей много украшенью».

[2] Железнодорожная линия Бологое — Сонково — Рыбинск протяженностью 298 км (1870), частный проект Виндаво-Рыбинской железной дороги.

значение как узловой и перегрузочный пункт, так что не могла прийти в совершенный упадок, и та же железная дорога послужила к ее поддержке, так как вследствие дешевизны топлива и рабочих рук и удобной доставки материалов здесь возникли крупные мануфактуры, поставившие Тверь в ряду крупных промышленных центров России. Это заметно и потому, что она не такой сонный город, как Кострома или Ярославль, и на здешних улицах больше оживления.

В истории последней четверти века Тверь стала известна по передовой деятельности своего дворянства в сфере крестьянской реформы. Когда после Крымской войны назрела мысль о невозможности оставлять крепостных крестьян в прежнем неестественном положении, тверское дворянство, не дожидаясь призыва свыше, само поспешило заявить о своем желании улучшить быт своих крепостных крестьян, лишь только из высочайшего рескрипта на имя виленского генерал-губернатора[1] узнало о желании государя улучшить быт помещичьих крестьян и дать им гражданские права; 22 декабря 1857 г. было первое собрание представителей дворянства по этому вопросу. Когда же образовалась тверская редакционная комиссия, то она в вопросе о наделении крестьян землею сразу заявила себя широкими и передовыми началами, прямо указав на то, что «личная свобода человека не может осуществиться без свободы имущественной», что «под крестьянской оседлостью следует непременно разуметь не одни так называемые усадебные земли, но всё количество земли, необходимое для обеспечения быта крестьян». Кроме того комиссия выставила тот принцип, что одна крестьянская реформа без изменения других факторов государственной жизни будет мертворожденною, почему и наметила главные начала тех преобразований, которые вскоре действительно и были проведены государственной властью. Так, она заявила о необходимости в гражданском строе общества таких преобразований, которыми к участию в управлении и суда было бы призвано само общество, «ибо как бы ни энергичны были чиновники, а одни они без указания и участия самого общества не могут ни узнать нужд населения, ни удовлетворить их». При этом было выражено пожелание, чтобы судебная функция в государстве была предоставлена двум учреждениям: 1) мировому судебному институту и 2) суду присяжных. Комиссия указала и на финансовые меры, способствующие развитию производительных сил страны, причем, по ее мнению, прежде всего были необходимы: 1) отмена откупной монополии

[1] Правящие круги были против намерения Александра II освободить крестьян. Тогда друг молодости царя генерал-губернатор Вильны В. И. Назимов склонил дворян Виленской, Гродненской и Ковенской губерний просить царя об этом. В ответ на их адрес Александр разрешил им создать комитет «для улучшения быта владельческих крестьян» и добился одобрения секретного комитета по крестьянскому делу (20.11.1857). Следующей ночью рескрипт был отпечатан и разослан по всем губерниям России.

на продажу спиртных питей и 2) отмена покровительственного тарифа, особенно пошлин на ввоз иностранного железа во всех видах. Наконец, по поводу организации сельских обществ комиссия выработала такие здравые основания, которые целиком вошли потом в положение о крестьянах и в положение о земских учреждениях.[1]

Тверское земство также в свое время считалось передовым и выступало с разными смелыми проектами то по вопросам народного образования, то по вопросам о содействии местному народному хозяйству. Так в 1880 г. губернское земство представило о новом плане народного образования и о расширении влияния земства в этой сфере, причем испрашивалось право открывать училища высшего разряда с законченным общеобразовательным курсом, с ремесленными или сельскохозяйственными классами применительно к местным условиям, с тем чтобы эти училища всецело находились в ведении земства. Затем земство помогало образованию промысловых артелей и ссудных товариществ, поддерживало известные артельные сыроварни, устроенные Н. В. Верещагиным, устроило в Твери образцовую женскую учительскую школу имени Максимовича, а близ города обширную колонию на 350 душевнобольных, хорошо поставленную согласно новейшим научным требованиям.[2] Но в последние годы здешнее земство, как и многие другие, притихло и ничем особым себя не заявляет, да и вопросов острых в роде тех, какие волнуют пострадавшие от неурожая юго-восточные губернии, здесь не имеется. Население бывшего тверского княжества всё еще, как говорится, живет и хлеб жует, кой-как перебивается из кулька в рогожку, причем благодаря промыслам не очень много задолжало казне и земству.

Закончим этот скучный исторический очерк воспоминанием об одном интересном почине, исшедшем из Твери, по обширному вопросу о замене потребления «жизненной влаги» более невинным, хотя и менее доходным для государственного казначейства, чаепитием. Мы говорим об устройстве чайных лавочек с целью отвлечь народ от пьяного зелья. Первые хлопоты принял на себя весьма почтенный и популярный местный деятель, четверть века посвятивший пользам и нуждам Тверского края, А. К. Жизневский — управляющий местною казенной палатой. В 1870 г. по его ходатайству правительство разрешило открывать в селениях чайные лавочки как «с целью удовлетворения развивающейся в сельском населении потребности пить чай, так и в видах уменьшения пьянства, облегчением простому народу возможности проводить свободное время в беседе за чаем». Это нашло отклик, и к концу 1871 года открылось 277

[1] Цитаты и пересказ заключения редакционной комиссии Тверской губернии 1858 г. по книге Г. А. Джаншиева «Эпоха великих реформ» (1892; ср.: М.: Территория будущего, 2008. Т. 1. С. 244—254).

[2] О школе молочного хозяйства Н. В. Верещагина (1866) и психиатрической колонии в с. Бурашево (1884) см. путешествие И. И. Колышко. О земской школе им. П. П. Максимовича (1870) см.: *Тверь 3*, с. 88–91.

таких лавочек, а в 1872 г. уже 322. Но мода эта скоро прошла, ибо свидетельства на лавочки требовали высокой оплаты, а народ не мог отказаться от потребления пива, составляющего для него нечто органическое, вызываемое всей совокупностью тяжких условий его быта. К тому же идея отвлечь от пьянства чаем на практике часто осуществляется в неожиданно обратном направлении; во многих местах средней России существовал даже особый термин *нырок* — так назывался чайник с водкою, подававшийся вместе с чайным прибором, так как, по словам знатоков, между чаем спорее пьется, «ныряет» чашка водки. Невольно вспомнишь наши общества трезвости с их наивными замыслами обратить простого человека в «чайную веру»; в действительности эти общества чаще всего, сберегая у рабочего несколько копеек на чае и закуске, дают ему возможность выпить лишний стаканчик водки, а иногда и два, то есть, стало быть, достигают как раз обратной цели, как и многие другие модные меры и затеи.

От прошлого, которое вовсе не было так светло, как полагают люди народнического направления, и не так мрачно, как думают некоторые люди передового образа мыслей, обратимся к его результату — к настоящему.

В настоящее время Тверь представляет собою губернский город среднего калибра, имеет более 50 тысяч жителей, из коих около 20 тысяч пришлого элемента. По переписи 1859 г. в городе считалось 29 тысяч жителей, в 1879 г. уже 42 тысяч, а теперь по календарю числится почему-то 39 тысяч, тогда как население несомненно растет и если прибавить фабричное население Рождественской слободы, то цифра его превысит 60 тысяч. Впрочем, относительно календарей давно сказано, что они врут; не меньше врут и полицейские цифры населения, так что населенность большинства русских городов до сих пор остается величиною весьма проблематичною, если не считать немногих городов, где произведены однодневные переписи и где, благодаря этим переписям, население сразу прибавилось на 50—70 %. В Москве, например, считалось 350 тысяч жителей, а по первой переписи 1871 г. оказалось 611 тысяч, в Петербурге вместо 540 тысяч — 800 тысяч. В настоящее время в России вдруг оказалось до 20 городов, имеющих 100 тысяч жителей, в том числе три на Волге — Казань, Саратов и Астрахань. Но какое именно количество подданных проживает во всей России — в точности никто не знает! Это, как обозначается в конце страшных французских романов, — mystère![1] После последней, десятой, ревизии 1858 г. не было народосчисления, что, конечно, мешает всяким точным расчетам при проведении новых правительственных мероприятий.

Всё население Твери разместилось в 4 тысячах домов, причем квадратная площадь жилых помещений исчислена около 100 тысяч

[1] Тайна *(фр.)*.

квадратных саженей, или по 2 квадратных сажени на обывателя, что еще не очень тесно; лица привилегированных классов живут очень просторно, а рабочее ютятся по нескольку в одной комнате, так что на каждого не придется и одной квадратной сажени.

Из достопримечательностей города самое интересное — его музей, организованный и взлелеянный заботами помянутого нами А. К. Жизневского, который в течение 19 лет с редкой настойчивостью собрал такие коллекции, каких при обыкновенных условиях не собрать и в 30—40 лет; и теперь еще этот семидесятилетний деятель неустанно пополняет музей, жертвуя для этого и свое время, и часть своих небольших средств. При этом он не только собирает и сортирует исторические предметы с большим знанием дела, но и самые коллекции разместил в образцовом порядке, при котором облегчены донельзя как обзор их любознательными людьми, так и пользование ими для ученых. На почтенной деятельности этого скромного труженика, работающего в тиши и уклоняющегося от всяких реклам и популярности, следовало остановиться хотя бы «примера ради», как на образце для других деятелей нашей провинции, которые вместо игры винт могли бы позаняться устройством национальных музеев, благо для этого требуется больше доброго желания, чем средств, как доказала история Тверского музея. Не обидно ли, в самом деле, что в Западной Европе не только столицы имеют грандиозные национальные музеи, о каких мы еще и не мечтаем, но даже многие маленькие городишки давно устроили музеи, содержимые в большом порядке, где всякая мелочь, по-нашему не стоящая внимания, хранится как зеница ока и показывается с гордостью. Что касается русских, то равнодушие их к своим памятникам и древностям отмечено не только гоголевским городничим, но подчеркивается постоянно и нашей печатью. Потому-то нельзя не останавливаться с особым уважением перед учреждениями, подобными Тверскому музею, спасающими остатки нашей культуры от попрания и вандализма. Музей этот, пожалуй, самый замечательный в России, если принять во внимание кратковременность его существования и возмутительно скудные средства.[1] На Волге есть еще два музея: Радищевский в Саратове и Зал Александра II в Самаре, но они имеют более смешанный характер, составлены не так научно и методично, притом устройству их, кроме частных лиц, много способствовали местные богатые городские думы.

Тверской музей первоначально, в 1866 г., был основан при статистическом комитете как собрание образцов местной промышленности

[1] Покойный М. П. Семевский, посетивший музей в 1888 г., восклицает о нем так: «Он заставил нас забыть то чувство зависти и горести, с которыми мы еще недавно, в 1887 г., обходили множество городских музеев в Германии и Швейцарии, обходили с чувством досады, что ничего подобного, как нам казалось, нет на Руси в ее губернских городах, нередко, однако, бывших стольных градах отдельных княжеств. И вот сон наяву!» (Русская старина. 1888. Август. С. 422). — *Прим. Субботина.*

и был довольно скуден. Только с 1872 г., благодаря А. К. Жизневскому, стал быстро наполняться предметами древности, палеонтологии, антропологии, нумизматики и этнографии. В 1872 г. этих предметов было не более десятка, а теперь до шести тысяч (!); в виду этого для музея отведена была большая зала в здании классической гимназии как раз против собора. Самый важный и разнообразный отдел, конечно, археологический, описанный в особом роскошном издании,[1] над составлением которого бескорыстно трудился тот же г. Жизневский. Другие два отдела: этнографический и местной промышленности — также весьма интересны. Для неспециалиста археологический отдел представляется вещью сухою и скучной, но всё же образованный человек найдет здесь много для себя интересного, иначе бы ему пришлось сознаться, что он не признает истории за науку и что для него сапоги выше Гомера. Один перечень предметов, отражающих древне-русскую культуру, способен заинтересовать даже человека самого реалистического направления. Так, мы видим здесь остатки каменного века, памятники и надгробные кресты, каменные гробы, иконы, более тысячи крестов и образов, церковные предметы; домашнюю утварь, серьги, перстни, путницы, запонки, музыкальные инструменты, часы, зеркала и т. п.; наряды, посуду, весы, подсвечники, чернильницы, печати, портреты, оружие; кафли, орнаменты, планы; иностранные и русские монеты, клады и пр. Интересен надгробный памятник со скандинавскими рунами. Хорош также стерженский каменный крест XII в., надпись на котором указывает, что уже тогда углубляли русло Волги в ее верховьях, а мы через 700 лет всё еще не можем углубить его как следует и довели до того, что судоходная часть Волги обратилась в несудоходную. Из осмотра коллекции древних крестов оказывается, что в древней Руси были в употреблении кресты даже трехконечные, что едва ли даже кто мог себе представить. Впрочем, всего выдающегося и не перечтешь. Для нас интересны были образцы народных одежд и обуви, демонстрированные на десяти манекенах и развешанные в шкапах, больше XVII и XVIII столетия: особенно красив весьегонский наряд — фата и сарафан с золотым кружевом и серебряными пуговицами с финифтью. Невольно остановишься и перед большими стенными часами работы известного самоучки механика, химика и богослова Терентия Волоскова, они показывают часы, минуты, дни недели, числа месяца, месяцы, простые и високосные годы, фазы луны и числа лунного месяца. На часах надпись: «Луна по неби летит, земной шар светит». Сделаны они в половине

[1] Издание это, упомянутое раньше, представляет фолиант большого формата в 260 с., на отличной бумаге с многочисленным фотогравюрами и снимками замечательных предметов. Издание любительское, дорогое, осуществлено при содействии гр. А. С. Уварова, продается по 10 р. Кроме того, г. Жизневским составляются: 1) Альбом замечательных предметов Тверской губернии, в котором уже в 1888 г. было 120 фотографических снимков; 2) описание рукописей. — *Прим. Субботина.*

прошлого столетия и ходят до сих пор верно. Вслед за ними Волосков сделал астрономические часы, представляющие целую картину неба, над которыми трудился 11 лет; часы эти теперь в Ржеве. Одним словом, Волосков — один из собственных Невтонов, которых может «российская земля рождать»,[1] но для этого нужна более подходящая жизненная обстановка, чем та, в которой они живут теперь, когда Невтоны и Платоны рискуют сто раз помереть с голоду, прежде чем осуществятся их идеи. Очень оригинален и изящен старинный медный рукомойник XVII столетия весом в 12 фунтов. Далее старинный замок-личина в виде медного ящичка с разными механизмами и секретами, издающий звон посредством колокольчиков. Затем следует обратить внимание на портрет инокини Марфы Ивановны, матери царя Михаила Федоровича, писанный масляными красками с натуры, также на портреты русских Невтонов: помянутого Волоскова и инженера-самоучки Михаила Сердюкова, строителя шлюзов и вышневолоцкого водохранилища. Из богатого собрания оружия нас заинтересовал железный меч с тамгою Тамерлана, называемой *Расти-Рустu*, что по-русски значит «сила в справедливости», — изречение, пожалуй, слишком изящное и философское для полудикого вождя, не кончившего уездного училища. Далее бросается в глаза тульское ружье 1788 г., пищаль в сажень длиною, поднять которую не под силу теперешним выродившимся тверитянам. Монеты размещены особым остроумным способом: здесь видим и серебряный куфические монеты (диргемы), и монеты Золотой Орды, и серебряную гривну — слиток в полфунта весом; на такую гривну лет 600 назад можно было с комфортом прожить полгода, быть сытым и пьяным; больше всего монет великого княжества тверского 1326—1485 гг. Еще интереснее древние рукописи, которых собраны сотни, старинные богослужебные книги, две писцовые книги: одна 1625—1626 гг., другая 1685—1686 гг. Но довольно и перечисленного: для более подробного знакомства рекомендуем едущим мимо Твери и имеющим хоть полдня свободных, заахать туда — осмотреть музей, открытый ежедневно, а также прочитать его «Описание».

Закончим опять небольшим попреком в том смысле, что при обозрении богатств музея становится стыдно, что мы так развязно отрешаемся от национальных форм, хотя бы в домашней обстановке, утвари и одежде; разве русский стиль не красивее и не оригинальнее теперешних безвкусных и обезличивающих форм; взять хотя бы обиход наших средних классов — однообразная венская мебель, трюмо, олеографические премии на стенах, рассылаемые вместе с журналами и соблазняющими на подписку, и т. п.

Как ни отрадно видеть, что музей разрастается, но это чувство отравляется сознанием, что у него нет собственного помещения, и он должен из милости тесниться в постороннем здании. Недалеко то время,

[1] Цитата из оды М. В. Ломоносова «Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года».

когда коллекции некуда будет помещать; и теперь, невзирая на всё искусство размещения, зал музея очень загроможден. Конечно, своего дома строить не на что, но под музей с удобством могло бы быть отведено несколько зал во дворце, ныне пустующем. Об этом уже возбужден вопрос, и надо надеяться, что он разрешится благоприятно на пользу русской науки, и дворцовые залы получат достойное назначение.

Здешний кафедральный собор древнего стиля похож на соборы во Владимире и Нижнем и на Успенский в Москве. В его настоящем виде он достроен в 1689 г., а раньше на этом месте с 1271 г. был деревянный храм, а с 1382 г. каменный,[1] который сгорел. В соборе старинный многоярусный иконостас с богатой позолотою и мощи князя Михаила Ярославича, погибшего в Орде в 1319 г. Главный колокол весит тысячу пудов и гудит на всю благочестивую Тверь. При этом мне вспомнилось, как в одном немецком городе показывали в качестве первой редкости колокол в 500 пудов; за посмотрение его брали деньги и брали даже с нас, русских, видавших колокола во много раз больше. Дворец — двухэтажный, довольно обширный, желтого цвета, имеет форму *покоя*, перестроен из бывших архиерейских палат в 1780 г. По осмотре собора переезжаем за реку в Отрочь монастырь, основанный в 1215 г. сыном князя Ярослава Ярославича отроком Григорием. Основание его связано с довольно романической легендою, что будто бы Григорий собрался обвенчаться с одной красавицей и не из высшего круга, а с простой дочерью сельского пономаря, но князь-отец накануне свадьбы видел ее во сне, и голос свыше сказал ему, что он сам должен на ней жениться, а не сын.[2] Легенда говорит, что и прелестная дочь пономаря видела князя-отца во сне и влюбилась. И вот когда он явился в сельскую церковь, где сын уже стоял с невестой перед аналоем, то оттолкнул сына и стал на его место. Невеста его узнала и дала согласие на брак, сын же с горя стал монахом и основал Отрочь монастырь. К сожалению, монастырь стал одно время местом заточения: в XVI в. здесь 20 лет томился Максим Грек и два года провел в заточении Филипп-митрополит, тут же задушенный Малютой Скуратовым. Над бывшей кельей Филиппа устроена церковь. К сожалению, не сохранено никаких предметов, напоминающих эту величавую личность, выступившую со всенародным обличением против самого Иоанна Грозного, с которым разговоры были плохие. Примеры такого высокого мужества редки не только в русской, но и во всемирной истории, и память о митрополите Филиппе стоит живым укором современным дряблым душою деятелям. У кого будет время, не мешает по пути осмотреть церковь Белой Троицы, где сохраняются от глубокой древности запрестольный деревянный семиконечный крест и железное паникадило наподобие глобуса. Всех церквей в Твери 34 — более чем достаточно.

[1] Каменный Спасо-Преображенский собор построен в 1285—1290 гг. вместо деревянной церкви Косьмы и Дамиана.

[2] Слово *отрок* в древнерусском языке означало младшего члена дружины князя.

Тверь важна не только по историческим воспоминаниям и как административный центр, но и по своему промышленному значению. Самая большая здешняя мануфактура — вдовы Морозовой и К°, основанная в 1858 г., заслуживает осмотра если не в отношении производства, которое можно видеть во многих других местах, то со стороны социально-экономической, так как здесь устроены многосторонние вспомогательные учреждения для улучшения быта рабочих, что не часто встречается на больших русских фабриках, в большинстве случаев далеко отстающих от западноевропейских в области забот о рабочем люде.

На Тверской мануфактуре, куда от центра города можно доехать в 10—15 минут, можно проследить все стадии хлопчатобумажного производства: обработку хлопка, его расческу, постепенную выработку тонкой нитки, которую с катушек перематывают на валы, идущие в ткацкие станки, коих более двух тысяч; шум в ткацких залах невообразимый. Полученный здесь суровый холст опаливается, с опальных машин идет в чистильные, оттуда в громадные отбельные котлы, потом моется, просушивается и тогда уже поступает на печатные машины, где снова проходит ряд мытарств, пока не получится до ста сортов ситца разнообразных рисунков, а также богатый выбор полушерстяных тканей. Длинные полосы холста тянутся как живые через залы, ныряют в боковые отверстия, ползут, свертываясь трубками, кверху, падают белыми каскадами в котлы, оттуда опять на машины, потом исчезают куда-то в преисподнюю и вновь появляются на свет Божий — и всё это почти без участия рук человеческих. Если обойти все отделения, то можно обезножить. Хотя мы и видали раньше такие фабрики, но здешнее устройство, экономия передачи сил, разнообразие машин, чистота, простор, электрическое освещение невольно приковывали внимание. Но всего более нас интересовали вспомогательные учреждения, которые мы осмотрели подробно, начав осмотр с даровых помещений для рабочих, которые переделывались при нас на новый тип. Это — обширные высокие залы для одиноких рабочих, с одноярусными нарами; чистые светлые комнаты для семейных с общими кухнями на десять семейств. Старые помещения, постепенно упраздняемые, немного тесны и загрязнены, что и понятно при нерасположении наших рабочих к гигиене; но и они были гораздо лучше вольных квартир, где рабочие набиваются по десятку в тесную избу без вентиляции, где на каждого приходится втрое меньшее кубическое содержание воздуха, чем сколько полагается по науке. Но многие предпочитают вольные квартиры потому, что там нет никаких стеснительных правил в отношении общежития и поведения. Осмотрели мы и большую харчевую лавку, которую держит администрация фабрики; лавка эта совсем иного типа, чем лавочки, открываемые многими другими фабрикантами с целью замаскированного уменьшения заработной платы. Здешняя лавка, наоборот, облегчает бюджет рабочего и его семьи, а не

обирает его. Прежде всего, покупки в лавке для рабочих необязательны, о чем гласит особый аншлаг крупными буквами; затем фабрика не только не берет барыша на товарах, но даже доплачивает на содержание лавки и обширной при ней пекарни. Покупая продукты оптом, лавка продает их по своей цене и гораздо дешевле, чем на рынке. В пекарне выпекается до двести пудов хлеба в день; продают его по две копейки фунт, так что при ранней заготовке муки рабочие почти не испытали последствий того вздорожания, какое вследствие недорода прошлого года столь чувствительно отразилось на промысловом населении и кустарях всей России, положение которых, как известно, значительно ухудшилось. Как на пример низких цен укажем, что сахар продается по 15 ½ копейки фунт, очень вкусные баранки по 8 копеек. Невзирая на это, некоторые покупают в вольных лавках, где им оказывается широкий кредит. После лавки интересно осмотреть каменное двухэтажное здание, где помещаются приют для малолетних сирот и полусирот и ясли для грудных детей, которых приносят сюда матери пред уходом на работу и оставляют на целый день; всё здесь чисто до педантизма, комнаты светлые и высокие, большая комната для игр, садик. Недалеко образцовая больница и рядом с нею родовспомогательный покой, устроенные по правилам науки. Всё это способно привести в восторг людей гуманных, хотя при этом невольно вспоминается жестокий закон, выставляемый многими экономистами, отрешившимися от филантропических слабостей, что ежегодно должно вымирать известное количество детей, дабы заработная плата держалась на известном уровне, и что если посредством искусственных затей вроде больниц, яслей, приютов, семейных квартир и т. п. будет понижен процент смертности детей, то скоро явится излишнее население и излишнее предложение труда. С другой стороны, улучшение условий быта и здоровья взрослых рабочих продлит их бренную жизнь и усилит их способность к деторождению, что приведет к тому же результату. Как ни поверни, выходит, что лишние дети, вырванные фабричного филантропиею из когтей смерти, потребуют себе места на пиру жизни и если получат работу, то тем самым понизят заработок; если же их не примут на фабрики и заработная плата останется прежняя, то они перейдут в разряд опасных классов, что будет еще худшим злом. Отсюда та мораль, что, во-первых, не следует мешать умирать детям рабочих в той норме, какая им положена судьбою по штату, во-вторых, надо оставить рабочих в прежних ужасных условиях существования...

Но этой логике выходит, что чем хуже будут они жить, тем лучше им будет, ибо они будут больше получать. Правда, это воззрение имеет некоторые основания: временно могут наступить указанные последствия, но временные явления не должны служить базою для научных выводов. Притом всё это сильно отдает мальтузианством,[1] давно уже

[1] Английский экономист Т. Р. Мальтус (1766—1834) утверждал, что неконтролируемый рост населения превышает рост производства продуктов питания и ведет к голоду.

забракованным. Лучше оставим эти бездушные «железные» законы и будем смотреть на дело по-человечески, утешаясь тем, что та наука, которая идет в разрез с элементарными нравственными началами и с требованиями общечеловеческой справедливости, вовсе не есть наука, а ложная узкая теория.

Фабричная школа, красивое каменное здание с широкими большими окнами, напоминает лучшие школы Швейцарии и Германии. Внутри устроена она лучше, чем многие из наших гимназий: просторный вестибюль, чугунные лестницы, высокие, светлые классы, широкие коридоры, большой зал. Здание обошлось в 17 тысяч рублей. При школе большое место для прогулки учеников с гимнастикою. Классных комнат семь, а классов — четыре; первые три с параллельными отделениями; учится более 200 детей от 8 до 12 лет. Сюда же приходят учиться сотни детей старше 12 лет, работающих на фабрике; по закону они должны работать от 5 $^{1}/_{2}$, до 9 $^{1}/_{2}$ часов утра, потом три часа в школе, потом опять четыре часа на фабрике. Здесь видимо не боятся вредного влияния школы на развитее рабочих и на их самосознание. При правильном отношении к рабочим здесь не может быть опасений подобных тем, какие нам пришлось выслушать несколько лет назад от одного крупного подмосковного фабриканта, у которого вследствие злоупотреблений штрафами произошла большая стачка: «Ну, вот вам ваши школы, — говорил он. — Полюбуйтесь, устроил я их в лучшем виде, трачу на них по двадцати тысяч в год, а заместо пользы вышел один вред: мальчишки стали грамотеями, подросли, начитались разных разностей и вот теперь бунтуют; лучше бы было эти школы прикончить!» Однако, почтенный фабрикант не привел в исполнение своего намерения, и тлетворные школы доныне существуют при его фабрике, не вызывая никаких социальных идей, ибо штрафные аппетиты владельца приведены в должные границы. На Тверской мануфактуре штрафы редки, взыскиваются в границах закона и идут в общий вспомогательный фонд, так что рабочие не имеют ни малейшего повода на них жаловаться.

Недалеко от школы — обширное помещение библиотеки для рабочих с залой для развлечений, которые изредка устраиваются. Давно хотят устроить здесь и чтения с туманными картинами, но это почему-то еще не разрешается. Рассматривая журнал для записывания выданных книг, мы с удовольствием заметили, что рабочий люд уже не довольствуется чтением «Английских милордов», но часто берет сочинения Пушкина, Гоголя и других русских классиков, а некоторые дошли до того, что берут «Историю умственного развития Европы» Дрэпера,[1] популярную гигиену и т. п. книги. Велик спрос и на

[1] *Дрэпер Дж. В.* [американский физик, химик, физиолог и историк Джон Уильям Дрэпер; 1811—1882] История умственного развития Европы. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1866.

божественные книги, особенно во время поста, когда многие считают грехом читать светские сочинения.

Другие фабричные здания также бросаются в глаза чистотою и простором; между ними широкие площади, освещенные электричеством; в центре городка разводится сквер для прогулки рабочих. Словом, всё устроено на широкую ногу. Администрация тратит на благотворительную часть большие суммы, но деньги эти ей возвращаются с плюсом, ибо эти затраты надо считать в числе основных расходов производства. Они же ведут к тому, что рабочие больше дорожат фабрикою, усерднее и интенсивнее работают, меньше прогулов, нет опасности со стороны забастовок и т. п. Рабочих здесь до пяти с половиною тысяч, а численность всего рабочего населения с семействами надо считать вдвое больше. Производительность мануфактуры всё возрастает: по официальным сведениям она оценивалась за 1873 г. в $2^1/_2$ миллиона, в 1879 г. — в 3,7 миллионов рублей, а в 1886 г. уже в 5,6 миллионов рублей; теперь, вероятно, еще больше; в 1886 г. выработано 660 тысяч кусков разных тканей, в том числе на 60 тысяч кусков недостало своего холста и пришлось работать из покупного.

Кроме Морозовской фабрики, около Твери с 1853 г. существует Рождественская мануфактура Берга с производством бумажных тканей на миллион рублей. Кроме того, в Твери существуют три кожевенных завода, машиностроительные мастерские при железнодорожной станции, при ремесленном училище и при доках общества «Самолета», три паровых мукомольни, неизбежные водочный и пивоваренный заводы и несколько мелких заведений. Торговля Твери в общем довольно значительна; для подтверждения этого придется прибегнуть к скучной, зато краткой статистике. Возьмем, к примеру, хоть статистику грузового движения. Здешняя товарная станция отправила в 1888 г. в Петербург 4,3 миллиона пудов, в Москву 2 миллиона пудов, всего 6,3 миллиона пудов, в том числе $^1/_2$ миллиона с Волги; получено $^3/_4$ миллиона пудов из Петербурга и 3 миллиона пудов из Москвы — больше для фабрик: дрова, хлопок, уголь, краски и проч. Весь оборот товарной станции более 10 миллиона пудов. После столиц это самая деятельная товарная станция Николаевской линии. На пристани грузится для отправки до 200 судов, приходят сюда с грузом до 600, не считая 9000 плотов; грузов, по сведениям министерства путей сообщения, которые далеко ниже действительности, отправляется отсюда до 750 тысяч пудов, прибывает до $3^1/_2$ миллиона пудов. Тверь влияет и на сельскохозяйственную культуру губернии; здесь открыт отдел московского общества сельского хозяйства под фирмою «Хозяин», который, благодаря заведующему им г. Девелю, провел много улучшений; отдел также посылает хозяевам на пробу новые семена и орудия, чтобы приохотить их к нововведениям, и это дело идет очень успешно; но конечно это зависит от знаний и энергии заведующего: будь на его месте другое лицо, дела бы могли идти хуже.

Городские доходы города невелики и в 1889 г. составляли всего 174 тысячи рублей, меньше, чем во всех других 8 губернских городах Поволжья, тогда как десять лет доходы эти были (151 тысяча рублей) немного больше, чем Ярославля и Костромы. Из этого небольшого дохода целая треть, 55 тысяч рублей, уходит на казармы и др. воинские надобности, 32 тысячи рублей на полицию и пожарную часть, 16 тысяч на управление, так что на хозяйственные и образовательные цели остается только 71 тысяча рублей; из них 11 тысяч идет на учебные заведения, 6 $^{1}/_{2}$ тысячи на освещение, 4 тысячи на мостовые; капиталов у города только 20 тысяч, в недоимках 22 тысячи, долга 75 тысяч; при таком бюджете не разгуляешься![1] Из благотворительных учреждений, кроме обычных в каждом губернском городе, здесь устроены два полезных общества. Первое — общество Доброхотной копейки, учрежденное в 1868 г. для призрения бедных и для поддержки ремесленного училища, где производят разные кузнечные и слесарные работы, делают много дешевых плугов. Кроме того, общество открыло столовую для бедных и приют. Другое общество — Поощрения женского труда, открывшее швейную мастерскую для бедных тружениц.

Заканчивая настоящей очерк о Твери (правда, далеко не полный), упомянем о том, что здесь существует публичная библиотека, а что касается местной литературы, то она в Твери далеко не в авантаже; местная пресса далеко не так развита, как в городах Соединенных Штатов с тем же числом населения, ибо Тверь снабжается произведениями русского гения с двух сторон: из Петербурга и Москвы, откуда могут выписывать нужный им литературный товар люди всякого направления: и среднего, и консервативного, и даже либерального. В самой же Твери издаются два положенных по штату органа: Губернские и Епархиальные ведомости, которые — при всей глубине их содержания — не в силах ответить на разнообразные запросы жизни и пытливого ума тверского обывателя. Для удовлетворения этой пытливости была основана здесь с 1 декабря 1878 г. газета «Тверской вестник», но она дотянула только до 1881 г., да иначе и быть не могло при отсутствии здесь крупных литературных талантов, поглощаемых столицами и большими городами. Здесь этих талантов и не появлялось после Ф. Н. Глинки, местного уроженца,[2] память о котором еще жива.

Из общественных деятелей следует вспомнить добрым словом, кроме А. К. Жизневского, еще Алексея Михайловича Унковского, бывшего губернским предводителем дворянства в эпоху освобождения крестьян и известного своими передовыми стремлениями. А. М. давно уже переселился в Петербург, где известен как дельный и идейный присяжный

[1] См. Отчет о денежных оборотах городских касс за 1889 г. СПб.: Издание хозяйств. департамента министерства внутренних дел, 1891. — *Прим. Субботина.*

[2] Ф. Н. Глинка на самом деле родился в Смоленской губ.

поверенный, сохранивший живость ума, несмотря на преклонный возраст.[1] Из других деятелей более известны: писатель по экономическим вопросам и публицист, автор таких ценных трудов, как «Десять лет реформ» и «Вопросы железнодорожного хозяйства», человек 40-х годов — Алексей Адрианович Головачев,[2] который когда-то с честью подвизался в тверском земстве. Затем статистик Василий Иванович Покровский,[3] автор капитальных трудов о Тверской губернии, ныне занявший, после проф. Янсона, место заведующего статистическим отделением С.-Петербургской городской управы. П. П. Максимович,[4] деятель по народному образованию и основатель образцовой женской учительской школы. Затем экономист, публицист и оратор, академик и впоследствии сенатор департамента герольдии — покойный Владимир Павлович Безобразов,[5] известный своими сочинениями и статьями, а также организованными им экономическими обедами в ресторане Донона в Петербурге, на которые с 1859 г. собираются государственные люди для мирной беседы по

[1] Унковский Алексей Михайлович (1828, сц. Дмитрюково Тверского у. — 1893), общественный деятель и юрист, губернский предводитель дворянства (1857). В 1857 г. подал Александру II записку об условиях освобождения крестьянства, в которой высказывался за наделение крестьян землей с уплатой помещикам вознаграждения за людей от государства, при этом крестьянину должно быть даровано полное право свободного переселения. Записка была опубликована А. И. Герценом в «Колоколе». Унковский Алексей Михайлович (1828, сц. Дмитрюково Тверского у. — 1893), общественный деятель и юрист, губернский предводитель дворянства (1857). В 1857 г. подал Александру II записку об условиях освобождения крестьянства, в которой высказывался за наделение крестьян землей с уплатой помещикам вознаграждения за людей от государства, при этом крестьянину должно быть даровано полное право свободного переселения. Записка была опубликована А. И. Герценом в «Колоколе».

[2] Головачев Алексей Адрианович (1819—1903), общественный деятель, писатель. Окончил Московский университет (1839), предводитель дворянства Корчевского у. (1856), член тверского комитета по освобождению крестьян. В книге «Десять лет реформ» (1972) критиковал непоследовательность крестьянской реформы. «История железнодорожного дела в России» (1876) разоблачала легализованное хищение государственной собственности.

[3] Покровский Василий Иванович (1838—1915), земский статистик, экономист, член-корреспондент Академии наук (1902), председатель статистической комиссии при Вольном экономическом обществе (с 1891), почетный член ТУАК. Автор трудов: *Покровский В.* 1) О ценности и доходности земель Весьегонского уезда. Тверь, 1874; 2) Историко-статистическое описание Тверской губернии: в 2 т. Тверь: типо-лит. Ф. С. Муравьева, 1879—1880; 3) Материалы для оценки земельных угодий Тверской губернии. Тверь, 1892.

[4] О П. П. Максимовиче см.: *Тверь 3*.

[5] В. П. Безобразов (1828—1889), экономист, публицист; академик Академии наук, сенатор (1885). Окончил Царскосельский лицей (1847). Служил в министерствах финансов, государственных имуществ. Один из организаторов Политико-экономического комитета РГО (1860-е), Института международного права (Гент, 1873); московский губернский гласный. Преподавал политическую экономию и финансовое право в Александровском лицее (1868) и великим князьям, сыновьям Александра и Константина Николаевичей (1870, 1876).

экономическим вопросам; у В. П. было небольшое имение на границе Тверской и Московской губ.; по этому имению он может отчасти считаться тверяком, хотя и родился во Владимире. Из Тверской губернии вышел писатель и переводчик Н. В. Гербель,[1] женщина-писательница А. П. Глинка[2] и другие. Из административных деятелей следует упомянуть о бывшем губернаторе А. Н. Сомове[3], который содействовал всем хорошим начинаниям здешнего земства. В самой Твери 150 лет тому назад архиерействовал известный в русской истории Феофилакт Лопатинский,[4] который устроил первое духовное училище, заботился о бедных и во время большого голода 1733 г. отпускал хлеб в долг под расписки, которые потом сжег; он же уговорил местных богачей бесплатно кормить бедных. Но главную известность приобрел он борьбою с раскольниками и с протестантскими идеями, которые тогда стали проникать в среду высшего русского общества и даже духовенства. Вместе с тем он восставал против известного Феофана Прокоповича и был запутан в Решиловское дело, которое привело его сначала в тайную канцелярию, а потом и в тесное заключение. Обвиненный в «предерзостных и злоумышленных рассуждениях, оскорбительных для ее величества», несчастный был низложен с архиепископской кафедры, лишен священнического и иноческого чина, а всё его имение и даже библиотека взяты в Петербург. Со вступлением на престол Елизаветы Петровны он был оправдан, ему возвращена свобода и сан архиерея; но было уже поздно, и через три месяца по освобождении он умер. В Твери же был архиепископом знаменитый проповедник Амвросий Протасов,[5] умерший в 1831 г. от

[1] Гербель Николай Васильевич (1827—1883), переводчик, издатель, редактор. Родился в Твери, окончил Нежинский лицей князя Безбородко. Составил собрания сочинений Шиллера, Шекспира, Байрона, Гёте, Гофмана, Шевченко в русских переводах, хрестоматии «Русские поэты в биографиях и образцах» (1873, 1880, 1888) и «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (1877).

[2] Глинка Авдотья Павловна (1795—1863), писательница, общественная деятельница. Дочь писателя, тверского помещика П. И. Голенищева-Кутузова, жена Ф. Н. Глинки (1831). Автор переводов из Шиллера (1859), повестей, духовной литературы. С 1861 г. жила в Твери, организатор общества Доброхотной копейки для бедных.

[3] Сомов Афанасий Николаевич (1823—1899), различные выборные и государственные должности в Воронежской губернии (1853—1867), тверской губернатор (1868). Сенатор (1890). Почетный член Тверского губернского попечительства о детских приютах.

[4] Феофилакт (Лопатинский; 1670-е—1741), епископ Твери (1723), архиепископ (1725). Участвовал в издании книги Стефана Яворского «Камень веры» (1728), направленной против протестантов. При Анне Иоанновне протестанты и Феофан Прокопович усилились, Феофилакта устранили из Синода (1730). В 1735 г. его арестовали по делу иеромонаха Иосифа Решилова, обвиненного в создании пасквиля на Прокоповича. Прямых улик не было, но его держали под арестом, а в конце 1738 г. сослали в Выборг. С приходом к власти Анны Леопольдовны (1740) Феофилакта освободили и вернули сан.

[5] Амвросий (Протасов; ок. 1762—1831), окончил Славяно-греко-латинскую академию в Москве (1790), оставлен учителем; принял постриг (1794), префект академии (1797),

холеры и погребенный в Желтиковом монастырь близ Твери. Затем в прошлом столетии упоминается первый тверской нотариус Диомид Карманов,[1] написавший первую историю Тверского княжества, за что был пожалован от Екатерины II шелковым кафтаном. В Твери же родился в 1820 году в семье мелкого чиновника Иван Егорович Забелин, лучший знаток русской археологии и исторической этнографии.[2] Пятидесятилетие его ученой деятельности как раз исполнилось весною нынешнего года,[3] потому-то на ней следует хотя вскользь остановиться, тем более что Забелин представляет столь редкий у нас тип ученого-самоучки: он не кончил даже среднего учебного заведения, но для русской науки сделал более многих докторов исторических и других наук. Воспитывался Забелин в Москве в Преображенском училище при богадельне приказа общественного призрения, где вместе с ним учился и М. Н. Катков, поступивший оттуда в первую московскую гимназию и потом в университет. Забелин же с юных лет должен был добывать себе хлеб. Из училища он прямо поступил писцом в Оружейную палату, где и увлекся на путь археологии и архивных работ. В свободное от службы время он, «пыль веков от хартий отряхнув»,[4] осваивался с особенностями древнего письма, а потом начал просматривать и внимательно прочитывать старые рукописи. Ему пришлось восполнить пробел в истории Карамзина, где не было полного изображения прежних обычаев и обрядов, какими сопровождались многие события домашней или общественной жизни русского народа, — между тем как перед ним, юным исследователем рукописей, постепенно открывалась длинная вереница новых сведений о своеобразном быте наших предков. Это дало материал для первой его

настоятель Троице-Сергиевой Приморской пустыни в Петербурге, архимандрит (1798), ректор (1799) Александро-Невской академии, настоятель Иверского (1800), Юрьева (1802) монастыря, епископ Тульский и Белёвский (1804), архиепископ Казанский и Симбирский (1816), Тверской и Кашинский (1826). Считался образцом церковного красноречия.

[1] Карманов Диомид Иванович (1740—1795). Вольнослушатель Тверской духовной семинарии (1752—1753), служил подканцеляристом тверского магистрата, занимался самообразованием. Первые публицистические выступления посвящены расколу и обращению раскольников в единоверие (1766—1772). Речи по современным вопросам и труды по истории Твери (1770-е) отличались дидактизмом, но познакомили его с М. Н. Муравьевым; Н. И. Новиков намеревался их издать. Сочинения по истории Тверского края (Тверь, 1893; репринт 1993) сохраняют научно-справочную ценность.

[2] И. Е. Забелин (1820—1908), почетный член (1907) Академии наук, инициатор создания и товарищ председателя Российского Исторического музея, тайный советник. Служил в Оружейной палате: канцелярский служитель (1837), помощник архивариуса (1848). Автор книг: «Домашний быт русских царей в XVI—XVII веках» (1862), «Домашний быт русских цариц в XVI—XVII веках» (1869), «Истории русской жизни с древнейших времен» (2 т. 1876, 1879), «Кунцово и древний Сетунский стан» (1873), «История города Москвы» (1905).

[3] 1892 года, когда автор этих очерков ездил по Волге. — *Прим. Субботина.*

[4] Цитата из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

работы «О богомольных и царских походах», напечатанной в «Московских губернских ведомостях» 1842 г.[1] За последние пятьдесят лет Забелин дал ценные труды, известные каждому образованному россиянину, как например: «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях», «История русской жизни древнейших времен», «Русская женщина», «О металлическом производстве» и др., составившие, как принято выражаться, важный вклад в сокровищницу русской исторической науки. За эти заслуги Киевский университет в 1871 году поднес Забелину диплом на звание доктора русской истории; с 1879 года он занял, после историка С. М. Соловьева, место председателя Императорского общества истории и древностей российских, а в 1884 году избран членом-корреспондентом Академии наук. Другой знаменитый уроженец Твери — Николай Иванович Уткин (1785—1863),[2] получивший звание «гравера его величества» и создавший русскую школу замечательных граверов.

Тверская духовная семинария подарила миру многих известных ученых и деятелей. В ней воспитывались, между прочим: А. Н. Тихомандритский[3] — известный математик; Н. А. Лавровский[4] — бывший профессор, а ныне попечитель Дерптского учебного округа; В. А. Преображенский[5] — автор описания Тверской губернии,

---

[1] Забелин был архивариусом московской Дворцовой конторы <1856>, редактором «Московских губернских ведомостей», преподавал историю в Константиновском межевом институте <1853—1854> и школе межевых топографов; в течение лет занимался раскопками курганов в Новороссийских степях и на Таманском полуострове. Благодаря этим раскопкам был открыт целый музей скифских древностей — золотых, бронзовых, железных, серебряных; найдена была гробница одной из скифских цариц и проч. Описание археологических находок Забелина было сделано им в его труде «Древности Геродотовой Скифии» <1866 и 1873>. — *Прим. Субботина.*

[2] Н. И. Уткин (1780—1863), гравёр, хранитель гравюр в Эрмитаже (1817—1860), смотритель Музея Академии художеств (1841—1854). Родился в Твери; сын М. Н. Муравьева и крепостной крестьянки. В 1785 г. получил «вольную» и учился в Императорской академии художеств. Автор около 224 гравюр, среди них портреты И. А. Крылова, Е. С. Семеновой (оба 1816; О. А. Кипренский), А. В. Суворова (1818, И. Г. Шмидт), Н. М. Карамзина (1818, А. Г. Варнек), А. С. Пушкина (1827 и 1838, Кипренский).

[3] Тихомандритский Александр Никитич (1800—1888), родился в Твери; доктор математики, инспектор Педагогического института (1848—1859); автор учебников «Решение двучленных уравнений» (1841), «Начальная алгебра» (1853).

[4] Лавровский Николай Алексеевич (1825—1899), академик Петербургской АН (1890). Родился в с. Выдропужск Новоторжского у. (Спировский р-н). Учился в Новоторжском духовном училище (1840), Тверской духовной семинарии, Педагогическом институте (1851). Автор трудов о языке древнерусских письменных памятников, развитии педагогической мысли славянских народов, методике преподавания славянских языков.

[5] Преображенский Василий Алексеевич (1819—1862). Родился в с. Мологино Старицкого у. (Ржевский р-н) в семье дьякона. Учился в Тверской духовной семинарии, курса не окончил. Член-корреспондент Тверского губернского статистического комитета. Автор работ «Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении» (1854), «Скотоводство в Тверской губернии» (1862), статьи о монастырях

А. И. Полунин[1] — профессор Московского университета, долго бывший деканом медицинского факультета; И. А. Ефремовский (1837—1892)[2] — известный хирург, профессор Варшавского университета. В этой же семинарии воспитывались и братья Вышнеградские,[3] уроженцы Вышнего Волочка — сыновья местного протоиерея. Оба они закончили образование в Педагогическом институте, занимались учительством, но дальнейшие их дороги разошлись. Старший брат Иван Алексеевич Вышнеградский стал более популярным: сперва как профессор строительной механики и директор Технологического института, потом член совета министра народного просвещения; но еще более стал он известен, когда с большим успехом начал заниматься биржевыми и железнодорожными операциями, причем состоял членом правления разных обществ и председателем правления общества юго-западных железных дорог, что проложило ему путь в министры финансов. Второй брат, Н. А., заслужил репутацию опытного педагога и кончил дни свои в более скромном звании директора петербургских женских гимназий, которые обязаны ему своим устройством. Из духовных деятелей, вышедших из семинарии, самым замечательным был недавно умерший митрополит Киевский Платон (Городецкий),[4] который перед тем был архиереем в Ковне, Риге, Новочеркасске и Одессе и везде оставил по себе лучшую память не только среди местного православного населения, но и среди немцев, поляков, евреев и других инородцев, которые были поражены его широкой веротерпимостью и христианским взглядом на человечество. Он привлекал

Тверской губ.

[1] Полунин Алексей Иванович (1820—1888), профессор (1849). Родился в Бежецке. Окончил медицинский факультет Московского университета (1842), возглавил первую в России кафедру патологической анатомии и патологической физиологии (1849), декан медицинского факультета Московского университета (1863—1878).

[2] Ефремовский Иван Алексеевич (1837—1892); окончил Петербургскую медико-хирургическую академию (1862), доктор медицины (1869); профессор (1872) Госпитальной хирургической клиники в Варшавском университете. Автор книг «Об употреблении распыленного серного эфира и охлаждающих смесей как местно анестетических средств» (1869), «Резекции плечевые и локтевые, произведенные во время войны 1870—1871 годов, конечные исходы их» (1874).

[3] Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895), министр финансов (1887—1892), почетный член АН (1888), член государственного совета (1886). После Тверской семинарии (1843—1845) окончил Педагогический институт (1851). Вышнеградский Николай Алексеевич (1821—1872). Окончил Педагогический институт (1844). Глава петербургских женских учебных заведения открытого типа (1858—1867); создатель Мариинских училищ, в том числе в Твери (1858), в Вышнем Волочке (1859, первое уездное). Разработал устав женских училищ, преобразованных позднее в гимназии (1862).

[4] Платон (Городецкий Николай Иванович, 1803—1891), почетный член Академии наук (1889). Родился в Погорелом Городище Ржевского у. Окончил Петербургскую духовную академию. Епископ и архиепископ Рижский, Донской, Херсонский, митрополит Киевский. Ввел преподавание калмыцкого языка в Новочеркасской семинарии.

сердца своей доступностью, словоохотливостью и простотою, а также удобопонятными речами, которые он часто произносил к народу с паперти или в церковной ограде. Он высказывался также против споров с раскольниками об обрядовой стороне, против излишнего формализма в духовном ведомстве, советуя больше вникать в самый дух христианства. Далее нельзя не упомянуть о протоирее Ф. Ф. Сидонском,[1] профессоре богословия в Петербургском университете, и И. А. Бухареве,[2] архимандрите и историке.

В Твери часто бывал историограф Карамзин, тоже волгарь, но низовый; он посещал великую княгиню Екатерину Павловну, супругу тверского генерал-губернатора принца Ольденбургского. Он был здесь в 1810, 1811 и 1812 гг., причем читал отрывки из своей истории; здесь же, в тверском дворце, он передал великой княгине «Записку о древней и новой России», в которой отнесся с недоверием к тогдашним реформам; записка эта дошла до государя Александра Павловича и произвела на него неприятное впечатление. В Твери провел детство и потом служил И. А. Крылов, родившийся, как известно, в Москве; отец же его был уроженцем Твери, куда и перешел на службу, когда будущему баснописцу было восемь лет. Воспитанный своею матерью, он 15-ти лет написал здесь свою комическую оперу «Кофейница», в которой сквозит большой талант и редкая наблюдательность. Крылов жил в большой нужде и 14-летним мальчиком, когда современные юноши только еще проходят греческие спряжения в средних классах гимназии, уже поступил писцом в Тверской уездный суд, а потом в магистрат. Об этой поре он рассказывал, что любил в свободное от занятий время уходить на берег Волги и здесь по целым часам лежал на траве, прислушиваясь к говору судорабочих и баб, полоскавших белье. Отсюда он вынес ближайшее знакомство с великорусским говором, которое потом пригодилось ему для его басен. Прожив в Твери 8 лет, Крылов переселился с матерью в Петербург. В Твери же одно время жил Ф. М. Достоевский,[3] которому здесь было разрешено поселиться по возвращении из сибирской ссылки. Он провел в

[1] Сидонский Федор Федорович (1805—1873), почетный доктор философии (1864). Родился в с. Архангельском Новоторжского у. (с. Красное Торжокского р-на). Окончил Тверскую духовную семинарию (1825). Профессор кафедры богословия Петербургского университета, доктор философии.

[2] Бухарев Александр Матвеевич (в монашестве Феодор, 1822—1871), родился в с. Федоровское Корчевского у. (Конаковский р-н). Окончил Тверское духовное училище (1837), Тверскую семинарию (1842), архимандрит (1853). После столкновения с церковными властями сложил сан (1863), был лишен ученой степени, жил в с. Млево Вышневолоцкого у. Автор книг «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году», «О православии в отношении к современности» (обе 1860) и др. Инициалы у Субботина указаны неточно.

[3] Ф. М. Достоевский жил в Твери с 19 августа до середины декабря 1859 г. в доме на углу современных ул. Пушкинской и Володарского, писал «Записки из Мертвого дома» (1862); тверские впечатления отразились в «Вечном муже» (1870) и «Бесах» (1873).

Твери осень 1859 г., а в начале 1860 г., получив разрешение жить в столицах, уехал в Петербург.

В селе Ивановском Тверского уезда родился в 1806 г. наш морской герой адмирал Владимир Алексеевич Корнилов,[1] который прежде был правой рукой адмирала Лазарева, много работал по возобновлению черноморского флота и окончательно прославился защитою Севастополя, отбив союзный флот, подступивший после Альминской победы; когда неприятель был почти отбит, Корнилову раздробили ногу ядром, и он через три часа умер, причем его последним словом была похвала успешной защите. В Тверском уезде родился и жил крестьянин-поэт Дрожжин.[2]

II

Отплытие от Твери. Общество «Самолет». Первое знакомство с Волгой. Виды Верхней Волги. Едимоново и Корчева. Кимра и кимряки. Положение местных кустарей. Сергиевское и воспоминания о М. Е. Салтыкове.

Ясное летнее утро. Оба берега «русской реки» отчетливо выделяются под солнечными лучами. Набережная Твери и ее своеобразные двухэтажные дома с воротами посреди, несколько напоминающие древние укрепленные дворы, зеленый ровный скат к реке Тверце с Отрочь монастырем, Затверечье с его шестью ярко белеющими церквами — всё это оставляет приятный след в душе путника, отплывающего вниз.

Весело попыхивает пароходная труба, весело снуют лодчонки по блестящей равнине вод, весело толпится кучка народа у пристани. Самые закоренелые дельцы, хищники и живоглоты, каких довольно много среди здешних торговцев, — и те размягчаются при виде родной картины, истово осеняют себя крестным знамением и ведут тихие разговоры о погоде: что «вот Бог дает вёдро, это хорошо для сенóв», что «вон как блестит соборный крест» и так далее в этом роде, вместо обычных разговоров, в которых только и слышится «рупь», «рупь с четью», «на каждом куле нажил семь гривен», «он меня нажег, ну и я его тоже уважил». Такие реальные разговоры уже начинаются после, когда пассажиры освобождаются от впечатлений мирной природы и делаются обыкновенными грешными людьми, считающимися с девизом «homo homini lupus»,[3] что для людей, не получивших классического образования,

---

[1] Корнилов Владимир Алексеевич (1804—1854), вице-адмирал (1852). Родился в сц. Ивановское Старицкого у. В время Крымской войны 1853—1856 гг. руководил обороной Севастополя, смертельно ранен ядром на Малаховом кургане.

[2] Дрожжин Спиридон Дмитриевич (1848—1930), поэт. Родился в д. Низовка Тверского у., затоплена Иваньковским вдхр., дом перенесен в пос. Новозавидовский, где открыт музей (1938). Печатался с 1873 г. В 1896 г. вернулся в Низовку. См. о нем путешествие Л. Андреас-Саломе.

[3] Homo homini lupus est — человек человеку волк *(лат.)*.

означает «на то и щука в море, чтобы карась не дремал» или «рой другому яму, не то сам в нее попадешь».

Несмотря на ранний час, у пристани собралось немало любопытных горожан посмотреть на отплытие парохода, на новых лиц, на скатывание багажа по гладкому деревянному лотку. По длинной лестнице (берег имеет 5 $^1/_2$ сажени высоты) спускаемся на «конторку» и после неизбежной суетни вступаем на светло-бланжевый самолетский пароход «Наяду». Он производит самое приятное впечатление своею чистотой и порядком. Крошечная, но изящная рубка, в которой обедают, читают, беседуют и в то же время созерцают волжские пейзажи; хорошо содержимые бархатные диваны в каютах первого класса и суконные во втором; скамейки и другие принадлежности трапа, то есть балкона, где находится также рулевая рубка, режут глаза белизною; прибавим к этому электрическое освещение, предупредительность и любезность служащих, хороший буфет — и в результате эти пароходы верхнего плеса, перевозящие больше серый народ, которые могли быть гораздо хуже при отсутствии конкуренции других пароходных обществ, оказываются лучше пароходов, плавающих по Рейну, Дунаю и Эльбе, перевозящих многочисленных и богатых туристов с манерами и привычками более утонченными, чем у русских мужиков, купцов и мещан.

Общество «Самолет» существует с 1853 г. и по количеству пароходов (40) — самое богатое на Волге. Это обилие пароходов объясняется тем, что это общество единственное, которое держит рейсы на всём пространстве волжской пароходной линии. Пароходы меньшего размера с названиями нимф «Дриада», «Наяда», «Ундина», «Русалка» и др. ходят по верхнему плесу между Тверью и Рыбинском, пароходы покрупнее, называемые больше по качествам «Проворный», «Удалой», «Скорый» и др. — по среднему от Рыбинска до Нижнего и, наконец, большие пароходы, почти все американского типа, названные большею частью в честь русских писателей, — по нижнему плесу между Нижним и Астраханью. Самолетские пароходы сильно усовершенствовались в сравнении с тем, чем они были лет 20—25 назад. Одна беда — их служба не может быть совершенно регулярна. Почти каждый год бывает, что среди лета верхний плес сильно мелеет, пароходное движение на нем приостанавливается, и пароходы переводятся на средний плес, где в то время кстати усиливается движение перед Нижегородской ярмаркой. Цены на самолетских пароходах самые божеские: в I классе от Твери до Рыбинска 7 рублей 50 копеек, во II — 6 рублей, в III — 3 рубля, а по всей Волге от Твери до Астрахани, за 3 000 верст 43 рубля 50 копеек, 30 рублей 50 копеек и 14 рублей 80 копеек, или втрое дешевле, чем по железной дороге, причем если пассажир пожелает, в его распоряжение дается особая каюта без всякой доплаты, что очень важно для семейных. Благодаря всем этим удобствам поездки по Волге «вояжа ради» понемногу развиваются, что во всяком случае гораздо лучше петербургских дач с их

сомнительными гигиеническими качествами. В числе совершающих семейные вояжи по Волге значительный процент составляет пишущая братия, представители которой, кроме пользы для здоровья, могут набраться здесь разнообразных впечатлений и вывезти материалы на целые томы изящной и неизящной литературы.

В девять часов утра после положенных по регламенту свистков «Наяда» плавно и бесшумно двинулась на средину реки, грациозно повернулась носом вперед, тихо подошла к наплавному мосту, одно из звеньев которого было отведено в сторону, осторожно проплыла в образовавшийся проход, потом дала «полный ход», и колеса запорхали. Их ритмический шум сразу успокоительно подействовал на нервы, уже заранее настроенные на восприятие мирных впечатлений.

От наплавного моста, где впадает Тверца, Волга сразу делается шире в полтора раза, но все-таки почти вдвое уже Невы, что дает возможность некоторым пароходным пассажирам перекликаться со знакомыми на берегу. Тверь всё отодвигается назад, и вместе с тем всё шире развертывается перспектива ее церквей и садов. Через четверть часа Волга делает поворот, город исчезает, и пассажир всецело может предаться созерцанию реки. Кстати, с нею не мешает познакомиться несколько точнее помимо тех общих сведений, помещаемых в курсах географии, которые потом легко забываются вместе с другими бесчисленными фактами, вокабулами, хронологическими данными, алгебраическими формулами и тому подобным драгоценным балластом, которым щедро набиваются головы будущей русской интеллигенции в течение 8—10 лет первоначального учения.

Волга берет начало не из озер и из болот, а из более поэтического источника — из родника, над которым устроен деревянный сруб и часовня. Место это имеет у окрестных жителей некоторое священное значение, как и многие так называемые святые колодцы. Отсюда Волга течет жалким ручьем в полтора аршина шириною, и просто не верится, чтобы из него образовалась царица европейских рек — одна из самых больших в свете, в $3^1/_2$ тысячи верст длиною, на 1 000 верст длиннее Дуная и в три раза длиннее Рейна. Если взять расстояние от истоков Волги до ее устья по прямой линии, хотя она и не всегда бывает кратчайшею, — то выходит 1 545 верст, значит, на версту прямого течения придется 1,2 версты извилин. Но с этим ничего не поделаешь, поневоле приходится мириться, тем более — при длинном пути больше увидишь! Недалеко от истока ручей с громким именем *Волга* журчит по лесам и болотам, проходит несколько озер, вбирает в себя несколько рек, питаемых из озерного бассейна, и около Ржева уже становится порядочною рекой. Подробности об ее верхнем течении «зри» в других местах,[1] а в нашем очерке излагать

[1] Кроме общих географических изданий более подробные сведения о Волге в сочинениях: *Рагозин В*. Волга. СПб., 1880. Т. I (до Оки), СПб., 1881. Т. II (от Оки до Камы); *Бабст И*. Речная область Волги. М., 1852; *Нейдгардт П. П*. Путеводитель по

их будет скучновато. Скажем только, что течение Волги медленно, ибо она начинается на возвышенности только 750 футов над уровнем Каспийского моря, значит, падение всего 2,8 дюйма на версту; в верхнем течении до Рыбинска оно быстрее — до 5 дюймов, потом профиль ее понижается. При таком профиле испарение в жаркое лето идет быстро, а если вдобавок зима была малоснежная, то уже в конце июня образуются такие мели, которые для многих обращают Волгу из кормилицы в разорительницу. Если же зима снежная и летом перепадают дожди, тогда хорошо. Весенние воды поднимаются в верхнем плесе на высоту до 5 ½ сажени, обыкновенная глубина летом 4—7 футов, кой-где до 12 футов, но в иных местах фарватер имеет только 2 фута или 14 вершков; хотя осадка судов допускается здесь не больше 12 вершков, но и для этой осадки нужно 15—16 вершков глубины, а при 2 футах приходится брать меньше груза. На случай сильного мелководья есть некоторый резерв в виде Верхневолжского бейшлота — прочной плотины при конце озера Волго, которая запирает верховые озера и образует грандиозное водохранилище в 75 верст длины и 2 версты ширины, или в 150 квадратных верст с запасом воды в 40 миллионов кубических саженей — количество, совершенно достаточное для того, чтобы утопить всех грешников на земле. Когда бейшлот поднимается, вода из него устремляется могучим потоком, который и воет, и свистит, и бьет, и шипит, так что по шуму и быстроте не уступает Иматре. Тогда уровень Волги поднимается у Твери на целых 6 вершков, у Калязина же только на 3½ вершка, а у Мологи на 1½. Как это ни мало, но и вершок часто решает судьбу засевших судов, давая им возможность продвинуться до более беспрепятственного фарватера. С конца навигации и всю зиму бейшлот отперт. Весной по этой импровизованной Иматре спускают лес и даже лодки с рыбой, которые большей частью благополучно выныривают; но иные из них и разбиваются к большой радости плененных щук, язей, окуней и прочей рыбной твари, которая пользуется этим случаем, чтобы уплыть подальше от плотоядных двуногих существ.

Пароход наш несется вперед со скоростью 15 верст в час, затруднений со стороны мелей не предвидится, ибо только за два дня спущен бейшлот для беспрепятственного проезда великого князя Владимира Александровича, и мы пользуемся кстати лишней глубиною в пять вершков. Мимо то и дело мелькают деревушки и небольшие селения с белыми церквами самой российской архитектуры с двух- и трехъярусными куполами, с шатровыми колоколенками. Картины всё самые национальные: невысокие берега, перелески, словом — старинная Русь,

---

Волге. СПб., 1862; *Боголюбов Н. П.* Волга от Твери до Астрахани. СПб.: Изд. общества «Самолет», 1862 (подробное описание попутных мест с 40 видами и картою). Затем надо прочитать в Энциклопедическом словаре Ефрона слово *Волга* и др. Карты Волги: Рагозина, Сутырина, Кислаковского, Навигационно-описной комиссии и др. — *Прим. Субботина.*

еще не загаженная фабричной цивилизаций. С трапа можно наблюдать полевые работы. Глядя на окружающее, можно сказать словами славного поэта-волгаря:

Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей.
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.[1]

Волга здесь шириною 100—150 саженей, долина ее 1—2 версты, но самая река пока меньше привлекает взор, чем берега. Формация их — большею частью песчаный суглинок; кой-где попадаются эрратические (а не эротические) валуны, а в русле каменные гряды, которые теперь, впрочем, безопасны, особенно при искусстве рулевых, изучивших Волгу, как свои пять пальцев.

Берега этого плеса не имеют той величавой красоты, как нагорный берег нижнего плеса, не пленяют взора руинами, скалами, замками и виллами, как на Рейне, но зато привлекают русское сердце идиллической простотою, сельскими картинами и оживлением. Пустырей почти незаметно, нет ни одного места, ни одного кульминационного пункта, с которого не было бы видно хотя одной церкви. Флора по берегам богаче, чем в других местах губернии. Попадаются даже величественные осокори — раскидистые, стройные березы; они сопровождают Волгу на большом протяжении до самого низовья. Эта оживленность берегов представляет некоторый контраст с пустынностью самой реки, на которой редко встречаются небольшие барки и буксирные пароходы. Это объясняется тем, что транзитное движение по верхнему плесу, прежде довольно значительное, теперь почти прекратилось, ибо главная масса грузов поворачивает от Рыбинска по Мариинской системе, а также по железной дороге; за Вышневолоцкой же системой остается значение только местного пути, так же как и за верхней частью Волги, которая служит главным образом для снабжения Тверской губернии хлебом, солью, рыбой и керосином; сверху идет много леса, который сплавляется и за Рыбинск. Пароходы ходили прежде от славного города Ржева, но теперь это время миновало, и ржевско-тверской плес уже лет двенадцать как стал несостоятельным. Затем от Твери до Рыбинска было оригинальное туэрное пароходство: по дну реки была протянута гигантская цепь, надевавшаяся на вал, устроенный на палубе парохода; цепь вытягивалась из воды с носа парохода, проходила через вал и спускалась в воду с кормы; таким образом буксирный пароход подвигался вверх со скоростью 4—5 верст в час, влача за собою несколько барок; но и это теперь кончилось, так как грузов не так много: на всём плесе до Рыбинска немногим больше 30 миллионов пудов, в том числе много плотов.

[1] Из стихотворения Н. А. Некрасова «На Волге *(Детство Валежникова)» (1860).*

С появлением всесильного пара исчезли и бурлаки с их нечеловеческою работою. Теперь уже не увидите на Волге групп, подобных изображенным на известной картине Репина, не услышите «народного стона», который зовется песней; и скорбно-поэтические штрихи Некрасова и «Подлиповцы» Решетникова[1] скоро станут анахронизмами. Но то, что Некрасов говорит о бурлаках, приложимо и к другим незаметным труженикам земли русской, к этим дождевым червям, разрыхляющим ниву народную, на которой должно же вырасти что-либо путное. Мимо них несутся поезда, пароходы, гудит телеграфная проволока, создаются и уничтожаются новые политические комбинации, сочиняются новые религии, появляются новые гении, а русский мужичок

Всё ту же песню он поет,
Всё ту же лямку он несет.
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца...
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей![2]

Но всё же мужику легче, чем бурлаку, всё же работа его более осмысленна. Если он иногда заменяет собственной персоною бессловесную тварь, именуемую лошадью, то только в редких случаях: например, в последнее время в некоторых местностях губерний, пострадавших от недорода, где пропало много скота, некоторые мужики и бабы сами впрягались в сохи и бороны. Таким образом, не приходится особенно жалеть, что лошадиная работа русских православных людей может отойти в область преданий. Но бурлаки все-таки остались, и едва ли кто угадает, где их можно близко наблюдать? Многим и в голову не придет, что настоящих бурлаков можно видеть у нас в Петербурге, и больше всего близ Царскосельского вокзала на набережной Введенского канала, где группы, как бы выхваченные с картины Репина, тянут барки с углем, тесом и т. п. Но далеко им до прежних волжских бурлаков, отламывавших «путины» от Астрахани до Рыбинска, то есть 2600 верст, под палящими лучами солнца. Ныне попадается слабое подобие бурлацкой тяги в тех редких случаях, когда плот пригоняется ветром к берегу, и рабочие должны его прогнать полверсты — версту вдоль берега, запрягаясь для этого в лямки.

Но хороша Волга и без бурлаков. Стоит ли жалеть о том, что одним угнетающим впечатлением стало меньше! если и можно сожалеть, то разве об исчезновении многих бурлацких песен и некоторых характерных особенностей. Так, например, на нашей памяти у бурлаков и судовых

[1] Этнографический очерк из жизни бурлаков «Подлиповцы» (1864) Ф М. Решетникова.
[2] Неточная цитата из стихотворения Некрасова «На Волге *(Детство Валежникова)».*

рабочих были в обычае героические игры, своего рода petits jeux,[1] впрочем, как нам известно, неупотребительные в петербургских и губернских салонах. Их не найдешь также ни в сборниках общественных и семейных игр, ни в известном аристократическом издании «Jeux et exercices des jeunes filles».[2] Вот, например, одна из таких игр, которые теперь исчезли под напором цивилизации. Дует попутный ветер, работа бурлаков и судорабочих делается излишней, им можно отдохнуть, и вот для развлечения они берут бочонок, кладут его на палубе и подпирают для устойчивости поленьями; один из играющих ложится на этот бочонок, крепко охватывает его руками и произносит следующее простодушное воззвание, несколько грубая форма которого заслуживает снисхождения: «Ну, ребята, подходи по очереди, дуй меня в рыло; кто сшибет, тот с меня берет копейку, а не сшибет — с того копейка!» После этих слов начинается азартная игра: подходит бурлак и, так как ему каждая копейка достается с трудом, бьет со всего размаха «на совесть» по скуле лежащего на бочонке, который для большей упругости щеки несколько ее надувает. В одном случае, который мы знаем, он был сшиблен 11 раз и в результате остался в выигрыше очень значительной для него суммы — 18 копеек; спрашивается, сколько раз его ударили? Подобная задача, кажется, еще не вошла в задачники Евтушевского, Малинина и Буренина и др., да впрочем, ее, пожалуй, признают недостаточно педагогичною. Иногда подобная игра разнообразится тем, что бьют не по скуле, а по животу (такая игра едва ли годится, например, для столичных пижонов): если принимающий удары отскочит — с него копейка, а устоит, ему полагается та же монетная единица. Но прочь от этих картин! В Европе и без того невысокого мнения о нашей культуре, хотя и мы могли бы иногда отпарировать, например, ссылкою на то, что в Соединенных Штатах, недавно объявивших себя по поводу Колумбовых празднеств самой цивилизованною нацией в мире, десятки тысяч народа съезжались в Нью-Орлеан на состязание двух знаменных борцов и боксеров,[3] каковое состязание было главною злобой дня и занимало целых две недели по нескольку столбцов в самых распространенных газетах; для каждого же из бойцов написано по специальной драматической пьесе... Разве факт этот не достоин любых дикарей!?

На пароходе преобладает рабочий люд. Того торгового элемента, какой снует на нижней Волге, здесь гораздо меньше. Притом же на пути нет крупных складов и торговых пунктов, почти нет фабрик и заводов. Их заменяют деревни на пригорках, населенные мужичками-землероями и кустарями. Старинные урочища и церкви, некоторые старинные обычаи,

[1] Игры с фантами *(фр.)*.

[2] Игры и упражнения девушек (Paris: Hachette & Cie, 1860). Книга французской писательницы Маргерит дю Парке (Marguerite Du Parquet).

[3] Подробности см.: *Мак-Гахан*. Письма из Америки // Северный вестник. 1892. № 11. — *Прим. Субботина.*

например празднование Ярилы, невольно переносят в отдаленное прошлое этого края, пережившего столько исторических перипетий. Не напрасно многие селения Тверской губернии называются *городками*, *городищами* и т. п. Не в обиду будь сказано нашим патриотам, вздыхающим о добром старом времени, летописи и другие документальные указания о бывшем Тверском княжестве рисуют быт его обитателей за 100—500 лет до нашего времени далеко не в розовых красках. На них чуть не ежегодно сыпались всевозможные казни и напасти, отпускаемые им щедрой судьбою довольно большими порциями. Не говорим уже о том, что пожары испепеляли ежегодно десятки сел и городов; тесные, исключительно деревянные постройки, соломенные стрехи, отсутствие всяких антипожарных средств облегчали действие огня, причем к естественным внутренним причинам пожаров присоединялись внешние — массовые сожжения при междоусобицах. Многочисленные удельные князья часто враждовали друг с другом и без зазрения совести расточали и пожигали владения несогласного соседа. В летописях то и дело говорится, что такие-то князья «пожгоша и пограбиша», встречаются и такие красноречивые заявления: «положиша всю Волгу пусту». Вот ведь до чего доходило дело, и несчастные обыватели лишались всего достояния из-за вражды князей, вполне оправдывая поговорку, что когда паны дерутся, то... В память о таких пожиганиях на самой Волге несколько селений носят названия *Гарь*, *Опалила*; затем в губернии целых 27 деревень имеют наименование *Погорелка*. За вторую половину XIII в. и за XIV в. в истории Тверской земли отмечено 13 годов, когда были «грабежи и нашествия» (1248, 1281, 1286, 1314, 1317, 1327, 1367, 1370, 1371, 1375, 1383); в XIV и XV вв. 20 годов с «голодовками» (1309, 1318, 1331, 1368, 1371, 1373, 1407, 1408, 1409, 1417, 1419, 1421, 1422, 1424, 1425, 1426, 1427, 1431, 1443, 1478), причем под 1422 г. говорится: «Ели коней, псов, кошек, кротов, падаль и даже людей ели»; а 1424—1427 гг., то есть четыре года подряд, свирепствовали «моры». В голодовку 1431 г., по случаю дороговизны, многие ушли «к немцам»; за 1309, 1407, 1421 и 1443 гг. хлеб «черви и мышь поела». В 1364 г. была жестокая моровая язва. О других казнях египетских уже не упоминаем: и приведенной коллекции вполне достаточно для того, чтобы держать обывателей в трепете и страхе Божьем. Разумеется, эта «пучина бедствий» испытывалась не только в XIII—XV вв., но продолжалась и во все последующее века русской истории. Так, например, в XIX в. в Тверской губернии были две жестоких холеры: в 1831 и 1848 гг.; первая сгубила 16 тысяч душ, а вторая 20 тысяч. В 1841 г. был экстраординарный неурожай и сверхъестественные цены на хлеб — до 27 рублей 50 копеек ассигнациями за четверть ржи; затем в 1853—1856 гг. с губернии сошло до 30 тысяч рекрутов и ополченцев. Всё это вызывало большие прорехи в экономической жизни; но за несколько лет, свободных от больших бедствий, — малые, вроде обыкновенных пожаров, падежей, эпидемий, неурожаев, считаются у нас ни во что: народ опять «обрастал» и

с легким сердцем нес все необходимые для процветания отечества тяготы и повинности. Впрочем, все эти цифры и соображения относятся не к одной Тверской губернии; здешние обыватели вовсе не имеют монополии на поименованные бедствия.

Во время нашего проезда через Тверскую губернию впечатление было довольно сносное: от недорода население не пострадало, притом же оно и в урожайные годы прикупает по 10—20 миллионов пудов хлеба; но недород низовой Волги отразился на нем рикошетом в виде высоких цен, которые оказали давление на благосостояние здешнего крестьянина, но и то временно, так как главный источник для поддержания бренного бытия заключается все-таки в промыслах. Что касается холеры, о которой на пароходе много говорили, то она была еще далеко, и здешние обыватели могли смело надеяться, что чаша эта их минует. Вообще здесь, как видно, живется ни шатко, ни валко, ни на сторону, и может быть в далеком будущем даже исполнится провиденное поэтом, который, веруя в русский народ, высказался на счет будущего Волги в таких словах:

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый
Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине
Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...[1]

По пока это еще не свершилось, можно повторить слова того же всем дорогого волжского поэта:

Всё те же вы — и нивы, и народ...
И та же всё — река моя родная...
Заметил я новинку: пароход!
Но лишь на миг мелькнула жизнь живая.
Кипела ты — зубчатым колесом
Прорытая — дорога водяная,
А берега дремали кротким сном.[2]

Публика на пароходе довольно разнообразная. Преобладающая разговорная тема о холере, в предвидении которой некоторые пассажиры заранее принимают меры, требуя то перцовки, то другого алколоида, так как из всего множества рекомендуемых предохранительных средств эти им почему-то больше нравятся. Ехавший в первом классе господин в военной

[1] Из стихотворения Н. А. Некрасова «Горе старого Наума» (1874).
[2] Из поэмы Н. А. Некрасова «Мать» (1877).

форме, к которому окружающие относились с большим почтением, усердно поглощал хинное вино. Господин этот оказался становым приставом, и ему, конечно, надо было позаботиться прежде всего о сохранении своей особы, столь необходимой в предстоящей борьбе с эпидемией. Другие пассажиры рассудили, что если уж само начальство одобряет такой способ искоренения неуловимых бактерий, то этого способа следует и им держаться. Принцип этот был проведен на практике; оживление в пароходной рубке всё усиливалось, причем самым авторитетным собеседником и, так сказать, президиумом дружеской беседы был сам господин становой. Пароход между тем благополучно обходил мели. Капитан бдительно дежурил на вышке; два почтенных волгаря, один с сивой, другой с чалой бородой, вертели колесо, зорко всматриваясь вдаль. Один из них ездит по Волге тридцать лет и изучил пространство от Твери до Нижнего лучше всяких капитанов. Его искусство доходит до того, что по наружному виду воды, по самой незначительной ряби он определяет, где глубже, где мельче. Вообще на самолетских пароходах подобраны знающие и усердные служащие; дела этого общества ведутся очень хорошо благодаря таким стоящим во главе правления деятелям, как В. А. Ратьков-Рожнов и Н. И. Жеванов. Первый из них, известный наследник Громова, состоит главным пайщиком предприятия. На самой Волге давно управляет делом брат его, Г. А. Ратьков-Рожнов[1]; по имени этих братьев названы даже два парохода. Что касается до служащих, то усердие их особенно подогревается тем, что из годовых прибылей они получают процентное отчисление, введенное несколько лет назад заботами Н. И. Жеванова, имя которого вследствие этого весьма популярно между служащими.[2] Это еще раз доказывает ту истину, что участие служащих и рабочих в прибылях предприятия ведет к самым полезным последствиям. Интересы дела становятся им ближе, оно идет гораздо лучше, не говоря уже о том, что служащие крепко держатся своих мест и накопляют опыт, особенно ценный в пароходном деле.

Первая за Тверью пристань — у села Едимонова, известного россиянам по верещагинской школе молочного хозяйства. Пароход делает протяжные свистки и поворачивает к красивому селу; на берегу толпится народ с преобладающим красным цветом в одежде. Наш пароход свистит

[1] Ратьков-Рожнов Владимир Александрович (1834—1912), гласный Петербургской городской думы (1876), гласный губернского земского собрания (1880), городской голова Петербурга (1893—1898), сенатор (1904). Промышленник. Ратьков-Рожнов Геннадий Александрович (1826—1897), окончил Морской кадетский корпус, морской офицер, директор-распорядитель пароходного общества «Самолет».

[2] Н. И. Жеванов, недавно набранный в председатели правления Русского общества пароходства и торговли, известен в деловых кругах Петербурга с лучшей стороны, как многосторонне образованный и способный деятель, заслуживающий самого высокого доверия. — *Прим. Субботина.*

Жеванов Николай Ильич, окончил 1-й Кадетский корпус, подполковник (1866), полковник (1869), генерал-майор (1879).

густым баритоном вроде фабричного гудка. Каждый наблюдательный человек, проехавший по Волге, заметит, что каждый волжский пароход гудит по-своему, имеет, так сказать, свой особый голос, по которому его узнают опытные лоцмана на далеком расстоянии; такое великое разнообразие свистков напоминает разные голоса дверей в домике Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, столь картинно описанные Гоголем.

Едимоновские крестьяне получают немало подсобного заработка от молока, доставляемого ими Н. В. Верещагину, известному пионеру в области русского молочного хозяйства вообще и артельного сыроварения в особенности. Школа его существует 21 год; с 1872 по 1879 г. ей давалось по 15 тысяч рублей, а с 1882 г. до настоящего времени по 18 тысяч рублей в год от министерства государственных имуществ. Это не так много, если принять в расчет, что это единственная затрата государства для поддержания молочного дела, что в Финляндии отпускается на центральную сыроварню 60 тысяч марок или 24 тысячи рублей кредитных и что казенного пособия Верещагину еле достает на содержание школы. Зато и польза очевидная! В школе имеется сепаратор Лаваля — металлический сосуд, вращающийся до 6 000 раз в минуту, в котором действием центробежной силы отделяются сливки и снятое молоко; есть и другие усовершенствованные, хотя и недорогие, орудия. При обработке масла, как известно, всего труднее уловить момент первого брожения сливочных шариков, чтобы не дать прогоркнуть верхнему слою сливок; эта задача достигнута вполне, и получаемое масло — лучшего качества. Затем из приносимого крестьянами молока изготовляются сыры разных сортов: бакштейн, тильзитский, лимбургский, мещерский, русско-швейцарский, французский и зеленый. Сыры хранятся в погребах и по мере продажи деньги распределяются между крестьянами пропорционально количеству доставленного ими молока. В сыроварне два отделения: в одном сквашивается молоко с помощью телячьего сычуга, в другом идет прессовка. При переработке молока в масло и зеленый сыр средний доход около 1 рубля с пуда, а если обработать его, как делается почти везде, в топленое масло и творог, то доход вдвое меньше. Для анализов при школе имеется хорошая лаборатория; кроме того, имеется интересная кефирная мастерская; кефирные грибки кладутся в сосуды с цельным молоком, в котором через полтора суток получается готовый кефир, грибки же высушиваются и вновь идут в дело. Вообще всё поставлено просто и рационально. Хлеб наглядно превращается в молочный продукт: покупаются тощие коровы «тасканской» породы, то есть такие, которых надо вытаскивать из хлева, подкармливаются хлебом и начинают давать такое количество молока, какое может изумить даже голландского фермера. Сбыт продуктов идет успешно; здешний мещерский сыр получил большее право гражданства и пользуется большим уважением, чем известная газета Мещерского; его много

покупают и в Петербурге вместо дорогого швейцарского. Экономическое положение местных крестьян возросло, что заставило известного смоленского хозяина и сельскохозяйственного писателя, ныне покойного А. И. Энгельгардта, взять назад свое мнение, помещенное в «Отечественных записках», будто бы артельные сыроварни отнимают молоко у крестьянских детей; он ясно увидал из цифр, что смертность в Едимонове и его районе уменьшилась именно благодаря хорошему экономическому влиянию сыроварен. Но влияние школы идет дальше: благодаря ей сыроварни распространились не только в Тверской, но и в соседних губерниях как у помещиков, так и у крестьян. Самыми усердными распространителями были Бландов и Бирилев;[1] более всего привилась эта отрасль в Весьегонском уезде. Школа устроила еще два отделения в соседних селах. За всё время существования она выпустила более 300 специалистов молочного хозяйства обоего пола, которые разнесли свои знания на большое пространство, причем прежние сыровары-иностранцы совершенно исчезли. Продукты едимоновского производства идут по двум путям — водой по Волге вверх и вниз, а также по Николаевской железной дороге через станцию Завидово, до которой отсюда всего 16 верст. Обеспеченный сбыт молока дает крестьянам возможность держать больше скота, а стало быть иметь больше навоза, так необходимого для здешней почвы. Потому-то распространение подобных учреждений, как верещагинские сыроварни, весьма желательно, и с точки зрения народного хозяйства им предстоит большая будущность.

За Едимоновым правый берег Волги на протяжении 20 верст принадлежит Московской губернии, что для многих культурных пассажиров оказалось неожиданностью. Они не думали, чтобы эта губерния выходила также на Волгу. По границе Тверской и Московской губерний течет немаловажная река Шоша в 180 верст длиною; это третий и последний крупный приток Волги с правой стороны на твере-нижегородском плесе. Шоша отклоняет Волгу на северо-восток, и это направление сохраняется до впадения Мологи.

Через шесть часов плавания, в 88 верстах от Твери перед глазами путника появляется самый мизерный из 11 уездных городов губернии — Корчева, отличающийся от села только прямоугольными улицами и ровной набережной с рядом небольших каменных домов. По статистике в Корчеве считается $2^1/_2$ тысячи жителей, 30 каменных и 430 деревянных

[1] Бландов Николай Иванович (1845—1917), капитан-лейтенант, почетный мировой судья Гдовского у. (1874). Выйдя в отставку (1861), вместе с братом Владимиром открыли в Москве на Тверской улице лавку по продаже сыров и молочных продуктов. В 1883 г. создали первое торгово-промышленное товарищество «Братья В. и Н. Бландовы» (после смерти в 1906 г. В. И. Бландова — «Н. И. Бландов и К°»). Бирилев Григорий Александрович, лейтенант флота в отставке, помещик Пошехонского у. Ярославской губ, имел три артельных завода по производству масла и «русско-швейцарского» сыра (современное название «Пошехонский»).

домов, оцененных всего в 150 тысяч рублей, то есть вдвое дешевле одного четырехэтажного петербургского дома среднего размера. Поднявшись во время стоянки парохода на гору, мы увидели сонные тихие улицы, поросшие травою и обстроенные серыми деревянными домиками. От них веяло невозмутимым миром и тишиной, хотя и их скромные обитатели также не чужды человеческих страстей и волнений, но конечно в меньшем масштабе, чем в больших городах. Вид Корчевы порождает в оголтелом петербургском обывателе невольное желание уйти на время от столичной сутолоки и суеты, от каменных мешков, называемых домами, от уличного шума и гама и от всяких других прелестей столичного омута. Представляется очень заманчивым пожить несколько дней в таком уездном городе, где в 8 часов вечера запирают ворота и спускают собак, где в 7 часов утра босоногая служанка выбегает раскрывать ставни, причем из окна показываются заспанные физиономии, как бы надеясь увидеть что-нибудь новое; но на улице всё те же картины, как были, вероятно, 500 лет назад; так же спокойно бродят козы, свиньи и другие четвероногие существа, любознательно озирающие редких прохожих и не всегда уступающие им дорогу...

Верст за 15 от Корчевы в Волгу впадает слева р. Сестра, на которой стоит г. Клин, известный своим недавним пожаром, а также воздушным полетом Д. И. Менделеева, пожелавшего наблюсти из заоблачных сфер солнечное затмение 1887 г. Сестра была соединена с р. Москвою каналом, по которому еще лет 25 назад плавали лодки из Волги к самой первопрестольной столице, но потом в канале почему-то надобность миновала, и его закрыли. Конечно, это явление странное и для европейцев непонятное: упразднять в сердце России дешевый водный путь, стоивший огромных денег, в то время как везде стараются сооружать новые, да и у нас в России надобность в них с каждым годом возрастает.

Еще 40 верст — и любознательный турист подплывает к знаменитому селу Кимре, которое, как известно из географии Ободовского и др., в 1812 г. обувало всю русскую армию. Кому неизвестна почтенная профессия здешних обывателей, не имеющая ничего общего с задачами обществ трезвости. Но надо отдать справедливость кимрякам; хотя они, может быть, и не самые трезвые из многочисленной семьи православных ремесленников, но между ними очень много граждан, которые смело могли бы считаться почетными членами подобных обществ.

Кимра расположена на возвышенном левом берегу и выглядит гораздо внушительнее своего уездного города Корчевы. От пристани идет в гору мощеный въезд, где красуется деревянная арка, увитая зеленью, устроенная в честь того же высокого гостя, проезду которого мы обязаны беспрепятственным плаванием по верхнему плесу. На горе виднеется массивный пятиглавый Покровский собор желтого цвета и рядом богатая Троицкая церковь. Оба храма подавляют своим величием и могут смело служить украшением не только любого губернского города, но даже

столицы: многоярусные иконостасы украшены богатой позолотою, в ограде не один десяток богатых мраморных памятников здешних именитых людей. Рядом большая мощеная площадь с каменными рядами и многочисленными лавками; тут гостиница и пожарная часть с высокою каланчою. От въезда поперек села идет главная улица, которая, как и боковые к ней улицы, вымощена и обстроена приличными домами. Особенно выделяются два изящных каменных двухэтажных дома, украшенных гирляндами. В одном из них останавливался ненадолго великий князь к большей зависти владельца другого дома.

По числу жителей более 6 тысяч Кимра также превосходит некоторые уездные города своей губернии. Малое плодородие почвы, близость центральных рынков, удобный водяной путь, дешевый подвоз кож с низу — всё способствовало насаждению чеботарного дела, которое развилось здесь за последнее столетие. Всего Кимра живет немного больше 200 лет. В 1677 г. она упоминается как дворцовое село, которое потом было пожаловано графу Салтыкову, тестю царя Иоанна Алексеевича; от него перешло к канцлеру Головкину, по ссылке которого отобрано опять в дворцовое ведомство; в половине XVIII в. пожаловано в род Скавронских, а в 1847 г. вся Кимрская вотчина из 1400 ревизских душ откупилась на волю за 495 тысяч рублей ассигнациями, которые были заняты у правительства с рассрочкою на 37 лет. Первое известие о сапожном промысле появилось в конце XVIII в. в «Генеральном соображении по Тверской губернии, извлеченном из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 года» <Тверь, 1873>. Здесь мы читаем: «Главный здешний промысел есть сапожное мастерство, в котором целая Кимрская и Ильинская волости и другие многие селения упражняются, отходя в Москву с 15 ноября по Святую неделю». Стало быть это был сперва отхожий промысел, и только с XIX в., благодаря большим войнам, кимряки стали получать заказы на солдатские сапоги, и здешняя кустарная промышленность установилась на твердую ногу. Война 1812 года, венгерская, крымская, последняя турецкая, способствовали оживлению здешних дел. Поэтому кимрские сапожники с несвойственной этой благородной и глубокомысленной профессии живостью интересуются политическими событиями и в качестве патриотов своего отечества искренно и нелицеприятно желают, чтобы русское христолюбивое воинство «утерло нос немцу» или «угостило англичанку с левой ноги». Мир, хотя бы и вооруженный, для кимряков не по нутру, конечно не потому, что он ведет к застою в их промысле, а просто потому, они радеют о достоинстве и славе русского оружия, которое, по их мнению, должно непрестанно вести к победам и одолениям. До сих пор они вспоминают со вздохом о войне 1877—1878 гг., когда они работали на «казну». Этот относительно счастливый период у них так и называется «казною»; к нему они приурочивают немудрые события своей жизни: «корову купили через год после казны», «выдали дочь в самую казну»,

«Миколка родился за год до казны» и т. д. Работа тогда кипела, и сапоги пеклись для казны как блины, да и выходили они немного прочнее блинов. Недаром говорится: «Кимряки свои сапоги на лапти променяли». Есть официальные свидетельства о таких оригинальных сапогах, которые «разваливались на пути от сотрясения вагонов и на телегах», не доходя в целом виде до наших серошинельных героев, зачастую обматывавших ноги тряпками и соломою.

Тверское губернское земство сильно интересовалось сапожным промыслом и произвело подворное исследование селений, ими занимающихся.[1] Оказалось, что сапожный промысел развился в обширном районе, обнимающем 35 волостей, центром которого служит Кимра; всех мастеров насчитывается до 23 тысяч; из них $1^1/_2$ тысячи в Кимре, 9 тысяч в прочих селениях Корчевского уезда, $10^1/_2$ тысяч в Калязинском уезде и почти 2 тысячи в Кашинском. Из всего числа почти половина — $11^1/_2$ тысяч — работает дома, а $12^1/_2$ тысяч в отходе: число уходящих увеличилось в последнее время вследствие уменьшения работы на месте.

По данным подворного исследования, в самой Кимре 803 двора, в них 1122 семейства с 5,1 тысячами душ, да к этому надо прибавить до тысячи пришлых рабочих. Почти все они, за исключением торговцев, слесарей и других ремесленников, принадлежат к известной своей трезвостью сапожной нации, которая производит для центральных губерний России разнообразную обувь — от самой нежной, покупаемой столичными щеголихами под именем французских полусапожек, до самой вульгарной, которую надо снимать в сенях, а не входить в ней в комнату. Здешние мастера, конечно, не слыхивали об «анатомии ноги» и не имеют никаких научных знаний о строении этой небесполезной части тела, тем не менее могут «потрафить в лучшем виде» на каждую ногу от миниатюрной до слоновой, лишь бы им давали настоящую цену. С присущей русскому человеку сметкою они быстро выучиваются работать всякие фасоны обуви. У них найдется и очень хорошая обувь, которая шьется по заказу, есть и плохая «для рынка», например, знаменитые сапоги из «еловой» кожи (коневой) ценою по $1^1/_2$ — 2 рубля на месте; голенище в них делается из обрезков, на подошву идут остатки из растительного царства: лубок, картон, тряпки; эта смесь, называемая *политурою*, замаскировывается для весу воском, хлебом и глиною, а сверху подбивается лоскутом кожи. По выражению самих сапожников, такого рода сапоги ими не шьются, а лепятся; носятся они редко долее недели, а скупщики сбывают их подальше подобно тому, как из села Павлова отправляются в Турцию замки, которые после двух-трех поворотов приходят в негодное состояние. Эти «недельные» сапоги при отправке старательно упаковываются в плетушки и деревянные ящики, чтобы в

[1] Исследование в Корчевском уезде без Кимры было произведено в 1887 г., в Калязинском уезде в 1888 г., в Кашинском — в 1889 г. и, наконец, в Кимре в 1891 г., где этим занимался местный статистик В. И Покровский. — *Прим. Субботина.*

дороге от тряски они «не рассыпались и подошвы не отвалились». Подобная обувь изготовляется только потому, что сами покупатели победнее спрашивают самый дешевый товар. Здесь только подтверждается та экономическая истина, что богатым людям всё достается дешевле, ибо они сразу могут купить дорогие сапоги, которые стоят только в два-три раза дороже, зато носятся в десять-двадцать раз долее, сразу закупить провизию с большой скидкой, прочную одежду и т. п. По поводу дешевой обуви зубоскалят сами кимряки, по свойству русского человека поглумиться над самим собой: «Хоть отца родного зашей, да продай подешевей»; «От пятницы до субботы (в руках) носи без заботы». Но отсюда идет и много хорошего товару в столичные магазины и во внутренние губернии. Вообще Кимра представляется сплошной мастерскою, заменяя собою и большие фабрики, и профессиональные школы. Подрастающее поколение, как только начинает себя помнить, уже ковыряется около сапог, учится владеть шилом, как шпагою, и кроить подошву, как бумагу, причем в отношении учеников применяют наилучшие педагогические приемы, смолоду закаливающие тело и укрепляющие душу согласно рецепту одного известного писателя и гражданина, печатно заявившего, что такой прием, испытанный им в детстве, отвратил его от пороков. Сделавшись мастерами, молодые кимряки применяют ту же педагогию к своим ученикам, как бы вымещая на них претерпенное ими самими.

Большинство сапожников работает не от себя, а на хозяев. Число самостоятельных кустарей сильно сократилось в последнее тихое время, ибо жить в работниках хотя и не так сладко, зато меньше риска. Самостоятельные же мастера иногда приобретают на новый кафтан, а иногда сидят впроголодь и втягиваются в долги. Из работников одни живут на дому и получают заказы сдельно от хозяев, которые дают им материал, а иногда и инструменты, если у работника нет средств купить свои; другие живут у хозяев и получают плату помесячно или поштучно. Средний мастер может заработать на дому, на своих харчах 2—3 рубля в неделю, хороший до 4 рублей; наемный работник получает 30—50 копеек за пару сапог, над которой сидит два-три дня, зарабатывая от 80 копеек до 1 рубля 60 копеек в неделю, или по 1—2 копейки в час — вознаграждение, которому едва ли позавидует западноевропейский пролетарий, а между тем кимряки корпят ради него целые дни, наглядно опровергая суждения лиц известной категории о лености русского народа. (Ученье сапожному ремеслу не так просто, как кажется, одних инструментов более 20 родов, и ими нужно уметь владеть в совершенстве.) Женщины и девушки работают больше на строчильных машинах, на которых заготовляются штиблеты; получают они 25—40 рублей в год на хозяйских харчах и 70—80 рублей на своих. Для того чтобы произвести на свет большие черные сапоги, необходимо материала на 4—5 рублей, за работу 1 рубль — 1 рубль 25 копеек, для опойковых материала на 2 рубля 50 копеек, за работу 75

копеек. Один мастер с мальчиком может изготовить в год на 600 рублей, из них около 400 рублей на материал, 100 рублей за труд и 100 рублей в пользу местного скупщика. В среднем считается, что по отношению к местной цене сапожный материал составляет $^2/_3$, заработная плата — $^1/_6$ и прибыль скупщика — $^1/_6$.

По этому расчету все 10 тысяч мастеров и подмастерьев кимрского района изготовляют обуви на 5 миллионов рублей; из них, если добавить заработок от обработки кож, населению остается до $^1/_2$ миллиона рублей или в общем по 150 рублей на работника, а полагая на каждого рабочего по 2 души семейства, получим по 50 рублей в год на «едока» — единицу, вошедшую в моду по случаю голодовки. До сих пор у нас официальные термины *обыватель*, *душа*, *податное сословие*. Но при исчислении доходов кимряков мы привели слово *едок* в физическом, а не в юридическом смысле, то есть как тождественное со словом *человек* или, как выражаются статистики, *единица населения*.

В общем из 5 миллионов рублей общего производства считают 2,7 миллиона рублей на материал и 850 тысяч рублей прибыль местных скупщиков, если же считать ряд других мелких и крупных посредников за пределами Кимры, то цифра их легкого приобретения возвысится до 2 миллионов рублей, то есть посредники получают гораздо больше, чем главные производители. Это очевидно уже из того, что пара сапог, продававшаяся, например, в Кимре за 4 рубля, сбывается в Петербург за 6 рублей. В селе более 20 крупных торговцев; из них самые солидные Королев, Потапенко и Мартынов, имеющие дела со столицами. Всех лиц, могущих жить безбедно, несколько сот, а кругом них несколько тысяч самых непозволительных бедняков, которым, по их выражению, часто «не на что Богу лампадку затеплить». И эти бедняки, чтобы заработать 2—3 рубля в неделю, должны сидеть согнувшись на «липочке» (кадочка, обтянутая кожей) по 13—15 часов в день, а иногда и по 16—17 часов с 4 часов утра до 10 часов вечера.

Можно еще утешаться тем, что не одни кимрские кустари испытывают такую юдоль; то же явление, и еще хуже, мы имели случай наблюдать в Павлове, в тульских слободах и других центрах горемычного русского кустарного производства. Везде та же зависимость от скупщиков, та же нечеловеческая работа и возмутительно низкий заработок — всё те же тяжкие условия, дающие обильный материал для либерального словоизвержения и для крокодиловых слез. Устранение этих ненормальных условий до сих пор составляет одно «благое пожелание» всех благомыслящих людей, но наши общественные сферы занимаются более платоническими докладами и слащавыми ламентациями о необходимости поднять кустарный промысел как составляющий один из главных источников для покрытия государственных платежей. Правда, есть немало попыток перейти от слов к делу, но всё это еще очень слабые и робкие шаги, что зависит от малого знакомства с условиями практической

постановки дела. В 1890 г. гласный корчевского земства И. Н. Мамонтов[1] поднял вопрос о содействии со стороны губернского земства «кимрским кустарям-сапожникам, находящимся в очень незавидных экономических условиях вследствие своей зависимости от скупщиков и «хозяев», на которых большинство сапожников принуждены работать, и вследствие упадка самого промысла. Кустарям особенно тяжело приходилось в конце 1891 г. и начале нынешнего года вследствие дороговизны хлеба. По некоторым волостям Калязинского уезда накопилась довольно значительная недоимка, причину которой крестьяне объяснили упадком сапожного и башмачного промысла вследствие уменьшения спроса на кимрскую обувь и падения цен на нее. Вопрос этот был поднят на последнем калязинском земском собрании, которое «в виду общего неблагоприятного по отношению к кимрской обуви настроения сапожного рынка не нашло возможным средствами уездного земства что-либо предпринять к поднятию башмачного и сапожного промыслов среди крестьян».

Было и еще несколько проектов, направленных к ослаблению экономического кризиса среди кимрского населения, но всё это осталось, как и многое на Руси, в области благих пожеланий. Так, корчевское земство проектировало устройство земско-кустарного товарищества на паях для производства и сбыта обуви, которое являлось бы посредником между потребителем и кустарем, давая первому свое ручательство в достоинстве товара и направляя промысел согласно спросу, для чего брало бы на себя подряды по казенным, общественным и частным заказам, устраивало бы в разных городах свои собственные склады для продажи кустарных изделий, организовав в селе Кимре и его окрестностях свои мастерские с техническими школами. Но это остается и долго останется только на бумаге. Затем предлагались такие меры, как устройство артели браковщиков, профессиональной школы, музея образцов и проч., но и это паллиативы, с которыми далеко не уедешь. Причина упадка кимрского промысла лежит глубже, а не в одном только ослаблении доверия к качеству изделий, как склонны думать многие. Причины эти — недостаток казенных заказов, давших первоначальный толчок здешнему производству, развитие сапожного дела в других местах, наконец обеднение крестьянского населения ближайших районов, где в некоторых местах стали даже переходить к оставленной было национальной обуви, сделавшейся предметом презрения, к лаптям.

В настоящее время в Кимре на всё море бедноты имеется одно маленькое благотворительное общество с $3^1/_2$ тысячами годового дохода, которое выдает бедным одежду, обувь, пищу, помогает пострадавшим от пожаров и от других несчастных случаев, но всё это — капля в море. А между тем какой красивый и солидный вид имеет Кимра с Волги, сколько

[1] Об И. Н. Мамонтове см. путешествие Г. П. Демьянова.

золота в ее храмах, какими беспечными выглядят ее обитатели! Никто и не подумает, что под этой внешностью кроется очень грустная подоплека, с которой в качестве добросовестного наблюдателя мы сочли долгом познакомить читателей. Ведь не всё же описывать красоты берегов, плеск волны и блеск луны; надо копнуть кусочек и самой народной жизни во всей ее неприглядной наготе.

Пароход прошел мимо большого кожевенного завода Потапенки,[1] снабжающего кимряков материалом, и, тихо вздрагивая, понесся мимо невысоких, но идиллических берегов, равнодушный и к печалям, и к удачам человеческим. Солнце ярко освещает и глупых, и умных, и добрых, и злых, и богатых, и бедных. Горестное впечатление от ближайшего знакомства с экономическим бытом кимряков понемногу сглаживается; мы развлекаемся видом селений, купающихся ребятишек, сельских стад, редких помещичьих усадеб. Нередко мелькают картины, который так любил Пушкин: «песчаный косогор, перед избушкой две рябины, калитка, сломанный забор»[2] и т. д.

За Кимрой в Волгу впадает слева довольно значительная река Медведица в 250 верст длиною. Мы всё двигаемся к северу и подходим к селу Сергиевскому, близ которого была родовая усадьба Салтыковых,[3] давшая нам знаменитого сатирика, восприявшего здесь первые впечатления бытия; его именем назван лучший самолетский пароход верхнего плеса. Михаил Евграфович родился в 1826 г. в селе Спас-Угол Калязинского уезда и учился грамоте у крепостного живописца, который в год научил своего питомца разбирать гражданскую печать; в 1836 г. десятилетий М. Е. был увезен из калязинских палестин в Москву для помещения в дворянский пансион. Только в начале 60-х годов ему пришлось жить несколько лет в Твери, где он занимал место управляющего казенною палатою. Отсюда он переведен в Рязань вице-губернатором и с этого места в 1868 г. вышел окончательно в отставку; 20-ти лет он начал служить, 20 лет нес бремя государственной службы и 20 лет нес еще более тяжелое бремя писательства. Интересно у него некоторое совпадение: учился он в лицее вместе с другим писателем гр. Д. А. Толстым, служил в той же губернии, откуда родом был гр. Толстой, и умер с ним одновременно — всего дня на четыре позже. Все эти калязинские, корчевские, кашинские поместья дали ему материал для изображения ужасов «Пошехонской старины», которые происходили в этих поэтических местах всего каких-нибудь 30—40 лет назад. Эти же тихие берега осквернял своим присутствием лучший тип, выведенный Щедриным, его Иудушка, в лице которого он изобразил одного из близких ему людей. Но справедливая судьба понемножечку, да потихонечку, да

[1] 25 рабочих фабрики В. О. Потапенко изготовляли 8 400 пар обуви на 34 000 рублей.

[2] Цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» («Странствие»).

[3] Усадьба Сергиевское принадлежала не роду М. Е. Салтыкова, а князю И. П. Салтыкову; см. путешествие Н. П. и А. П. Боголюбовых.

полегонечку, как выражался Иудушка, приводит всё к одному знаменателю. В настоящее время злокачественные герои этой правдивой рабовладельческой хроники, эти Головлевы, Затрапезные, Струнниковы и проч., почти все рассеялись; одни нашли себе казенные и частные места в больших городах, на железных дорогах, другие поступили в земские начальники, третьи пустились в либеральные профессии и коммерческие дела, а многие просто-напросто пропали бесследно, не внеся ничего в русскую историю и только доказав на самом себе всю непреложность закона об изменчивости всего земного.

В деревнях теперь если и живут помещики, то уже более скромного темперамента, правда не без недостатков и не без хищнических инстинктов, но всё это уже не выходит за обычный уровень и встречает некоторое сопротивление со стороны более определенных юридических норм. Многие другие бытовые вещи, столь рельефно нарисованные мощным пером сатирика, происходили в этих же тверских палестинах; так, например, его суд над карасями имеет основою процесс, бывший в городе Красном Холме.

Приволжские нравы и типы послужили Салтыкову главною канвой для его сатирических узоров. Многие резкие черты малокультурного быта обрисованы им при описании жизни города Глупова, прообразом которого послужили все чисто русские города и прежде всего города волжского бассейна вроде Твери, Калязина, Костромы, Ярославля, Вятки и других. Он обрисовал тот перелом в их жизни, который произошел на наших глазах, причем под именем глуповского миросозерцания следует разуметь наше общерусское.

III

Кашин и местное производство иностранных вин. Город Калязин и расставание с Тверской губернией. Деятели и сеятели этой губернии.

От Сергиевской пристани идет тракт в 22 версты до славного города Кашина, самого близкого к родине М. Е. Салтыкова, неоднократно вспоминающего в своих сатирах как этот город, так и его оригинальную промышленность.

Кашин живописно раскинулся по берегам речки Кашинки, впадающей в Волгу недалеко от Сергиевского у села Кашинское устье. Этот захолустный город достоин упоминания по многочисленности своих церквей, по обилию садов, но главное — по производству иностранных вин, долго услаждавших в былое время неизвращенный вкус русского среднего обывателя.

В Кашине на 7—8 тысяч жителей считается 24 церкви, так что в этом отношении он напоминает другие более древние русские города: Ростов, Суздаль, Переславль, Владимир, Вологду, Арзамас, Белозерск, Муром, Новгород. Лиц духовного сословия с семьями считается здесь до 600 душ — около 8—9% всего населения, так что в этом отношении Кашин

превзошел даже многие католические центры с их многочисленными святыми отцами. Хотя в обширных кашинских садах и не произрастает виноградной лозы, но в истории русской культуры город этот сослужил большую службу и долго составлял нашу гордость. Здесь, за две тысячи верст от виноградных плантаций, водворилось — не без содействия высоких таможенных пошлин — отечественное производство виноградных вин, что подало даже повод нашим литературным зоилам вышучивать этот безобидный город. Прежде иностранные вина делались здесь, так сказать, кустарным способом в небольших погребах, потом это производство приняло капиталистический характер. Купец Терликов, а за ним известные братья Зызыкины[1] стали посылать отсюда большие транспорты разнообразных вин на сотни тысяч рублей во все концы православной России, так что Кашин по виноделию сразу стал важнее каких-нибудь там Опорто, Малаги, Лиссабона или Марсалы. Кто не слыхал анекдота о том, что когда один проезжающий через Кашин заехал к знакомому купцу и, не застав дома, спросил о нем у его сына, то получил в ответ: «Тятька в погребе хереса размадеривает». В Кашине производились высокие сорта вин: в 1 рубль, в $1^1/_2$ и даже в 2 рубля бутылка. Главным для них материалом служил разбавленный чихирь, то есть плохо выбродившее жидкое кизлярское вино, подвоз которого был удобен из Астрахани водою. К чихирю местные доморощенные Либихи и Менделеевы подбавляли разные специи, и в результате получались разнообразные вина лучших иностранных марок. Приготовляли не только подмадеренный херес, но разлиссабонивали портвейны, фабриковали го-сотерны и го-марго (что подало повод к известной остроте: дай мне очищенно-го), дри-мадеры, бордо тре-вье, то самое, которое у Гоголя называлось просто бурдашкой, и т. д. Изготовлялась даже настоящая неподдельная ост-индская мадера, подобной которой нет и не было на самом острове Мадере; раньше, как подмечено еще у Гоголя, она называлась в общежитии *губернскою*, ибо шла в большие города и была особенно ценима за то, что обжигала полость рта. Это приятное для любителей ощущение объяснялось тем, что кашинские виноделы добавляли в самодельную мадеру из чихиря изрядную дозу царской водки (или иначе — азотной кислоты) «для крепости», уповая вполне основательно на выносливость русских желудков, которые еще со времен святого равноапостольного князя Владимира приучились выносить самые крепкие зелья. Про подобные вина можно сказать словами одного знакомого нам сатирического поэта, из скромности не печатающего своих талантливых произведшей:

С таким вином плохие шутки,
Но к счастью милостивый Бог
Нам дал луженые желудки,

[1] Речь идет о Николае Васильевиче Терликове и М. И. Зызыкине. О кашинских винах писали А. Е. Измайлов в стихотворении «М. С. Вздвиженской. С альбомом» (1827) и М. Е. Салтыков-Щедрин в романе «Современная идиллия» (1877—1883).

Чтобы его пить каждый мог.

Кроме высших сортов здесь фабриковались, уже без малейшей примеси благородного виноградного сока, дешевые, но превосходные столовые вина под замысловатыми названиями: сантуринское, мускатель и другие, привлекавшие потребителей сладким вкусом и пряным запахом. Изобретатели секрета их приготовления из скромности скрывали свои имена, хотя они смело могли бы занять место в истории технологии наравне со знаменитыми европейскими изобретателями. В печати было высказано как-то предположение, что вина эти делались из красильных остатков, но надо думать, что это одна клевета и зубоскальство. Наконец, еще характерная особенность здешнего виноделия, подмоченная впрочем и в некоторых других отечественных производствах, а именно — здесь практиковался способ моментального превращения вин одной марки в другую. Например, покупатель спрашивал хересов, а их недоставало, зато было много портвейнов; в таких критических обстоятельствах кашинские производители обнаруживали большую находчивость, приказывая переклеить хересные ярлыки на портвейны — и покупатель был доволен, хотя часто и сам знал, что так делается, но примирялся с этим, ибо, сбывая товар во вторые и третьи руки, хорошо понимал, что потребители еще мало цивилизованы и всё равно не отличат хереса от портвейна или от мадеры. Кашинское производство имело в свое время, то есть в 50-х, 60-х и даже в 70-х годах, большой raison d'etre,[1] так как вкусы потребителей были неразвиты, железных дорог было мало, заграничные вина обходились очень дорого и для среднего небогатого класса приходились очень кстати кашинские вина в 25, 30, 40 копеек бутылка, сладость и аромат которых достаточно обманывали вкус. В небогатых чиновничьих и в богатых купеческих семьях все с наслаждением выпивали по рюмочке какого-нибудь «мушкатера», который казался для них лучше сухих немецких и французских красных и белых вин. В 70-х годах в кашинском промысле стало замечаться ослабление, ибо в то время развилось виноделие в Ярославле, Нижнем и других местах, а вместе с тем на это благородное поприще выступил известный московский оратор и публицист Н. П. Ланин, в заведении которого стало изготовляться великолепнейшее «русское шампанское» в 1 рубль, 1 рубль 25 копеек и в $1^1/_2$ рубля за бутылку, которое, обвернутое в салфетку, успешно сходило на провинциальных пирах за клико или редерер. По этому поводу тот же сатирический поэт восклицает:

Да будет место наше свято,
Но время то недалеко!..
Дворяне жили все богато
И пили чистое клико!..
Теперь же, бедный россиянин,

[1] Право на существование (фр.).

Тебя поит в день именин
Замоскворецкий житель Ланин
Струей своих поддельных вин!

Таким образом из Кашина виноделие распространилось по другим местам в подрыв своей метрополии, но и этот период окончился. С развитием сети железных дорог и пароходства, также с усилением русского виноделия, внутренние губернии России стали снабжаться дешевыми бессарабскими, кавказскими и крымскими винами из настоящего виноградного сока, которые быстро стали теснить поддельные вина, так что в 80-х годах кашинские, ярославские и др. виноделы должны были пасть, и теперь о них почти не слыхать. Сам Ланин должен выдерживать крайне невыгодную для него конкуренцию со стороны крымского и бессарабского шампанского. Упадок кашинского виноделия отразился на экономическом положении города, и жители его теперь только вздыхают о славе дней минувших.

Из Кашинского уезда родом известный миссионер Иоасаф Болотов,[1] наша знаменитая певица Лавровская (княгиня Церетелева[2]), известный профессор А. П. Куницын,[3] а также видный деятель в области техники инженер А. А. Ауэрбах,[4] основатель первого в России ртутного завода в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. До него никто и не подозревал о существовании в России ртутных залежей, притом в украинских степях, где до тех пор благополучно паслись чумацкие волы.

Мимо нас мелькали те же тихие берега, не имеющие того определенного характера, как на средней и нижней Волге; здесь то один

---

[1] Иоасаф (Иоанн Ильич Болотов; 1761—1799), родился в с. Страшково Кашинского у. С 1777 г. учился в Тверской, затем в Ярославской духовной семинарии. Принял монашество (1786), в 1793 г. направлен архимандритом на о. Кадьяк, вел миссионерскую деятельность на Алеутских островах, составил «Топографическое, климатическое, статистическое и нравственное описание острова Кадьяка» (1805).

[2] Лавровская Елизавета Андреевна (замуж. княгиня Цертелева, 1845—1919), родилась в Кашине. Обучалась в Петербургской консерватории; пела в Мариинском (1868—1872 и 1879—1880) и Большом (1890—1891) театрах, в Лондоне, Париже, Берлине, Милане. С 1888 г. профессор Московской консерватории.

[3] Куницын Александр Петрович (1783—1840), родился в с. Кой Кашинского у. Учился в Педагогическом институте (1807), в университетах Германии. Преподавал в Царскосельском лицее и Благородном пансионе при Педагогическом институте (1811—1820) юридические дисциплины. Служил в комиссии по составлению законов (1828—1829), директор департамента духовных дел (1840). Среди его книг «Право естественное» (2 ч. 1818, 1820).

[4] Ауэрбах Александр Андреевич (1844—1916), родился в Кашине. Окончил Институт Корпуса горных инженеров (1863), адъюнкт-профессор Горного института (1868), заведовал разработкой каменного угля в Донецком бассейне (1871). Инициатор и участник Съездов горнопромышленников Юга России (с 1874). Управлял Богословским горным округом (1881—1896), построил Надеждинский металлургический завод (ныне завод им. А. К. Серова) с полным циклом производства (1893).

берег выше, то другой, то оба высокие, то оба низкие. Также встречаются валуны, составляющее отличие этого плеса от других; поэтому для низовых волгарей эти каменные гряды представляются неожиданным явлением.

Ночью, проехав двести верст от Твери, путник, не утративший еще способности любоваться отражением луны на серебристой поверхности реки и не предпочитающий этому занятию прозаического спанья, может узреть при лунном освещении довольно древний город Калязин, конечно менее знаменитый, чем его сосед Кашин, но также имеющий свои достоинства. С его семью церквами он широко раскинулся на правом берегу Волги. Какой-то особенной тишиной веяло от спящего города. Гулко раздавался в ночном воздухе стук колотушек, по которому воры лучше узнают, куда им следует направиться, а также ленивый лай собак. С парохода хорошо виден Троицкий монастырь, существующий почти 400 лет и привлекающий немало богомольцев; в нем четыре церкви, каменная гробница митрополита Серапиона[1] — кашинского уроженца; здесь же хранится несколько сот чугунных ядер, оставшихся от нашествия поляков. Монастырь основан преподобным Макарием, имеет до 10 тысяч рублей годового дохода и более 30 тысяч рублей капитала. Недалеко от пристани фантастически вырисовывается силуэт высоченной пятиярусной колокольни городского Никольского собора, как бы уходящей в темные небеса. Подобные колокольни на Верхней Волге встречаются довольно часто. В Калязине жил протоиерей И. Беллюстин,[2] известный своими статьями и корреспондентами обличительного характера в разных светских журналах и газетах, на что духовная власть смотрела косо, так что отец Иоанн мог чувствовать себя своего рода калязинским Саванароллою в миниатюре. Из Калязинского уезда вышел также известный профессор Московского университета Ф. Л. Морошкин[3] (сын священника села Васина).

---

[1] Серапион († 1652), митрополит Сарский и Подонский, уроженец Кашина, постриженец Троицына Калязина монастыря.

[2] Белюстин Иоанн Стефанович (1819—1890), родился в Старице. Окончив Тверскую духовную семинарию (1839), служил в с. Васисине Калязинского у., в Николаевском соборе Калязина (1843—1887). Гласный Калязинского уездного земства, член ТУАК. Как неангажированный писатель был в конфликте либо с официальной догмой, либо с общественным мнением. Автор книг «Описание сельского духовенства» в серии «Русский заграничный сборник» (1858), «Сельское духовенство во Франции» (1871). Духовные власти не утверждали его настоятелем Калязинского собора (1861, 1866, 1875).

[3] Морошкин Федор Лукич (1804—1857), родился в с. Васисино Калязинского у., деверь И. Белюстина. Окончил Тверскую духовную семинарию (1823), Московский университет (1828), докторская диссертация «О владении по началам российского законодательства» (1837). Профессор по кафедре гражданских законов, инспектор Лазаревского института иностранных языков, главный смотритель и инспектор Практической коммерческой академии; действительный статский советник.

Поселяне Калязинского уезда занимаются для пополнения бюджета тележным и столярным промыслом, *варят* (то есть запаривают валеную шерсть, чтобы была тверже) валенки и пр. Из некоторых селений уходят подобно ярославцам по трактирам в столицы и большие города.

В 17 верстах от Калязина мы расстаемся с Тверской губернией и вступаем в пределы Ярославской. Прощаясь с первой верховой губернией, не можем не вспомнить о тех людях, которых она дала России, причем полезно указать не только тверских уроженцев, но и деятелей, живших временно в этой губернии, жизненная обстановка которой не могла не иметь на них своего влияния, часто неуловимая.

Так в Бежецком уезде родился известный писатель, доктор богословия епископ Хрисанф,[1] здесь же провел молодость поэт К. Н. Батюшков.[2] В глуши этого уезда в селе Татеве живет в своем имении почтенный культуртрегер, уважаемый всем окрестным населением Сергей Александрович Рачинский,[3] бывший профессор ботаники Московского университета, издавший немало популярных трудов. В конце 60-х годов он удалился в глухую тверскую деревню и посвятил всего себя на пользу темного меньшого брата. На первых порах он задумал открыть здесь начальную школу, но от него потребовали свидетельства на звание народного учителя, так как известно, что у нас, чтобы обучать «азам» десяток ребятишек, требуется особый педагогический аттестат, хотя бы у претендента на столь высокую обязанность и были докторские дипломы разных наук. В этом случае явись кандидатом на место сельского учителя сам Ломоносов — и с него бы потребовали особого экзамена. Подчинился этому требованию и Рачинский: он съездил в Тверь, где выдержал необходимый экзамен на звание народного учителя, и со свидетельством в кармане принялся за обучение белоголовых крестьянских ребятишек. Об этом эпизоде с Рачинским быстро узнали в нашей интеллигентной среде, что создало ему особую популярность. Он быстро освоился с своей благодарной миссией и опытом выработал свою систему преподавания; из татевской школы вышло много сельских учителей, кругом стали возникать школы, нашлись и последователи Рачинского из среды помещиков и

---

[1] Хрисанф (Владимир Николаевич Ретивцев; 1832—1883), родился в с. Еськи Бежецкого у. Окончил Бежецкое духовное училище, Тверскую духовную семинарию, Московскую духовную академию (1856), принял постриг (1857). Ректор Петербургской духовной семинарии (1869), председатель Учебного комитета при Святейшем Синоде (1872—1874), епископ Астраханский и Енотаевский (1874), Нижегородский и Арзамасский (1877).

[2] Батюшков Константин Николаевич (1787—1855), поэт. Детские годы провел в родовом имении с. Даниловском Бежецкого у. (ныне Вологодская обл.).

[3] Рачинский Сергей Александрович (1833—1902), профессор Московского университета, ботаник, математик. С. Татево находилось в Бельском у. Смоленской губ. (Оленинский р-н Тверской обл.).

интеллигенции. В г. Бежецке родился известный профессор истории в Московском университете Н. А. Попов.[1]

В городе Осташкове местный кожевенный заводчик Ф. К. Савин известен на всю Россию как по своему производству, так и по общественной деятельности на пользу родного города. Заводу его исполнилось ровно сто лет;[2] савинская юфть когда-то считалась первою в мире: ее выписывали, да и теперь еще выписывают больше всего в Англию, где, немного отполировав и подкрасив, называют английской кожею, и разные изящные из нее изделия ввозятся к нам в Россию. Местный протоиерей В. П. Успенский[3] много сделал для археологии края. В г. Ржеве родился известный Тертий Иванович Филиппов,[4] воспитанник Московского университета, много писавший по церковным вопросам, ныне государственный контролер; у него в городе — небольшая усадьба, где он бывает каждое лето. Во Ржеве же долго жил известный в области русской финансовой науки профессор Московского университета и публицист Иван Иванович Янжул[5] — большой знаток английской финансовой системы, обративший на себя внимание своею прежнею деятельностью в качестве фабричного инспектора; здесь написал он и первую свою диссертацию «Об английских косвенных налогах».

---

[1] Попов Нил Александрович (1833—1892). Родился в Бежецке, окончил Тверскую мужскую гимназию (1850), Московский университет (1854), декан исторического факультета (1872), управляющий Московским архивом Министерства юстиции (1885). Автор книги «Исторические заметки о Бежецком Верхе XVII и XVIII веков» (1881).

[2] Товарищество юфтевого завода «Федор Савин» в Осташкове основано в 1730—1740 гг. Федор Кондратьевич Савин (1816—1890, 2-й, бездетный), директор банка Савина (1851—1890), городской голова (1851—1872).

[3] Успенский Владимир Петрович (1824—1894), родился в с. Завидове Ржевского у. (Оленинский р-н). Окончил Тверскую духовную семинарию (1845), преподавал в Ржевском, Осташковском уездном духовном училище (1850), священник (1868), протоиерей (1890) Преображенской церкви в Осташкове. Историк, член ТУАК (1884), действительный член Тверского губернского статистического комитета (1863). Основные работы: «Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии» (1893), «Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни Тверской епархии Осташковского уезда» (1886—1887), «Описание Осташковского Знаменского женского монастыря» (1890).

[4] Филиппов Тертий Иванович (1825—1899), родился в Ржеве. Окончил Тверскую мужскую гимназию (1843), Московский университет (1850). Чиновник особых поручений при Синоде (1856—1864), в государственном контроле (с 1864), государственный контролер (1889). Славянофил, создатель и бессменный председатель песенной комиссии при РГО (1884). Дом Филипповых в Ржеве на берегу Волги не сохранился.

[5] Я́нжул Иван Иванович (1846—1914), профессор Московского университета (1876—1898), академик Академии наук (1895). Учась в университете, был вынужден давать частные уроки в Ржеве (1865—1866), где начал статистические работы: проверка закономерности социальных явлений по метрическим книгам: *Янжул И. И.* О незаконнорожденных: Исторический очерк законодательств о внебрачных рождениях // Университетские известия. 1870. № 4–5. Прилож. С. 382—418.

Рядом, в Зубцовском уезде, живал Н. Д. Квашнин-Самарин,[1] большой знаток первого периода русской истории, известный своими историческими и археологическими работами. В селе Казанском того же уезда родился в 1769 г. известный русский драматург Владислав Александрович Озеров,[2] который учился в Шляхетном корпусе, долго служил в Симбирской и Казанской губерниях по лесной части, вышел в отставку в чине генерал-майора и поселился в Чистопольском уезде Казанской губернии, где писал свои трагедии, которые, как, например, «Эдип в Афинах», «Дмитрий Донской» и другие, производили в начале нынешнего столетия большой фурор; но лучшая трагедия Озерова «Поликсена» была запрещена после первых двух представлений. Это так потрясло автора, что он помешался и в этом виде был перевезен в Тверскую губернию, где и умер в 1816 г.; теперь не могут отыскать даже его могилу. Подобное небрежное отношение к могилам выдающихся писателей — явление довольно естественное в стране, где наука и литература не пользуются большим решпектом. По этому случаю нам припоминаются поиски могилы Гоголя, похороненного, как известно, в Москве в Даниловом монастыре. Спрашиваем одного монаха — не знает, другого — тот спрашивает: «Какого Гоголя?» Отвечаю: «Писателя». — «А мне откуда знать? — был ответ. — Мало ли у нас похоронено всякого народу». Ищу сторожа — тоже не знает и рекомендует обратиться к отцу казначею, а того за поздним временем не хотелось тревожить, так мы и уехали, не повидав могилы писателя.

Из г. Старицы в XVII в. вышел св. Герман,[3] святитель казанский, а из Старицкого у. — писатель Евгений Валентинович де Роберти,[4] дед

---

[1] Квашнин-Самарин Николай Дмитриевич (1841—?), владелец поместий в Зубцовском у. и Смоленской губ. Учился 4-й Московской гимназии (1858), Московском университете (до 1859). Служил в канцелярии предводителя дворянства Зубцовского у., в Тверском дворянском депутатском собрании (1869—1875). Почетный мировой судья Зубцовского у. (1860—1890-е). Член-учредитель ТУАК (1884). Основные работы: «Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского» (1887), «О зубцовских и ржевских переписных книгах как источнике к изучению местной истории» (1891).

[2] Озеров Владислав Александрович (Василий, 1769—1816), родился в с. Борки Зубцовского у. Окончил Сухопутный шляхетный корпус (1787), преподавал там (до 1804), служил в Лесном департаменте (до 1808). Жил в Борках в 1801—1802, 1808 (работа над «Поликсеной»), с 1812 г. до конца жизни (под наблюдением родных). Сохранился усадебный комплекс, могила и насыпанная его руками земляная горка.

[3] Свт. Герман (в миру Григорий, † 1567), родился в Старице. Принял постриг в Иосифо-Волоколамском монастыре. Архимандрит Старицкого Успенского (1551—1553), Свияжского Успенского (1555) монастырей, епископ Казанский (1564), вызван в Москву для возведения в сан митрополита (1566), но попал в опалу к Ивану Грозному.

[4] Е. В. де Роберти (1843—1915). Учился в Александровском лицее (1862), в университетах Германии, доктор философии (1864). Помещик Старицкого и Новоторжского у., почетный мировой судья, уездный и губернский земский гласный. Предложил земскому собранию Тверской губ. ходатайствовать о введении в России представительного правления (1880), делегат от Твери на земских съездах (1905), член

которого, французский выходец, сделался тверским помещиком. Е. В. окончил Александровский лицей, но не сделался государственным младенцем по примеру других, а стал заниматься сельским хозяйством и наукою, причем числился «для чинов» по особым поручениям при министерстве финансов; он и раньше ежегодно ездил в Париж к своим друзьям Литтре, Вырубову и др., а года три назад удалился от дел, летом живет в деревне, а остальное время в Париже. В ученой литературе он известен своими социологическими и политико-экономическими этюдами и как автор глубокомысленного и туманного трактата, изданного сперва по-французски, а в 1880 г. по-русски под скромным названием «Социология, основная задача ее и методологические особенности».[1] Г. де Роберти лучше пишет по-французски, чем по-русски, и больше дарит перлами своего философского гения прекрасную Францию, чем недозрелую Россию, плохо его оценившую. В общем он является последователем Конта, которого, впрочем, дополняет собственными теориями. В местных тверских сферах он известен своими оппозиционными речами на дворянских собраниях, а также нефилософским отношением к соседним крестьянам, с которыми он очень строг, чтобы не сказать более. В Старицком же уезде был помещик И. Е. Великопольский,[2] умерший в 1868 г.; он писал драмы и в 1842 г. изобрел новый способ обработки льна.

В г. Торжке родился А. А. Воскресенский,[3] бывший профессор химии и попечитель Харьковского учебного округа, умерший в 1879 г., который оставил о себе добрую память как гуманный человек с широкими взглядами. Недалеко от этого города 60 лет назад с октября 1828 г. до

ЦК партии кадетов (1906). Убит бандитами в своем имении Валентиновка Старицкого у.

[1] «Социология, основная задача ее и методологические особенности», место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией; здесь он исправляет ошибки, вкравшиеся в постановку вопроса о задачах социологии, выправляет формулу Спенсера, поднимает социологию на степень естественной науки об обществе, трактует о генезисе науки, о субъективной и объективной общности, о непрерывности и тождестве явлений, о реальных и идеальных законах, о позитивизме и философии эволюции, о дифференцировании научно-философской мысли и о других мудреных вещах, названия которых натощак не выговоришь. Словом, автор, как говорится, познал истину, чего, как известно, тщетно добивалась философия древнего и нового времени, наш же русский доморощенный О. Конт взял да и познал. — *Прим. Субботина.*

[2] Великопольский Иван Ермолаевич (1798—1868), учился в Казанском университете, на военной службе (с 1815), в отставке жил в родовом с. Чукавино Старицкого у. (ныне р-н, 1827), неудачный помещик-новатор. Член Общества любителей словесности, наук и художеств (1819). Автор стихов, драматических произведений. Умер в Чукавине.

[3] Воскресенский Александр Абрамович (1809—1880), родился в Торжке. Окончил Педагогический институт в Гетебурге (1836), работал в Гессенском (1837, Германия), Петербургском (1838—1867 ректор) университетах, член-корреспондент АН (1864). Известен как «дедушка русской химии». Умер и похоронен в с. Спас Новоторжского у.

января 1829 г. жил Пушкин в имении его друзей Вульфов, куда он уехал, «дикий и суровый и звуков и смятенья полн», отдыхать от петербургской суеты и интриг. Здесь он закончил свою «Полтаву», написал к ней посвящение, а потом свое сильное лирическое произведение «Анчар». После того бурная душа поэта успокоилась, он написал несколько сатир и шутливых писем к петербургским друзьям, в одном из коих между прочим есть такое место: «Здесь думают, что я приехал набирать строфы из „Онегина“ и стращают мною детей, как букой, а я езжу по пороше и играю в вист по 8 гривен робер...»[1]

Новоторжскому уезду принадлежит известная семья Бакуниных; из них выдается земский деятель А. А. Бакунин, который поступил в крымскую кампанию рядовым с целью выслужить прощение своему брату, известному эмигранту М. Бакунину,[2] бывшему в то время в Сибири.

В дер. Шевелине Поведской волости этого же уезда, в 30 верстах от Торжка, известен крестьянин Василий Кириллов Сютаев,[3] умерший весною этого (1892) года; его многие склонны были считать за основателя особой секты, хотя на самом деле, что видно из разных о нем материалов, за ним вовсе нельзя признать этого значения. Смолоду Сютаев жил в каменщиках в Петербурге, потом стал торговать монументами; когда ему было за 40 лет, он выучился грамоте и углубился в Евангелие, причем скоро увидал всё несоответствие евангельской правды с действительной жизнью, что «везде ложь, всюду неправда». Под впечатлением такого небезосновательного вывода он продал магазин, вырученные деньги роздал бедным, должникам простил их долги и уехал в деревню устраивать жизнь «в мире и согласии», по-евангельски; здесь он начал с того, что снял все замки с клетей и амбаров, но когда у него было растащено всё содержимое, стал опять запирать. Вскоре местный священник оскорбил его заветные думы (оскорбление объясняют тем, что священник грубо отнял у Сютаева Евангелие и ругал его за толкование); он порвал с церковью, перестал соблюдать обряды, не постился и не говел, уверяя, что грешить и каяться — одно фарисейство, перестал посещать церковь, «потому там поют и читают на непонятном языке и молитвы и сами таинства покупаются за деньги», вынес из избы иконы, сам похоронил своего ребенка, отпустил свою дочь в гражданское сожительство без венчания, не крестил детей, отказался было платить подать, но, посидев за это в кутузке, начал вносить безнедоимочно. Сютаев проповедовал на

[1] А. С. Пушкин приезжал в имение П. А. Осиповой (в первом браке Вульф) Малинники осенью 1828 г., в имение ее зятя П. И. Вульфа Павловское осенью 1829 г., в Старицу на Рождество 1829 г. В это время он посещал родственников Вульфов в Бернове, Курово-Покровском Старицкого у. За две старицких осени 1828 и 1829 гг. написал «Анчар», «Поэт и толпа» (цитата), «Посвящение к поэме „Полтава“», ряд других произведений.

[2] Об А. А. и М. А. Бакуниных см. путешествие И. И. Колышко.

[3] Более подробно о нем у Пругавина (Русская мысль. 1881. № 10 и 12, 1882. № 1), у Колышко (Очерки современной России. СПб., 1887. С. 93—120) и других. — *Прим. Субботина.*

улице, уговаривая всех «жить по духу, а не по плоти», пусть-де на первом плане «будут добрые дела и любовь, пусть всё будет обчее; когда все так будут жить, то не будет и бедных, всем будет хорошо». За подобный «идеи» Сютаев, как и следовало ожидать, почти всё время находился под судом, ибо против таких непризванных апостолов имеются соответственные статьи Уложения о наказаниях; если же он и не угодил в места весьма неблизкие, то лишь потому, что скоро убедились в его безвредности, незлобивости, а также и по тому основательному соображению, чтобы более строгое преследование не подняло значения Сютаева и не создало ему массу новых последователей. Интересно, между прочим, знакомство его с другим, более знаменитым вещателем истинной веры Л. Толстым, который в 1882 г. посетил Бежецкий уезд, был у Бакунина и оттуда заезжал в Шевелино. Сютаев отдал ему визит, сходил пешком в Ясную Поляну, где десять дней беседовал о Евангелии. Сютаев имел понятие и о Пашкове, но не одобрял его за то, что тот проповедовал одну веру, а не дела.

Кроме Л. Н. Толстого у Сютаева были Пругавин и др., чем он всегда гордился, а особенно тем, что про него писали: «Ан выходит, что сувсим я не дурак, коли про меня так много пишут». Видевшие Сютаева пишут, что по своему невзрачному виду он менее всего походил на апостола, зато привлекал к себе добродушием и вообще производил впечатление честного и наивного мечтателя. Ближайшее начальство — волостной старшина аттестовал его так: «Мужик справный, опять хозяйство, поведение, одно слово — в лучшем виде; что и говорить — хороший мужик! Только путаник — мелет без толку, а начальство из-за его беспокоится». Своей простотою, вызывающей симпатии, Сютаев несколько напоминал о. Иоанна Кронштадтского, но конечно не имел и сотой доли его популярности, и последователей у него немного. Первым и рьяным последователем явился его сын, который при призыве к воинской повинности отказался принять присягу и взять ружье в руки, упирая на то, что в Писании сказано «не клянитесь» и что «к чему теперича я буду клятву держать? к пролитью крови, до последней капли? да нешто энто возможно? где же энто сказано, чтобы друг дружку убивать, кровь человеческую проливать... зачем мне ружье брать? для убивства ведь оно! а кого ж убивать, коли мы все братья...» Так ничего с ним и не поделали, и пришлось отправить его в арестантские роты. Вообще в Сютаеве воплотилось первое и самое мягкое проявление новых форм раскола в отличие от старых с их более внешними оттенками. Он был просто из числа рационалистов, какие теперь чаще стали встречаться, и мысли, подобные сютаевским, встречаются у отдельных «умственных» крестьян во многих местах обширной России. Нам довелось видеть в окрестностях Петербурга одного бродячего торговца полотнами, который подобно Сютаеву говорил против обрядов, упрекал всех в язычестве и указывал,

что он сам держится истинной веры — «евангельской»; его пробовал переубедить местный почтенный протоиерей, но безуспешно.

Из Вышневолоцкого уезда вышел известный ученый геолог А. А. Штукенберг,[1] ныне профессор Казанского университета, много сделавший для изучения почвенных условий сельского хозяйства в средневолжском бассейне. Нельзя забыть также и знаменитого механика-строителя крестьянина Сердюкова, родом из калмыков, которому Петр Первый поручил устроить Вышневолоцкую систему. Сердюков, никогда не слыхавший о существовании инженерного искусства, в 1757 г. выстроил хорошо, прочно и дешево обширные водохранилища и знаменитый резервуар около Вышнего Волочка; всё — из дерева, но держалось лучше каменных сооружений, оплачиваемых ныне чуть не на вес золота.

Другие города и уезды Тверской губернии также дали немало «питомцев славы и знания». Самый северный уезд Весьегонский дал целый ряд земских деятелей, например П. А. Корсакова — ныне управляющего петербургской казенной палатою, много работавшего по вопросам о земских и прямых налогах, Родичева, Гронского и др.;[2] здесь же появился первый вольный земский врач Таиров,[3] описанный

[1] Штукенберг Александр Антонович (1844—1905), родился в Вышнем Волочке в семье начальника участка на постройке Николаевской железной дороги. Окончил Институт инженеров путей сообщения (1861), Петербургский университет (1867). Профессор Казанского университета (1875). Вице-президент (1874), президент (1880) Общества естествоиспытателей при Казанском университете, член Казанского общества истории, археологии и этнографии (1878).

[2] Корсаков Павел Асигкритович (1847—1908), его семья владела имениями Ивановское (Терехово) и Парфеньево. Гласный земств Весьегонского у. и Тверской губ. (1873), член Тверской губернской земской управы, редактор «Материалов по истории Тверского губернского земства» (5 т. 1883—1886). Родичев Федор Измайлович (1853—1932), владел имением Вятка, окончил физико-математический (1872) и юридический (1876) факультеты Петербургского университета, мировой судья Весьегонского у. (1878), гласный Тверского губернского земского собрания (1877—1895), предводитель дворянства Весьегонского у. (1879—1891, с 1906), председатель уездной земской управы (с 1897), составитель либеральных адресов тверского земства Александру II и Александру III (1878, 1881, 1894), инициатор постановления Весьегонского земства о введении всеобщего обучения в у. (1891), участник нелегальных земских съездов (1904—1905), кадет, депутат 1-й и 2-й Государственных дум от Тверской губ. Гронский Павел Петрович (1883—1937), владелец имения Егна, окончил 1-ю Петербургскую гимназию и юридический факультет Петербургского университета (1903), гласный земских собраний Весьегонского у. и Тверской губ., член IV Государственной думы (1912), член Партии народной свободы, участник Февральской революции, комиссар Петроградского телеграфного агентства, в конце 1918 г. бежал на юг России, затем за границу.

[3] Таиров Алексей Александрович (р. 1857), земский врач. Разочаровавшись в казенной службе, занялся частной практикой среди крестьян в с. Судаково Весьегонского у. Он не устанавливал платы за лечение и брал доброхотное вознаграждение с пациентов. Это сделало его популярным среди крестьян и возбудило против него представителей власти и корпорацию коллег. См.: К вопросу о вольных врачах // Медицинское обозрение. 1888. Т. XXX. С. 582—583.

Пругавиным. В этом же уезде проживал крестьянин Хабацкой волости Ив. Трофимов — самоучка, написавший философский трактат. Вспоминают в губернии и весьегонского помещика Луку Кисловского,[1] который, будучи владельцем 4-х тысяч десятин, вдруг вздумал опроститься еще задолго до воззваний Л. Толстого; он носил крестьянский костюм, бороду, лапти, поступил в волостные писаря и в 1861 г. явился к посреднику просить о приписке его к податному званию; когда же посредник, недоумевая, спросил его: но ведь вам придется нести все тяготы и неприятности, сопряженные с крестьянским званием, то К-ий горячо воскликнул: «Да вы взгляните на меня, неужто я при моей-то комплекции не вынесу 20 удар розог». Значит, он пошел дальше того защитника розог, который в «Гражданине» (от 5 декабря 1892 г.) изъявляет готовность для большей доказательности сам подвергнуться экзекуций, для чего и сообщает свой точный адрес. Наконец, уроженцем Тверской губернии был известный профессор философии и словесности Московского университета в эпоху сороковых годов Ив. Ив. Давыдов (1794—1863),[2] впоследствии директор Педагогического института, академик и сенатор.

При прощании с Тверской губернией остается упомянуть о том, что при наделе в $4^1/_2$ десятины на душу, что теперь обратилось в 3 дес. вследствие прироста населения, хлеба достает приблизительно на полугодичную пропорцию. Для покупки недостающего количества население прибегает к промыслам, а 120 тысяч душ, или около 1/5 взрослого рабочего населения обоего пола уходит на заработки в столицы и другие губернии; большая часть остающихся занимается разными промыслами. Поддержанию экономического быта в свое время немало способствовало здешнее земство.

[1] Кисловский Лука Александрович (1819—1884), владелец с-ца Александровское Прудовской вол., капитан Кабардинского полка, почетный мировой судья Кашинского у., председатель Весьегонского мирового съезда. См. о нем «Благонамеренные речи»: *Салтыков-Щедрин М. Е*. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 11. С. 189—190.

[2] Давыдов Иван Иванович (1794—1863), родился в с. Зеленицыно Тверского у. Окончил Московский университет, защитил диссертацию на степень доктора (1815); профессор кафедры древностей и языка латинского (1820—1826); декан (1843—1847) историко-филологического отделения философского факультета. Директор Главного педагогического института и член главного правления училищ (1847—1858), сенатор.

Г. П. Демьянов
1894

Демьянов Георгий Петрович (псевдоним Гронов; 4.04.1856—25.11.1904, Нижний Новгород), писатель, журналист. Из семьи помощника лекаря. Окончил гимназию, был вольным слушателем Казанского университета, преподавал в четырехклассном училище одного из волжских городов, служил в Министерстве внутренних дел. Редактор неофициального отдела «Нижегородских губернских ведомостей». Публиковал очерки и рассказы в периодических изданиях: «Нижегородские губернские ведомости», «Северный вестник», «Новое время», «Нижегородский биржевой листок», «Казанский биржевой листок», «Исторический вестник», «Неделя», «Правда». Автор книг «На Волге: путевые очерки» (1889), «Иллюстрированный путеводитель по Волге» (1894). Текст печатается по изд.: Иллюстрированный путеводитель по Волге: от Твери до Астрахани / сост. Г. П. Демьянов. 4-е изд. Нижний Новгород: лит. Нижегор. губ. правл., 1898. С. 22, 23–29, 55–67.

Очерк реки Волги (в древности — Ра)

В Осташевском уезде Тверской губернии, среди болот и трясин, стоит ветхая деревянная часовня.

«В часовне пусто. Только в левом углу стоит единственный и без всяких украшений образ Спасителя, даже скамейки нет. Мало того, нет ни лесенки к входу, ни чего-либо похожего на мостики через болото, если не считать за таковые две-три толстые полусгнившие коряги. Посредине часовни небольшой сруб, уходящий под пол, в болото. Течения никакого не заметно».[1]

«Для того чтобы попасть в эту местность, где стоит часовня, надо остановиться на станции Вышний Волочек Николаевской железной дороги и отсюда направиться в Осташково, лежащее на озере Селигер. Отсюда на пароходе по озеру можно добраться до деревни Подгорье, лежащей в западной ветви Селигера, в 25 верстах от Осташкова. Из Подгорья на лошадях следует направиться в маленькую деревеньку, которой самое название Волгино-Верховье указывает на ее местоположение. Эта деревенька находится по прямому направлению верстах в 10, а с объездами — в 15–18 верстах от Подгорья».

В 1894 году по инициативе Тверской ученой архивной комиссии[2] имелось в виду приступить к сооружению каменной часовни на земле, подаренной с этой целью крестьянами села Волгино-Верховье.

---

[1] Цит. из кн.: *Рагозин В. И.* Волга. СПб., 1880. Т. 1. С. 8–9.

[2] Тверская ученая архивная комиссия (22.06.1884–16.10.1923) открыта под председательством А. К. Жизневского на основании Положения комитета министров (инициатива директора Петербургского Археологического института Н. В. Калачова) в числе четырех первых комиссий. В ведении ТУАК был Тверской музей (основан в 1866; в 1888 более 7500 экспонатов), библиотека (в 1890 — 5000 томов), архив (в 1917 ок. 50000 дел); ТУАК издавала журнал своих заседаний.

Затем на устройство часовни последовало высочайшее разрешение на сбор добровольных пожертвований в 18 губернях волжского бассейна.

В 1133 году на верховьях Волги был поставлен стерженский крест Иванко Павловичем, новгородским посадником. Надпись, сделанная на кресте, говорит, что в этом году он начал «рыть реку сю». Постановка креста и рытье проливает некоторый свет на то обстоятельство, что новгородцам была известна местность верховья реки Волги, и они даже, видимо, имели намерение проложить новый водяной путь.[1] Очевидно, что битва, происходившая на Ждановой горе между новгородцами и Суздалем, где первые потерпели полное поражение, причем был убит и Иванко,[2] помешала новгородцам продолжать какие-либо в этом смысле дальнейшие сооружения, но в то же время в летописях остается неразрешенным вопрос, действительно ли русские знали о том, что исток Волги находится именно на том месте, о котором идет речь. Так, например, в древних летописях, относящихся до X–XI веков, ничего не говорится о деревне Волгино-Верховье, и первый раз она упоминается в начале второй половины XVIII века как поселение, образовавшееся из «церковников» Селижаровского монастыря (вероятно, что она существовала раньше под другим названием). Первый раз мы встречаем ясное указание на то, что в описываемой местности находится исток реки Волги, в описи Ниловской пустыни, составленной игуменом Селижарова монастыря Нифонтом.[3] В этой описи, между прочим, сказано: «Приписной монастырь Волги-Верховье, от Ржева во 180, а от Ниловой пустыни в 40 верстах, строительский, построен по указу царя Алексея Михайловича в 1649 году и в том же году присовокуплен к Ниловой пустыни». Впоследствии монастырь этот пришел в ветхость и разрушился; земля же перешла во владение Селижаровского монастыря, а затем — жителей деревни Волгино-Верховье, которые и построили часовню.

Стерженский крест в настоящее время находится в Тверской ученой архивной комиссии.

Из описанных выше «болот и трясин» берет начало величайшая река Европы, наша кормилица Волга.

На протяжении нескольких верст (около 8) Волга представляется ручейком, который так мал, что его легко перешагнуть, особенно в начале,

---

[1] Новгородцы искали безопасный путь по Верхней Волге для поставки хлеба. Иванко Павлович (Павловиц; † 26.01.1135), новгородский посадник (с 1134), в июле 1133 г. углубил русло Волги при впадении в оз. Стерж и поставил четырехконечный каменный крест с соответствующей надписью (найден на месте Стерженского городища). В 1879 г. осташковский помещик Виктор Александрович Обернибесов подарил Стерженский крест Тверскому музею (ныне Тверской государственный объединенный музей).

[2] Битва на Ждановской горе 26 января 1135 г. См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 23, 208.

[3] Опись Нило-Столобенской пустыни, 1724 (*Колосов В. И.* Верховья Волги в их прошлом и настоящем // Колосов В. И. Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь, 1994. С. 124).

то есть первые 3–4 версты его течения. По выходе из озера Большой Верхит Волга становится несколько больше, но всё же «не похожа ни на реку, ни на ручей». Далее Волга встречает на своем пути несколько болот и озер, как, например, Волго, Пено и др., и принимает несколько ручьев, из которых Руна больший. На этом пути посредине одного озера на острове, окруженная сосновой рощей, стоит Новосоловецкая пустынь.

Около семидесяти девяти верст ниже истока на Волге мы встречаем *бейшлот* — это известного устройства шлюзы, или, говоря проще, щиты, задерживающие воду. Таким образом, всё пространство начиная от истока и кончая бейшлотом представляет с весны громадный резервуар воды (сверх уровня 28 миллионов кубических саженей), которую по мере надобности употребляют летом во время навигации, а затем спускают, то есть доводят до обыкновенного уровня, после окончания навигации.

Очень естественно, что помощь искусственного водоснабжения чувствительна только на сравнительно малом протяжении и чем дальше от бейшлота, тем эта помощь менее чувствительна. Так, например, при выпуске из резервуара известного количества запасной воды уровень Волги в 15 верстах от бейшлота поднимается на 23 вершка, в Твери (расстояние от бейшлота 280 верст) — на 7–9 вершков, у Рыбинска, который отстоит от бейшлота на 615 верст, уровень поднимается на $^{3}/_{4}$ и до $^{1}/_{4}$ вершка и, наконец, далее влияние выпущенной воды совсем исчезает.

Если принять во внимание вообще судоходство в верховьях Волги, сопряженное с разными препятствиями, исключительно зависящими от мелководья, и в частности то обстоятельство, что в иных случаях для подъема груза требуется всего 1–2 вершка, тогда легко судить о том, какое значение имеет это грандиозное сооружение, называемое бейшлотом. От бейшлота Волга делается судоходной.

Верст 11 ниже бейшлота, при устье реки Селижаровки, расположен Селижаровский посад. Против посада на холме, окруженный столетними соснами, стоит Троицкий монастырь, о котором первый раз упоминается в грамоте 1504 года.[1] Монастырский собор построен в 1675 году. Другая, более древняя церковь во имя святых Петра и Павла с приделами святых Гурия, Варсонофия и Германа построена при слиянии реки Селижаровки с

[1] Селижаровский Свято-Троицкий монастырь основан на левом берегу р. Волги, в устье р. Селижаровки, в XV в. Впервые упомянут в духовной грамоте волоцкого князя Ивана Борисовича, дяди Ивана Грозного (1504). В 1519 г. Василий III пожаловал монастырю д. Хотошино (б. древнерусский город Хотшин) и еще 6 деревень и половину оз. Волго. В 1624 г. в монастыре 5 монахов. В 1625 г. царь Михаил Феодорович пожаловал монастырю право самостоятельного управления крестьянами. В монастыре каменные Троицкий соборный храм, колокольня и ограда (1681–1699), двухэтажный корпус больничных келий (1702). В начале XIX в. в подмонастырской слободе 75 дворов, хлебный магазин и питейный дом. Новая колокольня выстроена по проекту губернского архитектора И. Ф. Львова (1832–1835). Разрушен в 1930-е гг., возобновлен (1992).

Волгой (реку Селижаровку, приток реки Волги, берущую свое начало из озера Селигера, некоторые географы считали истоком реки Волги).

Близ г. Зубцова в Волгу впадает река Вазуза. Это обстоятельство служило предметом легенды, сложившейся в местном крае.

Случилось, говорит предание, что обе реки, то есть Вазуза и Волга, заспорили о том, которую из них следует признать старшею. Никакая из этих рек не уступала в первенстве. Наконец они порешили между собой лечь спать, и та из рек, которая встанет раньше и побежит к морю, будет называться старшей. Проснулась Вазуза раньше и побежала по своему намеченному пути. Волга хотя проснулась и позднее, но догнала Вазузу около Зубцова, откуда они побежали вместе. Последняя, увидев на пути, что Волга шире и многоводнее, признала ее за старшую сестру. Словом, смысл этой легенды заключается в том, что некоторые совершенно неосновательно допускали мысль, что Вазуза и есть настоящее начало Волги.[1]

От Твери начинается пароходство

На пространстве от Твери до Нижнего (827 верст) Волга, кроме мелких притоков, принимает следующие значительные притоки: *Тверцу, Мологу, Шексну* (у Рыбинска), реку Кострому (версты 2 выше г. Костромы). Тверца судоходна только в половодье при устье. По Мологе и Шексне существует пароходство. Все названные притоки — с правой стороны.[2] По Унже, на расстоянии 105 верст от Юрьевца (на правом берегу Волги) до г. Макарьева (на Унже), ходят пароходы. Унжа — левый приток.

Ока (правый приток); устье ее у Нижнего Новгорода. Во всё время навигации на Оке существует правильное пароходство.

Сура (правый приток Волги); устье ее у г. Васильсурска Нижегородской губернии. Сура протекает большею своей частью по Симбирской губении (берет начало в Пензенской губернии). Для судоходства она представляется крайне опасной вследствие каршей и подводных камней.

В 8 верстах выше Козмодемьянска Волга приниимает с левой стороны реку *Ветлугу,* замечательную тем, что по ней сплавляется масса леса. Только в половодье Ветлуга судоходна. В это время по ней даже ходят маленькие пароходики от г. Козмодемьянска до с. Воскресенского.

Стоя на рубеже Нижегородской и Казанской губерний, Ветлужский край поистине может назваться лесным царством, которое теперь заметно поредело.

Река Казанка, с левой стороны, судоходна только весной, что и дает в это время возможность пароходам подходить в Казани к крепости, то есть к центру самого города. Когда вода пойдет на убыль, все пристани

[1] Ср. путешествия С. В. Максимова, И. Ф. Тюменева (*Тверь 3,* с. 170–171, 317–318).

[2] Тверца, Молога, Шексна — левые притоки Волги.

переводятся в так называемую Адмиралтейскую слободу, которая соединяется с городом каменной дамбой. Затем, по спаде вод, приблизительно в середине или в конце мая, пристани уже на всю навигацию переводятся на Волгу, верст 6 от города. Местность, занимаемая пароходными пристанями, то есть берег Волги, называется Устьем, вероятно потому, что тут же находится устье реки Казанки.

Кама сама по себе одна из величайших рек России, приток Волги с левой стороны.

Других притоков Волги от Казани до Астрахани более или менее значительных нет. Такие притоки, как, например, *Свияга* (устье около г. Свяжска Казанской губернии), *Самара* (устье у Самары) и др. вообще очень незначительны, судоходны только во время коренного разлива и то на небольшое пространство; пароходы могут с трудом войти в их устье лишь в полную воду.

«В Симбирске Свияга до такой степени близко подошла к Волге, — говорит Рагозин, — а еще лучше сказать, обе реки взаимно приблизились одна к другой настолько, что гребень Свияжского правого берега от гребня правого берега Волги отстоит в одном месте всего на 700 саженей, но затем Свияга удаляется от Волги, хотя до самого впадения не отходит далее как на 30 верст. Факт течения двух рек в диаметрально противоположные стороны на столь близком расстоянии между собою бьет в глаза своей оригинальностью, на него указывают как на обстоятельство, составляющее особенную замечательность Свияги».

Из протоков Волги обращает на себя внимаше *Ахтуба* (левая сторона). Начало протока верст 10 выше Царицына.

На всём своем протяжении от бейшлота до <рейда> «9 фут» (1-я морская станция в устье Волги)[1] Волга простирается на 3390 верст.

Волга, бесспорно, самый грандиозный и важнейший путь сообщения в России. Захватывая своим течением девять губерний, Волга, взятая вместе со своими притоками (количеством около 100), занимает пространство до 1 миллиона 200 тысяч квадратных верст.[2]

---

[1] Так называемый Ямный рейд на Каспийском море; ср. у Г. Г. Москвича: «рейд этот чаще называют просто „9 фут“ по глубине, которой он достигает в половодье. Этот своеобразный рейд расположен совершенно в открытом море и по своему оживлению представляет целый плавучий город, где производятся различные грузовые операции, пересадка пассажиров, таможенные формальности и проч. Среди моря на мертвых якорях укреплены и мерно покачиваются недалеко друг от друга несколько десятков барж, около которых, точно у пристаней, в свою очередь, покачиваясь, стоят всякие суда-пароходы, судна, баржи и лодки. Эти укрепленные баржи сосредоточивают на себе все функции, которые производятся обыкновенно на берегу, на пристанях. Посредством них пересаживается публика с одних пароходов на другие, посредством них же пароходы разгружаются и вновь нагружаются. Одна из барж, помещенная в центре, выполняет все таможенные функции» (*Москвич Г. Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. Одесса: тип. Л. Нитче, 1902. С. 355).

Волга разделяется *на плесы:* 1) от Твери до Рыбинска, 2) от Рыбинска до Нижнего, 3) от Нижнего до устья Камы и 4) от устья Камы до Астрахани.

Рассматривая Волгу как путь сообщения, по плесам, мы видим, что лучшими плесами в этом смысле служат плесы от Нижнего до устья Камы и от устья Камы до Астрахани.

На последнем плесе во всё время навигации движение пароходов всех типов производится беспрепятственно.

Бывают «несчастливые» навигации — для тех, конечно, чьи интересы тесно связаны с Волгой. К таким «несчастным» навигациям следует отнести навигацию 1897 г., которая открыла много скорбных страниц в истории волжского судоходства... Волга на всем своем громадном пространстве представляла почти сплошной ряд мелей и перекатов. Большие пароходы американского типа, идущие из Астрахани, не доходили до Нижнего, а в Казани передавали пассажиров и груз на сравнительно маленькие пароходы.

На втором плесе, от Рыбинска до Нижнего Новгорода, редко нарушается правильное пароходство, хотя этот плес, так же как и верхний, изобилует мелями и подводными камнями. Пароходы, совершающие рейсы на этом плесе, сравнительно меньше настоящих волжских пароходов и неглубоко сидят. В навигацию 1897 г. многие из них прекратили рейсы до Рыбинска.

На верхнем плесе от Твери до Рыбинска пароходство совершается в половодье, а в другое время навигации — когда позволит уровень воды, возвышению которой иногда способствует так называемая почвенная вода, вода, выпущенная из бейшлота, и сильнейшие дожди. Пароходство на этом плесе крайне неправильно и нередко прекращается на целые месяцы. <…>

Плес Тверь — Рыбинск
Тверь, на обеих сторонах Волги

Исторический очерк. Города, расположенные на Волге, вообще имели при своем основании вид малых или больших крепостей, которые строились с целью защиты от разбойнических набегов. Точно так же и Тверь сначала служила укреплением, имевшим своей задачей защищать жителей от набегов татар, новгородской вольницы и пр. Основание города

[2] Кроме притоков, Волга соединена с внутренними губерниями следующими рельсовыми путями: 1) через Тверь проходит Николаевская железная дорога, 2) Рыбинск — Бологое, 3) Ярославль — Москва, 4) Ярославль — Вологда, 5) Кострома — Нерехта — Ярославль, 6) Кинешма — Иваново-Вознесенск, 7) Нижний — Москва, 8) Вязовые (в 7 верстах от Свияжска Казанской губернии; эта железная дорога открыта 22 декабря 1893 г.) — Рязань, 9) Самара — Сызрань — Пенза, 10) Самара — Уфа, 11) Самара — Оренбург, 12) Саратов — Тамбов, 13) Саратов — Уральск, 14) Камышин — Тамбов, 15) Царицыно — Калач и 16) Владимировка — Баскунчакское озеро. — *Прим. Демьянова.*

Твери относится к 1181 г. (одна из летописей указывает на 1209 г. как год основания города).[1] Сначала Тверь была построена на левой стороне и затоплялась водой, почему жители перешли на нагорную сторону, а впоследствии, будто бы по приказанию великого князя Ярослава Всеволодовича, туда была переведена и крепость. Судя же по некоторым историческим источникам, крепость была первоначально построена тоже на правой стороне Волги, на углу, образуемом левым берегом р. Тьмаки и Волги, но, вследствие разлива Тьмаки, была переведена ниже, то есть на правый берег Тьмаки.

Первые годы своего существования Тверь была в зависимости от княжества Суздальского, но в начале второй половины XIII столетия является самостоятельным княжеством, и первым князем был Ярослав Ярославович (брат Александра Невского). При сыне последнего великом князе Михаиле Ярославовиче в 1276, 1281 и 1282 гг. Тверь подвергалась опустошительным пожарам, а затем была разорена татарами. Вообще все княжение великого князя Михаила Ярославовича прошло в том, что ему приходилось защищаться частью от нападений татар, а частью от нападений возмутившихся новгородцев (в 1293 г. он получил новгородский престол) и, наконец, от нападений великого князя московского, которым в то время был Георгий Данилович.

Великий князь тверской Михаил Ярославович окончил печально: вызванный ханом в Орду по проискам того же князя Георгия Даниловича, он был там предательски убит (в 1319 г.). Впоследствии Михаил Ярославович был причислен к лику святых; его мощи почивают в тверском соборе. Великий князь Георгий Данилович также умер насильственной смертью: он был убит великим князем Дмитрием Михайловичем (прозванным Грозные Очи), сыном Михаила Ярославовича, за что, впрочем, и сам убийца поплатился смертью. На тверской престол вступает его брат Александр Михайлович. Его княжение ознаменовалось тем, что тверитяне избили татар, уничтожив всё, что напоминало о татарской власти. Войска, посланные ханом из орды, в свою очередь разграбили Тверь. Великий князь Александр, бежавший искать спасения в Литве, был сначала прощен ханом, а затем вызван в Орду и умер смертью мученика вместе со своим сыном Федором в 1339 г. С этого времени Тверь теряет свою самостоятельность, и тверской престол стал предметом спора между братьями и детьми великого князя Александра, причем первые часто

[1] Договор новгородцев с князем Всеволодом 1208 г. (ПСРЛ. Т. 1. Л., 1928. Стб. 435). Но первое упоминание Твери относится к 1135 г.: в Рукописании князя Всеволода Мстиславича говорится о денежных сборах с «тверского гостя» (Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888). В «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божией Матери» (1162; ОЛДП. СПб., 1878. Вып. XXX. С. 41) говорится об исцелении «тверской боярыни». В летописном сказании о походе новгородцев на Владимир указывается, что отряды новгородцев и черниговского войска соединились «На Волзе и Тфери» (ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 96).

обращались за помощью в Литву. Княжение Михаила Александровича ознаменовалось войнами, который он вел с московским князем Дмитрием Иоанновичем; последний в 1375 г. нанес жестокий удар, разорив почти всё Тверское княжество. Перед смертью за несколько дней тверской княхь Михаил Александрович принял иночество под именем Матвея.

После смерти Михаила Александровича осталось несколько сыновей и внуков, между которыми шли постоянные раздоры из-за Тверского княжества. Эти раздоры продолжались десятки лет, вызывая участие московских князей, которые при каждом удобном случае старались распространить свои права на Тверское княжество. Спокойствием (относительно) отличалось княжение великого князя Бориса, правнука Михаила. Это княжение продолжалось 36 лет. Тверской князь Михаил Борисович, за свои сношения с Литвой преследуемый московским князем Иоанном Васильевичем, бежал к литовскому князю. С этого времени Тверское княжество навсегда потеряло свою самостоятельность. Тверитяне, измученные междуусобицами, охотно присягнули московскому князю (1484). Тверское княжество окончательно было присоединено к Москве в 1490 г., когда умер последний тверской князь Иоанн (сын Иоанна Васильевича). После смерти последнего Тверь управлялась наместниками, назначаемыми московскими князьями.

В последующие годы Тверь перенесла много самых тяжелых невзгод. В 1570 г., в «голодный» год, Иоанн Грозный разорил Тверь, причем были убиты половина жителей. Немало Тверь терпела от нападений поляков за время самозванцев — 1606 и 1609 гг., от моровой язвы 1644 и 1655 гг. и от пожара 1763 г.

В 1775 г. по указу Екатерины II Тверь получила название губернского города.

Святыни, исторические памятники и другие достоприимечательности города. Кафедральный собор во имя Преображения Господня воздвигнут на месте древней церкви, в которой венчался великий князь Михаил Ярославович. Постройка нового собора относится к 1682 г. В соборе, в правом приделе, на амвоне в серебряной раке почивают мощи святого великого князя Михаила Ярославовича, умершего смертью мученика в Орде 1318 г. 22 ноября.

Сначала тело его было погребено в Москве, а затем, по просьбе жены его княгини Анны Дмитриевны и тверитян, перенесено в Тверь. В соборе погребены также, кроме многих великих князей тверских и великих княгинь, князь Александр Михайлович, замученный в Орде, первый тверской князь Ярослав Ярославович и др. Кроме того, тут обращают внимание фрески и иконы превосходной живописи, как, например, изображение князя Михаила Тверского в разные моменты его подвижнической жизни.

В церкви святой Екатерины устроен покойной государыней престол. Эта церковь находится рядом с собором и называется «дворцовою».

В так называемой Затьмакской части города, блестя своими семью серебряными куполами, стоит церковь Святой Троицы, воздвигнутая в 1684 г. Г. Т. Тушинским; в ней обращают на себя внимание царские двери работы XIV века. Г. Боголюбов между прочим говорит, что при церкви устроены подземные ходы и потайные комнаты, в которых прежде, во время неприятельских набегов, тверитяне хоронили свои сокровища.[1] Новейшие исследования доказали, что в настоящее время под храмом Святой Троицы никаких подземных ходов нет, хотя нечто подобное существует под сводами.

За Тьмакой церковь Николы в Зверинце; такое название церковь преобрела от местности, где прежде был великокняжеский зверинец; тут же неподалеку стоял и великокняжеский дворец.

Отрочь Успенский монастырь (мужской), построенный при впадении р. Тверцы в р. Волгу, находится среди живописной местности. Время основания этого монастыря некоторые относят к 1182 г., а некоторые к 1215 г., полагая, что первым основателем был *отрок* (должность, соответствующая адъютанту) тверского князя Ярослава, постригшийся в монахи.

В Отроче монастыре и до сего времени можно видеть келью, где страдал и умер великий поборник правды, святой митрополит Филипп (из дома бояр Колычевых), задушенный Малютою Скуратовым по приказанию Ивана Грозного. Сначала святитель был погребен в монастыре, а затем его мощи были перенесены в Соловецкий монастырь, где он 18 лет был игуменом (1548–1566), и, наконец, в Москву (в 1651), где и теперь почивают в Успенском соборе. Над кельей, где жил Филипп, построена церковь.

Тяжело и тоскливо чувствуется в полутемной келье, под низкими сводами... В этой келье прошли последние, страдальческие годы опального митрополита Филиппа, человека, который душу свою положил за правду и любовь к людям. Тут он умер мученической смертью.

В нише стены изображена решетка, за которой видна скорбная фигура молящегося Филиппа. В этой же нише находится замурованная дверь, куда вошел Малютою Скуратов, который, совершив убийство, с наглостью укорял иноков в том, что они плохо смотрели за владыкой, уморив его угаром. Фреска, которую можно видеть в келье, изображает Филиппа, совершающего богослужение в Успенском соборе 8 ноября 1568 г. и открыто порицающего Ивана Грозного.

Предание говорит, что князь Ярослав был писаный красавец. Однажды он охотился близ с. Едимонова. Случилось, что в чаще леса он незаметно поотстал от свиты и направился по известной ему тропинке к ключу. Тут он совершенно неожиданно встретил девушку необыкновенной красоты. Впоследствии оказалось, что Ксения, так звали красавицу, дочь

[1] Ср. путешествия С. П. Шевырева и Н. П. и А. П. Боголюбовых (*Тверь 2*, с. 297; *Тверь 3*, с. 127).

едимоновского причетника, была уже невеста Григория, *отрока*, состоявшего в свите князя. Ярослав очень любил Григория как своего неразлучного друга детства, но при первой же встрече с Ксенией дал клятву, что она будет его женой. Спустя немного времени после этой встречи князь отправился в с. Едимоново на свадьбу Григория и, войдя в церковь перед самим моментом венчания, увидел, что невеста Григория та самая красавица, которую он встретил в едимоновском лесу и на которой он дал клятву жениться. Кончилось тем, что князь стал на место оторопевшего жениха, обезумевшего от горя, когда последний понял, что вокруг него происходит, и обряд венчания прошел обычным порядком.

«Под вечер, на другой день свадьбы князя Ярослава Ярославовича, — рассказывает П. Н. Полевой, — когда еще его княжьи хоромы были полны веселых песен и кликов дружины, величавшей за пиршеством „молодого князя с княгинею“, к владычным палатам подъехал на коне юноша в богатой одежде, соскочил с коня у ворот и знаком руки остановил своих слуг, которые вели за ним коней, нагруженных богатою казною, доспехами воинскими, одеждами, мехами и оружием.

Когда служка владыки ввел юношу в сени, где владыка отдыхал, сидя на лавочке и наслаждаясь тихим и теплым осенним вечером, юноша пал перед владыкою на колени и зарыдал.

— Что с тобою, Григорий? О чем ты?.. Что привело тебя ко мне в такую пору?

— Владыко, спаси от мира!

Владыка, почтенный старец, поднялся со своего места, опираясь на посох, и подошел к Григорию.

— Я к твоим ногам сложу и всю суету мирскую, и всю казну мою и всё имение....

И он скинул с плеч богатое корзно, отстегнул с бедра меч булатный и сложил к ногам владыки. Потом указал на слуг, въезжавших во двор, и добавил:

— Всё это приношу тебе, владыко, и Отроче село, что дал мне князь, и слезно тебя молю: построй обитель на приношение мое и дозволь мне в ней постричься иноком.

— Млад ты, Григорий, для иноческого сана... Мир будет тебя смущать... Не даст тебе покоя и в келье...

— Владыко, я уж дал обет, и если ты не исполнишь моего желания, я ныне же далее пущусь в дорогу и поищу себе другой обители....

— Будь по-твоему! — сказал владыко. — Принимаю твой дар в церковную казну и благословляю тебя на иноческий подвиг...

И старец осенил крестным знаменем Григория, укрывавшагося навсегда от мира и мирских кровлей обители, которую он сам основал».[1]

[1] *Полевой П. Н.* Ненароком: из тверских преданий // Полевой П. Н. Исторические рассказы и повести. СПб., 1892. С. 5–22. Ср. путешествия: Ф. Н. Глинки, А. О. Ишимовой, И. А. Дмитриева (*Тверь 1; Тверь 2*). См. также: *Щекатов А.* Словарь

***

Между набережной Волги и Миллионной улицей находится дворец, к которому примыкает большой прекрасный сад. В этом дворце известный историограф Карамзин читал историю России императору Александру I.

На Миллионнной улице в здании гимназии с 1866 г. помещается довольно богатый музей.

9 августа 1866 года, во время пребывания в Твери государя наследника цесаревича и великого князя Александра Александровича, ныне в Бозе почившего государя императора, и великого князя Владимира Александровича, Тверской музей открыт в присутствии их высочеств. Музей этот обязан своим учреждением бывшему начальнику Тверской губернии князю Петру Романовичу Багратиону.[1]

С 1872 года Тверской музей получил историко-археологический характер. В музее находится до 13 750 предметов, в том числе древних рукописей 5 775, археологических предметов 6 462, предметов естествознания и промышленности 2 411, старопечатных книг 102. Тверской музей пользуется широкою известностью, чем он обязан г. Жизневскому. Тверской губернатор П. Д. Ахлестышев,[2] относящийся к музею с болышим вниманием, предпринял ходатайство перед

географический государства Российского. М., 1804. Ч. 2. Стб. 341–344; Taschenbuch auf der Reise von St. Petersburg bis Moskwa, nebst einen Anhänge über die landesüblichen Reisearten und ihren Kostenbelauf. Aus dem Russischen. Leipzig; St. Petersburg, 1805. S. 147–153; R. Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg nach Deutschland. 9. Brief // Der Freimüthige, oder Ernst und Scherz. Berlin, 1806. 2. Januar, N 1. S. 2–3; Письмо путешествующего немца из Твери // ВЕ. 1806. Ч. 25, № 3. С. 215–217; *Глинка С. Н.* Григорий: историческая русская повесть // Русский вестник. М., 1808. Ч. 2, № 5. С. 133–161; *Нарежный В. Т.* Георгий и Елена // Цветник. 1810. Ч. 5, № 2. С. 123–147; Григорий, княжий отрок: исторический анекдот // Повести, анекдоты и смесь, изданные М. Качановским. М., 1819. Ч. 3. С. 234–238; *Шаховской А. А.* Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне: русская быль в четырех действиях, с песнями, хорами, воинскими потехами, танцами, играми, борьбой и большим спектаклем, музыка соч. г. Кавоса. СПб., 1823; *Кюхельбекер В. К.* Юрий и Ксения [1836] // *Кюхельбекер В. К.* Избранные произведения. М.; Л., 1967. Т. 2. С. 7–73. Б-ка поэта. Большая сер. 2-я изд.; *Глинка В. С.* Отрочь монастырь, быль XIII-го столетия. СПб., 1837; *Третьяков Н.* Отрочь монастырь: тверское предание XIII столетия // Сын Отечества. 1842. Ч. 3, № 5. Отд. III. С. 1—16; *Северцов (Полилов) Т.* Княжой отрок: историческая повесть из преданий XIII века // Детское чтение. 1904. № 1–11. С. 46–54, 175–192, 310–328, 422–450, 565–578, 720–734, 827–838, 1009–1024, 1127–1141, 1242–1256, 1368–1398.

[1] Багратион Петр Романович (1818—1876), князь, генерал-лейтенант, Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор, тверской губернатор (14.10.1862–25.03.1868). При нем создан земляной вал для ограждения Затьмачья от наводнений; проведена железнодорожная ветка от Тверской станции к Волге и телеграфные линии от станции к Твери, а оттуда в Старицу и Ржев; усовершенствована Тверская публичная библиотека, основан Тверской музей.

[2] Ахлестышев Павел Дмитриевич (1845–1933), тверской губернатор (3.05.1890–7.11.1897).

министерством Двора об отведении под музей части здешнего дворца, так как теперешнее помещение тесно и неудобно.

Обращают на себя внимание, главным образом, предметы, которые имеются только в Тверском музее и которых, следовательно, больше нигде нельзя видеть. Таковы каменные кресты и надгробные памятники XII в., распятие XVI века из Старицкого собора, печать новоторжского наместника и новгородского архиепископа Давида XIV в., громадная коллекция крестов и монет, на первых изображения Спасителя и святых или один орнамент, образ-змеевик,[1] с изображением херувима и на обороте дракона, богатое собрание тканей, икон деревянных и шитых и многое другое. Из рукописей представляют особенный интерес письма императора Александра Благословенного и великой княгини Екатерины Павловны к знаменитому историку Николаю Михайловичу Карамзину.

Описание города. Город раскинулся на обеих сторонах р. Волги. Та часть, которая расположена на правой стороне, делится р. Тьмакой, а Заволжская часть р. Тверцой, каждая на 2 части. Таким образом, весь город самой природой разделен на четыре части. Самый город представляет очень живописный вид, с древними церквями, широкими улицами, садами и проч. В саду губернатора (доступном для публики) обращает на себя внимание павильон с шатровой крышей, поддерживаемой 8 колоннами; отсюда открывается чудный вид на Волгу. Правая часть города больше и во всех отношениях лучше левой. На правой стороне находятся главные улицы: Миллионная, Набережная, Трехсвятская и др. Миллионная улица (параллельно Набережной), на которой сгруппированы лучшие магазины и дома, начинается от больницы и кончается у кафедрального собора. На Миллионную улицу выходят дворец с садом и сквер около немецкой церкви; в конце — красивое здание гимназии, реальное училище и др. Миллионная и Трехсвятская улицы выходят на «восьмиугольную» площадь, на которой расположены здания окружного суда, губернского правления и проч.

За девичьим монастырем, находящимся близ церкви Святой Троицы, начинается Рождественская слободка, к которой примыкает известная «Тверская мануфактура», представляющая отдельный фабричный городок. Жизнь этого городка представляет большой интерес и во всяком случае достойна внимания туриста.

Все присутственные места находятся на Осьмиугольной площади. Вокзал железной дороги (Николаевская железная дорога) находится версты в 1 ½ от города.

Театра в Твери нет. Местом гулянья служит сад, выходящий на Набережную и Миллионную, с рестораном, известным в городе под именем «Кукушка».

При устье Тьмаки находятся самолетские доки.

[1] Амулеты-змеевики — круглые подвески, на одной стороне ортодоксальный христианский символ, на другой — языческий.

Сообщения частей города поддерживаются разводными мостами (через Волгу и Тверцу). Постоянный мост существует через Тьмаку.

Недалеко от Твери в с. Бернове в 1827 г. проживал Пушкин.

По словам одного из старожилов, А. С. Пушкин писал свои стихотворения обыкновенно утром, лежа на постели, положив бумагу на подогнутые колена. В постели же он пил и кофе. Не один раз писал так А. С. в селе Бернове свои произведения, но никогда не любил читать их вслух для других. Однажды мать Н. И. Вульфа долго и сильно упрашивала А. С. прочесть вслух что-нибудь из его стихов. После долгих отказов А. С., по-видимому, согласился и пошел за книгою. Придя с книгою, он уселся и начал, к ее удивлению, читать по стихам псалтырь.

«Общеизвестный факт, что пребывание в деревне имело на Пушкина самое плодотворное влияние. Здесь он, утомленный душною атмосферой большого света, отдыхал душою. Здесь он, как Антей, прикасаясь к нашей общей матери русской земле, получал новые силы для своего вдохновенного творчества. Окруженный полным и искренним вниманием со стороны всех, соприкасавшихся с ним, вниманием, доходившим иногда до благоговения перед его личностью, он всегда находился в самом лучшем и добром настроении духа, что ясно видно из его писем, писанных из Тверской губернии. В них он всегда весел, остроумен, игрив».

В Тверской губернии прожил 24 года известный писатель Ив. Ив. Лажечников. Тут он написал свои лучшие романы: «Ледяной дом», «Последний Новик» и «Басурман».

Около Твери находится **Рождественский женский монастырь**, основание которого относится к XVI в. В соборной церкви обретается чудотворная икона Тихвинской Божией Матери, принесенная в монастырь монахиней Ростопчиной в 1703 г. Соборная церковь построена в 1820 г.[1]

Среди живописной местности, окруженной сосновым лесом, на берегу р. Тьмаки, верстах в 4-х от Твери стоит **Желтиков Успенский (мужской) монастырь**, основанный в 1394–1400 г. святым Арсением, епископом Тверским, мощи которого почивают в соборной монастырской церкви. Здесь погребен знаменитый проповедник Амвросий Протасов, Тверской архиепископ, умерший в 1831 г. Каменная церковь в этом монастыре, во имя святого Алексея, построена Петром Великим. На воротах, в стене, и до настоящего времени существует камера, где был заключен царевич Алексей.

В 7 верстах от Твери близ берега Волги (на левом берегу), окруженный сосновым лесом, стоит **Николаевский Малицкий монастырь**, построенный в 1676 г. сокольником царя Феодора Алексеевича Овцыным. В этом монастыре, кроме древних икон, пожертвованных графами Шуваловыми (которые тут и погребены),

[1] Тверской Христорождественский женский монастырь (первое упоминание — 1514) расположен за р. Тьмакой, вне города.

хранится образ Спасителя мозаичной работы, собственноручно сделанный Ломоносовым.[1]

Верст 20 ниже Твери, где р. Орша (с левой стороны) впадает в Волгу, стоит **Оршинский заштатный монастырь**, замечательный тем, что тут архимандрит Иосиф, выборный от г. Твери, подписал грамоту об избрании на царство Михаила Феодоровича. Верст на 16 ниже Оршинского заштатного монастыря встречается с. Городище, на правом берегу Волги (в древности Городня), которое прежде составляло удельное княжество тверских князей.[2] Тут находится церковь Рождества Христова. В церкви сохранились древняя живопись и фрески.

В названных трех монастырях, к сожалению, пароходы не останавливаются.

Близ Твери, в д. Низовке, живет крестьянин самоучка-поэт С. Д. Дрожжин, горькая и страдальческая жизнь которого описана поэтом Кругловым («Исторический вестник» 1895 г.).[3]

Начиная от Твери тянутся невысокие берега Волги с чисто русскими картинами: селами, деревушками, слободками, усадьбами, перелесками и рощами. На этом пространстве мы встречаем еще мало признаков цивилизаторских факторов: заводов и т. п. Словом, от этих картин еще веет русской сельской идиллией.

Едимоново, село на левом берегу Волги. В с. Едимонове около 20 лет тому назад Н. В. Верещагиным основана первая русская школа сыроварение и молочного хозяйства. В настоящее время школа эта процветает, и в ней нередко работают женщины с высшим образованием.

Начиная от Едимонова правый берег Волги на пространстве около 20 верст принадлежит Московской губернии.

Новое село, на правом берегу Волги.

Корчева, уездный город на правом берегу Волги, с 4 тысячами жителей, славился производством обуви.

В Тверской губернии Корчевского уезда на берегу Волги расположено *образцовое имение* (Пекуново), пользующееся широкой известностью. Имение это принадлежит И. Н. Мамонтову.[4]

---

[1] Ср. путешествие М. И. Семевского (*Тверь 3*, с. 39, 67).

[2] С. Городня.

[3] *Круглов А. В.* Пестрые странички (Из литературных воспоминаний) // Исторический вестник. 1895. № 8. С. 345–354.

[4] Усадьба Пекуново (Шайники) Корчевского у., между современными поселками Пекуново и Крева Кимрского р-на. Владелец Иван Николаевич Мамонтов (1846–1892), двоюродный брат С. И. Мамонтова, кандидат права, гласный Московской думы, почетный мировой судья. Создал Комиссию о пользах и нуждах общественных (Москва, 1887), церковно-приходскую школу при храме Похвалы Пресвятой Богородицы (с. Городище на границе Корчевского и Калязинского у., ныне микрорайон Ратмино г. Дубны, 1888). Его сын Михаил Иванович. См.: ГАТО. Ф. Р-1517. Оп. 1. Д. 161, 305; Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 204; *Жидкова Л. Ф.* Усадебный комплекс на территории города Дубны в XVIII–XX вв. // Русская усадьба: сб. Общества изучения русской

Кимры, село с 6 тысячами жителей, Корчевского уезда на левом берегу Волги.

Первый раз Кимры как дворцовое село упоминается в 1677 г. Затем оно принадлежало графу Салтыкову (тестю царя Иоанна Алексеевича). После него перешло канцлеру Головнину. Последний был сослан, а имение перешло в род Скавронских; в конце же второй половины настоящего столетия выкупилось на волю.

Кимры замечательны производством обуви, которая имеет распространение в большей половине России. Всех занимающихся сапожным промыслом до 35 волостей. Общее производство промысла достигает до 5 миллионов рублей; главный сбыт — нижегородская ярмарка. Производство кожевенных заводов достигает до 500 тысяч рублей в год.

От Кимры начинаются так называемые «валуны» — камни породы гранита. Особенно много этих камней на пути от Углича до Рыбинска.

Медведица, село на левом берегу Волги, при впадении р. Медведицы в Волгу. Верстах в 2 от села стоит запущенная барская усадьба, где, по преданию, родился Борис Годунов. Теперь эта усадьба принадлежит купцу Лепешкину.[1]

Сергиевское, село на левом берегу Волги.

Близ с. Сергиевского, в усадьбе села Спас-Угол Калязинского уезда, родился в 1826 г. известный писатель М. Е. Салтыков-Щедрин.

Недалеко от того же села при впадении р. Кашинки в Волгу стоит весьма популярный уездный город Кашин (который не раз упоминается в сочинениях Щедрина), известный своим производством «заграничных вин» в виде «размадеренных хересов» и т. п. Теперь; впрочем, все эти производители с сокрушенным сердцем вздыхают о минувших «лучших годах», канувших в Лету...

Калязин, уездный город при впадении в Волгу р. Жабни, на правом берегу, с 8 тысячами жителей. Калязин получил свое название от имени боярина Калязы, который дал часть своей земли под монастырь (мужской), основанный святым Макарием. Памятники древности этого города исключительно сосредоточиваются на святынях. Так, в Троицком монастыре, красиво раскинувшемся на левом берегу Волги против Калязина, в церкви Святой Троицы почивают мощи святого Макария, открытые в 1521 г.; в этой же церкви хранятся потир и дискос, с которыми

усадьбы. М.; Рыбинск, 1994. Вып. 1 (17). С. 121—125. Обстановка усадьбы отличалась особой изысканностью, хозяйственное устройство было образцовым. В имении гостили деятели искусства и культуры России, в том числе Ф. И. Шаляпин.

[1] С. Медведицкое Кашинского у. на левом берегу Волги принадлежало князю Одоевскому (1675—1715), Г. П. Годунову (1678), князю М. М. Голицыну (1762), сталмейстеру и действительному камергеру князю М. П. Голицыну (1795), князю И. П. Салтыкову (до 1868). Ср.: *Тверь 3*, с. 144. Борис Годунов (1552–1605), по легенде, часто бывал здесь. Церковь Богоявления Господня (1788). Прихожан 314 дворов, 1748 душ (1901).

святитель совершал литургию. В этом же монастыре показывают в прежнем своем виде кельи, где жил Никон. Каменная гробница кашинского уроженца митрополита Серапиона.

В Калязине начал свое служебное поприще подканцеляристом дедушка И. А. Крылов.

Калязин замечателен как хлебная пристань.

Между Калязином и Угличем, около 220 верст от Твери, в Волгу с левой стороны впадает р. Зарубежка, которая и служит границей между Тверской и Ярославской губерниями.

В. М. Сидоров
1894

Сидоров Василий Михайлович (1843—1903), путешественник, натуралист, ботаник; драматург, поэт, переводчик (псевдоним В. Отрадин). Много путешествовал по России, путевые впечатления составили несколько книг: Окольной дорогой: путевые заметки и впечатления. СПб.: тип. А. Катанского и К°, 1891 (путешествие в Прибалтику, Белоруссию, Украину и Крым); По России. 1: Волга. Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. СПб.: тип. А. Катанского, 1894; По России. 2: Кавказ. СПб.: тип. А. Катанского, 1897. Текст печатается по изд.: *Сидоров Василий*. По России. Волга. Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. СПб.: тип. А. Катанского, 1894. С. III—V, 1—80.

Предисловие

Много раз случалось мне быть на Волге, и каждый раз я искренне сожалел, что не имел под руками хорошего описания этой исключительной реки. Мне пришлось долгие годы прожить за границею и исколесить Западную Европу вдоль и поперек, и лучшим товарищем в моих бесконечных турах являлись прекрасные описания, доступные также и по цене. У нас только в последнее время начинает развиваться привычка и появляется охота познакомиться с нашей обширной и прекрасной родиной. Сеть железных дорог и пароходных линий учащается не по дням, а по часам, и если появятся путеводители и описания путешествий по России и сумеют заинтересовать публику, то они сослужат великую службу. Благодаря необыкновенной легкости и дешевизне путешествий за границей, благодаря целому ряду компаний, которые удешевляют и облегчают путешествия, устраивая круговые билеты, всякий, имеющий свободное время, спешит пострaнствовать и познакомиться с красотами природы и новыми городами. У нас, к сожалению, страсть к путешествиям очень слабо развита и публика спешит только в модные места, как, например, в Крым в разгаре сезона. Смею надеяться, что моя книжка, которую я посвятил Волге, привлечет и заинтересует хоть несколько человек, и они пустятся в путь с целью познакомиться с нашей родиной. В России масса интересных туров, масса любопытных и прекрасных уголков, народов и памятников старины, и эти уголки, народы и памятники старины ничуть не менее любопытны прославленных заграничных уголков. Правда, мы не найдем той массы удобств и приспособлений для туриста у нас в России, какие устроены на Западе, но будем надеяться, что когда наша публика поспешит ближе знакомиться со своей родиной, то и эта сторона скоро разовьется и не оставит желать ничего лучшего. В ней не было потребности до сих пор, потому она и оставалась во мраке.

По России в последние годы я поездил много и посетил ее самые разнообразные уголки. Впечатлений, интереса была бездна, и я спешу поделиться ими. Для этой книжки я взял Волгу, так как путешествие по

ней, по-моему, служит бесконечным источником удовольствия, так как удобства этого путешествия не оставляют желать ничего лучшего, так как Волга, прорезая всю Россию, представляет замечательный путь, соединяющий север с югом и так как я считаю для всякого русского первым его долгом и обязанностью ознакомиться с этой рекой, что почти так же необходимо, как школьное образование. Путешествие по Волге настолько удобно и дешево, что доступно всякому с небольшими средствами, и многие, приходящие в недоумение, как им распорядиться летом, какую местность выбрать для летней дачи, сделали бы вы всего лучше, если бы отправились путешествовать по Волге. Кроме труда Н. П. Боголюбова (издание Общества «Самолет»),[1] совершенно распроданного, и «Волги» В. И. Рагозина (3 тома, «Волга до устья Камы»,[2] 10 рублей 50 копеек), недоступного для туриста по цене и доведенного только до устья Камы, существуют еще 2 книжки Н. Н. Лендера: «На Волге, очерки» и «Волга» (издание Общества «Самолет»)[3] и С. И. Монастырского «Спутник по Волге» (от Нижнего до Астрахани).[4] Не говоря уже о цене (3 рубля) этой последней книги, она и слишком объемиста, и порою слишком отдаляется от интересов туриста.

Позволяю себе предложить мои впечатления многократных поездок по Волге в надежде, что они найдут в ком-нибудь отклик и побудят поехать и пережить чудные дни, в течение которых перед глазами путешественника проплывает пестрая и своеобразная панорама городов, сел, берегов и народов, панорама, которая остается памятной на всю жизнь и свивает в вашей душе маленькое гнездышко самых теплых, самых приятных, самых милых воспоминаний.

1. В Валдайских горах

До Валдая. Валдай. Иверский монастырь. По дороге к истоку Волги. Рыборазводный завод. Молвотицы. Волговерховье

> Лейф, сын Эрика Красного, открыл Америку в 1000 году, странствующие скандинавы достигли Америки прежде всего в окрестностях Начтукета. В ночь на 12 октября 1492 года,

[1] Волга от Твери до Астрахани / общество «Самолет»; А. П. Боголюбов, Н. П. Боголюбов. СПб.: тип. Гогенфельда и К°, 1862. См.: *Тверь 3*.

[2] *Рагозин В. И.* Волга: в 3 т. СПб.: тип. К. Ратгер, 1880—1881. Т. 1: От истока до Оки. 1880; Т. 2: От Оки до Камы. 1881; Т. 3: От Оки до Камы: О народах по средней Волге: исторический очерк. (1881). О В. И. Рагозине см. путешествие Тюменева: *Тверь 3*.

[3] *Лендер Н. Н.* Волга: очерки и картины: с карт. Поволжья. СПб., 1889; *Лендер Н. Н.* Волжский спутник. Изд. 4-е. СПб., 1892. См. путешествие Лендера.

[4] *Монастырский С.* Иллюстрированный спутник по Волге. Казань: типо-лит. Ключникова, 1884. Монастырский Степан Иванович († 1905, Одесса), во время написания книги полковник, позже генерал-майор Генерального штаба. 1-я часть — исторический очерк Поволжья; 2-я — достопримечательности от Нижнего Новгорода до Астрахани; 3-я — сведения о путешествии на пароходе и приволжских курортах.

незадолго до полуночи, Колумб открыл Новый свет во второй раз.

***

Вдали от суеты, тревоги и волненья
Здесь люди в простоте, в спокойствии живут...

Галлер

Ранней весной, когда почки на деревьях начали лопаться, а леса наряжаться в свой зеленый пушок, когда на Невском вместо лиловых ветрениц, выдаваемых продавцами за фиалки, стали продавать синюю медунку и не совсем распустившуюся черемуху, я не выдержал. Страсть потолкаться по свету, усвоенная еще в детстве за границей, сказалась в прежней силе, и я полетел к истокам Волги. Побывавши неоднократно в приволжских городах, много раз побороздивши Волгу, я решил познакомиться с ее истоками в Валдайской возвышенности и поглядеть 3 400-верстную красавицу в ее младенческом возрасте, послушать ее детский лепет в виде небольшого и мирного ручейка, через который легко перешагнуть.

Сначала я думал ехать на Новгород, из него на Старую Руссу, где пересесть в местный экипаж и добраться до деревеньки Волго, а оттуда до озера Селигер с его знаменитой Ниловской пустынью. Это был бы самый прямой путь, так как до Старой Руссы ходят и пароходы, и поезда, и только пришлось бы проехать на лошадях около полтораста верст до одного из громадных заливов озера Селигера, до деревушки Свапущи, из которой переезд по озеру совершается в больших лодках, но я выбрал путь через Валдай. Весна была поздняя и холодная, разлив рек чрезвычайно сильный. И Волхов и Мста катили свои мутные волны по прибрежным кустам, омывая вершины небольших берез и осин. Вот у станции Селище мелькнуло темное озеро Зван, всё убранное по берегам весенней зеленью берез, и поезд остановился у станции Валдайки с ее неразработанными целебными ключами. Станция лежит красиво, высоко над рекой Валдайкой, вьющейся серебристой змеей среди холмистой местности. Сколько раз я проезжал эту станцию и глядел на articles de Waldai,[1] знаменитые валдайские колокольчики и длинные связки баранок, связанные мочалками и составляющие гордость местных жителей. Было около полночи. В ожидании, пока мне подадут лошадей, присланных мне навстречу из Валдая моим приятелем, я наслаждался весенней ночью. Черемуха была в полном цвету, и совсем белые от ароматных цветов деревья резко выделялись среди весеннего сумрака. Несмотря на холод, маленький ветерок доносил волны сладкого запаха и черемухи, и смолистых листьев тополей, и весенний дух березы. Соловьи трещали по всем направлениям, приветствуя пору любви, хотя и столь холодную, что мне пришлось укутаться не только в плед, но и в присланный полушубок и

[1] Сувениры Валдая (*англ.*).

одеяло, и то было только-только сносно. За мной приехал ямщик Александр Сизов, лучший ямщик в Валдае и давно стяжавший себе самую завидную репутацию по всей окрестности.

Лошади побежали в сумраке весенней ночи по довольно разбитой и ухабистой дороге. Колокольчики и соловьиные песни слились вместе. Вот осталась за нами бедная деревенька Великуши с покосившимися избами и кривыми окнами. К одному из жалких домиков прижалась черемуха, забросила на дрянную крышу свою зеленую ветвь и, вся изукрасившись цветами, хотела скрасить несчастную разваливающуюся избу, осыпая ее снегом лепестков. Дорога стала еще хуже, трясло невероятно. Мы то поднимались в гору, то спускались в лощину. Вот и мост через Валдайку у сельца Сопки. Стало еще свежее. Черемуха во многих местах обсыпала всю дорогу лепестками. Березы шептались, сонно покачивая кудреватыми головками, а небо начинало светлеть всё более и более. Утренний холод делался всё резче и резче.

Село Турны, такое же бедное, жалкое, примостилось на косогоре своими домиками с запертыми ставнями. Где-то на дворе закричал петух, первый вестник утра, да у ворот одной из избушек заворчала во сне собака, испуганная и потревоженная нашим проездом. Здесь в селе у самой проезжей дороги за белой невысокой стеной среди кладбищенских покосившихся крестов стоит крайне оригинальная по архитектуре церковь. Крыша церкви разделена на четыре яруса, так что над первой крышей поднимается более узкий корпус, несущий вторую, меньшую крышу, над ней новый, третий корпус и третья, меньшая крыша, увенчанная четвертым, самым маленьким корпусом под маленькой, четвертой крышей. Такая же оригинальная колокольня, у которой четвертая последняя крыша вытянута в длинный шпиль, возвышается рядом. Эти два пирамидообразных строения среди крестов и курьезных памятников с украшениями в виде птиц на крестах производит, особенно среди безмолвия подходящего утра, странное и несколько таинственное впечатление. У нас на Руси много есть таких курьезных и высоко поэтических церквей, построенных неизвестным архитектором в отдаленном каком-нибудь селе с такой смелой фантазией, что нельзя им не подивиться. Строит архитектор церковь, вкладывая в свое создание душу и талант, так же как соловей трещит над Валдайкой на кусту зацветшей черемухи только ради пения, не ожидая, что кто-нибудь слушает его чудные песни. Оригинален и ужасно мил обычай вырезать из дерева крест, на вершине которого сидит голубок. Эти безжизненные белые голубки на кладбищенских крестах имеют много поэтической прелести и составляют крайне своеобразное дополнение к ветхой деревянной, но красивой и многокрышчатой церкви...

Вот небольшие озера, которые образовались разливом Валдайки. В некоторых местах черемухи наполовину затонули в холодной воде, а соловьи трещали в их цветущих вершинах, довольные и водой, и цветами.

Мелькнули два небольших озерка, большое и малое Боровское, каких на Валдайской возвышенности тысячи. Дорога то поднималась, то опускалась и трясла немилосердно. Деревенька Едно заползла довольно высоко, так что от небольшой ее часовенки с голубым шпилем виден Валдай, лежащий более чем за 20 верст. Зелени совсем мало, домишки серые, грязь, беднота. От часовенки крутой и тряский спуск, по которому наши лошади помчались так быстро, что я ожидал ежеминутно вылететь из тарантаса. Через полчаса мы миновали деревню Шую, и вскоре в отдалении засинело громадное зеркало Валдайского озера и показались строения Иверского монастыря, собирающего ежегодно массу паломников, стремящихся поклониться мощам Якова Преподобного. Часть Валдайского озера, или, лучше сказать, его залив, так характерно называемый на Валдае плёсом (от слова *заплеснуть*) и далеко убежавший своей громадной водной поверхностью к северу, хорошо виден вблизи Шуи. Это плес Ужин, длинная, изрезанная островами и полуостровами часть озера, отделенная рядом островов от остальной его части. Три самые большие острова связаны перешейками и на одном из них в поэтическом диком месте среди вод громадного озера, поднимая свои пять золотых куполов собора и белую колокольню, свои белые стены с небольшими башенками, лежит Иверский монастырь как раз против города Валдая. Он, как схимник, как аскет, лежит уединенно среди озера, изрезанного мысами и холмистыми полуостровами, и столько тишины, столько спокойствия в этом уединении, что долго нельзя оторвать глаз от стен и колокольни монастыря. Густой березняк поглотил нас, закрыв прелестные виды на озеро. Вскоре мы выехали на казенное шоссе, соединяющее Петербург и Москву, и въехали в Ям-Зимогорье, громадное село, составляющее предместье Валдая. Я приехал в Валдай около 5 часов утра, и первое впечатление от города было самое отвратительное.

Это тип провинциального города с его висящей в воздухе скукой, с тишиной, свойственной глухим городишкам, не то город, не то село, с деревянными тротуарами, в которых местами проваливаются ноги проходящего, с бесконечными заборами из ба́рочного леса, с прекрасными цветами на окнах, так как жители скуки ради, как всюду в провинции, особенное внимание посвящают уходу за цветами. Валдаю нанесла удар железная дорога, оставившая его за 40 верст в стороне, причем упразднилось шоссе, проходящее через город, а два пожара, особенно последний в 1881 г., испепелили совершенно город, так красиво лежащий амфитеатром по берегу озера против самого Иверского монастыря. Последний ужасный пожар начался в Солдатской слободке, и в несколько часов Валдай сгорел дотла. Колокола собора упали на площадь, и при поливке водой раскаленный металл треснул. Жара стояла такая страшная, что один человек, перебегая площадь, обгорел и умер через несколько часов от ожогов. После пожара уцелела кладбищенская церковь, ветхая, скучная по наружному виду, печально стоящая за городом,

присутственные места около небольшого общественного сада, в зелени которого схоронилась Екатерининская церковь, тоже уцелевшая и прежде принадлежавшая к дворцу Екатерины Второй, превращенному теперь в острог.

Повсюду масса руин, всюду стоят обгорелые, треснувшие стены с печальными зияющими окнами. Эти стены свидетельствуют о прежних каменных постройках Валдая, города каменщиков, массами расходящихся на работы во все стороны России от Пасхи до 22-го октября, Казанской Божией Матери. Новый Валдай деревянный, только изредка попадаются каменные дома, да на базарной площади в середине города собор и церковь Введения, оба неуклюжих белых здания в виде аляповатых четырехугольников, поднимают свои белые колокольни над хаосом домишек и садиков и глядят в синее Валдайское озеро, на большие громоздкие весы среди базарной площади, на пустынные улицы, заросшие подорожником и ромашкой. В городе нет ни театра, ни клуба, ни музыки, и только в земской управе есть недурная библиотека, где за 5 рублей в год можно читать довольно много журналов. На базарной площади стоит каменный дом купца Терскова, одного из старожилов города. Терсков собрал чучела всех птиц и животных своего Валдайского уезда, искусно набил их и положил таким образом начало будущему музею. Он уже приобрел аквариумы для того, чтобы собрать все местные рыбы, что составляет несомненный интерес.

Гвоздь Валдая для всякого туриста и не туриста — это прекрасное озеро с его монастырем. Я добрался по пустынным улицам вдоль заборов, через которые свесились снежно-белые кудри сплошь покрытых цветами вишняков, до базарной площади с ее ужасной мостовой и спустился по проулку к озеру. Тут на берегу в небольшом каменном здании хранится лодка, на которой в 37-м году покойный государь Александр II, еще будучи наследником, переезжал озеро. Тут же крошечный и довольно чахлый бульвар с часовенкой, устроенной отцом Терскова. Этот же Терсков в Крымскую войну снарядил на свой счет до тысячи человек валдайских ратников.

Озеро, синее и спокойное, горело сотнями тысяч золотых огней, зажженных в его воде весенним солнцем. Монастырь с островами составил чудную декорацию по ту сторону Валдайского плеса и горел своими главами, как золотыми огнями, так рельефно выступавшими на голубом фоне неба.

Переезд в Иверский монастырь совершается в лодках, которые дожидаются у часовенки желающих. За 40 или 50 копеек местные гондольеры, большею частью в образе женщин, свезут вас в монастырь, лежащий в расстоянии трех верст по прямой линии от города, и доставят вас обратно в Валдай.

Как только мы с приятелем подошли к спуску, ведущему к озеру, пред нами предстала пожилая худощавая женщина и предложила свои услуги как лодочницы. У небольшой пристани и дамбы, обсаженной

березами, мы сели в лодку. Женщина поместилась на руле, за весла сел ее зять, молодой каменщик. Открытое, милое лицо с светлой детской улыбкой не могло не привлечь к себе. От него веяло весной, силой, удалью, весельем. Он так гармонировал с синим озером, с душистой весной, с весенним солнцем, с своей ролью валдайского гондольера, что внес много прелести в эту поездку в монастырь. Это был настоящий прелестный русский тип с его весельем, с его подтруниванием и бесшабашностью.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Михайло Петров, — ответил лодочник.

— Да нет же, — возразил мой приятель, сопутствовавший мне в монастырь, — ведь твоя фамилия Соколов.

— Это точно, также и Соколов, — сказал Михайло, улыбнулся чудной улыбкой и так налег на весла, что лодка полетела, как птица, дальше и дальше отъезжая от берега.

Оказывается, что в Валдае зачастую один и тот же человек имеет несколько фамилий. Тот же Терсков зовется Степановым, а бывший городской голова Якунин имеет еще фамилии Ермошина и Шахова. Как это происходит, Бог знает. Это валдайская тайна.

С озера Валдай очень красив. Лежа по береговому откосу, город постепенно выдвигал дом из-за дома, красиво поднимая белые колокольни церквей. Озеро стало сильно волноваться, и чем мы дальше отъезжали от берега, тем волны всё более и более увеличивались. Михайло говорил, что озеро редко бывает спокойно и что еще на днях весь Валдай был встревожен гибелью шести человек. Нескольких из утопавших спасли смельчаки, в том числе и наш удалой Михайло.

— Что же город дал тебе что-нибудь за спасение погибавших? — спросили мы его.

— Хотели нам выдать по медали, — ответил он, — да с нас же по семи рублей требовали на эти медали. Ну их к лешему. Где семь рублей возьмешь! Отказались.

Острова по мере приближения всё более и более выдвигались, а звон монастырских колоколов всё сильнее доносился до нас, мягко и необыкновенно звучно разносясь в весеннем воздухе над обширной поверхностью озера. Недаром славятся валдайские колокола, которые отливаются здесь в городе на заводе Усачевых, единственном заводе, отливающем эти громадные и великолепные колокола. В городе осталось несколько кустарей, но они отливают только небольшие колокола и колокольчики.

— Вон остров Жилище, — указал Михайло на проплывавший лесистый остров. — Тот вон Земляничный, зовут его тоже Березовый, а направо у берега — это Рябинин остров, по нему идет дорога от берега к монастырю, там паром есть.

Целая цепь островов и островков дугой обступили нас, образовав залив с монастырским островом во главе.

Белые стены с сторожевыми башенками окружают обитель, построенную знаменитым Никоном, которого пленил уединенный остров. Мы вошли в ворота с торчащей над ними колоколенкой. При Анне Иоанновне в этих толстых саженных стенах замуровывали осужденных. За первой внешней стеной высится вторая стена, пробуравленная пестро расписанными фресками воротами, ведущими в аллею и монастырь. В углу у второй стены примостилась толстая высокая башня, напомнившая мне Спасскую кремлевскую башню в Москве, служащую здесь элеватором; здесь сыплют монахи зерно. Скучно, пустынно в монастыре, даже весна не внесла своей жизни в эту уединенную обитель. Высокая колокольня замерла, как факир, и режет своим белым силуэтом голубые небеса. Большие часы на колокольне, по циферблату которых двигается голубь, прикрепленный к минутной стрелке, равнодушно отмечают время. Соборы и зимний, и летний с толстыми саженными стенами, пестро расписаны фресками. У входа в собор на паперти глядят на вас патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Вы словно чувствуете взгляды этих старинных портретов во весь рост, оберегающих собор. Внутри собора мертвая тишина, сквозь толстые стены сюда не долетает ни единого звука, и только солнце, прорвавшись сквозь решетчатые окна, ложится золотой паутиной на старинные иконы в голубых, золоченых и расписных киотах. Пестрые седалища, пилоны, стены и потолок, все разрисованные, мощи Якова Преподобного в серебряной раке и части мощей четырех митрополитов московских, мрачная статуэтка сидящего схимонаха Нила Столбенского, сцены из жизни Якова Боровичского и, наконец, древо, на котором, по преданию, плыло тело Якова Боровичского вверх против Мстинских порогов у Боровичей, и которое хранится здесь под стеклянным колпаком, — всё это тонет в таинственном полумраке. Пятиярусный иконостас весь в золоченых колонках уныло поднялся к пестрому потолку, а толстые чугунные связи, как чудовищные нити паутины, протянувшиеся под сводами от пилона к пилону, уносят вас к временам самого Никона. За собором тянется кладбище. Пожилой монах наклонил молодую черемуху, срезая букет цветов, а она обдала его всего своими лепестками, которые повисли у него и в бороде, и в волосах, и на его черной рясе, потом за вечерней я увидел этот пучок черемухи у образа Божией Матери... За белыми стенами монастыря во все стороны простирается озеро. Чудные молчаливые виды. Плес Ужин убегает с своими пустынными мысами и островами к северу. На берегу монастырского острова была разложена масса сетей для рыбной ловли, которой занимаются монахи. Сети их достигают длины в полуверсту. Чудный тихий вечер спускался над монастырем. Озеро совсем успокоилось и тихо и нежно подбегало своими волночками к песчаным обрывам острова. Несколько сосен, наклоненных бурями, замерли у

монастырских стен и мечтательно осветились солнцем. Над обрывом к озеру за восточной стеной монастыря мне бросилась в глаза забытая могила с покосившимся надгробным камнем с почти стертой надписью, которую невозможно разобрать. Здесь спит, вероятно, какой-нибудь несчастный самоубийца, которого не позволили похоронить в монастыре. Никто из монахов ничего не знал про этот одинокий могильный камень, скрывший, может быть, горькую драму.

На рассвете я решил продолжать свой путь к истокам Волги, хотя мой приятель и уговаривал меня посетить Варницы, прелестное местечко, лежащее в 12 верстах от Валдая и замечательное тем, что там бьет крепкий соляной ключ почти на аршин над землей. Прежде соль эту вываривали, на что указывает и название местечка, затем неоднократно город думал устроить в Варницах лечебное место и эксплуатировать прекрасный минеральный источник, но так неумело брался за дело, что только терял даром и время и деньги. Нет сомнения, что с годами, когда пути сообщения с Валдаем будут облегчены, Варницы превратятся в новый русский курорт и, благодаря своей красивой местности и близости от Петербурга, будут сильно посещаться больными. Я удивляюсь, как до сих пор ни монастырь, ни Валдай не обратят внимания на глубоководную реку Валдайку и не заведут пароходное сообщение между станцией Валдайкой и городом, что привлекло бы и туристов и богомольцев, всегда с трудами пробирающихся к отечественным святыням, и облегчило бы и удешевило сообщение с городом.

На рассвете за мной приехал мой ямщик Сизов, и мы покатили по довольно скверным валдайским дорогам к югу. Молодые березняки сменялись пустырями, а дорога местами была совсем невыносима. В 11 верстах от города показался Новодевичий Коростецкий монастырь. Его колокольня высится над корпусом монастыря, лежащего среди леса на берегу озера. Очень красива белая зубчатая стена, украшенная поэтическими сторожевыми башенками с красными шпилями, обегающая весь монастырь и придающая ему вид крепости. Печально выглядел этот одинокий монастырь теперь весной, но как уныло должно быть в нем зимой, когда вокруг ревут и стонут метели, а глубокие снега совсем заваливают его зубчатые стены. Бедные деревушки, уединенные села, озера и озерки мелькали мимо. Уныло, скучно, однообразно в Валдайских холмах. Вот показалась громадная водная поверхность озера Велье, дорога обогнула его залив по самому откосу, и мы поехали по его берегам, то приближаясь к самой воде, то ныряя в небольшие леса. Юркнув в один из таких лесков, полных аромата молодой березы и цветущих черемух, мы переехали через мост, под которым с звоном и громом мчался ручей по камням, стремясь из-под колес живописно лежащей мельницы в воды озера Велье. Сизов сказал мне, что здесь находится рыборазводный завод. Конечно, я выскочил из тарантаса и отправился посмотреть эту диковинку. С трудом я растолкал сторожа, сладко спавшего в своей каморке, и он

повел меня вдоль прудов к длинным низким строениям с многочисленными баками и всевозможными прекрасно устроенными приспособлениями для разведения рыбы, какие я встречал за границей для разведения форелей и у нас в Петербурге, на выставке. Теперь это казенный завод. Казне он принадлежит уже около 25 лет, достался ей от некоего г-на Варского, устроившего еще 5 лет пред тем рыборазведение. Варский, получив разрешение от архимандрита Иверского Валдайского монастыря ловить рыбу некоторое определенное время, под предлогом выловить всех хищников, вредных для местной рыбы, продолжал ловить ее на продажу из озера Велье и завел в это время завод. Я попал сюда в несчастное время: баки, где содержится марочная, отмеченная рыба, после спуска воды из прудов в озеро, были пусты; черные тарелочки для сиговой икры и белые для форелей были также пусты. Большие бутылки для перевозки мелкой рыбы, ящики для годовалой и более старой, сосуды для оплодотворения икры молоками — всё бездействовало, а в течение лета и осени здесь кипит горячая деятельность. В прошлом году были проданы и отправлены 85 тысяч форелей, 40 тысяч сигов и т. д., не распроданная рыба была спущена в пруды, где находилась и сейчас. В банках в спирту находятся карпы, форели, сиги, стерляди и другие здесь разводимые рыбы. Нечего делать, опять уселся в тарантас и поехал далее. Рыбацкое село Велье раскинулось на пустынном берегу озера. Всюду чинились сети, всюду лежали мережи. Сейчас видно, что жители рыбаки и что темное серое озеро с большими волнами кормит их. Несколько рыбаков садились в утлые лодчонки. Все рыбаки были одеты в кожаные фартуки, закрывающие и грудь и спину. Одна женщина, должно быть жена рыбака, провожала мужа и совала ему в лодку кульки с едой. Трудная работа рыбака! Вечная борьба с холодными волнами негостеприимного темного озера, с утренними холодами и пронизывающими озерными туманами.

Мелькнула церковь, стоящая на холме среди живописной группы истрепанных ветром сосен, несколько шапкообразных курганов тоже остались позади, и снова потянулась скучная, однообразная дорога. Сизов предлагал мне свернуть в сторону и пробраться к северному плесу громадного озера Селигер к местечку Полново, откуда, по его словам, всегда можно добраться до Осташкова, проехав всё гигантское озеро Селигер. Хотя Селигер и интересовал меня, но мое непреодолимое желание было поклониться часовенке, означающей исток Волги, той матушки Волги, которой русский человек привык поклоняться как божеству, название которой звучит для всякого русского с неизъяснимой прелестью, имя которой служит символом и эмблемой национальной силы и заставляет громко биться русское сердце, когда где-либо на чужбине кто произнесет его. И я поехал околесиной по скверным дорогам через село Филиппогорье на скучный городок Демянск, в который легко пробраться из Старой Руссы и из которого, переночевав и отпустив Сизова, на

перекладных поехал в местечко Молвотицы, лежащее в 50 верстах от Демянска вблизи деревни Волговерховье.

Молвотицы — хорошенькое местечко, лежащее на берегах быстрой речки Щеберехи, берега которой в некоторых местах поражают своей дикой красотой. Крутые обрывы, украшенные лесом, живописно поднимаются почти отвесно над бешено клокочущей Щеберехой. У самого моста через Щебереху на отвесные песчаные скалы взгромоздилась красивая, расписанная в желтый и белый цвета церковь Егория с высокой изящной колокольней и глядит на живописную долину извилистой реки с своего высокого пьедестала, стоящего как раз на углу при впадении в Щебереху другой быстрой речонки Стабенки, которая, пенясь и клокоча, летит по валунам и бросается в пенистые волны Щеберехи. Деревня Ревеницы, а еще более деревенька Волговерховье лежат в области непроходимых болот и трясин. Сама деревенька Волговерховье с покосившимися домиками и соломенными крышами стоит на пригорке. Масса валунов самой разнообразной величины лежат повсюду по бесчисленным холмам. Словно их кто здесь рассыпал. Здесь уже Тверская губерния. Новгородская осталась за Ревеницами.

Среди болота между несколькими березами стоит одинокая деревянная часовенка, осененная крестом. Это начало Волги. В самой часовенке колодезь, но попасть в часовенку не было ни малейшей возможности. Вокруг стояло целое озеро воды, а поэтому пришлось удовлетвориться внешним видом четырехугольной дощатой часовенки и поверить, так как это все говорят, что здесь берет начало Волга, эта величайшая река нашего материка. Несколько ниже деревни показывается ручеек, но следовать вдоль ручейка не было возможности. Кругом было болото. Я удовлетворил свое любопытство и, севши в тарантас, поехал в сторону в одно знакомое имение, где жила моя родственница и которую мне надо было навестить. Никогда не забуду этих мучительных 40 верст по болотам, трясинам, отчаянно размытым дорогам, по валунам и корягам, так что приходилось ежесекундно соблюдать равновесие, чтобы не вылететь, а раз таки ямщик вывернул меня совершенно. Поздней ночью добрался я, разбитый и измученный, до деревни, проклиная несчастную мысль свернуть в сторону, но каков был мой сюрприз, когда оказалось, что родственница уехала из имения. Сговорившись с ямщиком, который хотел меня довести до Осташкова, я заснул как убитый, мечтая поскорее выбраться из этих трущоб и трясин, куда меня занесла судьба.

2. Волжские озера

По болотам. Руна. Озера Стерж и Овселуг. Осташков. Озеро Селигер. Пустынь Нила Столбенского

И в убогой келье скрылся
Близь долины той,

Где меж темных лип светился
Монастырь святой.

Шиллер

Ямщик обещал меня вести по довольно хорошей дороге, но эта «довольно хорошая» дорога оказалась в тысячу раз хуже вчерашней. Мы буквально тонули в трясинах, чуть не вплавь переезжали маленькие речонки, которые, вздувшись весенними водами, грозно несли свои волны там, где летом курица может их вброд перейти.

Вся эта часть Осташковского уезда — одно необозримое болото, перерезанное местами небольшими холмами. Трясины и болота тянутся на многие десятки верст и затягивают громадные подземные озера, которые только местами обнажены и представляют небольшие болотные озерки, называемые здесь окнами. Здесь-то и был прежде славный Оковский лес, или Волконский бор, от которого только местами остались участки леса. Дождь лил как из ведра, и, к довершению бед, одна из речонок снесла мост, и нам пришлось колесить, чтобы перебраться на другую сторону, и в поисках за переправой, объезжая трясины, мы сбились с пути. Я думал, что мне уже не суждено выехать из этих мест. Проблуждав несколько часов, нам удалось выехать снова на берег речки Меглинки,[1] катившей вздувшиеся свои воды, перебраться через нее и под проливным дождем, снова чуть не увязая в трясинах и промокнув насквозь, уже под вечер добраться до какой-то деревни. Здесь мы остались ночевать. Лошади были замучены, и я и мой возница промокли насквозь и жаждали отдыха. Страшная гроза разразилась над нами. Молнии падали одна за другой, а гром гремел, не переставая чуть не в течение десяти минут. Я думал, что началось светопреставление. Стекла в крошечных окнах дребезжали, деревья пригибались чуть не к самой земле. Как я был рад, что гроза не застала нас в болотах и что я сидел под крышей и пил чай.

Мы попали на берега реки Руны, уже пробежавшей верст 30 и напившейся воды из целой системы озер. Это порядочная река, а теперь, весной, совсем большая река, грозно катящая свои воды в озеро Стерж, то самое озеро, в которое с севера впадает маленький Волговерховский ручей, пробежавший до озера около десяти верст и носящий название Волги.

Верхнее течение Волги постоянно было спорным вопросом, особенно до выхода ее из озера Волго, представляющего последнее звено в целой цепи озер, соединенных между собой. Одни принимали за начало Волги озеро Селигер и реку Селижаровку, впадающую в теперешнюю Волгу, и помню, я учил в гимназии: «река Волга вытекает из озера Селигера в Тверской губернии». Теперь, уезжая из Петербурга, я знал, что это не так и что озеро Селигер поит через Селижаровку Волгу, что Волга начинается тем крошечным ручьем, который я видел у деревни

[1] Р. Меглинка в Пеновском р-не; исток в Меглинском оз., левый приток р. Руны. Длина 16 км, площадь бассейна — 92,1 км². Населенных пунктов на реке нет.

Волговерховье в болотах у деревянной одинокой часовенки, и протекает систему озер Стерж, Овселуг, Пено и Волго, разделенных между собою небольшими проливами, но, побыв на месте, я скажу, что и это неверно. Нельзя считать маленький ручеек, впадающий в вершину озера Стержа, за Волгу, когда в южный конец того же озера впадает большая река, несущая массу воды на расстоянии 40 верст до Стержа. Конечно, весь этот громадный бассейн озер поит гигантскую реку, и не ручей, а река Руна несет массу вод в систему волжских озер, из которых вытекает уже бесспорная настоящая Волга. Когда я увидел, что Руна впадает своей массой вод в озеро Стерж, мне показалось и диким и наивным мнение, что эта водная река не больше как приток ничтожного ручейка. Даже если считать притоком Руну, а ручей принять за Волгу, то наименования рек докажут противное. *Волга* слово финского наречия и означает ‘святой’, в древности река называлась Ра; река *Руна* получила свое наименование тоже от финских племен, и ее имя означает *песнь*, *материя*, тогда как ручей носит русское название *Волговерховский*, так же как и озера, и стал известен в более позднее время. Если финны и считали Волгу и Руну за различные реки, то связывали их все-таки как нечто святое и чтимое. Я положительно признаю Руну за Волгу, и мне кажется, что всякий, кто увидит Волговерховский ручей и побывает на берегах Руны, не задумается сказать, которая из них Волга, дорога на сказочный восток.

Я выехал из деревни в 3 часа ночи, чтобы раньше добраться до Осташкова. Утро было чудное, хотя и свежее. Ветер разогнал все тучи, и безоблачное небо сияло во всей красоте над нами. Дороги были совсем испорчены, и порою было затруднительно ехать рысью. Руна бежала рядом. За ночь она еще больше вздулась, как бы желая нагляднее доказать, что она святая Волга с незапамятных времен, а не самозванец ручеек, присвоивший себе ее громкое имя. Вскоре показалось озеро Стерж с его извилистыми берегами. Руна бросилась в объятия озер Стержа и Овселуга почти при их слиянии. Ветер вздымал большие серые волны и срывал их белые гребни, далеко относя брызги. Мы въехали на мост, разделяющий два озера. Налево к северу тянулось на 10 верст озеро Стерж с открытыми каменистыми берегами и многими прибрежными деревеньками. Направо виднелась бесконечная гладь воды озера Овселуг, которое благодаря половодью слилось с озером Стержем. Лесистые берега озера Овселуга образовали массу мысов и полуостровов. В самой своей южной части два далеко выступившие вперед полуострова отделили Овселуг от Пено, третьего озера в ряду волжских озер. Из вод озера Овселуга поднялся лесистый крутой остров с совсем уединенной Новосоловецкой пустынью. Остров этот с моста не виден и показывается только при повороте дороги у местечка Лохова гора. На той стороне на крутом берегу Овселуга, почти при слиянии двух озер, разлеглось село Ширково с удивительной по архитектуре церковью. Сама церковь высоко оригинальное строение в виде пирамиды, разделенной на три корпуса, из которых каждый крыт

зеленой крышей так странно, что издали кажется, будто вокруг белого конуса вьется зеленая змея, которая на вершине пирамиды подняла свою голову в виде золотого купола. Сколько смелости, сколько фантазии в этой красивой церкви! И рядом с этим громадным пирамидообразным церковным корпусом стоит небольшая колокольня, еле достающая своим крестом до половины высоты церкви. Я долго не мог оторвать глаз от этой странной постройки, так красиво сидящей на неприютном берегу серого волнующегося озера.

Дорога обогнула село Ширково и привела нас в еловый лес с ужасно испорченной дорогой. Ветер дул еще сильнее, и ели шуршали своими вершинами... Стало так невыносимо холодно, что я дважды отогревался в деревнях чаем. Я опять удалялся от Волги, стремясь на берега Селигера, этого громадного озера, плесы которого, как руки спрута, разбросались во все стороны, образовав бесконечное число заливов, полуостровов, мысов, островков и протоков, озера, служащего хранилищем и питомником молодой рыбы, которая, вырастая, уплывает в Волгу. Обогнув бесчисленные плесы и заливы Селигера, по которому ходили грозные валы и, разбиваясь о берега, обдавали их тысячами брызг, мы подъехали к узкому месту озера, которое переплыли на пароме, несмотря на сильное волнение, и только к полдню мне удалось добраться до Осташкова.

Осташков лежит замечательно красиво на низменном, ровном полуострове, который на 2 ½ версты вдался в озеро, так что город только своей южной стороной касается материка, с которым он соединен перешейком. Это довольно большой красивый город с каменными домами, хорошими общественными зданиями, как банк Савина, театр, украшенный двумя башнями, 4-хклассное училище и др., с богатыми церквями и прекрасным бульваром из тенистых развесистых берез, который перерезает поперек город около базарной площади. По вечерам по этому чудному бульвару прогуливаются горожане. Озеро Селигер обступило со всех сторон Осташков, и эта масса воды придает много красоты городу. Главная улица, Миллионная, пересекает весь город, проходя от перешейка до самого конца, где полуостров переходит в скалистый мыс, чуть ли даже не островок, но соединенный с городом дамбой, которая укреплена камнями и засажена деревьями, так что составляет небольшую аллейку. Из-за зелени деревьев Житный монастырь, лежащий на островке, высовывает бледно-лиловую колокольню и золотые купола церквей, открывая чудные виды во все стороны на обширное озеро, грызущее волнами его подножие. Здесь в церкви хранится образ Смоленской Божией Матери, находившийся долгое время на больших воротах крепости, стоявшей здесь раньше и сгоревшей дотла. До этой крепости здесь была тоже крепость, также погибшая от пожара.

На базарной площади высится большой красивый собор бледно-лилового цвета, украшенный белыми лепными цветами и фигурами и крытый серебряными крышами. Любопытен Знаменский монастырь с его

красной церковью и высокими стенами, доходящими до самого берега озера. Но самое любопытное место в Осташкове — это площадь за тенистым общественным садом, обнесенная оградой и имеющая трое курьезных ворот в виде зубчатых башенок старинного замка. Здесь на площади стоят: собор Св. Троицы, купол над папертью которого увенчан короной, а внутри которого масса дорогих украшений, тяжелых серебряных лампад, дорогих образов и с купола свешивается гигантская серебряная люстра. На ризе иконы Казанской Божией Матери горят две громадные брильянтовые звезды, а над царскими вратами высится хорошая копия картины Бруни «Моление о чаше». Колокольня Троицкого собора стоит отдельно и напоминает по своему внешнему виду несколько Сухареву башню Москвы. Тут же рядом стоит Вознесенская церковь с оригинальной желтой колокольней, расписанной коричневыми украшениями и немного покачнувшейся на одну сторону. Здесь же у одного старого деревянного сарая находится ветхая разрушающаяся башенка, одетая остроконечной крышей. Она печально глядит на маленький садик рядом и ждет, когда обвалится камень за камнем и она исчезнет с лица земли как последний свидетель былого в Осташкове.

Главную достопримечательность Осташкова и его прекрасного озера составляет знаменитая пустынь Нила Столбенского, находящаяся в семи верстах от города на одном из островов. Поклониться святыням этой пустыни странный люд идет со всей России. Пробраться на уединенный остров не трудно. Обыкновенно по железной дороге доезжают до Вышнего Волочка, от которого тянется шоссе на расстоянии 80 верст до Осташкова, а из города ежедневно ходит довольно хороший монастырский пароход, доставляя публику к обедне и к вечерне, взимая с пассажира за проезд 20 копеек. С самого рассвета до темноты массы богомольцев, пришедших со всех концов России, толпятся на пристани, сговариваясь с перевозчиками.

Я долго сидел на скамейке в небольшом садике, раскинувшемся на самом берегу озера у пристани, и глядел на эту пеструю любопытную толпу, на эту массу лодочек и барок, толкавшихся по вздувшимся желтоватым волнам Селигера. Гондольеры богатого Осташкова большею частью женщины, а потому говор и шум на пристани заглушал рев бурного озера. Несмотря на сильное волнение, целые вереницы лодок отчаливали ежеминутно от берега, спеша к уединенной Ниловой пустыни, которую совсем не видно из Осташкова. Ярко и пестро расписанные ялики и каюки, то черные, то серые, то малиновые, с какими-то потугами на изображение чего-то, донельзя оригинальные, то полосатые, то в яблоках различного цвета, мелькали по волнам, чуть не ныряя, так они были переполнены богомольцами. Женщины с котомками, мешочками, странники и странницы, монахи других монастырей, продавцы булок, образков, поясков, разных припасов — всё это толкалось на пристани, шумело, говорило, суетилось.

У нас на Руси, особенно в озерной ее части, масса замечательных островных монастырей, которые так к лицу угрюмой северной природе. Отшельники, желая найти полнейшее уединение от людей, уходили на озерные острова, совсем оторванные от берегов, избирая их местом молитв и иноческих подвигов. Эти пустыни, со временем превратившиеся в монастыри, сделались рассадниками отшельников, удалявшихся в свою очередь в уединенные места и создавших новые обители. Эти уединенные, тихие пустыни, совсем отрезанные от людской жизни, усиливали сосредоточенность молитвы, а угрюмая дикость северной природы закаляла иноков и давала пищу их трудолюбивой и строгой жизни. Так возникавшие монастыри мало-помалу делались центрами, оживляя пустынные местности, внося в них свет, и жизнь, и пример своим из ряду вон выходящим благочестием и трудолюбием. Наши северные озера с их угрюмыми островами превратились в приюты благочестивых иноков, и теперь повсюду: и на Белом озере, и на Соловецких островах, и на бурной Ладоге, и среди Валдайского озера, и на уединенном Овселуге, — повсюду поднимаются монастырские колокольни, освящая своими крестами эти угрюмые местности.

Среди вод озера Селигера на острове Столбене стоит один из таких монастырей, в который ежегодно странствуют тысячи и тысячи людей, чтобы поклонится мощам преподобного Нила, положившего основание этой обители. Повинуясь внутреннему влечению к иноческой жизни, Нил принял в 1505 г. монашеский сан в Крынецком монастыре св. Иоанна Богослова, лежащем на озере посреди обширных болот Псковской губернии. Желая полного уединения, Нил ушел в глухой лес на берег реки Серемхи, где прожил 13 лет, а затем в 1528 г. он перебрался на остров Столбен с его окружающим холодным и негостеприимным озером. За несколько лет до смерти он выкопал себе могилу, в которую поставил гроб. К его подвигам и трудной жизни присоединилось много бед и страданий и от окрестных жителей и от суровой природы. Однажды поселяне зажгли лес, который сгорел дотла, но, дошедши до кельи Нила, внезапно потух, и рядом с кельей уцелела одинокая сосна. Существуют сказания, что многие желавшие срубить эту сосну или даром ломали об ее ствол топоры, или были отброшены на большое расстояние от дерева. В 1555 г. 7 декабря Нил скончался на своем острове, который украсился одним из самых красивых и выдающихся монастырей всей России. Хотя монастырь и лежит среди озера, ему пришлось вынести много бедствий и от пожаров, и от разорений, особенно в темное время междуцарствия. В 1667 г. 27 мая, когда начали рыть фундамент нового каменного храма, были найдены мощи преподобного Нила, спустя 111 лет после его смерти. Поклониться этим мощам, покоящимся в драгоценной раке в соборе монастыря, 27 мая приезжает такая масса народа, что все гостиницы, комнаты и частные квартиры в Осташкове бывают переполнены. Тысячи и тысячи богомольцев участвуют в крестном ходе, который приплывает из

Осташкова в пустынь к 9 часам утра на убранных флагами и цветами баржах, пароходах, яликах, каюках и других судах. Зрелище, говорят, бывает поразительное. В монастыре у пристани среди тысяч народа, прибывших в монастырь накануне, крестный ход встречается настоятелем монастыря и братией, и в соборе служится торжественная литургия.

Мне ужасно было досадно, что я не поспел к утреннему пароходу и что пришлось ехать в пустынь на пятичасовом. Озеро к вечеру стало волноваться гораздо меньше, ветер ослабевал чуть не с каждой секундой, и пароход «Нилова пустынь» с кассиром монахом, пронзительно трижды прокричав, отошел от пристани, уже не так сильно раскачиваясь.

Житный монастырь выглянул из-за зелени с своего высокого островка и придал много красоты своей торчащей лиловой колокольней общему виду города с озера. Осташков всё более и более уходил за озеро и сливался в одну линию. Направо показался большой лесистый остров Черный, как его называют. За ним вдали вынырнула церковь Никола Рожок на погосте, тоже лежащая на одном из дальних островов. Всюду по ближним островам торчали сосны, чуть не поднимаясь из самой воды. С левой стороны виднелся скучный, холмистый, однообразный берег с редкими селами и деревнями. Пароход обогнал несколько лодок с богомольцами, которые сдвинулись в кучки, а озеро обдавало их брызгами и бросало лодки из стороны в сторону. Вдали загорелись золотые главы пустыни, и громадный остров выплыл, словно вынырнул из воды озера. Когда мы подъехали, то оказалось, что это несколько островов, которые раздвинулись, а желтый песчаный обрыв, поэтично оборвавшийся в озеро и увенчанный темными соснами и церковью, принадлежал острому береговому мысу, далеко выдвинувшемуся в озеро.

Сам Столбенский монастырь необыкновенно живописно расположился на своем острове и представляет целый конгломерат церквей, монастырских зданий, зеленых аллей, желтых стен, башенок, серебряных игл и куполов. На переднем мысу острова необыкновенно кокетливо уселась розового цвета церковь Воздвиженья Креста и еще больше оттенила темную зелень сосен, составивших красивую группу. Бело-розовые и голубовато-лиловые стены громадных монастырских зданий, белые полуколонны, серебряные крыши, купола, шпили, громадное лиловое здание собора с высокой колокольней, вытянутой в длинную серебряную иглу, превосходная каменная набережная с бульваром кудрявых лип, опоясывающих зеленым кольцом монастырь, башенки, пристани, красивая пятикупольная церковь Покрова, лежащая в высшем пункте острова и высовывающаяся из-за зелени деревьев, — всё это составляет замечательно поэтичный хаос зданий, которому обилие воды и его уединенное положение придают много задумчивой прелести.

Так как мне необходимо было до ночи добраться до Осташкова, чтобы двинуться с рассветом дальше, то я должен был уехать на экстренном пароходе из пустыни и поспешил осмотреть ее. Кассир монах

привел мне путеводителя монаха. Мы вошли в ворота главного монастырского здания. Направо и налево в больших нишах поднялись две фигуры, нарисованные во весь рост. Одна из них Нил, я его узнал сейчас же и по благообразному старческому кроткому лицу с седой бородой и по одежде схимонаха, как его всегда изображают. Он прямо выступил из своей ниши и так ласково, так кротко, но вместе с тем так внимательно глядит на каждого входящего в его обитель, что поневоле останавливаешься, чувствуя его взгляд на себе. На большом дворе помещаются гостиница и гостиный двор — громадные белые здания. Новые ворота ввели нас во второй обширный двор с фасадом собора, больницей, готическими зданиями келий, трапезной, просфоропекарней.

В соборе шла всенощная. Это громадное строение, выросшее в двадцатых годах под надзором архитектора Анжело Боттани, поражает своею лепною работой. Стены и колонны, отделанные под мрамор, поддерживают богато расписанные своды и купола. Рака с мощами преподобного Нила и небольшая икона, всего в 4 вершка, Владимирская Божия Матерь, принадлежавшая Нилу, составляют лучшие сокровища собора. Эту икону здесь называют Селигерской, как пояснил путеводитель. Мне показали схиму Нила, которой теперь более 300 лет, разные драгоценности в виде алмазной панагии, хранящейся в ризнице, дары различных царей, имеющих историческое значение, но эти драгоценности столбенской ризницы теряются перед главными достопримечательностями монастыря.

В соборе было довольно много богомольцев. Пение клира звучно разносилось под сводами храма. Высокий золотой иконостас и гигантское паникадило, висящее среди собора, играли, освещенные красноватыми лучами солнца. Из полумрака рельефно выступили две прекрасные фресковые картины. Одна — Марфа и Мария. Задумчивая Мария изображена замечательной красавицей, лицо и чудный взгляд которой надолго остаются в памяти каждого. Другая, налево от входа, изображающая воскрешение Христом дочери Иаира, служит великолепным украшением собора.

Монах повел меня вдоль озера по широким каменным террасам под тенью лип. Эти каменные террасы служат прекрасной защитой острова от вздувающихся часто селигерских волн. Вид на озеро прелестен. По ту сторону пролива среди группы сосен над желтым песчаным обрывом поэтично уселась церковь Михаила Архангела и любовалась на серебряные купола, отражающие красные переливы неба, на угловую башню, служащую маяком, и на пристань.

Мы пришли в пятиглавую церковь Иоанна Предтечи. Монах отпер ее. Здесь изображена пещера Нила Столбенского и его статуя в сидячем положении в одежде схимонаха, копию с которой я видел и в Валдайском монастыре и в миниатюре в гостином дворе здешнего монастыря для продажи. В этом самом месте были найдены мощи преподобного Нила.

Святой, сидя в полумраке своей пещеры, сложил руки для молитвы и застыл в этой молитвенной позе, равнодушный ко всему земному. Монах дал на память песку из пещеры. Красивый тенистый сад с темной задумчивой аллеей привел к розовой церкви Воздвижения Креста, очень красивой и богатой по своему убранству, но маленькой и тесной, зато залитой волнами света.

— В прошлом году, — сказал монах, — 27 мая более 35 тысяч человек было в пустыни. Такая была теснота. Говорят, что в Осташкове уже теперь все квартиры и комнаты сняты на 27 мая.

Налюбовавшись видами и переливами неба в совсем успокоившемся Селигере, я поспешил на пароход, который, огласив своим пронзительным криком весь молчаливый остров, стал быстро бить по воде своими колесами и бороздить тихую поверхность озера. Темные сосны Черного острова стали еще темней, рельефно выступая на ярко-золотом вечернем небе, а весь Столбенский монастырь, залитый светом заходящего солнца, сначала замерцал своими куполами и крестами, а потом, превратившись в узорчатый черный силуэт, стал сливаться с озером, в которое снова нырнул, как вынырнул, когда мы к нему подъезжали... Поневоле остаешься еще некоторое время в мечтательном настроении от впечатлений, которые оставляет обитель Нила Столбенского, так зорко смотрящего на каждого, кто желает проникнуть к его мощам.

3. По верхнему течению

Волжский бейшлот. Селижаров посад. Вдоль берега на лодке и на плотах. Ржев. По Волге до Старицы

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело синеют, блещут воды,
Роскошные, лаская берега...

Пушкин

Озеро Селигер образовало длинный залив, который наподобие широкой реки почти в 1 ½ версты шириной тянется к югу верст на 15, питая реку Селижаровку, вытекающую из этого залива и несущую массу воды в Волгу, в которую она впадает у Селижарова посада, пробежав 25 верст. Эту-то Селижаровку долгое время и считали за начало Волги.

Было еще темно, когда я оставил Осташков и двинулся по почтовой дороге к югу в сторону Волги вдоль Селигеровского плеса и Селижаровки. Миновав кладбище с красивой стеной, мы покатили по пустырям. Седой туман поднимался над заливом озера. Где-то уныло и томительно скучно звонил колокол.

— Что это? — спросил я ямщика.

— Это часы на церкви Котицкого погоста, — ответил он и указал рукой по направлению к озеру.

Среди тумана высилась церковь, сидящая на холме, поднявшая свою колокольню сквозь холодные, белые вуали. Звон колокола так жалобно звенел над приютом мертвых среди пустынной местности, что мне вспомнились таинственные кладбища средневековых баллад с их невозмутимой тишиной и страхами.

Верхнее течение реки обыкновенно бурно, порожисто, так как почти все большие реки спускаются с гор. Течение таких рек прерывается грандиозными водопадами, и только спустившись в равнины, большие реки делаются судоходными. Рейн, Нил, Амур и масса других рек придерживаются этого правила игры, и только Волга, пробегающая расстояние в 3 512 верст, считая от истока Руны, течет мирно и спокойно, не образует стремнин, катарактов[1] и порогов. Но вечно справедливая судьба не захотела лишить водопада такую реку, как Волга, бассейн которой в три раза превосходит Францию, которая считалась священной Ра у древних географов и которой за ее многоводность и величину Птоломей и Помпоний Мела приписывали два устья, очевидно принимая за одно из них Дон. Природа местности, по которой течет матушка Волга, не дала ей гранитных уступов для падения, но зато горькая необходимость и техника устроили искусственный водопад для регулирования вод в мелеющей летом реке и для сохранения в течение жарких месяцев массы вод в системе Волжских озер величавым гидротехническим сооружением.

Напившись воды из небольших притоков, как Жукопа, Кудь, Коча, пробежав озеро Волго, полное коряг, Волга выходит уже довольно большой рекой и омывает довольно крутые берега до села Хотошино,[2] вблизи которого находится так называемый Волжский бейшлот, очень напомнивший мне гигантское гидротехническое сооружение в Бельгии около Жилепа также для поддержания воды, необходимой для питания массы фабрик города Вервье. Так как летом при мелководье до́рог для судоходства каждый лишний вершок воды, особенно на отмелях и перекатах, то в 1841 году и была устроена эта гигантская плотина в виде моста в 30 саженей, с пятью пролетами, закрываемыми щитами особенного устройства, которые подпирают воду до 7½ аршин. При закрытом бейшлоте Волга образует выше моста громадное озеро, и вся система Волжских озер превращается в гигантское хранилище воды. Осенью вода спускается вниз, весной щиты закрывают, и за мостом собираются все воды из Руны, Жукопы, Куди, Ореховки и других речек в таком количестве, что Волга падает грандиозным бурным водопадом через всё сооружение.

---

[1] Катаракта (лат. *cataracta* от др.-греч. καταρράκτης) — водопад, брызги водопада.

[2] Д. Хотошино в Селижаровском р-не на Волге в 12 км к северо-западу от Селижарова; в XII в. город Хотшин Смоленского княжества. Церковь Воздвижения Честного Креста Господня (1878), взорвана (1936). В 1889 г. 61 двор, 424 жителя, в 2002 г. 187 человек.

Мой ямщик своротил на Хотошино и на заре привез меня к бейшлоту. Грохот Волжского водопада слышен был издалека. Свежее весеннее утро золотилось, обещая чудный день. Березы, смоченные росой, дремали на берегах. Было так холодно, что я не знал, чем закрыться, и ежился под своим пледом, взывая к солнцу, застрявшему на востоке. Я подошел к самому берегу. Один из пяти пролетов был открыт, очевидно с целью дать уйти чересчур высокой весенней воде. За мостом в утреннем тумане тонуло широкое пространство воды и затопленные разливом берега. Волга с злым ревом и дикой злобой устремилась в открытый пролет и, обрываясь громадным водопадом, образовала ряд пенистых волн, налетающих друг на друга, бешено бьющихся о стены сооружения и несущихся вниз между высокими сонными берегами, покрытыми массой совсем мокрых спящих одуванчиков. Что-то таинственное было в этой картине. Казалось, что там за туманами скрываются горы, с которых летит Волга. Но как пустынно вокруг, только домик заведующего бейшлотом глядел из-за молодой зелени берез... Я уверен, что я был в этом месте на берегу Волги в качестве очень редкого гостя, а по-моему, посещение бейшлота для всякого приезжающего в Осташков равно по интересу и красоте посещению Столбенского монастыря, тем более что дорога от города порядочная и что падение Волги, хотя и искусственное, производит сильное впечатление, особенно весной, когда вздувшиеся воды летят с молодой силой, бешеные, бурные, ревущие, и низвергаются, образуя кипящую пучину.

Существуют проекты, которые вероятно и будут скоро исполнены, урегулировать воды Селигера и Селижаровки также посредством бейшлотов.

По реке Селижаровке и по Рудинскому плесу озера Селигер от города Осташкова до Селижарова посада ходят пароходики, что делает сообщение крайне дешевым и приятным. От Селижаровского посада до бейшлота по берегу Волги около 13 верст, а по прямой дороге много меньше. Я уверен, что всякий, кто поедет через Вышний Волочек в Осташков по прекрасному шоссе (80 верст) и посетит монастырь и Волжский водопад, а затем проедет в очаровательно лежащий город Ржев, не пожалеет потраченное на эту прогулку время.

Селижаров посад, лежащий при слиянии Селижаровки и Волги, вырос вокруг монастыря, основанного более 400 лет тому назад. Это целый город с красивым Селижаровым монастырем, окруженным высокими желтыми стенами с красиво сидящими высокими белыми башнями по углам. Здесь есть и гостиницы, в которых можно остановиться, а остановиться стоит, чтобы посетить Селижаров монастырь и бейшлот.

Напившись водами Селижаровки, Волга вьется змеей между красивыми холмистыми берегами, покрытыми изумрудной зеленью полей. То там, то сям лежат деревеньки, села с поэтически расположенными над рекою церквями, белые и желтые колоколенки которых так резко

выступают на фоне весенней зелени. Оба берега возвышенны, холмы то подбегают к самой реке, мягко спускаясь бархатом нив к самой воде или обрываясь желтым песочным крутиком, о который бьются волны реки при повороте. Волга делает петли, змеится, заворачивается, обегает холмы, весело плещется, серебрясь миллионами брызг по прибрежным камням, глотает воды падающих в ее объятия звонких ручьев и небольших речек, весело бегущих к ней между полей и в тени рощ. Волга течет в глубокой долине, которая с каждой саженью опускается среди крутых и живописных берегов, одетых то рощицей, то селом. Берега в некоторых местах почти отвесно обрываются в Волгу, так что она течет между морщинистыми стенами известняка. Деревня Вышгород[1] живописно и красиво уселась над обрывами к Волге. Глубокие овраги изрезали местами береговые стены, то одетые еловыми рощами, то смеющимися перелесками берез. Местами Волга бурлит, переливаясь через каменные гряды и образуя ряд порогов, опасных для плотов и лодок по узости фарватера, и с честью поддерживает название верхнего течения. Столько красивых, поэтичных уголков на берегах верхнего течения Волги, чему способствуют оба возвышенные берега, то сдавливающие реку, то отбегающие от нее. Порог Рог возле села Рог[2] обозначается волнистым течением реки в очень живописной местности. Правда, что эта живописность реки, эти села и церковки, эти извилины и крутики несколько однообразны и в панораме волжского берега скоро приедаются, но зато есть уголки, ради которых можно вытерпеть многие неудобства путешествия. Дело в том, что почтовый тракт идет далеко не всюду по берегу Волги, и мне пришлось ехать от села до села по берегу на вольных, пока я не добрался до села Ельцы, где один местный благодетель крестьянин взялся меня доставить в своей лодке до села Кривцова,[3] куда сам направлялся. Эта поездка в лодке по Волге доставила мне массу удовольствия. Панорама берегов скользила мимо, освещенная подходящим полуденным солнцем. Овраги чернели таинственной тенью, а крутые обрывы горели и блистали над водой,

— Вот Бенский порог,[4] — объяснил мне лодочник, — сейчас потащит, тут волна большая.

---

[1] Д. Вышегород Селижаровского р-на в 15 км к юго-востоку от Селижарова на левом береге Волги. В 1889 г. 43 двора, 242 жителя, в 2002 г. 3 человека.

[2] Д. Рог Селижаровского р-на; в 2008 г. 5 жителей. Порог Рог, 35 в. ниже Верхневолжского бейшлота, чрезвычайно узкий и извилистый фарватер между правым берегом и островом посредине русла, окружен подводными камнями.

[3] С. Ельцы Селижаровского р-на в 36 км к юго-востоку от Селижарова на левом берегу Волги. Впервые упоминается в 1494 г. В 1883 г. 190 дворов, 905 жителей, в 2010 г. 224 человека. Д. Кривцово с/п Итомля Ржевского р-на.

[4] Бенские пороги в Селижаровском р-не около с. Ельцы между дд. Ленино (левый берег) и Сеитово (правый берег). Всего от Верхневолжского бейшлота до Ржева более 30 порогов, но Бенские пороги самые большие: на протяжении 700 м перепад воды 4 м.

И действительно, лодка, искусно управляемая крестьянином, немножко накренилась на сторону и вдруг словно ласточка полетела вперед, минуя громко шумящую по камням стремнину. Нас сразу подняло большим валом и повлекло вперед. Дыханье замерло, и когда я опомнился, мы были уже далеко внизу порога, шумящего по каменной гряде среди замечательно красивой местности и оставившего небольшое пространство между подводных валунов для прохода судов. Этот порог считается очень опасным, и надо хорошо управлять лодкой, чтобы не налететь на камни. Этого порога боятся плотовщики, так как плоты легко разбиваются этой стремниной. Солнце стало жечь немилосердно, вода серебрилась и сверкала тысячами брызг, а берега проплывали мимо, то поднимаясь, то опускаясь.

Островов в этой части Волги очень немного, только против села Рог торчит из середины реки небольшой скалистый островок, окруженный каменными зубьями, да у Тихвинского посада[1] высунулся небольшой плоский остров, заросший деревьями.

Очень красиво устье бурной речки Итомли, выбегающей из лесистого оврага, высоко над которым лежит село Никольское с белой церковью.

Наконец мы добрались до Кривцова, против которого на высоком берегу замечательно поэтично уселась хорошенькая церковь Георгиевского погоста, глядя на небольшой порог, плещущий внизу. Здесь пришлось расстаться с лодкой. Как я ни уговаривал моего возницу везти меня дальше, он отказался, но достал мне телегу, которая должна была везти меня до Зернова. Мой возница, несмотря на все мои протесты, отъехал от Волги и провез меня довольно большое расстояние вдали от берега и только у Зернова снова подъехал к реке. Здесь я не мог достать ни лодки, ни телеги и, подговорив мальчишку, который обязался тащить мой плед и мешок, пустился в дальнейший путь пешком. Прошедши несколько верст, изнемогая от жары, перескакивая через овраги и ручьи, тщетно ожидая найти где-нибудь в селении лодку или телегу, мы добрели до речки Коши и стали в тупик, не зная, как перебраться через ее вздувшиеся весной воды. Положим, речка была очень неглубокая, и мальчишка предлагал переправиться через нее вброд.

— Немного выше, чем по колено, будет, — сказал он, смело вступая в воду.

[1] Далее маршрут восстанавливается гипотетически. Тихвинский посад — видимо, д. Тихменево с/п Итомля. С. Никольское — видимо, Никольский погост (Никола-Сишка, церковь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость) при впадении р. Сишки в Волгу рядом с д. Кокошкино, 18 км к северо-западу от Ржева. Погост Георгиевский (церковь Святого Великомученика Георгия, 1855), от Ржева 36 в. Р. Кокша — Коша, приток Волги. Длина 36 км, площадь бассейна 186 км².

Я не знал, что делать, хотя ясно видел, что это единственное средство продолжать путь. На мое великое счастье по Волге спускались плоты.

— Братцы, вы куда? — крикнул я им.

— Вниз, — был ответ.

— Далеко ль до Ржева? — спросил я.

— Верст до 30.

— Меньше.

— Больше.

Мужички заспорили, я стал проситься на плоты, чувствуя, что мне не добрести до Ржева, да и мой мальчишка давно пыхтел и обливался потом, еле волоча мой багаж. Мы скоро договорились, и мужички взяли меня с собой на плоты. Солнце припекало немилосердно, плоты, слегка покачиваясь, довольно быстро неслись по течению. Эта поездка на плотах под солнечными лучами совсем на уровне воды доставила мне много удовольствия. Берега круты, излучины Волги омывают дикие мысы, повсюду селения, дачи, церкви, повсюду зеленые рощи, овраги, зеленеющие поля. Особенно красиво имение Есиповой с белой церковью над Крутиком и Леваково.[1] Эти места на Волге так живописны, так красивы, берега обрываются так круто в реку, выставляя морщины известняков то в виде громадных лестниц, то в виде хаотических развалин, что я с наслаждением вспоминаю свое путешествие на плоту в продолжение нескольких часов. Волга вьется и описывает такие петли, что Ржев совсем неожиданно появился предо мной, выступив из-за высокого мыса.

Город расположен удивительно красиво на высоких берегах Волги, которые образуют откосы в 15 саженей вышиной. Цветущие вишневые сады, колокольни, великолепный мост, перекинутый через Волгу — всё производит чарующее впечатление, и сама река, описывая громадный полукруг, делит город пополам. Я залюбовался чудным видом Ржева.

— Осторожней барин, сейчас будет порог, — сказал мне крестьянин, — этот тоже плохой, не уступит ни Бенскому, ни Рогу.

Только что он сказал это, как вдруг забурлила вода и наш плот страшно быстро понесло в стремнину по спине громадной волны...

Вскоре я уже сидел в чистом номере гостиницы Некрасова,[2] которую смело всем рекомендую. Чисто, дешево, хорошо, а кормят совсем прекрасно. Мои окна выходили на Волгу и на прелестный небольшой общественный сад, переполненный цветущими акациями и сиренями. В этом саду я сидел часами и глядел, глядел до бесконечности на красавицу

[1] Генерал-майор Петр Петрович Есипов († 1876) в середине XIX в. владел сц. Знаменским. Сохранились фрагмент главного дома, хозяйственные постройки, заросший парк.

[2] Гостиница Некрасова находилась на месте здания Государственного банка (нач. XX в., Пушкинская наб., 17).

Волгу, на заречную часть города и на прекрасный мост. Ни один город на Волге, за исключением Нижнего, не лежит так удивительно красиво, как Ржев, совершенно пленивший меня своим положением, своей Волгой, которая здесь хотя и не так широка, но чарующе хороша в своем повороте. Весь левый берег — крутой зеленый откос, на вершине которого лежит Федоровская часть города с прелестным общественным садом, с его метелками сирени и кокетливой церковью Николы, с ярко-красной, увенчанной двумя четырехугольными башнями думой и с величавым зданием белого собора,[1] золотые купола и острый золотой шпиль колокольни которого, парящий в небесах, блестят в лучах весеннего солнца и придают бесконечную прелесть всему берегу. А сам откос к Волге изрезан вдоль и поперек дорогами, спусками, лесенками, которые то сходятся, то разбегаются во все стороны и ползут к самой воде. Из садика, особенно из его аллеи, которая тянется по самому хребту у края откоса от гостиницы Некрасова до кокетливой красной думы, открываются такие виды, что не хочется уходить. Весь противоположный берег, гораздо более низкий и подымающийся холмами от Волги, представляет пестрый хаос зданий и садиков, расположенных на этом полуострове, который образует Волга в виде дуги, пробегая мимо. Желтая красивая церковь Рождества[2] высоко подняла свою колокольню над садиками и пестрыми домами, большой гостиный двор, дома, спускающиеся к реке, — всё это необыкновенно живописно издали, зато вблизи всякое очарование теряется. Красота Ржева — его великолепный мост, напомнивший мне мост через Рейн в Кельне. Та же американская система, так что издали мост кажется сплетенным из чугунных полос и представляет как бы коридор, легкий и прозрачный, перекинутый через Волгу и опирающийся на громадный гранитный устой, поставленный в середине реки. Этот устой режет своим острым краем мимо бегущие струи, а во время ледохода волжские льдины; а с боков у берега вытянулись в реку против течения большие ледорезы в виде клинообразных каменных щитов. Теперь во время высокой воды горы опустили свои подошвы в Волгу, и пробегающие струи купают прибрежные кусты. Молодая яблоня высунула свои ветви из воды и покрыла их розоватыми улыбающимися цветами, приветствуя весеннее солнце. На той стороне у моста группа тополей раскинула свой шатер. Из-под этих тополей вид на Федоровскую сторону с колокольней собора, думой, кудрями сада, желтеющими и низбегающими дорогами, ярко-белой часовенкой, как бы съехавшей на половину откоса на маленькую террасу, просто восхитителен.

Есть в Ржеве большая диковинка — астрономические часы работы механика-самоучки Волкова,[3] над которыми он трудился в течение 11 лет и

[1] Никольская церковь, 1692 и Успенский собор, 1754 (*Добровольский И*. Тверской епархиальный статистический сборник. Тверь, 1901. С. 463, 459). Не сохранились.

[2] Церковь Рождества Богородицы, 1854 (Там же. С. 462). Не сохранилась.

[3] Имеется в виду Т. И. Волосков. См. о нем: *Тверь 1*, с. 188.

на которых изобразил целую картину неба. Часы эти находятся в городской думе, так кокетливо выглядывающей из-за зелени общественного садика.

Еще в XII в. люди оценили этот поэтический уголок и устроили город, принадлежавший Смоленскому княжеству, но вскоре он стал сам самостоятельным удельным городом, и первым князем Ржева был Владимир Всеволодович. В 1301 г. князь Свидригайло Литовский завладел Ржевом, и только в 1368 г. горожане изгнали недругов с берегов Волги. К стенам Ржева подходил Радзивилл с войсками Батория и любовался его положением, а в 1708 г. город был приписан к Ингерманландии.[1] Насколько город красиво лежит с Волги, настолько же он грязен и нехорош внутри. Его площади после дождя непроходимы, его большею частью не мощеные улицы ужасны, и рискуешь утонуть в грязи. Ржев прославлен своей чудной пастилой, которой я и поспешил запастись и которая действительно поддержала самым блестящим образом реноме города.

Здесь, в городе, стоит полк драгун, который, возвращаясь со смотра, продефилировал с музыкой мимо меня, спускаясь пестрой змеей по одной из дорог откоса к мосту.

Вечером, и особенно когда взошла луна и облила своим задумчивым светом город, а на сиренях затрещали соловьи, Ржев показался мне еще красивее. Очень немногие из его 36 тысяч жителей наслаждались прелестью весенней ночи. Многочисленные церкви блестели своими крестами, черными силуэтами поднимаясь над хаосом заборов и домиков. Особенно красива была в эту лунную ночь небольшая Владимирская церковка с шахматными стенами из малиновых и белых квадратиков, в которую летом на месяц (с 1 июня по 1 июля) приносят чтимый образ Оковецкой Божией Матери.[2] Белая ограда выделялась особенно рельефно, лежа

---

[1] Впервые Ржев упоминается в 1216 г. В 1160—1170-е гг. это Торопецкий удел Смоленского княжества, которым владел Мстислав Ростиславич Храбрый († 1180). Его сын Владимир (упоминается в летописях с 1208 по 1225), был, видимо, первым князем Ржева. См.: *Янин В. Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998. С. 49—51. Свидригайло Олгердович (ок. 1370—1452), великий князь литовский (с 1430). Ржев в XIV—XV вв. неоднократно захватывали литовские, московские и тверские князья. См.*: Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984. С. 35, 146—150, 196. Во время Ливонской войны (1558—1583) Ржев был одним из мест дислокации русских войск. Николай Радзивилл Рыжий (1512—1584), великий гетман, великий канцлер литовский. Стефан Баторий (1533—1586) — король польский и великий князь литовский (с 1575, 1576). Ингерманландскую губернию создал Петр I, разделена на губернии Эстляндскую, Петербургскую, Новгородскую, Тверскую, Псковскую, Олонецкую и Ярославскую.

[2] Деревянная церковь Владимирской иконы Божьей Матери при богадельне, 1758, упразднена 1834, возобновлена 1860 (*Добровольский И.* Тверской епархиальный статистический сборник. С. 464). Не сохранилась. Об иконе Оковецкой Божьей Матери см. путешествие Тюменева. См. также: *Токмаков И. Ф.* Историческое и археологическое описание церкви села Оковец Осташковского уезда Тверской губернии. Тверь, 1912. С. 34—86.

блестящим ожерельем вокруг темного садика церкви. И долго, долго я сидел на скамье под сиренью и глядел на игравшие струи Волги и слушал соловьев...

Ржев находится на Новоторжско-Вяземской железной дороге, и вокзал его находится, по общему печальному правилу русских городов, на далекой окраине города, куда прекрасные извозчики везут вас за 30 копеек. Железнодорожный мост в сторону к Вязьме перекинут через Волгу несколько выше города. Железнодорожный путь — лучшее сообщение с Ржевом, так как пароходики, развозившие публику от Ржева в Зубцов и Старицу и доходившие до Твери, прекратили свои рейсы и вследствие мелководья этой части Волги, и вследствие железнодорожной линии, убившей их. Да и берега Волги от Ржева до Твери представляют так мало интереса, а путешествие по Волге настолько затруднительно, что могу посоветовать каждому посещающему Ржев сделать только две прекрасные прогулки в лодке. Одну вверх по течению до Зернова по извилистой красивой реке, берега которой и круты, и красивы, и украшены многими помещичьими зданиями и церквями нередко очень затейливой архитектуры (в Ржев можно вернуться и на почтовых через станцию Бахматово[1]), другую вниз по Волге до города Старицы.

Берега Волги вскоре за Ржевом понижаются, и у города Зубцова один берег делается совсем плоским. Сам Зубцов — тип провинциального скучного городка с его грязью и пылью и непроходимой скукой. Несколько церквей оживляют вид города, особенно одна, кокетливо поднявшая свою колокольню и усевшаяся на холме на самом углу при слиянии Волги и Вазузы, которая, вливая свои воды в Волгу, заставляет отклониться свою старшую сестру под прямым углом.

Легенда говорит, что Волга и Вазуза после долгого и горячего спора, кто из них старшая сестра, решили лечь спать и признать преимущество за той, которая из них раньше встанет и добежит до моря. Волга, проснувшись, увидела, что Вазуза уже убежала. Тогда она вздула свои волны и помчалась с ревом и шумом, и у нынешнего Зубцова догнала Вазузу. Отсюда они побежали вместе.

От самого Зубцова до Старицы Волга мало интересна, хотя местами берега поэтичны. Так красив старый помещичий дом с полукруглой колоннадой и двумя статуями у подъезда. Веет такой стариной от этой забытой усадьбы, от этого заглохшего сада с полуизломанной чугунной скамьей под старым дубом вблизи берега. Красивы развалины какого-то дома. Черные дыры слепо глядят на Волгу и изгрызенные временем и непогодой стены неприветно поднимаются над холмом. Говорят, это был помещичий дом, сожженный крестьянами. Когда-то это были роскошные палаты, где шумела жизнь, а теперь от них остались печальные обломки

[1] Д. Бахмутово в Ржевском р-не, 345 жителей (1991), 25 км к северо-западу от Ржева, на шоссе Ржев — Осташков, с/п Победа.

разрушающихся стен... Вереницы плотов плыли книзу. Кое-где по берегу шагали, тяжело переступая по береговому песку, лошади и тянули бечеву.

Вот, наконец, и Старица, уездный город, довольно живописно раскинувшийся по обе стороны Волги. На высоком берегу вдоль набережной тянется бульвар. Масса пестрых церквей подняла свои колокольни и придала характерный вид любимому городу Иоанна Грозного, городу, имевшему своих князей. Здесь остались груды стен и руины башен прежнего кремля,[1] процветавшего в былые славные времена города. Еще в 1395 г. весь город сгорел от удара молнии,[2] отстроенный снова, он был неоднократно разоряем во время междоусобиц. Литовцы помогли уничтожению многих старых памятников, а Тушинский вор довершил разорение.[3] Теперь как жалкий остаток старины и былой славы торчат остатки стен прежней крепости. На бульваре по случаю воскресенья было гулянье. Обилие гусарских мундиров сейчас же бросилось мне в глаза. Оказалось, что здесь стоит полк гусар.

Далее Волга представляет очень мало интересного, и эти 8 десятков верст с лишним гораздо удобнее и интереснее проехать по железной дороге, тем более что город Старица считается лежащим на железнодорожном пути, хотя его вокзал лежит за 10 верст, и приходится ехать по ужасной дороге, от которой переворачиваются все внутренности и сотрясаются мозги. Это уже наше печальное российское правило, что на вокзал приходится ехать чуть не на тот свет. Особенно это удовольствие приятно, когда дождь льет как из ведра и приходится вести много багажу. Большое удобство для публики. На мое счастье к дождю присоединилась такая распутица, что я еле живой и промокший до костей добрался до вокзала.

4. На Тверце

Вышний Волочек. Торжок. Тверь. Собор и Отроческий монастырь в Твери

Для них след колес, в грязи напечатленный,
Есть некий памятник почетный и священный...

Пушкин

Мой первый губитель — опаснейший — время,
Он тут, а за смертью далёко ходить...

Андрей Сабо

[1] Старицкий кремль к концу XIX в. не сохранился. Остатки крепости — видимо, кузницы XVIII в. у подножия крепостного вала: *Салимов А. М.*, *Салимова М. А.* Старицкий Успенский монастырь. М., 2008. С. 36.

[2] ПСРЛ. Т. XV. СПб. 1863. Стб. 456.

[3] Лжедмитрий II († 1610) при поддержке польской шляхты в 1607 г. вторгся в Россию, его лагерь под Москвой был в селе Тушине. Старица была захвачена и сожжена поляками (1609): *Крылов И. П.* Старица и ее достопримечательности. Старица, 1914. С. 10.

При впадении Тверцы Волга сразу делается многоводнее, так как этой рекой она соединяется через знаменитую Вышневолоцкую систему с такой сложной сетью озер, с таким громадным бассейном вод, что нельзя не удивляться гидротехническим сооружениям. Вышневолоцкая система, прославленная на весь мир, соединяет Волгу через Мсту с озером Ильменем и Балтийским морем. Великий Петр, побывавший в Голландии, велел приступить к прорытию канала между Тверцой и Цной. Этот вырытый Тверецкий канал всего в 4-х верстах от истока Тверцы сделал то, что Тверца утратила свою родину и побежала из Цны. Беспримерный факт, что одна река выпускает другую. Город Вышний Волочек, лежащий как раз на месте старого волока между Тверцой и Цной, а теперь на берегах великолепных гранитом и бульварами опоясанных каналов, заслуживает посещения всякого любознательного туриста, тем более что он может служить первым пунктом остановки на пути к Осташкову. Цнинский и Тверецкий каналы, прямые как стрела, с великолепными гранитными набережными и березовыми аллеями перерезают город, пробегая под красивыми мостами и перехваченные шлюзами. Оба канала соединены с громадным искусственно устроенным водохранилищем в 60 верст, из которого выпускают воды в каналы, а также в Тверцу и быструю Мсту с ее опасными Боровицкими порогами для поднятия уровня. Посредством шлюзов достигается то, что массы вод, собранные искусственным путем, человек заставляет бежать или в сторону Волги, или в Мсту на север. Вся местность Валдайского плато покрыта озерами и речками, и все эти озера, большие и маленькие, соединили между собой, перекопали реки, заставив их изменить свое русло и нести воды то в ту, то в другую сторону, чтобы обогатить водные системы. Река Шлина понесла свои воды из озера Шлино и из озера Велье, с которым ее соединили водопроводом в Вышневолоцкий резервуар. Валдайское озеро стало посылать по Валдайке свои воды в озеро Пирос, а из него в Мсту. Густая сеть каналов опутала всю местность и образовала всю эту сложную систему, в которую вошли все озера, все речки, все ручьи громадного участка от Ильменя и Селигера до озер Пудора и Ящино. Город Вышний Волочек со старым дворцом, многочисленными церквями, хорошим гостиным двором красиво разлегся у каналов, прободавших водораздел по приказанию великого государя, положившему основание городу. Каналы производят самое отрадное впечатление. Громадные железные ворота шлюзов торчат как черные щиты из тихих вод, а опоясывающие набережные бульвары напоминают Амстердам. Вокруг города поднимают свои высокие трубы ткацкие и бумагопрядильные фабрики.

Весной, летом и осенью город бывает чрезвычайно оживлен и представляет любопытную и пеструю картину прохода длинного каравана судов по каналам. Тогда растворяются железные шлюзы, и баржи,

разукрашенные флагами, руководимые опытными лоцманами, скользят по поднявшейся волне в реку, направляясь из Тверцы в Мсту и в Ладогу.

В былые времена миллионы пудов товаров проходили сквозь эти гранитные стены и проезжали железные ворота шлюзов, тогда по набережным были раскинуты прекрасные цветники, и город жил нервно и кипуче. Новая Мариинская система и железная дорога, пробежавшая через город, если не убили эту систему, по которой двигались месяцами караваны, то нанесли сильный удар. И если судоходство здесь сильно пало, если в торговом отношении золотые дни Волочка остались в прошедшем, для туриста он представляет бесконечный интерес как удивительный памятник великого государя и как одно из самых замечательных водных сооружений не только нашего отечества, но и всего мира. Скучно и томительно было мне учить к урокам географии все эти системы, но когда я прогуливался в Вышнем Волочке по берегу канала, я искренно каялся, что так холодно и даже с недоброжелательством относился к Вышнему Волочку и его поразительной водной сети и благоустройству.

За границей мне пришлось провести много лет, и там все подобные сооружения во сто, в тысячу раз менее замечательные посещаются всеми туристами, о них говорят путеводители, а наша Вышневолоцкая система, лежащая на железнодорожном пути из Петербурга в Москву, вряд ли притягивает кого-нибудь, и, наверное, большинство относится к ней так же несправедливо, как я относился, сидя на школьной скамье.

Тверца служит главным образом путем для барж, направляющихся к Вышнему Волочку и которые движутся конною тягою, так что по берегам ее устроены во многих местах бечевники в виде укреплений, дорог, дамб и барьеров для более удобного прохода лошадей.

Поезд железной дороги, направляясь от Старицы и Ржева, перерезает Тверцу у самого города Торжка, одного из стариннейших городов бассейна Волги, живописно лежащего на высоких берегах Тверцы.

Это одно из древнейших поселений новгородцев, как Ржев и Старица, где производились торги вольного богатого Новгорода с Суздальской и Тверской землями. Много выстрадав от пожаров, голодов, разорений, на которые особенно были щедры московские коварные князья, терпевший и от суздальцев, и от литовцев, сожженный дотла князем Святославом в 1167 г., страдавший от междоусобий, почти совсем срытый Батыем в 1245 г. и Узбеком в 1333 г., многократно разрушенный коварным и жестоким Иваном Калитой, присоединенный к Москве при Иване Третьем,[1] он был разрушен в последний раз в 1609 г. поляками. После этих

[1] Князь смоленский Святослав Ростиславич († 1170), княжил в Новгороде (1157—1160, 1161—1168). Сжег Торжок во время конфликта с новгородцам: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.; Л. 1950. С. 32. Хан Батый разорил Торжок в 1238 г. (НПЛ. С. 76). Сведений о разорении Торжка ханом Золотой Орды (с 1313) Узбеком (ок. 1383—1341) нет. Иван Калита захватывал Торжок в 1332 и 1333 гг.,

бесконечных пожаров и разорений ни единая башня не уцелела из седой старины. На месте старых крепостных стен теперь разведены бульвары, красивый мост перевязал Тверцу, соединив Борисоглебскую и Затверецкую стороны, украшенные массою церквей. Положение города очень живописно, и разноцветные его колокольни церквей, разбросанных в живописном беспорядке по берегам Тверцы, придают ему много красоты. Особенно красив массивный бурый собор с большим зеленым плоским куполом и четырьмя маленькими по углам. Он лежит на высокой террасе над рекой и блещет богатыми украшениями и иконами. Рядом с ним поднялась высокая стройная колокольня, словно минарет, стреляющая в небо, еще дальше сиреневая, из-за которой выглядывает желтая, резко выделяющаяся на синем фоне весеннего неба. В гостином дворе Торжка повсюду продаются знаменитые articles de Torjock, кожаные изделия, шитые золотом. Это золотое шитье по разноцветной коже, по бархату, приноровленное особенно для туфель, башмаков и сапог, представляет прелестное местное изделие, заслуживающее полного внимания.

В Торжке замечателен Борисоглебский монастырь, в котором хранятся посох и митра преподобного Ефрема. Легенда рассказывает, что Ефрем и его два брата Моисей и Георгий были конюхами у Бориса и Глеба страстотерпцев. Старший сын Владимира, сделавшись великим князем, злодейски умертвил обоих младших братьев Бориса и Глеба. Незадолго до смерти Борис возложил на своего любимого слугу (родом из венгров) Георгия золотое ожерелье, и когда Георгия убили вместе с Борисом, то злодеи, долго не будучи в силах снять золотого украшения с шеи, отсекли ему голову. Тело Георгия потому нельзя было найти, но голову его нашел Ефрем и, основавши в 1039 г. монастырь, унес ее с собой. Эта голова и поныне хранится как большая святыня, положенная в драгоценную раку вместе с мощами Ефрема (1053).[1]

но сведений о разрушении им города нет (НПЛ. С. 99). Торжок присоединен к Московскому государству в 1478 г.

[1] Шапка и посох архимандрита найдены при разборке древнего Борисоглебского собора в 1784 г. (*Илиодор, иеромонах.* Историческо-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1861. С. 64—67). Но едва ли они принадлежали прп. Ефрему, так как собор был построен в конце XII в. В житии Ефрема братья названы *бояры*, а Ефрем *конюший* (смотрел за конями княжеской дружины; БАН. 17.5.3. 4^0. Л. 367 об.). В летописях и текстах борисоглебского цикла Георгий назван *отрок* (младший член дружины, ближний слуга князя; *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. VI: Специальные курсы. М., 1989. С. 111, 146). Князь Святополк Окаянный, великий князь киевский (1015—1016, 1018—1019), ростовский князь Борис (с 1010) и муромский князь Глеб — сыновья великого киевского князя (980—1015) Владимира Святославича. 1038 г. как дату основания Борисоглебского монастыря назвал архимандрит Амвросий (История российской иерархии. Ч. III. СПб., 1811. С. 417). Год смерти св. Ефрема в его житии привязан к ошибочной дате пожара Софийского собора в Новгороде: 1045 вместо 1053 г. (БАН. 17.5.3. 4°. Л. 361—361 об.; НПЛ. С. 181; *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 123—124).

По выезде из Торжка поезд доставил меня на станцию Осташков, от которой и начинается Новоторжско-Вяземская железная дорога. Отсюда поезд Николаевской дороги, перелетев мосты через Тверцу и Волгу, доставил меня в Тверь, этот один из старейших русских городов, справедливо соперничавший с Москвой в продолжение долгого времени, город Михаила Тверского, город, в котором когда-то тоже гудел вечевой колокол, город, который славился и своим могуществом, красотой и торговлей, город, перенесший столько пожаров, разорений и бедствий, что надо удивляться, как он уцелел и как на месте его не осталось брошенное и сожженное городище, каких так много на Волге, город, про который сложилась поговорка «Тверь-городок — Москвы уголок», теперь тихий провинциальный город с слишком 50-ю тысячами жителей.

Я бродил по Твери, довольно скучному, хотя чистому городу с его широкими улицами и пустынными площадями, с большею частью желтыми домами и многочисленными старыми церквями, и уносился в то время, когда здесь, в этом тихом городе с его провинциальным застоем, клокотала бурная жизнь, когда улицы его оглашались криками волнений, когда здесь было сосредоточие кипучей деятельности и больших политических событий. Нынешняя Тверь с ее прославленными мятными пряниками и немногими памятниками былого сама памятник на могиле прекрасного княжества, загрызенного и стертого с лица земли происками и злодействами коварной Москвы, которая, следуя поговорке иезуитов, что цель оправдывает средства, пускала в ход самые лютые злодейства, несправедливости, обманы и лжесвидетельства, чтобы раздавить все вольные города и все благородные княжества с их гораздо более гуманным управлением, как Тверское. Ужас берет, когда вспомнишь борьбу Москвы с Тверью, полную возмутительных злодейств, потоков крови и чудовищных обманов. А внешние враги, то литовцы, то татары, нередко приводимые московскими же князьями, грабили город, избивали население и красили кровью воды Волги. Но ни голод, ни моры, ни пожары, ни литовцы, ни татары не наносили таких ударов богатой Твери, как московские князья. Иван Калита упивался кровью тверичей, а Иван Грозный только по пути, направляясь к Новгороду, перебил 90 тысяч горожан. Все четыре Ивана были зверьми и перебили столько народу в Твери, что все моры, войны и голодовки вместе взятые унесли меньше жертв. Пала Тверь, пала богатейшая волжская торговля мехами, преимущественно бобровыми (бобры долгое время водились в этой части Волги), и хлебом, рухнули зубчатые кремлевские башни и стены, сгорели древние церкви, покрытые живописью и позолотой самих тверичей, исчезла жизнь, и Тверь стоит как надгробный памятник в ожидании, что таинственное будущее вызовет ее, чтобы играть новую роль, зарю которого уже властно зарумянил Петр, убивший Москву и отдававший первенство Петербургу.

Первое неудобство, которое поразило меня, хотя я его должен был ожидать, это страшная отдаленность вокзала от города. Тихая Тверь с ее хорошими улицами, из которых некоторые обращены в бульвары, перерезается (параллельно набережной) главной улицей города Миллионной. Хорошие, хоть невысокие каменные дома уныло глядят на широкую и пустынную улицу, даже многочисленные магазины мало оживляют ее. Большая почтовая площадь с зданием почты навела на меня тоску, и я поспешил по Миллионной в сторону собора, поднявшего в конце улицы свою колокольню. Большая Владимирская ярко-желтая церковь высоко подняла свою толстую колокольню близ курьезной 8-мигранной площади, перерезанной под прямым углом двумя улицами: Миллионной и Трехсвятской. Эта 8-мигранная, или Восьмиугольная, площадь ограничена четырьмя громадными, характерно сложенными под углами, совершенно одинаковыми розоватыми зданиями окружного суда, губернского правления и казарм. Эта площадь еще более уныла и пустынна, чем почтовая, а небольшая церковка Ильи Пророка, убранная серебряными карнизами и пирамидообразной зеленой крышей над зеленой же колокольней, с пятью толстыми синими луковками над четырехугольным своим корпусом, придает еще более вид заброшенности и скуки, одинокая береза прижалась к самой стене ветхой церкви, прикрывая своей молодой зеленью ее морщины и трещины. В сторону собора улица делается несколько оживленней. Две фрески Феодосия и Антония Печерских, глядящих с стен Воскресенской церкви, с портиком из белых колонн, хорошее здание думы с большой залой, превосходный дом Дворянского собрания с великолепной концертной залой, зелень двух общественных садов, спускающихся к Волге, много хороших частных домов с балконами и хорошими магазинами придают очень нарядный вид Миллионной, а громадное величавое здание мужской гимназии с интересным археологическим музеем против собора и, наконец, красивое здание дворца с двумя изящными купольчатыми павильонами делают улицу совсем парадной.

От блеска и славы прежней Твери уцелело немного, но что было пощажено огнем и врагами, что сохранилось, скрытое в земле и по подвалам, собрано теперь в замечательно интересном музее, находящемся в здании мужской гимназии и постоянно доступном для публики. Честь устройства этого музея принадлежит А. Жизневскому, который неутомимо работает в продолжение долгих лет над пополнением коллекций. Мы на Руси так бедны музеями, так индифферентно относимся к предметам старины, что нельзя не порадоваться, видя такое прекрасное, такое полное собрание исторических предметов. Здесь, в музее, собирается всё, что удается спасти от разрушения, ломки и возмутительного вандализма, всё, что относится к истории и прошлому Твери. Здесь и монеты, и церковные предметы, и каменные неуклюжие гробы с толстыми крышками, и бесчисленные каменные же кресты, и всевозможные предметы домашнего

обихода старого времени, и потускневшие иконы старинного письма, яркие краски которых еще теперь сияют местами из-под одевшей их черноты. Бродишь между этими шкафами с пестрыми нарядами, между столами, на которых в образцовом порядке и с большим знанием дела расположены предметы старины, и делается грустно, что такая великолепная коллекция ютится из милости при здании гимназии, а не украшает город своим собственным домом. Тут и воспоминания о татарах, бороздивших Волгу в своих ладьях, тут и любопытные старые планы и рукописи, и портреты, между которыми особенно интересен портрет Михаила Сердюкова, самоучки, строителя шлюзов в Вышнем Волочке. Бесконечно интересны все эти медные чаши, пудовые ружья, гигантские медные монеты, каждая непомерной тяжести, все эти старинные предметы украшения.

— Люди не такие были, — заметил сторож, — ноне такое ружье и не поднять, а такая деньга всякий мешок прорвет.

Городской сад и губернаторский, доступный для публики, составляют прекрасное украшение города; разделенные спуском от Дворянского собрания к мосту, оба сада лежат на высоком Волжском берегу и открывают чудные виды на реку и заволжскую часть города. Сирени были в полном цвету, акации увесились сплошь желтыми мотыльками цветов, а татарская жимолость, покрывшись розовыми кудрями, поминутно роняла на дорожки свои цветы. Тенистые уголки приютили скамеечки. Прехорошенький ресторан с балконом запрятался в зелень деревьев.[1] Рядом с городским садом вытянула свою длинную шейку с золотой луковкой над золотым куполом церковь Знамения Богородицы, украшенная quasi-малахитовыми пилонами и колоннами, фресками в нише и двумя золотыми ангелами, держащими крест над фронтоном. Эти ангелы с золотым крестом и золотая луковка горели на солнце ослепительно ярко и виднелись отовсюду из сада сквозь молодую вешнюю зелень. В губернаторском саду над Волгой стоит круглый павильон, большой зеленый купол которого с золотым шаром несут 8 колонн.[2] Этот павильон, напомнивший мне Трианон Парижа, живописно вырезается на зеленом фоне сада и открывает такие прелестные виды, что не скоро уйдешь из-под его крыши. Волга с ее зелеными откосами и высокой набережной была рядом, перевязанная плашкоутным мостом. Баржи и лодки толкались у самого берега, а по ту сторону синей полноводной от весенних вод реки (Волга у Твери 90 саженей ширины) живописно раскинулась заволжская часть города с ее церквями, домиками и садами до самого Отрочского

[1] Кафе-ресторан, прозванный «Кукушкой», в северо-восточном углу Общественного сада, 1878 (при советской власти «Марсель», заброшен в 1920-е, в 1930-е отремонтирован; на его месте построен кинотеатр «Звезда», наб. Степана Разина, 1).

[2] Беседка-ротонда в Губернаторском саду (создан в 1831 г. между Волгой, крепостным рвом, Миллионной ул. и Дворцовым садом, напротив дома губернатора, ныне епархиальное правление), рухнула от ветхости в 1925 г., руины снесены.

монастыря, белевшего своими башенками и стенами у впадения Тверцы. Против моста на площади заволжской стороны прелестно поместилась желтая, расписанная белыми полосками и фресками, с пирамидальной колокольней, вытянутой в серебряный шпиль, увенчанная серебряным куполом церковь Трех исповедников. Зеленые откосы заволжского берега убежали в воду. Несколько церквей высунулось над домами и садами и сделало вид несказáнно прелестным. С Волги неслась песнь, дополнившая обаяние, и я не мог решиться покинуть прелестный уголок сада с его задумчивым павильоном. Как странно было думать, что здесь в городе, основанном еще в 1182 г. Всеволодом III Георгиевичем, пронеслось такое бурное прошлое, что стоны, крики и отчаяние оглашали эти спокойные берега Волги и что эти воды мчали тысячи трупов после ужасающих погромов. Особенно хороша Волга под вечер, когда первые сумерки подернут ее закрасневшиеся воды, а купола церквей загорятся последними отблесками золотистой или кровавой зари и масса лодочек с гуляющими забороздит реку, над которой зальются далеко разносящиеся песни, особенно «Вниз по матушке по Волге». Я не знал чарующего могущества этой песни, пока не услышал ее над волнами Волги. Мелодия ее охватила меня всего, сдавила мне спазмом горло, и слезы сами собой брызнули из глаз. О, как восхитительно хорошо звучит эта могучая песня над рекой, шевеля затаенные уголки в нашей душе. Чтобы только услышать эту песню, стоит ехать на Волгу, и она навсегда оставит в вашей душе воспоминание чего-то родного, милого и священного.

В конце Миллионной, около дворца, выходящего на громадный пустырь, заросший травой, с обегающей вокруг тополевой аллеей, с еле заметными остатками валов на месте бывшего когда-то здесь кремля, стоит грандиозное здание собора Преображения. Шестьсот лет тому назад здесь была выстроена первая деревянная церковь, и на ее месте после целого ряда разорений и пожаров, только около полутораста лет назад воздвигся этот собор. Это гигантский белый каменный ящик, увенчанный пятью громадными ярко-синими луковицами, покрытыми золотыми звездами, ящик, к которому со стороны Миллионной над алтарем приделана небольшая пристройка с громоздкой колоссальной зеленой крышей, которая, покрывши пристройку, прилепилась высоко к стене собора, точно громадное крыло летучей мыши. Изящная трехъярусная колокольня с синим куполом и золотой головой, с большими часами и белыми колоннами, решетками и другими украшениями, окрашена в бледный зеленый цвет.

Внутри собор содержит серебряную раку с мощами великого князя Михаила Тверского, изменнически убитого своим сыном в татарской орде по проискам врагов.[1] Высокий шестиярусный иконостас блещет золотом,

[1] Михаил Тверской был убит людьми Юрия Даниловича Московского и Кавгадыя. Сын Михаила Константин к убийству непричастен. Он находился в то время в Орде; перед смертью Михаил сообщил ему свою последнюю волю и отослал его к жене Узбека,

серебром и каменьями. Повсюду старинные образа времен архиепископа Платона, грандиозные фигуры святых, глядящих впалыми очами на молящихся, всё так мрачно, строго, сурово и богато. Четыре толстых мраморных пилона перегораживают собор и одеты в нижней своей части золотыми колоннами, между которыми красуются иконы превосходной живописи. Вот святитель Арсений, Тверской епископ, основатель Желтиковского монастыря, который и представлен на фоне, этот примиритель княжеских раздоров, этот богатый юноша, покинувший шумную жизнь для подвигов благочестия. Его кроткое лицо глядит на вас со стены храма с таким миролюбием и кротостью, что вы невольно приковываетесь вашим взглядом к его доброму и ласковому взору. Вот чудное полотно, изображающее святого Михаила Тверского и его сына. Оба склонили колени и головы перед благословляющим их архиепископом перед отправлением их в орду. Вдали фигуры татар. Лицо Михаила пленило меня своей мужественной красотой и кротостью. Вот он снова, но уже в татарской орде, с момента его мученической смерти. Михаил упал на колени, на его шее тяжелая колода, его лицо выражает покорность судьбе, а на глазах его сверкают слезы. Над ним парит ангел с золотым мученическим венцом и пальмовой ветвью в руках. Кругом зверские фигуры татар, готовых убить благородного и прекрасного князя. Вот еще Михаил, стоящий во весь рост в роскошном великокняжеском одеянии, вдали за ним изображен тверской собор. Снова то пленительно-прекрасное мужественное лицо, полное кротости, полное благородства, которое сразу врезалось мне в душу. И тут же в серебряной раке спит этот герой, при котором Тверь гремела и блистала и жизнью, и богатством, несмотря на тысячи бед, и который, не будь он так изменнически убит, вознес бы, может быть, свой город над коварной Москвой. А вот Тверская Божия Матерь, одна из достопримечательностей собора, Богородица, окруженная сонмом ангелов, несет Христа. Ликующие лица ангелов, приветствующие Богоматерь, ее прелестное счастливое лицо, сам лик Спасителя, несмотря на то, что картина сильно потемнела, рельефно выступают из полотна и полны небесной радостью, которая охватывает и вас... Против Тверской Богородицы прекрасный благословляющий Спаситель.

Великолепны громадные фрески, покрывающие стены собора: Нагорная проповедь, апостол Павел проповедует евангелие и Брачный пир. Столько движения, столько жизни во всех фигурах, что они приковывают зрителя. Брачный пир — прелестен. Царь, одетый в дорогие брачные одежды, властно протянул руку вперед и указывает на плохо одетого в лохмотья человека, приказывая увести его. Двое слуг связывают руки несчастному гостю, который с тоской и мольбою глядит на царя. Масса пирующих в нарядных одеждах с любопытством следит за слугами. Многие подняли золотые кубки, не обращая внимание на происходящее.

ханше Баялун.

Эта прекрасная иллюстрация 22-й главы евангелия Матфея, а также и иллюстрации многих других глав, заслуживают полное внимание посетителя. Сколько есть безызвестных художников на Руси, не оставивших нам имена, а между тем такие их произведения, как фрески тверского собора, Тверская Богородица, не могут не приковывать зрителя.

Большой пустырь за собором с тополевой аллеей вокруг помещается как раз на углу Волги и Тмаги, дрянной речушки, отделяющей от городской Затмацкую часть. В середине пустыря стоит одинокая, старая военная церковка Николы, а по ту сторону Тмаги, образующей место стоянки зимой самолетских пароходов, лежит совершенно подобная Николе, белая церковка, окруженная боярышниковой изгородью. Затмацкая часть малоинтересна и не стоила бы визита, если бы среди ее длинных заборов и домиков не находилась самая старая тверская церковь св. Троицы, или Белой Троицы, как ее часто называют, с семью маленькими серебряными куполами над каменным ящиком здания, выстроенная в 1584 г. Внутри мрачно, свет падает в узкие щели и освещает оригинальные по старине царские врата работы XIV в., пестро раскрашенные, прихотливо вырезанные, убранные слюдой и свинцовой резьбой, и старинные фрески, сплошь покрывшие неимоверно толстые стены церковки. Здесь висит темное паникадило в виде глобуса, висящее на почерневших цепях и останавливает ваше внимание деревянном запрестольном семиконечном кресте. В верхнем этаже церкви духовенство и граждане прятали в потаенной камере свои сокровища, сберегая их там во время войн.

Ряды, гостиные дворы, толкучка в виде крытой деревянной галереи занимают большой квартал по берегам Тмаги, но интереса не представляют, зато хороша набережная с чугунной решеткой, с пароходными пристанями, с прелестным видом на заволжскую часть и Отрочский монастырь, на вливающуюся Тверцу. К пристаням спускаются длинные лестницы в 60 ступеней, а тюки и прочий товар спускают по деревянной дощатой горе к самому пароходу. На пристанях стоит шум и гам. Все суетятся, бегают, кричат, выгружая и нагружая пароходы.

Я взял извозчика и покатил по мосту на ту сторону Волги к знаменитому Отрочскому монастырю, усевшемуся на самой стрелке при слиянии Волги и Тверцы. Его белые стены украшены башенками с длинными шпилями, а высокая церковь виднелась издали. Я подъехал по березовой аллее к монастырским воротам. У дверей стоял послушник.

— Что, можно осмотреть монастырь? — обратился я к нему.

— А вам зачем? — спросил он, окидывая меня любопытным взглядом с ног до головы.

— Хочу описать монастырь и его достопримечательности.

— Значит вы писатель! — воскликнул послушник и бросился бежать в ворота, я за ним. Послушник бежал что было сил по большому мощеному двору, подбежал к колоколу, висевшему у входа в двухэтажное

здание келий, и принялся звонить, словно враги шли на обитель. Я в недоумении остановился среди двора, превратившись в соляной столп. Братия выбежала на двор, явился сам настоятель, полный добродушный монах, и когда всё разъяснилось, любезно сам повел меня по монастырю.

Основанный, по преданию, в 1265 г. Григорием, отроком князя тверского Ярослава, брата Александра Невского, монастырь получил название Отрочского. Григорий полюбил Ксению, дочь крестьянина села Едимонова. Ярослав увидел Ксению во время венчания. Она ему так понравилась, что он велел приостановить обряд и завладел сам невестой своего отрока. В глубокой тоске Григорий покинул свет, поступил в монахи и основал монастырь. В главном соборе, окруженном кладбищем, хранятся части мощей замечательнейшего из людей нашего отечества митрополита московского Филиппа из рода Колычевых, а также находятся гробницы архимандритов, величавые изображения которых строго глядят с бледно-голубых стен. Отрочский монастырь стал замечательным местом, освященный мученической смертью Филиппа, этого орла своего времени, этого замечательного юноши Федора Колычева, который покинул царский двор, покинул свое блестящее положение в Москве, чтобы не видеть бесчинств и ужасов, творившихся во дворце, и ушел с наболевшей душой в Соловецкий монастырь.

Сделавшись игуменом в монастыре, он прославился своей энергией и благочестием, своим из ряду вон выходящим умом и деятельностью на всю Россию, и Иван Грозный вызвал его в Москву и сделал его митрополитом в трудное время опричнины, волнений и постоянных казней. Недолго Филипп пользовался влиянием на Иоанна; подозрительный и жестокий царь возобновил свои лютые казни, свои зверские потехи, и все гонимые, все несчастные бежали под защиту Филиппа. Иоанн, видевший в митрополите помеху, открыто уличаемый им в злодействах, лишил Филиппа духовного сана. Среди оскорблений в Успенском соборе с Филиппа сняли его облачение и вывели из храма при рыданиях и стонах всего народа. Закованного в цепи, его бросили в Богоявленский монастырь, а потом сослали в Тверской Отрочский, отправляясь разгромить Новгород, избив десятки тысяч тверичей, Иоанн вспомнил, что здесь в одинокой келье томится в заточении великий человек, дерзавший в лицо ему говорить правду, и послал как бы за благословением к нему в келью Малюту Скуратова. Никогда не забуду дивную картину Новоскольцева, изображающую последние минуты несчастного Филиппа, молящегося в своей жалкой келье с восковой свечкой в руках, с взглядом, обращенным кверху.[1] Жестокий Малюта задушил этого великого старца, печальника всех угнетенных, этого смелого поборника правды, жизнь которого была полна горя, лишений,

[1] Картина «Последние минуты митрополита Филиппа» А. Н. Новоскольцева (1890).

несчастий и геройских подвигов. Память Филиппа дает монастырю чудный ореол и делает его дорогим каждому, кто любит наше отечество.

Настоятель провел меня по коридору, разрисованному грубыми фресками, в небольшую сводчатую церковь, помещающуюся под монастырскими кельями братии. В этом подвальном помещении был умерщвлен Филипп. Темно, тоскливо здесь под низкими сводами. Стены покрыты фресками. Одна из них изображает трагическую кончину митрополита. Над ней надпись «се уже совершение моего подвига приспе», последние слова, сказанные Филиппом перед смертью. Здесь же изображен Максим Грек, томившийся здесь в течение 19 лет в заточении и переведенный отсюда в Троицкую лавру. Любопытна фреска, изображающая Филиппа во всем его величии, служащим 8 ноября 1568 г. обедню в Успенском соборе и осуждающим Иоанна за то, что он дозволил себе и опричникам явиться в храм в шапках. Налево в стене небольшая ниша, замурованная дверь, сквозь которую вошел в келью Малюта Скуратов. В нише изображена решетка, за которой виден коленопреклоненный молящийся Филипп. Он стоит, обратившись к окну, и дневной свет залил его старческое мученическое лицо. Рядом сосуд с водой и евангелие. На другой фреске представлено перенесение части мощей Филиппа в Москву.

В пределе святителя Тихона, бывшего здесь настоятелем, хранится старый ковчег, которому более двухсот лет.

Теперь это бедный монастырь с малочисленною братией, сильно страдающий от наводнений. Еще нынче на Пасху к заутрене в собор монастыря ездили в лодках. Воды Тверцы и Волги затопили и сад, и кладбище, и двор.

— Особенно сильны были наводнения в 79, 83, 88 и нынешнем году, — сказал настоятель. — Вода доходила до черты, что на стене черной краской обозначена.

По ту сторону Тверцы раскинулась бедная Затверецкая часть города с маленькими домиками, унылыми церквями, длинными заборами, с большими пустырями вместо площадей, с патриархальными нравами и старыми нарядами, одеваемыми в большие праздники.

Особенного внимания заслуживает поэтически расположенный среди леса в четырех верстах от Твери Желтиков Успенский монастырь с его златыми главами, стенами и любопытными камерами над воротами в стене, где содержался в заключении царевич Алексей. Основанный Арсением еще в 1400 г., Желтиковский монастырь привлекает много богомольцев, спешащих сюда поклониться мощам основателя.

Красиво лежит на берегу Тмаги Рождественский Новодевичий монастырь, собор которого с чтимой Тихвинской иконой Богородицы красиво выступает своими куполами из-за зелени сада.

Вдоволь набродившись по Твери, накупивши массу мятных пряников в виде всадников, стерлядей в колечках, больших и маленьких

рыб и пресловутого мятного гороха, я с наслаждением улегся спать, совсем усталый вернувшись в гостиницу. Лицо Михаила Тверского с его чудным взглядом мерещилось мне и во сне, и утром перед отходом парохода я полетел снова в собор, чтобы попрощаться с тверским князем и унести последним впечатлением его города его кроткий и благородный взгляд.

5. Тверской плес

Первые впечатления на пароходе. Кимры. Калязин. Углич

Роса, озаренная алым сияньем,
На нежном блеснет васильке;
Картины цветущей весны с трепетаньем
Рисуются в яркой реке.

Маттисон

И крепостное право, и пошехонское раздолье были связаны такими неразрывными узами, что когда рушилось первое, то вслед за ним в судорогах покончило свое постыдное существование и другое. И то и другое одновременно заколотили в гроб и снесли на погост, а какое иное право и какое иное раздолье выросли на этой общей могиле — это вопрос особый. Говорят, однако ж, что выросло нечто не особенно важное.

Салтыков-Щедрин

Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной...

Пушкин

Взявши билет, я уселся на пароходе «Самолет». Чудное утро благоприятствовало моей поездке. Собственно от Твери путешествие по Волге удобно и дешево. Пароходы устроены великолепно, ресторан не оставляете желать ничего лучшего и кроме бесконечного удовольствия прогулка по величавой реке принести ничего не может. Я уселся на балконе у самого пароходного носа и любовался видом Твери и зелеными крутыми пятисаженными откосами берега, изрезанного лестницами к пристаням, и невысокими домиками, и дремлющими церквями, и снующими лодками и барками и шумной толпой на высоком берегу.

— Готово? — раздался голос капитана.

— Готово, — прозвучал ответ.

Раздался третий звонок. Капитан снял шапку и прочел молитву, и эта минутная тишина, этот тихий задумчивый шепот капитана сразу охватили меня всего и придали много торжественности отъезду.

— Давай, — крикнул капитан, и пароход пронзительно трижды закричал, затем запыхтел и стал отдаляться от берега. Вот Тверь осталась

позади, и мы помчались по извилинам неширокой реки с ее желтыми прибрежными песками. Две бедные деревеньки, окруженные пашнями, проплыли мимо. Чайки кружились над пароходом и, описывая круги над рекой и громко крича, следовали за нами. Слева проплыла одинокая желтая церковь, окруженная белой оградой, усевшаяся на самом обрыве. Проплыл сосновый лесок, небольшое село, еще село, сидящее на обрывистом правом берегу. Вот село Власьево, где в старину, вероятно, стояла статуя Велеса, покровителя скота, на что намекает название села. Синий купол церкви глядел из-за рощицы на реку. Затем потянулись скучные однообразные берега, которыми так богат этот плес. Порой у берегов или ближе к середине высовывались плотины и заборы, устроенные для улучшения фарватера реки и для направления течения через мели. Эти сооружения из ивняка, фашин, камней и земли торчали своими концами из воды, нисколько не помогая судоходству. Издали показалась красная церковь с зеленой маковкой, принадлежащая Оршинскому монастырю, стоящему при впадении в Волгу речки Орши. Белые башенки на стенах и большой красный монастырский дом с белыми украшениями окружены деревьями и представляют красивый уголок. Волга делает крутые повороты и обходит вокруг села Юрьевского, образуя для него полуостров. Опять плоские берега, кое-где зеленели нивы, да блестели пески. Две большие плотины сбежали с берегов и заползли далеко в реку, которая злилась и бурлила около препятствий. Вот проплыла одинокая белая часовенка, и показались яркие песчаные обрывы, заросшие темными соснами. За селом Гуменовым проплыла усадьба Карякина с серым помещичьим домом, с двумя башенками. На левом высоком берегу, у крутого поворота, «уселось село» Лисица с большой пятикупольной желтой церковью и высокой колокольней. Опять потянулись низины, скучные и однообразные. Белые стены с башенками погоста в Лисицах показались при повороте реки и исчезли за холмом. Красива большая деревня Судимирка с цветущими яблочными садами. Новые села, новые церкви, новые овраги и обрывы.[1] Село Городня нарушает скучное однообразие берегов. На правом высоком берегу, над зеленым бугром живописно уселась желтая церковь во имя св. Богородицы, одна из древнейших в России, с прекрасной византийской живописью под сводами. Церковь окружена железной оградой на белом фундаменте с белыми каменными столбами, которые рисуются громадной

[1] С. Юрьевское Калининского р-на, левый берег Волги, 6 км к югу от с. Каблуково. Церковь Трех Святителей (1823), не сохранилась. С. Игуменка Тверского у., 28 в. от Твери, правый берег Волги. Владельцы А. П. и П. А. Карякины. Церковь Святых мчн. Кирика и Иулитты (1764). Закрыта (1930-е), разобрана (кон. 1960-х). С. Лисицы Калининского р-на, 28 км к востоку от Твери, левый берег Волги, на Корчевском почтовом тракте, 100 дворов, 696 жителей, Крестовоздвиженская церковь (1863). В 1 км выше по Волге — пансионат «Лисицкий бор». Д. Судимирка в 1 км ниже по течению Волги.

короной или белым зубчатым венцом. Весь бугор был покрыт яркими желтыми цветами, что придало особенную прелесть этому маленькому уголку, когда-то составлявшему особое удельное княжество, разрушенное Иоанном Грозным, который заподозрил жителей Городни в измене и перебил их всех. Московское шоссе легло возле самого берега среди полей и лугов, подняло свои пестрые верстовые столбы над обрывами к реке и, перебравшись по каменному мосту через овраг, свернуло в сторону. Пароход остановился в первый раз у большого села Мелкова, лежащего среди полей против села Едимонова. Село Едимоново известно своим образцовым молочным хозяйством Н. Верещагина. Тут приготовляются всевозможные сыры и масла машинами, устройство которых — последнее слово науки, тут при хозяйстве и школа сыроделания, и кефирная мастерская, и лаборатория для анализов. Пассажиров приняла подъехавшая лодка. Берега стали еще скучнее. Громадные пространства заросли густым ивняком, который торчал повсюду из воды, заполоняя берега и отмели. Волга приняла Шошу у села Воскресенского, стоящего при слиянии рек уже в Московской губернии, которая небольшим своим краем касается Волги. Приняв Шошу, Волга круто поворачивает на север. Это замечательная особенность Волги. Она направляет всякий раз при встрече своего притока все свои воды по направлению течения этого притока. Деревня Городище[1] лежит на самом изгибе Волги и как по положению, так и по названию ясно говорит о былой крепости в этом месте. Теперь это мирная маленькая деревенька, даже забывшая свое прошлое, полное пожаров, грабежей, нашествий и моров. Большое село Новое с хорошими домами под железными крышами, с большим собором старого фасона, над которым высится высокая колокольня, с оживленной толчеей на пристани выделяется в ряду прочих волжских сел... Мы плыли дальше. По берегу медленно шагали вереницы лошадей, устало переступая ногами и волоча баржу с лесом. Это теперешние бурлаки, повсюду работающие на Волге.

Село Сухарино[2] совсем скрылось в темном море сосен, мрачной щетиной покрывших берег, и опять скучные, унылые берега потянулись на долгие версты... Наконец из-за угла при повороте реки показался уездный город Корчева с двумя высокими церквями, тенистым, городским садом у самого берега и с бульваром из молодых сосен. От городка веет скукой. И его Преображенский собор, и ограда его погоста с часовенками по углам и высокими белыми воротами печально глядели на наш пароход.

[1] С. Старое Мелково Конаковского р-на, на трассе Москва — Петербург, 26 км от Твери, 35 км от Конаково. Церковь Димитрия Солунского (1806, 1863). Впервые упоминается в 1546 г. В 1886 г. 106 дворов, 538 жителей; в 2002 г. 1308 человек. После возникновения пос. Новомелково (2 км по шоссе) получило современное название. Д. Городище Вахонинского с/п, 52 жителя (2008).

[2] С. Сухарино, затоплено Иваньковским вдхр. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1851).

Невозмутимое спокойствие царит на улицах городка, поросших крапивой, подорожником и пастушьей сумкой. Это тип захолустного провинциального городка с его крошечными интересами, подавляющей тишиной, непробудным сном, пасущимися на площади овцами и громоздкими серыми ставнями. Капитан и лоцмана всё время указывали мне на берега, называя села и деревни, и я не хотел уходить со своего балкончика, наслаждаясь поездкой, несмотря на частое однообразие берегов. За Корчевой, которая славится своими кожаными изделиями, потянулись снова скучные берега.

— Это теперь так много воды, — сказал мне капитан, — а то беда. Не знаю, как нынче и сделаемся. Уж в половине июня вода совсем спадает, и от Твери до Рыбинска хоть не езди. Нынче в Угличе будут празднества летом, так чтобы пароходы могли пройти, откроют волжский бейшлот. В июле совсем здесь не проехать. Дно больно каменисто.

Потянулись леса. Волга поглотила новый приток Дубну, при слиянии с которой стоит деревенька Городище.[1] Две деревни Нутромова и Багунина улеглись друг против друга, перегородив реку каменной грядой. Багунина спустилась домиками, заборами и садиками к самой реке, одев всю покатость берега. Лес покрыл оба берега, и погост Иоанна Предтечи[2] с его церковью выступил на зеленом фоне. Снова живописный уголок, так и просящийся на полотно художника. Красноватый обрыв круто поднялся над рекой и несет одну сосну, так живописно раскинувшую свои ветви, словно итальянская пиния где-нибудь на Ривьере. Кругом кусты в весенней яркой зелени и темно-красная часовенка, приютившаяся в их чаще. Вот печально свесившая свои ветви плакучая береза. Она наклонилась к самой воде, и пробегающие воды треплют ее длинные ветви, а рядом белеет одинокий крест...

В Кимры мы приехали около 4-х часов дня и простояли у пристани до 6 часов, как в расписании был назначен час отхода. Конечно, я воспользовался двухчасовой стоянкой и полез по длинным лестницам вверх по крутому обрыву к высоко лежащему богатому селу. Еще издали громадные два собора блистали куполами, глядя далеко вверх и вниз по реке. Это богатое благоустроенное село, с 6-ю тысячами жителей, с каменными домами, кожевенными заводами, четырьмя церквями, превосходящее многие уездные города, служит центром кустарной промышленности, которая здесь сильно развилась благодаря тому, что местность не благоприятствует сельскому хозяйству. Всё население от мала до велика занялось кожевенным производством, и чемоданы, сапоги,

[1] Д. Городище, 25 в. от Корчевы, церковь Похвалы Прсв. Богородице (1827).

[2] Д. Нутромо (Нутрома, Нутрово) Кимрского р-на, правый берег Волги, 12 км от Кимр и от Дубны. В 2008 г. 3 жителя. Д. Богунино Кимрского р-на, левый берег Волги, 17 км от Дубны, 5 км от Кимр. Ок. 100 дворов (2000-е), 63 человека (2008). Входит в состав современных Кимр (вблизи горбольницы № 1). Храм Св. пр. Иоанна Предтечи (известен с 1739; 1875), приход 2 356 душ (1901), церковно-приходская школа (1885).

сумки, сделанные в Кимрах, пользуются громкой и вполне заслуженной славой. Обувь, приготовляемая здесь, крайне разнообразна, и сапожники могут удовлетворить самому требовательному вкусу столичного щеголя.

— Кимряки известны своей политурой, — сказал мне один купец, с которым я разговорился.

— Это что такое? — спросил я.

— А такой состав из всякой дряни, тряпок, глины и Бог знает еще чего. Обувь из политуры очень дешева, но зато очень скоро разваливается на ноге.

— Какое богатое село! — воскликнул я, глядя на высокие церкви.

— Только снаружи, — сказал купец, — это золото храмов блестит, а внутри большое обеднение. Подрядов, больших заказов нет. Это главное. По субботам у Гостиного двора, где расположен загон базарной площади, еженедельно бывают шумные торги, на которые съезжаются окрестные жители, купцы и заводчики ближних городов и Москвы. По гребню откоса тянется красивый бульвар, который сбегает змеистыми дорогами к пароходной пристани, прорезая весенний бархат откоса. На пристани и на бульваре было большое оживление. Красные рубашки крестьян, словно распустившийся мак, выделялись на фоне зеленого откоса. Высокая колокольня с часами и каланча поднялись над Кимрами и глядят на село Хвастуново,[1] лежащее на правом берегу Волги.

Собор и церковь св. Троицы производят сильное впечатление своей грандиозностью и блеском. Они высовываются из-за зелени поэтического кладбища, террасами обрывающегося к Волге и обнесенного каменной оградой с красивыми башенками по углам. Ниже кладбища над отвесной стеной обрыва небольшой прелестный садик. Издали громадный собор в виде ящика, несущий пять гигантских серебряных куполов, крытых чешуей, кажется сделанным из глины. Этот его кофейный, землистый цвет придает ему много прелести. Рядом высится белая колокольня с зеленой крышей, а возле среброголового Покровского собора жмется еще пристройка с белой башней. Церковь Троицы, стоящая рядом, тоже грандиозный храм с пестро разрисованными фресками стенами. Холм, на вершине которого сгруппировались церкви и колокольни, обрывается к речке Кимерке и открывает чудные виды и на белую церковь с колокольней по ту сторону Кимерки, и на Волгу, и на самое село. Внутри церкви производят еще более сильное впечатление. Величественные иконостасы, громадные пилоны, обилие золотых украшений, тяжелые светильники, голубые стены Троицкой церкви с громадными иконами в ярко-белых рамках — всё это так грандиозно и богато, что было бы под стать столичным храмам, а не сельским. Раскинувшееся вокруг кладбище полно затейливых памятников. Тут высятся пирамиды и оригинальные саркофаги, поднимаются из-за зелени кустов часовенки и колонны с

[1] Д. Хвастуново вошла в состав современных Кимр.

прихотливыми украшениями. Этот хаос памятников, расположенных среди сада по откосу, крайне поэтичен. К сожалению, время не позволило мне долго бродить по этому оживленному и людному селу, и пришлось спуститься снова к пристани, чтобы двинуться дальше вниз по Волге. Ниже Кимр верстах в трех выступили большие каменные корпуса кожевенного завода Потапенко. Ветреная мельница лениво перебирала по воздуху своими большими серыми крыльями. Пароход остановился возле села Абрамова, вблизи заводов Потапенко,[1] для принятия нефти. Маленькая, ярко расписанная в разные цвета беседочка, осененная крестом, вероятно место водосвятия, кокетливо выставила из-за зелени садика свои белые колонны. Опять потянулись обрывы, то одетые лесом, то голые. Ракиты образовали большие заросли, местами совсем затонув в высокой воде. К сожалению, эти высокие воды Волги быстро спадают, со дна выступают камни, с берегов ползут в реку гряды валунов, желтые мели поднимают свои плоские спины, и пароходы принуждены бывают прекратить свои рейсы.

В прошлом году, рассказывал капитан, в половине мая уж нельзя было пускать пароходы. Сначала хоть каждую неделю меняй расписание, а потом и ни с чем нельзя было сообразоваться. Ночами ехать опасно, здесь Волга плохо освещена, не то что на нижних плесах, ночи приходится сидеть на якоре, а то налетишь на камень. В большую воду против течения тоже трудно идти. Скверный плес.

В Волгу впала речка Медведица у села Медведицкого, которое подняло свою красную церковную колоколенку над холмом, увенчанном березами. При слиянии рек стоит старый помещичий дом с большой террасой и двумя беседками и глядит на выступивший среди Волги небольшой остров. Этот дом в былые времена принадлежал Борису Годунову, который приезжал сюда на Волгу, теперь же им владеет купец Лепешкин.[2]

Вот проплыла усадьба Салтыковых, от которой веет «Пошехонской стариной», «Головлевыми» и всеми теми ужасами, которые заставляли содрогаться читателя, усадьба, где в детстве проживал знаменитый сатирик.[3]

---

[1] С. Абрамово Корчевского у., церковь Рождества Богородицы (1795), 96 дворов, 638 прихожан. Ныне деревня Центрального с/п Кимрского р-на, 26 человек (2010). Выходец из донских казаков, Онуфрий Васильевич Потапенко торговал кимрской обувью в Малороссии, женился на кимрячке и создал в Абрамове кожевенный завод (25 рабочих, 8400 пар в год на сумму 34 000 руб.), где наладил выделку конской кожи по способу, изобретенному в Гамбурге и почти не известному в России. Но вскоре конкуренты переняли его прием обработки кожи. Дом его в Кимрах (1890, ул. Урицкого, 9).

[2] О с. Медведицком см. путешествие Г. П. Демьянова.

[3] С. Пухлимо (Пухлино) Калязинского у., левый берег Волги, затоплено Угличским вдхр. Церковь Покрова Прсв. Богородицы (1767, 1795 каменная). В 1536—1537 гг. принадлежало боярам Годуновым, во второй половине XIX в. князю И. П. Салтыкову.

В 12 верстах от Волги лежит старый Кашин весь в церквях и в садах, знаменитый виноделием, хотя виноградники лежат за тысячи верст от него. Это обстоятельство не смущало кашинцев, и они по собственному рецепту изготовляли и портвейн, и малагу, и херес, и сотерн, фабрикуя вина из самых невозможных составов и со спокойной совестью наклеивая на бутылки ярлыки с такими названиями, как го-сотерн, ост-индская мадера и т. д.

К вечеру холод прогнал меня с балкона в рубку. Дождь полил как из ведра, а ветер замутил Волгу и вздул большие серые волны. Пароход покачивался и скрипел всем своим телом. Дождь злобно бил в окна и застлал густой серой пеленой всю окрестность. Когда ночью мы прибыли в Калязин, непогода прекратилась. Сильный ветер разогнал тучи, и безоблачное небо сияло миллионами звезд. Яркая луна облила весь берег и придала много таинственности заснувшему мирным сном захолустному городу Калязину. Город растянулся на высоком правом берегу, по откосу которого поднимаются высокие лестницы. Оригинальный собор раскинулся над откосом. Это небольшой каменный ящик с пятью куполами, от которого тянется длинное, низкое каменное здание, переходящее в галерею и соединяющее собор с великолепной пятиэтажной колокольней, поднявшей в самые небеса свой высокий шпиль. Калязинская колокольня необыкновенно грандиозна и пропорциональна. Каждый из ее этажей меньше нижележащего и представляет полную гармонию со всей колокольней, вышина которой выигрывает и от того высокого берега, на котором она стоит, и низкого длинного растянувшегося около нее, но крайне оригинального собора. Семиоконная пристройка, связывающая тело собора и колокольни, в освещении луны сияла своими окнами, а сама колокольня замерла, полная таинственности над тихим городом. Воспользовавшись двухчасовой стоянкой, я пошел бродить по городу. Тишина полнейшая. Всюду закрыты ставни. Кое-где сторож бил в доску да лаяли собаки. Громадная площадь с непроходимой грязью и лужами раскинулась у собора. Всюду были погашены огни, и только в одном трактире на набережной двери были раскрыты настежь. Я вошел. Несколько калязинцев, игравших в бильярд, изумленно поглядели на меня, но когда я им объяснил, что я приезжий, и забрел сюда на полчасика, чтобы поразведать о Калязине, они миролюбиво и охотно присели к столику выпить предложенного им пива.

— Ничего у нас интересного нет, — сказал один из них, — слава Богу, всю жизнь прожил. Вот на колокольню любуются. Говорят, самая высокая по всей Волге. Лет 100 будет, как Никольский собор выстроили. Всех здесь семь церквей, только собор Святого Николы всех лучше. Вот по ту сторону Волги лежит монастырь, в котором находятся мощи святого Макария Калязинского. 26-го мая их обносят кругом монастыря. Народу бывает видимо-невидимо.

Святой Макарий Калязинский поступил в Николо-Каблуковский монастырь, потеряв жену. Не довольствуясь жизнью в монастыре, он

удалился на речку Жабню в непроходимые леса на месте теперешнего города. Вокруг отшельника поселились многие жители окрестных деревень, привлеченные особенно чудесами старца. Однажды Макарий исцелил бесновавшегося юношу, и этот последний поступил иноком во вновь основанный Макарием монастырь. Рассказывают, что воры украли монастырское стадо, но, пораженные слепотой, долго блуждали и пригнали стадо обратно к монастырю, где, раскаявшись, пали в ноги Макарию, который исцелил их от слепоты. Берега речки Жабни вплоть до впадения ее в Волгу, принадлежали тогда боярину Каляге, который, услышав про чудеса Макария, пожелал его увидеть и так пленился его кроткой речью и подвигами, что подарил ему земли, на которых Макарий и выстроил Троицкий Калязинский монастырь, окруженный белой стеной с сторожевыми башенками по углам, передавший имя Калязина городу. В Троицком монастыре жил дважды знаменитый Никон, и кельи, где он останавливался, показываются во всем их прежнем скромном убранстве. Ни того, кто строил собор, ни по какому случаю он был выстроен, никто из сидевших в трактире калязинцев объяснить мне не сумел.

— Да кто же его знает, — говорил самый словоохотливый из них. — Вот, что раз с самого верха колокольни один человек бросился — это помнят, хотя и давно было. Замертво подняли.

— Отчего же он бросился? — спросил я, ожидая услышать какую-нибудь драматическую страницу из калязинской хроники.

— Да, говорят, пьян был.

Раздался первый свисток, я поспешил к пароходу, страшась опоздать и остаться в скучном Калязине. Грязь была ужасная. Серое утро начало брезжить на востоке, ветер дул с прежней силой и вздувал валы на Волге. Я поспешил к пароходу и, поскользнувшись, так растянулся на улице и зашиб себе бок, что еле доплелся до моей каюты. По небу мчались темные свинцовые тучи, которые по мере приближения рассвета загорались по краям зловещим малиновым огнем. Казалось, что поднимались огненные пологи, которые, отражаясь в желтых волнах Волги, отороченных горностаем, производили своеобразный эффект. Когда пароход подошел к большому селу Васильеву,[1] последнему в Тверской губернии, облака уже пылали и малиновые края туч стали пурпуром. Пурпур сменился вскоре багрецом, багрец пламенем, а пламя перешло в расплавленное золото и залило всю окрестность своими яркими волнами света. Я задремал и не заметил, как мы подошли к Угличу и остановились у его пристани.

[1] Д. Селищи, правый берег Волги (Угличского вдхр.), 14 км ниже Калязина. Вместе с д. Каданово Кашинского р-на, левый берег (1,3 км), — последний населенный пункт на Волге в пределах Тверской обл.

И. А. Виноградов
1900

Виноградов Иван Александрович (28.08.1868, с. Прутня Новоторжского у. — 3.11.1935, Ленинград), кандидат богословия, археолог, краевед; член Священного Собора по избранию от мирян Тверской епархии (1917–1918); статский советник. Из семьи священника. Окончил Тверскую духовную семинарию (1886), историческое отделение Московской духовной академии (1890), Петербургский археологический институт (1894/1904). Преподаватель Пермской духовной семинарии (1891–1894), Тверской духовной семинарии (1894–1909), смотритель Тверского духовного училища (1909–1917), чиновник Тверской казенной палаты (1909). Член (1895–1918), управляющий делами (с 1899) Тверской ученой архивной комиссии, редактор и издатель журналов заседаний ТУАК (1899–1913). Помощник хранителя (1898), заведующий Тверским историко-археологическим музеем (1919–1927), председатель Тверского комитета научных библиотек (1920–1927). Член-учредитель «Общества по изучению Тверского края», редактор «Материалов Общества по изучению Тверского края» (1924). Осужден, сослан в Великий Новгород (1927). Консультант Калининского краеведческого музея (1934–1935). Автор работ по археологии, истории, пушкиноведению. Организатор и руководитель работ по собиранию и спасению культурных ценностей, предметов искусства и быта в покинутых помещичьих усадьбах. Текст печатается по изд.: *Виноградов И. А.* Археологическая экскурсия в село Кожино и города Кашин, Калязин и Углич. Тверь: ТУАК, 1901. С. 1—64.

От Твери до села Кожина

В июне месяце 1900 года Тверской ученой архивной комиссией совершена была экскурсия для обозрения древностей в с. Кожине и в городах Кашине, Калязине и Угличе. В экскурсии участвовали: председатель комиссии И. А. Иванов, товарищ председателя В. И. Колосов, члены комиссии Е. В. Крылов, В. Ф. Кудрявцев, А. А. Папков, М. В. Рубцов, правитель дел И. А. Виноградов и два лица, не принадлежавшие к составу комиссии: А. Г. Первухин и С. В. Троицкий.[1]

[1] Иванов Иван Александрович (1850—1927), краевед, действительный статский советник; преподаватель Тверской духовной семинарии, школы П. П. Максимовича, Тверского юнкерского училища; редактор-издатель газеты «Тверской вестник» (1878–1879); член (1885), управляющий делами (1886–1892), председатель (1899–1918) ТУАК; соч.: предисловие к «Кормовой книге Калязина монастыря» (1892), «О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии» (1899), «Лицевая рукописная псалтырь Калязина монастыря» (1900). Колосов Владимир Иванович (1854, Ржев — 1919), краевед, археолог, преподаватель Тверской духовной семинарии; член (1886), заместитель председателя (с 1896) ТУАК, хранитель Тверского музея; соч.: «А. С. Пушкин в Тверской губернии в 1827 г.» (1883), «Стерженский и Лопастицкий кресты в связи с древними водными путями в Верхнем Поволжье» (1890), «Верховья реки Волги в их прошлом и настоящем» (1893), «Время основания города Твери» (1902), «Прошлое и настоящее г. Твери» (1917). Кудрявцев Василий Филиппович, член ТУАК. Рубцов Михаил Васильевич (1855–1926), преподаватель греческого и новых языков, истории, заведующий библиотекой Тверского музея (с 1919), член ТУАК; соч.: «Деньги Великого княжества Тверского» (1904), «О вновь открытом памятнике

16-го июня в 7 часов вечера члены комиссии выехали из Твери по Волге на пароходе Волжско-Тверского общества «Ярославль».

По берегам р. Волги ниже Твери расположено немало достопримечательных в историко-археологическом отношении местностей. В 23-х верстах ниже Твери, на левом берегу Волги, при впадении р. Орши, находится Оршин Вознесенский монастырь, осмотренный комиссией в 1897 году.[1] Древняя архитектура каменного соборного храма, весьма заметного с Волги, с типичной луковичной главой, издалека привлекает к себе внимание зрителя.

Около 11 часов вечера пароход прошел мимо с. Городни, древнего Вертязина (40 верст от Твери по Волге). Вид на село Городню, расположенное на высоком правом берегу р. Волги, очень красив. На самом краю высокой горы, спускающейся к Волге, видна древняя церковь. Церкви, как полагают, строились в с. Городне еще с XIII века. В переписной книге Тверского уезда дворцовых сел Погорельца и Городня письма Федора Борисовича Изъединова и подьячего Федора Бишева 1677 года географическое положение древнего Вертязина определяется следующим образом: «Село Городень, Вертязин тож, на берегу реки Волги. А в нем церковь каменная на осыпи во имя Пречистыя Богородицы, честного и славного Ее Рожества, да придел Рожества святого и славного пророка и Предтечи Крестителя Иоанна, да в селе же Городне церковных погостов и монастырей пустых: погост Воскресение Христово, погост Михаила Архангела, погост Ивана Златоуста да за рекою Волгою погост Никола на Песку. Да монастыри: Троицкой монастырь, что на большой Московской дороге, под ним пруд; монастырь Петра и Павла; монастырь Афанасия и Кирилла. И всего в селе Городне в живущем три выти без четверика, на выть по шестнадцати четвертей, а крестьянских по тринадцати дворов. А государевы денежные и иные всякие доходы платить им с живущего с трех вытей без четверика; а о стрелецком и о посопном хлебе и о всяких государевых доходах, что великий государь укажет. А рыбным ловцом рыбы ловить и всякие государевы доходы платить с полуторы выти. А рыбных ловель за городенскими ловцами вверх по Волге от Яминского[2] монастыря до реки до Шоши на тридцать верст».[3]

17 июня в 2 часа утра пароход остановился около с. Кимры (133 версты от Твери по Волге). С. Кимры расположено на левом берегу р. Волги. Самое видное место на довольно высоком берегу занимает

Тверской письменности XV века» (1911).

[1] Журнал 65-го заседания Комиссии. — *Прим. Виноградова.*

[2] Спасский Яминский мужской монастырь — ныне с. Эммаус Тверского уезда при р. Волге. — *Прим. Виноградова.*

[3] *Неволин*. О погостах и пятинах Новгородских в XVI в. // Записки Императорского Географического Общества. СПб., 1853. С. 27. — *Прим. Виноградова.*

Цитируется Писцовая книга дворцовых сел Тверского уезда письма, меры и межевания Федора Борисовича Изъединова и подьячего Федора Бишева (РГАДА).

величественный пятиглавый собор. Об основании собора имеется на западной ставне следующая надпись, списанная членами комиссии, пока пароход стоял у Кимрской пристани: «Храм сей во имя Покрова Пресвятыя Богородицы основался в царствование благочестивейшего государя императора Александра Павловича, по благословению преосвященнейшего Серафима, архиепископа Тверского и Кашинского, 1816 года сентября в 16 день. 1825-го же, по сооружении его тщанием прихожан и преимущественно усердием Дмитрия Васильева Башилова с детьми его и братьев Михаила, Якова и Василия Дмитриевых Малюгиных, по украшении иконостасом и снабжении от них же утварью церковною, с благословения преосвященнейшего архиепископа Ионы, освящен месяца сентября в 30 день Тверского кафедрального собора протоиереем Иоанном Алексеевым Синицыным при содействии местного и окрестного духовенства. 1830 года, в царствование благочестивейшего государя императора Николая Павловича, храм сей Святейшим правительствующим синодом наименован собором. В 1846 году с благословения преосвященнейшего Григория, архиепиекопа Тверского и Кашинского и кавалера, начато, а в 1847 году кончено в оном стенное писание, производившееся от усердия прихожан и строителя корчевского 2-й гильдии купца Василия Семенова Малюгина с детьми его при наблюдении местного протоиерея Андрея Иоаннова Троицкого и при попечении корчевского купца Иоанникия Федорова Рыбкина и старосты церковного Ивана Андреева Столярова московским художником Иваном Семеновым Широким».

В 5 ½ часов утра на правом берегу Волги при впадении в нее р. Нерли показалось с. Скнятино (175 верст от Твери по Волге), на месте которого находился самый древний из городов Тверской губернии Скнятин, основанный Юрием Долгоруким в 1134 году.

Против с. Скнятина посредине Волги лежит громадный камень, весьма заметный на поверхности реки даже и в полую воду. Камень носит название *Подорвановский*; путейской администрацией, старательно очищающей фарватер Волги, этот камень оставлен на своем месте потому, что издавна привыкли по нему определять горизонт воды в реке в данное время. Камень разграфлен белыми и красными полосами, обозначающими четверти.

В 10 часов 20 минут утра члены комиссии высадились с парохода в Сергиевском (194 версты от Твери по Волге). На берегу ожидал священник с. Кожина о. В. Гроздов, в сопровождении которого экскурсанты пешком отправились в с. Кожино.

Село Кожино

Родители преподобного Макария Калязинского. Церковь села Кожина

От Сергиевского до Кожина четыре версты. Кожино расположено на правом берегу реки Кашинки, в одной четверти версты приблизительно от самой реки. На таком же почти расстоянии от реки на другом берегу ее находится с. Троицкое, принадлежавшее Тучковым.[1] Владелица с. Троицкого вдова генерала Тучкова, одного из героев Отечественной войны, убитого на Бородинском поле, была основательницей Бородинского Спасского монастыря.[2] Этот монастырь основан в 1833 году. В настоящее время Троицкое принадлежит одному кашинскому купцу. По берегу р. Кашинки в направлении к Кожину до самой церкви идет весьма заметная тропинка; это известная в народе *Макарова тропа*, которою, по преданию, преподобный Макарий ходил из Калязина в Кожино на поклонение своим родителям. Существующий теперь в Кожине каменный храм во имя Рождества Пресвятыя Богородицы с приделом во имя Макария Калязинского построен в 1732 году. В церкви до сих пор хранится освятительный крест с надписью: «Жертвенник Господа нашего Иисуса Христа во храме Рождества Пресвятыя Богородицы при державе благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея императрицы Анны Иоанновны всея России по благословению преосвященного Феофилакта, архиепископа Тверского и Кашинского, в лето от Адама семь тысяч двести четыредесятъ первое индикта 11 от Бога Слова 1732 года декабря в 13-й день на память святого великомученика Евстратия и иже с ним святил Свято-Троицкого Калязина монастыря архимандрит Иосиф да Никольского Клобукова монастыря игумен Гаврил Быков. Писал монах Тимофей Клобуковский. Сей церкви ктитором Никита Иванов сын Кожин. Подписал своею рукою декабря 13 дня».

На месте этого храма приблизительно до половины XVI столетия существовал двухпрестольный деревянный, в котором преподобный Макарий крестился и венчался. Когда этот храм обветшал, был построен новый, деревянный, трехпрестольный, в половине XVI столетия, существовавший до 1732 года. Теперешняя каменная церковь поставлена над могилами родителей преподобного Макария, супруги и ближайших родственников. Родоначальник фамилии Кожиных был выходец из

[1] С. Троицкое Фроловской вол. Калязинского у. Владелец — Тучков Павел Алексеевич, генерал-лейтенант: Описание имения, 1858 (ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 796).

[2] Тучков Александр Алексеевич (1778–1812), генерал-майор, погиб во время Бородинского сражения. Его жена Тучкова Маргарита Михайловна (1780–1852, урожд. Нарышкина, впоследствии инокиня Мелания, игуменья Мария), сестра декабриста М. М. Нарышкина. Бородинский во имя Нерукотворного Образа Спасителя женский монастырь на Бородинском поле, вблизи д. Семеновское в Можайском р-не Московской обл. основан в 1839, закрыт в 1929, возобновлен в 1992 г.

Швеции Юрий Бахты Франц, переселившийся в Россию на службу к великому князю московскому Василию Димитриевичу в самом конце XIV столетия. Он принял православие с именем Анании и получил в кормление село Гридково, нынешнее Кожино, пожалованное потом сыну его Василию. В грамоте Василия Темного, данной Василию Ананьевичу, читаем: «Се аз великий князь Василий Васильевич пожаловал верного своего слугу Василья Ананьина сына Кожу в Кашинском уезде деревень Семендеево, да пустошь Карабузино с пустошами, да сельцо Гридково, да пустошь Спас на холме за выезд отца его, яко его Бакхий Фрянца выехал из Швеции к великому князю Василию Димитриевичу и крестился, а во крещении имя ему Анания, и за его Васильеву верную службу, как был у меня бой в Галиче с князем Димитрием Шемякою и он Василий своим полком верно мне служил, не щадя головы своей, и князя Димитрия побил и гнался за ним с полком своим из Великого Новаграда и убил под ним князем коня и привез того коня часть кожи да лук да палаш князя Димитрия Шемяки ко мне великому князю в Москве: и аз великий князь пожаловал велел его Василья писать Василий Кожа. Писана та грамота на Москве лета 6958 (1450) году февраля в 4 день».

У Василия Ананьевича Кожина было четверо детей: три сына Матвей, Александр и Григорий и дочь Ксения. Старший сын Матвей (преподобный Макарий) родился 1400 года в ноябре месяце. Второй сын Василия Ананьевича, Александр, купил у тверского князя Бориса Александровича (княжил с 1425 по 1461 г.) соседнее с Кожином сельцо Анастасово, до сих пор принадлежащее Кожиным, и сделался родоначальником дворянского рода Кожиных. Младший сын Григорий постригся в монашество с именем Геннадия, был архимандритом Тверского Отроча монастыря, а с 1461 по 1477 г. епископом Тверским; поставлен во епископы митрополитом Ионою. Над могилами родителей преподобного Макария в приделе, посвященном его имени, налево по входе находятся три деревянных гробницы. На первой с северной стороны имеется надпись: «Василий Ананьевич Кожин, родитель преподобного Макария Калязинского», на второй, средней: «Ирина Кожина, супруга Василия Ананьевича, родительница преподобного Макария Калязинского», на третьей: «Елена Кожина, из роду Яхонтовых, супруга преподобного Макария Калязинского». Гробницы поставлены Яковом Никитичем Кожиным в 1826 году.

Впереди гробницы на столике хранятся два деревянных венца резной работы, выкрашенные темно-голубой краской, с изображениями на одном Иисуса Христа и Божией Матери, а на другом Иисуса Христа на кресте. По преданию, в этих венцах венчался в церкви с. Кожина преподобный Макарий. Тут же на столике хранится небольшой, в полтора вершка величиной, крестик с драгоценными камнями и частицами мощей в нем. Этот крестик, по преданию, носил на теле преподобный Макарий. Венцы и крестик имеют все признаки глубокой древности. Когда члены комиссии

вошли в церковь, в ней находилось немало народу, пришедшего поклониться родителям преподобного Макария. За панихидой, которую служил священник о. В. Гроздов, поминались имена Василия, Ирины, Елены, Александра, епископа Геннадия и Ксении, сестры преподобного Макария, бывшей в замужестве за боярином Иваном Ивановичем Гавреневым, который служил углицким князьям.

Под полом церкви находится несколько могильных плит; надписи на них славянской вязью гласят следующее: 1) Лета 7121 (1613) декабря в 23 день на память святых мученик иже в Крите преставися раба Божия Татьяна, Андреева жена Борисовича Кожина; 2) 121 (7121—1613) году преставися раба Божия Екатерина, Андреева дочь Борисовича Кожина; 3) Лета 7129 (1621) октября в 9 день преставися раба Божия Ивана Ивановича Бокларовского жена Ефросиния Андреева; 4) Лета 7137 (1629) августа в 25 день на память святого апостола Варфоломея преставися раба Божия Ксения Иванова жена Андреевича Кожина; 5) Лета 7187 (1679) декабря в 31 день преставися раба Божия Агрипина, во инокинях схимница Анна, жена Ивана Андреевича Кожина; 6) 199 (7199—1691) году апреля в 1 день преставися раб Божий Степан Иванович Кожин; 7) Сего году сентября в 23 день преставися раб Божий Павел Степа...

К числу замечательных икон следует отнести прежде всего икону преподобного Макария длиною 1 аршин и шириною 1 аршин 2 вершка. В середине во весь рост изображен преподобный Макарий, а вокруг разные моменты из его жизни: 1) рождество преподобного Макария, 2) крещение преподобного Макария, 3) преподобный Макарий приводится в училище, 4) Пресвятая Троица, 5) преподобный Макарий обучается Священному Писанию, 6) преподобный Макарий понуждается от родителей к бракосочетанию, 7) обручение преподобного Макария, 8) преставление супруги преподобного Макария, 9) погребение супруги преподобного Макария, 10) преподобный Макарий требует благословения от игумена, 11) и пойде от гроба преподобный Макарий в Клобуков монастырь, 12) преподобный Макарий постригается во иноческий образ, 13) преподобный Макарий хождаше по пустыни, ища места, идеже бы вселитися, 14) преподобный Макарий моляшеся Богу, да благословит место оное и крест водрузи, 15) преподобный Макарий созидает древяную церковь во имя Святой Троицы и братские кельи, 16) умолен от братии, да приимет чина священнического, 17) посвящается во иерея, 18) к преподобному Макарию принесен расслабленный ногами и по молитве исцеляется, 19) и приведоша тать украденные волы к преподобному и падше поклонишася, прося прощения, 20) преподобный Макарий умолен от братии, да примет чин игумена, 21) преподобный Макарий моляшеся Богу в пустыни и прииде бес и прогна его, 22) моляшеся Богу и прииде к нему болярин, 23) преставление преподобного Макария, 24) обретение мощей преподобного Макария игумена и чудотворца.

Другая замечательная икона изображает Рождество Пресвятой Богородицы с деяниями. Икона эта длиною 1 ½ аршина и шириною 1 аршин. Посредине изображено Рождество Богородицы, по краям изображения с надписями: 1) Принесе таким дары Господу Богу в церкви. Иссохар же архиерей сый тогда не хотя прияти даров, 2) Укоряем Иоаким о неплодствии от некоего евреина, 3) Молится Иоаким Господу Богу в пустыни о чадородии, 4) Моляшеся Анна в дому своем единою же введе в сад свой седши возведе очи свои на небо узре гнездо, 5) Обрете Иоаким Анну у златых врат и поведа ей о благовестии ангельском. Анна ему такожде поведа, 6) И принесе Иоаким дары Богу великие жертвы и всесожжения и бысть благословен архиереем и левиты и всеми людьми, 7) Сотвори Иоаким учреждение велие в дому своем и вси веселяхуся, хваляще Бога, 8) Введение во храм Пресвятыя Богородицы, 9) Иосифов жезл процвете, 10) Благовещение у кладезя Пресвятой Деве, 11) Вниде в дом Захариин и целова Елизавет, 12) Моляшеся Пресвятая Богородица на горе Елеонской и принесе архангел Гавриил ей вравию ветвь от рая. На оборотной стороне иконы вырезана надпись: «Сей образ Рожество пречистое поставлен Ивана Васильевича Кожина лет 7020-го (1512)».[1] По преданию, этот образ находился в доме родителей преподобного Макария, и перед ним молился сам Макарий. Заслуживает внимания также хранящийся в церкви древний синодик, по листам имеющий надпись: «В Кашинском уезде в вотчине своей и родителей своих в селе Гридкове, Кожине тож, ко храму Пресвятыя Богородицы честного ея Рожества, великого чудотворца Николы и чудотворца Макария Калязинского по своей души и родителей своих Семенове сыне и ему священнику Герасиму, по нем кто будет священник в той вотчине, сий синодик чести и большие понахиды петь, Бог сподоби и обедни по вся субботы. А за те понахиды Иван Ондреевич Кожин платит за священника дань по вся годы, и впредь до скончания века платить и детям Ивановым и родителям Ивановым архиепископова дань по вся годы за попов, а им по вся субботы петь понахиды и честь сий синодик, а кто прочих прихожан похочет в сий синодик писать родителей своих с нынешнего сто пятьдесят третьего году месяца июля в 30 день, и священнику имати с имяны алтына по два и по три, а те деньги собирать на церковное строенье, во что пригодятся, а без вкладу имян не писать». В этом синодике записано 21 имя иноков и инокинь из рода Кожиных. В ограде церкви около алтаря с южной стороны комиссией был осмотрен небольшой каменный обломок надгробной плиты, на котором сохранилась надпись: «Лета 7000 февраля 3…» Вероятно, эта плита находилась на могиле кого-нибудь из ближайших родственников преподобного Макария.

[1] Иван Васильевич Кожин, внук брата преподобного Макария, Василия Александровича Кожина. — *Прим. Виноградова.*

После обозрения церкви и завтрака, любезно предложенного о. В. Гроздовым, члены комиссии в сопровождении г. кашинского уездного исправника А. Н. Шорина выехали на лошадях в г. Кашин.

Город Кашин

Кашинские минеральные воды. Церковь Святой Троицы. Дмитровский мужской монастырь. Церковь Преображения Господня, или Ильинская. Церковь святых Иоакима и Анны. Болотская церковь. Кашинский кремль, или «город». Благоверная княгиня Анна Кашинская. Успенский собор. Воскресенский собор. 76-е заседание Тверской ученой архивной комиссии. Обозрение домашней археологической коллекции И. Я. Кункина. Сретенский монастырь. Клобуков мужской монастырь

В Кашин члены комиссии прибыли в 5 часов вечера 17 июня. После полуторачасового отдыха члены комиссии отправились для обозрения Кашинских минеральных вод.

Кашинские минеральные источники находятся на окраине города на правом берегу речки Маслятки, впадающей в Кашинку. Целебная сила кашинских источников была известна давно, но описаны они были в первый раз и сделались известны в литературе лишь в 1808 году благодаря кашинскому уездному врачу Чернявскому.[1] В 1859 году по просьбе кашинского городского головы М. И. Зызыкина воду из источников исследовал профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Шипулинский; он признал источники заслуживающими внимания и полезными в некоторых болезнях. Отзыв профессора Шипулинского Тверская врачебная управа представила в 1869 году в Медицинский департамент с просьбою о разрешении на открытие Кашинских минеральных вод. Дело это затянулось очень надолго; целебность кашинских и минеральных источников была установлена медицинскими авторитетами, но самые источники не были благоустроены. В 1883 году в Кашин приехал доктор А. В. Алексеевский. Он энергично взялся за дело упорядочения кашинских вод; при содействии городского головы Н. И. Манухина[2] он привел источники в то состояние, в котором они находятся в настоящее время. Научным анализом установлено, что кашинские воды относятся к разряду щелочно-железисто-углекислых серных источников. Всех источников три; они дают воды около 10 000 ведер в сутки. Минерализация кашинских вод, по отзывам специалистов,

[1] *Чернявский Д.* Описание минеральных источников, находящихся в городе Кашине (1808).

[2] Зызыкин Михаил Иванович, почетный гражданин Кашина, городской голова, купец первой гильдии. Шипулинский Павел Дмитриевич (1808–1872), врач-практик, профессор Петербургской медико-хирургической академии (1848–1864). А. В. Алексеевский, основатель Кашинского бальнеологического курорта. Манухин Николай Иванович (1850–1899), почетный гражданин Кашина, общественный деятель.

происходит в глубоких коренных пластах юрской формации, от чего зависит несомненное преимущество их перед железистыми водами, получающими свою минерализацию в поверхностных слоях почвы. Употребление кашинских минеральных вод полезно при всех болезнях, которые находятся в зависимости от анемии, при хроническом ревматизме, золотухе, катарах желудка, геморрое, подагре, ожирении. При источниках имеется здание для ванн, нагревания воды, павильон для конторы; с одной стороны разбит тенистый парк. Кашинское городское управление серьезно озабочено лучшим устройством минеральных вод; городская дума с недавнего времени ежегодно вносит в свои сметы на этот предмет определенную сумму. Число пользующихся водами простирается до 200 человек в год. Заведует водами кашинский гражданин г. Зызыкин.

18 июня с 6 ½ часов утра члены комиссии обозревали древности г. Кашина под руководством знатока местной старины члена комиссии И. Я. Кункина.[1]

1. Обозрение началось с церкви Святой Троицы, где И. Я. состоит старостою. Церковь эта находится «за городом» древнего Кашина «на посаде». В кашинских дозорных книгах 1621 года значится: «Церковь Живоначальныя Троицы. А на церковной земле в келье черный поп Иона, во дворе пушкарь Баженко Матвеев. В келье нищая вдова Любавка». В переписной книге г. Кашина 1709 года записано: «В Якиманской сотне две церкви деревянные Живоначальныя Троицы да чудотворца Николая близ торговой площади. У той церкви во дворе поп Сергей Иванов, а по сказке сын у него Петр пяти лет, у него два брата: Козьма двадцати лет, Иван шестнадцати лет, оброку с них платит по рублю по четыре алтына по две деньги, с сына по одиннадцати алтын по четыре деньги, мерою двора и огорода длиннику сорок одна сажень с аршином, поперечнику семнадцать саженей, да огородной церковной земли длиннику двадцать восемь саженей с полусаженью, поперек семнадцать саженей, кормится прихожим подаянием». Существующая каменная церковь начата постройкой в 1753 году. В этом году 16 июля было подано прошение преосвященному Вениамину, епископу Тверскому и Кашинскому, о разрешении на постройку священником Василием Сергеевым и прихожанами.

В церкви находятся следующие достопримечательные предметы: 1) запрестольная икона Живоначальной Троицы хорошей древней иконописи; в самом низу слуга режет тельца; 2) сень над престолом, круглая, золоченая, утверждена на четырех столбах; 3) деревянный крашеный потир; на стенке потира вокруг изображены Спаситель, Божия Матерь и Иоанн Креститель; затем слова «тело и кровь», изображение креста, копья и губки и далее слова «Господа нашего Иисуса Христа»;

[1] Кункин Иоасаф Яковлевич (1835–1908), потомственный почетный гражданин Кашина, купец 1-й гильдии, основатель Кашинского краеведческого музея, автор книги: Город Кашин: Материалы для его истории, собранные И. Я. Кункиным. М.: ИОИДР, 1903.

слова писаны вязью; 4) потир, дискос, звездица, два блюдца, лжица и дароносица оловянные; 5) иконостас церкви в стиле рококо в пять рядов: пророки, апостолы, двунадесятые праздники, местные иконы с изображением ветхозаветных событий. На иконах с изображением событий ветхозаветной истории имеются надписи; читаются они с трудом, так как писаны малограмотным художником. На первой иконе надпись: «И храня херувимы пламенное ограждение обращаемое хранити пути древа жизни, седе Адам прямо рая и плакася горько глаголаше: увы жизнь моя отпаде от мене, увы мне, что пострадах коликих благ лишихся». На второй иконе: «И бысть по днех принесе Каин от плодов земли жертву Богови и Авель принесе и той от первородных овец своих и от туков их и призре Бог на Авеля и на дары Его. А Каина же и на жертву его не внят и опечалися Каин зело». На третьей иконе: «И бысть внегда быти им на поле восста Каин на Авеля брата своего исби его и рече Господь Бог к Каину: где есь Авель твой и рече: не вем еда страж брату моему семь аз и рече Бог что сотворил сие». На четвертой иконе: «И плакася Адам и Ева о сыне своем и неразуме где сокрыти и яви Бог чудо, уби птица птицу и нача копати песок и Адам же и Ева сотвори тако же, погребоша со всяким плачем». На пятой иконе: «И рече Бог: да будет свет и бысть свет и виде Бог свет яко добро и разлучи Бог между светом и между тьмою и нарече Бог свет день и тьму нарече нощь и бысть вечер и бысть утро день един». На шестой иконе библейский стих: «И сотвори Бог твердь».

Из других икон в храме замечательны: икона Боголюбской Божией Матери хорошего письма; икона обложена серебряным с эмалью оплечьем; имеется эмалевая надпись: «Боголюбивая милосердая мати, прими усердное моление и приношение рабов твоих за избавление от огненного бедствия, бывшего во граде Кашине 18 июня 1883 года». В 1834 году к Троицкой церкви поступил во священники уроженец Владимирской губернии Муромского уезда Прохор Добронравов. Он священствовал при этой церкви 35 лет и оставил по себе добрую память; его имя значится во всех поминаниях, читаемых в Троицкой церкви в родительскую субботу. Как владимирский уроженец о. Прохор положил начало празднования Боголюбской иконе Божией Матери. Впоследствии с этой иконой было связано благодарное воспоминание об избавлении от пожара в 1883 году, в честь чего установлен каждогодно крестный ход из собора и прилегающих к площади храмов на городскую площадь. (Этот крестный ход члены комиссии видели.) В трапезе церкви находится резное изображение святителя Николая (Можайского) величиною 1 аршин 15 вершков. Икона помещается в киоте; святитель в золотом облачении и митре; в правой руке меч с рукоятью, в левой — пятиглавый храм. В библиотеке церкви находятся: 1) старинный пролог. На нем надпись: «Глаголемая ... Кашина священномученика Власия куплена на церковные деньги 1738 года месяца октобрия в день». Другая надпись: «1742 году августа в день уступил сию книгу церкви священномученика Власия священник Лев Григорьев

конюшенной слободы тяглецу Иакову Иаковлеву сыну Елину меною на полгода пролога того ради подписал я поп Лев в уверение своею рукою». Третья надпись: «Сия глаголемая книга пролог дана вкладу в приходскую свою церковь Живоначальныя Троицы... близ сапожного ряду посадской человек Иван Петров сын Воробьев и оную книгу он купил у конюшенного тяглеца Якова Яковлева сына Елина»; 2) постная триодь. На ней надпись: «1714 году месяца декабря в день выменена сия книга триодь постная города Кашина церкви Рождества Христова и всемилостивого Спаса нерукотворенного, а дана сия книга три рубли на сборные деньги сбираны кто что подал от своих праведных трудов радением тоя ж церкви попа Тимофея Яковлева сына и подписал поп Тимофей своею рукою»; 3) служба и слово Иоанну воину. Надпись: «сия книга церкви Живоначальныя Троицы дана вкладу по души на поминовение кашинца посадского человека Петра Димитриева сына Кункина 1762 году июля 28 дня». Служба и слово заканчиваются следующими печатными стихами:

«Хвалити Бога о всем подобает
У него милость всяк просяй взимает.
Добре поживе свят Иоанн воин в хвале богобоин
К блаженству вечну сей святый потщася
Агнцу Господу верен раб показася.
Ради бо его людем помогание,
скорбей свобождание
Иисус прия оного послугу.
О нем днесь радость во церковном кругу
Ныне зрит Христа, молится о верных
в щедротах безмерных.
Истину оным милости наздати
В нуждах всяких скор сей вся утешати.

Седмь тысящ двусот третьего лета сия служба лета июля луны. В типографии царствующего града Москвы».

В ризнице хранятся: 1) фелонь из черной китайки с оплечьем из китайки цветной по белому фону; подкладка из грубой крашенины; 2) икона пророка Авдия на цельной сосновой доске с выемкой, 16 ½ вершков вышины и 10 вершков ширины, очень древнего письма. Пророк держит обеими руками хартию, на которой в шести строках надпись: «Прииде день спасения»; 3) половина царских врат с слабыми признаками живописи, соснового дерева, 2-х аршин 5 вершков вышины и 10 вершков ширины; 4) две северных двери, на одной можно различить по вырезанным на дереве клеймам дьякона с кадилом, на другой сохранился только лик архангела, хорошей живописи; 5) икона святого Александра Свирского с деяниями в четырнадцати клеймах; 6) икона нерукотворенного Спаса, вышины 12 вершков, ширины 10 вершков, хорошего письма; внизу надпись: ΤΟΝΑΓΟ ΜΑΔ'ΕΛΝΟΝ. На оборотной стороне доски изображен архангел на крылатом коне в седле с стременами. Архангел Михаил с

крылами и в короне; во рту труба, в правой руке копье с осьмиконечным крестом наверху; в левой руке поводья от узды и кадило и в левой же руке книга; над головой архангела радуга. Под ногами лошади лежит пораженный копьем архангела дьявол в виде жабы с змеиным хвостом. Наверху иконы надпись: «Сверже сатану с небеси со всеми его демонскими силами», около передних ног лошади написано: «Оружие в конец и грады его разрушиша, погибе память его с шумом». В 1847 году Иосифом Яковлевичем Кункиным устроен в Троицкой церкви придел в честь святого Митрофана Воронежского, освященный архиепископом Григорием, пожелавшим присутствовать на этом торжестве. К числу старых икон в этом приделе на стенах нужно отнести икону Николая чудотворца, преподобного Серия Радонежского, святых апостолов Петра и Павла. На иконе преподобного Серия чудотворца имеется крест — подобие креста святой Нины. На иконе Николая чудотворца, обложенной серебряной ризой, вырезана надпись: «Моление игумена Асикрита». Асикрит был игуменом Кашинского Дмитровского монастыря в XVIII столетии. В церковной описи значится, что икона пожертвована «игуменом Асикритом бывшего священника Матвея Шаврова (при Троицкой церкви) дядею на память родителей его при сей церкви погребенных». В ризнице в церкви имеется железная пряжка от пояса, и на ней вырезана надпись: «сей пояс иеродьякона Асикрита 1754 года». На одном из колоколов Троицкой церкви, отлитом в 1848 году, находятся стихи:

Глас мой спящих возбуждает,
Поспешим во храм к Творцу.
От сует нас он призывает
К милосердому Отцу.

10 ноября 1847 года около церковной ограды копали канаву для осушения бута. При этом нашли клад, состоящий из 403 монет, из них две Бориса Годунова, остальные Михаила Феодоровича. Монеты были отосланы в Петербург и по возвращении поступили в собственность отца Иоасафа Яковлевича. Большинство монет хранится досель у Иоасафа Яковлевича. Из Троицкой церкви в Музее хранятся два железных кронштейна; один из них особенно замечателен по своей старинной работе. Сыном И. Я. Кункина Вячеславом Иоасафовичем в Музей передан был рельефный изразец с изображением цветка; его считают очень старым. Он найден в земле против дома Иоасафа Яковлевича, где, как можно полагать, находилась Косьмодамиановская церковь, о которой дозорная книга г. Кашина 1621 г. говорит: «в Кашине на посад на Косьмодемьяновском берегу церковь Косма и Демьян да придел мученик Христов Никита пуста, стоит без пенья».

2. Дмитровский мужской монастырь. Монастырь этот, как полагают, был основан ростовским князем Димитрием Борисовичем, отцом благоверной княгини Анны Кашинской, в XIV столетии. Но настоятели

этого монастыря делаются известными только с первой половины XVI столетия. В Московском архиве министерства юстиции самая древняя грамота Дмитровского монастыря от 7052 (1544) года (по отделу коллегии экономии № 6734/39); грамота написана на имя архимандрита Мисаила о промене деревни Муниной и пустоши Букиной. Древний каменный храм во имя Святой Троицы построен в 1682 году. Надпись гласит: «Лета 7190 (1682) месяца декабря устроен сей храм во имя Всесвятыя Троицы с приделами: во имя Казанския Божия Матери и святого и славного пророка Божия Илии и святителя и чудотворца Николая и святого великомученика Димитрия, при благоверном великом государе царе Феодоре Алексеевиче, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержце, при великом князе Иоанне Алексеевиче и при благоверном князе Петре Алексеевиче, при Адриане патриархе Московском и всея России, при Варсонофии митрополите Тверском и Кашинском, за поминовение стряпчего Адриана Стефановича Акимова женою его Настасьею Евсигнеевою, с зятем своим Михаилом Стефановичем Свечиным и дочерью Евдокиею Адриновою».[1]

Один из строителей церкви стольник Михаил Стефанович Свечин жил в числе братии Дмитровского монастыря и скончался в сане иеромонаха с имением Макария, что видно из надписи на стене, высеченной на камне в нижнем этаже церкви. В церкви замечательны старинная шитая плащаница, синодик и священные сосуды. На синодике по листам надпись: «Сия душам спасительная книга синодик сиречь поминание города Кашина Дмитровского монастыря что на посаде куплена ... Степанович Свечин по своему обещанию на поминовение родителей своих в церковь страстотерпца Христова Димитрия неотъемлемо». В синодике между прочим выписаны роды: стольника Михаила Степановича Свечина, Дмитровского монастыря архимандрита Арсения Старичанина, Малюты Аврамовича Опачинина, черного попа Илариона Тверитянина, москвитина манатейного ряда[2] Ивана Яковлева Сущовеца, Благовещенского игумена Адриана с Медведицы-реки. На плащанице, шитой шелком, серебром и золотом, Христос изображен лежащим во гробе; в ногах и у главы по одному херувиму с рипидами в виде звезды на длинном древке, около середины гроба также херувимы с рипидою. Из икон замечательны «Не рыдай Мене Мати» (в алтаре Троицкой церкви) и Страстной Божией Матери. Другой большой монастырский храм весьма недавней постройки воздвигнут усердием местной жертвовательницы Ванчаковой.

3. Церковь Преображения Господня, или Ильинская. О существовании в Кашине церквей, посвященных Преображению Господню

[1] Надпись эта, вырезанная на камне, первоначально находилась в старой паперти при входе в Троицкую церковь. При перестройке паперти в 1850-х годах надпись была списана И. Я. Кункиным, который при устройстве придельной церкви во имя святителя Николая в 1890 г. написал ее на церковной стене. — *Прим. Виноградова.*

[2] Манатейный — имеющий право носить монашескую мантию.

и Илии Пророку в очень давнее время, есть указание в дозорной книге г. Кашина 1621 года. Здесь после упоминания о том, что «в Кашине на посаде церкви Божии древяные ... а те церкви пожжены в приход литовских людей», говорится: «Место церковное, что был храм Преображения Спасова да Алексея Митрополита ... место церковное, что был храм Илии пророка да царя Константина». В переписной книге г. Кашина 1709 года записано: «В Якиманской сотне ... церковь деревянная Преображения Господня в приделах Казанской Богородицы да пророка Илии, что на Ильинской горе. А у той церкви во дворе поп Петр Федоров, а по сказке детей у него четыре сына: Яков двадцати лет дьячком и пономарем, Алексей осми лет в подьяках, Федор двух лет, Иван году, оброку с них платит с Якова по рублю по четыре алтына по две денги, с малолетних по десяти алтын по четыре денги, живет на церковной земле, мерою двора и огорода длиннику двадцать шесть саженей с четвертью, поперечнику по воротам пятнадцать саженей, да огородной земли вдоль двадцать саженей, поперек по воротам пятнадцать саженей, в другом конце двадцать четыре сажени, да старинной погост две полянки севу четверть, да в мерецком стану пустошь вениково, а в ней пашни и лесу двенадцать четвертей в поле, а в двух потому ж. Тое ж церкви во дворе дьякон Иван Федоров, а по сказке детей у него три сына: Афанасий двенадцати, Андрей пяти, Иван двух лет, оброку с них платит с Афанасия по тридцати алтын по четыре деньги, с малолетних по десяти алтын по четыре деньги, кормится мирским подаянием, мерою двора и огорода длиннику тридцать три сажени без четверти, поперек тридцать одна сажень». О времени построения настоящей каменной церкви на освятительном кресте имеется надпись: «освятися жертвенник во храме Боголепного Преображения Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа при державе благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея императрицы Екатерины Алексеевны всея России и при наследнике ее благоверном государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче и при супруге его благоверной великой княгине Марии Феодоровне и при благоверном великом князе Александре Павловиче, по благословению преосвященнейшего Арсения, епископа Тверского и Кашинского, в лето от Сотворения мира 7286, от Рождества же по плоти Бога Слова 1778 году индикта 11, месяца марта 31 числа на память преподобного отца нашего Ипатия». Церковь имеет два престола: вверху во имя Преображения Господня, внизу во имя Илии пророка. В церкви заслуживают внимания по своей древности следующие предметы: 1) синодик в листе в кожаном ветхом переплете с 32 печатными картинами (нескольких картин, надо полагать, нет). Происхождение синодика, по всей вероятности, относится к началу царствования императрицы Екатерины П. На внутренней стороне переплетной доски находится надпись, которую разобрать трудно, отчетливо написан лишь год 1765; выше этой надписи скорописью помечено: «за переплет 10 копеек, за бумагу 12 и на застежки 4 копеек»; 2)

икона преподобных Сергия Радонежского и Макария Калязинского во весь рост, 3) икона Иоанна воина в ризе, шитой шелком, золотом и серебром, поля кругом ризы шиты стеклярусом. Икона и риза работы очень древней; святой Иоанн изображен с копьем; внизу тропарь и кондак Иоанну воину; 4) икона Благовещения Пресвятой Богородицы. В самом верху изображен Господь Саваоф с рукой благословляющей двуперстно, ниже — архангел, слетающий с небес, и видение Иосифу во сне ангела. Ниже с левой стороны архангел во весь рост благовествующий с копьем в руке, наверху которого крест, в средине архангел слетающий с небес и Божия Матерь у колодца, внизу Иосиф-древодел перед храминой с топором в руках; с правой стороны Божия Матерь во весь рост; 5) вырезанная на доске плащаница длиною 9 вершков, шириною 8 вершков. В центре плащаницы резное изображение лежащего Христа, около предстоящая Божия Матерь и три мироносицы; слева Никодим, справа Иосиф, один изображен старцем, другой молодым. Вверху плащаницы резная надпись: «Иже херувимы тайно образующе трисвятую песнь приносяще», вырезано девять херувимов; внизу надпись: «Во гробе мертв бездыханен полагается», сбоку: «Благообразный Иосиф с древа снем и во гробе полагает». Все изображения резные, покрыты левкасом с признаками краски и позолоты; 6) в алтаре церкви Преображения находится икона Преображения Господня на медной доске; надпись гласит следующее: «Во славу Святыя Троицы Отца и Сына и Святого Духа изобразися на медной таблице святое Преображение Господне со прочими пречестными обители Терновския митрополии тщанием и иждивением тоя ж митрополии архимандрита Леонтия». Икона, очевидно, болгарского происхождения; 7) Библия в листе, печатанная в Киево-Печерской лавре в 1771 году. Перед выходным листом находится лист с овальным гравированным портретом Арсения Верещагина, епископа Тверского.[1] Вверху над портретом изображены митра и саккос, на саккосе геческое слово άνωδν. Вокруг портрета надпись «родился 1736 года генваря 27 Василий в крещении в монашество пострижен 1767 года наречен Арсений, епископом Архангелогородским с 1773 г. декабря 22, Тверским с 1775 г. апреля 1 дня». Под портретом двустишие:

В кратких сих чертах изображен Арсений
В добрых же душах он будет не в забвении.
1783 года марта 2 дня.

Святитель Арсений изображен в клобуке и мантии, в одной руке архиерейский посох, другая с благословляющими перстами. На вклеенном вслед за портретом белом листе написано, вероятно, рукою Арсения: «Из игуменов Ростовской епархии Толгского монастыря Тверской епархии в

[1] Арсений (Василий Иванович Верещагин; 27.01.1736, Кашин — 23.12.1799, Петербург), ректор и учитель богословия Тверской духовной семинарии, архимандрит Тверского Отроча (1768) и Троицкого Макарьева монастырей (1771), архиепископ Ярославский и Ростовский.

Нилову пустынь во архимандрита мною сего 1789 года августа 26 дня в кафедральном Ярославском Успенском соборе произведенному преподобнейшему отцу Иоанну[1] при Божием благословении в пользу и спасение со истинным усердием моим дарствую. Арсений, архиепископ Ростовский и Ярославский». Библия попала в Ильинскую церковь следующим образом: после смерти архимандрита Иоанна Терликова, умершего в Московском Донском монастыре, его имущество перешло по наследству родственникам — Терликовым и Оськиным; Оськины же были прихожанами Ильинской церкви; 8) пятнадцать столбцов.[2]

4. Церковь святых Иоакима и Анны. Близ этой церкви в старину находилась другая, во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи. Об этой церкви есть упоминание в дозорной книге г. Кашина 1621 года: «Церковь усекновения честныя главы Иоанна Предтечи; у церкви во дворе поп Яков Севастьянов». Что же касается церкви святых Иоакима и Анны, то дозорная книга упоминает только «место церковное, что был храм Иоакима и Анны». В переписной книге г. Кашина 1709 года в Якиманской сотне указано: «Две церкви деревянные Усекновения Предтечи Иоанна и Акима и Анны. У тех церквей во дворе поп Анкидин Антипин, а по сказке у него сын Василий двадцати лет, у Василья сын Василий двух лет; сын его попов сидит у солдатских дел на съезжем дворе в подьячих, оброку платит по рублю да с сына своего по десяти алтын по две деньги да пошлин по пяти алтын да в казенной приказ он же платит по рублю, двор его на церковной земле мерою длиннику полдесяты сажени, поперек полдевяты сажени, в огороде длиннику двадцать три сажени, в другом конце полдевяты сажени да за ним же пустырь поперек по улице полдесяты сажени, в другом конце полсемы сажени, длиннику сорок семь саженей, да в Кашинском уезде в Суходольском стану пустошь Козминская, оброку берет по рублю, да хлеба ржи и овса по четверти». Церковь Иоанна Предтечи упразднена, и на ее месте находится каменный столбик. Церковь святых Иоакима и Анны в настоящее время считается приписной к Крестознаменской церкви. Это единственная в настоящее время в Кашине деревянная церковь, сохранившая в себе много памятников старины, замечательная и своею архитектурою. О времени построения этой церкви надпись на деревянной доске говорит следующее: «Освящены олтари и церковь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа всемирного воздвижения честного и животворящего Креста Господня при том же святых и праведных богоотец Иоакима и Анны в лето 7154 индикта 14, а от воплощения Христа Бога Нашего 1646 году

[1] Иоанн (Яков Терликов; 1755, Кашин — 1814), принял монашество в Ниловой пустыни (1780), уставщик, ризничий, наместник; игумен Алексеевского монастыря в Угличе (1785), Толгского монастыря (1786), архимандрит Ниловой пустыни (1789), Симонова (1797), Донского (1810) монастырей.

[2] Столбцы напечатаны в журнале 76-го заседания Архивной комиссии. — *Прим. Виноградова.*

месяца марта 15 дня на память святого мученика Агапия при благоверном царе и великом князе Алексеи Михайловиче всея Руси и при архиепископе Ионе Тверском и Кашинском». Иконостас в церкви весь старого письма; замечательна храмовая икона святых Иоакима и Анны с деяниями, основанными на сказаниях апокрифических евангелий; в церкви есть старая икона благоверной княгини Анны Кашинской, древний складень с вставленным крестом и по сторонам страданиями Спасителя, бумажный трисвечник. В церкви святых Иоакима и Анны хранятся некоторые иконы из упраздненной Предтеченской церкви, старого письма, и замечательные царские врата.[1] Бывшей Предтеченской церкви принадлежит также вырезанное из дерева старинной работы изображение главы Иоанна Предтечи с следующими стихами:

Еда Ирод царь пир велий творяше
На котором дщерь блудныя плясаше
Тем Иродови и с ним угод ... (ила)
И Иоанновы главы испрос ... (ила)
Отсечена та на блюде внесеся
И плясавице на руце дадеся
Примли же и даде матце своей
Вземши же она зле поругася
Грех свой с царем хотя скрыти тайно
Но вселенная вся уведав явно
Аще ей скверно б то и любезно
Но всему миру зреть на главу слезно.

Многие из икон церкви святых Иоакима и Анны могли бы быть ценным приобретением для музея.

5. Болотская церковь. В дозорной книге г. Кашина 1621 года сказано: «Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, да придел Василия Блаженного, да церковь теплая Екатерины Христовой мученицы, а у церкви во дворе поп Перфилий Парфеньев». В переписной книге г. Кашина 1709 года в «песошной сотне» указана «Церковь Рожества Богородицы каменная, что на болоте. У той церкви во дворе поп Михайло Никифоров, у него сын поп Борис, а по сказке его служит он у той церкви и питается мирским подаянием, у него сын Борис у той же церкви попом и кормится подаянием же, у него племянник Федор осьми лет дьячком и пономарем, оброку платят поп Борис с себя по рублю по три алтына по четыре деньги, мерою двора по воротам одиннадцать саженей с полусаженью длиннику, осмь саженей пять четвертей в огороде поперечнику, осмнадцать саженей длиннику, девятнадцать саженей с полуаршином тое церковные земли под огородом длиннику тринадцать саженей, поперечнику семь саженей, в другом конце четыре сажени да к той церкви после умершего посадского человека Михаила Жернокова дана

[1] Врата эти, как полагают, не позднее XVII столетия; они подновлены, но не совсем искусно. — *Прим. Виноградова.*

лавка в Калашном ряду. Той же церкви во дворе дьякон Исай Кирилов, а по сказке его живет он на земли церковной Иоанна Предтечи, оброку с той земли архиерею платит по полтине на год, мерою двора и огорода длиннику двадцать саженей с полуаршинном, у него же сын Андрей двадцати лет женат, детей нет, тягло платит в земскую избу с посадскими людьми». В церкви замечательны: икона Страшного Суда, при входе направо; в аду в огне мучатся грешники, над ними надписи: блудники, прелюбодеи, Савелий, Лев Исаврянин, Гришка (Отрепьев?), Ориген, Лютор, Корей, Дафан, Авирон, Менелай, Маркюн, Евтихий, Каин, Севир, Сатана держащий в руках Иуду, Симон волхв, Монтан, Нерон, Дюклитлан. Кинопс волхв, Волтер, Имодур волхв, Максимиан, Юлиан Отступник, Арий, Каиафа, Ананий, Саддукей, Анна, Несторий, Ирод, Иродиада, Февда, Дюскор, Нобат, Копроним, Плясавица, Клима, Максимин, Епикур, Василид, Калвин, Святополк, Мазепа, Именей, Филит. В алтаре за престолом икона Святой Троицы; на троне сидит Бог Отец; на лоне у Него Богомладенец, на персях Дух Святой в виде голубя. За левым клиросом на стене хорошего письма икона Корсунской Божией Матери. В приделе великомученицы Екатерины в алтаре икона «Образ биения у столба Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Христос, привязанный длинным вервием к столбу, лежит на полу; внизу надпись: «Изображение страдания Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: всегда был к столбу каменному привязан и люто руками воинскими розгами тертыми и от тех язв нестерпимых изнем и падал на землю». В том же приделе находится икона Иерусалимской Божией Матери; надпись: «Сия Пресвятыя Богородицы икона написанная от святых Апостол по Господнем Вознесении в 15 лето, бяше в Гефсимании, иде же бе гроб Пресвятыя Богородицы, в лето же 5961 перенесена из Иерусалима в Константинград Львом царем Великим. Обреташеся во храме Пресвятыя Богородицы, нарицаемом Пигии, и бяше до царствования благочестивого царя Ираклия и тогда в том храме от сея иконы бысть чудо, помощью бо ея многих победиша скифов воюющих, потом перенесена сия во храм Влахернский и много чудодействование и бяше тамо до Льва царя Премудрого в лето 6496 ради нашествия руссов принесена в Херсон и егда прият русский князь Владимир Херсон и крестися в Херсоне и тогда из Херсона взя мощи святого Климента папы Римского и с иконы и сию икону Богоматере и принесе по крещении в великий Новоград, из великого Новагорода принесены к Москве многие святые иконы и сия святая икона царем и великим князем Иоанном Васильевичем в 7080 году». На иконе по краям изображены 12 апостолов: слева Петр, Иоанн, Марк, Андрей, Варфоломей, Фома; справа Павел, Матвей, Лука, Иаков, Симон, Филипп. Около южной стены храма в ограде находится надгробная плита с надписью: «лета 7147 (1639) марта в 17 день преставися раба Божия Стефанида во иноцех схимница Филонида Саввина жена Максимовича

протоиерея Сысоева». Стефанида Сысоева — мать погребенного в Калязине монастыре Серапиона, митрополита Сарского и Подонского.

После обозрения Болотской церкви члены Комиссии осматривали остатки Кашинского кремля, или «города».

В первый раз город Кашин упоминается в Никоновской летописи под 1287 годом. В этом году в феврале месяце татары «взяша Юрьев и Переяславль и Дмитров и Тверь и Кашин и Волок и Кснятин и вся поплениша даже и до Торжку и несть нигде же места, где не воеваша».[1]

В переписной книге г. Кашина 1709 года «город» Кашин описывается так: «Город Кашин сделан на самородной горе, а около того города с двух сторон обошла река Кашина, и с других с двух сторон меж рекою учинены рвы и с одну сторону от посаду сделан вал, а по валу и по горе город рублен в сосновом лесу клетски. А в нем проезжие три башни.

Башня Воскресенская старая с проезжими вороты, над вороты в киоте образ Воскресения Христова, в воротах калитка, мерою та башня кругом двенадцать саженей.

Перед тою башнею чрез ров мост новый строения посадских людей, а строен тот мост из кашинской земской избы в 700 (1700) году из мирских доходов.

По левую сторону того моста идучи в город по мере рву поперек девять саженей, а осыпи в вышину к городовой стене тринадцать саженей, а по другую сторону к рядам одна сажень.

От Воскресенских ворот до Архангельских проезжих ворот по городовой осыпи мерою сто тридцать шесть саженей с полусаженью и с полуаршином, в том числе от Воскресенских ворот городовой стены и башен на девяноста саженей нет.

А по ведомости из приказной избы на том месте была городовая стена да глухих три башни: Захряпина, Афанасьевская, Пятницкая, и в прошлом 208 (1700) году сгорели, а после того той городовой стене и башням строения не было.

Затем в остатке по той осыпи на осмнадцати саженях с полусаженью городовой стены одиннадцать взрубов без кровли.

Да на двадцати осми саженях с полусаженью две башни глухих Предтеченская да Пречистенская да городовой стены промеж них два звена в целости, а кровля ветха.

А против Предтеченской башни во рву поперек пять саженей, а осыпи в вышину до той башни тринадцать саженей, а на другую сторону к тюремному двору две сажени.

Башня Архангельская с проезжими вороты, над вороты в киоте образ архангела Михаила, а на воротах калитка, мерою та башня кругом двенадцать саженей, перед той башней чрез ров мост старой сгнил.

[1] Никоновская летопись. Старое издание. 2-я часть, стр. 376. — *Прим. Виноградова.*

От Архангельских проезжих ворот вверх реки Кашины до наугольной Покровской башни мерою сто шестьдесят три сажени.

В том числе от Архангельских ворот городовой стены стоит без кровли тридцать шесть саженей да поросшего места тридцать семь саженей, а от поросшего места городовой же стены девяносто саженей, в том числе башня глухая Фроловская.

А по ведомости из приказной избы на поросшем месте была Тайничная башня да колодец, и та Тайничная башня свалилась, и колодец завалился, и городовая стена упала в реку Кашину в прошлом 203 (1695) да в 1701 годах, а по сказке из приказной избы сторожей и караульщиков той Тайничной башни и городовой стены лес снесло по реке Кашин полою водою вниз.

А после того на том месте Тайничной башни и городового строения и починки не было.

А мерою от реки Кашины по горе вверх до городовой стены подле места Тайничной башни десять саженей, а против наугольной Покровской башни тринадцать саженей.

Башня Наугольная Покровская глухая, мерою кругом та башня девять саженей.

А от той башни до Духовских проезжих ворот городовой стены двенадцать саженей.

Башня Духовская с проезжими вороты, на воротах калитка, мерою та башня кругом одиннадцать саженей с аршином, перед тою башнею чрез ров к Духову монастырю старой мост сгнил, а тем рвом в длину меж рекою Кашиною по мере сорок девять саженей.

От Духовских проезжих ворот на другую сторону до наугольной башни городовой стены мерою три сажени.

Башня Наугольная глухая, мерою кругом башни восемь саженей с полусаженью. От реки Кашины вверх горою до той башни и городовой стены мерою тринадцать саженей.

А от той же башни городовою стеною вверх реки Кашины до Воскресенской первой башни, которая с проезжими вороты, мерою сто тридцать пять саженей с аршином. В том числе три башни глухих: Кузьмодемьянская, Вознесенская, Теремовая, да в том же числе подле Теремовой башни на десяти саженях городовой стены нет.

А по ведомости из приказной избы тое городовую стену повалило бурею в прошлом 1707 году при воеводе Саве Секиотове, а тот лес по сказке приказной избы сторожей и караульщиков которой был здоровой положен по приказу его Савы Секиотова на починку мостов, которые перед градскими Архангельскими и Духовскими вороты для проезду и проходу градских и уездных людей, а остальной худой сгнил.

А город весь ветх, и на город и на башнях кровля огнила попала.

Всего города и с башнями по мере вкруг четыреста шестьдесят восемь саженей.

А в котором году тот город строен и какими людьми и по чему чего на то строение с уездных людей сбирано, о том в приказной избе ведения не сыскано, для того что строен тот город в давних годах.

А впредь тому городу и осыпи без строения и без починки быть не мочно, потому что градская гора от полых вод реки Кашины во многих местах осыпалась и городовая стена в тех местах свалилась.

А о строении и о починке того города прежние воеводы к Москве в приказы писались или нет, о том ведения в приказной избе не сыскано и указов о том строении и о починке в приказной избе не видно же.

Внутри города мерою в длину от городовой осыпи чрез двор Сретенского девичья монастыря до Духовских проезжих ворот сто семьдесят одна сажень.

Поперек от Воскресенских проезжих ворот мимо соборные церкви до городовой стены, которая была подле Тайничной башни, мерою шестьдесят восемь саженей.

В другом месте поперек против Кузьмо-Демьянской башни четырнадцать саженей.

В том же городе близ приказныя избы и каменныя палатки колодец копаной, а ныне тот колодец обвалился, и воды из него не берут.

В том же городе каменная палатка, а в ней стоит снаряд сто восемьдесят девять ядер железных, да пищальных мелких сто пятьдесят пять ядер да каменные восемь ядер.

Всего триста пятьдесят два ядра, в том числе больших сто восемьдесят девять ядер, весом всякое ядро по полтора фунта, малых сто пятьдесят пять ядер, весом всякое ядро по девять золотников.

Пороху в бочке по весу с рогожею и ужищем пять пуд, а свинцу в рву гирев весом двенадцать пуд.

А по ведомости из приказной избы ружье, которое было в Кашине в казне, три пищали полковых железных да две медные посланы к Москве в Пушкарской приказ в 206 (1698) году, а пять пищалей по выбору московского пушкаря Козьмы Васильева в 207 (1699) году посланы на Воронеж, а остальные шестнадцать пищалей посланы на железные заводы боярина Льва Кирилловича Нарышкина в прошлом 1700 году, а кроме того вышеписаного остального ружья и иной никакой артиллерии в Кашине не осталось, также и казенных погребов и анбаров и запасные соли и бузуну нет.

В том же городе приказная изба двойня с прирубом на подклетах, перед нею сени, а в приказной избе образ Всемилостивого Спаса Нерукотворенного да судейской стол, на столе сукно красное ветхое да чернильница оловянная, да два стола подьяческих, а в прирубе ящики и коробы с делами и сборная денежная наличная казна, а у той казны и в приказной избе сторожа из посадских людей Иван Водолеев, Клобукова монастыря из крестьян Василий Степанов.

А сколько в приказной и в земской избах окладных и неокладных денежных и всяких сборов сбирается и что в сборе и высылке и затем в Кашине сентября по 11 число на лицо и в дописке и на которые годы порознь, и тому учинены особые книги.

Двор воеводской, а на нем живет воевода стольник Степан Семенов сын Ергольской, мерою вдоль двора по воротам и с огородом двадцать девять саженей, поперек от ворот двенадцать саженей, о средине и в другом конце по одиннадцати саженей с полусаженью, а тот двор за городом на посаде в песочной сотне на берегу реки Кашины, а на нем строения горница с комнатою белые на жилых подклетах; с одну сторону перед горницею и подклетах сени рублены в сосновом лесу, а в тех сенях в верхних чулан, в исподних два чулана, а с другую сторону той двойни черная горница на мшанике, а меж тою горницею и комнатою сени же на подставах, на них чулан рубленой, покрыт тесом, у задних сеней баня на режах, на переднем дворе ворота створные ветхи, у ворот изба, подле той избы конюшня, а на них кровля ветха, да за конюшнею два сарая крыты дранью, на заднем дворе ледник, на нем анбар, подле того анбара поварня, двор огорожен вкруг заборы, а те заборы ветхи и низки и без починки быть невозможны. Да к тому же двору отхожий луг владеет воевода, а тот луг выше города на реке Кашине же и на устье речки Вонжи против Клобукова монастыря.

А строена та приказная изба вместе с воеводским двором в прошлом 203 и 204 (1695 и 1696) годах при сидении воеводы Киприяна Спешнева, а на то строение приказной избы и воеводского двора и на всякие припасы и мастеровым и работным людям на дачу по грамоте из разряду велено собрать с Кашинского уезду с помещиков и вотчинников и с монастырских вотчин с крестьянских и бобыльских дворов по переписным книгам 187 году (1679) по четыре деньги, а с посадских людей по осми деньги с двора.

Да за городом на площади губная изба на подклете ветха, а в котором году строена, того не ведомо, потому что строена в давние годы, а в ней пригорожен двор тюремной, а строен тот тюремной двор в 206 (1698) и в 1706 годах при воеводе Иване Костюрине, а на то строенье сбирано с уездных людей с архиерейских и монастырских по алтыну, с помещиковых по три деньги».

Кроме церквей, о которых будет речь ниже, внутри города находились дворы:

«Ехав в город в Воскресенские ворота на левой стороне двор Володимера Петрова сына Шереметьева, а в нем живет дворник кашинец посадской человек Василий Дмитриев сын Небученов пятидесяти лет, детей у него: сын Афанасий тринадцати лет, Иван девяти лет, и те дети его на Москве учатся сапожному, писан он Василий в посаде особо, а пришлых людей и свойственников и захлебетников и беглых солдат и крестьян с ним во дворе никого нет.

Во дворе вдова Марфа рассыльщика Яковлевская жена Шикалова, детей нет, живет на посадской земле безоброчно, а муж ее служит с жалованные земли, и ныне тою землею владеют кашинские рассыльщики.

Во дворе Воскресенского собору пономарь Максим Акимов сорока пяти лет, у него два сына: Иван в том же соборе в пономарях осмнадцати лет, Яков четырех лет живет на посадской земле Тимофея Отрупникова безоброчно, а строение на той земле его Максимово, да к той же посадской земле под строением его есть церковной земли Воскресенского собору позади того двора в переулке земля пустая Петра Петрова сына Челищева, посажена капуста, а по сказке сторожа Максима Акимова тую землю нанимает он у человека его сельца Прокофьева у приказчика, а дает найму по три алтына по две деньги.

Двор Калязина монастыря, а в нем живет того же монастыря бобыль Федор Иванов пятидесяти лет, детей нет у него, два пасынка того же монастыря села Перетрясова Семеновы дети, а чей сын и прозванием не упомнить, Семен служит в солдатах в Преображенском полку, Андрей тринадцати лет учится на Москве сапожному мастерству, а у кого не знает, а пришлых людей и никаких родственников и пригороженных дворов у него нет.

Двор Федора Андреева сына Коржавина, а в нем живет соборных церквей и градских просвирница вдова Марфа Иванова, дочь у ней, сын Роман живет в вотчине окольничего Михаила Васильевича Собакина в селе Мялицыне в церковных дьячках, и у него Романа четыре сына: Никита семи, Никифор пяти, Иван трех, Андрей двух лет, а опричь того у ней во дворе никаких людей нет, живет одна.

Двор пуст вдовы Василисы степенного ключника Никитинской жены Боркова.

Двор окольничего Михаила Васильевича Собакина, а в нем живет крестьянин его Данило Ильин пятидесяти лет, детей нет, а пришлых и никаких людей в том дворе нет же.

Двор Сретенского девичья монастыря, в нем живут того же монастыря крестьяне Михайло Серков, Семен Бутин, Михайло шестидесяти лет, детей у него три сына: Дмитрий тринадцати, Иван девяти, Василий трех лет, и Дмитрий и Иван на Москве учатся сапожному. Семен Семенов сын Бутин, Щукин он же, сорока лет, у него сын Иван полугоду да брат родной большой Иван пятидесяти лет ходит в приказной избе в ходоках, а иных никаких пришлых людей и беглецов нет.

У соборной церкви Успения Богородицы на погосте две кельи, а построены для зимнего времени той церкви попам, а в них живет Калязина монастыря бобыль Иван Васильев тридцати лет, холост.

Двор боярина Тихона Никитича Стрешнева, а в нем живет на дворничестве Калязина монастыря бобыль Григорий Родионов, у него два сына: Степан пятнадцати, Григорий пяти лет, а опричь того пришлых людей нет

Двор окольничего Алексея Тимофеевича Лихачева, а в нем живет на дворничестве кашинской солдат Иван Шикалов двадцати пяти лет, холост, служит, земли у него племянник Иван девяти, Петр двух лет, а пришлых людей никаких нет.

Двор стольника Ивана Иванова сына Раймейкова, а в нем живет Воскресенского собору отставной сторож Володимер Иванов шестидесяти лет, у него три сына: Никифор двадцати трех лет в Успенском соборе в пономарях, Иван двадцати, Гаврило осмнадцати лет, а Гаврило сошел к Москве в малых летах и где живет, не знают, а опричь того иных детей и никаких пришлых людей нет.

Двор стольника Михаила Михайлова сына Волынского, а в нем живет того же Воскресенского собору пономарь Василий Акимов пятидесяти лет, у него три сына: Михайло девяти, Степан семи лет, Павел полугоду, а иных детей и никаких пришлых людей нет.

Двор девки Катерины Ивановой дочери Милюкова, а в нем живет на дворничестве посадской человек Алексей Прибытков да вдова попадья Ксения Прохорова дочь. Алексей Прибытков сорока пяти лет, у него детей и никаких пришлых людей нет, тягла платит в год по четыре рубли, у попадьи детей нет, под тем двором, где она живет, была церковная земля собору Рожества Богородицы, и Прибытков писан с посадскими, а иных никаких пришлых людей у них во дворе нет. Двор тверского архиепископа, а в нем живет духовных его дел недельщик Иван Михайлов шестидесяти лет, у него сын Роман в драгунах, Иван двадцати лет, а пришлых и иных никаких людей нет.

Двор Клобукова монастыря, а в нем живет того ж монастыря бобыль Василий Степанов двадцати пяти лет, а детей и никаких пришлых людей у него нет, а ныне он в Кашине в приказной избе в сторожах.

Двор Федора да Ивана Тучковых, а в нем на дворничестве живет Калязина монастыря бобыль Степан Афанасьев пятидесяти пяти лет, детей у него три сына: Андрей шести, Иван трех, Василий году, а пришлых и никаких людей у него нет.

Двор Калязина монастыря, на нем живут того монастыря бобыли Семен Артемьев сын Горохов пятидесяти пяти лет, у него пять сынов: Петр одиннадцати, Данило девяти, Иван семи, Тимофей четырех, Дмитрий году, Тихон Афанасьев сорока пяти лет, у него два сына: Иван осми, Леонтий четырех лет.

Двор Дмитровского монастыря, а в нем живет того же монастыря бобыль Игнатий Савельев сорока лет, у него сын Иван осми лет, а иных детей и никаких пришлых людей у него в том дворе нет.

Двор пуст Федора да Ильи Травиных, а жителей в том дворе нет.

Во дворе пушкаря Анисимовская жена Кучина вдова Марфа, детей нет, и у нее зять Сретенского монастыря подмонастырской слободы крестьянин Яков Евдокимов шестидесяти пяти лет, у него два сына: Василий в солдатах, Григорий девяти лет».

В настоящее время от Кашинского укрепления сохранились ясные следы; доселе существует вал на северной стороне кремля. Ясно заметны также следы рва, прокопанного в самом узком месте на перешейке между рекою Кашинкою. За этим рвом кончался «город», и около моста через ров находилась Духовская башня с проезжими воротами. Самый ров засыпан пленными французами в 1813 году. Таким образом по направлению к юго-востоку «город», или кремль, оканчивался этим рвом. Сохранившийся до настоящего времени вал, которым ограничивается городской сад, а также место Духова монастыря, который находился близ теперешнего городского сада, были вне «города», или «острога». Вероятно, этот вал был сделан позднее.

Из церквей, находившихся в Кашине в «остроге», дозорные книги 1621 года упоминают следующие: «В Кашине в остроге соборная церковь Воскресения Господа нашего Иисуса Христа каменная, не покрыта, да придел Рожество Пресвятой Богородицы, да теплая церковь Похвала Пресвятой Богородицы древяна. В остроге же соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы да придел Преображение Спасово, древян, клетски».

В переписной книге г. Кашина 1709 года сказано: «Внутри же города две соборные церкви каменные. Соборная Воскресения Христова каменная на кладовых палатах с папертьми с земли с одним всходом, а в ней предел Рожества Пресвятыя Богородицы. Колокольня деревянная осмигранная, на ней семь колоколов, на той же колокольне часы, а бой у тех часов по заводе в те же колокола, Соборная же церковь Успения Пресвятыя Богородицы с пределы каменная и с колокольнею».

Соборы Воскресенский и Успенский существуют и в настоящее время. Из всего, что находилось внутри «города» Кашина, сохранились только эти два памятника старины, да и они на своем веку испытали слишком много перемен. История этих двух церквей ясно связана с личностью почитаемой в г. Кашине святой благоверной княгини Анны Кашинской, супруги святого благоверного великого князя Михаила Ярославича.

Старшая дочь Димитрия Борисовича, князя ростовского, княгиня Анна была избрана в супруги святому князю Михаилу Ярославичу его матерью Ксениею. Бракосочетание княжеской четы свершилось в кафедральном тверском храме 8 ноября 1294 года при участии Тверского епископа Андрея. После мученической смерти мужа (22 ноября 1319 года) княгиня Анна в тверском Софийском монастыре постриглась в монашество. По свидетельству жития, она, уступая просьбам младшего своего сына Василия Михайловича, первого князя кашинского, переселилась в Кашин. Это произошло, вероятно, в 1365 году, когда Василий Михайлович был вынужден окончательно оставить Тверь и когда у княгини Анны не осталось в Твери больше ни одного сына. С 1365 до 1368 года Василий Михайлович жил в Кашине, здесь он и умер. Василий

Михайлович построил для матери Успенский храм, при котором была открыта женская обитель. Скончалась схимонахиня княгиня Анна в 1368 году и погребена была в Успенской монастырской церкви.

Через 243 года по смерти началось прославление благоверной княгини Анны. В 1611 году кашинскому соборному пономарю Герасиму явилась в сонном видении схимонахиня, назвавшаяся Анною; она повелела с честью соблюдать ее гроб и сказала, что она — покровительница города Кашина, молится за него пред Богом. В 1650 году 12 июня, в присутствии царя Алексея Михайловича и царицы Марьи Ильиничны, совершилось торжественное открытие мощей благоверной княгини Анны. Мощи были перенесены из ветхой деревянной Успенской церкви в каменную Воскресенскую; царь повелел соборному священнику Василию строить каменную церковь во имя благоверной княгини Анны. Священника Василия Васильевича Игумнова, строителя Успенского собора, житие княгини Анны называет «чудным в строительстве, благоговейным и теплым верою». До сих пор сохранился в соборе принадлежавший ему напрестольный крест с надписью: «Сей крест построен в Кашине в соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы и преподобной благоверной княгини Анны по обещании тоя же церкви попа Василия Васильева Игумнова лето 7175 (1667)». В кресте находятся мощи княгини Анны, о чем гласит надпись: «Мощи святыя благоверныя великия княгини Анны Кашинской». Иконописное изображение обретения мощей княгини Анны находится в доме кашинского гражданина Н. Н. Зызыкина, изображение перенесения мощей — в Воскресенском соборе. Успенский собор воздвигнут в период времени от 1664 до 1670 гг. В честь благоверной княгини Анны был освящен правый придел Успенского собора. На память о посещении Кашина Алексей Михайлович пожертвовал доселе сохраняющиеся в Воскресенском соборе три шелковые воздуха, шитые руками царевен, и два покрова на мощи. На одном покрове 2 аршин 12 вершков длиною вышито изображение княгини Анны во весь рост; около главы изображения вышита надпись: «Святая преподобная княгиня Анна Кашинская», по полям вязью тропарь и кондак благоверной княгини. В Успенском соборе можно видеть несколько икон благоверной Анны; на некоторых она изображена вместе с святым благоверным князем Михаилом Ярославичем. Есть одна, несомненно древняя, икона княгини Анны небольших размером, купленная у старообрядцев. Из описной книги Оружейной палаты за 1687 год мы узнаем, что по повелению царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны для мощей княгини Анны была сделана серебряная чеканная рака с позолотою «в двадесять четвертое лето возраста его государева, в седьмое лето богохранимыя его царения державы, лета 7160 (1652)». На верхней стороне раки было вычеканено изображение княгини, на прочих тропарь и похвала преподобной. Но о судьбе этой раки ничего неизвестно. По указу царя Алексея Михайловича была написана и служба княгине

Анне на перенесение мощей ее Епифанием Славинецким; на обретение же мощей тропарь и канон составлены священником кашинской Пятницкой церкви Иваном Наумовым и посадским человеком Семеном Осиповым Сухоруковым. В Успенском соборе замечателен древний запрестольный крест, сделанный, как значится в надписи «лета 7186 (1678)», при державе великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича и при великом господине святейшем патриархе Иоакиме.

Чествование святой благоверной княгини Анны продолжалось до 1678 года. 1678 года 20 января патриарх Иоаким созвал собор для пересмотра дела о канонизации княгини Анны; собор постановил великую княгиню Анну поминать с прочими православными князьями и княгинями о вечном упокоении; храм, созданный во имя княгини Анны, переименовать во имя Всех святых, мощам княгини «просто стоять». Собор определил всякому православному не иметь ни образов княгини Анны, ни жития ее, ни канонов в честь ее. Однако Кашин продолжал чествовать княгиню Анну. В Воскресенском соборе имеется потир с такой надписью: «186 (1678) апреля 20 приложи сия сосуд в соборную церковь благоверной княгини Евфросинии (монашеское имя княгини Анны по пострижении ее в тверском Софийском монастыре), что в Кашине, князь Иван Куракин по жене своей княгине Федосии Алексеевны поминаючи ее и по родителев своих да по сыне своем князе Михаиле, да по внуке князе Василии Михайловиче».

3 мая 1766 года в Кашине произошел пожар; Воскресенский собор погорел, тверской преосвященный Гавриил распоряжением от 23 марта 1767 года повелел: «Известно нам учинилось, что имеющиеся в Кашине в соборной церкви мощи великой княгини Анны во время пожара от огня повреждены; того ради ... Кашинскому духовному правлении немедленно ... наложив их имеющеюся сверх доскою запечатать и о том репортовать». Но распоряжение это, как кажется, не было приведено в исполнение, неизвестно по каким причинам. Мощи княгини Анны почивают в раке, обложенной серебряной ризой. Рака не имеет верхней крышки, и мощи закрыты лишь пеленами. Древнейшей иконой княгини Анны считается находящаяся на правом столпе в соборе вблизи раки; княгиня Анна изображена во весь рост; икона в серебряной ризе. Эту икону носят в крестных ходах. На иконе в иконостасе Воскресенского собора княгиня Анна изображена вместе с благоверным князем Михаилом Ярославичем.

Чествование княгини Анны как святой в настоящее время факт, не подлежащий никакому сомнению. В честь ее в Кашине совершаются празднества четыре раза в год: 12 июня в воспоминание перенесения мощей ее из Успенской церкви в Воскресенский собор при Алексее Михайловиче; 21 июля в день обретения мощей; 2 октября в день кончины, 17 ноября в память перенесения мощей из Успенского собора в Воскресенский в 1818 году и кроме того в неделю Всех святых. Службу в

эти дни отправляют Всем святым. Иконы княгини Анны имеются во всех почти церквах г. Кашина и в каждом старинном доме. Жители Кашина называют Воскресенский собор не иначе, как собором «благоверной»; на поклонение ее мощам издалека приходят верующие. В Кашине с давних пор вошло в обычай подносить икону благоверной княгини Анны государям и августейшим особам.

В 1853 году жители г. Кашина ходатайствовали о восстановлении чествования княгини Анны перед Священным Синодом; в 1859 году подавали о том же прошение императору Александру II.

Настоящий каменный Воскресенский собор, как значится в надписи на стене, «застроен» с 1796 г., в царствование императрицы Екатерины II, на сумму, высочайше пожалованную императрицей, в количестве семи тысяч рублей, по благословению преосвященного Иринея, епископа Тверского и Кашинского, при протоиерее Димитрии Федорове Верещагине. В соборе имеются древние, хорошей работы иконы: Успенской Пресвятой Богородицы, апостолы изображены несущимися на облаках с разных сторон; София Премудрость Божия: в верхней части иконы в середине престол, на нем раскрытое Евангелие, по сторонам по три ангела, поклоняющиеся Слову Божию; в нижней части иконы на троне Премудрость Божия в виде ангела с огнезрачным ликом, по сторонам Богоматерь и Иоанн Креститель; икона Казанской Божией Матери. Последняя икона с шитым оплечьем и серебряным венцом на главе, который сделан дьяконом Иоанном Алексеевичем Быковым в 1735 году. Дьякон И. А. Быков пожертвовал в собор Евангелие, напечатанное в 1730 году, и сделал по листам такую надпись: «Сентября дня дал сие святое Евангелие в бархате зеленом с евангелисты и доска верхняя накладная и застежки отливные и исподники пять мест все серебряные вызолочены вкладу в город Кашин в соборную церковь Воскресения Христова того же собору вдовой дьякон Иоанн Алексеев сын Быков для душевной своей пользы и для поминовения жены своей Наталии и прочих своих родителей о вечном упокоении да притом же в 1735 году он же дьякон Иоанн Алексеев приложил венец на местной образ Казанской Богородицы серебряной вызолочен для вечного же поминовения отца своего того же собору иерея Алексея Иванова, а еже кто дерзнет от сего святого Евангелия что от серебра каким случаем или венец отобрать и о том да примет себе месть в будущем Страшном Христовом пришествии». Другое Евангелие Воскресенского собора, поражающее своим большим размером и тяжеловесностью, имеет по листам надпись: «Лета 7207 (1699) году месяца марта в 1 день дал сию божественную книгу святое евангелие напрестольное большое на большой на бумаге александрие во весь лист в длину новоизданною азбукою большия слова государева книжнова печатнова двора олифлянова дела мастер Левонтий Григориев сын Шокуров родом кашинец же дал вкладу в соборную и апостольскую церковь Воскресения Христова поминовения ради прародителей наших и о

том будет писано ниже сего и своего ради здравия и душевного спасения, а кто пожалует благоволить во святых своих молитвах о здравии Бога молить Левонтия во иноцех Левкея, а по сестре его Ирины во иноцех Ираиды и братий моих отродных Трофима и Федора и сына моего Левонтия и супружницы его Параскевы и чад его Лукьяна, Герасима, Елены, Парасковии и сродников их и за упокой Григория, Анны, Мартына, Феодоры, чад Евфросеи, Екатерины, младенца Полиекта, Савелия, Акилины, Анкудина, Василия, чад Косьмы, Иоанна, Василия, Лукьяна, Петра, Дениса, Антона, Афанасия, убиенную Настасию, убиенную Ксению, убиенного Симеона и сродников их. А сию книгу подписал аз многогрешный Левонтий Григорьев сын Шокуров своею рукою. Евангелие напечатано в 7197 году (1689)».

В соборной ризнице хранятся ценные серебряные сосуды художественной работы, сделанные по заказу нашего правительства для посольской церкви в Париже Сазиковым. По случаю Севастопольской войны сосуды эти разрешено было продать, и они куплены были Аполлоном Петровичем Ждановым с братьями для Воскресенского собора. На окладе Евангелия вырезана надпись: «В Кашинском Воскресенском соборе от купца Михаила Ивановича Жданова за упокой рабов Божьих: Иоанна, Параскевы, Иоанна, Илии, Анфии, Александры и Варвары. В стране инородной в отеческом храме отеческим словом миром молились мы о свышнем мире и спасении душ наших, о мире всего мира, благостоянии святых Божьих церквей и соединении всех; Господи прими сию жертву памяти и благодарения. 1851–1853 г.». Надпись на потире: «За упокой рабов Божьих Петра и Анны приношение Аполлона Петровича Жданова с братьями Арсением и Алексеем в Кашинский Воскресенский собор 1855 года». Замечателен резной из кипариса византийской работы крест со святыми мощами; на нем трудно читаемая надпись: «Григориос иеромонахос … ноебри го 3 (7000)». На правом столбе собора рядом с иконой княгини Анны находится большой образ Воскресения Христова с надписью: «1711 месяца ноября 25 день написася сей снятый образ Воскресения Христова по обещанию кашинского коменданта Афанасия Димитриевича Олсуфьева». При входе в самый собор на стенах две небольших иконы. Надпись на одной: «Сия икона Воскресения Христа Спасителя, святого Николая Чудотворца и святого благоверного великого князя Александра Невского устроена по усердии кашинским дворянством и гражданами для ополченной Кашинской № 16 дружины при выступлении ее в поход 1855 года дня, по возвращении же ополчения в дома свои икона сия должна быть поставлена в Кашинской Воскресенский собор». Другая икона Владимирской Божьей Матери, святого благоверного великого князя Михаила Тверского и святителя Арсения с подобной же надписью сооружена для Кашинской ополченской дружины № 17.

Но особенного внимания заслуживает икона Нерукотворенного Спаса на аналое у правого столпа весьма древнего хорошего письма.

Икона эта пожертвована в Воскресенский собор кашинским помещиком Павлом Федоровичем Коробановым около 1855 года при его собственноручном письме. Письмо в настоящее время затеряно; по словам члена Архивной комиссии И. Я. Кункина, видевшего и читавшего это письмо, в нем было сказано об иконе, что она взята из Ширинского монастыря.[1] О Ширинском монастыре (ныне погост Ширинский Кашинского уезда) известно, что он существовал уже в 1661 году, закрыт в 1764 году. В Ширинском лесу был убит татарами в 1238 году Василий Константинович, князь ростовский. Существует предание, что икона Нерукотворенного Спаса принадлежала князю Василию Константиновичу. Павел Федорович Коробанов, пожертвовавший икону Нерукотворенного Спаса в Воскресенский собор, находился в родстве с кашинскими дворянами Кисловскими; несколько лиц из фамилии Кисловских были иноками Ширинского монастыря, и в год закрытия последнего (1764) К. А. Кисловскою в Ширинском была построена каменная церковь, посвященная Нерукотворенному Спасу. П. Ф. Коробанов проживал постоянно в Москве; он был известный любитель и собиратель старины, обладавший весьма богатой археологической коллекцией, описанной Филимоновым.[2] В один из приездов в Москву дом Коробанова посетил император Николай Павлович и члены царской фамилии для обозрения древностей; П. Ф. передал всю свою коллекцию наследнику царевичу, впоследствии императору Александру Николаевичу. П. Ф. Коробанов отличался, кроме того, широкою благотворительностью и гуманностью в отношении к своим крепостным крестьянам, в пользу которых оставил капитал, находящийся ныне в ведении Тверского губернского земства.

В 12 часов дня 18 июня состоялось 76-е заседание Тверской ученой архивной комиссии в помещении Кашинской городской думы.

После заседания члены комиссии отправились в дом И. Я. Кункина, где радушным хозяином была предложена хлеб-соль. В доме И. Я.

[1] Благовещенский Ширинский монастырь (начало XVII в.) при впадении рч. Ширинки в Медведицу. В 1724–1728 гг. приписан к Желтикову Успенскому мужскому монастырю; с 1764 г приходская церковь; позже погост Ширинский. Церкви не сохранились.

[2] Карабанов Павел Федорович (25.10.1767—30.05.1851), сын вице-губернатора Твери Федора Леонтьевича (1738—1813) и Анастасии Григорьевны (урожд. Кисловской, 1731—1791), троюродной сестры князя Потемкина. Владелец усадьбы Потупово Кашинского у.: ГАТО. Ф. 796. Оп. 1. Д. 12; Об использовании капитала, завещанного помещиком Павлом Федоровичем Коробановым в пользу бывших его крестьян в Кашинском и Калязинском уездах // Сборник материалов для истории Тверского губернского земства. Тверь: Зем. тип., 1886. Т. V. С. 561–565. Собирал материалы для русской истории, в его коллекции было более 3 000 портретов исторических деятелей, эстампы, монеты, медали, старинная русская утварь, образа, кресты, часы, картины, книги: *Филимонов Г. Д.* Описание памятников древности церковного и гражданского быта из Русского музея П. Ф. Коробанова. М.: Унив. тип., 1849. Карабанов завещал коллекцию императору Николаю I: рукописи поступили в Публичную библиотеку и Московский архив министерства юстиции (1852), портреты в Эрмитаж, вещи в Оружейную палату.

Кункина члены комиссии осматривали археологическую коллекцию, принадлежащую Иоасафу Яковлевичу. И. Я. с давних пор собирает памятники старины и успел уже приобрести немало ценных экземпляров. В коллекции находятся старинные иконы, портреты кашинских деятелей и других замечательных лиц, оружие, посуда, одежда, рукописи; больше всего предметов относится к отделу этнографическому. Обозрение этого домашнего музея, обязанного своим происхождением личной инициативе и любви к старине его хозяина, доставило членам комиссии большое удовольствие.

В 6 часов вечера члены комиссии отправились для обозрения Сретенского женского монастыря. Об основании монастыря предание сохранило интересную поэтическую легенду. Князь Георгий Александрович (1426) однажды возвращался домой после победы над врагами. На том месте, где находится Сретенский монастырь, его встретила супруга Анастасия, оставленная им при отъезде из Кашина беременною. Княгиня объявила о благополучном рождении в отсутствии князя сына Иоанна. В благодарение Богу на месте встречи князь построил иноческую обитель с храмом в честь Сретения Господня с приделами во имя Рождества святого Иоанна Предтечи и Анастасии Римляныни. Достоверно известно, что в княжение Бориса Александровича Тверского (1461) монастырь уже существовал, что видно из одной грамоты, которая сфотографирована покойным А. К. Жизневским. В 1609 году монастырь был разграблен поляками и сожжен; начало восстановления его было положено трудами и иждивением знаменитой подвижницы Дорофеи Лодыгиной.[1] В 1688 году при игуменье Анне Сербине было положено основание каменному храму, в главных своих частях сохранившемуся до настоящего времени. Своим процветанием в XIX столетии монастырь обязан энергии и трудам трех настоятельниц: Палладии Волковой (1814–1831), Назареты Давыдовой (1835–1847) и Антонии Мезенцевой (1855–1875). При входе в монастырский Сретенский храм члены комиссии были встречены настоятельницею игуменьею Иннокентиею. Из древних икон, особенно почитаемых в монастыре, замечательны: икона Корсунской Божией Матери, по преданию келейная Дорофеи Лодыгиной, икона Георгия Победоносца, по преданию вклад строителя монастыря князя Георгия Александровича, икона Страстной Божией Матери, по преданию найденная после пожара монастыря в 1609 году в пепле. В ризнице монастырской хранятся древние плащаница и воздухи, шитые шелком, серебряное кадило с изображением херувимов, вклад монахини Феодосии в 1753 году, потир и блюдо, древние схимы с обычными подписями, власяница и пояс из грубой шерсти. В монастыре имеется весьма древняя хорошего письма икона благоверной княгини Анны. Монастырский архив заключает в себе немало весьма ценных рукописей, которые весьма

[1] Дорофея (Ладыгина; 1549–1629), монахиня Сретенского монастыря, покровительница Кашина.

полезно было бы напечатать. В заключение осмотра монастыря члены комиссии посетили могилу схимницы Дорофеи Лодыгиной.

Из Сретенского монастыря в 8 часов вечера члены комиссии отправились в Клобуков монастырь.

Кашинский Клобуков Николаевский монастырь основан, вероятно, еще в XIV столетии; в начале XV столетия он уже был известен своим благоустройством. Около 1420 года сюда после смерти своей супруги Елены прибыл Матвей Кожин и постригся в монашество с именем Макария. Члены комиссии осматривали сохранившуюся до настоящего времени деревянную келью преподобного Макария, бывшую местом его первоначальных иноческих подвигов. Келья имеет в длину 3 аршина 13 вершков, в ширину 3 аршина 3 вершка, в вышину 2 аршина 2 вершка, с одним волоковым окном в правой стене при входе. В келью ведет небольшая дверь, пройти чрез которую можно не иначе, как очень согнувшись. В Клобукове монастыре преподобный Макарий пробыл несколько более десяти лет. Название речки, впадающей около монастыря в Кашинку, Вонжа, по преданию, связано с обстоятельствами удаления вон из монастыря преподобного Макария. Начало материальному благосостоянию монастыря было положено сыном Иоанна III князем Юрием Иоанновичем Дмитровским, который в 1511 и 1513 годах пожаловал монастырь жилыми дворами и землями. По писцовым книгам 1628–1629 гг. Прокофия Бестужева и подьячего Данилы Брянцева, за Клобуковым монастырем уже числилось 2 слободы, 5 деревень, 22 пустоши. До 1664 года соборная монастырская церковь во имя святого Николая Чудотворца была деревянная. В половине XVII столетия в Клобуков монастырь поступил Стефан Евстафьевич Ансимов, постригшийся с именем Сергия, и одновременно с ним в Сретенской обители поселилась его жена Матрона Григорьевна, во иночестве Марфа. Это были богатые люди, владевшие поместьями в селе Кожине и Введенском. На средства Сергия и Марфы вместо деревянной церкви был построен каменный храм, оконченный в 1671 году. Сергий и Марфа Ансимовы, отличавшиеся святостью жизни и благотворением, погребены в Николаевской церкви Клобукова монастыря под полом около западной стены. Надпись на стене, близ которой находятся могилы, гласит: «Против сей таблицы в кладовой палатке погребены прежнея каменныя церкви создатели схимник Сергий преставися 7178 году (1670) августа 18 да посестренница его схимница Марфа преставися 7208 году (1700) декабря 20 дня». Большая монастырская церковь во имя Святой Троицы построена в 1684 году; Николаевская церковь приходится с левой стороны Троицкой церкви и является по отношению к ней приделом. Около места могилы Ансимовых находится принадлежавшая им, по преданию, икона Казанской Божией Матери. В настоятельских кельях Клобукова монастыря имеются портреты патриарха Никона, святителя Димитрия Ростовского и

архиепископа Тверского Гавриила (Розанова). За поздним временем члены комиссии не могли осмотреть всех достопримечательностей монастыря.

Калязинский Троицкий монастырь

19-го июня в 10 часов утра на лошадях члены комиссии отправились в Калязинский монастырь. После небольшого отдыха в монастырской гостинице члены комиссии обозревали монастырь. Преподобный Макарий удалился из Клобукова монастыря и основал свой монастырь не позднее 1434 года. Место, где он поселился, было покрыто дремучим лесом; оно было окружено владениями богатого человека Ивана Коляги, а на другом, правом берегу Волги находился монастырь Николы на Жабне с своими землями и угодьями (на месте этого монастыря находится теперь Калязинский собор). Своими трудами преподобный Макарий соорудил деревянный храм во имя Святой Троицы и был посвящен тверским епископом Моисеем во иеромонаха. Настоящий Троицкий монастырский собор, как видно из надписи на внутренней западной стене, начат постройкой в 1654 году июня в 8 день при царе Алексее Михайловиче в третье лето патриаршества Никона, при архиепископе Тверском Лаврентии. На стенах собора старинные фрески, прекрасно сохранившиеся. Мощи преподобного Макария покоятся в обложенной серебром позолоченной раке, устроенной, как видно из надписи на ней, в 1700 году по благословению архиепископа Тверского Сергия при архимандрите Исайи и келаре Макарии на деньги разных вкладчиков. Над ракою находится резная сень. Около раки преподобного Макария члены комиссии слушали молебен. Довольно много времени занял осмотр монастырской ризницы и библиотеки. Ризница Калязина монастыря — это богатый церковно-археологический музей, который нуждается в обстоятельном научном описании. Члены Комиссии осматривали:

1) Большой покров с шитым изображением Серапиона, митрополита Сарского и Подонского, во весь рост. Надпись: «Сей достоблаженный муж уроженец города Кашина принял на себя монашеский образ во обители Калязина монастыря преставися в лето от Сотворения мира 7161 (1658) мая во 2 день и погребен на сем месте». Митрополит Серапион был сын кашинского соборного протоирея Саввы Максимова Сысоева; в Калязине монастыре он жил на покое. Митрополит Серапион погребен около западных дверей соборного монастырского храма. Надпись:

Святитель Серапион под камнем сим лежит,
Всяк пришедший ко гробу его да ублажит
И Бога дивного во святых своих прославит.
Да молитвами преподобных от бед нас избавит.

2) Плащаница шитая; на полях слова: «Жизнь во гробе положился еси …Вклад в монастырь 1799 года декабря 17 дня».

3) Пелена с шитым изображением Святой Троицы. На полях тропарь и кондак: «Благословен еси Христе Боже наш ... Егда спишед языки слия». На изображении перед сидящим в средине странником на столе чашка и в ней голова тельца.

4) Покров на мощи преподобного Макария с шитым изображением преподобного во весь рост; на полях тропарь.

5) Покров на мощи преподобного Макария с шитым изображением преподобного. Надпись: «Положен сей покров Макария игумена Калязинского чудотворца вкладу лета 7101 (1593) при благоверном государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всея России, а возобновлен лета 7310 (1802) при архимандрите Гедеоне». Покров подновлен.

6) Покров с шитым изображением преподобного Макария; надпись: «Сей покров преподобного отца нашего Макария игумена Калязинского чудотворца положен вкладу роду Баскакова в 1797 году месяца августа 10 дня».

7) Плащаница шитая. Изображены: Иосиф, Никодим, жены мироносицы, Богородица, Ангелы с рипидами. Богородица сидит; на коленях у Ней глава Христа; вверху Бог Отец, испускающий дуновение в виде лучей на лицо Спасителя; в лучах изображен Дух Святой. На полях: «Не рыдай Мене Мати. Плащаница вклад лета 7108 (1600)».

8) Кипарисный крест, по преданию, находившийся в келье преподобного Макария, пожертвованный в 1812 году кашинским помещиком Яковом Никитичем Кожиным, потомком преподобного.[1] На кресте, находящемся в серебряном футляре, вырезаны на лицевой и оборотной стороне несколько букв: вверху на лицевой стороне *кккк*, в середине *оон*, на оборотной стороне вверху большая греческая буква сигма трижды и *LXXXX*, в середине *Б. С. П. Д.* по четыре раза. На лицевой же стороне вырезана надпись: «Спасете содея посреде земля Христе Боже на кресте Пречистыя своя руце пригвождей». Крест семиконечный.

9) Кресты: кипарисный, обложенный серебром, вклад игумена Ферапонта 1632 года; серебряный чеканный, вклад архимандрита Евфимия 1684 года, серебряный 1740 года, вклад иеромонаха Михаила Савина.

10) Дарохранительница серебряная круглая; надпись говорит, что эту дарохранительницу дал «вкладу» «по отце своем окольничем Иване Афанасьевиче Гавреневе сын его Иван да жена его Стефанида в лето 7172 (1664) августа в 7 день».

---

[1] Кожин Яков Никитич (1753–1826), прапорщик, владелец усадьбы Анастасово (Настасово) Кашинского у. В составе имения сц. Ревякино, дд. Бормосово, Вотолино, Горка, Игнатово, Киларево, Покровское. Кожиным принадлежали имения Дьяконово Матвеевской вол. и Юрьевское Рудлевской вол.: ГАТО. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 31. 2 л.; Д. 33. 166 л.; Д. 42. Л. 1-4; Д. 43. 8 л.; Ф. 59. Оп. 1. Д. 1093. Л. 1-7, 14, 20-25 об.; Ф. 645. Оп. 1. Д. 7139. Л. 14-21; *Кошелевский В*. Братья Кожины – офицеры флота российского // Кашинская газ. 1996. 21 февр.

11) Кадило серебряное «построено», как значится в надписи, лета 7194 (1686) при архимандрите Иове.

12) Икона преподобного Нила Столобенского с старым планом монастыря; внизу пометка: 1783 г.

В ризнице немало древних священных сосудов, между которыми обращают на себя внимание пожертвованные митрополитом Серапионом Евангелие, панагии, старинное облачение. На одном Евангелии надпись: «Лета 7147 (1639) июля в первый день Живоначальныя Троицы чудотворца Макария Калязина монастыря при игумене Феодосии да при келаре старце Тихоне … старец Ферапонт опочинине по своей душе и родителях ... и за тот вклад пожаловать игумену Феодосию и по нем ине игумене будет ... за меня грешного Бога молить, а после моего живота душу мою грешную и родителей моих поминать».

В монастырской библиотеке особенно замечательны: пергаменный устав письма XV столетия, Слова святого Григория Богослова, рукопись XV столетия, лицевая Псалтирь XVI столетия. На переплете пергаменного устава надпись: «Книга сия посвящена в Троицкий Калязин монастырь 1812 года июля 21 дня кашинским помещиком Яковом Никитичем Кожиным с таким извещением и желанием, дабы сию древнюю рукопись, как оная, по преданию предков его, есть из дому преподобного Макария Калязинского чудотворца, принять и хранить во обители того, который оную сам употреблял». В монастырской библиотеке хранится большое собрание грамот княжеских и царских и других документов XV–XVII вв. (382 номера по описи), а также грамот патриарших, митрополичьих и архиерейских XVII столетия (353 номера по описи). Все грамоты в настоящее время описаны. Члены Комиссии после осмотра рукописей пришли к заключению о необходимости их напечатать. Печатание грамот могла бы взять на себя Архивная комиссия при материальной помощи от монастыря.

Преподобный Макарий скончался 17 марта 1483 года; мощи его обретены в 1521 году.

Калязинский монастырь видел в своих стенах много знатных посетителей, его называли «великой обителью» патриархи. В 1544 и 1553 годах в монастыре был Иван Васильевич Грозный, в 1599 году Борис Годунов с семейством, в 1619 году Михаил Федорович, в 1654 году в монастыре проживали царица Мария Ильинична с своим двором и патриарх Никон во время свирепствовавшего в Москве морового поветрия. В 1767 году монастырь посетила императрица Екатерина II;[1] в 1837 году наследник цесаревич Александр Николаевич;[2] в 1892 году великий князь

[1] Во время путешествия по Волге до Симбирска 3 мая 1767 г. Екатерина II отбыла из Твери, 5 мая посетила Калязинский Троицкий мужской монастырь, где слушала литургию и молебен прп. Макарию Калязинскому и принесла в дар обители 50 империалов.

[2] См. путешествие В. А. Жуковского 1837 г. (*Тверь 1*, с. 241–254).

Владимир Александрович. В Смутное время в монастыре находился с войском князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский; Шуйский разбил под монастырем поляков, предводительствуемых Сапегой. Но в 1610 году монастырь подвергся нападению Лисовского, был подожжен и разграблен. От этого времени сохранилось в монастыре 9 чугунных пушек весом: 1-я — 30 пудов, 2-я — 29 пудов, 3-я — 49 пудов, 4-я —48 пудов, 5-я —79 пудов, 6-я — цифра стерта, 7-я — 45 пудов, 8-я — цифра стерта, 9-я — 29 пудов.

Л. Андреас-Саломе
1900

Андреас-Саломе Луиза (Лу фон Саломе, Луиза Густавовна Саломе; 12.02.1861, Петербург — 5.02.1937, Гёттинген), писательница, философ, врач-психотерапевт. Дочь русского дворянина немецкого происхождения генерала Густава фон Саломе. Училась в немецкой школе Петришуле (1874–1878), Цюрихском университете (1880), жила в Италии, Франции, Германии. Дважды посетила Россию. Первое путешествие предприняла с мужем профессором-востоковедом Ф. К. Андреасом (1846–1930) и поэтом Р. М. Рильке (1875–1926) с 25 апреля по середину июня 1899 г. Они посетили в Москве Л. Н. Толстого, отпраздновали в Кремле русскую Пасху, основное время провели в Петербурге. Второе путешествие Саломе и Рильке совершили вдвоем с 9 мая по 22 августа 1900 г. Маршрут: Москва, Ясная Поляна (посещение Л. Н. Толстого), Тула, Киев, вниз по Днепру, Кременчуг, Полтава, Харьков, Воронеж, Козлов, Саратов, на пароходе вверх по Волге, Самара, Симбирск, Казань, Нижний Новгород, Ярославль, д. Кресто-Богородское, Москва, д. Низовка (посещение С. Д. Дрожжина 18–23 июля), усадьба Новинки (визиты к Н. А. Толстому 20–23 июля), Великий Новгород, Петербург. Саломе и Рильке узнали о Дрожжине от писательницы С. Н. Шиль, и Рильке еще до личного знакомства с поэтом перевел четыре его стихотворения: «Прими меня, сторонушка родная…» и «В родной деревне» (Prager Tageblatt. 1900. 15 апреля), «Молитва» и «Я для песни задушевной…» (опубл. в 1934). Впечатления Саломе от пребывания в Низовке и Новинках отразились в ее путевом дневнике и повести «Родинка» (*Андреас-Саломе Л.* Прожитое и пережитое: воспоминания о некоторых событиях моей жизни. Родинка: воспоминания о России. М.: Прогресс-Традиция, 2002). Дрожжин написал воспоминания о Рильке: Современный германский поэт Райнер Рильке (из записок и воспоминаний) // Путь. 1913. № 12. В библиотеке Дрожжина была книга Рильке «Mir zur Feier» (К торжеству моему, 1899), на авантитуле: «С. Д. Дрожжину к новому году 1901. На добрую память и сердечно Р. М. Рильке. Шмаргендорф — Берлин. Декабрь 1900». Текст печатается по изд.: *Андреас-Саломе Л.* Дневник путешествия с Райнером Марией Рильке в 1900 году // Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / изд. подгот. К. Азадовский. СПб.: Иван Лимбах, 2003. С. 277–282. Воспоминания Дрожжина печатаются по: Современный германский поэт Райнер Рильке (Из записок и воспоминаний С. Д. Дрожжина) // Путь. 1913. № 12. С. 29—35.

Низовка.
У Спиридона Дмитриевича Дрожжина

Не хватает времени описать, отчего здесь день становится таким необычным и обогащается множеством впечатлений, которые нигде более не получишь.[1] То соседствуешь с животными в хлеву, занимающем по крайней мере половину *избы*, то лежишь на сене, то идешь по равнине с ее широкими полями, лугами, заросшими высокой травой, дремучими лесами

[1] Ср.: «*Изовка* <Низовка> лежит вдали от железных дорог, и *пристань* тоже неблизко, зато лес и речка рядом; здесь хотелось бы прожить всю жизнь. *Спиридон Димитриевич* и его домашние одарили нас в эти дни множеством радостных впечатлений; мы живем у них и всегда будем им благодарны за то, что нам позволено было настолько слиться с их жизнью!» (Л. Андреас-Саломе к С. Н. Шиль, Низовка, 20.07.1900 // Рильке и Россия. С. 276).

и берегом Волги, которая здесь сужается[1] и течет неслышно. Крестьянский быт жителя русской деревни можно изучать в *избе* этого поэта, который сам — крестьянин. Правда, еще более это можно сказать о его жене:[2] жизнь мужика, воспетая в его песнях, звучит совсем иначе в ее устах, когда она просто рассказывает о том, что пришлось пережить. Он до сих пор радуется цветам или сенокосу, потому что возбуждается аппетит, — она же работает от зари до зари, ничего не может есть от усталости, во время работы утоляет жажду болотной водой и страдает от позывов рвоты, потому что ее дыхательные пути забиты пылинками сухого сена. Как трогательны и обаятельны эти люди в своей простоте и силе, и будто не от мира сего — так ясен их радостно-смиренный дух. И в целом здесь опять-таки видишь, насколько петербуржцы — и даже москвичи — не понимают русской деревни; всеобщее пьянство, пьяный поп, упавший лицом в грязь, нечистоплотность и людская мерзость — небылицы. Да и сам *Дрожжин* подтверждает, что всё это скорее фантазия, нежели действительность. Мы навестили его мать, семидесятилетнюю крестьянку, которой на вид — лет пятьдесят пять;[3] рот полон зубов, волосы светлые, не поседевшие, щеки в морщинках; когда смотришь на нее со спины, кажется, что это молодая женщина, идущая упругой походкой. Она всё произносит с какой-то патетической нежностью и почти на библейский лад — в точности как Макарова;[4] мы ей понравились, она поцеловала меня и порывалась нас угостить в своей *избе*. Она родила двенадцать детей; один из выживших, ее другой помимо *Дрожжина* сын, отправляется теперь в Китай на войну.[5] Кроме нее познакомились, хотя и более бегло, еще с одной женщиной, судя по виду — деревенской дурочкой; сейчас ей тридцать, а с ума она сошла потому, что некогда ее отдали не за того, кого она любила; и вот она бродит весь день, оборванная, суетится и бормочет про себя. Ночной сторож здесь романтичнее, чем в *Креста*; он обходит деревню со

[1] Т. е. уже, чем в Ярославле, из которого Рильке и Саломе только что приехали.

[2] Дрожжина Мария Афанасьевна (урожд. Тихонова, по прозвищу отца Чуркина; 1855—23.03.1920).

[3] Дрожжина Аграфена Васильевна (урожд. Московская; 1827–1912).

[4] Крестьянка, у которой Рильке и Саломе жили в д. Кресты-Богородское под Ярославлем. В письме к матери Рильке писал об этом: «Я провел три дня в маленькой избе, живя как крестьянин среди крестьян. Я спал без постели и делил с моими хозяевами ту скудную пищу, которой они изредка питались в часы их тяжелой работы» (цит. по.: *Роднянская М.* Р. М. Рильке: притяжение России // Истина и жизнь. 2007. № 1–2. URL: http://www.istina.religare.ru/. Дата обращения: 1.1.2015. Загл. с экрана)

[5] Иван (род. 27.01.1866); с конца 1890-х гг. Россия вела борьбу за Манчжурию и держала в Китае свои войска. Известно 11 детей А. В. Дрожжиной: Спиридон (18.12.1848—24.12.1930), Николай (1852–1852), Татьяна (род. 1854), Анна (род. 1856), Наталья (род. 1859), Василиса (Васса; род. 1862), Василий (1864–1864), Петр (род. 1868), Агафья (род. 1870), Алексей (1873–1873); см.: *Дрожжин С. Д.* Собрание сочинений: в 3 т. / под общ. ред. М. В. Строганова. Тверь: СФК-офис, 2015. Т. 3. С. 376–378.

звенящим треугольником, на котором висят, прелестно позвякивая друг о друга, три колокольчика.

Креста расположена на холме, обрывающемся к Волге, совсем рядом с городом, и добраться до нее просто; там есть и церковь, хотя сама деревенька маленькая; а в этой отдаленной деревне, окруженной лесом и водой, церкви нет, рядом — кладбище и река *Шуша*;[1] чтобы сюда добраться, нам пришлось долго ехать в тарантасе, причем трясло нас так, что мы постоянно прикусывали себе язык. На второй день была чудная погода, и мы пошли с *Дрожжиным* в лес, местами заболоченный, — *непроходимые болота*, с гигантскими деревьями, где в начале зимы буйствовал страшный ураган. Среди множества ягод мы нашли орхидеи[2] и клюкву — я впервые в жизни видела, как она растет. Ее листочки напоминают листья миртового дерева. Вечером мы вышли на берег Волги, который подобен здесь морскому берегу; всё так располагает к себе, что хочется здесь жить всегда; но я не смогла бы, нет, я тосковала бы по *большой* Волге с ее высокими берегами, могучими лесами и бескрайней степью; здесь всё как-то на северный лад, всего лишь попытка *того* пейзажа, робкое подражание ему; да и северное само по себе для меня не то же, что общерусское, которое если где и есть, то в центральных областях: если говорить о городе — это Москва, если о пейзаже — центральная часть Волги, где северная природа становится мягче и человечнее. — Пока мы стояли на берегу Волги, в совершенно тихом вечернем воздухе послышалось конское ржание, и какая-то резвая лошадка проскакала мимо нас, торопясь после дневной работы к своему стаду, ночующему где-то в долине. Вдалеке то и дело вспыхивали костры, разложенные пастухами; они ярко горели в светлой ночи. Через некоторое время невесть откуда приплелась другая лошадка, волоча за собой деревянный чурбан, который привязали к ее ноге, чтобы сдержать ее дикие прыжки по колосящемуся полю. Я невольно вспомнила картину в галерее *Цветкова* «Тройка во ржи»: пока ямщик дремлет, две лошади усердно поедают колосья, а средняя, которая из-за ярма не может заняться тем же, подняв голову, меланхолически смотрит с картины.[3]

---

[1] Р. Шоша в Тверской и частично Московской обл., правый приток Волги; длина 163 км. Исток на Московской возвышенности, в верхнем течении извилиста, ниже с. Тургиново русло расширяется. Ныне впадает в Иваньковское вдхр., образуя Шошинский плёс — затопленные низовья реки.

[2] Лесные растения семейства орхидных (Красная книга Тверской области / ред. А. С. Сорокин. Тверь: Вече Твери, АНТЭК, 2002. С. 48).

[3] Ковалевский Павел Осипович (1843–1903), живописец-баталист; картина «Тройка во ржи» (1886, Астраханская картинная галерея им. Б. М. Кустодиева). Цветков Иван Евменьевич (28.04.1845–02.1917), коллекционер, основатель частной картинной галереи. См.: Перечень картин и рисунков собрания И. Е. Цветкова. М., 1904. С. 36.

Хорошо бы послушать, как 23 апреля, в день святого Георгия,[1] весь скот впервые выпускают из стойла. Дрожжин рассказывает: со всех сторон несется безумно радостное мычанье, блеянье и ржанье; животные, ошалев от вида себе подобных, бросаются друг на друга, хмельные от счастья и отваги, отвыкшие друг от друга. Лишь потом они сызнова заводят между собой знакомство, а родившиеся за зиму жеребцы и телята постепенно успокаиваются и привыкают к пьянящей весенней жизни.

Все подобные события резко выделяются, конечно, среди той глубокой тишины, что так непривычно обступает русскую деревню. Здесь не услышишь лая, скрипа, стука, женской болтовни или детского визга; здесь люди тоже подолгу молчат и молятся, и будничная жизнь не всегда проявляется в них бурно и стремительно. Это великолепно и отмечено несказанным достоинством. Вот одна из причин, почему эти люди глубоки и не нуждаются, видимо, ни в каком образовании. Тот, кто заговорит с ними, тотчас оказывается у глубочайшего источника, приближается к великим вещам и проблемам, к мыслям о Боге, смерти, весне; тяжелая жизнь выливается у них в какое-то молитвенное смирение, и именно эта покорность, а совсем не ирония или горечь звучала в словах Макаровой: «Что отдыхать? Вот умрем, тогда отдохнем». В Германии изумляет то, что обыкновенные люди, как правило, куда более образованны, но их интересы никогда не обращены впрямую к глубокому или вечному — этого ожидают лишь от наиболее просвещенных умов или же от своеобразных, исключительных натур. Но о русских людях можно сказать, что редкостное в них буднично, а будничное — редкостно.

К «Молчанию в деревне» — название, по контрасту с бёклиновским «Молчанием в лесу»,[2] вполне подходящее для этой сказочной мистики, — принадлежит также внешний стаффаж. Деревня, обрамленная бескрайними лугами, лесами и водами, сама по себе напоминает интерьер: как резные ящички, поднимаются избы на просторе полей, называемом деревенской дорогой; всюду сплошь трава — зеленый ковер, на котором, как внутри замкнутого пространства, разыгрывается жизнь. Дома так малы, а ландшафт так велик! И в домах, например как у *Дрожжина*, хлев — опять-таки интерьер; благодаря прорехам в соломенной крыше солома под солнцем отбрасывает золотые блики на натюрморт с животными: вспоминаются ясли в Вифлееме.[3] Слева и справа спали мы; остальные

[1] 23 апреля — день памяти вмч. Георгия Победоносца. У русских крестьян Егорий весенний был днем первого выгона скоты.

[2] Бёклин Арнольд (16.10.1827—16.01.1901), швейцарский художник, скульптор, автор картины «Молчание в лесу» (1885, Народный музей, Познань).

[3] Ясли — кормушка для домашних животных, в которую Богородица как в колыбель положила новорожденного младенца Иисуса в Вифлееме. Ср. русский живописный канон сюжета Рождества Христова: *В. Л. Боровиковский.* Рождество. 1790; *В. К. Шебуев.* Рождество Христово. 1847; *И. Е. Репин*. Рождество Христово. 1890 и др.

(жена и дочери[1]) — в главной комнате с большой печью и на печи; с березового ствола, положенного наискось, свешивается импровизированная люлька для внука. В хлеву находится и умывальник: на веревке висит глиняный кувшин с двумя отверстиями, и, когда его наклоняешь, из него льется вода. Это можно видеть в России повсюду. Каждую субботу это мытье дополняется веником и паром в бане. Даже в самой бедной деревне есть *баня*.

Новинки

Первое посещение близлежащего поместья Толстых[2] привело вскоре ко второму визиту, когда мы остались у них на ночь.[3] Кроме радости получить к концу нашего пребывания в деревне у *Дрожжина* столь щедрый и богатый дар, знакомство с этим восхитительным типом русской помещичьей жизни означало, что наше путешествие неожиданно поднялось на новую ступень. Сам *Дрожжин* как-то поблек в связи с этим. Что удивительно: в самом начале, как только мы приехали, он показался нам идеалом крестьянина и могучей личностью, соединяющей в себе поэзию и правду повседневной жизни; затем, с появлением его жены, всё немного изменилось, окрасившись впечатлением трогательности и несамостоятельности; но это повредило лишь восприятию его стихов: они показались нам теперь не полноценным выражением русской деревенской жизни, а лишь поэтическим ее толкованием. Этот легкий оттенок поэтического отступления от истины, звучавший поначалу приятно и тонко, сделался почти резким и неприятным, почти смешным при соприкосновении поэта-крестьянина с глубоко образованными, своеобразными Толстыми, таящими в себе огромную цельность. *Дрожжин* неуверен в себе, приходит в восторг, когда над ним подшучивают, а порой прямо-таки тщеславен и ограничен, так что невозможно глядеть на этого человека, которого всё же искренне почитаешь, без почти болезненного чувства. То, что здесь выше его, это не

[1] У Дрожжиных было три дочери: Дарья (в замуж. Новожилова; род. 1878), Анна (в замуж. Морева; род. 1883), Зинаида (в замуж. Титова; 1886—1909).

[2] Имение Толстых Новинки Городенской вол. Тверского у. В состав имения входили дд. Котово, Пугина, Слободка; также имение Мелково Городенской вол.; см.: ГАТО. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 37. Л. 17; ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 434. Л. 5 об.–6; Мартиролог российского дворянства // Дворянское собрание: историко-публицистический и литературно-художественный альманах. 1994. № 1. С. 262–264; Экономико-статистическое описание имения Новинки / сделано В. Покровским // Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Тверь, 1877. Вып. 4. С. 46–49.

[3] Первый визит в Новинки — 20 июля: «В *Новинки*; там до позднего вечера; *бабушка*». Второй, краткий, — 21 июля: «В полдень нас отвезли в Новинки, позже — домой». Последний (о нем, видимо, и рассказывает далее Саломе) — 22 июля: «Вечером вернулись в *Новинки*». Проведя у Толстых весь день 23 июля, Рильке и Саломе вечером отправились от них на станцию и оттуда поездом — в Чудово («Вечером — отъезд»).

просто богатство и образование, а прежде всего подлинное превосходство людей, развившихся в полную силу. Они тоже развивались в ограниченном пространстве — в условиях своего политического и религиозного консерватизма, своей патриархальности и веры в чудесное, но всё это — общепринятые прочные ступени человеческого роста, надежная опора для тех, кто на них стоит; в то же время *Дрожжин*, хоть он и вернулся в деревню и способен искренне и глубоко ей радоваться, всё же внутренне расстался с деревней в той мере, в какой вознамерился сделать из себя поэта и даже мыслителя (стать исключением). Бесспорная оригинальность Толстых, этих трех людей: *бабушки*, Николая Алексеевича[1] и *Марии* Алексеевны вместе с их детьми — произвела на меня незабываемое впечатление — самое сильное из тех впечатлений, что мне довелось получить после знакомства с самоотверженными московскими либералами, просветителями народа. Об этом я буду еще долго думать, обогащаясь пережитым и наслаждаясь его обилием. Ибо верующий и притом обладающий сильной индивидуальностью *барин* — это всё же нечто иное, чем верующий крестьянин, которому труднее развить свою индивидуальность. Такой *барин*, как *Коля*, — это, вероятно, уже целая драма, тогда как крестьянин — еще спокойная песня. Не обычная драма того, кто восстает против традиции или, будучи реакционером, защищает традицию от стремительно нарастающих новшеств (скажем, немецкие либералы и немецкое дворянство), но того, кто покоряется ей добровольно, ибо понимает, что критика разрушает плодотворные элементы и что отдельный человек должен уподобиться крестьянину, чтобы, подобно ему, подчинить свою индивидуальность высшему началу. Так его дворянская

[1] Толстая Надежда Александровна (урожд. Козлова; 1835–1909). Ее сын Толстой Николай Алексеевич (1856–1918), надворный советник, владелец имения Новинки; писатель и художник. Автор поэмы «Дон Жуан» (1900), сборника стихов и фельетонов «Обо всем и прочем» (1905); переводил Шекспира. Его жена Толстая Мария Алексеевна (урожд. Загряжская; 1868–1918). Н. А. и М. А. Толстые в 1918 г. вынужденно покинули Новинки, жили у родственников, расстреляны в с. Завидово как заложники. Их дети: Николай (1887–1915, убит на войне), Вера (1890–1945), Иван (1891–1920, расстрелян), Алексей (1892–1920, расстрелян), Сергей (1908–1971), писатель, см.: *Толстой С. Н.* Осужденный жить: автобиографическая повесть. М., 1988. Рильке писал матери 25 июля 1900 г.: «Дрожжин привез меня к помещикам той же губернии, которые встретили меня столь ласково, что уже вечером я переселился из избы в хоромы, где с благодарностью наслаждался всеми удобствами прекрасного дома и пышного парка. Хозяин — сельский дворянин (ветвь рода Толстых). Обитателями усадьбы, в которой я чувствовал себя как дома, являются Николай Алексеевич Толстой, его мать, жена, четверо детей, а также француженка, англичанка, домашний учитель и т. д. Пребывание там было особенно приятным потому, что эта ветвь Толстых — исконно русская, очень консервативная и глубоко религиозная; все события в этом доме связаны с какими-нибудь чудесами и тихим осуществлением их. Наталья Алексеевна <ошибка Рильке: Надежда Александровна> Толстая (мать) целых четыре дня рассказывала мне о странных обстоятельствах своей жизни и жизни ее предков. Я очень подружился с Толстыми; разлука была нелегкой» (Рильке и Россия. С. 285–286).

гордость оборачивается смирением, а его стремящаяся к развитию индивидуальная сила лишь подчеркивает традиционные требования.

Приложение

С. Д. Дрожжин
Современный германский поэт Райнер Рильке:
Из записок и воспоминаний

В декабре 1899 года Ив. Ив. Горбунов-Посадов[1] познакомил меня в Москве с известной писательницей, пишущей под псевдонимом Сергей Орловский, Софией Николаевной Шиль,[2] которая в письме ко мне от 8 марта 1900 г. из Петербурга писала следующее: «Вы, вероятно, забыли о нашем мимолетном знакомстве прошлой зимою, когда Ив. Ив. Горбунов привел вас вечером ко мне и мы еще раз разговаривали так много о Борнсе <Роберте Бернсе> и английском языке. Может быть, однако, вы помните и наше чаепитие, в надежде на это пишу вам. Дело в том, что я нынче зимою была в Берлине, где познакомилась с вашим большим почитателем и отличным переводчиком ваших стихов. Этот немецкий поэт, по имени господин Райнер Рильке, очень желал бы с вами познакомиться; он приедет в Россию со своею двоюродной сестрой, тоже писательницей, и они будут здесь вскоре после Святой. Господин Рильке очень просил меня дать ему ваш адрес, что я и исполнила. Он, кажется, хочет заехать к вам с сестрой, чтобы лично познакомиться с поэтом, который его приводит в восхищение. Они оба хорошо выучились говорить по-русски и любят Россию и всё русское больше немецкого.

Я сочла своим долгом, многоуважаемый Спиридон Дмитриевич, предупредить вас об этом посещении. Надеюсь, что эти милые, добрые и простые люди ничем не стеснят вас и вы найдете им какой-нибудь приличный ночлег, если они вздумают переночевать. Им так страстно хочется также видеть русскую деревню и настоящую крестьянскую жизнь. Будучи теперь проездом в Петербурге, я спросила у П. В. Засодимского[3] ваш адрес, потому что тот, который вы написали мне на вашей книжке, лежит в Москве, куда я скоро вернусь. П. В. Засодимский просит передать вам свой привет. С сердечным пожеланием всего лучшего остаюсь глубоко уважающая вас Софья Шиль. Адрес мой: Москва, Смоленский бульвар, дом Немчинова, Софья Николаевна Шиль». О будущем приезде ко мне

[1] Горбунов-Посадов Иван Иванович (наст. фам. Горбунов; 1864–1940), писатель, последователь идей Л. Н. Толстого, один из близких к нему людей; заведующий конторой (1887), руководитель издательства «Посредник» (1897–1925).

[2] Шиль Софья Николаевна (псевдоним Сергей Орловский, 13.09.1863–18.06.1928), писательница, переводчица, автор повестей и рассказов для детей, литературоведческих и педагогических работ. Но в декабре 1899 г. С. Н. Шиль находилась за границей, поэтому ее знакомство с Дрожжиным состоялось зимой 1898—1899 г.

[3] Засодимский Павел Владимирович (1843—1912), писатель, народник.

заграничных гостей я сообщил также семье моего нового ближайшего друга — соседнего помещика Н. А. Толстого, который с большой радостью был готов содействовать мне к их приему и лучшей для них обстановке в только что отстроенной моей новой избе, в которой была тогда (и теперь помещается) моя библиотека.

Вскоре написал я об этом также в Петербург Ф. Ф. Фидлеру, известному переводчику на немецкий язык Пушкина, Лермонтова и других наших известных поэтов, который в своем письме просил меня кланяться Рильке и говорил, что год тому назад они оба были у него.[1]

В письме уже из Москвы С. Н. Шиль мне пишет снова: «Как вы уже знаете, к вам собираются ваш переводчик, немецкий поэт Райнер Осипович Рильке и его спутница, известная немецкая писательница Андреас-Саломе. Они просили меня сообщить вам, что будут у вас около 20-го числа этого месяца и желали бы провести неделю в вашей деревне. Госпожа Андреас-Саломе известна как очень талантливая романистка. Она кончила Цюрихский университет и была другом философа Ничше. Надеюсь, многоуважаемый Спиридон Дмитриевич, что вы похлопочете и устроите моих милых друзей. Они так *страстно и горячо любят Россию и всё русское*, что наш долг дать им самые светлые впечатления от нашей родины. Буду чрезвычайно рада, если вы не забудете прислать мне обещанную последнюю вашу книгу. С истинным уважением Софья Шиль».[2] Наконец, из Москвы от 2 июля я получаю письмо от самого Райнера Осиповича Рильке, в котором он пишет: «Многоуважаемый Спиридон Дмитриевич! Мы очень желаем посетить вас и с вами познакомиться; мы будем у вас во вторник; надеемся, что можно устроиться в деревне на несколько дней. Извините, что плохо говорим по-русски. Сердечно вам кланяемся, ваши вам незнакомые друзья Р. М. Рильке и Лу Андреас-Саломе. Москва, Новомосковское подворье, Пятницкая улица. Воскресенье».

Затем по тому же адресу из Москвы я получаю другое письмо, от 3 июля, на открытке, в котором значится: «Мы приедем на станцию

---

[1] Фидлер Федор Федорович (Фридрих Людвиг Конрад; 1859–1917), переводчик, педагог, создал частный «литературный музей», посвященный литераторам России и Германии, автор дневника. Дрожжин писал Фидлеру 29 марта 1900 г.: «Ко мне на Пасхе собирается Златовратский, а после Пасхи один из немецких поэтов, г. Райнер Рильке, он делает переводы моих стихотворений. Едет из Берлина в Россию вместе с двоюродной сестрой, тоже писательницей, с тем чтобы по возможности узнать русскую деревню. Мне об этом писала одна встретившаяся с ним в Берлине русская путешественница» (Рильке и Россия. С. 554). Фидлер познакомился с Рильке и Л. Андреас-Саломе во время их первого путешествия в Россию весной 1899 г.

[2] Дрожжин выпустил из письма С. Н. Шиль от 11 июня 1900 г. следующий пассаж: «Но они люди европейские и не выносят одной русской вещи, именно клопов и тараканов. Так вот, может быть, вы устроите их у ближнего помещика, где почище. Я полагаю, что всякий с радостью согласится приютить у себя этих известных на своей родине литераторов» (Рильке и Россия. С. 565).

Завидово около 12 часов дня, в среду 5 июля. Вчера уехать нам из Москвы не удалось. Кланяемся вам. Р. М. Рильке, Л. Андреас-Саломе».

В среду 5-го июля, около 2-х часов пополудни, в деревне послышался звон колокольчика. Я вышел из крыльца, когда уже ямщицкая тройка бодрых лошадок завернула к моему дому. Первым вышел из тарантаса Райнер Рильке. Он был одет в триковую английскую куртку, в башмаках с открытыми до колен черными чулками и с тростью. После всеобщих приветствий я ввел дорогих гостей в приготовленную и обставленную нужной мебелью мою новую избу, разделенную на две половины, четыре окна которой выходили в мой небольшой садик, обсаженный кустами малины, крыжовника и смородины. Отпустив внесшего за нами вещи ямщика, мы уселись за самовар. Началось чаепитие, и завязалась общая беседа. Рильке говорил по-русски не так правильно, как сопутствующая ему Андреас-Саломе, но очень понятно. Он передал мне вырезку из «Прагского вестника» за апрель 1900 года переведенных им из моей книжки «Песни крестьянина» на немецкий язык двух стихотворений: «Прими меня, сторонушка родная...» и «В родной деревне» («Всё тот же синий лес, всё те же косогоры...»). После чая и закуски они с любопытством осматривали мою библиотеку, затем я повел их в мой садик, и отсюда мы пошли пахотными и засеянными полями на Волгу, где долго они стояли и любовались открывшейся со всех сторон картиной моей родины. Возвращаясь, мы нарвали в заливном лугу по букету полевых цветов и, дойдя до Тихвинской часовни,[1] присели отдохнуть у ее родника, текущего через желоб, и осмотрели часовню, а от нее пошли лесом; по дороге Райнер Осипович попросил меня показать ему, на чем растет клюква. Тогда привел я их к болоту и указал на куст с этим растением; осмотрев его, Рильке сорвал несколько веток и вложил их в свою памятную книжку.

Вернувшись домой, после ужина я по их желанию прочитал некоторые мои стихотворения.

На другой день, едва только взошло солнышко, когда пастух в поле прогнал стадо и я еще спал, они уже встали и, напившись приготовленного женой парного молока, отправились босиком на прибрежное луговое поле и там всё утро бродили по росистой траве, находя это, как они мне объясняли потом, очень полезным для здоровья...

На третий день я решился встать раньше их, чтобы вместе с ними идти на прогулку; только, не веруя в целебность для себя босого хождения по росе, надел высокие сапоги; мы долго бродили по росистому лугу, набирая новые букеты разнородных цветов. Вернувшись домой, после чая и завтрака мы взяли плетушки и отправились искать грибы. Дорогой я обратился к Луизе Густавовне с вопросом: «Как нравится вам моя родина?» — «Так у вас здесь хорошо, — отвечала она, — что, если бы

[1] Тихвинская часовня (не сохр.) описана Дрожжиным в стихотворении «Завещание».

возможно было, я навсегда осталась бы жить в вашей деревне». Вскоре мы очутились в лесу. Как много было неподдельной радости, когда кто-нибудь из них находил белый гриб или красноголовую сыроежку! Грибов в ту пору было мало, но всё же у троих нас набралось столько, что вечером моя Марья Афанасьевна соорудила нам на сковороде очень вкусное жаркое. В субботу, на четвертый день, 8-го июля, я вместе с ними отправился к моему новому другу, соседнему помещику Н. А. Толстому, в его имение Новинки, отстоящее в полутораверстном расстоянии от Низовки, где, обласканные теплым приемом всей его семьей, очень весело провели время в дружеской беседе и прогулках по обширному саду и вековому сосновому лесу, и по неотступной просьбе Н. А. Толстого и его матери Надежды Александровны мы у них заночевали, а на другой день после завтрака и новых прогулок Н. А. Толстой снял нас на террасе в двух видах, сначала группою с его матерью и детьми, потом на лугу меня и Рильке вдвоем.

В понедельник 10-го июля, когда мои дорогие гости стали собираться к отъезду в Петербург, я, вручая им на память по книжке моих стихотворений[1] и по портрету, исполненному в 1898 году в Москве фотографией П. П. Павлова, попросил их написать мне что-нибудь на память в мой альбом, открыл перед глазами Рильке пустую страницу альбома и подал ему перо.

— Что же вам написать? — улыбаясь, спросил меня Райнер Осипович.

— Да напишите мне, пожалуйста, свою краткую автобиографию.

Он, немного подумав, взял перо и написал следующее: «Родился я в Праге (Богемия) в 1875 году 4 декабря. До десятилетнего возраста жизнь моя проходила в родном доме, и затем я был отдан в офицерское военное училище, в котором пробыл пять лет. После этого дома окончил курс гимназии.

Писательство мое началось с девятилетнего возраста, сначала прозой, затем стал писать драмы и лирические стихотворения. До сих пор (1900 г.) написано мной и издано: 4 книги стихотворений, 3 книги прозаических сочинений и 3 книги драматических».

Написав это, он прибавил еще следующее:

«Я говорил вам не один раз, что ваши стихотворения я очень *чрезвычайно люблю*. И теперь еще больше понимаю и люблю их, когда

[1] У Рильке с дарственными надписями Дрожжина и датой 10 июля 1900 г. были книги «Избранные стихотворения» (СПб., 1900) и «Год крестьянина» (М., 1890). Местонахождение их неизвестно. В веймарском архиве Рильке этих сборников нет, но значится книга Дрожжина «Жизнь поэта-крестьянина» (СПб., 1900) с надписью: «Собрату по оружию Райнеру Мария Осиповичу Рильке на добрую память. С. Дрожжин. Дер<евня> Низовка. 1900 г.». Таким образом, в 1900 г. Рильке имел четыре книги Дрожжина (сборник «Песни крестьянина» он получил в начале 1900 г. от С. Н. Шиль). Именно их Рильке указал в своем перечне русских книг (Рильке и Россия. С. 565).

увидел родину ваших песен, вашу деревню и жизнь вашу в ней. Райнер Иосиф.<ович> Рильке».

Когда я поблагодарил Райнера Осиповича за написанное, открыл другую страницу альбома и пододвинул его Луизе Густавовне, прося ее тоже что-нибудь написать, то она написала в нем почти то же, что сказала мне на прогулке, а именно:

«Познакомилась у вас с русской деревней, и захотелось в ней остаться навсегда. Луиза Густавовна Андреас Саломе. 10-го июля 1900 года».

Райнер Осипович Рильке, между прочим, сказал мне, когда я попросил его карточку, что еще ни разу не снимался, но теперь, как только приедет в Берлин, то снимется непременно и пришлет ее мне. «А пока я вам подарю вот это», — и он подал мне со своими заметками на полях иллюстрированный каталог книг на немецком языке с краткими о них отзывами, на первой странице которого сделан профильный снимок бюста Райнера Осиповича и перечислены его сочинения. Под снимком им было написано: «Der. Bopnebege. *Германия. Гамбург.* Hamburg. Worpswede».

Скажу, кстати, несколько слов о его наружности. Открытый широкий лоб с короткими светло-русыми волосами, зачесанными без пробора назад, худощавый, с легким румянцем на щеках, нос прямой, глаза большие темно-серые, глубоко сидящие под слегка нахмуренными бровями, ласково высматривают исподлобья, над выдающейся вперед верхней губой небольшие тонкие усы и на маленьком подбородке едва пробивающаяся круглая, с редкими, такими же, как на голове, волосами, бородка.

В назначенный час для отъезда на Завидовскую станцию Н<иколаевской> ж<елезной> д<ороги> им была подана тележка, запряженная парой лошадей, любезно присланных Н. А. Толстым. Мои гости, довольные и благодарные за русское гостеприимство, уселись и, отъезжая, долго, пока не скрылись из виду, махали мне платками.

Вскоре после их отъезда, из Алушты в письме от 14 июля Софья Николаевна Шиль писала мне, между прочим, следующее: «С истинной радостью узнала я о пребывании у вас моих милых заграничных друзей и о том радушном приеме, который они нашли у вас. Боюсь только, не слишком ли они вас стеснили. Я так рада, что и вы познакомились с этими славными и симпатичными личностями; надеюсь, и вперед ваша связь с вашим переводчиком не порвется. И госпожа Андреас, и Райнер Рильке очарованы вашей добротой и прелестью сельской жизни; оба они склонны немного идеализировать нашу русскую действительность».

Через четыре дня после этого письма я получил в запечатанном желтым сургучом оригинальной печатью конверте также письмо и от самого Рильке. Он писал мне следующее:

«С.-Петербург, Невский просп., угол Фонтанки, меблированные комн. „Централь“, 16 июля 1900.

Многоуважаемый Спиридон Дмитриевич! Я хочу только еще один раз благодарить за эти дни, так полные всего хорошего и любезного. Я теперь в Петербурге уже начал читать и работать, в Императорской библиотеке я нашел прелестную книгу „Домашний быт русских царей“ Забелина, в которой история старой Москвы описана так ярко, как на картинах Апол. Васнецова. Потом я буду читать много книг, в которых описывается период первых передвижников, и вообще буду знакомиться с литературой этого времени.

Какая радость вновь осматривать музей Александра III. Теперь уже издан прекрасный каталог с автотипиями, в котором помещены самые лучшие картины. Завтра я хочу посетить некоторых моих знакомых. Но, может быть, теперь они все уехали на дачи.

Вечером я сижу у моего окна, из которого открывается прелестный вид на Фонтанку и на Аничкинский дворец, и читаю до глубокой ночи ваши стихи. Я читаю громко и в воображении слышу в каждом их слове ваш голос, полный радости и любви к вашему родному краю.

Ну, теперь извините, что это письмо так полно грамматических ошибок. Лучше писать не могу! Поэтому завтра пишу Н. А. Толстому на немецком языке. Будьте здоровы.

Вам и вашей семье желаю всего лучшего. Сердечно вам преданный Р. М. Рильке».

В январе 1901 г. я получил из Берлина от Рильке с надписями по-русски и по-немецки на память два фотографических портрета, его и Андреас-Саломе, книгу стихотворений, озаглавленную «Mir zur Feier. Gedichte von Rainer Maria Rilke», и письмо следующего содержания:

«Шмаргендорф — Берлин, 29 декабря 1900 г.

Многоуважаемый Спиридон Дмитриевич! Не знаю, получили ли вы мое письмо, которое я вам послал из С.-Петербурга. Я там не получили ответа от вас, и, может быть, от того, что я слишком рано уехал за границу, и ваш ответ меня не нашел в меблированных комнатах „Централь“. Потом я вам еще раз писал карточку из Bopnebege и часто думал вам писать письма, потому что я чуть не каждый день вспоминаю вашу деревню. Я ничего не забыл — ни вашу любезность, ни гостеприимный ваш дом, ни тот вечер, когда вы читали нам превосходные и звучные ваши стихотворения.

Но время не хватало, чтобы писать вам. И даже сегодня в состоянии послать вам только строчку. Но я приложу мою книгу (извините, что раньше не мог послать) и фотографию, которую я только потому велел исполнить, чтобы вам ее подарить.

Я надеюсь, что ваша семья и вы здоровы и что теперь во время зимы напишите много хорошего и важного. О себе могу вам только сказать, что я работаю много и всё занимаюсь русскими предметами: изучаю жизнь русских художников и читаю Достоевского, Гаршина и пр. Теперь я

постараюсь писать что-то об А. А. Иванове, который, мне кажется, самый важнейший человек и художник-пророк России.

Я весной непременно опять поеду в Россию и потом, уже лучше говорящий и понимающий ваш язык, буду чаще беседовать с вами обо всём. Я вам, вашей жене и матери с детьми желаю всего хорошего в наступающем Новом году и должен вам сказать то же самое от мадам Лу Андреас-Саломе. Будьте здоровы. Сердечно вам преданный Р. М. Рильке».

Хорошо не запомню, писал ли я после этого в ответ на его письмо. Только впоследствии одно из моих писем по ненахождению адресата вернулось ко мне обратно, и я больше не делал попыток писать ему.

В 1904 году я получил от него брошюру на немецком языке, которую для меня перевел один из моих знакомых. Она в переводе озаглавлена так: «Изображение любви и смерти корнета Отто Рильке (написано в 1899 г.). Райнер Мария Рильке. Отдельный оттиск ежемесячного обозрения „Немецкий труд“, IV, 1, Издание Карла Бельмана. Прага, 1904 г.» На обложке брошюры значится рукою автора:

«Поэту и приятелю Спиридону Д. Дрожжину посылает сердечнейшие поздравления и спасибо за добрую память Райнер Осипов<ич> Рильке».

Дер. Низовка, 9 июня 1913 г.[1]

[1] Воспоминания о Рильке Дрожжин написал в начале июня 1913 г. по просьбе И. А. Белоусова, редактора журнала «Путь». По этим воспоминаниям И. А. Белоусов написал статью «С. Д. Дрожжин и Р. Рильке»: Свободный час. 1919. № 8 (1), январь. С. 9.

Г. Г. Москвич
1902

Москвич Григорий Георгиевич (1852—1942), владелец экскурсионного дела в Крыму и на Кавказе, краевед. Родился в Ялте, с 1897 г. жил в Одессе, в начале XX в. переехал в Петербург, где основал издательство «Русский Бедекер», после 1917 г. (1927?) жил в Балаклаве. В течение 25 лет организовывал экскурсии по всей России на автомобилях и лошадях, проводил экскурсии по Военно-Грузинской дороге, через Дарьяльское ущелье на Казбек, в Грузию (Боржом, Тифлис, Батум, Сухум, Гагры, Сочи), в Ессентуки, Железноводск и другие курортные места. Первым в России основал специальное издательство, выпускавшее путеводители, и опубликовал путеводители по Крыму, Кавказу, Волге, Финляндии, Петербургу, Москве, Варшаве и Одессе, выдержавшие до тридцати изданий. Был знаком с А. П. Чеховым, которому подарил путеводители по Крыму, Петербургу и Волге (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1982. Т. 11. С. 212). Путеводитель по Волге выдержал 29 изданий. Текст печатается по изд.: *Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. Изд. 4-е. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1905. С. 15—48. Москвич обобщил в своем путеводителе (не без ошибок) данные предшествующих травелогов, в первую очередь А. П. Субботина. Материалов, впервые вводимых в оборот, у него не много.

От Вышнего Волочка до Твери

От Вышнего Волочка до Твери по Николаевской железной дороге 111 верст. Интересуясь, однако, не сухим путем, по которому проходит железная дорога, а Волгой, мы поведем своего читателя по несколько иному пути, начав описание его от Вышнего Волочка, хотя и не лежащего непосредственно на Волге, но еще недавно имевшего очень тесную связь с нею и составлявшего как бы ее звено.

Вышний Волочек. Таксы для извозчиков не существует. Конец по городу 15—20 копеек.

Гостиницы: Королева — у станции железной дороги, Жолтикова и Суханова — в центре города. Номера от 1 рубля и дороже. Имеются также приличные «меблированные комнаты» Красильникова.

Вышний Волочек — первый *волжский* этап, лежащий на железнодорожном пути между обеими столицами. Хотя он и не расположен по берегам Волги, но, служа центром Вышневолоцкой системы каналов, соединяющих через посредство Тверцы, Цны и Мсты Волгу с Невой, в течение более полутора веков являлся чуть ли не главным посредником между обеими столицами, принимая самое деятельное и кипучее участие в огромном торговом движении и постоянном обмене между Волгой и Невой — Москвой и Петербургом. Тем самым он заслужил себе право считаться одним из звеньев Волги, пока Николаевская железная дорога и улучшенная Мариинская система не отодвинули его на задний план. Вышний Волочек издавна, еще с XIV столетия, своим местоположением обращал на себя внимание русских государей, а у Петра

Великого явилась мысль провести у Вышнего Волочка канал для соединения Волги с Невой. В 1700 г. было положено начало грандиозным водным сооружениям: гранитным пристаням, водоемам, шлюзам с железными воротами и проч. Канал, начатый в самом начале XVIII в., принял свой окончательный вид только в 1792 г., при Екатерине II. В первую половину царствования императора Николая I Вышневолоцкая система и, следовательно, Вышний Волочек находились на высоте своего развития. В настоящее время физиономия Вышнего Волочка изменилась, и из крупнейшего передаточного пункта он постепенно обратился в довольно значительный фабрично-заводской центр, где производство одной только бумажной пряжи и тканей оценивается в 4 миллиона рублей, при 4-х с лишним тысячах рабочих. Что город не пришел в упадок, доказывает количество его населения: в 1860 г. в Вышнем Волочке числилось 13 500 жителей, по переписи 1897 г. их оказалось 16 700.

Вышний Волочек представляет большой интерес для туриста, так как стоит полюбоваться на город, расположенный на берегах грандиозных каналов, закованных в гранитную броню и украшенных прекрасными бульварами. Цнинский и Тверецкий каналы, прямые как стрела, с великолепными гранитными набережными и березовыми аллеями, перерезывают город, пробегая под красивыми мостами и перехваченные шлюзами. Оба канала соединены с громадным искусственно устроенным водохранилищем в 60 верст, из которого выпускают воду в каналы для поднятия их уровня. Посредством шлюзов массы вод, собранные искусственным путем, заставляют бежать или в сторону Волги, или на север — в Мсту. Вся местность Валдайского плато покрыта озерами и речками, и все эти озера, большие и малые, соединены между собой, реки перекопаны и несут свои воды в ту или другую сторону, обогащая водные системы. Густая сеть каналов опутала всю местность и образовала всю эту сложную систему. Каналы производят сильное впечатление. Громадные железные ворота шлюзов торчат из этих вод, как черные щиты. Ворота растворяются, и баржи, разукрашенные флагами, скользят по поднявшейся волне в реку, направляясь из Тверцы в Мсту и в Ладогу. Бульвары на набережных приятно ласкают глаз, а вокруг города высятся огромные, высокие трубы фабрик и заводов. Город хорошо обстроен, отличается порядочным благоустройством, имеет прекрасный гостиный двор, ярмарки и несколько порядочных гостиниц.

В 2 верстах от города находится Казанский женский монастырь, насчитывающий до 500 инокинь. Небольшая часовня, стоявшая здесь в 1870-х гг., благодаря стараниям игуменьи Досифеи была расширена и перестроена. Женская община в 1880 г. обращена в монастырь. Очень красива монастырская церковь, построенная в стиле ренессанс.

От Вышнего Волочка к западу идет почтовый тракт на город Осташков — прекрасное шоссе, которое тянется на 125 верст. Из 4 почтовых станций, лежащих на этом пути, ни одна не представляет какого-

либо интереса. В 2 верстах от первой почтовой станции Жилотково находится деревня Колотово с большим заводом, производящим оконные стекла свыше чем на 100 тысяч рублей.

Осташков — уездный город Тверской губернии, в уезде которого берет начало Волга, — расположен на низменном и песчаном полуострове озера Селигера, растянутого на 86 верст от юга к северу.

Город красиво расположился во всю длину полуострова, касаясь своей южной стороной материка. Главная улица Мильонная начинается на перешейке, проходит через весь город и заканчивается у каменной дамбы, соединяющей полуостров с небольшим островком, на котором приютился Житный монастырь. Осташков — довольно большой и даже красивый город, насчитывающий около 5 веков своего существования и богатый старинными церквами и хорошими общественными зданиями. Осташковская слободка переименована в город в 1764 г. В городе есть пароходная пристань, театр, публичная библиотека, банк, магазины, училища и проч. Жителей в Осташкове около 11 тысяч; занимаются они главным образом рыболовством, кожевенными промыслами, выделкою сапог (белые сапоги — *осташи*) и кузнечным ремеслом. Особенно славятся топоры, косы *осташевки*, серпы и овечьи ножницы. В Осташкове несколько заводов: кожевенные, мыловаренный, пивоваренный, свечно-восковой и чугунно-плавильный.

Почти перпендикулярно к направлению, по которому растянулся город, вблизи базара, раскинут роскошный тенистый бульвар. Много зелени и еще больше воды, волнами разбивающейся с трех сторон о берега полуострова, придают особую прелесть городу, со всех сторон которого открываются чудные виды на обширное озеро.

Осташков богат также историей. В конце XV в. на месте нынешнего города находились две слободы. Здесь издавна находилось старое укрепление, которое в 1610 г. мужественно выдержало осаду поляков, подвергшись большому разгрому. В 1651 г. царь Алексей Михайлович приказал построить новое деревянное укрепление, которое дважды сгорало, после чего уже не было более возобновлено, а на месте его поставлен четырехугольный каменный столб со шпилем и иконами на всех сторонах. Столб существует и теперь.

Из церквей замечательны: собор св. Троицы, построенный в 1672—1685 гг. и отличающийся своим богатством (одного серебра в нем 40 пудов), и церковь Воскресения, построенная в 1689 г. На самом берегу озера находится Знаменский женский монастырь, основанный в 1663 г. царем Алексеем Михайловичем; при монастыре две церкви. Житный монастырь, приютившийся на Вороновом островке, славится весьма чтимой иконой Смоленской Божией матери, которая была сюда перенесена после последнего пожара Осташковской крепости в 1771 г.

Наиболее интересен для осмотра Троицкий собор. Он стоит на площади позади городского сада, обнесенной оградой с тремя воротами в

виде зубчатых башенок старинного замка. Купол собора увенчан короной. Внутри — масса дорогих украшений, образов, лампад; особенно замечательна гигантская серебряная люстра. На ризе брильянтовые звезды, а над царскими вратами высится прекрасная копия известной картины Бруни «Моление о чаше». Церковь Вознесенья находится тут же рядом и обращает на себя внимание оригинальной, причудливо расписанной колокольней, покосившейся на сторону.

Обыкновенно мирный Осташков в начале лета необыкновенно оживляется и переполняется десятками тысяч пришлого народа, стекающегося сюда со всех концов России на богомолье в знаменитую Нилову пустынь, находящуюся в 7 верстах от города на одном из островов озера. Ежегодно 27 мая из Осташкова в Нилову пустынь совершается на всевозможных судах крестный ход, в котором принимают участие тысячи богомольцев. Множество пароходов, барж, яликов, каюков и проч., по-праздничному разукрашенных и переполненных всяким народом, с утра отплывает в пустынь. У монастырской пристани тысячи народа, прибывшего сюда накануне, во главе с настоятелем монастыря встречают крестный ход. Минута поистине высокоторжественная и поразительная. В соборе в это время служится торжественная литургия.

Сообщение между городом и пустынью поддерживается монастырским пароходиком, за 20 копеек перевозящим с одного берега на другой. Перевозкой богомольцев занимаются также сотни лодок, управляемых большею частью женщинами. С раннего утра и до ночи тысячи народа толпятся у пристани. А гостиницы, номера и комнаты уже переполнены несколько дней. На пристани огромное оживление: продавцы образков, поясков, булок и других припасов бойко торгуют, перемешиваясь с монахами, странниками и странницами, молодыми и старыми. Всё это куда-то торопится, шумит, суетится, галдит и толкается.

Вид, открывающийся с озера на монастырь после нескольких минут путешествия, очень живописен. Монастырь, или собственно целая колония церквей, куполов, монастырских зданий, башенок и шпилей, красиво утопая в зелени, пестря всеми цветами радуги, раскинулся по берегу озера, по его извилинам. Прежде всего бросается в глаза кокетливая, розового цвета церковь Воздвиженья Креста. Бело-розовые и голубовато-лиловые стены громадных монастырских зданий, белые полуколонны, серебряные крыши, куполы, шпили, громадное лиловое здание собора с высокой колокольней, вытянутой в длинную серебряную иглу, превосходная каменная набережная с бульваром кудрявых лип, опоясывающих зеленым кольцом монастырь, башенки, пристани, красивая пятикупольная церковь Покрова, лежащая на высшем пункте острова и высовывающаяся из-за зелени деревьев — всё это составляет замечательно поэтичный хаос зданий, которому обилие воды и его уединенное положение придают много задумчивой прелести.

Основатель пустыни преподобный Нил, мощам которого поклоняется народ, повинуясь влечению, в 1505 г. принял монашество в Крынецком монастыре Псковской губернии.

Отсюда он ушел в глухой лес на берег р. Серемхи, а в 1528 г. перебрался на остров Столбен, омываемый Селигером. Здесь он соорудил себе келью и выкопал могилу, в которую поставил гроб. К его подвигам и трудной жизни присоединилось много бед и страданий от суровой природы и окрестных жителей. В 1555 г. Нил скончался. Скромная келья его положила начало монастырю, который теперь составляет одну из величайших святынь всей России, представляя из себя целое собрание грандиозных и красивых церковных строений. В 1594 г. была воздвигнута здесь игуменом Германом первая церковь Богоявления. С тех пор, несмотря на все невзгоды, пожары и разоренья в смутную эпоху на Руси, монастырь всё креп. Во второй половине XVII в. здесь жил на покое тобольский архиепископ Нектарий, предсказавший царю Михаилу Федоровичу рождение сына его Алексея Михайловича. Когда 27 мая 1667 г., почти через 112 лет после смерти Нила, по приказанию Нектария приступили к рытью фундамента нового каменного храма, были найдены мощи преп. Нила. Мощи хранятся в соборной церкви Богоявления, где хранится также его схима, много сосудов, украшенных драгоценными камнями и алмазная панагия, подаренная императором Александром I.

В главные монастырские здания ведут ворота с нишами по сторонам, в одной из которых во весь рост нарисован преподобный Нил, приветливо, ласково и кротко встречающий всякого, кто вступает в его обитель. На большом дворе помещаются гостиница и гостиный двор — громадные белые здания. Следующие ворота вводят в обширный двор с фасадом собора, больницей, готическими зданиями келий, трапезной и просфоропекарней.

Собор — это громадное здание, построенное в двадцатых годах архитектором Анжело Ботани и поражающее лепной работой. Стены и колонны, отделанные под мрамор, поддерживают богато расписанные своды и куполы. Рака с мощами и небольшая, всего в 4 вершка, икона Владимирская Божия Матерь, принадлежавшая Нилу, составляют лучшие сокровища собора. Кроме этих сокровищ, их еще немало здесь. Из полумрака сводов выступают две прекрасные фресковые картины. Одна: Марфа и Мария. Задумчивая Мария изображена замечательной красавицей, лицо и взгляд которой надолго остаются в памяти. Другая, налево от входа, изображает воскрешение Христом дочери Иаира и служит прекрасным украшением собора.

Очень интересна пятиглавая церковь Иоанна Предтечи. Здесь изображена пещера Нила Столобенского и его статуя в сидячем положении, в одежде схимонаха. В этом месте были найдены мощи преп. Нила.

Очень красива и богата по своему убранству маленькая церковь Воздвиженья Креста.

Желающим посетить Нилову пустынь в престольный праздник необходимо заранее озаботиться о помещении в Осташкове или монастырской гостинице, так как наплыв богомольцев бывает очень велик и нередко доходит до 40 тысяч.

От Осташкова до **Селижарова посада** около 40 верст, и сообщение между ними очень удобно, дешево и приятно, так как поддерживается небольшими пароходиками по р. Селижаровке.

Селижаров посад лежит у слияния Селижаровки с Волгой, и уже в XIV в. в местности, которую занимает теперь посад, находились постоянные поселки рыбаков. В начале XV в. селижаровские рыбные ловли принадлежали московскому Симонову монастырю. В конце XV в. сыном Василия Темного князем Борисом был основан Троицкий монастырь, существующий и поныне. Монастырь окружен высокими желтыми стенами с красиво сидящими высокими башнями по углам. Из монастырских церквей одна (Петра и Павла) построена в 1624 г., другая (соборная св. Троицы) — в 1686 г. Подмонастырное селение с 1607 г. именовалось слободой и только в 1862 г. переименовано в посад. Ныне в Селижаровом посаде насчитывается до 1 600 жителей, имеются две пристани и несколько заводов (кожевенный, спичечный и химический). Посад ведет довольно оживленную торговлю хлебом, скотом и лесом. Местность эта представляет интерес для туриста, так как отсюда удобно осмотреть Селижаровский монастырь, а еще более потому, что отстоит всего в 10—12 верстах от замечательного волжского гидротехнического сооружения — бейшлота, осмотреть который должен всякий, посетивший верховья Волги. Это тем удобнее сделать, что в Селижаровом посаде есть гостиница, где можно остановиться и, наняв лошадей, поехать к бейшлоту. Вся поездка — туда и обратно — вместе с осмотром бейшлота, займет 3—4 часа времени и обойдется в 2—3 рубля. Бейшлот, этот волжский водопад, представляет собою столь замечательное сооружение, что на нем стоит остановиться. Он находится в полуверсте от с. Хотошино и уже отсюда вырисовываются его еще пока неопределенные очертания: не то мост, не то плотина — какие-то столбы, колеса… По левому берегу реки тянется аллея из двух рядов деревьев. Ближе к бейшлоту она вводит в небольшой хорошенький парк: из-за зелени деревьев приветливо выглядывает небольшой домик — тут живет смотритель бейшлота. Самый бейшлот производит сильное впечатление. Стихийному порядку, или, вернее, как выражается В. Рагозин, беспорядку, противополагается разумная воля, и вместо громадных глыб гранита и карчей, бесцельно и случайно преграждавших фарватер, предстает величавое гидротехническое сооружение. Тяжелые, прочные и высокие устои, столбы, подпирающие 30-тисаженный мост, валы, колеса, щиты — всё это дело труда и гения человека, который в своих целях положил сдержать напор с лишком 40

миллионов кубических саженей воды. Еще за несколько саженей до бейшлота берега укреплены искусственно: насыпана дамба, устроены два береговых устоя. Затем со дна русла возведены еще 4 быка, образующие 5 пролетов. Поверх всех устоев и стоек перекинут проезжий мост, над каждым из 5 пролетов возвышаются по 2 стояка, между которыми вставлены деревянные валы, имеющие на концах колеса; всех колес, таким образом, 20. Посредством их и канатов, которые зацеплены за щиты, последние выдвигаются из стоек. Ночью бейшлот освещается фонарями, расположенными на мосту. Чтобы любоваться грозной картиной падения выпущенной на свободу воды, лучше всего пробраться на легкий мостик, с этой целью переброшенный против главного среднего пролета. Отсюда видно, как под мостом черная масса воды устремляется в открытый наполовину пролет и в другой ниспадает с оглушительным ревом на настилку на дне русла, между двумя быками. Встретив препятствие, вода под отраженным углом вздымается бугром в направлении течения и, упав на мгновение, вздымается вновь и, вырвавшись на волю, стремительно несется вперед, кипит, клокочет и, нагнав другие такие же волны, выплескивается кверху, падает, опять растет, кипит и бешено рвется вперед и вперед. А назади между тем немолчно раздается гул водопада, непрестанно вздымаются новые и новые громадные водяные бугры и летят мильоны брызг.

Всех щитов бейшлот имеет до ста, и картина падения воды тем грандиознее, чем более щитов открыто.

От Селижарова посада ближайшим городом на Волге является **Ржев**. Водный путь по Волге здесь неудобен, так как эта часть ее изобилует порогами, исключающими возможность пароходного сообщения. Судоходство если и существует, то отличается случайным характером и ограничивается небольшими плотами и шлюпками. Удобнее путь по шоссе, составляющий расстояние в 89 верст. Вообще же лучшее сообщение с Ржевом — по железной дороге, по Новоторжско-Вяземскому пути.

У Ржева через Волгу проходит железнодорожный мост, благодаря чему он является узловой станцией двух железных дорог: Новоторжско-Вяземской и Московско-Виндаво-Рыбинской.

Вокзал находится на далекой окраине.

Такса для извозчиков: конец 15—20 копеек; в час — 40 копеек.

Гостиницы. Лучшие — Некрасова и Батырева. Номера от 50 копеек до 2 рублей 50 копеек. «Меблированные номера»: Семенова, Дураковского, Цыбиных, Петровой и Немировой. Номера от 30 копеек до 75 копеек в сутки.

Город широко раскинулся по обоим берегам Волги и по красоте своего местоположения представляет редкую картину даже среди волжских городов. Волга здесь нешироко и имеет между берегами не более 50 саженей, но замечательна тем, что в этом месте как бы сжата горами и

оба ее берега возвышенны, причем левый — обыкновенно низменный — здесь гораздо круче и возвышеннее правого, хотя тоже высокого, но более отлогого. Глубоко внизу красивой лентой вьется Волга, прихотливо извиваясь под различными углами. На левом берегу лежит так называемая Феодоровская часть города — здесь прекрасный общественный сад, кокетливо красивая церковь Николы, красное здание думы и величавый белый собор, золотые куполы которого и острый золотой шпиль уходят в небо. Весь красивый откос спускается к Волге дорожками, спусками и лесенками, то переплетающимися, то расходящимися. Противоположный берег менее крутой, пестрит домами, утопающими в зелени и спускающимися к полукруглому полуострову, вокруг которого пробегает Волга. Оба берега соединены великолепным американским мостом, поражающим своей легкостью и воздушностью. Посреди реки — громадный гранитный устой, в который упирается мост, составляющий несомненно красу и гордость Ржева. В промежутках к берегу из воды торчат ледорезы, о которые разбивается лед во время ледохода.

Но таков Ржев издали, так сказать, с внешней стороны; ближе — картина изменяется, и он представляет собою довольно грязный провинциальный город с немощеными улицами и площадями, утопающими в грязи. Достопримечательностей в Ржеве мало, хотя он и принимал деятельное участие в продолжительной борьбе за первенство Москвы с Тверью и видел под своими стенами в Смутное время на Руси поляков, которым в 1610 г. присягнул на верность. В 1612 г., однако, Ржев искупил свою вину, так как в числе первых поднял восстание против королевича Владислава, которому недавно присягнул. С этих пор Ржев не видел более врагов под своими стенами. В XVIII в. Ржев сделался одним из наиболее значительных гнезд старообрядцев.

В торговом и промышленном отношении Ржев является первым уездным городом Тверской губернии. Торговля обусловливается тем, что собственно от Ржева начинается волжское судоходство, промышленность же — развитием значительного количества фабрик. В этом отношении на первом месте необходимо поставить пеньковое производство — пряжи, веревки, половики, которых ежегодно выделывается на сумму до ½ миллионов рублей при 1 ½ тысяче рабочих. Писчебумажная фабрика товарищества Ржевской мануфактуры производит всевозможные виды бумаги на сумму более ½ миллиона рублей. В окрестностях города кожевенные заводы в большом количестве обрабатывают юфть, конину, выростки, шерсть, мездры, подошвы и проч. Торгово-промышленная слава Ржева не исчерпывается производством веревок, половиков и проч., и чуть ли не всей России известна *ржевская* яблонька и еще более *ржевская* пастила, приготовляемая из яблок, клюквы, брусники, смородины, крыжовника и др. ягод.[1] Производство это настолько упрочилось и

[1] О Ржеве как центре изготовления пастилы см.: Максимов, *Тверь 3*. Рецепт. 1 кг яблочного пюре смешивали с взбитым в белую пену 1,5 стаканом меда, взбивали до

получило широкое распространение, что, несмотря на обилие садов в Ржеве, для упомянутого производства немало яблок и ягод сюда привозится из других мест.

В Ржеве около 22 тысяч жителей.

В числе своих уроженцев Ржев с гордостью называет знаменитого архимандрита Троицко-Сергиевской лавры, прославившейся в Смутное время, — св. Дионисия, в мире Давида Зобниковского. К уроженцам Ржевского уезда принадлежит, между прочим, адмирал Ф. В. Дубасов, известный по турецкой войне 1877—1878 гг.[1]

Посещающим Ржев советуем поинтересоваться замечательными астрономическими часами, которые изображают картину неба. Часы сделаны известным самоучкой — механиком и богословом Терентием Волосковым, посвятившим на эту работу 11 лет жизни. Часы хранятся в городской думе.

От Ржева до Зубцова вниз по Волге менее 20 верст.

Зубцов — небольшой захолустный провинциальный городок с 3 000 жителей, расположен при слиянии Волги с Вазузой. До проведения в эти местности железных дорог Зубцов имел некоторое значение как хлебная пристань, но с проведением их потерял и это значение. Зубцов достопримечателен единственно тем, что с его именем связана известная легенда о споре Волги с Вазузой о первенстве.[2] Долго спорили они о том, кто из них старше, сильнее и храбрее, пока не решили лечь спать и признать преимущество за той, которая проснется раньше и раньше же добежит до Хвалынского моря. Первой проснулась Вазуза и сейчас же пустилась в путь. Когда Волга проснулась, Вазуза была уже далеко, но Волга вздула свои воды и с шумом и ревом помчалась вслед за Вазузой. У Зубцова она нагнала Вазузу, которая признала себя побежденной и младшей. Сущность этой легенды находит себе объяснение в характерности встречи и слиянии этих двух рек, которая не ускользнула от народной наблюдательности. Невольно бросается в глаза, что Вазуза

однородной пенистой массы; выкладывали в формы слоем 1,5 см и подсушивали в теплой духовке. Затем выкладывали сверху два таких же слоя, поочередно подсушивая, и запекали. Пастила была рыжевато-ржавого цвета из-за окисления яблок; в слоеной пастиле между яблочными слоями шли два-три более тонких слоя рябиновых и брусничных. С XIX в. ржевскую пастилу как национальную сладость экспортировали за границу.

[1] Дубасов Федор Васильевич (1845–1912), государственный деятель, генерал-адъютант (1905), адмирал (1906). В 1877 г. при начале войны с Турцией, командуя минным катером «Цесаревич», атаковал турецкие броненосцы, взорвал и потопил турецкий однобашенный броненосный монитор «Сеифи». Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

[2] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1855. Т. 1. № 94; Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 112 (Лит. памятники). Ссылки на предания о соперничестве рек см.: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1867. Т. II. С. 226—229.

неуклонно следует своему направлению, в то время как Волга делает необыкновенно крутой поворот к Вазузе и изменяет свое дальнейшее направление.

Следующий за Зубцовом город на Волге — **Старица**.

Таксы для извозчиков не существует. Конец 15—20 копеек.

Гостиница «Саратов» Щукина. Номера от 75 копеек и дороже. Останавливаются также на конной почтовой станции.

Самый город с 5 ½ тысячами жителей мало чем останавливает на себе внимание. В Старице есть несколько кожевенных заводов, а в окрестностях ее производятся ломки так называемого *старицкого мрамора*. Вблизи города находятся минеральные источники, к сожалению, еще не исследованные.

Из остатков седой старины следует отметить *городище*, расположенное внутри города. С одной стороны, его образуют крутой берег Волги и овраги реки Старицы, а с севера и с юга — насыпные валы с расстоянием друг от друга в 50 саженей. Постройку городища приписывают Иоанну Грозному, который любил этот город и жил в нем во время войны с Стефаном Баторием. Впрочем, и тогда уже Старица была древним городом, так как в летописи упоминается еще в 1297 г. Как порубежный город Старица не раз подвергалась разгрому и разорению. Самым любопытным памятником старины является Успенский мужской монастырь, в который в 1605 г., после гибели Годуновых, за преданность им был сослан первый московский патриарх Иов. Через два года он был торжественно возвращен в Москву, но впоследствии вернулся сюда и здесь умер.

Далее до Твери Волга представляет мало интересного, и потому в Тверь гораздо удобнее ехать по железной дороге. Старицкий вокзал находится в 10 верстах от города.

От Твери до Рыбинска

Тверь находится на железнодорожном пути Николаевской железной дороги между Петербургом и Москвой. Первое неудобство, которое обращает на себя внимание приезжего, — это отдаленность вокзала от города.

Такса для извозчиков: определенной таксы не существует. Извозчики — одноконные пролетки. Установившиеся цены на проезд следующие: с вокзала к городу или на пароходную пристань 25—30 копеек; конец по городу 10—15 копеек; в час 40—50 копеек. Из города на вокзал 30—40 копеек; на пароходную пристань 15—20 копеек; за Волгу 25—30 копеек.

С 1902 г. открыто движение электрического трамвая, которое соединяет город с вокзалом и фабрикой товарищества Тверской мануфактуры. Плата за конец — 5 копеек.

Гостиницы: лучшая — «Центральная» на Трехсвятской ул., в центре города, недалеко от пристани. Номера от 50 копеек до 3 рублей в сутки с бельем. При гостинице — лучший в городе ресторан. Обед: 3 блюда — 75 копеек, 4 блюда — 1 рубль. Все удобства, телефон, ванны, газеты и журналы. Образцовый порядок. Гостиница «Лондон» — на углу Трехсвятской и Симеоновской. Номера от 50 копеек. Гостиница Миллера — близ пароходной пристани.

Губернский город Тверь живописно расположен на обоих берегах Волги, правая часть его пересекается рекой Тьмакой, а левая — рекой Тверцой. Таким образом, город разделяется на части: Центральную, Затьмацкую, Заволжскую и Затверецкую. Центральная часть соединяется с Заволжской двумя мостами: новым Николаевским железным, сооруженным в 1897—1900 гг. инженером Машеком, и старым — понтонным с деревянной настилкой. Остальные части соединяются несколькими незначительными мостами.

Главные улицы города вымощены булыжником и освещаются газом. В настоящее время Тверь довольно чистый и благообразный город с широкими, чистыми, малооживленными улицами, с однообразными, большей частью желтыми, домами. Впрочем, в последнее время, дома строятся уже не по казенному шаблону, а с претензией на стильную красоту, что значительно украшает город.

Городское благоустройство в Твери стоит далеко не на должной высоте. Правда, имеются — мостовые, водопровод, газ, электрический трамвай, электричество и проч., но все эти насущнейшие городские потребности обставлены не полно, обслуживая город в ограниченном размере и далеко не охватывая всех его частей.

Лучшие улицы: Миллионная, Трехсвятская, Набережная, Мироносицкий бульвар — все на правом берегу Волги. Лучшие магазины и дома — на Миллионной улице; здесь же — дворец, кафедральный собор, красивое здание гимназии, реальное училище, городская дума, дворянское и общественное собрания, банки, гостиный двор и проч. На Миллионную выходят также губернаторский (дворцовый) сад и городской. Последний служит местом гулянья и выходит на Набережную, откуда открывается прекрасный вид на Волгу. В саду — приличный ресторан, известный под именем Кукушки. Миллионная улица пересекается двумя большими площадями — Почтовой, на которой помещаются почтово-телеграфные учреждения, и Екатерининской, или Осьмиугольной, названной так благодаря своей восьмигранной форме. Эта площадь ограничена 4-мя громадными, характерно сложенными под углами, совершенно одинаковыми розовато-желтыми зданиями окружного суда, губернского правления, присутственных мест и проч.

Развлечений в Твери почти нет: отсутствует даже театр, а представления заезжих трупп иногда даются в зале дворянского собрания.

Как губернский город Тверь является средоточием обычных губернских центральных учреждений. Кроме них отметим еще следующие; кредитные: отделение Государственного банка, Городской общественный банк, Общество взаимного кредита, отделение Санкт-Петербургского Азовского коммерческого банка; ученые общества: Тверская ученая архивная комиссия и Общество любителей археология и естествознания; учебные заведения: мужская гимназия, реальное училище, семинария, духовное училище, женская гимназия, женское епархиальное училище, женская учительская школа, школа ремесленных учеников, до 15 начальных школ и несколько частных училищ; благотворительные учреждения: местное управление общества Красного креста, «Серебряная община» Красного креста,[1] попечительство о слепых, общество «Доброхотной копейки», отделение Императорского православного Палестинского общества, общество «Поощрения женского труда», общество трезвости «Мир», Власьевское общество трезвости и общество спасения на водах; спортивные общества: пожарное, общество охоты, общество охотников конского бега, кружок велосипедистов и конькобежцев и общество «Парус»; клубы: благородное собрание и общественное собрание.

Кроме городской публичной библиотеки, имеется частная библиотека Ахматова с книжным магазином. В городском саду находится книжно-газетный ларь.

42 православных церкви, из которых многие насчитывают несколько и более веков существования, значительно украшают город и придают ему характер патриархальности. Особое внимание обращает на себя грандиозный собор Преображения. Он находится в конце Мильонной улицы, вблизи дворца, а возникновение его относится к седой старине, когда более шестисот лет тому назад, на месте бывшего здесь когда-то кремля, сооружена была деревянная церковь. Значительно позже, спустя более четырех веков, после длинного ряда политических превратностей судьбы, разорений и пожаров, снова воздвигнут был храм, почти в этом же виде сохранившийся поныне. Громадный белый каменный корпус с 5 куполами ярко-синего цвета с золотыми звездами и прижавшаяся к нему каменная пристройка, вместе с изящной трехъярусной колокольней зеленого цвета, подпираемой белыми колоннами, покрытой синим же куполом с золотой вершиной — составляет внешний вид собора. Внутри собор отличается богатством и благолепием. Особым богатством поражает иконостас, роскошно отделанный в шесть ярусов драгоценными каменьями, золотом и серебром. Стены украшены старинными образами,

[1] Серебряная община сестер милосердия при Тверском отделении РОКК. По имени общины в 1894 г. названа ул. Серебряная (ранее ул. Чирьева по фамилии купца Чирьева, имевшего здесь дома и лавки; сохранились бывшая лавка и дом купца Чирьева — д. 5-7; 1790-е; одноэтажный жилой дом с полуподвалом — д. 4; середина XIX в.).

живописью и фресками. Печальная участь великого князя Михаила Тверского, изменнически убитого татарами и заслужившего венец мученичества, послужила обильной пищей для художественного воспроизведения различных моментов этой печальной истории. Мощи великого князя, помещенные в серебряной раке, составляют одну из главнейших святынь тверичей. В 1902 г. 24 июня, в день храмового праздника состоялось торжество переложения мощей во вновь сооруженную раку. Среди многочисленных громадных фресков многие приковывают взор посетителя своей художественной красотой, глубиной замысла и тонкостью воспроизведения. Посещение собора оставляет неизгладимое впечатление и дает представление не только о благолепии этого храма, но и о богатой церковной живописи, причем имена художников, к сожалению, остаются неизвестными.

Ежегодно 24 июня при громадном стечении народа (не менее 25—30 тысяч) совершается крестный ход с мощами св. князя Михаила Тверского по главным улицам города. Большой интерес представляет для осмотра старейшая церковь в Твери, находящаяся в Затьмацкой части. Это небольшая церковь, выстроенная в XVI в. во имя Св. Троицы и прекрасно сохранившаяся. Толстые стены церковки едва пропускают в узкие щели окон свет, едва освещающий мрачные своды. По стенам — старинные фрески. Убранство церкви не блещет богатством, но дорого стариной. Царские врата еще более старые, чем сама церковь, пестро раскрашены, прихотливо вырезаны и убраны слюдой и свинцовой резьбой. В верхней части церкви находится потаенная дверь, ведущая в сокровищницу, где во время войн духовенство и граждане прятали свои богатства. Церковь эту следует осмотреть как редкий образчик старины.

По ту сторону Волги, на левом берегу у слияния ее с Тверцой, в Затверецкой части города красуется знаменитый Отрочь Успенский монастырь, основанный в 1265 г. Григорием, отроком тверского князя Ярослава, брата Александра Невского. С основанием этого монастыря связано следующее предание. Григорий, сопровождая своего князя на охоту, встретил девушку необыкновенной красоты Ксению, дочь крестьянина села Едимонова. Ярослав увидел ее во время венчания с Григорием. Пораженный красотой Ксении, Ярослав решился похитить ее из-под венца. Несчастный Григорий постригся после этого в монахи и вскоре основал монастырь, получивший название Отрочего. Праведная жизнь Григория создала славу монастырю, и молва о нем широко распространилась по Руси.

В 1538 г. в Отрочь монастырь был заточен знаменитый Максим Грек, который провел здесь около 20 лет. Но еще более дорогим становится этот монастырь благодаря заточению (в 1568 г.) в нем одного из замечательнейших людей России, московского митрополита Филиппа. Монастырь освящен мученическою смертью митрополита, который пал от руки Малюты Скуратова. Митрополит принадлежал к богатому и знатному

роду бояр Колычевых. Занимая блестящее положение при царском дворе, молодой боярин красавец Федор Колычев, отличавшийся прямотой, честностью и смелостью, не мог оставаться немым свидетелем ужасов, которые творились при дворе Иоанна Грозного и предпочел уйти в монастырь. Постригшись в Соловецком монастыре, он скоро сделался игуменом, и своим умом, энергией и благочестием прославил монастырь. Слава о Соловецком игумене дошла до царя, и он вызвал Филиппа в Москву и сделал его митрополитом. В это тяжелое время, когда своевольничала опричнина, не прекращались волнения и жестокие казни, для мудрости, прямоты и смелости Филиппа открылось широкое поле. Он не боялся грозного царя, открыто обличал его несправедливости, всегда становясь на сторону обиженных. Все несчастные, гонимые искали спасения от смерти и разорения под крылом митрополита. На некоторое время митрополит сумел благотворно повлиять на царя, сдерживая его от жестокостей и спасши не одну жизнь. Но страшная подозрительность царя, его нетерпимость к противоречию и происки жалких и ничтожных пособников Иоанна привели к тому, что обожаемый народом митрополит при плаче и воплях всего народа был грубо низложен, закован в цепи и заточен сначала в Богоявленский, а потом в Тверской Отрочь монастырь. Здесь мирно доживал свои дни великий старец, пока о нем не вспомнили, чтобы завершить его жизнь ореолом мученичества. По пути в Новгород Иоанн разгромил Тверь, избил десятки тысяч тверичей и послал Малюту в Отрочь монастырь за благословением к низложенному митрополиту. Верный спутник царя в его жестокостях, Малюта задушил ненавистного ему поборника правды и смелого обличителя, грубо обвиняя иноков в том, что они не сумели охранить его жизнь.

Келья, где провел последние минуты и принял мученическую смерть этот замечательный человек, сохранилась до сих пор: над ней построена церковь. В 1902 г. над входом в подвал, где некогда заточен был святитель, сооружена часовня, в которой по средам служатся молебствия, на которые собирается множество богомольцев. Сама келья также приведена в приличный вид: стены слегка выбелены, пол цементирован, и по стенам размещены картины, своим содержанием напоминающие последние минуты из жизни великого старца. Темно и тоскливо здесь под низкими сводами, среди мрачных картин и фресков, изображающих известные моменты из страдальческой жизни святителя. Замечательна фреска, изображающая Филиппа укоряющим царя за то, что он вместе с опричниками вошел в церковь в шапке. Налево в стене находится небольшая ниша — замурованная дверь, в которую вошел Малюта, чтобы умертвить старца. В нише изображена решетка, за которой видна фигура молящегося митрополита.

Сначала святитель был погребен в монастыре, затем мощи его были перенесены в Соловецкий монастырь, а оттуда — в Москву, в Успенский собор, где находятся и теперь.

В настоящее время Тверской Отрочь Успенский монастырь — это одна из величайших русских святынь, не отличается ни богатством, ни многочисленностью братии.

В Затьмацкой части Твери на берегу речки Тьмаки красиво расположился Рождественский девичий монастырь. Он существовал уже в XVI в., но теперешний свой вид получил в 1810—1812 гг., когда старые деревянные постройки были заменены каменными. Сборная двухэтажная церковь красиво выдвигается из-за зелени деревьев и славится высокочтимой чудотворной иконой Божией Матери, привезенной сюда в 1803 г. графиней Ростопчиной, принявшей здесь впоследствии пострижение.

В 4-х верстах от города в живописной местности находится Желтиков Успенский мужской монастырь, основанный тверским епископом Арсением, скончавшимся здесь в 1409 г. Церковь Успения построена в 1404 г., и в ней покоятся мощи св. Арсения. В ограде монастыря находится еще другая церковь — св. Алексея с кельей, в которой находился в заключении царевич Алексей Петрович. В Желтиковом монастыре в 1831 г. погребен епископ Амвросий Протасов, считавшийся одним из лучших проповедников своего времени.

Из достопримечательностей Твери необходимо отметить дворец, в настоящее время обращенный в губернаторский дом. Дворец построен при Екатерине II после пожара 1763 г. на месте сгоревшего архиерейского дома. В начале XIX в. во дворце проживала великая княгиня Екатерина Павловна, сестра императора Александра I, вместе с своим супругом принцем Георгием Ольденбургским, который был тогда губернатором Твери и главноуправляющим путями сообщений. Император Александр I нередко навещал здесь сестру и слушал первые главы «Истории государства Российского», которые читал ему Н. М. Карамзин. Ныне во дворце проживает губернатор Твери, а один из флигелей отведен под музей. Тверской музей составляет главную достопримечательность города, можно сказать, — гордость его. Музей основан губернским статистическим комитетом и расширен Тверской ученой архивной комиссией, главным образом членом ее А. К. Жизневским, который с редкой неутомимостью, настойчивостью и любовью довел его до настоящего состояния. Блестящее состояние музея — лучший памятник этому неутомимому и бескорыстному деятелю. В музее сосредоточено всё, что представляет какой-либо интерес для иллюстрации края, начиная с самых отдаленных времен. Прекрасно и широко поставлены отделы археологии, этнографии и промышленности. Осмотр музея дает яркое представление о древнерусской культуре; особенно богат отдел археологии: в нем сосредоточены орудия каменного века, предметы, добытые из раскопки и вообще древности самого разнообразного характера. Здесь можно видеть каменные гробы, различные кресты, иконы, образа, церковные предметы, домашнюю утварь, наряды, обувь, печати,

монеты, оружие, планы, кафли, орнаменты и множество мелочей, как: серьги, перстни, пуговицы, запонки, часы и проч. Всё собранное в музее относится главным образом к Тверской губернии и только отчасти к Новгородской губернии. Замечателен, между прочим, Стерженский крест новгородского посадника Иванки Павловича. Интересны образцы одежд и обуви XVII и XVIII вв., размещенные на манекенах. Обращают на себя особенное внимание замечательные часы работы самоучки механика Терентия Волоскова, сделанные им в половине XVIII в. и до сих пор показывающие довольно верно часы, минуты, дни, недели, месяцы, простые и високосные годы, фазы луны и числа лунного месяца. Далее, старинный замок — личина в виде медного ящика с механизмами и секретами, издающий звон. Очень интересна коллекция монет, размещенная особым способом: древняя серебряная гривна — слиток в ½ фунта весом, который 600 лет назад давал возможность прожить с комфортом полгода. Еще более интересны собранные в большом количестве древние рукописи и представляющие в историческом отношении весьма ценный материал.

Всех предметов насчитывается до 15 тысяч, которые прекрасно классифицированы и сгруппированы. Имеются роскошные описания отделов (отдел археологический), альбомы с фотографическими снимками, отдельные описания рукописей, каталоги и проч. Музей открыт ежедневно с 10 часов утра до 4 часов пополудни. Вход бесплатный.

Закончив свою крупнейшую в истории России роль, полную ужасов, страшных разорений, пожаров и прочих политических превратностей, и возродившись благодаря заботам великой императрицы Екатерины II, вновь отстроившей город после страшного пожара 1763 года, Тверь давно уже вложила в ножны свой боевой меч и занялась сначала торговлей, а впоследствии обратилась в один из важнейших промышленных центров.

В первой половине XIX в. благодаря отношению к Вышневолоцкой системе стало расти торговое значение Твери: она сделалась главным транзитным пунктом между Волгой и Невой. С проведением Николаевской железной дороги и улучшением Мариинской системы Вышневолоцкой системе, а вместе с ней и Твери был нанесен смертельный удар. Последний удар торговле Твери нанесла Рыбинско-Бологовская железная дорога, обошедшая и оставившая ее за флагом. Значение Твери как важного транзитного пути совершенно пало. Но Тверь еще раз возродилась благодаря своему удобному местоположению на берегах Волги, откуда начинается пароходное движение вниз по Волге, и близости к Москве, в центре промышленного района. Из передаточного пункта Тверь обратилась в фабрично-заводской центр с огромным мануфактурным производством, а благодаря соединению с железной дорогой и пароходному сообщению развила самостоятельную торговлю. Эта вновь определившаяся физиономия Твери настолько упрочилась, что, кажется, никакой новой опасности ей не угрожает. Город заметно прогрессирует: в

1861 г. в Твери было 28 тысяч жителей, по переписи 1897 г. число их определилось в 53 500. За 36 лет количество населения удвоилось. Центр тяжести развития и процветания города — в его фабриках и заводах. Первое место в этом отношении принадлежит Т-ву «Тверской мануфактуры» вдовы Морозовой и К°, основанному в 1858 г.

«Тверская мануфактура» представляет собою целый отдельный фабричный городок и является столь замечательным учреждением, что не остановить на нем внимания всякого приезжего в Тверь нельзя. *Городок* находится в Затьмацкой части, вблизи Рождественского девичьего монастыря, в расстоянии 10—12 минут езды от центральной части города. Прежде всего это громадная фабрика с громадными специальными фабричными корпусами для различных стадий производства, где во всём применяется последнее слово науки и искусства.

«Если обойти все отделения, — говорит Субботин, — можно обезножить». Экономия передачи сил, разнообразие машин, чистота, простор, электричество — невольно приковывают внимание. Но всё это, так сказать, экономическая сторона *дела*. Чем лучше оно поставлено, тем фабрикаты лучше и дешевле и, следовательно, выгоднее для самого фабриканта. Но в таком огромном *деле*, как «Тверская мануфактура», где работают около семи тысяч человек, а всё рабочее население с семьями чуть ли не вдвое более, есть еще и другая сторона — это быт рабочих. И в этом отношении «Морозовский городок» заслуживает полного внимания. Обитателям *городка* — рабочим и их семьям отведены помещения: для одиноких устроены обширные, светлые залы, а для семейных — квартиры с общими кухнями на несколько семейств. Администрацией фабрики содержится особая лавка, в которой рабочий может приобрести всё, в чем у него может появиться надобность, причем особый аншлаг в лавке гласит, что покупки в лавке необязательны. Это говорит прежде всего о том, что лавка устроена с целью облегчить бюджет рабочего, а вовсе не для того, чтобы замаскировать уменьшение его заработной платы. Лавка никаких барышей не получает. Собственная хлебопекарня выпекает свыше 200 пудов хлеба ежедневно, продавая его по 2 копеек за фунт. На фабрике имеется образцово поставленная больница и отдельный павильон для рожениц. Прекрасное двухэтажное здание служит приютом для детей — сирот рабочих, и здесь же — ясли для грудных детей, которые под известным надзором проводят здесь целый день, в течение которого матери детей находятся на работе. Фабричная школа помещается в собственном обширном и удобном здании, построенном по всем правилам гигиены. Образование получают несколько сот малолетних, а также подростки, работающие уже на фабрике, но 3 часа проводящие в школе. Духовные запросы этой обширной колонии рабочих также удовлетворяются довольно широко: имеется обширное помещение для библиотеки с залом для развлечений, где между прочим ставятся иногда

спектакли с участием рабочих или других исполнителей. В центре городка разведен сквер для прогулок.

Производство «Тверской мануфактуры» всё возрастает и оценивается в 7—8 миллионов рублей в год.

Другая крупная фабрика бумажных тканей в Твери — это Рождественская мануфактура П. В. Берг, основанная даже раньше Тверской, в 1853 г. Производство ее значительно меньше первой, но всё же превышает миллион рублей.

Недавно возник обширный завод железнодорожных материалов с производством, между прочим, вагонов. Далее необходимо отметить доки пароходства «Самолет», паровые мукомольные мельницы, с общим помолом в миллион 200 тысяч рублей, заводы — механические, стеклянные, кожевенные, восковые и проч. Все эти фабрики и заводы в общем производят фабрикатов на сумму около 15 миллионов рублей. Понятно, что далеко не все они идут на удовлетворение местных нужд, а, наоборот, большинство их вывозятся из Твери по Волге и железной дороге, служа прочным основанием для вывозной торговли.

Тверь — один из старейших русских городов — основана в 1181 г. Всеволодом III, великим князем владимирским. Более семи веков существования, на протяжении которых прошли разнообразные исторические судьбы России, различные кровавые эпохи, как собирание Руси Москвою, нашествия татар, Смутные времена на Руси, посягательства поляков и самозванцев, сделали Тверь оживленною ареной политических событий, сопровождавшихся всеми ужасами войны, опустошениями и пожарами. В 1238 г. Тверь подвергалась нашествию татар Батыя, который едва не стер ее с лица земли. Город был взят и разорен. После татарского погрома первым удельным князем Твери в 1246 г. сделался Ярослав Ярославович, который в 1264 г., после смерти Александра Невского, вступил на великокняжеский престол. С этого момента на протяжении более двух столетий тверские князья следовали непрерывной линией, хотя уже с начала XIV столетия (1304 г.) к борьбе с татарами присоединилось соперничество Твери с Москвою за первенство. 1327 г. оказался для Твери почти роковым. Княживший в то время великий князь Александр Михайлович не сдержал возмущения тверичей, совершивших поголовное избиение прибывших в Тверь татарских послов во главе с Чолханом, двоюродным братом хана Узбека, и в следующем году Тверь подверглась новому разгрому, причем татарский хан утвердил великим князем Твери князя московского Ивана Калиту. Гордая Тверь не признала Калиту своим великим князем, и наступила полуторовековая борьба с Москвою за независимость. Тверские князья, вступив в союз с Литвой, с большой энергией защищали свои права, но с начала XV в. между ними начались междоусобицы, и некоторые из них перешли на службу к великому князю московскому Ивану III. В 1486 г. Иван III осадил Тверь, а последний ее князь (по счету 13-й) Михаил Борисович бежал в

Литву. Оставшись без князя, тверичи сдались, и в 1490 г. Тверское княжество было присоединено к Москве. Правда, еще долго тверичи причиняли Москве беспокойство, считаясь очень неспокойным элементом, но эта слава дорого им обошлась, а город их не раз подвергался разгрому. Особенно страшное опустошение потерпела Тверь в 1569 г., когда Иоанн Грозный, отправившись проучить Новгород, по пути разгромил Тверь, истребив 90 тысяч тверичей. В смутное время в 1606 г. тверичи, ободряемые своим епископом Феоктистом, восстали против второго самозванца и одолели его сторонников. В 1609 г. толпища Тушинского самозванца были разбиты под Тверью знаменитым Скопин-Шуйским. В 1612 г. Тверь отказалась присягнуть польскому королевичу Владиславу и выдержала с успехом несколько попыток поляков овладеть городом. В последний раз Тверь видела врагов под своими стенами в 1618 г., когда поляки под начальством полковника Копычевского в течение двух недель безуспешно осаждали ее. Кроме войн, Тверь немало терпела и от других бедствий; так в 1654 г. половина жителей вымерла от моровой язвы. Бедственное положение Твери продолжалось до половины XVIII в., когда после пожара 1763 г., почти уничтожившего город, императрица Екатерина II приняла участие в судьбе Твери, отпустила средства и, можно сказать, на старом пепелище возродила новый город. С проведением знаменитой Вышневолоцкой водной системы Тверь приобрела большое коммерческое значение, пока железнодорожный путь и другие изменившиеся экономические условия не придали ей новой физиономии, о которой сказано выше. Во вторую половину XIX в. тверское дворянство проявило себя передовым в том смысле, что когда еще шла только речь о великой реформе освобождения крестьян, оно заявило о своем желании улучшить быт крепостных крестьян и дать им гражданские права. Эту реформу оно связывало с целым рядом преобразований в других сферах государственного управления, что вскоре действительно было выполнено волею великого преобразователя — императора Александра II.

От Твери до Корчевы. Верстах в 20-ти от Твери в Волгу впадает р. Орша и при устье ее стоит известный древний Оршанский Вознесенский монастырь. Соборная церковь его каменная, остальные монастырские здания и стена, окружающая монастырь, — деревянные. В 1613 г. архимандрит монастыря Иосиф в качестве выборного от Твери подписал грамоту об избрании на царство Михаила Федоровича Романова. Вид на монастырь с Волги (с борта парохода) очень красив. Издали виднеется красная церковь с зеленой маковкой. Белые башенки на стенах и большой красный монастырский дом с белыми украшениями и окружающею зеленью деревьев представляют чудный уголок.

Еще ниже, верстах в 10-ти (30 верст от Твери), на левом высоком берегу Волги расположилось большое село Лисицы с торговою пристанью и большой пятикупольной желтой церковью, высокая колокольня которой видна издалека.

В 6 верстах ниже на правом берегу находится село Городня, бывшее когда-то городом, с 1 200 жителей. Здесь приютилась одна из древнейших русских церквей во имя Пресвятой Богородицы с прекрасно сохранившейся древней византийской живописью. Крупным моментом в исторической роли Городни необходимо отметить пребывание здесь князя Скопина-Шуйского, шедшего на освобождение Твери от поляков и тушинцев, и переправа его через Волгу в 1609 г.[1]

В 11 верстах от Городни на левом берегу находится село Едимоново, прославившееся рациональной и широкой постановкой молочного хозяйства. В 1872 г. известный знаток этой важной отрасли сельского хозяйства Н. В. Верещагин основал здесь образцовую школу молочного дела. При школе прекрасно и научно обставленные: лаборатория для анализов молока, сыроварня, кефирная и проч. Школа получает субсидию от казны и служит рассадником знаний молочного производства. Здесь производятся всевозможные сыры, как русско-швейцарский, французский, зеленый, лимбургский, мещерский, бакштейн, тильзитский и др. Молоко доставляется крестьянами, и деньги, полученные от продажи молочных продуктов, распределяются пропорционально доставленному количеству молока. Ныне в Едимонове свыше 600 жителей, которые главным образом и живут молочным производством. С историей имя села Едимонова связано известным преданием об основании Тверского Отроча Успенского монастыря, так как село это было родиной Ксении — невесты отрока Григория, впоследствии основателя монастыря.

Далее, ниже Едимонова, Волга своим правым берегом на протяжении около 20 верст отходит к Московской губернии, где расположено оживленное торговое село **Новое**, имеющее пароходную пристань.

Следующая пароходная пристань находится в селе **Кузнецово,** в 11 верстах от Нового. Кузнецово особенно известно большим фарфорово-фаянсовым заводом Товарищества М. Кузнецова, который ежегодно производит фарфоровых, эмалевых, фаянсовых и гончарных изделий на сумму около миллиона рублей.[2] От этого села до уездного города Корчевы вниз по Волге 18 верст.

---

[1] В память об этом событии в Городне воздвигнута стела: «Сей камень установлен в память о пребывании в селах Городне и Видогощь князя М. В. Скопина-Шуйского в июле 1609 года после разгрома отрядов Лжедмитрия II в битве за Тверь».

[2] Товарищество по производству фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова учреждено в 1889 г. с правлением в Москве. Основной капитал 3 млн. руб. сер. В 1903 г. имело 8 фабрик с производством на них фарфора, фаянса, полуфаянса, майолики, строительных материалов, расположенных в разных местностях России; 15 постоянных торговых мест в различных местностях России и 12 ярмарок. В с. Кузнецове было крупнейшее в России производство бытового и художественного фаянса. Завод основан Ф.-Х. Бриннером (1809, д. Домкино), перенесен в Кузнецово (1829), куплен М. С. Кузнецовым для его Товарищества (1870). В 1930 г. Кузнецову присвоено имя революционера П. П. Конакова, с 1937 г. — город, районный центр.

От Твери до Корчевы 88 верст; пароход пробегает это расстояние с остановками в 5—6 часов.

Корчева — уездный город Тверской губернии и из 11 уездных городов губернии — самый незначительный. В нем всего около 2 ½ тысяч жителей, менее полусотни каменных домов и несколько сот деревянных домишек, еще недавно оцененных все вместе едва в 150 тысяч рублей. Понятно, что при этих условиях о культурных началах города говорить почти не приходится. По внешнему виду город мало чем отличается от порядочного села и в этом отношении некоторое оживление вносят уездные учреждения. Корчева имеет пристань и ведет торговлю хлебом и лесом, но значение ее как торгового пункта ничтожно, так как вся торговля ее находится в руках калязинских купцов. Тем не менее в Корчеве существует женская прогимназия, 3-хклассное городское училище, благотворительное общество, пожарное общество, несколько агентств страховых обществ и прочее.

Историей Корчева не богата, и до 1781 г. она была просто деревней. Достопримечательностей в городе никаких нет, а две городские церкви своей вышиной выделяются из ряда маленьких, приземистых домиков.

Корчевской уезд, наоборот, отличается довольно оживленной фабрично-заводской деятельностью. Всех фабрик в уезде свыше 80 с общим производством на сумму около 2-х миллионов рублей. Львиная доля этой суммы приходится на фарфорово-фаянсовый завод Товарищества Кузнецова и на несколько кожевенных заводов. Остальные фабрики отличаются незначительным производством.

Несколько ниже Корчевы на левом берегу Волги при впадении в нее р. Дубны находится известное по своему сельскохозяйственному устройству образцовое мамонтовское имение **Пекуново**, имеющее свою пароходную пристань.

В 15 верстах далее на левом берегу Волги расположено знаменитое промышленное село Кимра. Лежащее против Кимры село **Савелово** соединено с Москвою недавно законченной железной дорогой.

Кимра — большое село Корчевского уезда Тверской губернии. Несмотря, однако, на это, по всему складу своей жизни, по развитию промышленности и торговли и по внешнему виду Кимра походит не на село, а на порядочный, довольно оживленный город.

В Кимре 4 **гостиницы:** Дудкина В. И., Дудкина М. И., Мухиной Т. А. и Тупицына И. М. Кроме того, имеются «номера» — Дудкина Н. В., Дудкиной М. Ф. и Тупицына Н. И. и постоялые дворы: Волкова, Лукичева, Малюгина, Печенкина и Щербина. Номера в гостиницах недороги: от 50 копеек до 2 рублей; помещения в «номерах» и в особенности на постоялых дворах — гораздо дешевле.

Кимра расположилась на холмистом, возвышенном берегу, не отличающемся красотой. Небольшая речка Кимерка, впадающая в Волгу, делит Кимру на две части: Троицкую — главную и Вознесенскую. В

Кимре более 1 200 домов, из которых многие в два этажа с железными крышами. 20 улиц села — все имеют названия, причем некоторые замощены, другие замащиваются. Жителей в Кимре около 9 тысяч, и на удовлетворение их нужд существует масса торгово-промышленных заведений. Одних мануфактурных и галантерейных лавок в селе свыше 20, еще больше — бакалейных и мучных; далее следуют торговли — готовым платьем, мясные, булочные, часовых дел мастерские и проч. В Кимре есть аптека, нотариус, общественный братьев Мошкиных банк, гостиный двор, бесплатная читальня, училище, больница, благотворительное общество, пожарная дружина, фотография и парикмахерская. Открыт клуб и общество трезвости.

И всё это в селе, население состоит исключительно из крестьян. Откуда же такое благополучие, такое развитие гражданственности и жизненных удобств, которыми столь не блещет русская деревня? Ответ заключается в удивительном развитии кустарного сапожного промысла, которым занимается чуть ли не поголовно всё население — мужское и женское. Прежде чем сказать о внутреннем складе жизни этого села и его обитателей, остановимся на самом промысле, создавшем этот склад и благополучие крестьян. Сапожничество в Кимре существует очень давно, и начало его установить трудно. Однако известно, что уже в 1812 году Кимра обувала всю русскую армию. В последующие войны Кимра исполняла ту же обязанность и в последнюю русско-турецкую войну 1877—78 гг. поставила более мильона пар сапог. Не только сама Кимра, но и целый обширный район из 14 волостей и 49 селений занимается сапожным ремеслом. Всех кустарей в Кимрском районе насчитывается свыше 16 тысяч, кроме 10 тысяч кимряков, работающих на стороне — в столицах и других городах. Всё сапожное производство превышает сумму в 6 миллионов рублей и расходится по всей России и Сибири. В Кимре три значительных кожевенных завода с собственными бойнями для лошадей, все отдельные части которых, за исключением мяса, утилизируются. Шкуры поступают на кожевенные заводы для обработки, шерсть идет на войлочные ковры, бабки и жир идут на клееваренные заводы, а грива и хвост поступают к щеточникам. Но местные заводы далеко не удовлетворяют потребностям Кимры в кожах, и они в огромном количестве привозятся сюда из других местностей. Около 20 специальных заведений фабрикуют гамбургский и шагреневый товар. Множество мастерских, так называемых посадчиков, занимаются вытягиванием скроенных кож на колодках и приготовлением отдельных частей обуви. Мастерские *сдирок* утилизируют стружки, остающиеся после посадчиков, склеивают их и образуют *сдирки*, которые употребляются на каблуки. Специальные *строчильни*, где работают, главным образом, на машинах женщины, занимаются приготовлением *заготовок* для дамских ботинок и мужских штиблет. Одних строчильных машин в Кимре свыше 3 тысяч. Но главное занятие кимряков состоит в приготовлении обуви. Шьется

преимущественно городская обувь невысокого достоинства, но некоторые отдельные местности специализировались на более тонком производстве. Кимрская обувь дешева и большею частью плоха, но это скорее зависит от требований рынка, чем от умения кустарей. Вообще нужно сказать, что кимрский рынок для сбыта производства поставлен в крайне неблагоприятные для самих кустарей условия, так как находится в руках нескольких зажиточных скупщиков, диктующих свои условия и цены. Труженик-кустарь не без трепета выбрасывает на рынок в субботний день плоды своей недельной работы в ожидании цен. Цены эти в постоянном угнетении от скупщиков, всё уменьшающих заработок кустаря, принужденного поэтому ухудшать качество своего производства. Несколько умеряют аппетиты местных скупщиков иногородние купцы, иногда скупающие товары и повышающие цену. Этим только и объясняется, что эксплуатация кустарей не достигает крайних пределов и производство обуви доставляет известные выгоды.

Такое почти поголовное занятие промыслом совершенно изменило физиономию кимряка как сельского жителя и создало совершенно иной склад жизни, совершенно непохожий на обычный крестьянский. Занятие промыслом и торговля развили кимряка, дали ему средства, выработали вкус и сделали его щеголем, склонным даже к мотовству и веселому образу жизни. Кимряк — скорее фабричный, чем крестьянин. У более богатых выработались совсем барские наклонности: они держат прислугу — кухарку, горничную, кучера; обед состоит из нескольких блюд; употребляется хорошее вино, чай и проч. Но и самый бедный кимряк имеет потребности, стоящие куда выше обычных крестьянских. Он обязательно ест ежедневно мясо или рыбу, питается белым хлебом, чаем и проч., о чем обыкновенно крестьянин и не мечтает. Особую страсть питают кимряки к костюму, и нередко богатый кимряк имеет три, четыре шубы, которые он одевает, смотря по празднику или дому, куда он идет в гости. Женщины в этом отношении значительно уступают своим мужьям и своей скромностью умеряют их бюджет. Не последнюю роль в обиходе кимряка играет водка, оправдывающая, быть может, всероссийскую поговорку «пьян, как сапожник».

К числу достопримечательностей Кимры нужно отнести ее четыре церкви и из них в особенности величественный Покровский собор и почти рядом с ним храм Св. Троицы. Собор имеет 5 красивых глав, а внутри богатый иконостас в 5 ярусов, блещущий золотом и письмом. Весь храм прекрасно расписан изображениями святых и фресками. В соборе находится особо чтимая икона Спаса Нерукотворенного. Икона эта составляет копию с чудотворной иконы, явившейся в одном из питейных заведений села. Икона сначала находилась в питейном заведении, где пред нею молились, что не мешало, однако, здесь же и пьянствовать. Впоследствии икона была перенесена в Тверской собор, где находится и теперь. Церковь Св. Троицы — также грандиозный храм с пестро

разрисованными фресками по стенам. Храм Вознесения — наиболее старинная церковь, с хорошо сохранившейся живописью по стенам, находится в заречной части села. Четвертая церковь — кладбищенская во имя Пресвятой Богородицы.

Частые пожары в Кимре создали в ней учреждение, которым она по всей справедливости гордится, — это вольная пожарная дружина, прекрасно организованная и фактически насчитывающая 120 членов, принимающих активное и деятельное участие в тушении пожаров.

В исторических актах имена *Кимра* и *кимряк* упоминаются впервые в 1549 г. Из царской грамоты того времени видно, что Кимра была торговым местом, куда немало съезжалось всякого народа. В 1675 г. Кимра упоминается как дворцовое село, которое впоследствии принадлежало тестю царя Ивана Алексеевича Салтыкову, после того перешло к канцлеру князю Головкину, а после ссылки его в Сибирь — к Скавронским. В 1846 г. кимрские крестьяне на льготных условиях выкупились у графини Самойловой и с 1867 г. сделались «собственниками» после того, как заплатили в казну все причитавшиеся с них деньги.

В 30 верстах ниже Кимры, при впадении в Волгу р. Медведицы, находится довольно значительное село **Медведица** (до 350 жителей), имеющее пароходную пристань и собирающее хлебные грузы Кашинского уезда.

В двух верстах отсюда в запущенной ныне частновладельческой усадьбе, по преданию, родился Борис Годунов.

Верстах в 12 выше устья Медведицы, где теперь находится Ширинский погост, был когда-то дремучий Ширинский лес. С этим лесом связано предание о том, как был замучен татарами попавший к ним в 1237 г. в плен князь Василько Константинович Ростовский, плативший их своим мужеством и красотою, но отказавшийся перейти на их сторону и потому убитый.

Ближайший от Медведицы приток Волги — Нерль находится в 10 верстах от устья Медведицы, а еще на 16 верст ниже в Волгу впадает р. Кашинка, на которой расположен старинный город Кашин. Железная дорога соединяет его с Рыбинском.

Кашин — уездный город Тверской губернии. Город красиво и поэтично расположился на обоих берегах Кашинки, которая, проходя изгибами через весь город сопровождающими ее гористыми и крутыми берегами и оврагами делает его очень живописным. Как центр самого людного в губернии уезда Кашин имеет некоторое промышленное и торговое значение. В Кашине два крупных завода: войлочный и свечно-восковой и ведется обширная торговля льном; около ½ миллионов пудов вывозится ежегодно за границу.

В окрестностях имеется еще кожевенный завод. Еще недавно Кашин славился подделкою иностранных вин, но в настоящее время почти утратил эту печальную славу. В Кашине свыше 7 ½ тысяч жителей, и он

претендует даже на некоторое благоустройство, замостив свои главные улицы. Особенно красив большой, тенистый и хорошо устроенный сад. Кашин богат церквями, которых насчитывают 28. Главная из них — собор Воскресения, в котором хранится гробница супруги св. князя Михаила Тверского с покровом, сшитым дочерьми царя Алексея Михайловича. Из монастырей отметим Сретенский женский, основание которого относится к XIV в. Нынешняя церковь при нем тоже довольно древняя и построена окольничим Федором Зыковым в 1692 г. Дмитриевский мужской монастырь основан преп. Макарием Калязинским, а церковь при нем построена в 1682 г. Из уважения к святыням Кашина епископ Тверской называется также Кашинским.

В Кашине имеется: окружной суд, городской общественный банк, женская прогимназия, духовное училище, городское училище, нотариус, почтово-телеграфная контора, благотворительное общество «Доброхотной копейки», пожарное общество и проч.

Нельзя не отметить симпатичного сознания кашинцев в том отношении, что лучшим и полезнейшим украшением города являются учебные заведения. Благодаря просвещенной энергии городского головы и председателя земской управы и крупным пожертвованиям жителей города явилась возможность соорудить ремесленное училище; для устройства гимназии город совершил заем в 150 тысяч рублей.

Основание Кашина относится к XIII в., и потому ему пришлось пережить немало исторических моментов. В 1238 г. он подвергся полному разгрому татарами Батыя, а затем, принимая участие в княжеских усобицах тверских и московских князей и вступая нередко в соперничество с Тверью, он признал себя подчиненным Москве, опередив в этом отношении Тверь только на несколько лет. В Кашине провел свои последние годы принц Густав Шведский, вызванный в Россию Годуновым в качестве жениха его дочери. В смутную эпоху Кашин в числе первых отложился от Тушинского самозванца и мужественно выдержал осаду Лисовского.

В ближайшем будущем Кашину, кажется, предстоит, наконец, занять видное место среди отечественных курортов, которых так немного в обширном Поволжье. К сожалению, об этом приходится говорить только предположительно, а не утвердительно. И это в то время, когда целебность кашинских минеральных вод пользуется известностью в течение столетий, а богомольцы, приходящие в Кашин, с незапамятных времен ищут здесь исцеления от всяких болезней. Вообще история кашинских минеральных источников весьма поучительна. Уже в царствование Екатерины II кашинские минеральные воды интересовали тогдашних ученых, но только в 1808 г. врач Чернявский по поручению правительства составил «Описание минеральных источников в Кашине», отстаивая их целебность. Благодаря энергии того же Чернявского был устроен колодезь и дом для помещения больных. О кашинских водах заговорили, и они попали даже в

военную фармакопею баронета Вилье. Но это продолжалось недолго: дом для больных отошел под военный лазарет, колодезь — заброшен, а самые воды пришли в упадок. До 1859 г. о них совершенно забыли, пока за это дело не взялся местный городской голова. Он обратился к профессору Шипулинскому, исследования которого привели к блестящим результатам. Профессор рекомендовал кашинские воды как высоко целебные при лечении многих болезней. Но тут возник спор о праве собственности на землю, и вопрос затянулся надолго.

Только в 1883 г. стараниями доктора Алексеевского было, так сказать, положено начало тому, что может именоваться курортом: было устроено небольшое ванное заведение и приведены в порядок колодцы. В ванном здании всего 10 ванн — 5 для мужчин и 5 для дам и небольшая раздевальня.

Этим собственно и исчерпывается почти всё, что создано руками человека для процветания Кашина как курорта. А жаль, потому что исследования профессора К. А. Лачинова в 1884 г. трех кашинских источников показали замечательную целебность их вод, испытанную и на практике. Кашинские источники принадлежат к серно-железным водам и по своему химическому составу родственны кавказским и липецким минеральным водам. Пользование кашинской минеральной водой дает прекрасные результаты при следующих болезнях: анемии, эмфиземе, желудочных катаррах, хроническом ревматизме и других.

Открытый в 1901 г. четвертый минеральный источник по своему обилию и прекрасным химическим свойствам воды, богатой железом и свободной от всяких органических примесей, еще более выдвигает на очередь вопрос о скорейшем упорядочении кашинского курорта.

Как курорт Кашин можно рекомендовать людям небольшого материального достатка. Человеку невзыскательному и не предъявляющему больших требований в смысле благоустройства и комфорта здесь можно устроиться сравнительно удобно, а главное недорого. Комнату вблизи ванн легко найти за 10—15 рублей в месяц, а стол можно иметь почти у любой хозяйки приблизительно за 15 рублей. Мягкий, ровный и умеренный климат и обилие зелени составляют крупнейшие плюсы кашинского курорта.

Близкое к осуществлению проведение железнодорожной ветви от Кашина до Кимры соединит Кашин с Москвою ближайшим железнодорожным путем, который, имея всего 6-тичасовое расстояние от столицы, оживит Кашин в экономическом и культурном отношениях, что несомненно отзовется на нем как на курорте.

В 22 верстах от Кашина по Бежецкому торговому тракту, близ с. Савцино, есть еще другой минеральный источник, называемый Олсуфьевским. Этот источник исследован еще менее кашинских и мало посещается.

Улучшение путей сообщения и культурная обстановка, без которых немыслимо процветание курорта, ждут здесь ближайшей очереди и несомненно оживят окружающую местность, которая может принести исцеление не одному страждущему больному.

Несколько ниже Кашина, в том месте, где Волга образует в своем течении крутую дугу, расположилось небольшое село Спасское, которое принадлежало семье нашего знаменитого сатирика М. Е. Салтыкова (Щедрина). Вся округа, можно сказать, увековечена сатириком, ярко и образно изобразившим многие стороны местного быта.

Здесь же — село Сергиевское, имеющее пароходную пристань.

В 9 верстах ниже Сергиевского на правом берегу Волги при впадении в нее р. Жабни находится уездный город

Калязин. Таксы для извозчиков нет. Конец — не дороже 30 копеек.

Гостиница Н. П. Кучерова у самой пристани. Номер от рубля и дороже.

В Калязине 7 ½ тысяч жителей и пристань, создающая городу некоторое значение по торговле хлебом. Что касается промышленности, то она почти отсутствует. Имеется несколько мелких крахмальных заводов.

По внешнему виду Калязин типичный захолустный городок, ничем не останавливающий внимания.

Из общественных учреждений можно отметить городской банк и благотворительное общество «Доброхотной копейки». Из учебных заведений имеется лишь одно городское училище. Существует городская общественная библиотека.

В Калязине имеется народный дом, принадлежащий местному благотворительному обществу; внутри дома горит электричество, а снаружи, на улице пред домом, расстилается настоящая азиатская непролазная грязь, мешающая публике подъехать или подойти к зданию народного дома…

Местом развлечений служит городской сад, где имеется ресторан.

Город получил название от боярина Каляги или Калязи, уступившего часть своих земель под устройство монастыря. В XV в. образовалась подмонастырская слобода, давшая начало городу. Достопримечательности Калязина составляют его святыни. Преподобный Макарий, основавший монастырь (и, следовательно, город), постригся после того, как потерял любимую жену. Он поселился среди непроходимых лесов у р. Жабни и скоро своим праведным образом жизни привлек жителей окрестных деревень, которые образовали слободу. Боярин Каляга, услышав про чудеса Макария, подарил ему землю, и таким образом возник Троицкий Калязинский монастырь. Здесь же в 1483 г. Макарий скончался, здесь же хранятся его мощи, найденные в 1521 г. Впоследствии монастырь разросся и обратился в нечто вроде крепости. Монастырь окружен каменной стеной с башнями и бойницами и имеет 4 церкви. Главная из них соборная в честь

Св. Троицы, построена в 1650 г.; в ней хранятся мощи св. Макария и его церковная утварь, с которыми святитель совершал литургию. В 1610 г. монастырь был взят поляками и вся братия перебита. В 1634 г. во время страшной моровой язвы всё семейство царя Алексея Михайловича и знаменитый патриарх Никон проживали в Калязинском монастыре. Келья патриарха сохранилась до сих пор и показывается туристу во всём ее скромном убранстве. Особенно красива и величественна колокольня монастыря, построенная в 1816 г. Каждый из ее 4-х этажей меньше нижележащего, и в общем, по своей пропорциональности и красоте, представляет стройную гармонию. Про колокольню говорят, что она самая высокая на Волге.

Ежегодно 26 мая при громадном стечении народа совершается вокруг монастыря крестный ход с мощами преподобного Макария.

Калязин достопримечателен еще тем, что в нем в должности подканцеляриста начал свою служебную карьеру знаменитый баснописец И. А. Крылов.

А. Я. Бесчинский
1903

Бесчинский Александр Яковлевич († 1941), путешественник, журналист, краевед, один из редакторов газеты «Крымский курьер» (Ялта). Член Ялтинского благотворительного общества. Сосед семьи Чеховых в Таганроге, знакомый А. П. Чехова по Ялте, автор воспоминаний о Чехове (Приложение к газете «Русь». 1907. № 71907; Приазовская речь. 1910. № 42, 45–48). Составитель путеводителей: «Путеводитель по Крыму» (1901), «Ялта и ближайшие окрестности» (1902). Текст печатается по изд.: *Бесчинский А. Я.* Путеводитель по Волге. М.: Т-во И. Н. Кушнерева и К°, 1903. С. 29–58.

От истока до Твери

Волга начинается в Тверской губернии, в Осташковском уезде, в так называемом *Волгинском лесу*, близ деревни *Волгино Верховье.*

Проехать к истоку Волги можно тремя путями: 1) через г. Валдай, 2) через г. Вышний Волочек, 3) через г. Ржев, причем две первых пути лежат на г. Осташков, а третий — на Селижаров посад.

Первый путь — через г. Валдай, Новгородской губернии. **Г. Валдай** находится в 38 верстах *от станции Валдайка* Николаевской железной дороги. *Валдай* — маленький городок, лежащий на Валдайской озере, 4 500 жителей. Есть одна гостиница.

Городок лежит на береговом скате Валдайского озера, близ самого возвышенного пункта Московского шоссе, и сам по себе ничего интересного не представляет. Очень красит город озеро с его островами и старинным *Иверским* монастырем. От города до монастыря 3 версты; переезд в лодке туда и обратно стоит 40–50 копеек. Монастырь построен знаменитым Никоном; обитель окружена белыми стенами с башнями.

Село Валдай упоминается впервые в летописях в 1495 г. Во время независимости Новгорода здесь была таможня. Городом Валдай сделан в 1770 г.

От Валдая следует ехать на лошадях 64 версты до села *Полново.* Ямщики вольнонаемные. Станций — 3: *Ивантеево*, *Велье* и *Полново.* В Полнове — ночлег. Из Полнова 5 раз в неделю, в 10 часов утра, отходит пароход по озеру Селигер на г. Осташков, куда он приходит в 3 часа дня и отходит дальше в село *Свапущи*, куда прибывает в 6 часов вечера.

От села Свапущей до истока Волги — 15 верст на лошадях, причем на протяжении 12 верст дорога удовлетворительная, а на остальных 3 верстах плохая.

Второй путь — от Вышнего Волочка Николаевской железной дороги — следующий: до Осташкова 120 верст на почтовых (4 станции), из Осташкова пароходом до села Свапущи и от Свапущей — как сказано выше. Путь на Вышний Волочек интересен из-за посещения названного города.

Вышний Волочек лежит на волоке важного некогда пути, связывавшего Новгород с Тверью. Здесь находятся знаменитые каналы, составляющие основание Вышневолоцкой водной системы.

Уже приближаясь к городу, железная дорога проходит среди водных резервуаров, питающих каналы при низком стоянии воды. Роскошные каналы, закованные в гранитную броню, пристань, водоемы и шлюзы производят красивое, даже величественное впечатление.

Вышневолоцкая система, соединяющая через посредство Тверцы, Цны и Мсты Волгу с Невой, теперь почти совсем заброшена благодаря Мариинской системе, а также благодаря проведению Николаевской железной дороги.

Вышний Волочек — красивый город с населением до 17 тысяч жителей.

Гостиницы: *Королева* — у вокзала, *Жолтикова и Сухомова* — в центре города.

Вокзал находится в 1 версте от города.

Извозчики. Таксы нет. Конец с вокзала 30–35 копеек, на вокзал — 25–30 копеек. Конец по городу 15–20 копеек, в час 40–50 копеек.

Вышний Волочек выстроился на месте бывшего болота, из которого когда-то брали начало реки Тверца и Мста. Окрестности города тоже болотисты. Климат сырой и крайне нездоровый.

Местность Вышнего Волочка еще в глубокую старину являлась путем следования товаров с Волги до Новгорода по рекам Тверце и Мсте и затем по Волхову. Движение водою, однако, не могло быть беспрерывным, и суда поднимались только до места, где ныне монастырь Николы Столбенского (на Тверце, верстах в 10-ти от истока). Здесь надо было разгружаться и перетаскивать груз волоком на Цну; по Цне вступали в озеро Мстино, а оттуда в Мсту. Вследствие неизбежных проволочек на волоке образовалось селение, которое и звали уменьшительно *Волочком*, притом Вышним — в отличие от Нижнего Волока, *Держкова* в Новгородской губернии. Городом Вышний Волочек сделан в 1772 г.

К прорытию каналов было приступлено, по повелению Петра I, в 1704 г., но теперешний свой вид каналы приняли только при Екатерине II.

Красивейший из каналов *Цнинский* имеет в длину 675 саженей, в ширину — 10 саженей, в глубину — около 1 ½ сажени. Отвесные берега канала на всем протяжении обделаны гранитом; через канал перекинут красивый и прочный проезжий мост с 4-мя гранитными лесенками с боков, ведущими к каналу и Цне.

Оба канала, Цнинский и Тверецкий, прямые как стрела, с великолепными гранитными набережными и березовыми аллеями, перерезают город. Для питания обоих каналов устроены очень искусные водохранилища, из которых выпускают воды также в Тверцу и Мсту.

Вся Валдайская возвышенность покрыта речками и озерами, все они перекопаны и соединены между собой и направляют посредством шлюзов

всю массу воды, собранную искусственным путем, смотря по надобности, или в сторону Волги — в Тверцу, или в сторону Невы — в Мсту.

Вышневолоцкая система не допускает непрерывного следования судов, а лишь движение караванами в определенное время при посредстве спусков воды из искусственных водохранилищ.

Три раза в год: весною, летом и осенью — каналы представляют оживленный и праздничный вид: скопившиеся в караван барки, украшенные флагами, медленно и плавно входят одна за другой в канал, предпринимая очень продолжительный, около месяца, и нелегкий путь.

Вблизи города находится *Казанский женский монастырь*, существующий с 1878 г. Монастырь насчитывает до 500 инокинь.

Город Осташков очень красиво расположен на низменном, песчаном полуострове, который на две слишком версты вдался в озеро Селигер.

Главная улица Осташкова *Миллионная* пересекает в длину весь город, начинаясь у перешейка и оканчиваясь у островка, соединенного с городом дамбой.

На *Вороновом* острове, в 1 версте от города, соединенном с городом мостом, расположен *Житный Богородицкий монастырь*, основанный в 1716 г. Остров носил прежде название *Житного* от житниц, остававшихся от бывшего здесь города *Кличена*. С острова открываются чудные виды на озеро и Осташков. В монастыре хранится образ Смоленской Божьей Матери, находившийся прежде на воротах бывшей здесь крепости. В городе есть еще *Знаменский женский монастырь*, основанный в 1663 г., с красною церковью и высокими стенами, доходящими до самого берега озера.

Осташков — древний город, возникший еще в XV столетии и уже в 1610 г. выдержавший трудную осаду поляков. Жителей 10 500 человек.

Общественная жизнь Осташкова находится на высокой степени развития. Многие общественные учреждения основаны здесь ранее, чем в каком-либо другом уездном городе России. Воспитательный дом (1773) после столичных самый старый в России, богадельня (1735), городское училище (1772), духовное училище (1751), общественный банк имени Савина (1819), вольная пожарная команда (1843), городская больница (1800), городская публичная библиотека (1833) с 12 тысячами томов, городской театр (1805). Значительная часть города вымощена еще с 1830 г.

Жители занимаются рыболовством, кожевенными промыслами, выделкой сапог (белые сапоги «осташи») и кузнечным ремеслом: особенно изготовлением топоров, кос, носящих название «осташевки», серпов и овечьих ножниц.

Климат Осташкова сырой, холодный и нездоровый.

Озеро Селигер, славящееся своей красотой, занимает площадь в 261 квадратных верст и является самым большим из озер, расположенных в верховьях Волжского бассейна.

Длина озера с севера к югу 72 версты, а ширина — 49 верст. Оно имеет ракообразную форму и состоит из 23 водоемов (плесы, луки, озера), соединенных между собой проливами (межтоками); берега извилисты и образуют массу полуостровов. Собственно озером называют наибольший плес между г. Осташковом и *островом Хочином* (длина 19, ширина 9 верст).

На Селигере имеется до 160 островов, из них более значительные: 1) *Хочин* (37,5 квадратных верст) с 6 селениями; 2) *Градовня*, 18 верст в окружности, славится своими живописными видами; остров дал много материала известному пейзажисту Шишкину;[1] остров холмист, покрыт старинным сосновым бором; 3) *Ключин*; 4) *Столбенский*; 5) *Житный* (Воронов) и др. На некоторых островах имеются, в свою очередь, озера.

В 1 версте от Осташкова из озера выдается громадный валун, служащий пристанищем для озерных птиц.

Средняя глубина Селигера 3–4 сажени, но бывает и 10–16 сажен. Дно песчано и иловато, берега отлоги, довольно густо заселены. Озеро богато рыбой и крупными раками, хотя вследствие хищнического лова рыбное богатство заметно сокращается.

Верстах в 7-ми от Осташкова по озеру, на одном из многочисленных островов, *Столобенском*, находится *пустынь Нила Столобенского,* привлекающая сюда многочисленных паломников. Два раза в день между городом и монастырем ходит небольшой пароход; проезд стоит 20 копеек. Кроме того, есть много лодок. Местоположение и вид монастыря чрезвычайно живописны. 27 мая в монастыре храмовой праздник, привлекающий сюда несколько тысяч богомольцев.

Из озера Селигера вытекает *р. Селижаровка,* имеющая 28 верст протяжения и впадающая в Волгу.

Из Осташкова идет почтовый тракт до Селижарова посада (44 версты) и оттуда дальше до Ржева (89 верст).

Третий путь до истоков Волги — от Ржева до Селижарова посада. Почтовый тракт тянется 89 верст. Станции: *Кривцово* (на 35 версте), *Сытьково* (38 верст, находится уже на Волге), на 56 версте — деревня *Митьково*, близ которой находится *Бенский порог* (см.), на 68 версте — деревня *Большие Коши*, на 89-й — Селижаров посад. От Селижарова посада отправляются, как указано выше, пароходом до с. Свапущи и далее лошадьми 15 верст.

Деревня Волговерховье (150 человек жителей) затерялась среди множества озер и болот. Маленьких озер и болот здесь наберется несколько сотен, есть несколько десятков и больших. Местность топкая, почти непроходимая. Близ деревушки с южной стороны стоит скромная часовня, в ней 2–3 образа и колодец с чистой, но красноватой водой, аршина полтора глубины. Этот колодец (750 футов над уровнем моря;

[1] См. путешествие Е. П. Вишнякова (*Тверь 3,* с. 193–217).

57º15′ с. ш., 2º10′ в. д. от Пулкова), называемый окрестным населением Иорданом, считается началом великой реки.

Первое определенное указание на то, что именно в этой местности находится исток р. Волги, встречается только в XVIII столетии, в описи Ниловой пустыни 1724 г.

В 1649 г. здесь был учрежден Волговерховский монастырь. Монастырь был очень бедный и мало кому известный. К концу XVII столетия он совсем запустел, но через некоторое время был возобновлен Петром I. В 1724 г. монастырь сгорел и более не возобновлялся, а братия его была переведена в Нилову пустынь.

Сперва река вьется еле заметной лентой среди непроходимых трясин и так узка, что прохожий может без затрудненья пожать руку приятелю, находящемуся на противоположном берегу, не переправляясь на другую сторону. Временами водное течение как бы расплывается: утрачивается возможность установить ни этой ленты, ни чего-либо похожего на берег. Через несколько верст этот неопределенный проток входит в непреодолимый лес и совсем теряется в зыбком болоте. Через некоторое время лес и болото кончаются, и из последнего снова выходит ручей, на этот раз с более определенными очертаниями берегов и с установившимся руслом. Близ деревни Вороновой Волга принимает свой первый, столь же незначительный приток *Персянку* и затем опять теряется в болотистом лесу. Посреди болота есть просвет, свободный от растений, такие просветы называются *окнами*. Этот просвет величается здесь озером и носит название *Малого Верхита*. Через это озеро протекает Волга, но опять очень неопределенно. Дальше Волга протекает через другое озеро — *Большой Верхит*. По выходе из Большого Верхита Волга становится уже совершенно определенным ручьем сажени в 3 шириной и в аршин глубиной. Она течет тут посреди густого елового леса в глубокой и узкой долине. В расстоянии 5-ти верст от Большого Верхита Волга вливается в большое озеро *Стерж*, которое простирается с севера на юг около 12-ти верст. Выйдя из озера Стерж, Волга версты через 2 вступает в два обширные, соединенные между собой нешироким проливом, покрытым мостиками, озера *Вселуг* и *Пёно*, которые тянутся по тому же направлению, от севера к югу, на протяжении 20 верст при ширине от 2 до 4 верст. Выйдя из озера Пёно и приняв справа довольно значительную речку Жукопу, Волга круто поворачивает к востоку и весьма извилисто течет по этому направлению на протяжении 41 версты, до озера *Волго*, последнего из ряда озер, через которые она протекает. В озеро Стерж, кроме Волги, впадает еще другая река, *Руна*, более обильная водой, чем Волга, и имеющая 40 верст длины. Ввиду этого обстоятельства высказывается не лишенное основания мнение, что Руна, а не верхневолжский ручей есть действительное начало Волги. Тем не менее народная давность именно за описанным ручьем укрепила честь считаться началом великой реки.

На 3-й версте ниже озера Волго и на 101-й версте от истока находится замечательное гидротехническое сооружение — верхневолжский **бейшлот**; это запруда, назначение которой в летнее время подымать уровень воды в Волге между Тверью и Рыбинском. Сооружение это находится неподалеку от деревни *Хотошино*. Ширина реки в этом месте 30 сажен; оба берега возвышены, кроме того, они укреплены и еще более возвышены искусственно на некотором расстоянии выше.

Строение состоит из двух устоев по берегам и четырех каменных быков в середине реки. Образовавшиеся таким образом 5 пролетов заграждены двойными деревянными щитами, двигающимися между столбов с пазами. Поверх всего сооружения перекинут мост.

Благодаря этой запруде Волга выше бейшлота и вся система вышележащих озер весною переполняется водой и обращается в огромное водное хранилище в 150 квадратных верст, вмещающее в себе до 40 миллионов кубических сажен запасных вод, которыми затопляется почти вся местность выше бейшлота. Осенью все щиты открыты; весною, во время половодья, они закрываются, и выше бейшлота накопляется масса воды, которою во время летнего спада вод пользуются для воспособления судоходства. Смотря по мере надобности, подымается большее или меньшее количество щитов, и накопленный в половодье запас подымает уровень воды в Волге на далекое расстояние.

Влияние бейшлота замечается на несколько сот верст и доходит даже до Рыбинска, без него судоходство в верховьях Волги было бы совсем невозможно. При открытии всех щитов уровень воды в Волге у Ржева, в 150 верстах, повышается на целый аршин, у Твери, в 3–4 верстах, — на пол-аршина и у Рыбинска — на вершок. Нередки случаи, когда и этот вершок дает возможность продолжать на волоске держащееся судоходство. У бейшлота есть телеграф. Судохозяева, которым угрожает мелководье, телеграфируют начальнику бейшлота, который и распоряжается открыть несколько щитов. Пущенная вода доходит до Твери на шестые сутки.

В 10 верстах от бейшлота в Волгу впадает с юга речка *Песочная*, а с севера — *Селижаровка*, и отсюда Волга становится судоходной.

При устье р. Селижаровки, в 12 верстах от бейшлота, на почтовой дороге из г. Ржева в Осташков, в 40 верстах от последнего, находится *Селижаров посад* с населением около 2 тысяч человек. Близ посада на холме стоит красивый *Троицкий монастырь*, основанный в конце XV столетия. В посаде есть гостиница, почта и телеграф, земская больница, врач, аптека.

За Селижаровкой Волга вьется среди довольно красивой местности, между холмистыми берегами. Пейзаж украшают деревеньки с церквами, расположенными над самой рекой. Река извивается весьма змееобразной лентой в глубокой долине, часто с весьма отвесными берегами.

Протекая по ровной местности, Волга совершенно лишена водопадов и больших порогов, и единственное препятствие ее ровному течению в верхней части оказывают огромные валуны, *одинцы*, и многочисленные *карчи*, загромождающие ее русло. Огромным скоплением их характеризуется часть Волги между озерами Пёно и Волго. Плавание на лодке даже среди дня здесь небезопасно: чуть ли не на каждой сажени торчат из воды темные намокшие коряжистые сучья и стволы, многие сотни и тысячи их, виднеясь вдали, загораживают для взора все свободные промежутки на поверхности вод и кажутся иногда непроходимой чащей, особенно ближе к берегам.

Мелких порогов от бейшлота до Ржева насчитывается 32, от Ржева до Твери — 8. Крупнейшие из них: *Рог* — в 35 верстах ниже бейшлота и *Бенский* (40 сажен) — в 49 верстах. Из прочих наиболее опасными считаются: *Горышин, Луково, Конёк, Водоприха, Бобровский остров, Старая голова, Федос, Чертов угол* и *Ржевский.*

Между Ржевом и Тверью много мелей. Глубина реки до Твери от 3 до 7 футов, но на многих порогах она едва достигает 1 фута. Между бейшлотом и Ржевом судоходство почти исключительно сплавное (вниз по реке). Взводное (вверх) совершается на лодках, поднимающих 400–500 пудов, которые обыкновенно связываются по три (две впереди и одна сзади), и тогда их называют «связками».

На 207-й версте течения Волги находится Ржев, уездный город Тверской губернии. Расстояние от Санкт-Петербурга — 538 верст, <от> Москвы — 326 верст и <от> Твери — 168 верст. Жителей до 22 тысяч, из них более половины раскольников. Узловая станция двух железных дорог: *Новоторжско-Вяземской* и *Московско-Виндавской*.

Город очень красиво расположен на обоих возвышенных берегах Волги, через которую здесь построен мост, имеющий 50 сажен протяжения.

Правая часть города называется *Князь-Дмитриевской стороной*, левая — *Князь-Федоровской*.

В Ржеве Волга, против своего обычая нести правый берег горным, а левый луговым, на обоих берегах стеснена горами — левый берег даже гораздо круче. Лента Волги развертывается самыми прихотливыми и ломаными коленами. Перед городом на реке лежит островок.

Гостиницы: *Некрасова* и *Неяшнова*.

Извозчики. Конец — 15 копеек, в час — 50 копеек, на Новоторжский вокзал — 20 копеек, на Московско-Виндавский — 30 копеек.

Вокзал: *Новоторжско-Вяземской железной дороги* находится на левом берегу Волги.

Вокзал *Московско-Виндавской железной дороги* — на правом берегу, вне черты города (в 300 саженях).

Лет 30 назад Ржев был самым значительным после Твери торговым пунктом в губернии. С проведением железных дорог торговое значение его стало падать, сократилось также прежде весьма развитое льнопрядильное и пенькопрядильное производство, хотя оно всё же существует в значительных размерах. Главные предметы торговли: хлеб (до 1 миллиона рублей), лен, пенька, пеньковая пряжа (до 1,5 миллионов). Всего торговых оборотов до 3,5 миллионов рублей. Есть писчебумажная фабрика, 2 ярмарки с оборотом 150 тысяч. Мещане (около 900 семейств) занимаются огородничеством и садоводством. Известна ржевская пастила. Церквей в городе: 18 православных и 2 единоверческие; имеются: мужская гимназия, женская прогимназия, окружный суд. Место пребывания викарного епископа.

В городской думе хранится любопытная диковинка — астрономические часы механика-самоучки Волоскова, плод одиннадцатилетней работы, на которых изображена целая картина неба.[1]

Ржев насчитывает целых 8 столетий своего существования и уже в XII столетии входил в состав Смоленского княжества. Памятников старины в Ржеве не осталось. Из уроженцев Ржева известен святой Дионисий, впоследствии архимандрит Троицко-Сергиевской лавры в Смутное время. В Ржевском уезде родился адмирал Ф. В. Дубасов, получивший известность в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.[2]

Зубцов, заштатный город Тверской губернии,[3] расположен на 230-й версте течения Волги, при устье р. Вазузы, на правом берегу. Расстояние от Петербурга — 556 верст, Москвы — 340 и Твери — 166 верст. Население — 3 тысячи. Зубцов также существует около 8 столетий. Из древностей сохранились только остатки земляного вала против устья р. Вазузы на левом берегу Волги. Зубцов имеет небольшое торговое значение как рынок для продуктов местного района, отправляемых в Петербург.

Старица, уездный город Тверской губернии на 282-й версте течения. От Санкт-Петербурга — 508 верст, Москвы — 296 верст, Твери — 193 верст. Жителей — 5 500. В 10 верстах от города находится *станция Старица* Новоторжской железной дороги, соединенная с городом шоссейной дорогой. Город расположен при устье р. *Верхней Старицы* по обоим берегам Волги. Город существует с конца XIII столетия.

В Старице есть древнее городище, оставшееся от давних времен, лежащее внутри города. Его образуют крутой берег Волги, овраги р. Великой Старицы и насыпные валы. Постройка укрепления приписывается Ивану Грозному.

Из достопримечательностей самая интересная — *Успенский мужской монастырь*, насчитывающий 400 лет существования.

---

[1] См. путешествие Ф. Н. Глинки (*Тверь 1*, с. 177–186).

[2] О Ф. В. Дубасове см. путешествие Г. Г. Москвича.

[3] Зубцов не был городом заштатным, лишенным статуса административного центра.

В этот монастырь был заточен в 1605 году, после падения Годуновых, за преданность им патриарх Иов. Через 2 года Иов был с большим почетом возвращен в Москву, и перед ним принесено всенародное покаяние, устроенное патриархом Гермогеном; тем не менее Иов возвратился в Старицкий монастырь, где и скончался. В 1611 г. настоятелем Успенского монастыря был святой Дионисий, впоследствии архимандрит Троицко-Сергиевой лавры, принадлежавший к кучке знаменитых руководителей борьбы за спасение в Смутный период.

В городе 10 церквей. Торговля мелкая. Близ города есть ломки хорошего известняка («старицкого мрамора»), в большом количестве расходящегося по Волге на устройство тротуаров, лестниц и пр.

Далее до Твери Волга не представляет большого интереса.

Тверь

Г. Тверь (56°52’ с. ш. и 53°37’ в. д.) лежит на 375-й версте течения Волги на обоих ее берегах, по Николаевской железной дороге. Расстояние от Санкт-Петербурга 447 верст, Москвы 151 верста. В самом городе в Волгу впадают две реки: с правой стороны — *Тверца*, с левой — *Тьмака*.

Гостиницы: *Центральная* — лучшая, с хорошим рестораном, на Трехсвятской улице; *Лондон* — на углу Трехсвятской и Семеновской; *Миллер* — на Трехсвятской, близ пристани.

Извозчики — одноконные пролетки. Таксы нет, средние цены: с вокзала в город или на пристань и обратно — 30–35 копеек, конец по городу и на пристань — 15–20 копеек, в час — 40–50 копеек, конец за Волгу — 20–30 копеек.

Вокзал железной дороги находится в двух верстах от города. Широкая шоссированная дорога от вокзала выходит на Трехсвятскую улицу, самую длинную в городе, доходящую до волжской набережной.

Пристань находится в самом центре города. С набережной к реке ведет довольно крутая деревянная лестница из 60 ступеней.

Волга у Твери вскрывается в среднем 13 апреля, замерзает 21 ноября. Средняя продолжительность навигации на Верхней Волге — 222 дня.

От Твери по Волге начинается пароходство. Правильные пассажирские рейсы совершает только общество «Самолет», пароходы которого от Твери до Рыбинска отходят 2 раза в день в каждом направлении. От Твери пароходы отходят в 6 часов утра и 4 часа дня.

Тверская пристань небольшая, и пассажирское и грузовое значение ее незначительно.

Электрический трамвай. 1-я линия — от вокзала до Екатерининской площади; отсюда остается несколько шагов до пароходной пристани. Эту линию пересекает 2-я линия, идущая от земской больницы через всю Миллионную улицу и затем через Затьмацкую часть

до «Тверской мануфактуры». Проезд на трамвае стоит, смотря по расстоянию, 5, 8 и 10 копеек.

Топография города несложная. Волга вместе с Тверцой и Тьмакой разделяют его на 4 части: *Центральную,* начинающуюся от р. Тьмаки и идущую вниз по течению Волги; *Затьмацкую,* начинающуюся от р. Тьмаки вверх по Волге; *Заволжскую* и *Затверецкую*; обе последние частью находятся на луговом берегу Волги и разделяются р. Тверцой. Через Волгу имеется два моста: один железный, другой понтонный с деревянной настилкой. Через Тьмаку и Тверцу существуют деревянные мосты.

Центральная часть города лежит на гладкой плоскости. Нагорный берег, возвышаясь над уровнем Волги до 25 сажен, заканчивается откосом и набережной.

*Трехсвятская ул*ица, идущая от вокзала, пересекает Екатерининскую площадь, называемую также Осьмиугольной вследствие ее восьмигранной формы. Площадь унылая и пустынная. С четырех сторон она ограничена четырьмя совершенно одинаковыми подковообразными «казенными» зданиями окружного суда, присутственных мест и казарм, окрашенными традиционной охрой.

Екатерининскую площадь пересекает перпендикулярно Трехсвятской главная улица города *Миллионная,* расположенная параллельно Волге. На Миллионной находятся гостиный двор, большинство магазинов, городской сад и лучшие здания города: гимназия, реальное училище, дворянское собрание, земство и губернаторский (прежде императорский) дворец.

Дворец — двухэтажное здание, довольно обширное, имеет форму покоя, перестроен в 1708 г. из бывших архиерейских палат.[1] Здесь жили в начале прошлого столетия великая княгиня Екатерина Павловна со своим супругом принцем Георгием Ольденбургским, бывшим главноуправляющим путями сообщения и здешним генерал-губернатором. Император Александр I посещал здесь свою сестру, и в этом дворце Н. М. Карамзин читал ему первые главы своей «Истории Государства Российского».[2] В одном из флигелей дворца помещается **городской музей**, основанный для хранения образцов естественных богатств и произведений промышленности Тверской губернии, а также предметов, относящихся до археологии края.

Тверской музей особенно богат предметами археолого-историческими. В музее хранятся разнообразные предметы старины, как то: церковная утварь и облачения, иконы, монеты, каменные гробы, кресты и орудия, наряды и другие предметы домашнего обихода, отдел древних рукописей и свитков старопечатных книг, этнографии и т. д.

---

[1] Ошибка; правильно: в 1764–1766 гг.

[2] См.: *Тверь 2*, с. 75–76, 85–88.

Между прочим в музее хранится замечательный Стерженский крест новгородского посадника Иванки Павловича, поставленный им в 1113 году на верховьях Волги с надписью, что в этом году он начал «рыти реку сию». Этот Ванько вскоре погиб в битве с суздальцами, и затеянное им какое-то водное сооружение заглохло. Крест имеет весу 57 пудов.

Из других предметов заслуживают особенного внимания: большой камень с греко-славянской надписью, вырытый в Бежецком уезде; икона святого Владимира и преподобного Аркадия Новоторжского, одно из лучших произведений Симеона Ушакова, и икона преподобного Ефрема с видом Торжка;[1] редчайший змеевик XII века; автографы Александра I, Карамзина, Крылова.

Музей основан в 1866 г. председателем Тверской казенной палаты и ученой архивной комиссии *А. К. Жизневским,* ныне умершим, благодаря энергии которого музей является одним из богатейших в провинции и имеет в настоящее время около пятнадцати тысяч предметов.

Музей находится в заведовании ученой архивной комиссии и постоянно пополняется новыми предметами.

Музей открыт ежедневно от 10 утра до 4 часов дня. Вход бесплатный.

Миллионная улица пересекает еще одну площадь — *Почтовую*, такую же пустынную, как и Екатерининская. Здесь находятся почта и телеграф.

Из других улиц можно отметить *Скорбященскую*, пересекающую Почтовую площадь поперек Миллионной улицы.

Городской сад расположен на возвышенности над рекой. Из сада открывается красивый вид на Волгу и Заволжье. В саду есть порядочный ресторан; по вечерам играет музыка.

В губернаторском саду, доступном публике, стоит круглый павильон, большой зеленый купол которого поддерживают 8 колонн. Из этого павильона открываются прелестные виды на Заволжье и Волгу с ее зелеными откосами, высокой набережной, перевязанной двумя мостами.

Миллионная улица упирается в р. Тьмаку. При устье Тьмаки находятся доки общества «Самолет».

На внешний взгляд туриста Тверь производит впечатление очень скучного города. Улицы широкие, пустынные, правда чистые и засаженные деревьями. Дома однообразной казенной архитектуры. Православных церквей, включая домовые, 42 и 1 лютеранская.

Самый достопримечательный храм — *собор Преображения* на Миллионной улице. Внешний вид собора бесформенный: это громадный белый ящик, увенчанный пятью огромными ярко-синими куполами, по

[1] Иконы «Святые Моисей Угрин, князь Владимир и Аркадий Новоторжский» (1677, Симон Ушаков и Георгий Зиновьев. Тверская областная картинная галерея), «Преподобные Ефрем Новоторжский и Аркадий Новоторжский в молении Спасителю» (Евфимий Недоносков); см.: *Жизневский*. С. 45, 46. № 59.

которым рассыпаны золотые звезды. В соборе в богатой серебряной раке хранятся мощи великого князя Михаила Ярославича, изменнически убитого в 1318 г. в Орде вместе с своим сыном. Церковь совершает по нём память ежегодно 22 ноября. Главнейшие эпизоды из несчастной жизни князя Михаила переданы в картинах, помещенных по стенам собора.

Здесь погребены великие князья тверские: 1) Ярослав (Афанасий) Ярославич, брат Александра Невского (скончался в 1272 г.); 2) супруга его, великая княгиня Ксения Юрьевна; 3) великий князь Александр Михайлович, замученный в Орде в 1339 г.; 4) великий князь Михаил Александрович Микулинский, а потом тверской, в иночестве Матфей (скончался в 1399 г.); 5) супруга его, великая княгиня Евдокия (скончалась в 1405 г.); 6) великий князь Феодор Александрович (скончался в 1339 г.); 7) князь Иоанн Всеволодович Холмский (скончался в 1399 г.); 8) великая княгиня Мария Кейстутьевна, в иночестве Марфа, супруга великого князя Иоанна Михайловича, дочь великого князя литовского Кейстута Гедиминовича (скончалась в 1404 г.); 9) великая княгиня Евдокия Дмитриевна, вторая супруга великого князя Иоанна Михайловича, урожденная княжна Дорогобужская (скончалась в 1408 г.); 10) князь Борис Михайлович Микулинский (скончался в 1395 г.); 11) княгиня Анастасия, супруга князя Василия Михайловича Каминского. В соборе на столбе у архиерейской кафедры написаны имена всех тверских архиереев с начала существования епархии, а по стенам повешены их изображения; здесь же хранятся и знамена ополчений 1812 и 1853–1856 годов.

Нынешний собор построен вместо старого в 1697 г. 600 лет назад здесь была выстроена первая деревянная церковь. Рядом с собором стоит большая трехъярусная зеленая колокольня.

Затьмацкая часть — бывший Затьмацкий посад, Заволжская и Затверецкая части (слободы) населены беднейшими жителями. В Затьмацкой части находится самая древняя тверская церковь — *Святой Троицы*, с 7-ю маленькими серебряными куполами. Сохранившаяся надпись говорит, что церковь сооружена в 1564 г. Здесь сохраняются весьма древние запрестольный деревянный семиконечный крест и железное паникадило наподобие глобуса. В храме замечательны оригинальные царские резные врата иконостаса XIV столетия. Внутри церкви мрачно, в верхнем этаже вместо окон щели; здесь при вражеских нападениях горожане и духовенство хранили свое и церковное имущество.

В Затверецкой части можно наблюдать оригинальные местные нравы; во многих домах еще сохранились национальные костюмы.

Р. Тверца немноговодна. Весною глубина ее доходит до 3–4 сажен. Кроме того, 2 раза в год, летом и осенью, в Вышнем Волочке отпираются шлюзы и спускается в помощь им деревянная плотина, скопляющая воду около притока Тверцы, у р. Осуги. Тверца, всё другое время мертвая и пустынная, оживает во время этого «взводного» судоходства караванов, приходящих из разных пристаней между Рыбинском и Тверью.

В Твери и окрестностях есть несколько монастырей, имеющих большой исторический интерес.

1. За Волгой при впадении в нее Тверцы, находится *Успенский Отрочь монастырь*, основанный в 1265 г.

Предание рассказывает об основании монастыря следующее: один из *отроков* князя тверского Ярослава Григорий полюбил крестьянскую девушку Ксению, удивительную красавицу, и стал ее женихом. Происходило венчание, когда в церковь вошел князь Ярослав и, пораженный красотой Ксении, похитил ее прямо из-под венца. Несчастный Григорий ушел в отдаленный монастырь, но непреодолимая сила влекла его в то место, где он впервые увидал Ксению. Он построил здесь себе келью, и около него постепенно собралась целая группа иноков. Так образовался монастырь, пользовавшийся большой известностью уже в XIV столетии.

В 1538 г. здесь жил в заточении знаменитый *Максим Грек*, переведенный сюда из Иосифова Волоколамского монастыря, где он находился в более суровом заключении 12 лет, а в 1568 г. здесь был заточен Иоанном Грозным митрополит Филипп, через год задушенный в своей келье Малютой Скуратовым. Келья, где скончался этот «печальник за землю русскую», служила складом провизии и разного хлама. Только в самое недавнее время келья превращена в часовню. Ее стены украшены картинами из жизни святителя Филиппа. На месте, где был первоначально погребен праведник, стоит теперь лучшая монастырская церковь — во имя митрополитов Петра и Филиппа, и здесь в серебряной реке хранится часть его мощей, тело же его в Москве, в Успенском соборе. Успенский собор монастыря сооружен в 1792 г. Несмотря на то что в подвалы монастыря каждую весну проникает подпочвенная вода, стены остаются невредимыми.

2. *Успенский Желтиков монастырь*, основанный в 1400 г., находится верстах в 4-х от города. Здесь находился в заключении сын Петра Великого царевич Алексей.

3. *Рождественский женский монастырь* расположен близ города, на берегу Тьмаки. Теперешние каменные здания монастыря сооружены между 1756 и 1812 гг., но самый монастырь основан в XVII столетии. В монастыре хранится чудотворная икона Тихвинской Божьей Матери, помещенная здесь в 1803 г. графиней Ростопчиной, принявшей здесь пострижение. Самая икона была вывезена из Греции одним из предков графини.

4. *Николаевская Малицкая пустынь* в 7 верстах за городом. Основана в 1676 г. Каменные здания сооружены в 1753 г. графом Шуваловым. Здесь примечателен образ, исполненный мозаикой Ломоносовым.

Промышленное значение Твери велико. Фабрик и заводов до 160. Среди них первое место занимает огромная бумагопрядильная, ткацкая и ситцевая фабрика Морозовых «Тверская мануфактура» с производством до

17 миллионов рублей в год. Рабочих на фабрике свыше 8 тысяч человек. Фабричные здания вместе с жилищами рабочих составляют целый большой городок, обозрение которого весьма интересно и поучительно. «Мануфактура» помещается в Затьмацкой части. К самой фабрике подходит линия трамвая, проезд стоит 8 копеек.

Другая крупная фабрика с производством тех же предметов — *Рождественская мануфактура* Берга с 1500 рабочими и производством до 3 миллионов рублей.

Далее следуют: 1 свече-восковой епархиальный завод (на 600 тысяч), паровые мельницы, большой вагоностроительный завод французской компании, бывший Диль и Бекалон, пароходная верфь общества «Самолет», лесопильные заводы и др. В Затверецкой части существуют кустари-кузнецы (промысел процветал до проведения железной дороги). В этой же части города и в Заволжье женщины-мещанки занимаются вязанием чулков и варег из шерсти.

Торговля значительна, особенно хлебная. Есть отделения государственного банка, Русского торгового промышленного банка, общество взаимного кредита, городской общественный банк.

Учебные заведения: мужская и женская гимназия, реальное училище, кавалерийское юнкерское училище, духовная семинария, женская учительская школа имени П. П. Максимовича, начальных школ — 16.

Есть водопровод, но вода из Волги загрязнена и нездорова.

Улицы освещаются газом и частью электричеством. Существует телефонное сообщение с Петербургом и Москвой.

В Твери довольно много общественно-культурных учреждений. Есть городская публичная библиотека и частная библиотека Ахматовой; несколько благотворительных и просветительных обществ, ученая архивная комиссия; общество любителей обществознания и археологии и др.

Книжные магазины: Муравьева (на Трехсвятской), Ахматовой (на Миллионной), земский книжный склад на Знаменской и книжно-газетный киоск в городском саду.

Театра нет. Случайные представления даются в зале Дворянского собрания.

Население — до 55 тысяч человек.

Несмотря на высокий уровень местной интеллигенции, в Твери нет частной газеты. 1 декабря 1878 г. здесь была основана еженедельная газета «Тверской вестник», ближайшее участие в которой принимал известный статистик *В. И. Покровский*, однако через год с небольшим газета прекратила свое существование.

Тверь и Тверская губерния приобрели почетную известность по передовой деятельности своего дворянства в деле крестьянской реформы. Когда мысль о невозможности оставлять крепостных крестьян в прежнем неестественном положении назрела, тверское дворянство, не дожидаясь

призыва свыше, само заявило о своем желании улучшить быт своих крепостных крестьян, лишь только из Высочайшего рескрипта на имя виленского генерал-губернатора узнало о желании государя улучшить жизнь помещичьих крестьян и дать им гражданские права. Когда же образовалась тверская редакционная комиссия, то она, помимо заявления себя самыми широкими и передовыми началами в вопросе о наделении крестьян землей, еще выставила тот принцип, что одна крестьянская реформа без изменения других факторов государственной жизни будет мертворожденной, почему и наметила главные начала тех преобразований, которые вскоре действительно и были проведены государственной властью.

Тверское земство также в свое время считалось передовым и проявило себя чрезвычайно плодотворной деятельностью по вопросам народного образования и местного хозяйства.

К уроженцам Твери принадлежат некоторые из членов известной фамилии *Бакуниных* (из которых один был тверским губернатором),[1] известный историк *И. Е. Забелин* (род. в 1820 г.), знаменитый гравер *Н. И. Уткин* (1785–1863) и др.

В Твери провел детство и потом здесь же служил *И. А. Крылов*; одно время здесь жил по возвращении из ссылки *Ф. М. Достоевский*. В местной семинарии учился *И. А. Вышнеградский*.

В селе Ивановке Тверского уезда родился в 1806 г. знаменитый защитник Севастополя адмирал *В. А. Корнилов*.

В 35 верстах от Твери, в верхнем течении р. Тьмаки, находится с. *Дмитрюково*, родина *А. М. Унковского*, одного из выдающихся деятелей эпохи освобождения крестьян, бывшего в 1858–1861 гг. тверским губернским предводителем дворянства и председателем тверского комитета, а затем одним из благороднейших представителей русской присяжной адвокатуры.[2]

В 12 верстах от города находится известная колония для душевнобольных — *Бурашево*, содержимая губернским земством.

Прошлое Твери. Тверь основана в 1181 г. великим князем владимирским Всеволодом Георгиевичем. Первоначально город и крепость были построены на правом берегу Волги, но затем, во избежание наводнений, они были перенесены на левую сторону.[3] Сперва Тверь находилась в зависимости от великого княжества Суздальского. В 1238 г. город был опустошен полчищами Батыя. В 1248 г. тверским князем сделался Ярослав Ярославич, брат Александра Невского, причем с этого времени зависимость Твери от Суздаля прекращается. Этот же Ярослав в

[1] Бакунин Александр Павлович (1797—1862), лицеист первого выпуска, тверской гражданский губернатор (1842–1857), тайный советник (1856).

[2] И. Е. Забелине, Н. И. Уткине, И. А. Крылове, Ф. М. Достоевском, И. А. Вышнеградском В. А. Корнилове А. М. Унковском см. путешествие А. П. Субботина.

[3] Ошибка; правильно: первоначально на левом, позже на правом.

1267 г., после смерти Александра Невского, занял великокняжеский престол. После смерти Ярослава на тверской престол вступил его брат Михаил Ярославич. Княжение Михаила прошло почти в беспрерывных столкновениях с Москвой, Новгородом и татарами. В 1318 г. московский князь Георгий Данилович пошел войной на Тверь, но был разбит Михаилом. Озлобленный Георгий послал жалобу на Михаила в Орду. Вызванный туда Михаил был там предательски убит в 1319 году. Мощи его, как сказано выше, покоятся в Преображенском соборе. После Михаила на престол вступил его сын Дмитрий, прозванный *Грозные очи*. Он княжил недолго: поехав в 1326 г. в Орду и встретившись там с московским князем Георгием Михайловичем,[1] виновником гибели его отца, он убил его, за что был казнен ханом. Через несколько лет унаследовавший ему его брат Александр был вызван в Орду и там предательски убит. В 1327 г. Тверь подверглась страшному разгрому со стороны татар, вызванному возмущением тверичей против ханского посла Чолхана, двоюродного брата хана Узбека, и поголовным истреблением всех прибывших с ними татар. В княжение его сына Михаила Тверь вынесла тяжкий поход великого князя Дмитрия Донского, разорившего все тверское княжество.

С этого времени тверские князья стали носить титул великих князей, но в следующем 1328 г. хан утвердил великим князем князя московского Иоанна Калиту. С этого времени Тверь ведет отчаянную борьбу с Москвой за свое существование, окончившуюся не в пользу Твери. Длинный ряд внутренних междоусобий совсем загубил Тверь, и в 1490 г. она была присоединена к Москве. В 1569 г. Тверь была страшно опустошена Иоанном Грозным, шедшим против новгородцев и попутно нагрянувшим на Тверь. Грозный истребил в Тверской области 90 тысяч человек, посадил на тверское княжение крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, которому он дал титул царя Касимовского. Этот Касимовский царь впоследствии провел много лет в заточении в 32 верстах от Твери, в с. Кушалино, где в 1597 г. он был ослеплен Борисом Годуновым, который «боялся царских теней».

В смутное время Тверь пережила много тяжелого, будучи несколько раз осаждаема поляками и шайками тушинского самозванца и запорожцев. В 1564 г. Тверь посетила страшная моровая язва, истребившая половину ее жителей.

Город находился в полном упадке почти до конца XVII столетия. В 1775 г. Тверь сделана губернским городом. Положение города стало заметно улучшаться благодаря устройству Вышневолоцкой системы. Тверь стала главным передаточным пунктом между Волгой и Невой, но затем значение Вышневолоцкой системы стало падать сперва благодаря постройке Николаевской железной дороги, а потом благодаря Мариинской системе, притянувшей к себе все водные грузы Вышневолоцкой.

[1] Ошибка; правильно: Георгием Даниловичем.

Тем не менее рост Твери не остановился: в ней стала развиваться фабричная промышленность.

От Твери до Углича (247 верст)

Турист, предпринимающий путешествие по Волге от Твери, может прямо с тверского вокзала отправиться на самолетский пароход и даже переночевать там. Пароходы, плавающие между Тверью и Рыбинском, небольшие и не похожи на тех гигантов, которые совершают рейсы на нижнем плесе реки.

Вид с парохода, стоящего у тверской пристани, на Тверь и на Заволжскую часть отличается удивительной красотой: с правой стороны красивая картина волжской набережной, городского сада, губернаторского сада, над которой сверкают золотые звезды Благовещенского собора.[1] Слева низменное Заволжье с его церквями и домами как на ладони и белыми стенами Отроча монастыря, дремлющего под сенью окружающих его берез. Позади остался чугунный мост.

Пароход отходит от пристани и проходит наплавной мост, одно из звеньев которого отводится в сторону.

Пройдя устье Тверцы, Волга сразу делается почти в полтора раза шире.

Тверь быстро отодвигается назад, и перспектива ее церквей, домов и садов становится всё шире. Минут через 15 река делает поворот, и живописная панорама Твери быстро исчезает из глаз. Берега становятся несколько однообразнее, хотя ширина реки здесь уже доходит до 100 сажен.

От Твери до Рыбинска 366 верст, прямое же направление между ними 205 верст, следовательно, на каждую версту приходится ¾ версты извилин.

Вдоль берегов тянутся небольшие возвышенности, часто переходящие с одного берега на другой и образующие от Твери до Углича поемную долину шириной от 1 до 2 верст, а ниже Углича, где начинают попадаться незначительные острова, долина местами достигает ширины в 6 верст. Падение от Твери до Рыбинска составляет 140 футов; среднее падение на версту 45 дюймов. Скорость течения от 1,5 до 3,2 футов в секунду.

Перед глазами проходят деревушки и небольшие села с белыми церквами, с двух- и трехъярусными куполами с шатровыми колоколенками.

Самая река оживлением не отличается: редко на пути встретится буксирный пароход, ведущий за собой одну-две баржи, или небольшие барки, идущие под парусом.

---

[1] Ошибка; правильно: Спасо-Преображенского собора.

Среди пассажиров преобладает рабочий люд. Туристов почти нет; торгового люда, который снует по нижней Волге, также мало. Немногочисленные пассажиры I и II класса — преимущественно местные служащие и обыватели, едущие «в губернию» или обратно по своим надобностям.

3-я верста (левый берег) д. Константиновка.

6-я верста (правый) с. Большие Перемерки.

8-я верста (правый) д. Малые Перемерки.

13-я верста (левый) д. Поддубки.

14-я верста (правый) *с. Власьево*. Село известно своим обществом трезвости, основанным местным священником.

17-я верста (правый) д. Горохова.

20-я верста (левый приток) *река Орша*.

20-я верста (левый берег) *с. Орша* при устье р. Орши, на 348-й версте течения Волги. При селе *Оршинский Вознесенский мужской монастырь*, существующий с конца XVI столетия. В 1613 г. архимандрит монастыря Иосиф, будучи выборным от города Твери, был в числе подписавших грамоту об избрании Михаила Феодоровича на царство.

25-я верста (левый) д. Заборовье (Черная грязь).

27-я верста (левый) *с. Юрьевское.*

27-я верста (правый) с. Семеновское.

30-я верста (левый) *с. Лисицы*. Пристань. Большое село с большой желтой церковью о 5 куполах; высокая церковная колокольня видна издалека.

32-я верста (левый) д. Судимерки.

37-я верста (правый) *с. Городня* на крутом берегу Волги. В древности здесь был удельный от Твери город Вертязин, или Городец. Теперь в селе 1 200 жителей и древняя церковь Пресвятой Богородицы, под сводами которой уцелела древняя византийская живопись.

42-я верста (левый) *с. Едимоново*. При селе известная школа сыроварения и молочного хозяйства, основанная Н. Верещагиным.[1] В Едимонове родилась Ксения, жена тверского князя Ярослава (см. предание об основании Отроча монастыря). За Едимоновом правый берег Волги на протяжении 20 верст принадлежит Московской губернии.

43-я верста (правый) с. Мелково.

57-я верста (правый приток) *река Шоша* длиною в 120 верст, но судоходная только последние 5 верст. Шоша отклоняет Волгу на северо-восток, и она сохраняет это направление до впадения Мологи.

58-я верста (правый берег) с. Воскресенское. Большая хлебная пристань.

59-я верста (левый) д. Заборовье.

62-я верста (правый) д. Тереха.

[1] О Н. В. Верещагине см. путешествие И. И. Колышко.

63-я верста (правый) *с. Новое*. Большое торговое село. В 14 верстах от села находится станция *Завидово* Николаевской железной дороги. Всегда есть ямщики.

65-я верста (левый) д. Заборовье.

65-я верста (правый) с. Пласки.

67-я верста (правый) с-цо Карачарово. В лесу дача князя Гагарина.[1]

70-я верста (правый) с. Сучки.

71-я верста (левый) с. Сухарино.

72-я верста (правый) д. Шагарово (Кузнецово). Близ села громадная *фарфоровая и фаянсовая фабрика М. Кузнецова* с несколькими тысячами рабочих.[2]

73-я верста (правый) д. Скрылево.

81-я верста (левый приток) *река Созь*, имеющая 50 верст длины, вытекающая из обширного мохового *Петровского* болота.

82-я верста (правый берег) **Корчева**, уездный город Тверской губернии. Расстояние от Санкт-Петербурга 522 версты, от Москвы 231 верста, от Твери сухим путем 75 верст. Город лежит на крутом возвышенном берегу Волги, издали виднеется большая розовая церковь с голубыми куполами. Население 2 500 человек; торгово-промышленное значение города ничтожно.

82-я верста (левый) д. Городище.

82 ½ (левый) д. Борок.

83-я верста (левый) д. Притыкино.

84-я верста (левый) д. Кольяново.

85-я верста (левый) д. Сонникова.

87-я верста (левый) д. Омутня.

93-я верста (правый) д. Харинка.

95-я верста (правый) д. Липня.

96-я верста (левый) *с. Крева.*

97-я верста (левый приток) *Кревский ручей*.

104-я верста (правый берег) д. Федоровка.

106-я верста (правый) д. Иванкина.

108-я верста (правый) Иванкин Выселок.

110-я верста (левый) *с. Пекуново* с образцовым именем Мамонтова.[3] Не доезжая села — пристань, устроенная г. Мамонтовым, на которой с каждого садящегося взимается 10 копеек.

---

[1] Гагарин Григорий Григорьевич, князь (1810—1893), художник-любитель, историк искусства, вице-президент Императорской Академии художеств. Владелец усадьбы Карачарово Корчевского у. (с 1858). Сохранились: главный дом с флигелем, служебная постройка, скотный двор, каретная, регулярный парк, разбитый английским садовником по принципу лондонского Гайд-парка. От центра парка веером расходятся восемь главных аллей: дубовая, березовая, липовая, кленовая, ясеневая, осиновая и еловая.

[2] О фабрике М. С. Кузнецова см. путешествие Г. Г. Москвича.

[3] Об И. Н. Мамонтове см. путешествие Г. П. Демьянова.

111-я верста (правый) *река Дубна*, имеющая протяжение 140 верст. Посредством притока Дубны — Истры — есть сообщение между Волгой и Москвой-рекой. По Дубне от ее устья до устья Истры на протяжении 40 верст ходят маленькие суда.

117-я верста (правый) д. Нутромово.

117-я верста (левый) д. Богунино.

121-я верста (правый) д. Шиково.

125-я верста (правый) **с. Савелово**, конечная станция железной дороги Москва — Савелово (расстояние 127 верст). Большая перегрузочная пристань. Собственно, пристань находится у маленькой деревни *Иоанна Предтечи*, а *село Савелово* находится в 1 ½ верстах от пристани. Железнодорожная станция — в 1 версте от пристани, в поле, в ¼ версты от д. *Коростуново*. На пристани всегда есть ямщики, берущие до вокзала, смотря по времени года и по количеству пассажиров, от 30 копеек до 1 рубля. В деревнях Савелово и Иоанна Предтечи есть только чайные лавки. От Савелова существует паровой перевоз на противоположный берег в село *Кимры*. Плата 2 копейки с человека. Зимой сообщение по льду.

126-я верста (левый) **Кимры**. Знаменитое промышленное село Кимры Корчевского уезда расположено на высоком берегу, по обрыву которого проложены длинные деревянные лестницы, а для экипажей есть мощеный въезд. На горе виднеются два больших храма: Покровский собор и Троицкая церковь — и приволжский бульвар, в праздничный день переполненный веселыми группами нарядных кимряков и кимрячек.

Кимры — богатое селение, насчитывающее в настоящее время более одиннадцати тысяч жителей. Большинство из них занимается шитьем обуви, чемоданов, кожаных сумок и пр. На этом промысле создалось всё благосостояние Кимры.

В селе много каменных зданий, богатых магазинов и оптовых складов. Кроме начальных школ есть женское пятиклассное училище; существует общество трезвости, вольное пожарное общество, банк, нотариус, библиотека и даже клуб со сценой для спектаклей.

Заезжий человек с трудом может себе представить, что Кимры — село и что довольно многочисленная здесь интеллигенция принадлежит к крестьянскому сословию. Положение здешней культурной среды с ее высшими запросами и требованиями мало вяжется с ее сословными правами. Особенно резко такое несоответствие оказывается в области суда: несмотря на все благоустройство Кимры и на культурность населения, большая часть последнего подлежит законам о крестьянах, находится в административной зависимости от земского начальника и подвергается закону о телесных наказаниях.

Небольшая речка *Кимерка*, впадающая в Волгу, делит Кимры на две части: *Троицкую* — главную и *Вознесенскую* — второстепенную. Улицы села имеют названия и частью замощены. От въезда поперек села идет

главная улица Кимр *Владимирская*. В центре села две мощеные площади — *Сапожная* и *Торговая*.

Есть 4 гостиницы и, кроме того, «номера» и постоялые дворы.

Кимрский сапожный район обнимает собою целых 14 волостей трех уездов: *Корчевского*, *Калязинского* и *Кашинского*. Число сапожников-кустарей доходит до 10 тысяч. Кроме того, до 10 тысяч кимряков живут на стороне, главным образом в столицах. В окрестностях Кимр замечательны *с. Талдом* (почти все жители шьют дамскую обувь) и *д. Богуново* (шьют галоши и башмаки). Кимрский район сбывает ежегодно более 2,5 миллионов пар обуви на сумму 6 миллионов рублей.

Кустарь-сапожник приготовляет свое изделие не прямо из кожи, а получает товар уже подготовленным к шитью другими специалистами. Выделанная кожа сначала идет в мастерские закройщиков, принадлежащие большей частью крупным предпринимателям. Затем скроенный материал поступает к «посадчикам» для окончательной отделки и вытяжки и только от последних сдается кустарям вместе с прикладом, то есть подошвенными частями.

Инструменты кустаря те же, что у сапожников повсюду. Исключение составляют швейные машины, которых в работе имеется несколько тысяч, все заграничной работы, преимущественно американские.

Кимряки умеют шить и хорошую обувь, но есть у них и очень плохая «для рынка». Например, есть сапоги ценой на месте 1,5–2 рубля. Голенище в них делается из обрезков, на подошву идут остатки из растительного царства: лубок, картон, тряпки. Эта смесь, называемая «политурой», замаскировывается для весу воском, хлебом и глиной, а сверху подбивается лоскутом кожи. Носятся эти сапоги неделю, две, и скупщики стараются сбывать их подальше… Несомненно, что такая обувь приготовляется только потому, что со стороны беднейшего покупателя существует спрос на такую обувь, которая была бы только подешевле…[1]

Трудно определить заработок семьи кустаря, но сапожничество служит здесь главным средством существования. Земледелие отодвинуто на второй план, полевыми работами занимаются женщины или наемные рабочие.

Но в Кимрах и женщины, в особенности девушки, приспособились к сапожному ремеслу: при чистке подошвенной кожи скобелем неизбежно является большое количество стружек. Эти стружки скупаются особыми промышленниками, которые клеят стружки на клейстер из мучной пыли, покупаемой на мельницах. Получается искусственная кожа, пригодная на каблуки и на стельки. Девушки занимаются склеиванием этой искусственной кожи, а мастера пускают ее через это чрезвычайно дешево: копеек 15 за пару сапожков, потому что здесь и на передки и на голенища идут «лоскуты», оставшиеся от кройки.

[1] Ср. путешествия С. В. Максимова, И Ф. Тюменева (*Тверь 3*).

Сапожничество в Кимре и ее окрестностях существует издавна. Достоверно известно, что оно составляло главный заработок местных крестьян еще в XVIII столетии. В 1807, 1812, 1853–1855, 1877–1878 гг. кимряки снабжали сапогами русскую армию; в одну последнюю войну ими было поставлено более миллиона пар. Впрочем, поставка на армию особенной славы кимрякам не создала: сапоги пеклись для казны как блины, да и выходили они немногим прочнее блинов. По словам профессора А. П. Субботина,[1] есть официальные свидетельства о таких оригинальных сапогах, которые «разваливались на пути от сотрясения вагонов и на телегах», не доходя в целом виде до солдат.

Кроме еженедельных базаров, на которые стекается до 500 сапожников-кустарей, в Кимрах бывают 2 ярмарки: 29-го июня и 1 октября, на которые приезжают покупатели обуви со всей России. Кроме сбыта обуви и кожевенных товаров здесь производится значительный торг мануфактурными произведениями.

Кимры упоминаются в исторических актах впервые в 1675 г., когда они были дворцовым селом. В царствование Иоанна и Петра Алексеевичей Кимры были пожалованы Салтыкову, впоследствии перешли в род Головкина, а по ссылке последнего в Сибирь конфискованы. Елизавета Петровна пожаловала Кимры графам Скавронским, от потомков которых графини Самойловой[2] кимряки в 1846 году выкупились на волю с землей при содействии правительства, с которым расплатились в 1867 году.

Ныне уже решено, что на Волге у Кимры будет устроен мост и железная дорога будет продолжена от Савелова до Кашина. За Кимрами Волга делается заметно шире и берега становятся живописнее.

129-я верста (левый) с. Абрамово.

135-я верста (правый) с. Белое.

140-я верста (левый) д. Глазова.

142-я верста (правый) *Бел-Городок*, при устье речки *Дотчи*. Из духовного завещания великого князя Михаила Тверского видно, что здесь был когда-то большой город.

147-я верста (левый) д. Новое сельцо.

148-я верста (правый) *с. Пухлино.*

150-я верста (левый) д. Басова.

156-я верста (левый) д. Притыкина.

156-я верста (правый) *с. Романцево.*

156-я верста (левый приток) *река Медведица* длиною около 250 верст, судоходная только в половодье. Близ устья этой реки — *село Медведица*, а около села — *усадьба князя Салтыкова*, где, по преданию,

[1] См. путешествие А. П. Субботина.

[2] Самойлова Юлия Павловна (1803–1875), графиня, дочь генерала Палена и Марии Скавронской.

родился Борис Годунов. Усадьба была много десятков лет в запущении, и в народе держался слух, что там водилась нечистая сила.[1]

157-я верста (левый) д. Новосёлки.

161-я верста (левый) *с-цо Городище.*

164-я верста (левый) *с-цо Дымковка.*

164-я верста (правый) Погост Рождества Богородицы.

166-я верста (правый приток) *река Нерль*, вытекающая из Переяславского (Плещева) озера, несудоходная и несплавная. При устье реки *с. Скнятино.* Древняя церковь, 600 человек жителей.

167-я верста (левый берег) д. Подорвино.

168-я верста (левый) д. Перетрясово.

170-я верста (правый) *с-цо Новое.*

173-я верста (левый) с. Белеутово.

177-я верста (левый) д. Доможино.

188-я верста (правый) с. Никитское.

190-я верста (левый) *с. Кашинское устье*. Здесь в Волгу впадает *река Кашинка*, выше устья которой в 12 верстах расположен **город Кашин**, в прежние времена известный своей фабрикацией «заграничных вин».

192-я верста (правый) д. Меликово.

192-я верста (левый) с-цо Цидилово.

194-я верста (левый) *с-цо Сергеевка*. Здесь Волга образует крутую дугу, на которой расположено **сельцо Спасское** — родина знаменитого писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина.[2]

197-я верста (правый) д. Паулина.

200-я верста (правый) д. Песье.

202-я верста (правый) **Калязин**, уездный город Тверской губернии, при устье *реки Жабни*. Расстояние от Санкт-Петербурга 547 верст, от Москвы 332 версты и Твери 175 верст. Город лежит на высоком правом берегу Волги, по откосу которого тянутся высокие лестницы.

Гостиница *Кучерова* — у пристани. Номер от 1 рубля.

Таксы извозчиков нет. Конец — 15–20 копеек, в час 40–50 копеек.

Жителей 7 ½ тысяч, промышленное значение города незначительное. Город возник еще в XV столетии при монастыре, построенном преподобным Макарием на земле, подаренной боярином Калягой. В 1634 г. во время моровой язвы здесь укрывалось всё семейство царя Алексея Михайловича и патриарх Никон.[3] Местоположение монастыря, обнесенного каменной стеной с башнями и бойницами, очень живописно. В этом монастыре указывают келью, в которой жил Никон; здесь же хранятся пушки и несколько сот ядер, отбитых в 1609 г. близ Калязина у

[1] О с. Медведицком см. путешествие Г. П. Демьянова.

[2] Поскольку князьям Салтыковым принадлежали Медведицкое и Пухлимо, а в с. Спас-Угол Калязинского у. на самом деле родился М. Е. Салтыков, это дало основание легенде о том, что оно находится на берегу Волги.

[3] Ошибка; правильно: 1654 г.

поляков. В соборной церкви Святой Троицы покоятся мощи святого Макария.

В Калязине начал свое служебное поприще в должности канцеляриста знаменитый баснописец Крылов. Из Калязина и его района главным образом происходит снабжение обеих столиц самым разнообразным торговым и промышленным людом. Отсюда выходят приказчики столовых лавок, ношатаи всякого разного товара и сидельцы в разнообразных торговых заведениях — все те, которых называют *молодцами*. Из этого крайнего уезда Тверской губернии и из всего дальнейшего Поволжья Ярославской губернии народ идет искать заработков на чужой стороне. Насчитывают до 500 разнообразных промыслов и ремесел у Тверского и Ярославского Поволжья, начиная с плотников и красильщиков Корчевского уезда и кончая штукатурами Калязинского, которые все уходят в разные стороны России. По милости этого крупного явления в народной жизни здесь же вырабатывается та трудолюбивая, находчивая, изворотливая и умная русская женщина, для которой не найдешь подобия в хлебородных и земледельческих местностях России. В то время как мужья заработками своими оплачивают государственные повинности и подати, семейные женщины исполняют наиболее трудную половину критической житейской задачи — ведение сложного домашнего хозяйства, обставленного всевозможными неудобствами и неудачами.[1]

207-я верста (левый) *с. Городище.*

207-я верста (правый) д. Панкратово.

210-я верста (левый) *с. Перхотское.*

214-я верста (правый) с. Васюшково.

216-я верста (правый) *с. Кукса* с рекой того же имени.

216-я верста (левый) д. Андреевская.

217-я верста (правый) д. Высоково.

218-я верста (правый) д. Селище.

Здесь от устья речки Зарубежки Волга на 217 в. от Твери и на 643 в. своего течения левым берегом входит уже в пределы Ярославской губернии.

[1] Ср. путешествие С. В. Максимова (*Тверь 3*, с. 150–155).

В. А. Гиляровский
1908

Гиляровский Владимир Алексеевич (1855, имение в Вологодской губ. —1935, Москва), писатель, журналист, бытописатель Москвы. Учился в Вологодской гимназии; служил юнкером в полку, затем «ушел в народ»: был крючником в Рыбинске, бурлачил от Казани до Рыбинска, по зимам работал на чугунолитейных и белильных заводах. В войну 1877 г. добровольцем ушел на войну, затем был актером. Печатался с 1873 г., с 1881 — профессиональный литератор, сотрудничал в «Московском листке», «Русских ведомостях», газете «Россия» (с 1889), «Русском слове» (1901—1913). Автор книг «Трущобные люди» (1887, тираж уничтожен по распоряжению цензуры), «Негативы», «Были», «Москва и москвичи», «Мои скитания», «Записки москвича», «Друзья и встречи», «Люди театра», «Москва газетная». Сборники стихов: «Забытая тетрадь» (в том чтисле поэма «Стенька Разин»), «1914 год. Казаки», «Год войны. Думы и песни», «Грозный год». Дорожные впечатления от скитаний по волжским городам отразились в книге «Волга», построенной как путеводитель для путешествующих от истоков Волги до Астрахани. Текст печатается по изд.: *Гиляровский В. А*. Волга: Путеводитель по городам России. М.: АСТ Москва, 2009. С. 16—47.

Волга

> На Волге идет своя жизнь, жизнь особая... Изучить эту жизнь, вникнуть в ее малейшие изгибы, чутко понять горе и невзгоды труженика-волгаря измученного, упорного и терпеливого не всегда удастся: так сложно его случайное счастье, так капризны причины, управляющие его благополучием... Но посмотреть на его «кормилицу-Волгу» — достойно всякого любознательного человека.
>
> *Лендер*[1]

Где прежде берегом реки
Тянули барки бурлаки
И проливали тяжкий пот,
Теперь огромный пароход
Их много тащит за собой,
Играя пенистой волной.

Дрожжин[2]

Введение

На склоне Валдайского плоскогорья, а именно в Осташковском уезде Тверской губернии в так называемом Волгинском лесу, берет свое начало величайшая река России, связующая ее торговые интересы с таковыми же азиатских государств, орошающая и кормящая девять огромных губерний

[1] Эпиграф из кн.: *Лендер Н. Н.* Волга: очерки и карт.: с карт. Поволжья. СПб., 1889. Лендер — псевдоним Николая Николаевича Рейхельта (1864, Петербург — не ранее 1913), публициста, журналиста, путешественника.

[2] Эпиграф из стихотворения С. Д. Дрожжина (1848–1930) «Где прежде берегом реки…».

и воспетая русским народом во многих песнях и сказаниях. Не всякий, видевший Волгу в ее среднем течении и составивший о ней понятие как об огромной, многоводной реке, поверит, что маленький, узенький лесной ручеек, каким она является в своем истоке, и есть знаменитая «кормилица», «матушка», «красавица» — Волга. Что именно следует считать истоком Волги, до сих пор ясно не установлено: одни называют ее началом озеро Селигер, другие — озеро Пено, третьи — Волго. Справедливее всего мнение В. Рагозина, считающего за исток Волги речку Руну, а ее верховьем — ручей, расположенный у деревни Волгино Верховье.

Проникнуть к истоку Волги всего удобнее таким образом: проехав по железной дороге до станции Вышний Волочек, нужно отправиться отсюда на лошадях по отличному шоссе в город Осташков, расположенный в 80 верстах от названной станции, а отсюда уже на пароходе по озеру Селигер до деревни Подгорье. В 10—15 верстах от этой последней, поблизости от деревни Волгино Верховье, на болоте среди леса стоит деревянная часовенка с крестом — в ней-то и находится начало Волги. Часовня так описана В. Рагозиным в первом томе его труда: «В часовне пусто. Только в левом углу часовни у истоков Волги стоит единственный и без всяких украшений образ Спасителя, даже скамейки нет. Мало того, нет ни лесенки ко входу, ничего похожего на мостик через болото, если не считать за таковые две-три толстые полусгнившие коряги. Посредине часовни небольшой сруб, уходящий под пол, в болото. Шестик, опущенный в воду, уходит аршина на полтора или немного больше; далее чувствуется вязкий, илистый грунт дна; вода прозрачна, но от примеси органических веществ красновата, и нельзя сказать, чтобы была приятна на вкус; течения никакого не заметно. Однако в прежние годы вода текла тут сильно и была чище. Ежегодно 6 августа в часовне совершается молебствие».

Вот какова колыбель великой реки.

Удаляясь от часовни, течение становится более заметным, но всё же на протяжении целых 10 верст ручеек Волги столь незначителен, что его можно свободно перешагнуть.

Первый приток, впадающий в Волгу, — Персянка, соединяющаяся с ней у деревни Вороновой. Протекая далее и пройдя озера Большой и Малый Верхит, Стерж, Овселуг и Пено, соединившись еще с речкой Жукопой и пройдя озеро Волго, имеющее около семи верст в длину и 2 ½ в ширину, Волга принимает вид небольшой речки, а после встречи с Селижаровкой становится судоходной рекой. Здесь интересно то обстоятельство, что, проходя через перечисленные озера, Волга теряется в их ширине и почти незаметна. Плавание здесь, даже в лодке, весьма затруднительно по причине множеств карчей (особенно на озере Пено).

Но вот Волга прошла озера, и всё же течение ее незаметно. Что за причина? Еще несколько верст — и разгадка налицо. Виной тому

знаменитый, но мало кому известный верхневолжский *бейшлот* — замечательнейшее произведение человеческого ума.

Бейшлот — это огромные шлюзы, назначение которых сдержать напор 40 миллионов кубических сажен воды, чтоб напитать верхнее и среднее течение реки, когда палящие луч солнца летом отнимут у реки влагу, сделав ее чуть ли не сухой отмелью. Осенью шлюзы открываются и начинается прибыль воды, заметная даже у Рыбинска. Весной, когда бейшлот закрыт, всё пространство воды, находящееся по верхнюю сторону шлюзов, представляет собой настоящее море.

Еще издалека, при открытом бейшлоте, слышны какие-то неясные звуки от падающей воды; приблизившись, мы замечаем сначала бесформенную массу в виде балок, столбов, колес и, только подойдя совсем близко, видим, что вся эта махинация придумана человеком, дабы сдержать «кормилицу» и направить к разумному пользованию ее досель бесцельно катившиеся волны.

В. Рагозин, которого мы уже цитировали, так рассказывает о бейшлоте: «После долгого пути по болотистым трущобам Волго-верховского ручья, по озерам и разливу, где лес сменяется болотом, болото лесом, где вид разнообразится только одними валунами да бесчисленными каршами, верхневолжский бейшлот производит сильное впечатление; стихийному порядку, или, вернее, беспорядку, вдруг противополагается разумная воля — и вместо громадных глыб гранит и каршей, бесцельно и случайно преграждавших фарватер, перед взором, утомленным однообразием пустынной природы, предстает величавое гидротехническое сооружение. Тяжелые, прочные и высокие устои, столбы, подпирающие 30-саженный мост, валы, колеса, щиты — всё это дело труда и гения человека, который в своих целях положил сдержать напор сорока с лишком миллионов кубических сажен воды! Еще за несколько сажен до бейшлота берега укреплены искусственно: по правому берегу, который перед бейшлотом на некоторое расстояние отлог, насыпана дамба; далее, вдоль правого и левого берегов, вплотную к ним поставлено по длинному, сажени две шириной, деревянному прочному срубу; оба сруба доверху набиты камнями и землей. Это два *береговых устоя*. К правому устою берег спускается в виде обделанного откоса, по которому в одном месте из сада сбегает лесенка; таким образом, правый устой представляет собой как бы террасу откоса и вместе с тем дорожку сада, которая, идя вдоль берега, отвесной стеной обрывается к Волге. Часть левого берега также представляет собой откос и со своим устоем, подобно правому, составляет как бы одно целое. Затем со дна русла возведены на равных расстояниях один от другого, подобные береговым устоям, еще четыре быка, образующие, таким образом, *пять пролетов*; в каждом из них в дно реки утверждены по два ряда стояков (столбов), имеющих каждый с двух сторон, обращенных к берегам, по пазу; в эти пазы вставляются ярусами один над другим прочные деревянные щиты аршина по 2 ½! нижний ярус,

составляющий *подпорную линию*, удерживает воду до высоты фахтбаума, или нормального уровня; верхний, называемый *сливной линией*, преграждает путь воде, накапливающейся сверх обычной высоты. Поверх всех устоев и стоек перекинут проезжий мост; здесь над каждым из пяти пролетов по обе стороны моста возвышаются по два стояка, а между каждыми двумя стояками в верхней части вставлено по деревянному валу, имеющему на обоих концах по большому деревянному колесу; всех колес, таким образом, 20 на десяти валах. Посредством их и канатов, концы которых зацепляют железными крюками за петлю щитов, последние могут выдвигаться из пазов стоек... Чтобы полюбоваться грозной картиной, всего лучше, впрочем, прямо пробраться на легкий мостик, исключительно с этой целью переброшенный с конца одного быка на конец другого, прямо напротив главного пролета. Отсюда видно, как под мостом черная масса воды устремляется в открытый наполовину пролет и дугой ниспадает с оглушительным ревом на настилку на дне русла, между двумя быками. Встретив препятствие, вода под отраженным углом вздымается бугром в направлении течения, встречает другой такой же бугор, образовавшийся в предшествовавший момент, сшибается с ним, разбивается на бесчисленные брызги и, гонимая вперед растущим новым бугром, отступает далее, но и там встречает грядой идущую волну, поднимается на нее, растет и вдруг обрывает с шумом свой забелевший гребень над встреченной волной. А сзади между тем неумолчно раздается оглушительный гул водопада, непрестанно вздымаются новые и новые громадные водяные бугры и летят миллионы брызг».

Только по выходе из бейшлота Волга становится настоящей рекой, не прерываемой на пути ни болотами, ни озерами. Ширина ее здесь около 40 сажен. Через 10 верст от бейшлота в Волгу впадает речка Селижаровка, через которую прогоняет в Волгу избытых своих вод озеро Селигер. Речка эта сама по себе незначительна, но всё же по ней ходят небольшие пароходики, на которых можно проехать от Осташкова до первого поселения на «собственно» Волге, с какового и начнем описание поволжских населенных пунктов, — Селижарова посада.

Селижаров посад — Тверь

От Осташкова (как попасть в него, рассказано ранее) до Селижарова посада считается сорок верст, которые можно преодолеть на пароходе.

Селижаров посад расположен на месте впадения реки Селижаровки в Волгу. Он по двум причинам может приковать к себе внимание путешественника: 1) здесь находится древнейший монастырь — Троицкий, возникший в конце XV в., обращающий на себя внимание оригинальной архитектурой стен, башен и церквей; знаменит этот монастырь еще и тем, что в середине XVI в. игуменом в нем был святой Гурий, впоследствии первый Казанский епископ; монастырь-то и дал толчок к возникновению

здесь поселения, обратившегося в 1802 г. в посад, насчитывающий ныне около полутора тысяч жителей; 2) неподалеку (10—12 верст) от посада расположен описанный ранее бейшлот, к которому можно съездить, затратив на это 2—3 рубля и 3—4 часа времени, отправившись на лошадях из посада.

Берега Волги в дальнейшем ее течении не представляют чего-либо выдающегося, хотя местами живописны. Эта часть Волги изобилует порогами, сильно вредящими судоходству; наиболее значительным порогом считается *Бенский*.

Хотя следующий за Селижаровым посадом населенный пункт город **Ржев**[1] и расположен у самой Волги, попасть в него по воде по причине порогов весьма затруднительно: пароходов здесь не имеется, а судоходство ограничивается сплавом. Лучше всего проехать в Ржев по шоссе или Новоторжско-Вяземскому железнодорожному пути.

Вокзал расположен на краю города. *Для извозчиков* установлена такса: конец 15—20 копеек; в час — 40 копеек.

Лучшими гостиницами считаются: Некрасова и Батырева (номера от 50 копеек до 2 рублей 50 копеек).

Город останавливает внимание туриста своим на редкость красивым местоположением: он лежит на обоих берегах Волги, причем последние, как бы в виде исключения, здесь оба возвышенные и, как ни удивительно, левый выше правого; при небольшой ширине здесь реки (50 сажен) и возвышенных берегах взорам наблюдателя представляется великолепная картина Волги, вьющейся подобно голубой ленте где-то в глубине пропасти.

Левый берег (так называемая Федоровская часть города) живописнее правого благодаря расположенным здесь красивым зданиям: церквам, соборам. По откосу то там, то тут зигзагами вьются дорожки, сбегают утопающие в зелени лесенки. На правом берегу по зеленому фону разноцветными пятнами пестреют домики.

---

[1] *История.* Время основания Ржева точно не установлено. Известен он был под именами *Ржевка*, *Ржова*, *Ржева Володимирова* еще в начале XI века; по крайней мере его название уже упоминается в начале XI века в древнем новгородском уставе о мостовых 1019 г. Почему он упоминается именно в новгородском уставе, будет вполне понятно, если скажем, что во время удельного периода местность, занятая Ржевским уделом, как спорная неоднократно попадала под власть Новгорода. В 1225 г. город был завещан владимирским князем Всеволодом III его сыну Владимиру. В 1360—1377 гг. Ржев был завоеван Ольгердом Литовским, а по смерти последнего вновь перешел к Руси. Позднее город был причислен к Твери, а с ее падением отошел к Москве. Неоднократно он передавался в удел родственникам московского князя; овладевали им и поляки, но в конце концов он снова отходил к Москве и управлялся наместниками московского князя, а потом и царя. В Смутное время Ржев перешел на сторону поляков, но первым поднял восстание против них. — *Прим. Гиляровского.*

Берега соединены между собой мостом, построенным по американской системе и представляющим своего рода местную достопримечательность.

Такова внешняя сторона Ржева. С внутренней, так сказать, закулисной стороны город мало чем отличается от сотен прочих провинциальных уездных русских городков, общими чертами каковых, несомненно, служат грязь, немощеные улицы, покривившиеся заборы, отсутствие освещения и иные перлы российской цивилизации.

Несмотря на то что Ржев, как это видно из истории города, играл некоторую роль в борьбе Твери с Москвой, да и в Смутное время кое-чем проявил себя, памятников старины он не имеет. Как на некоторую редкость указывают здесь на астрономические часы, хранящиеся в городской думе и изображающие картину неба; сделаны они механиком-самоучкой Терентием Волосковым, проработавшим над ними 11 лет.

После Ржева Волга течет в одном и том же направлении около 20 верст. Берега ее здесь очень невысоки, и возвышенности не характерны исключительно для того или другого берега, как это замечается в среднем течении реки; здесь же почти везде то оба берега возвышенны, то оба берега низки. Характерной особенностью берегов служат валуны и полное отсутствие песков.

Внешний вид берегов в достаточной степени живописен, особенно вдали от городов и селений, где природа является во всей своей девственной прелести. На большом протяжении здесь совершенно отсутствуют какие бы то ни было селения, и это отсутствие еще больше подчеркивает красоту местности; только изредка встречающиеся отдельные помещичьи усадьбы, выступающие на темно-зеленом фоне растущих здесь в изобилии хвойных лесов, нарушают общую гармонию, созданную природой, подсказывают фантазии новые картины и зачастую навевают грустные воспоминания о «днях былых», когда кипела здесь жизнь, было шумно и весело, а разыгравшееся воображение уносит нас еще дальше, заставляя оглянуться на смутные времена крепостничества.

Оставим грустные мечты и взглянем лучше на Волгу на 20-й версте от Ржева. Здесь она внезапно изменяет свое направление на север и встречает реку *Вазузу* — самый значительный из притоков, впадавших в Волгу до этого места. Вазуза судоходна от устья реки Гжати, то есть на протяжении 40 верст, в остальном же ее течении судоходству мешают преграды в виде многочисленных мельниц. Это отклонение Волги под влиянием своего притока не осталось незамеченным у простого народа, давшего объяснение этому факту в виде следующей легенды. ...Обе реки после горячего, но нерешительного спора о своих преимуществах решили меж собой лечь спать, и которая прежде встанет и скорее прибежит к морю Хвалынскому, та и будет сильнее и достойнее почета. Легли. Только ночью Вазуза встала прежде и побежала. Волга, проснувшись после, бросилась догопять; бежала, бежала и, наконец, пробежав около 200 верст,

нагнала Вазузу у Зубцова, от которого они уже и побежали вместе. Впрочем, Вазуза, согласно преданию, нашла Волгу столь грозной, что признала ее за старшую сестру.

Как уже упомянуто, на месте слияния Вазузы с Волгой и расположен на правом берегу последней **Зубцов**[1] — маленький захолустный городок, делавший когда-то значительный оборот по торговле пенькой и хлебом, каковые сплавлялись по Волге. С проведением железных дорог сплав этот прекратился, а с ним пало и торговое значение городка. Промышленность в нем почти не развита, если не считать за проявление таковой несколько кожевенных и спичечных заводов.

Из памятников древности заслуживают быть отмеченными земляной вал на левом берегу Волги и соборная церковь, построенная при Екатерине II.

Приняв несколько притоков и сделав около пяти изгибов, Волга приобретает определенное направление на север. Русло ее здесь не совсем удобно для судоходства по причине значительной порожистости, несмотря на то что здесь Волга является уже достаточно значительной рекой. Низменные берега совершенно не приковывают к себе чьего-либо внимания.

Следующим после Зубцова городом на Волге является **Старица.**[2] Она раскинулась на обоих берегах реки при впадении в нее речки Старицы.

Определенной таксы для извозчиков нет; конец 15—20 копеек. Гостиница — «Саратов» Щукина (номера от 75 копеек). Вокзал железной дороги расположен в 10 верстах от города.

Сам город мало чем замечателен и еще менее привлекателен. Если его название и упоминается, то этим он обязан расположенным в его окрестностях ломкам мрамора, так называемого *старицкого*. За несколько верст перед городом Старицей и далее за ним в горах левого берега производится ломка известняка, известного под именем старицкого камня, который в огромном количестве развозится в унжаках и тихвинках по волжским городам и идет на устройство фундаментов, лестниц, тротуаров или полов.

Тесанием камней занято довольно значительное количество местных жителей, но заработок отдельного лица весьма незначителен, и главный доход от эксплуатации «даров природы» поступает в карман купца,

[1] *История.* Зубцов существовал еще в начале XIII в. В 1216 г. им овладел Мстислав Удалой. В 1375 г. Дмитрий Донской завоевал его, отняв у Михаила Тверского, но впоследствии его возвратил. В I486 г. Зубцов в составе Тверского княжества был причислен к Москве. В настоящее время это заштатный городок Тверской губернии с 3 000 населения. — *Прим. Гиляровского.*

[2] *История.* Старица построена в 1227 г. князем Михаилом Ярославичем Тверским и была окружена стенами. Истребив старицких князей, Грозный облюбовал эту местность: здесь водилось много дичи, попадались даже бобры. Грозный обнес город каменной стеной и даже жил здесь во время войны со Стефаном Баторием. — *Прим. Гиляровского.*

владеющего перевозочными средствами. В то самое время как сотня плит камня продается в городе по цене от 15 до 25 рублей, на месте она покупается за 3—4, самое большее за пять рублей, а над сотней таких плит крестьянину приходится проработать чуть ли не полмесяца.

В самом городе внимание туриста может привлечь сохранившееся от времен Грозного *городище*, расположенное внутри города и окаймленное берегом Волги, оврагами, образованными рекой Старицей, и 150-саженным искусственным валом. Ныне в *городище* расположены соборная церковь, тюрьма, казенные дома и пр. Еще более замечательным памятником старины является Успенский мужской монастырь, в котором жил в заточении известный патриарх Иов, сосланный сюда в 1605 году за преданность Годуновым; будучи возвращен в Москву, он снова вернулся сюда доживать остатки своих дней. Ни торговля, ни промышленность в городе почти не развиты (имеется несколько кожевенных заводов).

В настоящее время в городе около 6 000 человек населения.

В дальнейшем своем течении, вплоть до города Твери, Волга не представляет собой ничего особо выдающегося, изредка только напоминая красотой берегов ту, что мы видели до Ржева. Хотя от этого города и существует пароходство, но до Твери удобнее ехать по железной дороге. Судоходство на этом участке Волги, несмотря на развитие за последнее время паровой тяги, нередко производится еще и первобытным способом: бичевой тягой лошадьми.

Тверь — Рыбинск

Если турист едет к **Твери**[1] со стороны железной дороги, ему приходится встречаться с большим неудобством — отдаленностью вокзала от города. *Определенной таксы* для извозчиков нет, но обычные цены для извозчиков с вокзала в город или на пристань — 25—30 копеек, конец по городу 10—15 копеек, из города на вокзал 30—40 копеек, на пристань 15—20 копеек. На *электрическом трамвае*, соединяющем город с вокзалом и фабрикой товарищества Тверской мануфактуры, берется 5 копеек за конец. Лучшая *гостиница — «Центральная»* на Трехсвятской улице, в центре города близ пристаней с отличным рестораном. Номера стоят от 50 копеек до 3 рублей в сутки. Здесь есть все возможные удобства, включая телефон (можно разговаривать с Петербургом и Москвой). Более дешевые гостиницы «*Лондон*» — на углу Трехсвятской и Семеновской, и *Миллера* — у пристаней.

С Твери начинается тот плес Волги, который известен по названием Верхнего, если не считать часть Волги до Твери. От Твери начинается

[1] *История.* Тверь основана в 1181 г. Всеволодом III, великим князем владимирским. Много пострадал город от междоусобиц, моровых поветрий, пожаров. Только с проведением знаменитой Вышневолоцкой системы город приобрел некоторое торговое значение, но железные дороги снова отняли его. — *Прим. Гиляровского.*

правильное пароходство, местами совершенно прекращающееся из-за мелководья.

Город Тверь отличается довольно живописным расположением на обоих берегах Волги. Через правую часть города протекает речка Тьмака; а левую пересекает река Тверца. Таким образом, город тремя реками разделен на следующие части: Центральную, Затьмацкую, Заволжскую и Затверецкую. Между Центральной и Заволжской частями проходят два моста: железный и понтонный; прочие части города также соединены мостами. В городе имеются мостовые, водопровод, газ, электричество, трамвай и иные достижения цивилизации, но всё это служит далеко не всему населению города, так как многие части города вовсе лишены удобств.

Правый берег Волги вообще красивее левого; здесь расположены лучшие улицы: Миллионная, Трехсвятская, Мироносицкий бульвар. На Миллионной — лучшие магазины и дома, дворец, собор, гимназия, реальное училище, дума, дворянское собрание и пр. Местом гуляний служит городской сад с рестораном «Кукушки». Развлечений в Твери почти нет; специального здания для театра не имеется, а представления устраиваются в помещении дворянского собрания.

Кроме сосредоточенных в Твери губернских учреждений здесь находится много ученых обществ, учебных заведений, спортивных обществ и несколько клубов, имеется городская публичная библиотека, издается несколько периодических изданий.

В городе много *древних храмов*, из которых особенно приковывает к себе внимание наблюдателя *собор Преображения* на Миллионной улице. Грандиозность постройки поражает при внешнем осмотре храма, а внутреннее благолепие и богатство увеличивают общее обаяние, которое не в силах передать никакое описание. Старинные фрески, художественная живопись, золото, серебро, драгоценные камни производят неизгладимое впечатление. В соборе в серебряной раке покоятся мощи великого князя Михаила Тверского, изменнически убитого татарами и причисленного к лику святых. 24 июня с мощами святого князя Михаила совершается крестный ход по улицам города.

В Затьмацкой части обращает внимание туриста *церковь Святой Троицы*, построенная в XVI в. Церковь эта не блещет убранством, но дорога своей стариной: массивными стенами, старинными фресками.

На левом берегу Волги расположен знаменитый *Отрочь Успенский монастырь*, основанный в 1265 г. Летопись называет его основателем «отрока» Григория, служившего у князя Ярослава, и рассказывает целую легенду о несчастном Григории, потерявшем свою невесту, которую у него похитил князь, и решившем постричься поэтому в монахи. Отрочь монастырь приобрел печальную славу в истории как место заключения двух выдающихся лиц: Максима Грека и митрополита Филиппа, принявшего здесь мученическую кончину из рук Малюты Скуратова.

Филипп был сначала низвергнут Иоанном Грозным за открытое обличение творимых несправедливостей, а затем убит за отказ благословить Грозного на «ратные» подвиги по «усмирению» Новгорода. Монастырь был сожжен опричниками. До сих пор сохранилась келья Филиппа, где он принял мученическую кончину. Над кельей построена церковь. Сама келья посещается богомольцами и поражает своей фреской, изображающей Филиппа укоряющим царя за то, что тот с опричниками вошел в церковь в шапке. Мощи святителя были перенесены сначала в Соловецкий монастырь, а затем в Москву.

Из прочих памятников древности в Твери надлежит отметить расположенный на берегу речки Тьмаки *Рождественский девичий монастырь* с чудотворной иконой Божией Матери и находящийся в четырех верстах от города *Желтиков Успенский мужской монастырь* с мощами его основателя святого Арсения. В этом монастыре был заключен царевич Алексей Петрович, памятником чего служит церковь Алексия. К *достопримечательностям* Твери необходимо отнести также *дворец*, построенный при Екатерине II; при дворце находится сад, в котором историк Карамзин читал Александру I первые главы своего труда. В одном из флигелей дворца находится *музей* — истинная гордость Твери. Здесь собрано около 15 тысяч различных предметов, так или иначе рисующих былую жизнь края. Всё, что может заинтересовать историка, археолога или любителя древности, имеется здесь налицо: гробы, иконы, образа, утварь, наряды, оружие, монеты, письмена и пр. и пр.

Музей открыт ежедневно для бесплатного посещения от 10 часов утра до 4 часов дня.

Современная Тверь. Хотя с проведением железных дорог уменьшилось значение Твери как транзитного пункта между Волгой и Балтикой, всё же она сохранила роль крупного промышленного центра. Сильно развитая здесь мануфактурная промышленность придала городу особую окраску и создала обширную торговлю, увеличив в течение 35 лет чуть не вдвое его население. Самой большой фабрикой здесь считается «Тверская мануфактура», которую не мешает обозреть наблюдательному туристу; фабрика создала вокруг себя целый городок, расположенный в Затьмацкой части города в 10 минутах езды от центра. Оборот фабрики составляет 7—8 млн. рублей в год, а число рабочих простирается до семи тысяч человек. Что особенно здесь поражает, так это заботы о быте рабочих со стороны администрации. Отличные квартиры, больницы, пекарня, приют для сирот, ясли, школа восхищают своей чистотой и образцовой постановкой. Мало того: духовные нужды рабочих удовлетворены отличной библиотекой с залом для спектаклей, рядом с которой сквер для прогулок.

На 20-й версте вниз по течению Волга принимает с левой стороны приток Оршу, при впадении которой находит *Оршанский Вознесенский монастырь*. Постройки монастыря, частью деревянные, частью каменные,

утопают в зелени и производят дивное впечатление. Монастырь знаменит тем, что в нем в 1613 г. выборный от Твери архимандрит Иосиф подписал грамоту об избрании на царство Михаила Феодоровича Романова.

В дальнейшем течении Волги заслуживают внимания: на 10-й версте село *Лисицы*, а на шестой версте ниже последнего — село *Городня*, бывшее некогда городом и насчитывающее 1 200 жителей. В нем находится древняя русская церковь во имя Богородицы. В Городне в Смутное время собиралось войско, шедшее для освобождения Москвы под начальством Скопина-Шуйского.

Продвигаясь далее, мы встречаем на левом берегу большое село *Едимоново*, известное образцовой постановкой молочного производства. Здесь в 1880-х гг. была построена Н. В. Верещагиным образцовая школа сыроварения и молочного хозяйства. Постановка дела — строго научная. Около 600 человек жителей живут молочным производством. Ниже села Едимонова весь правый берег на протяжении 20 верст относится к Московской губернии, равно как и село *Новое* с оживленной пристанью. В селе *Кузнецове*, в одиннадцати верстах от Нового, имеется пристань и находится фарфорово-фаянсовый завод «товарищества М. Кузнецова» с ежегодным производством изделий на сумму около миллиона рублей.

На 88-й версте от города Твери, то есть на расстоянии, которое пароход пробегает за 5—6 часов, находится уездный город **Корчева**, замечательный разве только тем, что он едва ли не самый маленький изо всех уездных городов Тверской губернии; население его насчитывает 2,5 тысячи, и внешне этот городок мало чем отличается от села. Хотя Корчева и ведет хлебную и лесную торговлю, но последняя значения не имеет; зато в уезде оживленно действует промышленность с общим производством в 2 млн рублей. В этом же уезде находите образцовое мамонтовское имение *Пекуново*, стяжавшее себе славу своим замечательным хозяйством. В пятнадцати верстах вниз по Волге, на левом берегу, расположилось богатое промышленное село Кимра, а напротив него — *Савелово,* соединенное железной дорогой с Москвой.

Кимра[1] заслуживает того, чтобы на ней подробнее остановиться, так как даже по своему внешнему виду она походит на порядочный город. Для желающих здесь остановиться имеются *гостиницы* В. и М. Дудкиных, Мухиной и Тупицина с номерами ценой от 50 копеек до 2 рублей. Местность, в которой расположено село, не отличается особой красотой. Улицы села замощены и производят приятное впечатление своей опрятностью; в селе много лавок и магазинов, имеются банк, больница, клуб. Всеми этими жизненными удобствами Кимра обязана развитию

[1] *История.* Впервые Кимра упоминается в 1549 г. в одной царской грамоте. В 1675 г. Кимра известна как дворцовое село, перешедшее впоследствии в собственность сначала Салтыкову, затем Головнину, а после его падения — к Скавронским. В 1846 г. кимряки выкупились у графини Самойловой на волю, а заплатив в 1867 г. деньги казне, сделались «собственниками». — *Прим. Гиляровского.*

кожевенной промышленности, главным образом производства обуви, которым занимаются чуть ли не все 9 000 человек населения самой Кимры и жители прочих смежных волостей. Сапожным промыслом Кимра известна давно. В настоящее время кимряки производят городскую обувь невысокого достоинства, находящую сбыт на Нижегородской ярмарке. Промысел совершенно изменил внешний образ жизни кимряка, сделав его более похожим на горожанина, чем на селянина. Из достопримечательностей можно указать на *Покровский собор* и храм *святой Троицы*, обращающие на себя внимание архитектурой и грандиозностью.

Село *Медведица* расположено тридцатью верстами иже Кимры; здесь имеются пристань и склад хлебных грузов всего уезда. В двух верстах от села стоит запущенная усадьба, принадлежащая ныне купцу Лепешкину, в которой, по преданию, родился Борис Годунов. Село расположено при впадении в Волгу реки Медведицы.

В 26 верстах ниже устья Медведицы в Волгу впадает Кашинка, на которой находится довольно древний городок **Кашин**. Ныне это уездный город Тверской губернии, расположенный по обоим берегам реки Кашинки, которая, прорезая город, делает его весьма живописным. Центр весьма населенного уезда, Кашин ведет значительную торговлю льном. Несколько ранее Кашин создал себе имя и довольно печальную славу тем, что здесь приготовлялись «настоящие» «заграничные» вина, оказывавшиеся на деле грубой фальсификацией. В Кашине около 7 ½ тысяч жителей, имеются окружной суд, женская прогимназия, ремесленное училище. Как видно, на народное образование обращено отцами города должное внимание. В городе много богатых церквей, два монастыря. Кроме того, нельзя не отметить еще одной местной достопримечательности — *Кашинских минеральных источников*. Вода из этих источников, как показали исследования многих докторов, приносит существенную пользу при излечении многих болезней: анемии, эмфиземе, желудочных катарах, ревматизме и пр. Весьма жаль, что устройство курорта отличается первобытностью и для его упорядочения сделано немного. Во всяком случае, человек, малообеспеченный и не имеющий больших претензий, может отлично и недорого устроится здесь для лечения. На 20—25 рублей можно существовать целый месяц, имея недурную комнату и стол. Надо думать, что улучшение обстановки этого доморощенного российского курорта привлечет сюда больных и оживит сам город.

Немного ниже Кашина, на изгибе, который делает Волга, приютилось село *Спасское*, принадлежавшее некогда семье писателя М. Е. Салтыкова (Щедрина), который в своих произведениях увековечил всю окрестную местность, ярко изобразив отрицательные стороны здешнего «житья-бытья».

Село *Сергиевское* — пристань на левом берегу. В девяти верстах ниже на правом берегу при впадении в Волгу реки Жабни лежит уездный город **Калязин.**[1] Конец по городу *на извозчике* — 30 копеек. У самой пристани имеется *гостиница* Кучерова (номера от рубля). Как пристань Калязин имеет некоторое значение по хлебной торговле, но промышленность совершенно почти отсутствует. Калязин — типичный захолустный уездный городок, и хотя в нем имеется, например, как признак несомненной цивилизации народный дом с электрическим освещением, пользоваться услугами этого довольно затруднительно, особенно во время распутицы, когда по городу «ни пройти, ни проехать». В городе имеется сад с рестораном. Жителей насчитывается 7 ½ тысяч человек. Здесь начинал свою служебную карьеру знаменитый «дедушка» Крылов. Из достопримечательностей города можно отметить Троицкий монастырь (на другой стороне реки), основанный преподобным Макарием, где находятся и мощи этого святого, с которыми ежегодно 26 мая совершается крестный ход вокруг монастыря. Особенно же величественна колокольня монастыря, доминирующая над рекой.

[1] *История*. Построенный в 1650 г., город получил свое имя от боярина Каляги, уступившего часть своей земли под постройку монастыря, возле которого вскоре возникла слобода. В 1610 г. монастырь был взят поляками, а братия перебита. В 1634 г. во время моровой язвы в монастыре проживали семейство царя Алексея Михайловича и патриарх Никон. — *Прим. Гиляровского.*

С. М. Прокудин-Горский
1910

Прокудин-Горский Сергей Михайлович (1863, Фуникова Гора Покровского у. Владимирской губ. — 1944, Париж), фотограф, химик, изобретатель, член обществ Императорского Русского географического, Императорского Русского технического и Русского фотографического. Окончил Александровский лицей, Технологический институт в Петербурге (1889); изучал живопись в Императорской Академии художеств, изучал химию в Берлине и Париже, где вместе с Ж.-Э. Момене и А. Мите разрабатывал перспективные методы цветной фотографии. Открыл в Петербурге фотомастерскую (1901), его сенсибилизатор превосходил другие современные разработки (1905). Апробируя новый метод фотосъемки, объездил всю Россию, снимая виды Финляндии, Дагестана, Черноморского побережья, Кавказа, Крыма, Украины, Туркестана (1903—1906), в 1908 г. в Ясной Поляне сделал несколько цветных фотопортретов Л. Н. Толстого.

Эти снимки положили начало «Коллекции достопримечательностей Российской империи» (1903/1904—1916) — одной из первых в мире коллекций цветных фотографий. Проект был задуман в 1909 г. При поддержке Николая II Прокудин-Горский получил специально оборудованный железнодорожный вагон, а для работы на водных путях — пароход, способный идти по мелководью. Фотограф объездил значительную часть России, в том числе и Тверской край. В феврале 1910 г. Прокудин-Горский создал фотоальбом о Мариинском водном пути; в июне фотографировал волжские места Тверской губернии; в январе 1911 г. прочитал в Академии художеств лекцию «Достопримечательности по Мариинскому водному пути и Верхней Волге и несколько слов о важности цветной фотографии». В 1911—1912 гг. к празднованию столетия Отечественной войны 1812 года сфотографировал места, связанные с Наполеоновской кампанией.

В 1918 г. Прокудин-Горский эмигрировал из России.

Многие фотографии Прокудина-Горского до 1917 г. были опубликованы на почтовых открытках и в качестве иллюстраций в книгах, однако результаты типографского воспроизведения негативов с цветоделением не отличались высоким качеством. В 1948 г. Библиотека Конгресса США купила у наследников Прокудина-Горского сохранившуюся часть его коллекции, но она долгое время оставалась фактически неизвестной. Только в 2000 г. все 1 902 стеклянных негатива Прокудина-Горского было сканированы, а файлы размещены на сервере Библиотеки Конгресса в свободном доступе. Современные российские издания коллекции: Достопримечательности России в натуральных цветах. Весь Прокудин-Горский. М., 2003; Российская империя Прокудина-Горского. 1905—1916. СПб.: Амфора, 2008. Фотографии воспроизводятся по электронной базе Библиотеки Конгресса. Режим доступа: http://www.loc.gov/pictures/collection/prok/.

Женская земская учительская школа им. П. П. Максимовича 1910

Текст печатается по изд.: Отчет Общества попечения о нуждах учившихся и обучающихся воспитанниц женской земской учительской школы имени П. П. Максимовича с его основания по 1 марта 1911 года. Тверь: тип. Губ. правл., 1911. С. 8–11.

Летом прошлого 1910 г. удалось положить начало и этой стороне деятельности Общества. На заседании правления 9-го мая был поднят вопрос о желательности организации для выпускного класса экскурсии в пределах Тверской губернии.[1]

До сих пор школою предпринимались исключительно на средства, ассигнуемые ежегодно губернским земством, экскурсии в Москву. В заседании правления было указано, что в видах общей подготовки будущих учительниц кроме экскурсий в столицу были бы желательны и другого рода экскурсии, которые знакомили бы учениц с местной природой, местной жизнью и достопримечательностями. После обсуждения различных маршрутов решено было остановиться на экскурсии к верховьям Волги с остановкой в Вышнем Волочке, в Осташкове и в Ниловой пустыни.

Правление предполагало первоначально собрать общее собрание, чтобы получить его согласие на необходимую для осуществления экскурсии ассигновку, но когда выяснилось, что устройство нового общего собрания в конце мая встретится с большими трудностями, решилось принять на свою ответственность отпуск из средств Общества 200 руб., тем более что при этом оно не выходило из суммы, предположенной к расходу общим собранием.

Экскурсия состоялась после выпускных экзаменов. Выехала она из Твери 2 июня рано утром, и вернулась в Тверь 7-го. Поездка оказалась во всех отношениях чрезвычайно удачной: она много дала ученицам в области знания и непосредственных впечатлений природы и жизни, она доставила им громадное удовольствие, явившись одним из тех светлых впечатлений, существование которых в юношеские годы так важно для правильного образования характера, наконец эта поездка имела и еще один очень ценный результат — она скрепила связь школы с теми местностями Тверской губернии, которые посетили выпускные ученицы, наглядным показателем чего явилось между прочим то, что в этом году значительное

[1] В Обществе попечения о нуждах учившихся и обучающихся воспитанниц женской земской учительской школы имени П. П. Максимовича было три комиссии: 1) «устройство вечеров и концертов с целью увеличения доходов Общества»; 2) рассмотрение прошений на материальную помощь учащимся; 3) рассмотрение прошений выпускниц (Ф. Ф. Ольденбург и С. А. Ручкина), в том числе экскурсионная работа с выпускницами школы.

количество учениц поступило учительницами в Вышеволоцкий уезд, в школах которого их до тех пор пока очень немного.

Отношение, которое встретила на местах наша школьная экскурсия, было в высшей степени внимательное и радушное.

Первым этапом экскурсии был, согласно намеченному раньше плану поездки, Вышний Волочек. На вокзале встретили экскурсию: Г. Г. Певцов, член уездной Вышневолоцкой управы, Д. А. Исаков, инспектор народных училищ, любезно предупрежденный Н. Ф. Добровольским,[1] и одна из городских учительниц г-жа Ксюнина; эти три лица и сопровождали экскурсантов. Были осмотрены кондукторское училище,[2] его мастерская и чрезвычайно интересный музей; объяснения давал сам начальник училища г. Щеглов; учебно-ткацкая мастерская,[3] бывшая в полном ходу и позволившая ученицам, благодаря подробным и интересным объяснениям заведующего ею г. Солодинина, познакомиться с этим промыслом, продолжающим иметь еще такое значение для крестьянского населения нашей губернии; затем водохранилище с его шлюзами и домик Петра Великого. Поездка на водохранилище состоялась на пароходе, предоставленном даром городским головою И. И. Большаковым.[4] Днем был любезно предложен обед от имени Вышневолоцкого земства и чай на водохранилище. Ночевали ученицы в вагоне, предоставленном для экскурсии, стоявшем на запасном пути. Окрестности вокзала долго еще оглашались хоровым пением учениц, счастливыми от так хорошо и непривычно для них проведенного дня.

Рано утром третьего июня ученицы уехали из Вышнего Волочка, унося об нем самые лучшие воспоминания, и в 3 <часа> дня прибыли в Осташков. Здесь их встретили учительницы, бывшие ученицы, приготовившие провизию для дальнейшего путешествия. Хочется отметить мелкий, но очень характерный факт, те 50 пирогов, которые испекла для наших экскурсантов мать одной из учительниц-учениц. После кратного осмотра города и выставки ученических работ по рисованию и выжиганию на дереве в городском училище экскурсантки на бесплатно

---

[1] Добровольский Николай Феофанович, директор народных училищ Тверской губернии (1889—1907), надворный советник.

[2] Вышневолоцкое училище кондукторов путей сообщения создано в 1883 г. на базе школы кондукторов путей сообщения (с 1878), до этого школа кантонистов (1840). На курс зачислялось 35 человек. Полный курс учения продолжался 5 лет (первые 3 года прохождение теоретических предметов, 2 последующие – практические занятия). При училище были кузнечно-слесарная и плотнично-столярная мастерские. Выпускники получали звание инженерного кондуктора (младшего техника) путей сообщения, квалификация — специалисты по водным и шоссейным путям, проектированию и строительству гидросооружений; имели право замещать должности заведующих учебными мастерскими в железнодорожных технических училищах Министерства просвещения.

[3] Первая в России учебно-ткацкая мастерская, открыта в 1898 г. (ныне ЗАО «Аэлита»).

[4] Большаков И. И., потомственный почетный гражданин.

предоставленном Ниловой пустынью пароходе отправились в монастырь. Поездка по озеру была удивительно удачная: чудная погода, красивые берега, самый живописный уголок Тверской губернии могли вполне удовлетворить и гораздо более требовательных путешественников, чем наши ученицы, из которых многие в первый раз совершали поездку на пароходе.

Вечером всенощная в монастыре и затем ночлег в монастырской гостинице.

4-го <июня> утром экскурсия выехала на пароходе, предоставленном экскурсии с оплатою только топлива. Так же удачна была поездка по озеру и в этот день. Были сделаны три остановки: на живописном острове Городомля[1] с его вековым лесом, внутренним маленьким озером и островом на этом озере, на биологической станции,[2] которая была подробно осмотрена и работавшие на которой лица семь студентов и три курсистки не только подготовили к приезду экскурсии интересный демонстративный материал, но и прислали осенью в школу гербарии и некоторые зоологические препараты. Третья остановка была в Ельцах[3] для осмотра громадного дома-дворца, правда сильно обветшалого, принадлежавшего прежде графам Толстым.

Конечным пунктом поездки по озеру была деревня Свапущи,[4] откуда экскурсия отправилась пешком за 20 верст на Волговерховский Спас-Преображенский монастырь.[5] Со стороны игуменьи монастыря матери Веры, любезно предупрежденной управляющим казенной палатой Ив. Ал. Ивановым,[6] экскурсия встретила не только радушный, но прямо сердечный прием. Провели здесь наши ученицы две ночи и день, причем накануне Троицына дня воспитанницы, чередуясь с монастырским хором, пропели всенощную, 6-го <июня> экскурсия тем же путем вернулась в Осташков, а 7-го <июня> утром была в Твери.

Обошлась экскурсия 200 рублей, не считая расходов по подготовке поездки, принятых на счет школы, в том числе:

---

[1] О. Городомля в 6 км к северу от Осташкова, покрыт лесом.

[2] Биологическая станция, основана русским ботаником, экологом Иваном Парфеньевичем Бородиным (1847—1930) на Бологовском оз. (1896), затем перенесена на Селигер.

[3] Точнее с. Новые Ельцы, имение помещиков Толстых, среди которых поэт, современник и друг А. С. Пушкина, Яков Николаевич Толстой (1791—1867). Последний владелец имения — Нейгардт. Турбаза (1946), ныне дом отдыха «Селигер».

[4] Поселок на западном конце Березовского плеса Селигера, старейшая часть поселка д. Сопки возникла на месте перевалки грузов из Осташкова в Старую Руссу.

[5] О монастыре см. путешествие А. Я. Бесчинского.

[6] Иванов Иван Александрович (1850—1927), действительный тайный советник, управляющий Тверской казенной палатой, член (1885), председатель ТУАК (1899—1918), краевед, преподаватель Тверской духовной семинарии, школы П. П. Максимовича, Юнкерского кавалерийского училища (1875—1884), издатель газеты «Тверской вестник». Уехал из Твери в 1918 г.

Железнодорожные билеты для 32 учениц и 8 сопровождавших	67 р. 30 к.
Два парохода	24 р. 30 к.
Ночлег и ужин в Ниловой пустыни	10 р. 30 к.
Ночлег и обед в Верхне-Волговерховском монастыре	17 р. 30 к.
Подводы в Твери, в Осташкове, по дороге к Волге, монастыря	21 р. 70 к.
Провизия	55 р. 70 к.
Выдачи на чай	5 р. 70 к.

Тверская мужская гимназия
1916

Летом 1901 г. директором Тверской гимназии был назначен Викторин Иванович Стовичек (06.09.1851—26.12.1913), бывший до этого директором Рыбинской гимназии, а ранее преподавателем классических языков и инспектором в Костроме. В 1902 г. инспектором Тверской гимназии стал Петр Петрович Чернышев, кандидат Московского университета, учитель древних языков 4-й Московской гимназии, до этого преподаватель Костромской гимназии (с 1877), с 1907 г. на посту директора. Именно эти люди создали в 1903 г. Общество содействия образовательным экскурсиям при Тверской гимназии (другое название: Общество организации путешествий учеников Тверской гимназии), поскольку в это время «за образовательными экскурсиями признано было важное педагогическое значение» (Столетие Тверской мужской гимназии (1804 — 2 февраля 1904): историческая записка / сост. Д. Крылов. Тверь: тип. Губ. правл., 1904. С. 351). Текст печатается по изд.: Отчет Общества организации путешествий учеников Тверской гимназии за 1915—1916 г. Экскурсия в село Кушалино и по Волге до села Кузнецова под руководством директора гимназии П. П. Чернышева. Тверь: типолит. М. В. Блинова, 1917. С. 3–4, 7–47.

За истекшие четырнадцать лет было организовано Обществом четырнадцать экскурсий, из которых одиннадцать с денежной субсидией со стороны Общества, а три поездки в Москву без расходов с его стороны. Летом 1916 г. были проведены две непродолжительные экскурсии.

Первая экскурсия была пешеходная и была направлена в село Кушалино, отстоящее от Твери на тридцать три версты. Большое содействие экскурсии оказал председатель Тверской архивной комиссии И. А. Иванов,[1] а также и член этой комиссии Е. А. Веригин.[2] Смело можно утверждать, что участники этой экскурсии надолго сохранят память о ней вместе с глубокою признательностью этим лицам, оказавшим ей свое горячее сочувствие и лично принимавшим в ней участие. В экскурсии участвовало 20 человек. Руководителем ее, как и во всех предыдущих поездках, был директор гимназии П. П. Чернышев. Ему помогали во время экскурсии три преподавателя: А. И. Андреев, Н. И. Прохоров и Я. Р. Эргардт. Из сумм Общества на эту трехдневную экскурсию было отпущено 60 рублей. Всего было израсходовано 96 рублей 42 копейки; на

[1] Об И. А. Иванове см. путешествие школы Максимовича.
[2] Веригин Ефрем Арсеньевич (†1942).

каждое лицо расход равнялся 5 рублям 36 копейкам, т. е. по 1 рублю 79 копеек в сутки.

Вторая экскурсия тоже продолжалась три дня. Намеченное было направление поездки к Петровским озерам пришлось изменить по независящим от руководителей обстоятельствам. Дело в том, что на поездку можно было употребить только три дня, а пароход, на котором хотели отправиться, должен был опоздать на целые сутки. Пришлось начать новые хлопоты, изыскать другой способ отправиться в экскурсию, не теряя времени; пришлось сократить ее протяжение, чтобы вернуться без опоздания. Благодаря сердечной отзывчивости добрых людей, имевших возможность помочь экскурсантам в постигшей их неудаче, участники поездки отправились 20 мая вниз по течению Волги с горячею благодарностью за своевременную помощь им. Руководителями этой поездки, кроме директора гимназии, были преподаватели А. И. Андреев и Я. Р. Эргардт. Из сумм Общества на экскурсию было отпущено 180 рублей. В поездке участвовало 28 человек. Расходы на нее значительно увеличились потому, что пришлось отчасти заплатить за нанятых заранее лошадей и за лодки, которыми предполагали воспользоваться при намеченной по прежнему маршруту поездке к Петровским озерам. К сожалению, нам не пришлось их видеть: нельзя было надеяться на своевременное движение пароходов, задерживаемых всё увеличившимися мелями. Расходы на человека за три дня равняются 10 рублям, а в сутки — около 3 рублей.

Хотелось бы надеяться, что после окончания войны жизнь будет входить в свою норму, и ознакомление с отечеством примет широкие размеры. <…>

Экскурсии
I. В село Кушалино
II. По Волге до села Кузнецова

Церкви села Кушалина

По приходе в село Кушалино все экскурсанты направились в церковь, построенную Симеоном Бекбулатовичем,[1] где и простояли всенощную, которую пели сами же гимназисты. Во время службы в

[1] Симеон Бекбулатович (до крещения Саин-Булат хан, 1550—5.01.1616), касимовский хан, потомок ханов Золотой Орды. В 1575 г. Иван Грозный «отрекся» от престола; Симеон был венчан на царство как «великий князь всея Руси», однако через 11 месяцев в 1576 г. Иван Грозный вернулся на трон, а Симеон Бекбулатович был отправлен в Тверь с титулом великого князя Тверского. С 1583 г. Кушалино (ныне Рамешковский р-н, известно с XVI в.) было его вотчиной. Церковь Смоленской иконы Пресвятой Богородицы Одигитрии (1592/1594/1597).

церковь набралось много крестьянских ребятишек, глазевших на нас, как на заморское диво.

Церковь очень миниатюрная, — ее легко можно принять за алтарь большой каменной церкви, так как одной стороной она прикасается к храму, пристроенному гораздо поздней; на мой взгляд, этим испортили общее впечатление старины, как испортили новой ризой и икону Божией Матери, которой был благословлен после крещения Симеон Бекбулатович.

Симеон Бекбулатович, как говорят, построил всего одну каменную и 2 деревянных церкви, но обе последние сгорели, и осталась только одна, которая была домовой церковью Симеона Бекбулатовича и, кажется, даже была соединена ходом с его палатами.

Размеры церкви, как я уже сказал, очень невелики, приблизительно шагов 80—90 в окружности. Справа от царских врат помещается икона Божией Матери, на лике которой видны следы литовских надруганий; эта икона написана на одной доске, шириной немного больше аршина. По стенкам храма написаны (в фресках) ветхозаветные изображения. Теперь церковь с одним приделом, но раньше она была с тремя; об этом свидетельствуют три каменных стола, которые были предназначены для престолов (один и теперь служит этому назначению, другой — жертвенник, а третий стоит пустым), и две ниши, которые служили жертвенниками для малых престолов. Средний престол (тот самый, который и теперь) служил на весь храм, а два боковых отделялись от церкви и главного алтаря стенами и служили для самостоятельных (церквей) приделов в три квадратных аршина и имели свои собственные иконостасы; последние хотя и сняты, но и поныне стоят в одном из этих боковых алтарей; такие маленькие церковки были устроены Симеоном Бекбулатовичем собственно для себя; он любил молитву и уединение, а эти миниатюрные храмы как нельзя больше отвечали потребностям.

Отстояв всенощную, мы пошли в школу, где, закусив, легли спать на приготовленной нам соломе. Певчие спевались к предстоящей обедне.

На другой день утром мы закусили и пошли к обедне; ее, как и всенощную, слушали мы в церкви Симеона Бекбулатовича; этот день приблизительно совпадал со днем смерти Симеона Бекбулатовича и Козьмы Минина Сухорукого;[1] по этому случаю после обедни была отслужена панихида по ним и по родным Симеона Бекбулатовича.

После обедни мы осматривали большой храм;[2] насколько предыдущая церковь поражает своей миниатюрностью, настолько настоящая — своей обширностью (я только один раз раньше видел такой большой сельский храм; но и то он во многом уступает этому). Он ничуть не меньше кафедрального собора, если не больше, весь расписан

[1] Кузьма Минич Захарьев Сухорукий (Минин; конец XVI в. — 21.05.1616), организатор и один из руководителей Земского ополчения (1611—1612) против польской и шведской интервенции.

[2] Церковь Сошествия Святого Духа (1842—1843, арх. И. Ф. Львов; закрыта в 1930-е).

кушалинским крестьянином, художником-самоучкой и, кажется, совсем без какого-либо вознаграждения. Передают, что он бросил писать малые купола только потому, что ему не удался какой-то херувим. Нам показывали еще много замечательных образов; но я помню только три: копию с иконы Божией Матери, которая помещается в маленькой церкви; на ней же и старая риза с той иконы; мне, признаться, копия понравилась больше, чем оригинал; у этого позолоченная, сильно выпуклая риза не вяжется с понятием о старине; напротив, копия — гладкая, с простенькой старинной чеканкой так и напоминает о том отдаленном времени. Еще помню другую икону Божией Матери около главного алтаря; она какого-то старинного, не русского письма; потом образ Спасителя в алтаре; он исполнен на стекле и, кажется, не очень давно. Храм построен по типу нашего собора,[1] но гораздо светлее и расписан живописью другого рода. Он наиболее обширный из всех храмов села Кушалина. Тот день, в который мы были в Кушалине, был праздничный, и можно было заметить, что молящихся здесь собралось довольно много. Храм служит преимущественно для летних служб, в то время как в другом храме службы бывают исключительно зимой, отчего мы его хорошо и не видали. Он такой же формы, как и наши Скорбященская, Владимирская[2] и др. церкви; только в нем отсутствует собственно главный придел, а вместо него служит церковь Симеона Бекбулатовича, из которой ведет в него дверь. На стенах его вовсе отсутствует живопись, так как он построен совсем недавно.

На месте этого храма, кажется, и были палаты Симеона Бекбулатовича, в которых он жил во время ссылки в Тверь.

После осмотра большого храма мы пошли в подземелье царя Симеона, где, как передают, он молился и умерщвлял свою плоть; подземелье помещается под исторической церковью. Вход в него снаружи; подземелье глубже и превышает размерами подземелье Отроча монастыря.[3] В нем так и веяло могилой и сыростью. Некоторые из экскурсантов нашли, что здесь было бы не очень приятно остаться одному. Походили там, трогали стены руками (они холодны и сыры), обратили внимание на огромные камни, которыми выложено подземелье, делали предположения насчет ниш, которые имелись в стенах, и вышли на воздух.

Побыли немного на кладбище, прочитали несколько надписей на крестах (там попадаются и мраморные памятники); посмотрели могилу помещицы, которая отпустила на волю всех своих крестьян, надо добавить, с землей, что было редкостью за несколько лет до освобождения.

---

[1] Тверской кафедральный Спасо-Преображенский собор (1285, 1689—1696).

[2] Церковь иконы Божией Матери Всех скорбящих радость (Божией Матери Живоносный источник, 1780—1792). Церковь Владимирской иконы Божией Матери (1740-е; взорвана в 1930-е).

[3] Тверской Отрочь Успенский монастырь (XVIII в.); весь комплекс, кроме собора Успения Пресвятой Богородицы, разрушен в 1930-е.

Осмотрев всё, мы пошли обратно в школу, обвеянные впечатлениями от пленившей нас древности.

Ученик 5 класса *Леонтий Кулжинский*

Достопамятное
Май 1916 года

Уж два года пылает война…
Много тяжких мы дней испытали
Оттого, что наш враг — сатана
Всё губил, чтоб пред ним трепетали…

Он всю правду попрал, он забыл
Все заветы любви христианской.
Пыл его и теперь не простыл, —
Но велик Бог земли Всеславянской...

У врага появляется страх,
Что зашел он уж слишком далёко,
Что затеи рассыпятся в прах,
Что получит он око за око…

Сколько мощи, геройства народ
В столкновеньи с врагом проявляет!
И так много несет он невзгод,
Что собою весь мир удивляет.

Славных воинов наших почтим,
Как живых, так и с честию павших,
Но отважным паденьем своим
Справедливость, свободу спасавших!

Не один раз Россию спасал
Весь народ от великой напасти…
Вспомним тех, кто всё в жизни бросал
И в беду становился у власти!

Вспомним все гражданина Козьму
Сухорукого, жившего в Нижнем,
Как стекалися жертвы к нему
В каждом граде, и дальнем и ближнем!..

Триста лет, как он умер, прошло,
Но он жив, он в душáх обитает,
И теперь, когда властвует зло,
Дух его над Россией витает.

Поклони́мся же низко ему,
В нем отвагу и честность прославим!
Подражая ему, свергнем тьму
И отчизну к спасенью направим!

Сотворим также низкий поклон,
Вспомянув, что тогда же скончался
Бекбулатович князь Симеон,
Что когда-то царем величался!

«Грозный» царь, по капризу судьбы
Отказавшись от царского трона,
Пожелал, несмотря на мольбы,
Посадить на престол Симеона...

Против воли поставленный царь
Получал уваженье вначале,
Но отправлен был в Тверь и, как встарь,
Ни за что он подвергся опале...

А в Твери Симеон долго жил,
Отличаясь там жизнью простою
И пред всеми почет заслужил
Благочестьем своим, правотою.

Им построен в Кушалине храм,
Верст за тридцать от Твери родимой;
И поныне он славится там
Стариною своей досточтимой.

И теперь на полях грозных битв
Наши воины кровь проливают
За места погребений, молитв,
Где враги злость и низость являют.

Не дадим же пощады врагу,
Попирателю прав, изуверу

И в своем помраченном мозгу
Потерявшему всякую меру!

15 июня 1916 г.

П. Чернышев

В Кушалине

Как народная былина заключает в своих «хранительных гранях» отпечатки разных эпох — бурных и спокойных, разорения и мощного роста Руси, проникнутая вся пережитым горем, и скорбью, и вечно живым смехом тонкой, артистической души великого народа, так и вещественные памятники старины, сплошь и рядом затканные домыслом позднейших поколений, носят на себе следы культурного роста нации и изменчивого вкуса. Древняя икона переписывается, одевается в драгоценные ризы, оправляется в причудливый киот; монументальные постройки церковного и гражданского зодчества расширяются, надстраиваются, перекрываются, обрастают пристройками. Нелегко открыть в таких модернизированных памятниках старины замысел первого художника, уловить идею, линии, тени, которые одухотворяли творца и руководили им. Но ведь и разнообразные наплывы и наслоения позднейших эпох свидетельствуют о непрерывной работе мысли и художественного чувства в той же плоскости, и это невольно примиряет нас со «сказителями» и «исказителями». Та любовь, которая руководила позднейшими строителями и реставраторами, часто наивными, но несомненно преданными тем же идеалам, невольно удерживает от строгого суда, так как в этой области не можете быть места «насмешке горькой обманутого сына».[1]

Перед нами миниатюрный храм в с. Кушалине, выстроенный последним тверским князем Симеоном Бекбулатовичем, бывшим два года земским царем всея Руси.[2] «Произволил царь Иван Васильевич и посадил

[1] Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума» (1840).

[2] В «Курсе русской истории» (т. 2, с. 223) В. О. Ключевский дает следующие сведения о Симеоне Бекбулатовиче: «Есть известия, что во главе земщины поставлен был крещеный татарин, пленный казанский царь Едигер-Симеон. Позднее, в 1574 г., царь Иван венчал на царство другого татарина, касимовского хана Саин-Булата, в крещении Симеона Бекбулатовича, дав ему титул государя великого князя всея Руси... Симеон Бекбулатович правил царством два года; потом его сослали в Тверь. Все правительственные указы писались от имени этого Симеона как настоящего всероссийского царя, а сам Иван довольствовался скромным титулом государя князя, даже не великого, а просто князя *московского*, не всея Руси, ездил на поклон как простой боярин и в челобитных своих к Симеону величал себя князем московским Иваном Васильевым, который бьет челом «с своими детишками», с царевичами. Можно думать, что здесь не всё политический маскарад. Царь Иван противопоставлял себя как князя московского, удельного, государю всея Руси, стоявшему во главе

царем на Москве Симеона Бекбулатовича…, а сам назвался Иваном Московским, и вышел из города, жил на Петровке; весь свой чин царский отдал Симеону, а ездил просто, как боярин, в оглоблях, и как приедет к царю Симеону, ссаживается от царева места далеко, вместе с боярами» (Русский биографический словарь. Буква С. С. 467).

Политическая изворотливость Грозного, искавшего разрешения сложных внутренних государственных вопросов, окружила касимовского хана царственным величием. Но эта серьезная игра в маскарад, затянувшаяся на два года, не могла дать благотворных результатов, и мы видим, что «московский князь Иванец» сорвал царскую тогу с царя всея Руси Симеона и прогнал его с очей своих в Тверь старую. Опальный князь поселился в Твери, а для своей летней резиденции избрал красивую холмистую местность по берегу реки Кушалки в 33 верстах от города. Здесь были выстроены двор и службы; кушалинский двор князя «носил следы административного центра. Штат лиц, окружавших Симеона Бекбулатовича (был) очень разнообразен и пестр по своему составу» (Русский биографический словарь. Буква С. С. 469). В Кушалине князь построил небольшой храм, сохранившийся до нашего времени.

Воздвигнутый на холме, с прекрасно развитым шатром, вырастающим из стен, храм заканчивается небольшим фонарем с луковичной главкой, увенчанной крестом. Классическая простота наружных стен, стройность конструктивных линий придают ему особенную привлекательность. Окруженный в древнее время лесами, в которых князь развлекался медвежьей и соколиной охотой, этот храм должен был производить чудесное впечатление.

Массивные позднейшие постройки колокольни и трапезной церкви, непосредственно приткнутые к нему, закрывают его с западной стороны. Древний храм как бы стремится вырваться из насевших тяжелых масс новых построек, но громада летнего пятикупольного храма, типичного для тверского церковного зодчества первой половины XIX в., с фронтонами и массивными колоннадами, построенного немного поодаль почти в одну линию с храмом Симеона, как бы преграждает ему путь. Стесненный и сдавленный своими мощными соседями, княжеский храм как бы приник, приземлился, но не потерял своего обаяния, привлекая внимание тою

земщины; выставляя себя особым опричным князем московским. Иван как будто признавал, что вся остальная Русская земля составляла ведомство совета, состоявшего из потомков ее бывших властителей, князей великих и удельных, из которых состояло высшее московское боярство, заседавшее в земской думе». В отделе «Толки и слухи про Бориса» (*Ключевский В. О.* Курс русской истории, т. 3, с. 28), читаем следующее: «Бывший земский царь, полузабытый ставленник Грозного Семен Бекбулатович, ослеплен под старость, ослеплен (по слухам А. А.) всё тем же Борисом Годуновым. По мнению С. Ф. Платонова, эпизод с Симеоном Бекбулатовичем был какою-то игрою или причудою, смысл которой неясен, а политическое значение ничтожно». — *Прим. А. Андреева*.

простотой и художественною законченностью своих форм, которые так выгодно отличают его от главных зданий.

Вы входите чрез узкие и низкие полукруглые южные двери внутрь. Храм кажется и больше и выше; высокий, совершенно открытый шатер переходит в фонарь, освещенный через узкие просветы. Вы во власти художника-архитектора и чувствуете ту любовь и тот вкус, которые отлились более 300 лет тому назад в каменные формы. При обозрении подобных памятников начинаешь понимать, почему архитектура относится к лирическим искусствам. Не создавая в художественном смысле образов, архитектура, как и музыка, вызывает прилив чистых, возвышенных чувств, создает настроения.

Стены княжеского храма покрыты редкими картинами al fresco[1] на евангельские сюжеты; мутная живопись настенных картин и изображений в иконостасе — всё нового письма — не мешает вам, она поглощается красивыми архитектурными формами храма.

Когда раздались молодые, свежие голоса экскурсантов, певших всенощную, звуки стремительно понеслись кверху, ударились в колосники и стройным аккордом растаяли в глубине шатра.

От древности здесь сохранилась только одна икона Смоленской Божией Матери, которою, по преданию, благословил Симеона Бекбулатовича при крещении его восприемник — митрополит.

«Помянух дни древние, поучихся во всех делех Твоих, в творениих руку Твоею поучался...» — читал известный по Твери чтец, преподаватель гимназии Н. И. Прохоров. Слова псалма получали особенный, новый, более широкий смысл, становились ближе, современнее и понятнее. Необычайная служба (всенощная в деревнях не служится с вечера) привлекла много крестьян; храм быстро наполнился; молящиеся стояли на ступенях крыльца и около храма. Забыта усталость после пройденного пути (всенощная служилась «с ходу», без отдыха для экскурсантов). Голоса крепнут, чтец в особенно хорошем настроении. Чувствовалось, что все захвачены одним настроением, может быть и не совсем ясным для сознания, но бодрым, радостным и чистым. На следующий день была отслужена литургия. Несколько слов пред панихидой по князе Симеоне, сказанных о. Флеровым народу не с аналоя, а просто среди храма о значении нашего паломничества, были прекрасным заключительным аккордом для того общего впечатления, которое сложилось от пребывания в Кушалине.

Воображение невольно рисует то время (а оно уже близко), когда культурно-исторические экскурсии нашей учащейся молодежи сделаются обычным явлением; когда родные места сделаются сознательно дорогими, что, в свою очередь, укрепит и чувство; когда десятки, сотни таких экскурсий станут лицом к лицу с народом на той почве, где меньше места

[1] Фресками.

для тягостных подозрений и несправедливых нареканий, и, может быть, такое «хождение в народ» рассеет в последнем своеобразные представления о городской жизни и об учащихся. Этими путями могут проникнуть в гущу народа элементарные культурные понятия о бережном отношении к старине и должном отношении к предкам.

А. Андреев

Храм-памятник
Село Кушалино Тверского уезда

Век злополучный, ужасный век Грозного!
В вечность ты канул, век мрака и варварства!
Хочется верить, что не был ты недругом
В царстве Московском, в Руси нашей матушке.
Хочется мифом счесть страшное прошлое:
Лобное место, застенки кровавые…
Хочется верить, что не было Грозного:
Выдуман Грозный царь, выдуман ворогом…
Русь православная, Русь богомольная!
Что у ней общего с мрачной эпохою,
Временем лютости, страшной жестокости?
Выдуман Грозный царь… не было лютости,
Не было гнева, опалы-немилости!
Но храм этот памятник… разве не быль сама,
Истина точная, не легендарная?..
Древностью веет от каждого атома…
Имя строителя — имя бесспорное,
Имя известное и безупречное…
Жертва прошедшего времени мрачного,
Времени пыток… времени Грозного.
Царь… лишь на час один, «милостью» Грозного,
Проще, капризом иль прихотью царскою.
«Милостью» был он пожалован скипетром,
«Милостью» сослан в Кушалино — вотчину…
Скольких страданий невольным свидетелем
Был этот памятник — храм «древле созданный»!
Трудно учесть нам, представить бессильны мы
Все эти вздохи опального ссыльного!
Пусть же уроком послужит нам храм этот,
Храм стародавний, символ терпения!
Пусть поучает нас кроткой покорности
Воле великой Творца, Провидения!

Н. Прохоров

Монастырь «Труд и молитва»[1]

…Вот мы уже на дороге к конечной цели нашей экскурсии — монастырю «Труд и молитва». Тихо, мрачно, темно. Солнце с утра прячется за туманом и дождем, небо смотрит холодно и неприветливо. Тучи сгущаются. Всё больше и больше заволакивается небосклон; облака несутся одни за другими; голубое пространство виднеется только сквозь редкие промежутки между ними. «Петроградское» небо то и дело моросит на землю мелким дождем. С севера дует холодный, пронизывающий насквозь ветер. В воздухе сырость, проникающая до мозга костей, как глубокая, тихая, молчаливая печаль. Так и кажется, что надвигается темной и сырой тучей злая осень, пора мрака, уныния и молчания.

Виды природы своей непривлекательностью почти наводят тоску. Кругом поля, кочки, болота, а по временам, в виде редкого исключения, дрянненький лес.

Все идут понуря головы, ожидая с нетерпением конца этого наводящего только скуку путешествия. Глаза напрасно пронизывают острыми взглядами туманные дали: монастыря пока еще не видно. Входим в какую-то деревню.

— Тетушка, далеко ли до монастыря? — спрашиваю я первую встречную бабу у околицы.

— Да недалече, дорога прямая отсюда, хорошая. Скоро дойдете.

Быстро удаляемся от деревушки, сопровождаемые любопытными взглядами ее обитателей и оглушительным лаем собак. Слова бабы оправдались как нельзя лучше. Дорога стала подниматься в гору среди зеленых посевов, переходивших там, в затянутой синей дымкой дали, в высокий лес, манящий к себе тысячами голосов порхающих в зеленой листве пташек.

Да и погода, к счастью, переменилась. Ветер стих; облака побежали по небу точно стадо испуганных лебедей. Небо начало понемногу проясниваться.

Взошли на пригорок, и глазам представилась чудная панорама. Кругом волнуются, точно океан, посевы, между которыми прихотливо извивается дорога. Повсюду виднеются разбросанные очень живописно деревушки, всюду мелькают озерки, меленькие речки с причудливо

[1] Общежительная женская община «Труд и молитва», д. Савиха Тверского у., 27 в. от Твери (ныне д. Коммуна Рамешковского р-на). Основана в 1910-х гг., загородное хозяйство тверского Христорождественского монастыря по инициативе священника А. Ф. Былинкина. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы с приделами Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня и Всех Святых на противоположном берегу Кушалки в с. Волково (1910; на месте деревянной, 1903). Начальница общины монахиня Анна, родная сестра А. Ф. Былинкина; земля под церковь и монастырь куплена его сыном. Община закрыта в 1920-е гг. См.: Справочная книга по Тверской епархии. Тверь, 1915; Рамешковский район. Населенные пункты. Тверь: Альба, 2001. Энциклопедия «Тверская деревня».

разбросанными мостиками. А там... на горизонте вырисовывается высокий шпиль церкви. Это монастырь. Пропала усталость, лица всех просияли, забыли только что перенесенные невзгоды. Прибавили шагу, и вот мы у цели путешествия. Огибаем церковь и идем дальше к белому домику, где встречаем очень радушный прием, которого и не ожидали.

Перед всенощной, желая воспользоваться оставшимся свободным временем, я пошел осматривать монастырь, поразивший меня своей оригинальностью. Прямо перед взорами раскинулся большой, старый, окруженный частоколом сад. Захожу. Фруктовые и нефруктовые деревья расположены без всякого порядка; аллеи сада не расчищены и почти сплошь заросли травой. Листья и трава еще свежи и не успели принять летних и тусклых тонов.

«Тюи-вить, пуль, пуль, пуль, тррр...» — заливается где-то в густой зеленой листве соловей. К нему скоро присоединяются голоса других птичек, и сад оглашается их несмолкаемым пением. Наслушавшись вдоволь птиц, отправляюсь дальше. Постройка монастыря солидная, богатая. В основу их не легла художественная идея, нет творческого замысла: прочно, удобно, и только! Видно, что хозяйствовать прежде всего составляет необходимую принадлежность монастыря.

В заключение приходится сказать, что нужно заглянуть сюда, в это поистине оригинальное монастырское царство, чтобы убедиться, как может деятельно, продуктивно течь жизнь. Жизнь монастыря идеальная в полном смысле этого слова. Принципами жизни и могут только являться труд и молитва.

Мелодичный гул колокола сзывает в храм богомольцев. И мы следуем их примеру. Пропев всенощную, полные разных впечатлений, тронулись мы в сумерках быстро опускающегося вечера в обратный путь.

Ученик 7 класса *А. Раевский*

Экскурсия в Кузнецово[1]

19 мая экскурсанты собрались на пристани Коммерческо-Крестьянского пароходства.[2] Было предположено в 11 часов вечера выехать в Корчеву, с тем чтобы оттуда отправиться к Петровским озерам.[3] Ожидался пароход «Михаил». Но неожиданно все наши планы расстроились: в 2 часа ночи была получена телеграмма, что «Михаил» сел в Савёлове на мель, а «Георгий» выйдет завтра в Тверь. Началось оживленное обсуждение нашего положения, и Петр Петрович решил, что придется отказаться от поездки на озера, похлопотать у начальника

[1] О с. Кузнецово (ныне районный центр Конаково) см. путешествие Г. Г. Москвича.

[2] Коммерческо-крестьянское пароходство по рекам Волге, Мологе и Шексне (1904—1918) создано в Рыбинске для нужд местных крестьян и купцов, действовало на Верхней Волге между Рыбинском и Тверью и по Мологе и Шексне.

[3] Петровские, Оршинско-Петровские озера — группа озер в Тверской обл.

дистанции, чтобы нам предоставили казенный пароход, и отправиться в Кузнецово.

После этого мы разбрелись по домам. Я отправился по берегу Волги. Была светлая, холодная ночь; на востоке стало чуть посветлее; ветра не было, за Волгой лаяли собаки, и изредка доносился человеческий голос; все огни потухли.

20 <мая> утром, взяв свои вещи, я отправился на самолетскую пристань и стал ожидать решения нашей участи. В это время Петр Петрович вел переговоры с начальником дистанции, и наконец нам было разрешено ехать на катере № 13. В два часа дня, уложив наши вещи, мы отправились.

При выезде из Твери мы решили сделать небольшую остановку в Едимонове[1] и осмотреть часовню.[2] Мы высадились и отправились к часовне. Только что мы туда пришли, как нас буквально облепили комары. Когда мы снимались, то было нельзя сидеть спокойно ни минуты. Часовню осмотреть не удалось: она была заперта.

В 9 или 10 часов вечера мы прибыли в Кузнецово. Петр Петрович уехал к директору фабрики просить разрешения переночевать в заводской школе,[3] а мы, забрав свои вещи, пошли на фабрику. Идти пришлось довольно долго, и я порядочно устал. При входе в Кузнецово нас обогнала часть экскурсантов с Алексеем Ивановичем, и мы отстали и не знали, куда идти. Было уже темно, когда мы подошли к школе. Но как мы ни стучали, никто двери не отворял. Тогда мы повернули обратно с намерением идти на катер. Проходя мимо чайной, мы заметили одного экскурсанта, который сказал нам, что все экскурсанты тут пьют чай. Напившись чаю, мы уже в полном составе отправились к школе. На этот раз двери были отперты стариком сторожем. На полу одного из классов была положена солома. Сейчас же мы расположились на ночлег. Через полчаса мы уже спали.

21 <мая> утром я и экскурсант Добряков встали одними из первых и, умывшись, перелезли через забор, отделявший старообрядческую церковь[4] от школы, и отправились осматривать церковь. Старообрядческая церковь совсем новая. Она очень красива и построена в древнерусском стиле. Мы взглянули туда. Там шла служба, и мы вышли обратно. Когда мы возвратились, все уже встали. После чая в 9 часов мы отправились к директору фабрики и были гостеприимно угощены завтраком. После завтрака пошли осматривать фабрику.

---

[1] С. Едимоново Корчевского у. (ныне Конаковский р-н).

[2] Часовня Михаила Тверского на Святой горе близ с. Едимонова (последняя треть XIX в.) на месте, где, согласно легенде, князь Михаил прощался с семьей перед отъездом в Орду.

[3] Начальное народное училище М. С. Кузнецова (1883) для детей рабочих и служащих фабрики, с 1949 – школа № 4 г. Конаково.

[4] Старообрядческая церковь (1915) построена на средства Товарищества М. С. Кузнецова, закрыта в 1928 г., взорвана в 1936 г. при строительстве Иваньковского вдхр.

Там мы познакомились с производством фарфоровых вещей. Осмотр продолжался три часа. В помещениях фабрики вентиляция плохая и много пыли. Рабочие при горнах работают в очень сильной духоте, пыли и без света. Две трубы из горнов день и ночь извергают пламя.

Часа в 3 экскурсанты направились бором в Сучки, где осмотрели церковь, живопись которой принадлежит кисти здешнего помещика князя Гагарина. Церковь большая, и живопись очень искусно, художественно исполнена. Затем была осмотрена маленькая церковь около Сучков.[1] Возвращались обратно тем же путем. Бор по пути из Кузнецова в Сучки сухой и очень красивый.

Вечером нами во главе с Петром Петровичем была устроена рыбная ловля на Волге, закончившаяся полнейшей неудачей. Когда мы возвратились, то после чая играли в горелки и устроили бега.

22 <мая> в 6 часов утра мы были уже на катере, а через десять минут катер отправился. До самого Оршина монастыря не произошло ничего особенного, за исключением чуть было не случившейся катастрофы с катером. Невдалеке от Кузнецова стоял паром; канат его зацепился за киль и грозил поломать винт. Но канат благополучно соскользнул. В Оршином монастыре была устроена остановка, и мы осмотрели храм и предметы, найденные под полом храма в прошлом столетии. Найденные предметы относятся к Смутному времени. Там нам раздали книжки «Оршин Вознесенский монастырь» — историческое описание.[2]

Мы прибыли в Тверь в 6 часов вечера, т. е. через 12 часов после выезда из Кузнецова.

Дома нас ожидала радостная весть: наши войска на фронте генерала Брусилова перешли в наступление на 400-верстном фронте от реки Припяти и до Румынской границы.

Ученик 3 класса *Вл. Рождественский*

---

[1] С. Сучки Корчевского у., затоплено при строительстве Иваньковского вдхр. Церковь Николая Чудотворца (1844) на месте упраздненного монастыря Николы Чудотворца на Сучку (первая треть XVI в.) разрушена при строительстве Иваньковского вдхр. Гагарин Григорий Григорьевич, князь (1810—1893), живописец, вице-президент Академии художеств (1859—1872), член Русского архивного общества (1878).

[2] Оршин Вознесенский женский монастырь при впадении р. Орши в Волгу (не позднее XIV в.), до 1903 г. мужской. Закрыт в 1919, возрожден в 1992 г. В 1846—1847 гг. при замене в храме Вознесения Господня (XVI в.) кирпичного пола на деревянный были найдены богослужебные предметы (см. путешествие С. М. Прокудина-Горского). Оршин Вознесенский монастырь: историческое описание / сост. Е. А. Веригин; изд. Тверской ученой архивной комиссии. Тверь: типолит. Н. М. Родионова, 1913.

По Волге — от Твери до Кузнецова
Из путевого дневника

Жара понемногу спадает. Небольшой пароход № 13 плавно идет вниз по Волге, подгоняемый попутным ветром и течением. Все пассажиры вышли на палубу полюбоваться картиной природы. Уже давно предместья города остались позади. Солнце ослепительным светом заливает окружающую местность и всеми цветами радуги переливается в журчащих водах реки. Кругом тишина, изредка нарушаемая резким криком чаек, испуганных стуком мотора, который тысячами голосов повторяет эхо. Величественные леса раскинулись по берегам. Их темно-зеленая хвоя так и манит к себе. Где-то в безоблачной выси льется серебристая трель жаворонка. Быстро бежит № 13, уходя от попутной волны. Вот потянулись по берегам сёла. Церкви живописно расположились по обоим берегам реки; их посеребренные купола горят на солнце. Стадо коров, внезапно потревоженное среди покоя, удивленно провожает глазами быстро бегущий пароход. Но внезапно река делает крутой изгиб. Быстро вертит рулевой штурвал, и, повинуясь рулю, № 13 мягко режет кормой серебристую гладь реки. За поворотом на горизонте появляется какое-то судно, напоминающее издали современный броненосец. Вот оно всё растет и растет. Уже можно различить надпись «Верхневолжская № 2». — Это землечерпалка, углубляющая один из мельчайших перекатов верховьев Волги. Неподалеку от нее на баркасе работают водолазы. Машинист смотрит машину: шум мотора утихает, и слышно, как киль идет по песку. Причалили. Капитан землечерпалки встретил нас у трапа и любезно предложил осмотреть устройство парохода. Первое отделение было машинное. Бóльшую часть его занимали двигатели, а в меньшей части помещалась динамо-машина, дающая освещение всему пароходу во время ночных работ. Во всём отделении стоит специфический запах машинного масла. Пользуясь перерывом в работе, мы осматриваем цепь ковшей. Груды песку захватываются ими и перекидываются в рядом стоящий бак. В котельном отделении — адская жара, и поэтому немногие решились туда заглянуть. Пока мы осматривали пароход, вода для чая закипела. Уже наполнены чайники, и наш пароходик двигается дальше. Снова замелькали села, потянулись леса со своими гигантами соснами. Вдали показалось место прощания тверского князя Михаила Ярославича со своей княгиней Анной. Пароходик плавно подошел к берегу. Бросил якорь. Все гурьбой высыпали на берег и через зеленый луг, покрытый свежей травой, направились к часовне, построенной на этом историческом месте. Гиганты деревья расположились вокруг небольшой каменной часовенки так, что с Волги нельзя и подозревать ее присутствия. Но лишь только экскурсанты вошли в лес, как тысячи комаров, уже, наверное, давно не видавших живого существа, накинулись на них с отчаянной смелостью. Вид часовни снаружи неказистый: штукатурка местами пообвалилась, стекла большей

частью выбиты, а те, которые остались, грязны до невероятности. Дверь в самую часовню заперта. Но чрез выбитые наружные стекла можно различить картины и иконы, находящиеся внутри ее. Главная из них и изображает прощание князя со своей княгиней. Снявшись около часовни и под гигантскими соснами, мы, спасаясь от комаров, поспешили на катер, который приготовился к отплытию. Вскоре вдали показалось село Воскресенское — место впадения реки Шоши в Волгу, после чего Волга заметно полнеет и расширяется. Село Воскресенское живописно раскинулось по обоим берегам реки Шоши, которые как бы срезаны: до того круто они обрываются к реке. На самом краю берега расположилась школа, немного поодаль от нее церковь[1] с колокольней, посеребренная маковка которой видна издали. Уже потянуло вечерней прохладой, и часа через два в вечерних лучах заходящего солнца показалось Кузнецово или, вернее, Кузнецовская пристань, окруженная баржами с дровами. Вот она всё ближе, ближе, наконец заскрипели сходни, и мы пристали. Быстро вынесли свой небольшой багаж на берег. Уже совсем стемнело. В растянувшейся по берегу небольшой березовой роще раздавалась трель «певца Авроры», не испугавшегося даже шума, поднятого неожиданными гостями. Захватив свои портпледы, мы быстро пошли по дороге в Кузнецово. В вечерних сумерках показались фабричные трубы с огненными языками, придававшими зловещий колорит местности. Через несколько минут мы уже входили в Кузнецово. Сразу бросается в глаза масса битых тарелок, которыми усыпаны улицы от грязи, которая без этого бы была буквально непролазной, так как местность кругом болотистая. Вот мы уже в фабричной школе, которая любезно предоставлена администрацией фабрики для нашего ночлега. Оставив свои вещи в школе, мы отправились подкрепиться в здешнюю гостиницу, в которой общее внимание привлек мальчишка-официант. Когда начали его спрашивать, есть ли у них мороженое, кофе, какао и т. п., он на все вопросы неизменно показывал нам кулак, что вызывало общий смех. Напившись чаю и закусив «чем Бог послал», экскурсанты отправились на ночлег в отведенную школу. Долго еще не могли успокоиться деревенские собаки от поздних голосов на улице, а мы, добравшись до ворохов настланной в одном из классов соломы, устроили себе примитивные постели, и вскоре в комнате водворилась тишина, нарушаемая лишь храпом юных путешественников да стуком ночного сторожа в чугунную доску (по старинному обычаю, так как большинство жителей — старообрядцы).

Воспитанник 8 класса *С. Чулицкий*

[1] С. Воскресенское-на-Шоше (д. Шоша) Клинского у. Московской губ. и церковь Воскресения Словущего (XV в.) уничтожены и затоплены при строительстве Иваньковского вдхр. (1936). Р. Шоша — правый приток Волги.

Остановка в Едимонове

Еще издалека увидали мы часовню села Едимонова, где решено было сойти на берег, чтобы осмотреть часовню, которая отстоит от берега приблизительно на ¼ версты. Лишь только наш пароходик пристал к берегу, как все экскурсанты уже были на берегу и тотчас направились к часовне. Погода была настоящая майская — солнце еще не жгло, но как-то приятно ласкало. Минуты, пройденные нами до часовни, показались мигом. Самая часовня, окруженная вековыми соснами, стоит на высоком валу. Вид с этого вала прекрасный: по одну сторону серебрилась ровная гладь Волги, а по другую зеленел огромный овраг, весь заросший лесом. Часовня, по преданию, построена тверским князем, который, охотясь, встретил на этом месте одну красивую едимоновскую девушку, на которой он потом и женился. До этой часовни, как говорит предание, провожала Анна Кашинская своего мужа Михаила Ярославича, ехавшего в Орду. На обратном пути к Волге экскурсанты расположились на берегу одного ручейка. Как приятно было сидеть на зеленой лужайке, слушая журчание этого ручейка! Небо, лес, луг — всё казалось таким очаровательным, что тут, кажется, можно было бы сидеть без конца, но пришлось торопиться в Кузнецово, и с сожалением расстались мы с этим прелестным уголком.

Ученик 7 класса *И. Алексеев*

Поездка в село Кузнецово
Воспоминания экскурсанта

День стоял прекрасный, когда экскурсия выехала из Твери на катере № 13, направляясь в Кузнецово. Свободно дышала грудь на просторе реки после пыльных улиц города. Забираешься на нос парохода и любуешься развертывающимися видами. Очень живописны часто попадающиеся села со своими точно точеными, издали, колокольнями церквей; особенно красиво село Городище.[1] Вот вдали показалась какая-то темная масса. Подъезжаем ближе; оказывается — землечерпалка. Пристаем и, пока матросы с нашего катера берут кипяток для чая, осматриваем ее. Поражаемся громадными черпаками, в которых мог бы свободно поместиться десятилетний ребенок; заглядываем в машинное отделение, но жара быстро выгоняет нас оттуда; к тому же раздаются свистки, зовущие нас на катер. Уселись. Продолжаем свое путешествие. Следующая остановка в Едимонове. Собственно Едимонова мы не осматривали, а видели часовню, поставленную на месте прощания князя Михаила с княгинею Анной. Могучие ели окружают часовню, расположенную над обрывом, и нужно признаться, что красивее место трудно найти. Сама же часовня ничего из себя не представляет. На

[1] С. Городня либо Старое Мелково Конаковского р-на (см. путешествие В. М. Сидорова).

обратном пути к берегу (часовня в полуверсте от него) мы сделали несколько фотографических снимков. Снова поместились на катере и отправились дальше. Один из учеников всё время пытался петь, но никак не мог добиться сочувствия остальных. Вспоминаешь переезд по Селигеру в экскурсии к Волговерховью, когда с кормы парохода неслась дружная песня. День уж начал клониться к концу.

— А скоро Кузнецово? — спрашиваю я рулевого.

— Да через час будем, — отвечает тот.

Медленно тянется этот час. Наконец вдали показываются пристани — Кузнецово. Выходим и отправляемся к заводу (верстах в двух от берега). Добираемся туда уже после захода солнца. Пьем чай в гостинице и устраиваемся на покой в отведенной нам школе. Но экскурсанты, возбужденные массой новых впечатлений, долго не могут заснуть, и только после настойчивого требования нашего руководителя Петра Петровича все мало-помалу умолкают и засыпают.

На другой день после осмотра завода экскурсанты часа в 4 дня отправились в село Сучки. Сучки замечательны церковью и кладбищем при ней. На этом кладбище похоронены князья Гагарины и известная исследовательница Тверского края Юлия Густавовна Гендуне.[1] Неинтересная снаружи, церковь поражает внутри своей прекрасной живописью. Над ней много поработал князь Гагарин, и каждая мелочь в ее отделке носит отпечаток продуманности. На кладбище находятся два памятника, которые произвели на меня большое впечатление своею простотою и в то же время художественностью. Оба просты: кресты, один из белого, другой из серого мрамора, но все части их удивительно пропорциональны, кроме того на них нет бьющей в глаза позолоты, и это только прибавляет торжественности. На могиле Ю. Г. Гендуне отслужили панихиду, причем пели сами экскурсанты. Вскоре после этого мы возвратились в Кузнецово и, забрав удочки, пошли на Волгу половить рыбки. Но сколько ни стояли, так и не нашлось на долю наших рыболовов ни одной рыбешки.

Часов в 9 окончательно пришли в школу и легли спать, а на другое утро выехали обратно в Тверь.

Ученик 8 класса *М. Апыхтин*

День в селе Кузнецове
Из впечатлений экскурсанта
Осмотр фабрики. Посещение старообрядческой церкви

На другой день по прибытии в с. Кузнецово мы отправились осматривать фабрику. Видом своим она нисколько не отличается от

[1] Гендуне Юлия Густавовна (1869—1903), действительный член Императорского археологического института и ТУАК (с 1903). Последние годы жизни провела в д. Плоски, с. Карачарове и с. Сучки Клинского у. (ныне Конаковский р-н).

тысячи подобных фабрик: несколько высоких труб и с десяток грязных в беспорядке разбросанных зданий составляют общий вид фабрики; только огненный столб, аршина в два длиною выходящий из огромной трубы, привлекает общее внимание. При входе на фабрику мы были поражены массой битой посуды: части всевозможных тарелок, чашек, ваз и другой посуды валялись везде: ими была выложена мостовая, они же составляли русло протекавшей по фабрике речки.

Для разъяснений и указаний нам был предоставлен проводник-мастер, специалист по всем отраслям посудного производства, и под руководством его мы направились в главный корпус. Спустились вниз, в полутемное здание. Это — дробильня. Пять-шесть жерновов, аршина по 3 диаметром, вращаются по окружности (посредством приводов) и своею тяжестью превращают в порошок огромные камни кварца, полевого шпата и др.; два-три рабочих лениво похаживают вокруг жерновов и время от времени кидают под них камни.

Во втором отделении полученный песок сыплют в баки с водой и подогревают в течение 5 часов; образуется жидкое тесто, которое в следующем отделении охлаждается и прессуется, — получается «масса», из которой и приготовляется посуда. Поднимаемся наверх, где вырабатываются чайники и тарелки. Огромное помещение. За столами, тянущимися во всю длину мастерской, сидят десятки мужчин и женщин; подле каждого из них находится форма внешней поверхности чайника, тарелки и других вещей; формы эти вращаются; туда рабочий бросает часть «массы» и вкладывает нож, неподвижно укрепленный на столе и изогнутый по кривизне выделываемого предмета; при вращении лишняя часть массы отсекается и выбрасывается на стол, а в форме получается уже готовый предмет, только еще сырой; подмастерье осторожно берет приготовленную вещь и относит для просушки; вследствие этой просушки температура в мастерской всегда очень высокая.

Просушенные вещи купают в глазури, затем укладывают в глиняные футляры и ввозят на вагонетках в горны, температура которых достигает до 2 400°; здесь все вещи остаются в течение недели и получают окончательную крепость, причем глазурь делается блестящею и ровным крепким слоем облегает посудину. Посуда готова, остается ее проштемпелевать. Несколько работниц с изумительною быстротой и ловкостью печатают груды тарелок.

Длинными коридорами пробираемся мы в красильные отделения; в проходах везде навалена самая разнообразная посуда, и надо идти очень осторожно, чтобы как-нибудь не задеть и не разбить хрупких вещей. То и дело сзади кричат: «Берегитесь» — «Дорогу», — это рабочие таскают огромные ящики с «массой» или подростки быстро пробегают с большими досками, нагруженными посудой, на плечах.

Способы разрисовки довольно разнообразны; мы прошли около пяти отделений, осматривая различные способы ее производства. Некоторые

вещи разрисовываются от руки. Мастера очень быстро набрасывают на чайники и чашки изящные цветочки и другие рисунки. Опытный мастер ежедневно может разрисовать до 75 чайников с довольно сложными рисунками.

Быстрее производится разрисовка механическим путем. На чашку накладывается бумага с вырезанными частями рисунка, которые нужно окрасить, например, в зеленый цвет; вырезанные части опрыскиваются пульверизатором, содержащим зеленую краску, моментально высыхающую, — получаются все зеленые части рисунка; затем точно также поступают с красными частями рисунка, и т. д. до тех пор, пока рисунок не выходит весь. Некоторые рисунки, отличающиеся большею сложностью, переводятся на посуду сводными картинками, которые тут же приготовляются. При нас, например, на маленькие тарелочки сводили вид монастыря; работа получалась отчетливая и художественная. Готовые изделия отправляются в упаковочные и оттуда расходятся по всем частям нашей обширной родины.

Производство посуды на Кузнецовской фабрике очень велико. До войны там работало около 3 000 человек. Обширные склады фабрики всегда бывают наполнены всевозможными товарами: фарфоровыми, фаянсовыми, майоликовыми и др. Около пяти часов ходили мы по длинным зданиям фабрики, слушая неторопливые, обстоятельные объяснения нашего проводника, то задыхаясь от жары и дивясь выносливости и быстроте рабочих, то рискуя разбить горы там и сям разбросанной посуды...

Усталые выходили мы из фабрики, но мы были довольны: перед нами раскрылась еще одна тайна окружающей нас жизни.

Вечером отправились в старообрядческую церковь. Церковь старинная, со звонницей вместо колокольни. Звонили ко всенощной. Малиновый звон небольших колоколов медленно нарушал тишину, призывая последователей древлеотеческой веры на молитву. Скромно шли старушки и женщины в черных, а девицы в белых платках — символе незамужества. Вступили в церковь; при входе висит объявление, призывающее «господ посетителей из новой веры» не креститься, чтобы не смущать религиозного настроения молящихся. Женщины стояли по правую, мужчины по левую сторону; у всех лествицы — род четок, у стен сложены коврики... Протяжно распевают певчие, характерно произносит священник возгласы «и вóвеки веков». Служба отличалась благолепием и продолжительностью... Какое-то особенное настроение охватило душу... Чувствуешь себя как бы перенесенным в глушь заволжских лесов, в керженские скиты к гонимым «ревнителям древлеотеческой веры и святоотеческих преданий». Встают и яркие образы этих гонимых, так живо описанных у Мельникова-Печерского.[1]

[1] Мельников-Печерский Андрей (Мельников Павел Иванович, 1818—1883), писатель, исследователь старообрядчества.

Осмотрев храм, особенностью которого является фаянсовый иконостас, сделанный на фабрике, наслушавшись жалоб старого келейника об оскудение веры, о несоблюдении верующими преданий — о брадобритии и т. д. и заинтересовавшись его рассказом о недавнем посещении старообрядческим епископом этой церкви, мы возвратились на свою квартиру.

Ученик 8 класса *Виктор Владимирский*

Обратный путь из Кузнецова
Оршин Вознесенский монастырь

«Пора вставать, ребята!» — это были первые слова, которыми встретилось мое пробуждение. Да! а ведь сегодня обратно, вспоминаю я и, потягиваясь и зевая, начинаю одеваться. — Это было часов в пять, а в шесть часов мы, подкрепив свои силы, тронулись к берегу Волги, где стоял наш катер № 13 (довольно опасное число).

Пока разводят пары, мы смотрим в последний раз на окрестности и фабрику, виднеющуюся вдали, и передаем друг другу свои впечатления. Но вот, наконец, всё готово, и мы трогаемся в путь. — Прощай, Кузнецово!!!

Быстро мелькают перед глазами уже знакомые места; деревни чередуются с лесами и лугами, — вот Шоша, затем Городня — наша первая остановка. — Здесь решено брать кипяток для чаепития.

«Тихий ход, стоп!» — кричит рулевой. Катер встал, и наши экскурсанты, гремя чайниками, веселой гурьбою высаживаются на берег, спугивая при этом отряд деревенских ребятишек, которые, заподозрив почему-то в нас неприятеля, с громкими криками и плачем убегают вверх на гору. Через несколько минут, под градом совершенно неожиданно хлынувшего дождя, во главе с Яковом Робертовичем появляются отправившиеся в деревню экскурсанты и шумной толпою причаливают к нашему пароходу. Мы трогаемся дальше… Теперь Орша, а там и Тверь.

Первое не заставило себя долго ждать. Остановку в Орше решено было сделать с целью осмотреть самый монастырь, а главное, богослужебные предметы, найденные во время ремонта.

Наше появление было замечено монашенкой, которая, увидя нас, сначала приветствовала, а потом побежала докладывать матушке… Через минуту появилась издали настоятельница монастыря и очень любезно пригласила нас пройти в церковь, осмотреть священные предметы и самый храм, что мы и не замедлили сделать. Здесь мы пробыли около часа. Осмотрев всё достойное внимания, мы решили отправиться обратно, отклонив за неимением времени любезное приглашение настоятельницы откушать. Когда мы вышли из монастыря, то очень неприятно были поражены разбитыми звуками гармоники, так не ладящими с той тишиной и спокойствием, которые царят за стенами обители…

Быстро достигли мы берега Волги, уселись на катер и, кинув вокруг прощальный взгляд, отправились в дальнейший путь в родную нам Тверь.

Ученик 6 класса *А. Ильинский*

Обратный путь по реке Волге

Мы отправились из Кузнецова 22 мая в 6 часов утра. Погода чудесная. Утро приятно обдает своей прохладой. Тихо плывет на сером с голубыми клочками небе багровое солнце. Птицы заливаются во весь голос и хлопочут около своих гнезд.

До Волги дошли быстро. При солнечных лучах ее искрящаяся поверхность блистает отблеском расплавленного золота. Ожидающий нас пароход будит сонную окрестность своей оглушительной сиреной, давая тем знать, что он готов к отплытию. «Полный ход», — командует штурман, заменяющий здесь также капитана. На минуту катер скрывается в тумане серого дыма. Гулко заработала машина; быстро мы вынеслись на средину реки и поплыли мимо бесконечных зеленых берегов.

Проезжаем село Сучки. Невольно выступает перед умственным взором всё там виденное. В ореоле славы парит образ Юлии Густавовны Гендуне. Со смирением преклоняешь голову перед ее незабвенными трудами, перед ее горячей любовью к археологии, которой она посвятила всю свою жизнь.

Пароходик маленький, но уютный. Едешь по Волге и вспоминаешь ее истоки, где название *река Волга* для маленького ручейка, вытекающего из болота, звучит как-то натянуто, странно. Теперь в мыслях Волга там, при своих истоках, никак не вяжется с этой могучей и славной рекой, по которой мы едем.

Погода меняется, хмурится. Маленькая зловещая туча приближается с запада и постепенно облегает всё небо. Солнце быстро исчезает. Всё окружающее принимает бледный сероватый оттенок. Подул прохладный юго-восточный ветерок. Вода почернела, отяжелела и покрылась рябью по всем направлениям. Сделалось темно. Зигзагообразная молния прорезала небо и ударила в лес, зубчатой лентой синеющий на горизонте. Прогремел гром. И всё потом скрылось во мгле дождя, крупными каплями падавшего на землю.

Скоро туча прошла; исчезла темнота; река присмирела, вода приняла свой натуральный цвет; голубое небо отрадно засветлело вдали меж черных туч, как надежда в туманной жизни.

Опять поплыли мимо волжские берега, блестя на солнце высыхающей влагой. Трава стала свежее, зеленее, и деревья гордо подняли свои ветви с чисто вымытыми листками. В воздухе посвежело.

Выхожу на палубу. Быстро бежит пароход, оставляя за собой ленту бурого дыма. Так же гулко при всеобщей тишине работает машина.

Быстро проносятся мимо церкви, села, деревни. Словоохотливый рулевой сообщает их названия, но они скоро вылетают из памяти.

Погода меж тем разгулялась. Небо почти совсем свободно от облаков. Солнце, раскинув на облаках разноцветные огни, бросив косые лучи, покрыло лицо земли чудной позолотой. Ясно, отчетливо обозначились далекие предметы.

На западе показалась пятиглавая церковь. «Оршин монастырь», — бросает рулевой, внимательно следя в то же время за фарватером реки, богатой мелями, на которые попасть весьма неприятно. Из мелей особенно опасны перекаты, которые после весенних разливов, несущих ил и песок, очень часто меняют свое место и появляются там, где их в прошлом году не было. Лоцман поэтому должен хорошо знать фарватер реки и быть настороже каждую минуту.

Пароход внезапно делает крутой поворот, и мы подходим к берегу, вернее останавливаемся в нескольких саженях от него. Жалкий, с трясущимися руками старик свозит нас на берег. С версту приходится идти по тропинке, потом перешедшей в колейную дорогу, проложенную среди обработанных полей. Входим в монастырь. Руководитель экскурсии директор Петр Петрович Чернышев объясняет встретившей нас монашенке, кто мы такие. Является игуменья и показывает все монастырские достопримечательности.

Оршин Вознесенский монастырь основан князем тверским Борисом Александровичем. До 1903 года был мужским, а с 1903 г. по резолюции архиепископа Тверского и Кашинского Димитрия стал женским. Монастырский храм Вознесения Христова является одним из древнейших храмов Тверского края. Освящен он был святителем и чудотворцем Варсонофием, епископом Тверским.[1] Это обстоятельство еще более увеличивает его значение. В 1846 году при ремонте храма нашли потир, дискос с тремя блюдами 7112 (1604) года, звездицу, лжицу, крест, кадило и две истлевшие иконы. А по снятии с престола срачицы в специально сделанном в доске углублении три антиминса 1567, 1610 и 1613 годов.

Напутствуемые пожеланиями игуменьи и всех сестер, мы трогаемся в обратный путь. Опять поплыли по Волге. А мимо по-прежнему мелькает то зеленая мурава луга, то лес, весь благоухающий бесчисленными цветочками, покрывающими его полянки, весь звенящий сотнями птичьих голосов, весь пронизанный закатными стрелами солнца, красным шаром повисшего над Волгой. Кончается лес, а на смену ему является Тверь, сияющая в пурпуре вечерней зари…

Ученик 7 класса *А. Раевский*

[1] Борис Александрович (после 1398—1461), великий князь тверской (с 1425). Архиепископ Димитрий (Димитрий Иванович Самбикин, 1839—1908), епископ Тверской и Кашинский (1896). Святитель Варсонофий, епископ Тверской, чудотворец Казанский.

Экскурсия 19—22 мая 1916 года

18-го мая 1916 г. нам, гимназистам 6-го класса, было объявлено о том, что 21-го мая состоится экскурсия на так называемые Петровские озера в Корчевской уезд. Наш уважаемый классный наставник, кроме желающих ехать в экскурсию, выбрал троих учеников от нашего класса, в число которых попал и я. Поездка по Волге на пароходе, потом по реке Сози на лодках, ночевки в земских школах — всё это было так заманчиво, что я с радостью ухватился за это предложение. Но тут наступило разочарование.

Утром 19 числа наш гимназический сторож принес ко мне на квартиру бумагу, в которой оповещалось, что по независящим обстоятельствам от начальства экскурсия будет не в Корчевской уезд, а всего только в приволжское село Кузнецово, и экскурсанты поедут не на самолетском пароходе, а на пароходе Крестьянско-коммерческого общества.

Но я примирился с этой первой неудачей и вечером в 9 ½ час., взявши необходимый багаж, отправился на указанную пристань в надежде найти там пыхтящий пароход, но жестоко обманулся в своих надеждах. Правда, все экскурсанты были в сборе, но парохода не было. Погода была далеко не теплая, а потому мы в ожидании парохода забрались в теплушку на пристани. Там в страшной давке и духоте, испуская носом и ртом самые дикие звуки, спали 2 бабы с ребятами на руках, расположившись на чужом багаже, в самых непринужденных позах. Тут же сидел пленный австриец с хитрой, плутовской физиономией.

От нечего делать мы приступили к нему с расспросами об Австрии, о духе австрийской армии и т. д., на которые он отвечал вяло и нехотя, часто отговариваясь незнанием русского языка.

Между тем мы частенько выбегали из теплушки и с нетерпением вглядывались в тьму: не блестит ли где фонарь парохода. Некоторые клевали носами. Так прошло в ожидании несколько часов, а парохода всё не было. У всех были разочарованные физиономии. Пробило 2 часа. Где-то за Тверцой запели петухи. Наконец пришла телеграмма, в которой говорилось, что пароход не придет до завтрашнего дня. Делать было нечего; мы положили свой багаж в кладовую и разошлись по домам со светлыми надеждами на завтрашний день.

Ночь, или вернее — остаток ночи, я проспал как убитый, но, проснувшись, почувствовал себя освеженным человеком. Наскоро умывшись и закусив, я помчался было на набережную, но нашел экскурсантов у входа казенной палаты.[1] Оказалось, что на всех отъезжающих пароходах не было мест, и только благодаря самой энергичной деятельности участвовавшего в поездке господина директора

[1] Тверская казенная палата (1776—1918) находилась на Восьмиугольной пл. (ныне пл. Ленина).

Петра Петровича нам пообещали дать катер № 13, с условием отправиться из Твери не раньше 1 часа дня. Делать нечего, пришлось покориться, и мы, сделав нужные закупки, заняли наконец предложенный нам катер. Это суденышко было так мало, что едва вместило всех 28 экскурсантов, причем многим пришлось расположиться даже на палубе. В единственной каюте этого катера царил известный комфорт. Пружинные атласные диваны по бокам маленького столика, висячие массивные подсвечники, развешанные по стенам каютки дезинфекторы — всё это поразило нас своею неожиданностью. Но этот катер имел и дурные свойства. Во-первых, от малейшей перегрузки на один бок давал сильнейший крен. Во-вторых, во время движения катер ужасно дрожал от действия мотора, так что вначале от непривычки нельзя было ни стоять, ни сидеть, ни лежать спокойно. И, наконец, от царящего на катере запаха горящей нефти (катер был теплоход) першило в горле и болела голова. Несмотря на эти маленькие неудобства (ведь это везде бывает), мы в живописных позах разместились на катере — кто в каюте, кто на верхней палубе (если так можно назвать потолок каюты и машинного отделения). У машиниста, угрюмого веснушчатого мужика в форменной фуражке, всё уже было готово к отплытию. Мы еще раз посмотрели на покидаемую и порядочно-таки надоевшую нам Тверь, и катер наш, сделав плавный и красивый поворот (я любовался им в эту минуту), поплыл «вниз по матушке по Волге», рассекая своей белой грудью довольно мутные волжские волны. Вот поплыло и осталось за нами женское епархиальное училище,[1] быстро скрылась высокая труба Коняевской мельницы,[2] и мы выехали на широкий простор приволжских лугов и когда-то дремучих лесов, чернеющих на горизонте.

Люблю я приволжские луга с их широким простором и пасущимися стадами скота; люблю и приволжские деревни с живописно раскинувшимися избами, сараями, с уносящейся ввысь белой высокой колокольней: как-то свободнее дышится груди и возбужденнее стучит сердце при виде этих родных, знакомых картин. Моему радостному настроению способствовала ликующая, победоносная весна, так дивно воспетая Пушкиным.

Не буду слишком отвлекаться в сторону, дабы не утомлять внимание читателя, а перейду к описанию дальнейших, уже значительно остывших впечатлений.

Вот выплывает из-за поворота реки большая синяя глава Оршина монастыря. Я беру у товарища бинокль и рассматриваю во всех деталях этот древний знаменитый монастырь, разоренный дикими литовцами в тяжелую годину Смутного времени. Тут же несет в Волгу свои прозрачные воды рыбная речка Орша.

[1] Тверское епархиальное женское училище (1895, закрыто 1918), наб. Степана Разина, 23 (ныне Детская областная больница).

[2] Коняевская мельница (1879, ныне Тверской мелькомбинат).

Уже приближается к нам красиво расположенное село *Юрьевское* с золотым крестом своей высокой колокольни,[1] а вот и высокая *Городня*. Едем дальше. На правом высоком берегу я различаю множество каких-то дырочек. Это гнезда ласточек и стрижей. И на самом деле я вижу фигурки ласточек, хлопотливо кружащихся над своими миниатюрными домиками. Но вот, наконец, знаменитое своим далеким прошлым село Едимоново и замечательно красивая Едимоновская часовня. Здесь по нашему «маршруту» значилась остановка. Катер ткнулся носом в мягкий прибрежный песок, и мы, столпившись на одном боку и сильно накренив суденышко, по очереди перепрыгиваем на берег. Перед нами открылась дивная картина. На высоком берегу Волги, сквозь столетние стволы высоких сосен, красовалась белая часовня причудливой древней архитектуры. Она замечательно гармонировала своей белизной с окружавшим ее темным сосновым лесом. Когда подошли поближе, то увидали железную массивную дверь и ведущую к ней гранитную, поросшую мохом и покрытую сухой желтой хвоей папертку. При этом Петр Петрович вкратце объяснил нам значение этой древней часовни как исторического памятника. При его объяснениях мне припомнилась когда-то в детстве мною прочитанная и заинтересовавшая меня книжка под названием «Княжой отрок». В ней в очень увлекательной форме рассказывалось о князе Михаиле, впоследствии замученном в Орде, — об его женитьбе на невесте «княжого» отрока Григория, простой крестьянской девушке из села Едимонова, которую князь увидал в монастыре во время службы. Отвергнутый жених хотел с горя утопиться, но ему помешали. Тогда он ушел в дремучий лес на берегу Волги и основал знаменитый теперь Отрочь монастырь.[2] Внутри часовни висела запыленная, облупленная икона, на которой был изображен князь Михаил, прощающийся со своей супругой перед тем, как ехать в Орду.

Налюбовавшись вдоволь на живописную местность, мы сели на катер и двинулись дальше. Наступала чудная майская ночь. Где-то кричал коростель. Воздух был так чист, что стук мотора отдавался в сосновом лесу тысячеголосым эхом. Все мы вышли на палубу, и далеко раздавалась наша дружная песня на широком волжском просторе. Катер по течению шел довольно быстро — 12 верст в час.

Вот мы проехали чернеющее в вечерних сумерках село Новое[3] и наконец причалили к Кузнецовской пристани.

---

[1] С. Юрьевское-Поволжское, от Твери 26 в. Церковь Трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого (1752). Разрушена в XX в.

[2] Видимо, книга Г. Т. Северцева-Полилова «Княжий отрок» (1912). Но вся рассказанная история связана не с князем Михаилом, а с его отцом Ярославом Ярославичем.

[3] С. Новое (Новоселье) на правом берегу Волги при р. Малой Каменке, в четырех верстах от Корчевы; каменная церковь апп. Петра и Павла (1788—1803); затоплено при создании Иваньковского вдхр.

Село Кузнецово почти не отличается от других населенных фабричных пунктов, разве только тем, что улицы его были покрыты битой фарфоровой посудой. Уже подходя к селу, мы увидали высокие трубы Кузнецовской фабрики.

В селе было много чайных, в одну из которых мы и зашли. В этой чайной были даже «чистые комнаты» — для «приезжих интеллигентов», как сказал мне половой. В этих комнатах ползали клопы и шуршали разорванными обоями тараканы. Попив чаю и закусив, мы двинулись в министерскую шестиклассную школу имени Кузнецова. Там, очевидно, нас ждали. В одном из огромных классов, прямо на полу была постелена прошлогодняя солома. Мы, утомившись за день, постелились на соломе и тотчас уснули, даже не поделившись своими впечатлениями.

Утром я пошел бродить по селу и зашел в старообрядческую церковь. Там шла обедня. Стояло 2—3 женщины и несколько гимназистов. Прежде всего мне бросились в глаза расписной фаянсовый иконостас и странной сердцевидной формы царские врата. На клиросе пели псаломщик и какой-то мальчик лет 12-ти, в черном длинном подряснике.

После чаепития пошли осматривать громадную фабрику. Некоторые пошли удить рыбу на речку Донкиховку.[1]

Внешний вид фабрики был очень красив, так как из труб вместе с черным дымом вырывалось саженное пламя. В фабрике нас поразила царящая там тяжелая атмосфера. В воздухе носилась мельчайшая фарфоровая пыль, от которой трудно было дышать. Сильно пахло скипидаром. Работали вентиляторы, но они мало помогали. Мы тщательно осмотрели машинное отделение, точильный, шлифовальный и печатный туннели. В машинном отделении всеобщее внимание привлекли колоссальные, быстро работающие жернова, которые растирали в порошок твердую фарфоровую массу. Везде, ни на минуту не отрываясь от дела, сидели за своими станками бледные, утомленные рабочие. «Вот, — подумал я невольно про фабрику, — Молох, портящий здоровье своих жертв-рабочих».[2] В печатном туннеле меня особенно поразила печатница штемпелей. Все удивлялись быстроте и ловкости ее рук.

С удовольствием вдыхали мы в себя свежий воздух, выйдя потными и грязными из фабрики.

После осмотра (все им остались довольны), сытно позавтракав у управляющего фабрикой, мы решили пройтись в соседнее село Сучки. Осматривали там кладбище, где обратили внимание на памятники 1) женщины-археолога Юлии Густавовны Гендуне, 2) князя Гагарина и его сына, геройски погибшего в бою при Цусиме.[3] На могилах были

[1] Имеется в виду р. Донховка, на которой стоит Конаково.

[2] Возможно, отголосок повести А. И. Куприна «Молох» (1896).

[3] Гагарин Григорий Григорьевич (18?—1905), поручик, младший судовой механик, участник Русско-японской войны (1904—1905); погиб на эскадренном броненосце «Император Александр III» во время Цусимского морского сражения (14—15 мая

отслужены местным священником, почтенным старичком, две панихиды, на которых было общее пение всех нас. Побывали в старой и в новой церквах, осматривая живопись. На обратном пути осмотрели местный кино-электро-театр,[1] который своим стилем очень напоминал американские небоскребы, только в малых размерах.

Переночевали опять в школе на соломе и рано утром отправились на своем катере уже «вверх по Волге-реке».[2] До Городни доехали благополучно. Но около Городни (мы там брали кипяток) наш катер сел на мель, и только общими силами нам удалось кое-как сдвинуть его с места. Не обошлось дело без брани между рулевым и машинистом. Этот последний сваливал на рулевого, а рулевой на него. Поехали далее. День был серый, моросил мелкий, надоедливый дождик. То и дело попадались маленькие и большие пароходы. При таких встречах гимназисты, особенно из младших классов, забирались в будку к рулевому, вертели там сирену, махали фуражками, кричали в рупор и т. д.

Так незаметно доехали до Оршина Вознесенского монастыря. Тут сделали остановку. К нам вышла настоятельница монастыря игуменья Сергия.[3] Она же показала нам все достопримечательности этого монастыря. Прежде всего мы осмотрели богослужебные предметы, найденные в земле под церковью: три антиминса 1567, 1610 и 1613 гг., кадило 1603 г., дискос и три блюда 1604 г. С историческим прошлым этого знаменитого монастыря можно познакомиться, прочитав брошюру Е. А. Веригина, несколько экземпляров которой раздала нам игуменья Сергия.

От Орши до Твери доехали незаметно. В заключение нужно сказать, что об этой экскурсии я вспоминаю с приятным чувством. Надо воздать должную благодарность уважаемому директору Петру Петровичу, по инициативе которого была организована эта поездка.

Ученик 7 класса *Л. Ветлинг*

1905).

[1] Электротеатр «Синематограф» в с. Кузнецово (1912–1913, арх. Н. А. Потураев) в стиле модерн, построен на основе корпуса водонапорной башни (местное название — «замок инженера Потураева»).

[2] Цитата из народной песни на основе стихотворения А. А. Шаховского «Вверх по Волге…» (1832).

[3] Игуменья Сергия, настоятельница монастыря (1909—1919).

Едимоново

Высокие сосны, высокие ели
По берегу Волги, могучей реки,
Немало столетий, сменяясь, смотрели,
Как катятся волны, проворны, легки...

Как кверху и книзу бегут пароходы
И целые груды товаров везут,
Что сбыли деревни, продали заводы,
Чем каждый накормлен, одет и обут...

А в прежние годы неслась над водою
Унылая песнь бурлаков-удальцов,
Тянувших канаты, шагая чредою,
И везших расшивы богатых купцов.

А то и другие картины встречались
По лону широкой, раздольной реки:
Без шума, без свиста, стремительно мчались
Богатые, в ярком убранстве стружки.

Бывало, и войско вдоль Волги ступало
Навстречу с коварным и лютым врагом, —
И всё населенье спасенья искало
В лесах и болотах, лежащих кругом...

Когда же татары страною владели,
И стон и печали царили везде,
То только князья об отчизне радели
И верную помощь являли в беде...

Бессмертная слава средь них выдели́ла,
Поставив превыше печальников всех
Великого князя в Твери Михаила,
Избравшего муки на место утех.

Спасая свой край от набега, раздора,
Отдал он московскому князю ярлык
Княженья великого, всё же укора
Не мог избежать от тщеславных владык...

Злокозненный Юрий пред ханом Узбеком
Как злого смутьяна его очернил,

Опасным представил его человеком
И в злобной измене татарам винил.

И князь Михаил, ни на что невзирая,
Поехал в Орду, чтоб смыть клевету,
Чтоб правды добиться, хотя б умирая,
Чтобы детям оставить свою правоту...

Княгиня и дети его провожали
Далеко по Волге, за верст пятьдесят;
И слезы у них по ланитам бежали,
И слышалось часто, как там голосят...

В сосновом бору, невдали от селенья
Едимонова порешил Михаил
Расстаться с семьею, исполнен волненья,
Но веря в поддержку Божественных сил...

В Орде Михаил был подвергнут мученью
По лживым наветам и был убиен,
Но Богом оправдан и, нам к поученью,
Нетленным в родимую Тверь возвращен.

То место, в котором пред смертью расстался
С княгинею Анною князь Михаил,
Чтоб памятник прочный навеки остался,
Народ построеньем часовни почтил.

Всё тихо кругом, как и встарь, пребывает.
Стоит неподвижно таинственный бор,
И только когда ветерок залетает,
Деревья о чем-то ведут разговор...

Века проходили, года всё летали,
Уж скоро шестьсот лет минует, пройдут,
А старые сосны, а старые ели,
Часовню скрывая, покой стерегут...

5 июня 1916 г.

П. Чернышев